

Annotation

Точно сама судьба обрушилась на прекрасную аристократку Элизабет Кэмерон. Осмелившись, имея жениха, полюбить другого мужчину, она потеряла все: и возлюбленного, и уважение общества... Два года страданий, затем — недолгие месяцы счастливого замужества, а потом — снова предательство, одиночество и боль. Удастся ли Элизабет когда —нибудь вернуть любимого и заслужить БЛАГОСЛОВЕНИЕ НЕБЕС?

- [Джудит Макнот](#)

- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)

- [Глава 28](#)
 - [Глава 29](#)
 - [Глава 30](#)
 - [Глава 31](#)
 - [Глава 32](#)
 - [Глава 33](#)
 - [Глава 34](#)
 - [Глава 35](#)
 - [Глава 36](#)
 - [Эпилог](#)
-

Джудит Макнот

Благословение небес

(Романтическая серия — 3)

Глава 1

Однажды на рассвете пятнадцать человек в синих с серебром ливреях вышли из ворот Хэвенхерста и отправились в путь. Все они имели при себе совершенно одинаковые послания от мистера Джулиуса Камерона, дяди некой леди Элизабет Кэмерон, которые нужно было в срочном порядке доставить в пятнадцать домов Англии.

Получателей этих посланий объединяло только одно: все они имели несчастье просить руки его племянницы леди Элизабет и получили категорический отказ.

Лицо каждого из этих пятнадцати джентльменов по прочтении письма в первый момент выразило шок. Затем на их лицах можно было прочесть сомнение, насмешку и злорадное удовлетворение. Двенадцать из них тут же ответили отказом на выходящее за рамки всех приличий предложение Джулиуса Кэмерона и поспешили к приятелям, чтобы поделиться с ними этой восхитительной, ошеломляющей новостью.

И только трое из получателей отреагировали так, как это было желательно графу.

Лорд Джон Марчмэн только что вернулся с охоты, которой посвящал все свободное время, когда в дом вошел слуга из Хэвенхерста, и лакей передал ему письмо. «Черт меня побери», — выдохнул Джон Марчмэн, закончив чтение. В письме черным по белому было написано, что мистер Джулиус Кэмерон хотел бы еще при жизни видеть пристроенной свою племянницу леди Элизабет Кэмерон, а потому собирается немедленно выдать ее замуж. Поэтому, писал мистер Кэмерон, он хотел бы пересмотреть ранее отвергнутое предложение руки и сердца лорда Марчмэна. Учитывая, что со времени, когда было сделано это предложение, прошло уже более полутора лет, мистер Джулиус Кэмерон предлагал направить к нему свою племянницу в гости (разумеется, не одну, а под присмотром какой-нибудь родственницы или компаньонки), дабы они могли «возобновить свое знакомство».

Не в состоянии поверить написанному, лорд Марчмэн походил по комнате и еще дважды перечитал послание целиком. «Черт меня побери», — проговорил он опять. Запустив пальцы в свои пшеничные волосы, он бессознательно оглядел стену напротив, увешанную его ценнейшими сокровищами — головами животных, убитых им в Европе и других частях света. Американский лось уставился на него остекленевшим взглядом,

рядом с ним сердито заворчала голова дикого кабана. Подойдя поближе, Марчмэн с неуместной в данном случае нежностью почесал лося за рогами, выразив ему этим жестом свою признательность за тот чудный день охоты, ознаменовавшийся этим трофеем.

Видение прелестной, кружащейся в танце танцующей Элизабет Кэмерон всплыло у него перед глазами — ее невероятно красивое, словно выточенное на камее лицо, зеленые глаза и нежные, улыбающиеся губы. Когда он впервые увидел ее полтора года назад, то сразу подумал, что это самая красивая девушка, которую он встречал в своей жизни. После второй встречи его настолько покорили простота и непосредственность этого прелестного семнадцатилетнего создания, что он помчался к ее брату делать предложение. Брат холодно отказал ему.

Очевидно, дядя Элизабет, который теперь стал ее опекуном, оценил Джона по менее жестким стандартам.

А может быть, за этим решением стояла сама леди Элизабет, возможно, те две встречи в парке значили для нее так же много, как и для него.

Встряхнув головой, Джон подошел к третьей стене, на которой были вывешены различные виды багров для рыбной ловли, и задумчиво выбрал один из них. Сегодня должна клевать форель, подумал он, вспоминая медовые волосы Элизабет. Ее волосы блестели на солнце, напоминая ему блеск чешуи прекрасной форели, плещущейся в реке. Эта аналогия показалась ему такой удачной и поэтичной, что лорд Марчмэн на мгновение застыл, потрясенный этим удачным сравнением. Он решил, что, когда Элизабет придет к нему в следующем месяце, сделает ей комплимент в точности этими словами. Лорд Марчмэн был первым, кто послал положительный ответ ее дяде.

Сэр Фрэнсис Белховен, четырнадцатый адресат Джулиуса Кэмерона, прочитал его письмо, сидя в своей спальне, завернувшись в атласный халат. Его любовница лежала на кровати в противоположном конце комнаты и ждала, когда он закончит читать.

— Фрэнсис, дорогой, — проворковала она, поскребывая ногтями по атласным простыням, — что в этом письме такого важного, что ты сидишь там, вместо того, чтобы лежать рядом со мной?

Он поднял голову и передернулся от звука, который она производила ногтями.

— Не рви простыни, любовь моя, они стоят по тридцать фунтов за штуку.

— Если бы ты любил меня, — ответила она, стараясь говорить не слишком ноющим голосом, — ты бы не думал об их стоимости. Фрэнсис Белховен был так прижимист, что временами Элоиза задумывалась, выгадает ли она что-нибудь, кроме одного-двух платьев в год, если выйдет за него замуж.

— А ты, если бы любила меня, больше пеклась бы о моем, кошельке, — последовал незамедлительный ответ.

Как в пять, так и в сорок пять лет Фрэнсис Белховен не был женат, однако он никогда не страдал от недостатка женского общества и без памяти любил представительниц слабого пола — их тела, лица, и опять тела...

Однако в настоящий момент ему был нужен законный наследник, а для этого требовалась жена. Весь последний год он довольно много размышлял, определяя для себя, каким требованиям (надо сказать, довольно строгим) должна отвечать та любимица фортуны, которую он в конце концов изберет. Он хотел, чтобы его жена была и молода, и красива, и к тому же располагала солидными средствами, дабы предотвратить посягательство на его собственные.

Поверх письма Джулиуса он бросил жадный взгляд на грудь Элоизы и мысленно добавил новое требование к своей будущей жене: она должна понимать, что его чувственные аппетиты очень сильны и он нуждается в разнообразии сексуального меню. Она не должна кукситься, как черносливина, только оттого, что он заведет тривиальную легкую интрижку или даже несколько. Он не намерен в сорок пять лет выслушивать от какой-нибудь девчонки ханжеские нотации о верности и морали.

Образ Элизабет Кэмерон еще больше выигрывал по сравнению с его обнаженной любовницей. Какой аппетитной маленькой штучкой она была два года назад, когда он делал ей предложение. Тонкая талия, пышная грудь, лицо... незабываемое. Ее капитал... адекватный. Однако после загадочного исчезновения ее брата пошли слухи, что она осталась почти без гроша, но из письма ее дяди явствовало, что она принесет мужу солидное приданое, а это означало, что слухи, как всегда, были только слухами.

— Фрэнсис!

Поднявшись, он прошел через комнату и сел возле Элоизы. Ласково положив руку ей на бедро, другой рукой он дотянулся до звонка.

— Секунду, дорогая, — сказал он, когда в спальню влетел слуга. — Проинструктируй моего секретаря, чтобы он отправил утвердительный

ответ, — сказал Белховен, вручая ему письмо.

Последнее послание было переправлено из лондонского дома Яна Торнтон в его загородное поместье Монтмэйн. Там, среди горы деловой и светской корреспонденции, оно и оказалось, ожидая своего часа. Ян Торнтон вскрыл послание Джулиуса Кэмерона, не переставая быстро надиктовывать инструкции своему новому секретарю. Чтобы принять решение, ему вовсе не потребовалось так много времени, как лорду Джону Марчмэну или сэру Фрэнсису Белховену.

Он смотрел на письмо в полном недоумении, в то время как его секретарь Петерс, получивший эту работу всего две недели назад, бормотал про себя благодарственную молитву за перерыв, не переставая писать так бегло, как только мог, пытаясь угнаться за быстрой диктовкой своего работодателя.

— Либо это чья-то ошибка, либо какая-то злая шутка. В противном случае, это невыносимо дурной вкус, — пробормотал Ян с окаменевшим лицом.

Воспоминание об Элизабет Кэмерон всколыхнулось в памяти Яна — маленькая, пустая, меркантильная кокетка с лицом и телом, которые, как наркотик, притупили его ум. Когда он встретил ее, она была помолвлена с виконтом. Видимо, она так и не вышла за своего виконта, — должно быть, бросила его ради кого-нибудь более высокого полета. Ему было хорошо известно, что представители английской знати вступали в брак только ради престижа и денег, после чего супруги искали выход своим нежным чувствам где-нибудь на стороне. Очевидно, родственники Элизабет Кэмерон снова вывели ее на брачный аукцион. Коли так, они, должно быть, чертовски жаждут сбыть ее с рук, если ради денег Яна готовы отказаться от титула... Это послание скорее всего чья-нибудь глупая шутка. Человек этот, без сомнения, не забыл слухи, которые ходили после того загородного уик-энда, и решил, что Ян найдет эту шутку забавной.

Отбросив мысли о шутнике и Элизабет Кэмерон, Ян перевел взгляд на своего замученного секретаря, который продолжал писать как сумасшедший. «Ответ не нужен», — сказал он и перебросил письмо через стол секретарю, но белый пергамент соскользнул с полированного дуба и плавно опустился на пол. Петере неуклюже подпрыгнул, чтобы поймать его, и вся остальная корреспонденция упала на пол с его колен.

— Пп-простите, сэр, — забормотал секретарь, вскакивая и сбивая в кучу бумаги, рассыпавшиеся по ковру. — Я чрезвычайно извиняюсь, мистер Торнтон, — добавил он, хватая контракты, приглашения, письма и

складывая их в беспорядочную кипу.

Хозяин, похоже, не слышал его. Он уже выдавал новые инструкции и переправлял через стол приглашения и письма.

— Отклоните первые три, примите четвертое, пятому откажите,

На это пошлите мои соболезнования. На это объясните, что я собираюсь в Шотландию, и отправьте приглашение встретиться там, одновременно с этим пошлите распоряжение приготовить коттедж к моему приезду.

Петере высунул голову из-за стопки бумаг, которые прижимал к груди.

— Да, мистер Торнтон, — сказал он, пытаясь придать своему голосу уверенность. Но когда стоишь на коленях, очень трудно сохранять уверенность в себе. Петерсу это было еще труднее, так как он не был точно уверен, что правильно запомнил, к каким письмам и приглашениям относились инструкции хозяина.

Весь остаток дня Ян Торнтон работал в своем кабинете с Петерсом, который совершенно обессилел от непрерывного писания под диктовку.

Вечер Ян провел с графом Мельбурном, своим будущим тестем, обсуждая условия брачного контракта. А Петерс весь вечер пытался выяснить у дворецкого, какие приглашения, по его мнению, хозяин должен был бы принять, а какие отклонить.

Глава 2

Лакей, выполнявший при необходимости обязанности конюха, помог ей спешиться. Надо заметить, что необходимость сочетать обе эти должности возникала постоянно. Леди Элизабет Кэмерон, графиня Хэвенхёрстская, спрыгнула со своей кобылы, которую давно уже следовало отправить на заслуженный отдых. «Спасибо, Чарльз», — сказала она, признательно улыбнувшись старому слуге.

В эту минуту молодая графиня даже отдаленно не напоминала женщину, принадлежащую к дворянскому сословию, более того, ее вряд ли можно было назвать даже просто леди. Голова ее была повязана голубой косынкой, простое платье без какой бы то ни было отделки давно вышло из моды, на руке висела корзинка, которую она всегда брала с собой, когда отправлялась на рынок. Но ни блеклый наряд, ни древняя лошадь, ни корзинка, висевшая на руке, не смогли изменить внешность Элизабет Кэмерон настолько, чтобы ее можно было назвать обычной. Золотые волосы роскошной волной падали из-под косынки ей на спину, когда же она снимала косынку, которую повязывала только выходя в деревню, эти чудные волосы, редко заплетавшиеся в косу, лежали на плечах, обрамляя потрясающей, безупречной красоты лицо. У нее были прекрасно вылепленные высокие скулы, сливочного оттенка кожа дышала здоровьем, так же свежи и нежны были мягко очерченные губы. Но больше всего в ее внешности привлекали глаза — под разлетающимися бровями, окаймленные длинными загнутыми ресницами они были поразительно яркого зеленого цвета. Не светло-карие и не голубые, как вода, а зеленые, замечательно выразительные глаза, которые сверкали, как изумруды, когда она была счастлива, и темнели, как река перед розой, когда она грустила или задумывалась.

Лакей с надеждой впился глазами в содержимое корзинки, завернутое в бумагу, но Элизабет с сожалеющей улыбкой покачала головой.

— Там нет фруктовых пирожных, Чарльз. Они оказались слишком дорогими, и мистер Дженкинс никак не хотел проявить благоразумие. Я сказала ему, что куплю целую дюжину, но он не согласился сбросить цену больше, чем на пенни, поэтому я не купила ни одного — просто из принципа. Знаешь, — призналась она, засмеявшись, — на прошлой неделе, увидев, что я свернула к его магазину, он спрятал за дверь мешки с мукой!

— Он просто трус! — сказал Чарльз, усмехнувшись. Всем торговцам и

лавочникам в округе было известно, что Элизабет Кэмерон держалась за каждый шиллинг до последнего, и, когда она начинала сбивать цену, а делала она это неизменно, лишь немногие могли устоять под напором ее аргументов. В этой борьбе главным ее преимуществом была не красота, а интеллект, она не только умела мгновенно складывать и умножать в уме любые цифры, но, перечисляя причины, по которым, на ее взгляд, следовало бы сбросить цену, была так изобретательна, что либо доводила своих оппонентов до изнеможения, либо окончательно запутывала, вынуждая их нехотя с ней соглашаться.

Столь рачительное отношение к деньгам Элизабет распространяла не только на лавочников, в самом Хэвенхёрсте она придерживалась такой же тактики, экономя буквально на всем, и в конце концов это принесло свои плоды. В девятнадцать лет девушка осталась совсем одна, и волей-неволей ей пришлось взвалить на свои плечи все заботы о поместье, унаследованном ею от предков, и содержать восемнадцать слуг, оставшихся из тех девятина, что служили у них раньше. С помощью незначительной финансовой поддержки своего прижимистого дяди Элизабет удалось сделать почти невозможное: вот уже два года она спасала Хэвенхёрст от продажи с молотка, а также кормила и одевала слуг. Единственной «роскошью», которую позволила себе Элизабет, была мисс Люсинда Трокмортон-Джонс. Эта дама была ее дуэньей, а теперь еще и платной компаньонкой на сильно урезанном жалованье. И хотя Элизабет знала, что вполне может жить в Хэвенхёрсте одна, она также понимала, что сделай она это, и то немного, что осталось от ее репутации, будет окончательно погублено.

Элизабет передала корзинку лакею и в утешение сказала:

— Вместо фруктовых пирожных я купила клубнику. Мистер Зергуд оказался более благоразумным, чем мистер Дженкинс. Он согласился с тем, что, когда человек покупает что-то в большом количестве, то само собой разумеется, за каждый предмет в отдельности он платит меньше.

Чарльз поскреб в голове, стараясь не показать, что ход ее мыслей для него слишком сложен, и изобразил полное понимание.

— Само собой, — сказал он, уводя лошадь, — любому дураку ясно.

— Вот и я говорю, — сказала Элизабет. Затем повернулась и легко взбежала по ступенькам крыльца, прикидывая в уме, какие записи нужно сделать в расходной книге. Бентнер распахнул перед ней дверь, на его полном немолодом лице было написано сильное волнение. Тонем человека, которого распирает от радости, но который слишком горд, чтобы показать это, он провозгласил:

— К вам посетитель, мисс Элизабет!

Вот уже полтора года у нее не было посетителей, поэтому неудивительно, что Элизабет вслед за смятением, охватившим ее в первый момент, почувствовала прилив ребяческой радости. Это не мог быть кредитор — она распродала почти всю мебель и очистила Хэвенхёрст от всего мало-мальски ценного, зато полностью расплатилась со всеми кредиторами.

— Кто это? — спросила Элизабет, входя в холл и развязывая косынку.

Сияющая улыбка расплылась по всему лицу Бентнера.

— Это Александра Лоуренс! Э-э, Таунсенд, — поправился он, вспомнив, что посетительница теперь уже замужем.

От радости и невозможности поверить в это Элизабет на мгновение застыла, а потом развернулась и помчалась по коридору с неподобающей для леди скоростью, срывая на ходу косынку. В дверях она внезапно остановилась, косынка повисла у нее в руках, и взгляд упал на красивую молодую брюнетку в элегантном красном дорожном костюме, стоявшую посреди комнаты. Брюнетка повернулась, девушки взглянули друг на друга, и в уголках их губ и в глубине глаз заиграли улыбки. Элизабет, переполненная восхищением, удивлением и радостью, наконец прошептала:

— Алекс? Это действительно ты?

Брюнетка улыбнулась, теперь уже открыто.

Они еще немного неуверенно постояли, каждая из них отмечала драматические перемены в другой, произошедшие за эти полтора года, и каждая испытывала легкую тревогу, когда обнаруживала, что перемена была слишком сильной. В безмолвной комнате воспоминания о детской дружбе и давней привязанности друг к другу быстро начали обступать их со всех сторон, затем подтолкнули вперед, вставив сделать один нерешительный шаг навстречу, после чего они побежали и обхватили друг друга руками, сжимая в неистовых объятиях, смеясь и плача от радости.

— О, Алекс, ты так замечательно выглядишь! Я так скучала по тебе! — засмеялась Элизабет, снова стиснув подругу. В светском обществе Алекс звалась Александрой, герцогиней Хостонской, но для Элизабет она была просто Алекс, ее старинной подругой, подругой, которая долгое время была в свадебном путешествии и вряд ли могла знать, в какую ужасную переделку попала Элизабет в ее отсутствие.

Потянув подругу к дивану и усадив, Элизабет обрушила на нее стремительный поток вопросов. «Когда ты вернулась из свадебного путешествия? Счастлива ли ты? Как ты оказалась здесь? Как долго у меня

пробудешь?»

— Я тоже скучала по тебе, — сказала Алекс, радостно смеясь и отвечая на вопросы Элизабет в том же порядке, в каком они были заданы. — Я вернулась три недели назад. Я неимоверно счастлива. И здесь, чтобы повидать тебя, конечно же, и погощу несколько дней, если ты не возражаешь.

— Конечно, не возражаю! — весело сказала Элизабет. — У меня нет абсолютно никаких планов, за исключением сегодняшнего дня. Сегодня ко мне должен приехать дядя.

В действительности список светских развлечений Элизабет был абсолютно чист на все двенадцать месяцев в году, но визиты ее дяди были еще большим несчастьем, чем отсутствие визитов вообще. Но сейчас все это не имело значения. Элизабет была так счастлива снова видеть свою подругу, что беспрерывно улыбалась и ничего не могла с этим поделать.

Как когда-то в юности, они скинули обувь и, поджав под себя ноги, стали болтать обо всем сразу, как будто и не было этих полутора лет, они вспоминали свои детские годы, и их лица попеременно становились то счастливыми, то нежными и печальными.

— Ты сможешь когда-нибудь забыть, — смеясь, спросила Элизабет двумя часами позже, — какие смешные турниры мы устраивали, когда нас приглашали к Мэри Эллен на день рождения?

— Никогда, — улыбнулась при этом воспоминании Алекс.

— На рыцарских поединках ты каждый раз сбрасывала меня с седла, — напомнила Элизабет.

— Да, зато ты всегда выигрывала в соревнованиях по стрельбе. Во всяком случае, до тех пор, пока об этом не узнали твои родители и не решили, что ты слишком взрослая — или слишком утонченная, — чтобы участвовать в этом. — Алекс вздохнула. — Нам не хватало тебя.

— Не так сильно, как мне вас. Я всегда точно знала, в какой день будет турнир, и изнывала от тоски, представляя, как вы там веселитесь. А потом мы с Робертом решили устраивать собственные турниры и уговорили участвовать в них всех слуг, — добавила она и засмеялась, вспомнив себя и своего сводного брата в те далекие дни.

В ту же секунду улыбка сошла с лица Алекс.

— А где Роберт? Ты ни разу о нем не упомянула.

— Он... — Элизабет заколебалась, понимая, что невозможно рассказать об исчезновении брата, умолчав обо всем, что этому предшествовало. С другой стороны, сочувствие, проскальзывавшее в глазах Александры, вызывало у Элизабет подозрение, что ее подруге уже известна

вся история. Бесстрастным голосом она произнесла:

— Роберт исчез полтора года назад. Я думаю, это может быть связано с... в общем, с долгами. Давай сейчас не будем об этом, — торопливо добавила она.

— Очень хорошо, — согласилась Алекс, изображая беспечную улыбку. — Тогда о чем мы будем говорить?

— О тебе, — сразу нашлась Элизабет. Алекс была старше Элизабет, но время потекло вспять, когда Александра стала рассказывать о своем муже, которого она явно обожала. Элизабет внимательно слушала описания удивительных мест, в которых они побывали. Муж специально повез ее в свадебное путешествие вокруг света, чтобы показать ей все те места, которые он уже видел и очень любил.

— А теперь расскажи мне о Лондоне, — сказала Элизабет, когда Алекс прервала свой рассказ о виденных ею городах.

— А что бы ты хотела знать? — очнувшись от воспоминаний, спросила Алекс.

Элизабет наклонилась вперед и уже было открыла рот, чтобы спросить о вещах, которые так много значили для нее, но гордость помешала ей задать эти вопросы.

— О... да ничего в особенности, — солгала она. «Я хочу знать, являюсь ли я предметом насмешек или осуждения моих подруг, или — что еще хуже — их жалости, — подумала Элизабет. — Я хочу знать, распространились ли слухи о моей бедности. Но больше всего я хочу знать, почему никто из них ни разу не потрудился навестить меня или хотя бы прислать записку».

Полтора года назад, когда состоялся ее первый выход в свет, Элизабет имела сокрушительный успех, и количество предложений руки и сердца, которые она получила, исчислялось рекордными цифрами. И вот сейчас, в девятнадцать лет, она оказалась отторгнутой от того же самого общества, которое когда-то обласкивало и восхваляло ее и даже старалось ей подражать. Элизабет нарушила их правила и стала центральной фигурой скандала, слух о котором распространился в свете, как пожар.

Глядя на Александру с чувством неловкости, Элизабет спрашивала себя, знают ли в свете всю историю целиком или только о самом скандале и говорят ли еще об этом или наконец предали инцидент забвению. Алекс отправилась в продолжительное путешествие как раз перед тем, как этому случиться, и Элизабет гадала, успела она услышать об этом после возвращения или нет.

Эти вопросы стучали у нее в мозгу, но задавать их было слишком

рискованно. Ее удерживали от этого две причины: во-первых, Элизабет боялась, что, услышав ответы, Алекс расплачется, а она сама не собиралась плакать. А во-вторых, чтобы задать Алекс вопросы, ответы на которые ей так хотелось получить, нужно было сначала рассказать подруге обо всем, что случилось. А простая правда заключалась в том, что Элизабет чувствовала себя слишком одиноко и сиротливо, чтобы так рисковать, — кто знает, может, узнав обо всем, и Алекс откажется от нее.

— Так что же конкретно тебе хотелось бы узнать? — повторила Элизабет все с той же жизнерадостной, не ведающей улыбкой, которую она надела себе на лицо, улыбкой, за которой прятала от своей гордой подруги печаль и сострадание.

— Все! — мгновенно ответила Алекс.

— Ну тогда, — сказала Алекс, мысленно выталкивая из комнаты облако невысказанных вопросов Элизабет, — лорд Дазенберри только что обручился с Сесилией Лакруа!

— Как хорошо, — ответила Элизабет, тихо и ласково улыбнувшись, в голосе ее звучала искренняя радость. — Он очень богат и из прекрасной семьи.

— Он неисправимый волокита и заведет себе любовницу не позже чем через месяц после того, как произнесет в церкви клятву Верности, — высказалась Алекс со свойственной ей прямоотой, которая всегда шокировала и одновременно привлекала Элизабет.

— Надеюсь, что ты ошибаешься.

— Я не ошибаюсь. Но если ты так думаешь, может быть, заключим пари? — предложила Алекс, так обрадовавшись, что в глазах подруги снова заискрился смех, что не подумала о том, как бестактно ее предложение. — Скажем, фунтов на тридцать?

Внезапно Элизабет почувствовала, что больше не может выносить этой неизвестности. Ей надо было знать, привела к ней Алекс верность их дружбе, или она оказалась здесь, ошибочно полагая, что Элизабет все еще самая популярная женщина в Лондоне. Встретившись взглядом с голубыми глазами Алекс, Элизабет произнесла со спокойным достоинством:

— У меня нет тридцати фунтов, Алекс. Алекс ответила ей таким же прямым взглядом, сморгнув навернувшиеся слезы жалости.

— Я знаю.

Элизабет научилась встречать невзгоды с высоко поднятой головой, загнав страх поглубже. Но теперь, столкнувшись с добротой и преданностью подруги, она чуть не расплакалась столь ненавистными ей слезами, которых никто не смог из нее выжать даже в то время, когда

разразилась трагедия. Сдавившие горло слезы мешали ей говорить, и Элизабет с трудом пробормотала:

— Спасибо.

— Тебе не за что меня благодарить. Мне пересказали всю эту грязную историю, и я не верю ни единому слову! Больше того, я хочу, чтобы ты приехала в Лондон на время сезона и пожила у нас. — Наклонившись вперед, Алекс взяла ее за руку. — Ради твоей же собственной гордости ты должна поставить их всех на место. Я помогу тебе. Даже больше: я уговорю мать моего мужа воспользоваться для тебя своим влиянием. Верь мне, — закончила Алекс с любящей улыбкой, — никто не посмеет пройти мимо тебя, не раскланявшись, если за тобой будет стоять сама вдовствующая герцогиня Хостон.

— Пожалуйста, Алекс, перестань. Ты сама не знаешь, что говоришь. Даже если бы я захотела, а я этого не хочу, она никогда на это не согласится. Я не знаю ее, но уверена, что она знает обо мне все. Я имею в виду то, что обо мне говорят. Алекс не смутили ее возражения.

— Ты права только в одном — она действительно слышала эти сплетни. Но после того, как я поговорила с ней, она захотела встретиться с тобой и составить собственное мнение. Она полюбит тебя как же, как и я. А если это произойдет, она сдвинет горы, но заставит общество снова принять тебя.

Элизабет покачала головой, сглотнув комок в горле. Она была благодарна подруге, но страдала от унизости своего положения.

— Я очень признательна тебе, правда, но я просто не вынесу этого.

— Я уже приняла решение, — мягко предупредила ее Алекс. — Мой муж уважает мое мнение, поэтому я не сомневаюсь, что он тоже согласится. А что касается платьев, то у меня их множество, почти совсем новых. Я одолжу их тебе...

— Ни в коем случае! — вспыхнула Элизабет. — Пожалуйста, Алекс, — умоляюще сказала она, испугавшись, что может показаться неблагодарной. — Оставь мне хоть немного гордости. И кроме того, — добавила она с легкой улыбкой, — я вовсе не так уж несчастна, как ты, кажется, думаешь. У меня есть ты. И у меня есть Хэвенхёрст.

— Я знаю, — сказала Алекс. — Но я также знаю, что ты не можешь оставаться здесь всю свою жизнь. Когда ты приедешь ко мне в Лондон, тебе вовсе не обязательно будет куда-то выезжать, если ты этого не хочешь. Мы просто будем все время вместе. Я так соскучилась по тебе.

— Ты будешь слишком занята, чтобы уделять мне внимание, — сказала Элизабет, вспомнив круговорот развлечений, которым был отмечен

ее первый сезон.

— Я не буду так уж занята, — сказала Алекс, и глаза ее загадочно заблестели. — Я жду ребенка. Элизабет обняла подругу.

— Я приеду! — согласилась она прежде, чем успела как следует обдумать свое решение. — Но я ведь могу остановиться в доме своего дяди, если его в это время не будет в городе.

— У нас, — упрямо сказала Алекс.

— Посмотрим, — так же упрямо проговорила Элизабет и тут же восторженно рассмеялась. — Ребенок!

— Извините, мисс Алекс, — прервал их Бентнер, входя в гостиную, и повернулся к Элизабет. — Только что прибыл ваш дядя, — с огорчением в голосе доложил он. — Он хочет видеть вас немедленно в кабинете.

Алекс вопросительно посмотрела на дворецкого, затем на Элизабет.

— Мне показалось, Хэверхёрст сильно опустел. Сколько здесь сейчас слуг?

— Восемнадцать, — ответила Элизабет. — Пока не пропал Роберт, мы сократили их до сорока пяти, но мой дядя всех их уволил. Он сказал, что они не нужны нам, изучив состояние наших дел, он разъяснил мне, что мы не в состоянии платить слугам жалованье, и можем предоставить им только крышу над головой и пропитание. Тем не менее восемнадцать человек все же остались, — добавила она, улыбнувшись Бентнеру. — Они прожили в Хэвенхёрсте всю свою жизнь. Для них это такой же дом, как и для меня.

Встав на ноги, Элизабет подавила в себе всплеск страха, который был не более чем обычным рефлексом на дядю.

— Это не займет много времени. Дядя Джулиус не любит оставаться здесь дольше, чем того требует крайняя необходимость.

Бентнер задержался под предлогом того, что ему нужно захватить поднос с чайного столика, и дождался ухода Элизабет. Когда она удалилась на достаточное расстояние, чтобы не слышать их, он обратился к герцогине Хостон, которую помнил еще взъерошенной девочкой, носившейся по комнатам в мальчиковых бриджах.

— Прошу простить меня, ваша светлость, — он говорил официальным тоном, но на его добром старом лице была написана искренняя озабоченность, — но могу ли я сказать вам, как я рад, что вы здесь, особенно сейчас, когда сюда приехал мистер Кэмерон?

— Ну что вы, спасибо, Бентнер. Я тоже рада снова увидеть вас. А что, с мистером Кэмероном связано что-нибудь неприятное?

— Похоже, что на этот раз да.

Он замолчал, чтобы подойти к дверям и выглянуть украдкой в

коридор, затем вернулся к Александре и доверительно сообщил:

— Нам с Эроном — это наш кучер — что-то не понравилось, как он сегодня выглядит. И еще, — заявил он, взяв в руки чайный поднос, — никто из нас не остался здесь ради любви к Хэвенхёрсту. — На бледных щеках Бентнера выступила краска смущения, и голос стал хриплым от обуревавших его чувств. — Мы остались ради нашей молодой хозяйки. Понимаете, ведь мы — все, что у нее осталось.

Это изъявление преданности вызвало на глазах Алекс слезы еще прежде, чем он добавил:

— Мы не должны позволить этому дяде испортить ей настроение, как он всегда делает.

— А вы знаете способ помешать ему? — спросила Алекс, через силу улыбаясь.

Бентнер выпрямился, кивнул и со значением и важностью сказал:

— Ну, я, например, предлагаю спихнуть его с лондонского моста. Эрон предпочитает яд.

В его словах звучали ярость и злость, но в них не чувствовалось по — настоящему злого умысла, поэтому Алекс с заговорщическим видом лукаво улыбнулась:

— Думаю, ваш способ лучше, Бентнер, — он как-то чище. На шутливое замечание Александры Бентнер ответил официальным поклоном, но когда они снова взглянули друг на друга, то Словно заключили негласный договор. Дворецкий дал ей понять, что, если когда-нибудь в будущем понадобится помощь людей, работающих в доме, герцогиня может рассчитывать на их полную, безоговорочную преданность. Реакция герцогини показала, что она нисколько не возражает против его вмешательства в дела ее подруги и глубоко благодарна ему за предложенную помощь, которой она обязательно воспользуется, если в этом будет необходимость.

Глава 3

Джулиус Кэмерон увидел входящую в кабинет племянницу, и глаза его сузились от раздражения: даже теперь, когда она была не более чем обедневшей сиротой, ее осанка не утратила царственной грации, а маленький подбородок был по-прежнему упрямо вздернут вверх. Она была по уши в долгах, в которых запутывалась все сильнее с каждым месяцем, но она продолжала ходить с высоко поднятой головой, в точности как ее самонадеянный, пренебрегающий опасностями отец. В тридцать пять лет, катаясь на яхте, он вместе с матерью Элизабет утонул. К тому времени он уже проиграл значительную часть своего состояния и тайно заложил свои земли. Это не помешало ему, однако, расхаживать с высокомерным видом и до последнего дня жить на широкую ногу, как и полагается привилегированному аристократу.

Будучи младшим сыном графа Хэвенхёрстского, Джулиус не унаследовал ни титула, ни денег, ни земель, однако беспримерным трудом и постоянной умеренностью сумел сколотить себе значительное состояние. Он ушел из дома ни с чем, кроме самого необходимого, но неустанно трудился, чтобы улучшить долю, доставшуюся ему, он сторонился чар и соблазнов светской жизни не только из-за непомерных трат, но также из-за того, что не хотел находиться на задворках общества.

И несмотря на все эти жертвы, на то, что они с женой столько лет вели спартанский образ жизни, судьба не стала к нему благосклоннее и жена его оставалась бесплодной. Отсутствие наследника было вечной печалью Джулиуса, ему некому было оставить свое состояние и земли — разве что сыну Элизабет, которого она могла родить, выйдя замуж.

Сейчас, когда он смотрел, как она усаживается за стол напротив него, ирония ситуации с новой силой больно поразила его: нет, где же справедливость? Он всю свою жизнь работал, отказывая себе в самом необходимом... и все, что он накопил, достанется будущему внуку его беспутного брата. И вдобавок к этому он еще вынужден расхлебывать кашу, которую заварил сводный брат Элизабет Роберт перед тем, как исчезнуть почти два года назад. Все это так надоело ему, что Джулиус решил наконец выполнить изложенную в письменном виде волю отца Элизабет, которая заключалась в том, что он хотел выдать свою дочь замуж за человека по возможности знатного и богатого. Месяц назад, когда Джулиус взялся за поиски подходящего мужа для Элизабет, он

рассчитывал, что эта задача будет легко выполнимой. Ведь в позапрошлом году, когда состоялся ее дебют в свете, красота, безупречное происхождение и мнимое богатство девушки покорили всего за четыре недели рекордное количество мужчин, и она получила пятнадцать предложений руки и сердца. Но, к удивлению Джулиуса, из этих пятнадцати всего трое ответили ему согласием, а несколько человек не потрудились даже прислать ответ. Конечно, теперь ни для кого не секрет, что она обеднела, но Джулиус предлагал за племянницей вполне достойное приданое, лишь бы сбыть ее с рук. Самому Джулиусу, который все рассматривал с позиции денег, казалось, что одного приданого достаточно для того, чтобы девушка считалась завидной невестой. О том скандале, которым было окружено ее имя, Джулиус знал очень мало, а беспокоился об этом еще меньше. Он вообще сторонился света, со всеми его сплетнями, легкомыслием и различными эксцессами.

Вопрос Элизабет заставил его очнуться от мрачной задумчивости:

— Что вы хотели обсудить со мной, дядя Джулиус? Враждебность и негодование, прозвучавшие в голосе Элизабет, грозили обернуться взрывом с ее стороны, поэтому он постарался быть еще более кратким, чем всегда.

— Я приехал сюда сегодня, чтобы обсудить твое предстоящее замужество.

— Мое... мое... что? — ахнула Элизабет, настолько потрясенная, что крепкая стена ее невозмутимости рухнула, и на какую-то секунду она почувствовала себя ребенком, — заброшенным, растерянным и загнанным в угол.

— Полагаю, ты меня слышала.

Откинувшись на стуле, Джулиус отрывисто заговорил:

— Я сузил круг предполагаемых женихов до трех человек. Двое из них имеют титул, у третьего его нет. Поскольку для твоего отца титул имел первостепенное значение, я выберу человека самого высокого ранга из тех, что сделают тебе предложение, тем более что мне есть из кого выбирать.

— Как... — Элизабет пришлось сделать паузу, чтобы собраться с мыслями прежде чем она будет в состоянии заговорить, — ...каким образом вы отобрали этих людей?

— Я попросил Люсинду сообщить мне имена всех, кто после твоего дебюта приходил к Роберту просить твоей руки. Она дала мне эти имена, и я послал к каждому из них посыльного, чтобы поставить их в известность, что ты и я — как твой опекун — мы оба хотели бы пересмотреть их кандидатуры в качестве претендентов на твою руку.

Элизабет вцепилась руками в подлокотники, пытаясь сдержать ужас.

— Вы хотите сказать, — сказала она задыхающимся шепотом, — что вы как бы публично предложили мою руку любому, кто захочет ее принять?

— Да! — отрезал Джулиус, расвирепев от высказанного ею обвинения, что он вел себя неподобающим для своего и ее положения образом. — И более того, возможно, тебе будет полезно узнать, что твоя легендарная привлекательность для противоположного пола, судя по всему, осталась в прошлом. Только трое из пятнадцати выразили желание возобновить знакомство с тобой.

Осознав всю глубину своего унижения, Элизабет тупо смотрела на стену за его спиной.

— Я не могу поверить, что вы действительно сделали это. Удар ладонью по столу прозвучал громовым раскатом.

— Я действовал в пределах своих прав, племянница, и в соответствии со специфическими указаниями твоего отца-расточителя. Позволь тебе напомнить, что, когда я умру, к твоему мужу и впоследствии к сыну перейдут мои деньги. Мои.

Впервые за много месяцев Элизабет попыталась понять своего дядю, и где-то в глубине своего сердца она постигла причину его горечи и даже смогла посочувствовать ей.

— Мне очень жаль, что Господь не подарил вам собственного сына, — произнесла она сдавленным голосом. — Но я в этом не виновата. Я не сделала вам никакого зла, не дала вам никакого повода ненавидеть меня настолько, чтобы так обойтись со мной... — у нее сорвался голос, когда она увидела, как при этих словах ожесточилось его лицо, дядя подумал, что она упрасивает его. Элизабет тут же вздернула подбородок и собрала остатки своей гордости. — Кто, эти люди?

— Сэр Фрэнсис Белховен, — коротко сказал он. Элизабет в изумлении взглянула на него и покачала головой.

— Я познакомилась с сотнями людей в тот сезон, но этого имени не помню.

— Вторым претендентом лорд Джон Марчмэн, граф Кэнфордский.

И снова Элизабет покачала головой.

— Имя кажется мне знакомым, но лица я не помню.

Явно разочарованный ее ответами, дядя раздраженно закончил:

— У тебя, похоже, слабая память. Если ты не в состоянии запомнить пэра и графа, — саркастически добавил он, — то сомневаюсь, что ты вспомнишь какого-то мистера.

Уязвленная его незаслуженным упреком, Элизабет холодно поинтересовалась:

— И кто же третий?

— Мистер Ян Торнтон. Он...

Это имя заставило Элизабет вскочить на ноги, в голове у нее зашумело, и ужас сковал все ее тело.

— Ян Торнтон! — вскрикнула она, ухватившись ладонями за стол, чтобы не упасть. — Ян Торнтон! — повторила она высоким голосом, в котором смешались ярость и истерический смех. — Дядя, если Ян Торнтон и говорил когда-либо Роберту, что женится на мне, то только под дулом пистолета! Его интерес ко мне никогда не подразумевал женитьбу, и Роберт вызвал его из-за меня на дуэль!

Фактически он стрелял в него!

Вместо того, чтобы смягчиться или расстроиться, дядя встретил это известие с полным равнодушием.

— Вы не понимаете меня? — яростно спросила Элизабет.

— Я понимаю то, что он ответил на мое письмо утвердительно, в очень сердечной форме, — закипая, ответил он. — Возможно, он сожалеет о своем поведении в прошлом и теперь хотел бы загладить его.

— Загладить! — вскричала она. — Я понятия не имею, испытывает он ко мне ненависть или просто презрение, но, уверяю вас, он ни раньше, ни сейчас и в мыслях не имел жениться на мне! Это из-за него я не могу показаться в обществе!

— На мой взгляд, тебе только на пользу быть вдали от разлагающего влияния Лондона, но речь не о том. Он принял мои условия.

— Какие условия?

Уже по привычке к тревожным вскрикам Элизабет, Джулиус бесстрастно изложил, что ее ждет в дальнейшем:

— Каждый из трех претендентов согласился, чтобы ты приехала к нему с кратким визитом для того, чтобы выяснить, подходит ли вы друг другу. Люсинда поедет с тобой в качестве опекуни. Первым будет Белховен, потом — Марчмэн, потом — Торнтон.

Комната поплыла перед глазами Элизабет.

— Я просто не могу этому поверить! — выкрикнула она и в своем несчастье уцепилась за самую незначительную из проблем. — Люсинда отправилась в отпуск, это ее первый отпуск за все годы! Она в Девоне у своей сестры.

— Тогда возьми Берту, а Люсинда присоединится к тебе позже, когда ты будешь у Торнтон в Шотландии.

— Но Берта — моя горничная! Моя репутация будет разорвана в клочья, если я проведу неделю в одном доме с мужчиной с одной только

горничной в качестве компаньонки.

— Тогда не говори, что она горничная, — отрезал Джулиус. — Поскольку я уже указал в письмах, что твоей опекуной будет Люсинда Трокмортон-Джонс, ты скажешь, что Берта твоя тетя. И больше никаких возражений, мисс, — закончил он, — вопрос решен. Пока все. Можешь идти.

— Вопрос не решен! Говорю вам, это какая-то ужасная ошибка. Ян Торнтон никогда не захочет видеть меня, даже в большей степени, чем я хочу его увидеть!

— Никакой ошибки, — сказал Джулиус, завершая беседу. — Ян Торнтон получил мое письмо и принял наше предложение. Он даже послал указания в свое шотландское поместье, чтобы его приготовили к твоему приезду.

— Ваше предложение, — закричала Элизабет, — а не мое!

— Я не буду обсуждать с тобой эти подробности, Элизабет. Дискуссия закончена.

Глава 4

Элизабет медленно сошла в холл и завернула за угол, намереваясь вернуться к Александре, но у нее так сильно тряслись колени, что она была вынуждена остановиться и опереться рукой о стену, чтобы удержаться на ногах. Ян Торнтон... Пройдет сколько-то дней, и она предстанет перед ним.

От этих мыслей у нее закружилась голова, страх, ненависть и унижение душили ее. В конце концов она развернулась и пошла в маленькую гостиную, где упала на диван, уставившись пустым взглядом на кусок обоев, где когда-то висела картина Рубенса.

Ни на секунду Элизабет не поверила, что Ян Торнтон хочет жениться на ней, и не могла себе представить, что подтолкнуло его принять невысказанное предложение ее дяди. Она была наивной, доверчивой дурушкой в той области, которая его интересовала.

Теперь, запрокинув голову и прикрыв глаза, Элизабет с трудом верила, что могла быть когда-то такой безрассудной — или беспечной, — какой она была на том уик-энде, где повстречала его. Она была так уверена в том, что ее будущее ясно, но тогда у нее и не было причин думать иначе.

Ей исполнилось всего одиннадцать лет, когда погибли ее родители. Это было ужасное время, но потом приехал Роберт, чтобы утешить и подбодрить ее, и пообещал, что вскоре все снова будет хорошо. Роберт был на восемь лет старше Элизабет, и, хотя он был всего лишь сводным братом — по матери, от ее первого брака, — она любила его, как родного, и полагалась на него всегда и во всем. Родители так часто оставляли ее одну, что она воспринимала их как приятных гостей, которые три-четыре раза в году прилетали домой, чтобы надарить ей подарков и снова упорхнуть, весело помахав рукой на прощание.

За исключением утраты родителей детство Элизабет было безоблачным. У нее был легкий, солнечный характер, и все слуги в доме любили ее до безумия. Повариха готовила ей лакомства, дворецкий обучил игре в шахматы, Эрон, главный кучер, научил играть в вист, а когда она выросла — стрелять из пистолета, чтобы в случае опасности она могла защитить себя.

Но из всех «друзей» в Хэвенхёрсте больше всего времени она проводила с Оливером, старшим садовником, который появился у них, когда ей было одиннадцать лет. Тихий, душевный человек с ласковым взглядом, Оливер занимался оранжереями и клумбами, нежно разговаривая

со своими растениями и черенками.

— Растения нужно любить, — объяснил он, когда однажды она застала его беседующим с поникшей фиалкой и страшно этому удивилась, — им это нужно так же, как людям. Попробуй, — предложил он, кивнув в сторону фиалки, — скажи этой хорошенькой фиалке парочку добрых слов.

Элизабет чувствовала себя довольно глупо, однако последовала его совету, зная, что как садовнику Оливеру нет равных, — после его появления в Хэвенхёрсте их сад неузнаваемо изменился. Поэтому она склонилась над фиалкой и серьезно сказала:

— Надеюсь, что скоро ты совершенно поправишься и к тебе вернется прежняя красота!.....

Затем она отступила назад и стала ждать, когда пожелтевшие, увядшие листья начнут подниматься к солнцу.

— Я дал ей немного лекарства, которое готовлю сам, — сказал Оливер, заботливо переставляя горшок с цветком на лавку, где находились пациенты, требующие особого ухода. — Приходи через несколько дней, и ты увидишь, как старательно она будет показывать тебе, что поправляется.

Позже Элизабет узнала, что Оливер ко всем цветам обращается только в женском роде, а ко всем другим растениям — в мужском.

На следующий день Элизабет снова отправилась в оранжерею, но фиалка была такой же поникшей, как вчера. Пять дней спустя она совершенно забыла о ней и зашла в оранжерею просто для того, чтобы угостить Оливера пирожными.

— Ваша маленькая подружка уже заждалась вас, мисс, — сказал он ей.

Элизабет подошла к столу с больными растениями и отыскала там фиалку. Ее нежные цветы крепко стояли на маленьких хрупких стебельках, зеленые листики тоже воспряли духом, расправились и оживились.

— Оливер! — радостно воскликнула она. — Как тебе удалось сделать это?

— Ваша доброта и отчасти мои лекарства, вот что вернуло ее к жизни, — сказал он и, то ли оттого, что в глазах Элизабет он прочитал искренний интерес, а может быть, просто потому, что хотел отвлечь недавно осиротевшую девочку от горестей, повел ее по оранжерее, называя растения и рассказывая, какие из них он собирается скрестить, чтобы получить новые сорта. Под конец он спросил, не хочется ли ей завести свой собственный садик, и, когда Элизабет согласно кивнула, они стали решать, какие цветы ей надо будет посадить, и выбрали рассаду.

Этот день положил начало любви Элизабет ко всему, что растет из земли. Работая бок о бок с Оливером, в фартуке, чтобы не запачкать платье,

она узнала от него все о его «лекарствах» и мульчировании, научилась сама прививать растения.

А когда Оливер научил ее всему, что знал, Элизабет смогла кое-чему научить и его, так как имела перед ним явное преимущество — она умела читать и могла пользоваться библиотекой, которая была гордостью ее отца. Они сидели рядышком на садовой скамейке до тех пор, пока не становилось настолько темно, что было невозможно различить строк, и Элизабет читала ему о старых и современных методах выращивания сильных и стойких растений. Через пять лет «маленький садик» Элизабет включал в себя почти все главные клумбы. Где бы она ни появлялась со своей лопаткой, цветы, казалось, начинали тут же буйно цвести вокруг нее. «Они знают, что ты любишь их, — сказал ей однажды Оливер, когда она присела у яркой, веселой клумбы с анютиными глазками, и на лице его засветилась столь редкая для него улыбка, — они знают об этом и показывают, что тоже любят тебя, стараясь цвести как можно лучше».

Когда здоровье Оливера пошатнулось и ему пришлось переехать в места с более теплым климатом, Элизабет очень скучала по нему и уделяла своему саду еще больше времени, чем раньше. Теперь она смогла дать полную волю своей фантазии, выдумывая различные преобразования в садовом хозяйстве и приводя их в исполнение. Она привлекла к работе конюхов и лакеев, чтобы они разбили новые клумбы, которые тянулись теперь вдоль всей веранды с задней стороны дома.

Помимо занятий с цветами и приятной компании слуг, Элизабет получала огромную радость от дружбы с Александрой Лоуренс. Алекс была ее ближайшей соседкой подходящего возраста, и, хотя она была немного старше, обе получали одинаковое удовольствие, когда лежали ночью в кровати и, взрываясь нервным смехом, рассказывали леденящие кровь истории о привидениях, или когда сидели в большом шалаше Элизабет и поверяли друг другу свои девичьи тайны и заветные мечты.

Даже когда Алекс вышла замуж и уехала, Элизабет никогда не считала себя одинокой, потому что у нее осталось то, что она больше всего любила и с чем были связаны все ее планы, у нее оставался Хэвенхёрст. Первоначально он строился как замок, с глубоким рвом и высокой каменной оградой. Его получила в наследство от умершего мужа прапрабабушка Элизабет, жившая в двенадцатом веке. Муж этой замечательной женщины сумел с выгодой для себя использовать расположение короля и получил разрешение изменить порядок наследования Хэвенхёрста. По новому завещанию замок переходил в полное распоряжение его жены и ее наследников независимо от того, будут

эти наследники мужского или женского пола.

В результате этого после смерти родителей Элизабет в одиннадцать лет стала графиней Хэвенхёрстской, и, хотя титул сам по себе мало что значил для нее, Хэвенхёрст с его богатой историей значил для нее все. К семнадцати годам она знала его историю так же хорошо, как свою собственную. Она могла перечислить все осады, которые ему пришлось пережить, назвать по именам нападавших и рассказать, какую тактику применяли графы и графини Хэвенхёрстские, чтобы сохранить замок в сохранности. Она знала все, что только можно, о его предыдущих владельцах — их воспитание, образование, слабости, она знала их всех, начиная с самого первого графа, чьи смелость и боевое искусство вошли в легенду (которая, однако, умалчивала, что он боялся собственной жены), и его сына, который пристрелил несчастливую лошадь, сбросившую его во дворе Хэвенхёрста, когда он тренировался в метании копья.

Много веков назад ров был засыпан, каменную ограду снесли, а сам замок расширили и перестроили, так что теперь это был живописный сельский особняк, который практически не имел ничего общего со своим оригиналом. Но несмотря на это, Элизабет, изучившая картины и рукописи, хранившиеся в библиотеке, в точности знала, где и что находилось здесь раньше, включая ров, стены и центральный двор.

Естественно, что выросшая в таких условиях Элизабет Кэмерон сильно отличалась от девушек равного ей положения. Исключительно начитанная, думающая, а также не лишенная практичности, которая с каждым днем проявлялась все больше, она уже знала от управляющего, как вести дела своего поместья. Всю свою жизнь окруженная верными людьми, она наивно полагала, что и за пределами Хэвенхёрста живут такие же хорошие и надежные люди.

Поэтому неудивительно, что в тот знаменательный день, когда из Лондона неожиданно явился Роберт, вытащил ее из розария, где она подрезала кусты, и, широко улыбаясь, сообщил ей, что через шесть месяцев состоится ее первый выход в лондонский свет, Элизабет приняла эту новость с радостью, не омраченной никакими сомнениями.

— Все уже устроено, — возбужденно говорил Роберт. — Леди Джемисон из любви к нашей покойной матушке согласилась субсидировать тебя. Все это обойдется чертовски дорого, но я думаю, дело стоит того.

Элизабет удивленно взглянула на него.

— Ты никогда раньше не говорил, что сколько стоит. Надеюсь, у нас нет финансовых затруднений, Роберт?

— Сейчас уже нет, — солгал он. — Прямо у нас под носом — целое

состояние, только раньше я этого не понимал.

— Где? — спросила Элизабет, совсем растерявшись от всего услышанного.

Засмеявшись, он повернул сестру к зеркалу, взял ее лицо в ладони и заставил посмотреть на себя.

Бросив на него недоуменный взгляд, она посмотрела в зеркало, потом рассмеялась.

— Почему бы тебе просто не сказать, что у меня грязь на щеке? — сказала она, стирая темную полосу.

— Элизабет, — рассмеялся он в ответ, — это все, что ты видишь в зеркале — грязь на щеке?

— Я вижу свое лицо, — ответила она.

— Ну, и как оно тебе?

— Лицо как лицо. — Элизабет начал утомлять этот бессмысленный разговор.

— Элизабет, наше богатство — это твое лицо! — воскликнул Роберт. — Я даже не думал об этом до вчерашнего дня, пока Берги Крэндел не сказал мне, что его сестра сделала отличную партию, получив предложение от самого лорда Чеверли,

Элизабет по-прежнему не понимала.

— О чем ты говоришь?

— Я говорю о твоём замужестве, — объяснил он со счастливой улыбкой. — Ты вдвое красивее сестры Берти. С этим лицом, да еще с Хэвенхёрстом в придачу ты можешь сделать такую партию, что о ней заговорит вся Англия. Замужество принесет тебе драгоценности, платья, прекрасные дома, а мне связи, которые стоят еще больше, чем деньги. И кроме того, если у меня будут время от времени возникать проблемы с деньгами, надеюсь, ты не откажешься подкинуть мне несколько тысконок фунтов из тех денег, что будут давать тебе на булавки.

— Так значит, у нас все-таки есть проблемы с деньгами, да? — настойчиво спросила Элизабет, слишком озабоченная этой новостью, чтобы думать о лондонском свете. Роберт не выдержал ее взгляда, отвел глаза и с усталым вздохом подвел сестру к дивану.

— Небольшие проблемы есть, — признался он, когда она села. Элизабет едва исполнилось семнадцать, но она уже научилась распознавать, когда Роберт обманывал ее, и по выражению ее лица он понял, что скрывать правду нет смысла. — Откровенно говоря, — признался он, — дела наши очень плохи. Совсем плохи.

— Как это могло случиться? — несмотря на страх, от которого у нее

внутри что-то задрожало, Элизабет говорила почти спокойно. На его красивом лице выступила краска смущения.

— Во-первых, наш отец оставил безумные долги, в том числе и карточные. Я тоже пристрастился к игре и накопил немало долгов. Несколько лет мне удавалось успокаивать кредиторов обещаниями, но в последнее время они уже ничего не хотят слушать. И это еще не все. Содержание Хэвенхёрста обходится в чертовски круглую сумму, Элизабет. Доход от него уже давно не покрывает расходов, да этого и не было никогда. В общем, мы с тобой по уши в долгах, И вся наша собственность заложена-перезаложена. Сейчас нам нужно заложить всю обстановку в доме, чтобы расплатиться с некоторыми долгами, иначе мы не сможем показаться в Лондоне. И это еще не самое худшее. Хэвенхёрст принадлежит тебе, а не мне, но если ты не сумеешь удачно выйти замуж, он очень скоро пойдет с молотка.

Голос ее лишь слегка дрожал, но внутри у нее все сжалось в один комок растерянности и страха.

— Ты только что сказал, что мой дебют в Лондоне будет стоить целого состояния, а у нас его, судя по всему, нет, — практично заметила она.

— Кредиторы отступятся от нас в ту же секунду, как узнают, что ты обручилась с человеком влиятельным и располагающим средствами, а я обещаю тебе, что мы без труда найдем такого человека.

Элизабет сказала, что от этого плана веет холодным расчетом, на что Роберт только покачал головой. На этот раз проявил практичность он.

— Ты женщина, дорогая моя, и значит, должна выйти замуж, ты же знаешь, все женщины выходят замуж. А Хэвенхёрст отнюдь не набит подходящими молодыми людьми. К тому же я не говорю, что мы примем предложение первого встречного. Я выберу человека, которого ты сможешь со временем полюбить, и потом, — пообещал Роберт уже совершенно искренне, — я буду торговаться, чтобы помолвка продлилась как можно дольше, принимая в расчет твою молодость. Ни один уважающий себя мужчина не захочет тащить семнадцатилетнюю девушку под венец, если она к этому еще не готова. Для нас это единственный выход, — предупредил он готовое слететь с ее губ возражение.

Элизабет знала, что даже если бы она была под надежной защитой, его рассуждения о неизбежном замужестве разумны. Ее родители, когда еще были живы, совершенно ясно дали ей понять, что ее долг — вступить в брак в соответствии с пожеланиями семьи. В настоящий момент выбор должен был сделать ее сводный брат, и Элизабет безоговорочно положила на него.

— Ну-ка, сознавайся, — весело поддразнил ее Роберт, — разве ты никогда не мечтала носить красивые платья и быть окруженной красивыми кавалерами?

— Ну, может быть, несколько раз, — призналась Элизабет со смущенной улыбкой, отвернув лицо в сторону. Конечно, она сильно преуменьшила количество раз, когда мечтала об этом. Она была нормальной, здоровой девушкой с нерастраченным запасом любви и прочитала свою порцию любовных романов. Поэтому последняя фраза Роберта прозвучала для нее весьма заманчиво.

— Очень хорошо, — решительно сказала она и усмехнулась, — давай испробуем этот шанс.

— Мы не просто испробуем его, Элизабет, мы его используем на все сто, или ты потеряешь все свои земли и станешь гувернанткой чужих детей вместо того, чтобы быть графиней или еще чем-нибудь получше и заниматься своими собственными. А я окажусь в долговой яме.

Мысленно представив Роберта сидящим в сыром подвале и себя без Хэвенхёрста, Элизабет подумала, что пойдет на что угодно, только бы избежать этого.

— Положись во всем на меня, — сказал он, и Элизабет так и сделала.

Все последующие шесть месяцев Роберт все время был поблизости, чтобы устранить любое препятствие, которое могло бы помешать Элизабет произвести фурор в лондонском свете. Он нанял некую миссис Портер, чтобы она обучила Элизабет различным светским тонкостям, которых не ведали ее мать и бывшая гувернантка. От миссис Портер Элизабет узнала, что она ни в коем случае не должна обнаруживать в обществе свой ум, начитанность, а также не выказывать ни малейшего интереса к садоводству.

Из Лондона был выписан очень дорогой портной, который сшил необходимое количество платьев для сезона.

Мисс Люсинда Трокмортон-Джонс, ранее платная компаньонка молодых девушек, весьма успешно дебютировавших в свете, приехала в Хэвенхёрст, чтобы занять должность дуэньи Элизабет. Это была женщина лет пятидесяти, прямая, как палка, с жесткими, как проволока, седыми волосами, которые она стягивала в тугий узел. На лице у нее всегда было выражение легкого недовольства, как будто она чувствовала неприятный запах, но была слишком хорошо воспитана, чтобы сказать об этом вслух. Вдобавок к этой отпугивающей внешности Элизабет вскоре столкнулась с потрясающей способностью мисс Трокмортон-Джонс часами сидеть неподвижно, не шевеля даже пальцем.

Элизабет не дала себя запугать этому каменному изваянию и стала

искать способ смягчить его. Она попробовала называть ее Люси, но каменная леди столь грозно нахмурила брови, услышав это ласкательное обращение, что Элизабет решила поискать другой способ. Очень скоро она его обнаружила. Через несколько дней после своего приезда в Хэвенхёрст Люсинда нашла ее в библиотеке. Элизабет свернулась в кресле калачиком и углубилась в чтение.

— Вы любите книги? — осведомилась Люсинда, с удивлением прочитав заглавие на обложке.

— Да, — улыбнулась Элизабет. — А вы?

— Вы читали Кристофера Марлоу?

— Да, но мне больше нравится Шекспир.

С тех пор у них вошло в привычку каждый вечер после ужина обсуждать прочитанные книги. И вскоре Элизабет поняла, что завоевала невольное уважение своей дуэньи. Она не могла быть уверена в ее привязанности, так как единственной эмоцией, которую она проявила за время их знакомства, был гнев, да и то лишь однажды, по отношению к жуликоватому торговцу из деревни. Это было зрелище из тех, что не забываются. Размахивая зонтиком, с которым никогда не расставалась, Люсинда наступала на злополучного торговца, а он пятился от нее, кружа по всему магазину, в то время как с ее губ ледяным потоком срывались слова, свидетельствующие о такой бешеной ярости, с какой Элизабет еще не приходилось сталкиваться.

— Вспыльчивость — мой единственный недостаток, — чопорно сообщила ей Люсинда, и Элизабет сочла это своего рода извинением.

Элизабет тогда подумала, что Люсинда, должно быть, загоняет эмоции внутрь себя как в бутылку, и они до поры до времени сидят там, пока она пребывает в неподвижности на стульях и кушетках. Они сидят там годы и годы до тех пор, пока в один прекрасный день не вырываются наружу, подобно извержению вулкана.

К тому времени как брат и сестра Камероны вместе с Люсиндой и необходимой прислугой прибыли в Лондон, Элизабет уже знала все, чему могла научить ее миссис Портер, и чувствовала себя в силах справиться с любой ситуацией из тех, что описывала ей эта дама. Надо сказать, что запомнить правила этикета ей было гораздо легче, чем понять, почему им придают такое большое значение. В конце концов танцевать она за шесть месяцев научилась, вести беседу умеет с трехлетнего возраста, а насколько она могла понять, в обязанности debutantки входило умение вести приятную светскую беседу ни о чем, танцевать и ни при каких обстоятельствах не выдавать своих способностей к мышлению.

На следующий день после того, как они вселились в городской дом, который снял Роберт, их навестила леди Джемисон, вызвавшаяся опекать Элизабет в свете. С нею были ее дочери Валери и Черайз. Валери была на год старше Элизабет и дебютировала в прошлом году, ее сестра была старше на пять лет. Черайз была вдовой лорда Дюмонта, который умер через месяц после свадьбы, оставив новобрачную богатой, свободной и совершенно независимой.

До начала сезона оставалось две недели, и все это время Элизабет довольно много общалась с богатенькими молодыми дебютантками, которые собирались в гостиной у Джемисонов, чтобы вволю посплетничать обо всех и вся. Они приехали в Лондон с одной и той же целью, которая являлась также и почетной обязанностью: выйти замуж в соответствии с пожеланиями семьи за человека как можно более богатого и влиятельного, дабы увеличить состояние и упрочить положение своих родных.

В этой гостиной светское образование Элизабет продолжилось и завершилось. К своему ужасу, она обнаружила, что миссис Портер была права, когда говорила, что в обществе принято хвалиться своими связями и упоминать громкие имена. Она также узнала, что в свете не считается дурным тоном обсуждать чье-либо финансовое положение, особенно если речь идет о перспективах неженатого мужчины. В самый первый день единственное, что она смогла сделать, чтобы не выдать своего невежества, это мысленно ахнуть и молча слушать сыпавшиеся со всех сторон замечания: «Лорд Петере — отличная добыча. Еще бы, у него двадцать тысяч фунтов годового дохода, к тому же он наверняка унаследует баронетство от своего дяди, когда тот умрет от сердечной болезни, на что есть все основания надеяться», — провозгласила одна из девушек, и остальные подхватили: «У Шорхэма такое чудесное поместье в Уилтшире, и мама сидит как на иголках, ожидая, когда же он наконец объяснится... Подумать только, изумруды Шорхэмов!.. Робелсли разъезжает в чудесном голубом ландо, но папа говорит, чтобы я и не думала о нем — он по уши в долгах... Вот погоди, Элизабет, скоро ты увидишь Ричарда Шипли! Ни в коем случае не позволяй ему увлечь себя — он страшный волокита, и, хотя разодет в пух и прах, у него нет ни гроша за душой!» Последний совет исходил от Валери Джемисон, которую Элизабет считала здесь своей самой близкой подругой.

Элизабет с радостью принимала их дружеское расположение и делала вид, что внимает их советам. Однако она ощущала все возрастающее чувство неловкости, когда видела их отношение к людям, которых они считали ниже себя. Она привыкла общаться на равных со своими конюхом

и дворецким, и потому ей было нелегко притворяться, что она придает значение сословным различиям.

Сам Лондон Элизабет очень понравился, она буквально влюбилась в его суматошные улицы и стриженные парки. Ей также нравилось возбужденное ожидание сезона, и она обожала своих новых подруг, с которыми, когда они не сплетничали, можно было весело провести время.

Однако когда наступил день ее первого бала, уверенность в себе и радостное предвкушение удовольствий внезапно покинули Элизабет. Поднимаясь по парадной лестнице Джемисонов под руку с Робертом, девушка неожиданно почувствовала страх, какого еще не испытывала ни разу в жизни. В голове ее вихрем закружились все «можно» и «нельзя», которые она не особенно старалась запомнить, и у нее появилось убийственное предчувствие, что она прославится в свете тем, что весь сезон будет упорно подпирать стенку. Но когда Элизабет вступила в балльную залу, вид, представший перед ее глазами, заставил забыть все страхи, и глаза ее засияли от восторга. В канделябрах горели сотни тысяч свечей, мимо нее проходили красивые мужчины и прелестные женщины в пышных туалетах из атласа и шелка.

Не обращая внимания на молодого человека, который дважды оглянулся, чтобы получше разглядеть ее, Элизабет подняла глаза на улыбающегося брата.

— Роберт, — прошептала она, ее зеленые глаза сверкали, — мог ли ты представить себе, что на свете бывают такие красивые люди и такие огромные комнаты?

Затянутая в тончайшее белое газовое платье с золотыми нитями, с белыми розами в золотых волосах, со сверкающими зелеными глазами, Элизабет Кэмерон была похожа на сказочную принцессу.

Она была очарована, и в этом выражении ее лица действительно было что-то неземное, когда она наконец пришла в себя, смогла улыбнуться и поздороваться с Валери и остальными девушками.

К концу бала Элизабет и в самом деле чувствовала себя, как в сказке. Мужчины обступили ее со всех сторон, вымаливая танец или хотя бы право принести ей пунш. Она улыбалась и танцевала, не прибегая к обычным женским уловкам и кокетству, которыми напропалую пользовались другие девушки. Вместо этого она с живым интересом внимала тому, что ей рассказывали и благодарно улыбалась, принимая различные знаки внимания, она старалась не обижать своих кавалеров и танцевала без передышки. Ее заразило всеобщее веселье, чудесная музыка снова и снова влекла ее танцевать, она купалась в мужском внимании, и все эти чувства

отражались в ее сияющих глазах и улыбке, не сходившей с ее лица. Элизабет и в самом деле была сказочной принцессой на своем первом балу — обворожительная, очаровательная, она кружилась в мерцающем свете свечей, окруженная прекрасными принцами, позабыв о времени и о том, что всему когда-нибудь наступает конец. Своей ангельской красотой, золотыми волосами и глазами, сверкающими, как изумруды, Элизабет Кэмерон штурмом взяла Лондон. Это был не просто успех. Это была повальная страсть.

На следующее утро к ее дому потянулся бесконечный ручеек визитеров, и именно здесь, а не на балу, Элизабет одержала свои самые грандиозные победы, потому что при более близком знакомстве мужчины обнаруживали, что на нее не только приятно смотреть, но с ней также легко и приятно общаться. За три недели четырнадцать человек сделали ей предложение, весь Лондон гудел от такого беспрецедентного успеха. Даже мисс Мэри Гладстон, коронованная красавица двух последних сезонов, не получила такого количества предложений.

Двенадцать искателей руки Элизабет были молоды, совершенно покорены ее красотой и подходили по всем статьям, двое были значительно старше, однако так же высоко ценили ее красоту. Роберт, страшно гордый успехом сестры и столь же бестактный, хвастался ее победами и безжалостно отказывал претендентам как неподходящим и недостойным. Верный своему обещанию найти Элизабет идеального мужа, с которым она будет счастлива, он выжидал.

Пятнадцатый кандидат в мужья отвечал всем его требованиям. Баснословно богатый, красивый и представительный, двадцатипятилетний виконт Мондвэйл, бесспорно, был самой крупной добычей сезона. Роберт знал об этом и, как он сказал в тот вечер Элизабет, так разволновался от его предложения, что чуть не забылся и не перемахнул через стол, чтобы поздравить виконта с предстоящей свадьбой.....

Элизабет была очень рада и тронута тем, что Роберт выбрал именно того молодого джентльмена, которым она особенно восхищалась.

— О, Роберт, он такой хороший. Я... я не была уверена, что нравлюсь ему настолько, чтобы он сделал мне предложение. Роберт запечатлел любящий поцелуй у нее на лбу.

— Принцесса, — поддразнил он, — любой, кто посмотрит на тебя, теряет разум. Это был всего лишь вопрос времени.

Элизабет слабо улыбнулась и пожала плечами. Она уже порядком устала от того, что все говорят только о ее лице, как будто кроме него, у нее ничего и нет. Более того, она очень быстро пресытилась бурной светской

жизнью и напускным весельем, так восхищавшими ее поначалу. Самое сильное чувство, которое возникло у нее при объявлении о помолвке, было облегчение оттого, что вопрос о замужестве наконец решен.

— Мондвэйл собирался зайти к тебе сегодня к вечеру, — сказал Роберт, — но я не собираюсь давать ему ответ раньше, чем через неделю-другую. Ожидание только укрепит его намерения, и, кроме того, я считаю, ты заслуживаешь еще несколько дней свободы перед тем, как стать невестой.

Невестой. При этом слове Элизабет почувствовала странную слабость во всем теле и отчетливо неприятное чувство, прекрасно понимая, что это ужасно глупо с ее стороны.

— Признаюсь, мне было страшно называть ему сумму твоего приданого — всего пять тысяч фунтов, но, похоже, ему все равно.

Во всяком случае, он так сказал. Сказал, что единственное, что ему нужно, — это ты. И еще заявил, что собирается осыпать тебя рубинами размером с твою ладонь.

— Это... замечательно, — неуверенно произнесла Элизабет, изо всех сил стараясь почувствовать что-нибудь большее, чем облегчение и необъяснимый приступ тоски.

— Это ты замечательная, — засмеялся Роберт, потрепав ее по волосам. — Ты вытащила отца, меня и Хэвенхёрст из вересковых зарослей.

В три часа дня явился и сам виконт Мондвэйл. Элизабет встретила с ним в желтой гостиной. Он вошел, оглядел комнату и, взяв ее за руки, заглянул в глаза и тепло улыбнулся.

— Ответ будет «да»? — в его тоне звучало скорее утверждение, а не вопрос.

— Вы уже говорили с моим братом? — удивилась Элизабет.

— Нет еще.

— В таком случае, откуда вы можете знать, что он ответит «да»? — озадаченно улыбнулась Элизабет.

— Потому что в первый раз за весь месяц рядом с вами нет вездесущей мисс Люсинды Трокмортон-Джонс с ее орлиным взглядом! — Он быстро поцеловал ее в лоб и, застигнутая врасплох, она покраснела. — Понимаете ли вы сами, как красивы? — спросил он.

Элизабет имела об этом смутное представление, но ей уже порядком надоело, что все говорят ей об этом. Тем не менее она сделала над собой усилие и подавила опасный порыв ответить ему: «А вы понимаете, что я еще и неглупа?» Не то чтобы Элизабет считала себя такой уж интеллектуалкой, но она любила читать и обсуждать прочитанное, и ее

тревожило, понравится ли виконту это в ней. До сих пор он ни разу не высказал своего мнения о чем бы то ни было, кроме самых тривиальных вещей, и ни разу не поинтересовался ее мнением.

— Вы очаровательны, — прошептал Мондвэйл, и Элизабет очень серьезно задумалась, почему он так думает. Ведь он не знает, как она любит рыбачить, или смеяться, или что она стреляет из пистолета, как снайпер. Он не знал, что однажды она выиграла скачки на колесницах, которые они устроили во дворе Хэвенхёрста, и не знал, что цветы в их саду цветут для нее по-особенному. Она даже не была уверена, захочет ли он услышать замечательные легенды о Хэвенхёрсте и красочные рассказы о его прежних обитателях. Он так мало знал о ней, а она знала о нем еще меньше.

Элизабет жалела, что не может спросить совета у Люсинды, та заболела и лежала у себя в комнате с высокой температурой и больным горлом, и девушка не видела ее с позавчерашнего дня.

Она все еще была немного обеспокоена этими мыслями, когда вечером следующего дня собиралась к отъезду на уик-энд, где встреча с Яном Торнтоном перевернула всю ее жизнь. Ее пригласили на уик-энд в загородный дом, принадлежавший леди Черайз Дюмонт, старшей сестре Валери. К тому времени, как Элизабет приехала туда, по всей территории поместья уже разгуливали гости, они флиртовали, смеялись и пили шампанское, которое струилось из хрустальных фонтанов в саду. По лондонским меркам, здешнее собрание было небольшим — не больше ста пятидесяти человек, из которых только двадцать, включая Элизабет и трех ее подруг, должны были остаться на весь уик-энд. Не будь Элизабет так неопытна и наивна, она сразу бы поняла, что это собрание носит весьма фривольный характер, она заметила бы, что здесь собрались люди значительно старше и опытнее ее и вели себя гораздо свободнее, чем это предписывалось этикетом. Она поняла бы это и сразу уехала.

Сейчас, сидя в гостиной Хэвенхёрста и вспоминая свою гибельную глупость на том уик-энде, она сама дивилась собственной доверчивости и простоте.

Откинув голову на спинку дивана, Элизабет закрыла глаза и, вспомнив о своем унижении, сглотнула подступивший к горлу комок. Ну почему, отчаянно спрашивала она себя, почему счастливые воспоминания стираются и бледнеют так, что ты едва можешь их вспомнить, в то время как ужасные события возникают в памяти с такой ослепительной ясностью и четкостью, что становится больно глазам? Даже сейчас она могла во всех подробностях восстановить ту ночь — она видела ее, чувствовала ее запахи, слышала звуки.

Элизабет вышла в сад посмотреть цветники. Цветы во внешнем саду буйно цвели. Розы. Повсюду разливался их опьяняющий аромат. В бальной зале оркестранты настраивали инструменты, и неожиданно вступительные звуки чарующего вальса поплыли по саду, наполняя его. Спускались сумерки, слуги вышли на расположенные террасами дорожки сада, чтобы зажечь пестрые яркие фонарики. Конечно, не все дорожки будут освещены — те, что находятся дальше, за террасами, оставят в интимной темноте для тех парочек, которые позже захотят уединиться в зеленых лабиринтах оранжереи. Но это Элизабет поняла только потом.

Она нашла подруг только через полчаса, они собрались в самом дальнем конце сада, чтобы вволю посмеяться и посплетничать. Она не сразу заметила их: они были частично скрыты высокой, аккуратно подстриженной живой изгородью. Приблизившись к девушкам, Элизабет поняла, что они не просто стоят за изгородью, а за кем-то подглядывают, за кем-то, кто вызывал у них бурю волнения и разговоров. "Вот, — сказала Валери, снова взглядевшись в просвет между кустами, — это то, что моя сестра называет «настоящей мужской красотой». На несколько мгновений воцарилось короткое благоговейное молчание, во время которого все три девушки изучали этот эталон мужского совершенства, который заслужил столь высокую похвалу у великолепной сестры Валери. Они знали, что мнению Черайз в этом вопросе можно доверять. В этот момент Элизабет заметила травяное пятно на своей туфельке и, с ужасом представив, сколько будет стоять новая пара таких туфелек, прикидывала, можно ли будет заказать только одну туфлю. «Я все еще не могу поверить, что это действительно он! — прошептала Валери. — Черайз говорила, что он может появиться здесь, но я мало надеялась на это. Все просто умрут, когда мы вернемся в Лондон и скажем, что видели его! — добавила она. Заметив Элизабет, Валери махнула рукой, чтобы она присоединялась к ним. — Взгляни, Элизабет, ну разве он не божествен? В нем есть что-то загадочное, просто дьявольское!»

Вместо того, чтобы подглядывать, Элизабет оглядела сад поверх изгороди, отмечая пышно разодетых гостей, которые, смеясь и болтая, мало-помалу перемещались к дому, где после ужина должны были начаться танцы. Ее взгляд безучастно скользнул по мужчинам в пастельных атласных бриджах и ярких жилетах и камзолах. Они показались ей похожими на пестрых павлинов и попугаев.

— А кого я должна увидеть?

— Мистера Яна Торнтона, глупая! Нет, подожди, сейчас ты его уже не

увидишь. Он вышел из-под света фонарей.

— А кто он — этот Ян Торнтон?

— Ян Торнтон — это Ян Торнтон, и кто он такой, никто в точности не знает! — сказала Валери и затем добавила тоном, каким сообщают особенно поразительные новости: — Некоторые говорят, что он внук герцога Стэнхоупского!

Как и все юные дебютантки, Элизабет должна была изучить книгу пэров — книгу, перед которой в свете благоговели так же сильно, как пресвитерианцы перед Библией.

— Герцог Стэнхоупский уже немолод, — вспомнила Элизабет после некоторого размышления, — и не имеет наследника.

— Да, это всем известно. Но говорят, что Ян Торнтон... — голос Валери упал почти до шепота, — его незаконнорожденный внук.

— Понимаешь, — авторитетно заверила ее Пенелопа, — у герцога Стэнхоупского был сын, но он отрекся от него много лет назад. Мне рассказывала мама, она говорит, что тогда был страшный скандал.

При слове «скандал» все головы сблизились, и она продолжила:

— Сын старого герцога женился на дочери шотландского крестьянина, который в придачу оказался наполовину ирландцем! Это была совершенно ужасная особа, ровным счетом ничего из себя не представлявшая. Так что это, должно быть, его внук.

— Все так думают только потому, что у него такая же фамилия, — высказалась Джорджина с типичным для нее скептицизмом, — в то время как это достаточно распространенное имя.

— Я слышала, он так богат, — вставила Валери, — что однажды в Париже на одном из светских приемов, играя в карты, сделал ставку в двадцать пять тысяч фунтов, и это притом, что игралась одна-единственная партия, просто для развлечения!

— О, ради Бога, — с презрением сказала Джорджина, — он сделал это не потому, что богат, а потому, что неисправимый игрок! Мой брат знает его, и он говорит, что Торнтон — самая заурядная личность, человек, у которого нет ни прошлого, ни воспитания, ни связей, ни богатства!

— Я тоже слышала это, — признала Валери, снова вглядываясь в просвет между кустами. — Смотри! — вскрикнула она. — Сейчас его видно. Леди Мэри Уоттерли прямо-таки кидается на него!

Девушки так сильно наклонились вперед, что чуть не свалились в кустарник.

— Я чувствую, что просто растаю, если он посмотрит на меня.

— Этого не может быть, — с деланной улыбкой сказала Элизабет,

понимая, что ей тоже пора принять какое-то участие в беседе.

— Ах, ты же не видела его!

Элизабет и не нужно было его видеть, она прекрасно знала, какого сорта мужчины нравятся ее подругам: светловолосые, голубоглазые щеголи в возрасте от двадцати до двадцати четырех лет.

— Полагаю, у Элизабет слишком много богатых поклонников, чтобы она обратила внимание на какого-то мистера, как бы он ни был красив и загадочен, — сказала Валери, видя, что Элизабет продолжает держаться в сторонке и поддерживает разговор лишь из вежливости. Элизабет показалось, что комплимент содержал изрядную долю зависти и злости, однако подозрение было настолько неприятным, что она быстро отвергла его. Она не сделала ничего плохого ни Валери, ни другим девушкам, чтобы заслужить их враждебность. Ни разу с тех пор, как оказалась в Лондоне, она не произнесла ни одного недоброго слова в чей-либо адрес, фактически она вообще никогда не принимала участия в обсуждении других людей и уж тем более не пересказывала услышанное. Даже сейчас ей было ужасно неловко оттого, что они следят за этим мужчиной и обсуждают его в таком тоне. Элизабет всегда казалось, что любой человек имеет право на уважение, независимо от положения, которое он занимает. Конечно, такого мнения придерживалось меньшинство, и в глазах света оно граничило с ересью, и потому она держала свои взгляды при себе.

В данный момент девушка почувствовала, что ей следует проявить лояльность по отношению к подругам: им может показаться, что Элизабет задается, если она не присоединится к их забаве и откажется разделить их восторг перед мистером Яном Торнтоном. Попытавшись настроиться на их лад, она улыбнулась Валери и сказала:

— У меня не так уж много поклонников, и я уверена, что, увидев его, буду заинтригована так же, как и любая другая женщина.

По какой-то непонятной причине после этих слов Элизабет Валери и Пенелопа обменялись мимолетными взглядами, в которых проскользнуло удовлетворение. Заметив недоумение Элизабет, Валери объяснила:

— Слава Богу, что ты согласна, Элизабет, потому что мы все трое находимся в затруднительном положении. Мы очень рассчитываем, что ты поможешь нам выпутаться из него.

— А какого рода это затруднение?

— Если б ты знала, — начала Валери как-то уж очень театрально, но Элизабет отнесла это на счет чересчур крепкого вина, которое лилось здесь рекой, — как долго мне пришлось упрашивать Черайз, чтобы она разрешила нам приехать на этот уик-энд!

Это Элизабет было уже известно, и она молча кивнула.

— Дело в том, что, когда Черайз сказала нам сегодня, что здесь должен появиться Ян Торнтон, мы все просто запрыгали от радости. Но она сказала, что он не обратит на нас ни малейшего внимания, потому что мы слишком молоды и совсем не в его вкусе...

— Возможно, она права, — сказала Элизабет, улыбаясь и не выказывая ни малейшего интереса.

— О, но он должен обратить на нас внимание! — призвав взглядом остальных девушек поддержать ее, воскликнула Валери. — Обязательно должен, потому мы поспорили с Черайз на сумму, которую выдают нам родители раз в три месяца, что он пригласит кого-нибудь из нас танцевать. А он скорее всего не сделает этого, если нам не удастся возбудить его интерес до того, как начнутся танцы.

— Вы поспорили на все свои деньги? — ужаснулась Элизабет столь экстравагантной забаве. — Но ведь ты собиралась купить на них аметисты, которые видела на Вестпул-стрит.

— А я хотела купить ту чудесную маленькую лошадку, которую отказался купить мне папа, — произнесла Пенелопа, снова вглядываясь в просвет между кустами.

— Я... я, возможно, могла бы и отказаться от пари, — сказала Джорджина, и Элизабет показалось, что ее волнует нечто большее, чем деньги, — не думаю, что... — начала она, но Пенелопа своим возбужденным вскриком не дала ей закончить.

— Он идет в нашу сторону, и с ним никого нет! Более удачной возможности привлечь его внимание у нас не будет. Только бы он не изменил направление.

Неожиданно это безумное пари стало казаться запретной игрой, и Элизабет фыркнула.

— В таком случае я предлагаю предоставить Валери почетную роль возбудить его интерес, так как это была ее идея и она больше всех восхищается им.

— Мы назначаем на эту роль тебя, — сказала Валери беспечным, но в то же время решительным тоном.

— Меня? Но почему меня?

— Потому что ты получила целых четырнадцать предложений, поэтому совершенно очевидно, что у тебя больше всего шансов привлечь его внимание. И кроме того, — добавила она для большей убедительности, — на виконта Мондвэйла произведет большое впечатление слух о том, что Ян Торнтон — человек-загадка, которого безуспешно преследовала в

прошлом году сама Мэри Джейн Моррисон, — пригласил тебя на танец и оказывал тебе особое внимание. Как только Мондвэйл услышит об этом, он тут же примчится к тебе с предложением!

В соответствии с правилами этикета Элизабет ни разу не позволила себе выказать хоть малейшее предпочтение виконту и потому была неприятно удивлена открытием, что подруги догадались о ее чувствах. Конечно, они не могли знать, что молодой красавец уже сделал ей предложение, которое вот-вот будет принято.

— Решайся быстрее, он уже почти здесь! — воскликнула Пенелопа, перекрывая нервное хихиканье Джорджины.

— Ну, ну, ты согласна?! — торопила ее Валери, в то время как другие девушки начали отступать к дому.

Элизабет глотнула вина из бокала, который ей вручили, как только она вышла из дома в сад, и к которому она до сих пор не притронулась. Она колебалась.

— Хорошо, я попробую, — сказала она наконец, сверкнув улыбкой.

— Отлично. И не забудь: или он танцует с тобой сегодня вечером, или мы потеряем все свои деньги!

Смеясь, она дала Элизабет легкий ободряющий тычок в бок, затем крутнулась на каблучках своих атласных туфель и умчалась вслед за смеющимися подругами.

Элизабет поспешно сошла с террасы на две ступеньки вниз и теперь, скрытая от взгляда изгородью, стояла на траве и оглядывалась, пытаясь решить, оставаться ей здесь или присесть на белую каменную скамейку слева от нее. Она двинулась к скамейке и устроилась на ней как раз в ту минуту, когда на кирпичных ступеньках раздался звук мужских шагов, раз-два — и она увидела его.

Не подозревая о ее присутствии, Ян Торнтон сделал вперед еще один шаг, затем остановился у фонаря и достал из кармана тонкую манильскую сигару. До этого момента Элизабет испытывала легкое беспокойство, думая о той задаче, которую ей предстояло выполнить. Но когда она увидела его, это беспокойство переросло в такое сильное волнение, что дрожь прошла по телу и зазвенело в ушах. Ян Торнтон не имел ничего общего с тем, что она ожидала увидеть. Он был отнюдь не блондин и гораздо старше, чем она представляла, — ему было как минимум двадцать семь лет, и он был поразительно высокого роста, больше шести футов. В темноте Элизабет смогла разглядеть его только в общих чертах: мощный разворот плеч, длинные сильные ноги, густые, слегка волнистые темно-каштановые волосы. Вместо традиционного атласного фрака и белых бриджей он был с

головы до ног одет во все черное, за исключением рубашки и шейного платка, которые были такими белоснежными, что казались светящимися на фоне черного камзола и жилета. Элизабет подумала, что Ян Торнтон похож на большого хищного ястреба, оказавшегося в стае неповоротливых ярких павлинов. Раскуривая сигару, он наклонил свою темную голову к рукам, сложив их лодочкой, чтобы ветер не загасил пламя. Белые манжеты высунулись из рукавов черного фрака, и в оранжевом свете пламени она увидела, что его. лицо и руки покрыты темным загаром.

Элизабет отпустила дыхание, которое невольно затаила, и этот тихий звук заставил его резко вскинуть голову. Глаза его сузились то ли от недовольства, то ли от удивления. Чувствуя неудобство оттого, что прячется в тени и подсматривает за ним, Элизабет выпалила первое, что пришло ей в голову:

— Первый раз вижу, как мужчина курит сигару. Э-э... обычно мужчины переходят в другую комнату.

Более идиотской фразы невозможно было придумать, подумала она.

Его темные брови вопросительно приподнялись.

— Вы возражаете? — спросил он, закончив раскуривать сигару.

Элизабет поразили две вещи одновременно. Первое — то, что его пронзительные глаза имели совершенно необычный цвет — цвет янтаря, светящегося изнутри, и второе — его глубокий, низкий, богатый оттенками голос. От этого сочетания она вдруг ощутила странное тепло где-то в области спины.

— Возражаю? — тупо повторила она.

— Я имею в виду сигару, — сказал он.

— О... нет. Нет, не возражаю, — торопливо заверила она его. У нее сложилось впечатление, что он пришел сюда в надежде спокойно насладиться сигарой, и если бы она сказала, что возражает против сигары, он скорее повернулся бы и ушел, чем ради ее общества отказался от этого удовольствия. В пятидесяти ярдах от них, в дальнем конце длинного узкого газона, на котором они стояли, раздался девичий смех, и Элизабет непроизвольно повернулась, выхватив взглядом в круге света розовое платье Валери и желтое платье Джорджины, прежде чем они обежали изгородь и скрылись из глаз.

Поведение подруг вызвало краску стыда у нее на щеках, и когда она снова повернулась к нему, то увидела, что он внимательно изучает ее — руки в карманах, сигара в зубах, таких же белоснежных, как его рубашка. Едва заметным наклоном головы он указал в сторону, куда убежали девушки.

— Ваши подруги?

Ей показалось, что он догадался о том, что их встреча была заранее подстроена, и почувствовала себя ужасно виноватой.

Элизабет хотела было придумать какую-нибудь отговорку, но лгать она не любила и тем более не могла сейчас — под этим пронзительным, вызывающим странное беспокойство взглядом.

— Да, подруги, — выговорила она наконец.

Замолчав, чтобы получше расправить юбки своего лавандового цвета платья, она подняла к нему лицо и нерешительно улыбнулась. До нее вдруг дошло, что они не представлены друг другу, и, поскольку рядом никого не было, чтобы провести эту процедуру, как полагается, она неловко и торопливо исправила дело сама.

— Меня зовут Элизабет Кэмерон, — объявила она. Насмешка угадывалась лишь в легком наклоне его головы, когда Торнтон просто повторил ее имя:

— Мисс Кэмерон.

У Элизабет не оставалось выбора, и она подтолкнула его,

— А как ваше имя?

— Ян Торнтон.

— Как поживаете, мистер Торнтон? — спросила она и, как положено, протянула ему руку. Этот жест неожиданно вызвал у него улыбку — обаятельную белозубую улыбку, которая непроизвольно появилась на его губах, когда он шагнул к ней и взял ее руку.

— Благодарю вас, — сказал он голосом, в котором и на этот раз звучала едва уловимая насмешка.

Элизабет уже начала сожалеть, что согласилась участвовать в этой затее, и лихорадочно подыскивала способ завязать беседу. До сих пор она предоставляла эту привилегию молодым людям, которым вскружила голову ее красота. Ей не было необходимости думать, как завязать беседу, так как все отчаянно стремились вовлечь в разговор ее. Она вдруг вспомнила, что в свете принято обсуждать знакомых, и с облегчением остановилась на этом предмете.

— Молодая леди в розовом — мисс Валери Джеемисон, а в желтом — мисс Джорджина Грэнджер.

Он ничем не проявил, что знаком с этими леди, и Элизабет помогла ему:

— Мисс Джеемисон — дочь лорда и леди Джеемисон. Видя, что он по-прежнему наблюдает за ней с вежливым безразличием, Элизабет добавила, начиная приходить в отчаяние:

— Это Джемисоны из Херфордшира. Знаете, граф и графиня.

— Неужели? — смиротворился он.

— Да, действительно, — Элизабет решила перейти к Джорджине, почувствовав некоторую опору под ногами, — а мисс Грэнджер — дочь уилтширских Грэнджеров, барона и баронессы.

— Неужели? — повторил он, насмешливо глядя на нее, и опять воцарилось опасное молчание.

И только тут она вспомнила, что говорили девушки о его спорном происхождении. Ей стало безумно стыдно, что она так бездумно называет титулы человеку, который, возможно, был несправедливо лишен своего герцогского титула. Она почувствовала, как повлажнели ее ладони, и потерла их о колени, но, осознав простонародность этого жеста, отдернула руки от платья и прокашлялась, яростно обмахиваясь веером.

— Мы все приехали сюда на время сезона, — еле слышно закончила она.

Холодные янтарные глаза вдруг потеплели, теперь в них появилось сочувствие, и в его низком голосе прозвучало добродушие, когда он сказал:

— Наверное, всю развлекаетесь?

— Да, развлекаемся, — ответила она со вздохом облегчения оттого, что он наконец принял некоторое участие в беседе. — Мисс Грэнджер очень хорошенькая, хотя вы вряд ли могли заметить это с такого расстояния, — исключительно хорошенькая, и у нее самые приятные манеры, какие только можно представить. У нее множество поклонников.

— Воображаю... и все титулованные?

Все еще думая, что он переживает из-за утраченного герцогства, Элизабет прикусила губу и кивнула, чувствуя себя в высшей степени неловко.

— Боюсь, что так, — горестно признала она и, к своему крайнему удивлению, вдруг увидела, что он улыбается — медленная, дразнящая улыбка пробежала по его лицу, изменив его черты настолько, что сердце гулко бухнуло у нее в груди и она неожиданно вскочила на ноги.

— Мисс Джемисон тоже красивая девушка. — Элизабет вернулась к обсуждению подруг как к наиболее безопасной теме.

— И много претендентов на ее руку?

Элизабет наконец сообразила, что он смеется, и его непочтительное отношение к вопросу, который для всех представлял такую большую важность, вызвал у нее произвольный смех облегчения.

— По самым достоверным источникам, — ответила она ему в тон, — число ее поклонников исчисляется рекордными цифрами.

Улыбаясь ему, она увидела, что в его глазах тоже заиграл смех, и вдруг ее нервозность и напряженность куда-то исчезли. У Элизабет вдруг возникло необъяснимое ощущение, будто они с ним старые друзья и обмениваются мнениями о каком-то предмете, к которому оба относятся одинаково непочтительно, только он высказывает это открыто, а она пытается завуалировать свое отношение.

— А как насчет вас?

— Что насчет меня?

— Сколько предложений получили вы?

В ответ Элизабет только засмеялась и покачала головой. С гордостью рассказывать о достижениях подруг было еще приемлемо, но хвастаться собственными выходило за всякие рамки приличий, и ему, без сомнения, было это известно.

— А вот об этом вы не должны были спрашивать, — с притворной строгостью упрекнула она его.

— Приношу свои извинения, — он насмешливо поклонился, в уголках его рта по — прежнему играла улыбка.

Сад уже полностью погрузился в темноту. Элизабет понимала, что давно пора идти в дом, и все-таки медлила, почему-то ей не хотелось покидать укромную интимность сада. Сложив руки за спиной, она стала смотреть на звезды, которые только что появились на ночном небосклоне и тускло мерцали.

— Это мое любимое время дня, — тихо сказала она и покосилась на него, чтобы посмотреть, не наскучила ли ему своими разговорами, но он так же, как и она, закинул голову и рассматривал небо, словно находил там что-то интересное.

Элизабет отыскала Большую Медведицу.

— Смотрите, — сказала она, кивая на особенно яркую звездочку. — Это Венера. Или Юпитер? Я вечно их путаю.

— Это Юпитер. А вон там Большая Медведица.

Элизабет фыркнула и покачала головой, оторвав взгляд от неба и искоса посмотрев на него.

— Возможно, для вас и для кого-то другого это выглядит как Большая Медведица, но для меня все эти созвездия — просто огромная россыпь звезд, которую невозможно упорядочить. Весной я могу найти Кассиопею, но не потому, что она напоминает мне льва, а осенью я могу показать Арктур, но как все умудряются разглядеть Стрельца в этом скоплении звезд, для меня до сих пор загадка. Как вы думаете, там где-нибудь есть люди?

Он повернул голову и изумленно поглядел на нее.

— А как вы думаете?

— Я полагаю, есть. Мне вообще кажется проявлением высокомерия думать, что среди стольких тысяч звезд и планет, кроме нас, никого больше нет. Это то же самое, что полагать, будто Земля — это центр Вселенной, вокруг которого все вертится. Кстати, люди, кажется, не очень хорошо отблагодарили Галилео Галилея за то, что он опроверг это утверждение, правда? Представляю, каково ему было предстать перед судом инквизиции и отречься от того, что он знал и доказал!

— С каких это пор дебютантки стали изучать астрономию? — спросил он, когда она вернулась к скамейке, чтобы взять свой бокал с вином.

— У меня было много-много лет, чтобы читать, — бесхитростно призналась Элизабет. Не заметив его внимательного, испытующего взгляда, она взяла свой бокал и снова повернулась к нему. — Пожалуй, мне пора вернуться в дом и переодеться к ужину.

Он молча кивнул, и Элизабет проследовала мимо него. Затем она вдруг переменяла свое решение, вспомнив о подругах, которые рассчитывают на нее.

— Вы знаете, у меня к вам несколько странная просьба, я хотела бы попросить вас об одной услуге, — медленно сказала она, взмолившись про себя, чтобы их мимолетное знакомства было для него таким же приятным и располагающим к дружеским отношениям, как для нее. С нерешительной улыбкой заглянув в его непроницаемые глаза, она попыталась изложить свою просьбу: — Не могли бы вы... по некоторым причинам я не могу объяснить... — невразумительно пробормотала она, вдруг ужасно смутившись.

— О какой услуге вы хотели бы попросить? Элизабет часто задышала.

— Не могли бы вы пригласить меня на танец сегодня вечером? Он не выглядел ни шокированным, ни польщенным ее смелым предложением. Элизабет напряженно всматривалась в его лицо, и наконец его красивые губы шевельнулись в ответе:

— Нет.

Обиженная и пристыженная его отказом, Элизабет опустила голову, но через несколько секунд вдруг осознала, что в его голосе прозвучало искреннее сожаление, и вопросительно посмотрела ему в лицо. Какое-то мгновение она изучала его бесстрастные черты, но внезапно раздавшийся смех где-то совсем рядом разрушил чары. Не видя выхода из неловкого положения, в которое ни за что не поставила бы себя сама, Элизабет подобрала юбки, собираясь уйти. Вытеснив из своего голоса все эмоции,

она со спокойным достоинством попрощалась:

— До свидания, мистер Торнтон. Он вынул сигару изо рта и кивнул.

— До свидания, мисс Кэмерон. Потом развернулся и ушел.

Элизабет прошла в отведенные ей и ее подругам комнаты. Остальные девушки уже были там и переодевались в вечерние платья. С появлением Элизабет смех и разговоры внезапно смолкли, отчего у нее возникло ощущение, что говорили и смеялись над ней.

— Ну? — спросила Пенелопа, хихикнув. — Не томи нас в неизвестности. Ты произвела на него впечатление?

Неприятное подозрение, что она стала предметом чьего-то розыгрыша, немедленно оставило Элизабет, как только она взглянула на их улыбающиеся лица. Одна только Валери держалась прохладно и отчужденно.

— Впечатление, безусловно, произвела, — ответила Элизабет со смущенной улыбкой, — но вряд ли оно было особенно благоприятным.

— Он так долго пробыл с тобой, — подтолкнула ее к более пространному рассказу другая девушка. — Мы наблюдали за вами из дальнего конца сада. О чем вы говорили?

Элизабет почувствовала, как кровь быстрее потекла у нее по венам и прилила к щекам, когда она вспомнила красивое загорелое лицо Торнтона и улыбку, так странно преобразившую и смягчившую его чеканные черты.

— Честно говоря, я не помню, о чем мы говорили.

В большей степени это было правдой. Единственное, что она могла вспомнить, это то, как дрожали у нее колени и обрывалось сердце при каждом взгляде на него.

— Ну, и какой он?

— Красивый, — она спохватилась, уловив мечтательные нотки в своем голосе. — Обаятельный. И у него красивый голос.

— И конечно же, — с сарказмом вставила Валери, — сейчас он пытается узнать, где можно найти твоего брата, чтобы просить у него твоей руки.

Это замечание было таким нелепым, что Элизабет непременно рассмеялась бы, не будь она так растеряна и до странности разочарована тем, как равнодушно расстался он с нею в саду.

— На этот раз никто не помешает моему брату спокойно провести вечер, это я вам обещаю, — сказала Элизабет и добавила с сожалеющей улыбкой. — Более того, боюсь, что вы потеряли все свои деньги, потому что нет ни малейшей надежды на то, что он пригласит меня танцевать.

Извиняясь, она пожала плечами и пошла переодеваться, но как только вошла к себе в спальню, беззаботная улыбка, которую она демонстрировала подругам, сошла с ее лица, уступив место глубокой задумчивости. Элизабет села на кровать и стала бесцельно водить пальцем по золотым нитям розового парчового покрывала, пытаясь разобраться в чувствах, которые испытывала в присутствии Яна Торнтона.

Стоя рядом с ним в саду, она чувствовала испуг и одновременно какую-то веселую бесшабашность. Он излучал странное магнетическое притяжение, которое привлекало ее к нему независимо от ее воли. Ее вынудили добиваться его расположения, и она стояла там, попеременно радуясь и тревожась, в зависимости от впечатления, которое производили на него ее слова. Даже сейчас воспоминание о том, как он улыбался и смотрел на нее из-под полуопущенных век, вызывало незнакомое ей ощущение интимности, от которой ее бросало то в жар, то в холод.

Звуки музыки заставили Элизабет очнуться от грез, и она позвонила в колокольчик, чтобы Берта помогла ей одеться.

— Ну как, что ты скажешь? — спросила она Берту полчасика спустя, сделав пируэт перед зеркалом. Берта, которая когда-то была ее няней, а потом стала горничной, скрестила на груди руки и критически осмотрела свою прекрасную молодую хозяйку. Необычный наряд и прическа Элизабет были встречены с полным пониманием и одобрением. Волосы Элизабет были подняты кверху и уложены в виде короны, из-под которой вдоль щек спадали две легкие вьющиеся пряди. В ушах сверкали серьги с сапфирами и брильянтами, доставшиеся ей от матери.

В отличие от других нарядов Элизабет, преимущественно пастельных тонов и с завышенной талией, это платье ярко-синего цвета было гораздо более необычным и выгодно подчеркивало ее фигуру. Складки синего шелка расходились из-под плоского банта на левом плече и спадали до пола, оставляя другое плечо открытым. И хотя фасон платья представлял собой всего лишь простую прямую трубу, он явно льстил ее фигуре, красиво обрисовывая грудь и намекая на тонкую талию.

— Я скажу, — ответила Берта, — это просто чудо, что миссис Портер заказала для вас такое платье. Оно ничуть не похоже на все остальные.

Элизабет натянула перчатки, доходившие ей до локтя, и улыбнулась Берте задорной, заговорщической улыбкой.

— Это единственное платье, которое заказывала не миссис Портер, — призналась она. — К счастью, Люсинда тоже пока не знает о нем.

— Не сомневаюсь.

Элизабет снова повернулась к зеркалу и, нахмурившись, всмотрелась в

свое отражение.

— Другим девушкам еще нет и семнадцати, а мне через несколько месяцев будет уже восемнадцать. Я пыталась объяснить миссис Портер, — продолжила она, доставая из шкатулки браслет, который вместе с серьгами составлял гарнитур, и застегивая его

Поверх перчатки на левом запястье, — что нельзя тратить так много денег на платья, которые я не смогу носить в следующем сезоне. А это я смогу надеть и в двадцать лет.

Берта закатила глаза и покачала головой, поправляя ленты на чепце. — Что — то я сомневаюсь, что виконт Мондвэйл захочет, чтобы вы появлялись в одном платье больше двух раз, не говоря уж о том, чтоб заносить его до дыр, — сказала она, наклонившись, чтобы поправить складки платья Элизабет.

Глава 5

Напоминание Берты о том, что она уже фактически помолвлена, произвело на Элизабет отрезвляющее действие, и к тому времени как она вошла в бальную залу, сердце ее билось совершенно ровно. Мысль о возможной встрече с мистером Яном Торнтоном больше не убыстряла ее пульс, и она отбросила всякие сожаления о том, что он отказался пригласить ее на танец. Больше она и думать о нем не хотела. Со свойственной ей прирожденной грацией Элизабет стала спускаться по лестнице в залу, где некоторые пары уже танцевали, но большинство еще стояли группками, смеясь и переговариваясь.

Когда Элизабет осталось пройти всего несколько ступенек, она остановилась на секунду, чтобы оглядеть собравшихся и найти подруг. Они стояли всего в нескольких ярдах от лестницы, Пенелопа подняла руку и помахала ей, чтобы она присоединялась, Элизабет кивнула и улыбнулась.

Все еще улыбаясь, она отвела взгляд, но улыбка вдруг застыла на ее губах, когда взгляд ее скрестился с парой удивленно вскинутых янтарных глаз. В группе мужчин у подножия лестницы стоял и смотрел на нее Ян Торнтон, бокал в его руке замер на полпути ко рту. Он откровенно разглядывал ее: от блестящих светлых волос его дерзкий взгляд скользнул к груди и бедрам, затем опустился до синих атласных туфель и снова резко поднялся к лицу, выражая неподдельное восхищение. Отдавая дань ее красоте, он слегка приподнял одну бровь и, прежде чем выпить вино, сделал едва заметное движение рукой, давая понять, что пьет за нее.

Каким-то непостижимым образом Элизабет удалось сохранить бесстрастное выражение лица и продолжить грациозное шествие по лестнице, однако пульс ее забился с удвоенной частотой, и в душе воцарилось полное смятение. Если бы подобное поведение позволил себе любой другой мужчина, она была бы возмущена или по крайней мере неприятно удивлена. Но вместо справедливого негодования его улыбающиеся глаза и шутивный тост вызвали у нее ощущение какого-то безмолвного интимного диалога, и, не желая того, она невольно улыбнулась ему в ответ.

Лорд Ховард, кузен виконта Мондвэйла, ждал ее внизу лестницы. Ей нравился этот человек, его приятные манеры и особенно то, что он никогда не принадлежал к числу ее поклонников. Между ними установилось нечто вроде дружбы, и он делал все, что было в его силах, для сближения ее с

виконтом. Рядом с ним стоял лорд Эверли, один из наиболее настойчивых искателей ее руки — красивый, несколько взбалмошный, способный на необдуманные поступки молодой человек. Он так же, как и Элизабет, еще в юности унаследовал земли и титул, с той лишь разницей, что одновременно с ними он получил состояние.

— Ну надо же! — воскликнул лорд Эверли, мгновенно предлагая ей руку. — Мы слышали, что вы будете здесь, но, откровенно говоря, не надеялись. Вы сегодня просто восхитительны.

— Восхитительны, — эхом отозвался лорд Ховард. Он многозначительно улыбнулся, взглянув на простертую руку Томаса Эверли, и сказал: — Эверли, как правило, мужчина, который просит леди оказать ему честь сопровождать ее, не тычет в ее сторону рукой. Позвольте мне? — с галантным поклоном он в свою очередь предложил ей руку.

Элизабет рассмеялась и, считая себя уже обрученной, позволила себе немного нарушить узкие рамки этикета.

— Конечно, милорды, — сказала она и положила свои затянутые в перчатки руки на каждую из предложенных ей рук. — Надеюсь, вы оцените, как широко простирается мое расположение к вам. Я готова решиться даже на нарушение приличий ради того, чтобы предотвратить ссору, — пошутила она, идя между ними. — Боюсь, что уподобилась престарелой леди, слишком дряхлой, чтобы передвигаться без поддержки с обеих сторон!

Мужчины засмеялись, и Элизабет вместе с ними. И именно эту сцену наблюдал Ян Торнтон, когда они подошли к группе мужчин. Элизабет всячески избегала смотреть в его сторону до тех пор, пока они совсем не приблизились, но потом кто-то окликнул лорда Ховарда, и он замедлил шаг, чтобы ответить. Поддавшись искушению, Элизабет все-таки метнула один быстрый взгляд на высокого широкоплечего мужчину в центре группы. Он стоял, наклонив голову, и, казалось, был полностью поглощен разговором с единственной в их группе женщиной, которая, смеясь, что-то говорила ему. Если он и знал, что Элизабет смотрит на него, то не подал вида.

— Надо сказать, я был немного удивлен, когда узнал, что вы тоже будете здесь, — сказал лорд Ховард, вновь поворачиваясь к ней.

— Почему же? — спросила Элизабет, твердо поклявшись себе больше не думать о Яне Торнтоне. Она совершенно не знает этого человека, к тому же уже почти обручена, и в то же время постоянно думает о нем!

— Потому что на приемах у Черайз Дюмонт собирается общество, мало подходящее для девушки вашего возраста.

Встревоженная его словами, Элизабет сделала вид, что разглядывает

приятного светловолосого юношу.

— Но моя компаньонка мисс Трокмортон-Джонс никогда не возражала против моих визитов к кому-нибудь из членов этой семьи. И мама Черайз дружила с моей мамой.

Лорд Ховард добродушно улыбнулся и объяснил:

— В Лондоне, — он сделал ударение на этом слове, — Черайз образцовая хозяйка. Но приемы, которые она устраивает в своем загородном поместье... как бы это сказать... эти приемы уже не так регламентированы и строги, как следовало бы. — Он остановился, чтобы позвать слугу с серебряным подносом, уставленным бокалами с шампанским. Он вручил Элизабет бокал и продолжил: — Я ни в коем случае не хочу сказать, что присутствие на этом вечере может погубить вашу репутацию. В конце концов здесь находимся и мы с Эверли, — улыбнулся он, — а это свидетельствует о том, что представители из высшей прослойки общества здесь все-таки есть.

— В отличие от некоторых других гостей, которых не приняли бы ни в одной приличной гостиной Лондона! — презрительно вставил лорд Эверли, кивнув в сторону Яна Торнтона.

Снедаемая беспокойством и любопытством, Элизабет не выдержала и с безразличным видом поинтересовалась:

— Вы говорите о мистере Торнтоне?

— Как ни о ком другом.

Она сделала глоток шампанского и теперь уже с полным правом могла посмотреть на высокого загорелого мужчину, который занимал все ее мысли с тех пор, как она поговорила с ним один-единственный раз. На ее взгляд, он был одет исключительно элегантно и сдержанно: темно-вишневый фрак подчеркивал широкие плечи и длинные стройные ноги и сидел на нем как влитой, выдавая руку лучшего лондонского портного, белоснежный шейный платок был завязан с редким изяществом, волосы красиво пострижены и уложены. Даже в расслабленной позе, которую он занимал, было видно, что у него сильное стройное тело греческого дискобола, в то время как лицо его было отмечено печатью холодной надменности светского льва.

— Э-э... неужели он так ужасен? — спросила она, оторвав наконец взгляд от чеканного профиля.

Она находилась под таким сильным впечатлением от его элегантной фигуры, что язвительный ответ лорда Эверли не сразу дошел до ее сознания:

— Не то слово! Этот человек известен как заядлый картежник,

Пират, отъявленный мерзавец и даже хуже!

— Я... я просто не могу поверить всему этому, — сказала Элизабет, слишком огорченная и разочарованная, чтобы промолчать.

Лорд Ховард бросил на Эверли предупреждающий взгляд, затем улыбнулся и попытался успокоить Элизабет, неверно истолковав ее волнение.

— Не обращайтесь внимания на Эверли, миледи. Он просто вне себя от того, что две недели назад во время игры на светском приеме Торнтон облегчил его кошелек на десять тысяч фунтов. Успокойся, Том! — добавил он, когда разгневанный граф попытался протестовать. — А то из-за тебя леди Элизабет сегодня ночью будет плохо спать.

Когда кавалеры подвели Элизабет к группе, где стояли ее подруги, она едва слышала, о чем они говорят: все ее мысли были заняты Яном Торнтоном.

— Не понимаю, что мужчины в ней находят, — говорила Джорджина, — она ничуть не красивее любой из нас.

— А вы вообще замечали, — с философским глубокомыслием заметила Пенелопа, — что мужчины обычно ведут себя как бараны?

Куда один — туда и все.

— Я только хочу, чтобы она поскорее выбрала кого-нибудь и вышла замуж, оставив нам остальных, — сказала Джорджина.

— Мне кажется, она всерьез увлеклась им.

— Она зря теряет на него время, — злорадно усмехнулась Валери, сердито одернув свое розовое платье. — Я уже говорила вам: Черайз уверяет, что его не интересуют «невинные молоденькие штучки». Тем не менее, — сказала она с негодованием в голосе, — я была бы рада, если бы она вспылала к нему нежными чувствами. Один-два танца, несколько томных взглядов, и мы навсегда избавимся от нее, как только молва об этом достигнет ушей ее пылкою обожателя... Господи, Элизабет! — воскликнула Валери, заметив наконец Элизабет, которая стояла чуть позади нее. — А мы думали, что ты танцуешь с лордом Ховардом.

— Отличная мысль! — подхватил лорд Ховард. — Мне был обещан следующий танец, но если вы не возражаете, может быть, потанцуем сейчас?

— Пока вы не узурпировали ее окончательно, позвольте мне сказать пару слов, — быстро проговорил лорд Эверли, ошибочно считая лорда Ховарда своим соперником. Повернувшись к Элизабет, он продолжил: — Завтра мы на весь день собирались на увеселительную прогулку в деревню. Не окажете ли мне честь сопровождать вас на этой прогулке?

Злобные пересуды подруг повергли Элизабет в такую растерянность, что она с благодарностью приняла предложение лорда Эверли и согласилась танцевать с лордом Ховардом. Когда они закружились в танце, он улыбнулся ей и сказал:

— Насколько я понимаю, скоро мы породнимся. — Заметив ее удивление этим преждевременным замечанием, он объяснил: — . Мондвэйл признался мне, что вы вот — вот сделаете его счастливейшим из людей. Полагая, что ваш брат не обнаружит о нашей семье какой-нибудь страшной тайны, которой в действительности не существует, я думаю, вопрос можно считать решенным.

Поскольку Роберт специально предупреждал, чтобы она еще некоторое время подержала виконта в неизвестности, Элизабет сказала единственно возможное при данных обстоятельствах:

— Это решение полностью зависит от моего брата.

— О-о, такое послушание лишний раз говорит в вашу пользу, — одобрительно заметил он.

Через час, когда лорд Ховард все еще не покинул ее, Элизабет наконец поняла, что он решил взять на себя роль ее опекуна на этом вечере, который, на его взгляд, не был предназначен для таких юных и неопытных особ. Когда лорд Ховард отошел, чтобы принести ей пунша, она внимательнее оглядела зал и обнаружила, что гости, причем не только мужчины, но и женщины, постепенно перемещаются в комнату для карточной игры. На обычных балах такие комнаты предназначались исключительно для мужчин, хозяева предусматривали ее для тех (обычно это были мужчины женатые или Преклонных лет), кто, будучи вынужден присутствовать на балу, категорически отказывался провести весь вечер в пустой светской болтовне. Она знала, что Ян Торнтон ушел туда в самом начале вечера, но сейчас там что-то происходило, и даже ее подруги с вожделением стали поглядывать в ту сторону.

— А что такого особенного происходит в комнате для карт? — спросила она у лорда Ховарда, когда он вернулся с пуншем и повел ее к подругам.

Он сардонически улыбнулся.

— Торнтон почти весь вечер проигрывает, что весьма необычно для него.

Пенелопа и остальные девушки, стора от любопытства, прислушивались к их разговору.

— Лорд Тилбери говорит, что он выложил на стол все свое имущество — в игральные фишки и ценные бумаги, — сказала одна из них.

Элизабет испуганно глотнула воздух.

— Он... он все поставил на кон?. — спросила она у своего добровольного Опекуна. — Просто положившись на волю случая? Но почему он так поступает?

— Просто, чтобы пощекотать себе нервы. Полагаю, что так. Среди картежников это обычное дело.

Элизабет никогда не могла понять, почему ее отцу, брату и другим мужчинам доставляет такое удовольствие рисковать огромными суммами, только чтобы испытать судьбу. Но сказать об этом она не успела, потому что Пенелопа, указав на Джорджину, Валери и Элизабет, с очаровательной улыбкой произнесла,

— Нам очень хочется посмотреть все самим, и, если вы, лорд Ховард, будете сопровождать нас, я не вижу причины, почему бы нам туда не пойти. Это очень интересно, к тому же половина гостей уже там,

Лорд Ховард не мог устоять, когда три хорошеньких девичьих личика смотрели на него с такой надеждой, однако, взглянув на Элизабет, он заколебался: его миссия опекуна вошла в конфликт с желанием посмотреть своими глазами, как будут развиваться события.

— В этом нет ничего неприличного, — упрашивала его Валери, — раз там уже есть другие женщины.

— Ну хорошо, — лорд Ховард беспомощно развел руками. Взяв под руку Элизабет, он провел девушек в святая святых — карточную комнату для мужчин.

подавив желание закричать, что она не желает смотреть, как Ян Торнтон проигрывается до нитки, Элизабет с оживленным видом стала оглядывать комнату и людей, столпившихся вокруг самого большого в комнате дубового стола, загораживая сидевших за ним игроков. Темная обивка стен и винного цвета ковер придавали комнате мрачный вид, особенно в сравнении с празднично убранной бальной залой. Ближе к двери стояли два бильярдных стола, украшенных резьбой, по бокам над ними висели огромные канделябры. Всего в комнате было еще восемь карточных столов. И хотя игроков за ними не было, на них остались лежать столбики фишек и карты, предусмотрительно перевернутые вверх рубашкой.

Элизабет сделала вывод, что игроки покинули свои места ради того, чтобы посмотреть спектакль, разыгрывающийся за большим столом и вызывавший всеобщее возбуждение. Как раз в тот момент, когда она подумала об этом, один из зрителей заметил, что пора бы вернуться к собственной игре, и четверо мужчин отошли вместе с ним к своему столу.

Лорд Ховард любезно продвинул девушек на освободившееся место, и Элизабет оказалась в том самом месте, где ей меньше всего хотелось бы быть, — возле локтя Яна Торнтон, откуда ей было отлично видно все, что происходило за столом, и где она могла без помех наблюдать весь процесс его финансового краха.

За столом сидели еще четверо мужчин, среди которых был и лорд Эверли. Его лицо горело триумфом. Она отметила про себя, что он не только самый молодой участник игры, но также единственный, кто совершенно не умел скрывать свои эмоции. Ян Торнтон являл полный ему контраст — он свободно откинулся на стуле, вытянув ноги вперед, камзол на груди расстегнут, лицо сохраняло ясное, безмятежное выражение. Трое других мужчин с замкнутыми лицами сосредоточились на своих картах.

Герцог Хаммондский, сидевший напротив Элизабет, нарушил молчание.

— Думаю, ты блефуешь, Торн, — сказал он, и на лице его мелькнула улыбка. — Сегодня тебе просто фатально не везет. Я поднимаю ставку еще на пятьсот фунтов, — добавил он и выдвинул пять фишек.

Два обстоятельства поразили Элизабет: во-первых, то, что Яна называли Торном, а во-вторых, — что его светлость герцог Хаммондский, первый герцог королевства, обращался к нему так, словно они были друзьями. Однако другие мужчины держались с Яном довольно холодно — они молча достали свои фишки и присоединили их к кучке в центре стола.

Когда очередь дошла до Яна, Элизабет с ужасом увидела, что у него вовсе не осталось фишек, если не считать пяти одиноких белых кружков. С упавшим сердцем она смотрела, как он собрал эти фишки и выдвинул на середину. Она бессознательно затаила дыхание, поражаясь, как может нормальный, здравомыслящий человек поставить все, что у него есть, на такую бессмысленную вещь, как карты.

Последняя ставка была сделана, и герцог Хаммондский показал свои карты — пара тузов. У двух других игроков карты явно были хуже — они вышли из игры.

— Я вас бью! — воскликнул лорд Эверли и, оскалившись в победной улыбке, выложил трех королей. Наклонившись вперед, он собрался подгрести к себе фишки, как вдруг его остановил ленивый, медлительный голос Яна:

— Полагаю, эта партия моя, — сказал он и выложил свои карты — три девятки и две четверки. При этом Элизабет издала такой облегченный вздох, что он быстро обернулся и увидел ее беспокойные зеленые глаза и радостную улыбку. С затаенной улыбкой в уголках рта он повернулся к

своим партнерам: — Возможно, присутствие таких очаровательных дам склонило наконец фортуна на мою сторону, — сказал он улыбаясь.

К несчастью, его замечание о перемене фортуны оказалось преждевременным. Следующие полчаса Элизабет с падающим сердцем напряженно следила за тем, как он терял выигранные деньги. За все это время он ни разу не изменил своей расслабленной позы, лицо его оставалось бесстрастным, как маска. Чувствуя, что больше не в силах выносить эту муку, Элизабет собралась уйти, но, боясь побеспокоить игроков, решила дожидаться конца очередной партии. Как только партия закончилась, герцог Хаммондский объявил:

— Думаю, неплохо было бы освежиться.

Он кивнул проходившему слуге, и тот проворно собрал со стола пустые бокалы и заменил их полными. Элизабет порывисто обернулась к лорду Ховарду.

— Простите, — сказала она тихим, взволнованным голосом, поворачиваясь, чтобы уйти. Ян больше ни разу не взглянул на нее после той фразы о перемене фортуны, и она решила, что он забыло ее присутствию. Однако, услышав ее голос, он поднял голову и заглянул ей в лицо.

— Бойтесь стать свидетелем печального конца? — легкомысленным тоном спросил он, и трое мужчин, которые уже выиграли почти все его деньги, от души рассмеялись, но Элизабет отметила про себя, что смеху их недоставало теплоты.

Она в нерешительности остановилась. Ей показалось, что она сходит с ума, так явственно ей почудилась в его голосе просьба остаться. Так и не решив, померещилось ей это или нет, она храбро улыбнулась и ответила:

— Я только хотела взять вина. И я совершенно уверена, что вы... — она порылась в памяти в поисках нужного слова, — непременно ляжете на верный галс, — заявила она, припомнив карточный жаргон Роберта. Лакей услышал ее слова и поспешил подать ей бокал с вином.

В эту минуту в карточную комнату вплыла хозяйка дома и обратила укоризненный взгляд на столпившихся возле стола. Затем с ослепительной улыбкой, противоречившей строгости ее слов, обратилась к Яну:

— В самом деле Торн, это уже длится слишком долго. Заканчивайте игру и присоединяйтесь к нам в бальной зале. — Она с видимым усилием отвела от него взгляд и оглядела остальных гостей. — Джентльмены, — со смехом предупредила она, — через двадцать минут я распоряжусь не подавать вам сигары и бренди.

Кое-кто последовал за ней в зал — одни из чувства вины, что

пренебрегли светскими обязанностями, другие из нежелания наблюдать, как Ян проигрывается в пух и прах.

— Пожалуй, с меня на сегодня хватит, — объявил герцог Хаммондский.

— Я тоже пас, — отозвался еще один игрок.

— Еще одну партию, — стал уговаривать лорд Эверли. — У Торнтонна еще остались мои деньги, и я хочу вернуть их.

Мужчины за столом обменялись вопросительными взглядами, и герцог Хаммондский кивнул.

— Хорошо, Эверли, еще одну партию, и возвращаемся в залу.

— Раз мы играем последнюю партию, ставки не ограничены? — спросил покрасневший от возбуждения лорд Эверли. Все кивнули в знак того, что это само собой разумелось, и Ян сдал карты.

Начали с тысячи фунтов. В последующие пять минут в центре стола образовалась целая грудa фишек, и ставка составляла двадцать пять тысяч фунтов. Один за одним из игры вышли все игроки, кроме лорда Эверли и Яна, и Ян сдал Эверли последнюю карту. В комнате повисла мертвая тишина. Элизабет нервно стиснула руки, когда лорд Эверли взял свою четвертую карту.

Он взглянул на нее, потом на Яна, и его глаза загорелись от радости. Сердце Элизабет упало, когда она услышала его слова:

— Эта карта обойдется вам в десять тысяч фунтов, Торнтон, если вы останетесь в игре достаточно долго, чтобы посмотреть на нее.

Элизабет почувствовала страстное желание задушить этого богатенького лорда и не менее страстное желание дать как следует Яну Торнтону по ноге, которая находилась в пределах досягаемости мыска ее туфли, когда услышала, что он принимает вызов и поднимает ставку еще на пять тысяч фунтов!

Ей просто не верилось, что можно быть таким слепым: даже она поняла по лицу Эверли, что его карты не побить! Не в силах больше выносить этого, она оглядела напряженно застывших зрителей, которые ждали, что ответит на вызов Эверли, и приподняла юбки, намереваясь уйти. Ее движение отвлекло внимание Яна от противника, и в третий раз за вечер он посмотрел на нее, будто испытывал ее взглядом. Увидев расстроенное лицо Элизабет, он едва заметно повернул свои карты так, чтобы она смогла их увидеть.

Он держал четыре десятки.

Воспарив от радости и облегчения, она тут же испугалась, что своим лицом выдаст его. Круто повернувшись и чуть не свалив лорда Ховарда,

она поторопилась покинуть свое место у стола.

— Хочется немного подышать, — сказала она лорду Ховарду, но он был так поглощен игрой, что с отсутствующим видом пропустил ее. Элизабет понимала, что, показав ей свои карты, чтобы успокоить, Ян страшно рисковал, ведь она могла сказать или сделать какую-нибудь глупость и тем самым выдать его, и терялась в догадках, почему он сделал это. Кроме того, девушка чувствовала, что на протяжении всей игры он ни на минуту не забывал о ее присутствии, и ему было приятно сознавать, что она стоит рядом с ним.

Теперь, вырвавшись из толпы вокруг стола, Элизабет стала искать предлог остаться в карточной комнате, не приближаясь к столу. Наконец ее внимание привлекла картина с охотничьей сценкой, и она с притворным восторгом задержалась возле нее.

— Ваше решение, Эверли, — услышала она голос Яна. Ответ лорда Эверли заставил ее вздрогнуть.

— Двадцать пять тысяч фунтов, — медленно процедил он.

— Не будьте дураком, — сказал ему герцог. — Для одной партии это слишком много, даже для вас.

Элизабет уже в достаточной степени взяла себя в руки, чтобы контролировать выражение своего лица, и потихоньку вернулась на место.

— Я в состоянии позволить себе такую ставку, — резко напомнил ему и всем остальным Эверли, — но вот что меня беспокоит, Торнтон: сможете ли вы в случае проигрыша расплатиться.

Элизабет вспыхнула, словно оскорбление было нанесено лично ей, но Ян только откинулся на стуле и ледяным взглядом уставился на Эверли. После долгого напряженного молчания он произнес опасно мягким голосом:

— Я в состоянии поднять ставку еще на десять тысяч фунтов.

— Какие к черту десять тысяч, у вас их нет и в помине! — взорвался Эверли. — Я не собираюсь ставить свои деньги против вашей жалкой, ничего не стоящей расписки!

— Довольно, Эверли! — оборвал его герцог Хаммондский. — Вы заходите слишком далеко. Я ручаюсь за его кредитоспособность. А теперь, или принимайте вызов, или выходите из игры.

Эверли метнул на герцога бешеный взгляд, затем презрительно кивнул Яну:

— Итак, еще десять тысяч фунтов. А теперь давайте посмотрим, что у вас на руках!

Ян безмолвно вывернул свои карты, и они эффектно выскользнули из

его ладони на стол, сложившись красивым четким веером. . Четыре десятки.

Эверли вскочил на ноги.

— Несчастный шулер! Я видел, как вы взяли последнюю карту со дна колоды. Я знал это, но отказывался верить собственным глазам!

Ропот голосов поднялся при этом неслыханном оскорблении, однако Ян оставался все таким же бесстрастным, только одна жилка дрогнула на его окаменевшем лице.

— Назовите своих секундантов, негодяй! — прошипел Эверли, в бешенстве наклонившись к Яну через стол.

— Учитывая обстоятельства, — холодным скучающим голосом протянул Ян, — полагаю, что мне решать, хочу ли я удовлетворения.

— Не будьте ослом, Эверли — раздался чей-то тихий голос, — он прикончит вас, как муху.

Элизабет едва слышала эти слова, она понимала только то, что состоится дуэль, допустить которую нельзя ни в коем случае.

— Все это ужасное недоразумение! — воскликнула она, и к ней повернулось несколько десятков раздраженных, недоверчивых мужских лиц. — Мистер Торнтон не передергивал, — быстро заговорила она. — Эти десятки были у него на руках еще до того, как он вытянул последнюю карту. Собираясь уходить несколько минут назад, я случайно увидела его карты.

К ее необычайному удивлению, казалось, никто не поверил ей и даже не обратил внимания на ее слова, не исключая и лорда Эверли, который хлопнул ладонью по столу и заорал:

— Черт вас возьми, я назвал вас мошенником! А теперь я называю вас тр...

— Ради Бога, — опять перебила Элизабет, не дав ему выговорить слово «трус», после которого дуэль будет уже невозможно предотвратить. — Разве никто не понял, что я сказала? — спросила она, обводя взглядом собравшихся. Ей казалось, что остальные, не имея личного интереса, должны быть более объективны, чем лорд Эверли. — Я же говорю: мистер Торнтон уже держал все четыре десятки и...

Мужчины продолжали смотреть на Элизабет с холодной надменностью, и ее вдруг озарило: с кристальной ясностью она поняла, что ни один из этих лордов и рыцарей, до мозга костей проникнутых сознанием своего превосходства, не станет вмешиваться в это дело, Ян Торнтон был парией. Он был чужим среди них, а Эверли был своим, и они никогда не встанут на сторону аутсайдера против своего. Более того, своим

равнодушным отказом принять вызов Эверли Ян мягко дал понять, что считает молодого человека не стоящим его времени и усилий, а это уже было оскорбление всем им,

Лорд Эверли тоже понимал это и вне себя от злости смотрел на Яна так, словно хотел убить его взглядом.

— Если вы не согласитесь на дуэль завтра утром, я все равно достану вас, низкий...

— Но вы не можете, милорд! — вскрикнула Элизабет. Эверли оторвал взгляд от Яна и вскинул на нее удивленные злые глаза. С поразительным присутствием духа, о наличии которого она до сих пор не подозревала, Элизабет обратила свои чары на единственного мужчину в комнате, которого считала к ним равнодушным: она ослепительно улыбнулась Томасу Эверли и кокетливо покачала головой:

— Как вы забывчивы, сэр, — вы назначаете дуэль на завтрашнее утро, в то время как обещали его мне. Неужели вы забыли, что вызывались сопровождать меня завтра на прогулке в деревню?

— Послушайте, леди Элизабет, в самом деле, это...

— Нет, милорд, мне очень жаль, но я вынуждена настаивать, — перебила его Элизабет с самым невинным видом. — Я не намерена остаться без кавалера, как... как... не намерена, и все! — отчаявшись, закончила она. — И с вашей стороны очень некрасиво так обойтись со мной. Откровенно говоря, я... я просто шокирована тем, что вы собираетесь нарушить данное мне слово.

У Эверли был такой вид, будто его нацепили на все три зубца вилки, когда Элизабет обратила на него всю мощь своей обворожительной улыбки и манящих зеленых глаз.

Хриплым голосом он отрывисто бросил:

— На рассвете я получу удовлетворение от этого грубияна, после чего буду вашим кавалером на прогулке.

— На рассвете? — повторила Элизабет с притворным неудовольствием. — Но вы не выспитесь и будете слишком утомлены, чтобы поддерживать веселую компанию. И кроме того, дуэль не состоится, если мистер Торнтон не захочет вызвать вас, а я уверена, что он этого не сделает, потому что... — она повернулась к Яну Торнтону и выразительно закончила: — потому что он не может оказаться настолько бесчувственным, чтобы лишить меня завтра вашей компании!

Не дав Яну возможности возразить, она повернулась к остальным присутствующим и громко объявила:

— Итак, все объяснилось. Никто не передергивал карт, и никто не

будет стреляться.

За ее усилия решительно все мужчины в комнате наградили Элизабет сердитыми осуждающими взглядами, за исключением, пожалуй, только двух: герцога Хаммондского, который, казалось, пытался решить для себя, то ли она полная идиотка, то ли прирожденный дипломат, и Яна, который смотрел на нее с холодным загадочным выражением лица и будто ждал, какой номер она выкинет дальше.

Видя, что никто не собирается ей помогать, Элизабет поняла, что и завершать инцидент ей придется самостоятельно.

— Лорд Эверли, кажется, там заиграли вальс, я как раз вам его обещала.

В глубине комнаты послышался грубый мужской хохот, и лорд Эверли, ошибочно приняв его на свой счет, стал ярко-пунцовым. Метнув на Элизабет негодующий, презрительный взгляд, он круто развернулся и вышел из комнаты. Элизабет осталась стоять, испытывая и неловкость, и облегчение. Лорд Ховард к этому времени уже оправился от пережитого шока и спокойно предложил ей руку.

— Позвольте мне заменить лорда Эверли, — сказал он. Элизабет не позволила себе расслабиться до тех пор, пока они не вышли в бальную залу, но и там ей пришлось прилагать невероятные усилия, чтобы устоять на трясущихся ногах.

— Вы недавно в городе, — мягко сказал лорд Ховард, — и, надеюсь, не обидитесь на меня, если я скажу, что ваш поступок — я имею в виду вмешательство в чисто мужское дело — сильно повредит вам в глазах света.

— Я знаю, — со вздохом призналась Элизабет. — По крайней мере теперь. В тот момент мне некогда было об этом подумать.

— Мой кузен — человек умный и понимающий, — так же мягко продолжил лорд Ховард, — и я постараюсь, чтобы он услышал об этом сначала от меня, а уж потом от других. А в том, что ему будет что послушать, я не сомневаюсь. Весть об этом разнесется в мгновение ока.

Как только танец закончился, Элизабет извинилась и прошла в дамскую комнату, чтобы получить хоть минутку отдыха. К несчастью, там были и другие женщины: они уже обсуждали инцидент за карточным столом. Она бы с радостью пропустила ужин, который должен был начаться в полночь, и удалилась к себе в спальню, но чувство здравого смысла подсказывало ей, что струсить — самое худшее, что она может сейчас сделать. Не имея другого выбора, Элизабет повесила на лицо безмятежную улыбку и вышла на террасу.

Бледный лунный свет падал на ступеньки террасы и освещенный фонариками сад, и, обрета наконец уединение и блаженный отдых, Элизабет была уже не в силах от него отказаться и побрела по дорожкам сада, рассеянно кивая встречным парам. На границе сада она остановилась, потом пошла направо, к увитой зеленью беседке. Голоса замерли в отдалении, сюда доносились только звуки музыки. Она постояла так несколько минут, когда позади нее раздался низкий бархатный голос:

— Потанцуйте со мной, Элизабет.

Напуганная бесшумным появлением Яна, Элизабет быстро обернулась и посмотрела на него, рука ее машинально поднялась к горлу. Она-то думала, что он был недоволен ее поведением в карточной комнате, но выражение его лица было грустным и нежным. Льющаяся мелодия вальса подхватила ее, он раскрыл ей объятия.

— Потанцуйте со мной, — повторил он охрипшим голосом. Чувствуя себя как во сне, Элизабет вступила в кольцо его рук. Его правая рука скользнула вокруг ее талии и привлекла девушку к сильному высокому телу. Левая рука захватила ее руку, и она вдруг осознала, что уже тихо кружится в вальсе в объятиях этого мужчины, который танцевал с расслабленной грацией человека, для которого танец естествен, как дыхание.

Элизабет положила руку ему на плечо, стараясь не думать о том, что его правая рука, стальным обручем охватившая ее талию, прижимает ее гораздо ближе, чем принято. Ей следовало испытывать ужас и подавленность, тем более что вокруг была крошечная тьма, но вместо этого она почему-то чувствовала себя спокойной и защищенной. Однако через какое-то время она стала испытывать неловкость от затянувшегося молчания и решила, что полагается завязать беседу.

— Я думала, вы рассердились на меня за вмешательство, — сказала она ему в плечо.

В его голосе прозвучала улыбка.

— Я не был рассержен. Скорее поражен.

— Понимаете, я не могла допустить, чтобы вас называли шулером, прекрасно зная, что это не так.

— Думаю, меня называли и похуже, — мягко сказал он, — в том числе и ваш вспыльчивый юный друг Эверли.

Элизабет попыталась представить, что же может быть хуже обвинения в шулерстве, но хорошие манеры не позволили ей задать этот вопрос. Она подняла голову и, подозрительно заглянув ему в глаза, спросила:

— Ведь вы не станете стреляться с лордом Эверли, правда?

— Надеюсь, я не настолько неблагодарен, — поддразнил он ее, сверкнув зубами в усмешке, — чтобы испортить все ваши труды в карточной комнате. И кроме того, думаю, с моей стороны будет крайне невежливо убить его — ведь вы ясно дали понять, что он обязался сопровождать вас на завтрашней прогулке.

Элизабет рассмеялась и порозовела от смущения.

— Я знаю, что вела себя как последняя дура, просто это было первое, что пришло мне в голову, а времени на раздумье у меня не было. Видите ли, у меня есть брат, и он тоже очень вспыльчив. Так вот, я заметила, что, когда он рассердится, никакими доводами его не образумить. Но если я начинаю дразнить его или пробую к нему подластиться, он гораздо быстрее приходит в себя.

— У меня есть очень сильные опасения, что Эверли не будет сопровождать вас завтра на прогулке.

— Неужели он мог так разозлиться на меня за то, что я вмешалась в ваш спор?

— Я почти уверен, что к настоящему моменту он уже успел растолкать своего камердинера и приказал ему укладывать вещи. После того, что случилось, он не останется здесь, Элизабет. Боюсь, что своими стараниями спасти ему жизнь вы только унизили его, а я, отказавшись от дуэли, только подлил масла в огонь.

Элизабет прикрыла глаза, и он сделал попытку ее утешить:

— Как бы он ни был унижен, все равно лучше быть живым, чем удовлетворить свою гордость и умереть.

Вот, подумала Элизабет, чем отличается прирожденный джентльмен, такой, как лорд Эверли, например, от человека, едва допущенного в общество: для истинного джентльмена честь превышает жизнь. Именно об этом ей всегда говорил Роберт, любивший указывать сестре на классовые различия.

— Вы не согласны?

Слишком погруженная в свои мысли, чтобы осознать, как могут быть восприняты ее слова, Элизабет кивнула и сказала:

— Лорд Эверли — джентльмен и дворянин, а потому скорее предпочтет смерть бесчестью.

— Лорд Эверли, — спокойно возразил Торнтон, — дурак. Он слишком молод и безрассуден, если готов рисковать своей жизнью из-за карточной ссоры. Жизнь слишком дорога, чтобы отдать ее за такую малость. Когда-нибудь он скажет мне спасибо за мой отказ.

— А как же кодекс чести джентльмена?

— В том, чтобы умереть ради какого-то спора, нет никакой чести. Повторяю: человеческая жизнь слишком дорога для этого. Ее можно отдать за дело, в которое веришь, или за дорогих тебе людей. Любая другая причина не более чем глупость.

— А если бы я не вмешалась, вы приняли бы его вызов?

— Нет.

— Нет? — она не могла скрыть своего изумления. — Вы хотите сказать, что позволили бы ему назвать себя карточным шулером и не пошевелили бы и пальцем, чтобы защитить свое доброе имя и честь?

— Я не считаю, что моя честь была под угрозой, но даже если и так, я не понимаю, как убийство этого юноши могло бы восстановить ее. Что же касается моего доброго имени, то оно также не единожды подвергалось сомнению.

— Но в таком случае, почему герцог Хаммондский оказывает вам поддержку в обществе и так явно продемонстрировал это сегодня вечером?

Улыбка мгновенно слетела с его лица, и взгляд утратил свою мягкость.

— Это имеет для вас такое значение?

Загипнотизированная неподвижным взглядом его янтарных глаз, Элизабет утратила обычную ясность мысли. В данный момент для нее все имело весьма относительную значимость по сравнению с его глубоким, завораживающим голосом.

— Наверное, нет, — дрожащим голосом ответила она.

— Если это разубедит вас в том, что я трусился, полагаю, я мог бы проучить его за дерзость. Музыка кончилась, — тихо добавил он, и только тогда Элизабет заметила, что они уже не вальсируют, а только слегка покачиваются, обнявшись. Понимая, что у нее нет оправдания, чтобы и дальше находиться в его объятиях, она подавила разочарование и хотела отступить, но тут оркестр заиграл новую мелодию, и их тела снова согласно задвигались в такт музыке. — Раз уж я лишил вас сопровождающего на завтрашней прогулке в деревню, — сказал Ян через минуту, — может быть, вы рассмотрите другой вариант?

У Элизабет радостно подскочило сердце, она подумала, что он хочет быть ее кавалером. Он будто прочитал ее мысли, но ответ снова обманул ее ожидания:

— Я не могу сопровождать вас, — решительно отказался он.

— Почему? — улыбка сползла с ее лица.

— Не будьте такой наивной. Дебютантка в моем сопровождении едва ли может рассчитывать на укрепление своей репутации.

Ее мозг бешено заработал, пытаясь составить некий перечень доводов,

которые могли бы опровергнуть его слова. В конце концов ему оказывает протекцию сам герцог Хаммондский... хотя... заполучить его в зятя была бы счастлива любая мать, но ни одна из них не спускала со своей дочери глаз в его присутствии, зная его репутацию распутника и повесы. Опять же, Черайз Дюмонт пользовалась безупречной репутацией в свете, и, следовательно, этот загородный прием был вне подозрений, но... если бы она могла закрыть глаза на то, что сказал ей лорд Ховард.

— По той же причине вы отказались танцевать со мной, когда я попросила вас об этом?

— Отчасти.

— В чем же заключалась другая причина? Он мрачно усмехнулся.

— Назовите это хорошо развитым инстинктом самосохранения.

— Не понимаю.

— Ваши глаза убийственной дуэльных пистолетов, моя дорогая, — сказал он, криво улыбаясь. — Они могут и святого сбить с пути истинного.

Элизабет слышала немало цветистых комплиментов, воспевавших ее красоту, и относилась к ним с вежливым равнодушием, но грубоватая лесть Яна, к тому же высказанная почти с неохотой, заставила ее рассмеяться. Позже она поняла, что в тот момент совершила самую большую ошибку: она позволила ему усыпить ее недоверие и восприняла его как равного, то есть хорошо воспитанного мужчину, на порядочность которого можно положиться, и расслабилась.

— Так какую альтернативу вы собирались мне предложить на завтра?

— Ленч, — ответил он, — в каком-нибудь уединенном местечке, где мы могли бы поговорить так, чтобы нас не увидели вместе.

Пикник наедине с мужчиной определенно не входил в список развлечений, допустимых для юной девушки, и все-таки Элизабет было жаль отказаться от этой возможности.

— Где-нибудь на природе... у озера? — вслух подумала она, пытаясь сделать его предложение более приемлемым.

— Думаю, завтра соберется дождь, и, кроме того, у озера нас могут увидеть вместе.

— Но тогда где?

— В лесу. В одиннадцать часов утра я буду ждать вас в домике лесника. Он находится на южной границе поместья, у ручья. Если выйти за ворота особняка, то в стороне от основной дороги будет тропинка. По ней до домика лесника всего две мили.

Элизабет была слишком испугана его предложением, чтобы задуматься, как и когда Ян Торнтон успел так близко познакомиться с

владениями Черайз, что ему известны его укромные уголки.

— Это абсолютно исключено, — сказала Элизабет дрожащим, срывающимся голосом. Даже она была не настолько наивна, чтобы согласиться на встречу с мужчиной в уединенном доме, и была страшно разочарована тем, что он предложил ей это. Настоящий джентльмен никогда не сделал бы такого предложения, а настоящая леди никогда не приняла бы его. Люсинда предупреждала ее о подобной возможности, и Элизабет чувствовала, что ее предупреждения разумны. Девушка резко рванулась, пытаясь вырваться из рук Яна.

Он мягко придержал ее, не дав ускользнуть от него, и, едва не коснувшись губами ее волос, с удивлением произнес:

— Разве вам не говорили, что леди не должна покидать партнера, пока не закончится танец?

— Он закончен! — с горечью в голосе прошептала Элизабет, и было ясно, что она имеет в виду не только танец. — И я вовсе не так неопытна, как вы думаете, — предупредила она, грозно нахмурившись ему в грудь. Из сборок его шейного платка ей подмигнул рубин.

— Я даю вам слово, — тихо сказал он, — что не стану вас ни к чему принуждать, если вы придете туда завтра.

Как ни странно, Элизабет поверила ему, однако это не меняло дела — она не могла согласиться на эту встречу.

— Я даю вам слово джентльмена, — повторил он.

— Если бы вы были джентльменом, то никогда не сделали бы подобного предложения, — сказала Элизабет, стараясь не обращать внимания на тупую боль в груди от разочарования.

— Какой бесспорный образец логического мышления, — мрачно проговорил он. — Хотя, с другой стороны, у нас есть только один выбор.

— У нас вообще нет никакого выбора. Даже то, что мы сейчас находимся вместе, выходит за рамки дозволенного.

— Я буду ждать вас завтра до двенадцати часов.

— Я не приду.

— Я буду ждать, — повторил он.

— И напрасно потратите время. Будьте любезны, отпустите меня. Все это было ошибкой!

— В таком случае пусть их будет две, — хрипло сказал он, и его рука вдруг напряглась и резко притянула ее. — Посмотрите на меня, Элизабет, — прошептал он, и его теплое дыхание коснулось волос у нее на виске.

В голове у Элизабет забились тревожные колокола, предупреждая об опасности. Если она поднимет голову, он поцелует ее.

— Я не хочу, чтобы вы поцеловали меня, — предупредила она, в душе не совсем уверенная в этом.

— В таком случае скажите мне хотя бы до свидания. Элизабет подняла голову, и взгляд ее проследовал от его четко очерченного рта к глазам, смотревшим прямо на нее.

— До свидания, — сказала она и удивилась тому, что голос ее перестал дрожать.

Его глаза перемещались по ее лицу так, словно он хотел запомнить его, и наконец остановились на губах. Неожиданно его руки соскользнули с ее плеч, он отпустил ее и отступил назад.

— До свидания, Элизабет.

Элизабет отвернулась и сделала шаг вперед, но сожаление, прозвучавшее в его голосе, заставило ее оглянуться... а может быть, это было ее сердце, которое сжалось так, словно она покидала... что-то такое, о чем могла бы потом пожалеть. В повисшем молчании они долго смотрели друг на друга — разделенные всего двумя шагами и целой пропастью общественных предрассудков.

— Наверное, все уже заметили наше отсутствие, — беспомощно сказала Элизабет, сама толком не зная, то ли извиняется перед ним за то, что покидает его, то ли ждет, что он уговорит ее остаться.

— Возможно.

Выражение его лица было бесстрастно, голос звучал вежливо и холодно, и она почувствовала, что он снова отдалился от нее и стал недостижимым.

— Мне в самом деле пора возвращаться.

— Конечно.

— Вы же понимаете, правда... — Голос ее прервался, когда она взглянула на этого высокого красивого мужчину, отвергнутого светом только за то, что в его жилах не было «голубой крови», и ей вдруг стали ненавистны все эти глупые социальные ограничения, которые сковывали ее свободу. Сглотнув, она попыталась объяснить снова, в душе желая, чтобы он либо прогнал ее, либо раскрыл ей объятия как тогда, когда просил потанцевать с ним.

— Вы же сами понимаете, что я просто не могу быть с вами завтра....

— Элизабет, — оборвал он ее хриплым шепотом, и в глазах его вдруг затеплился огонь, когда он протянул к ней руку, почувствовав, что победа близка, тогда как Элизабет еще не успела осознать своего поражения. — Идите сюда.

Рука Элизабет протянулась к нему будто сама по себе, и он крепко

обхватил ее пальцами, ее вдруг повлекло вперед, две руки, как стальные обручи, сжали ее, и она почувствовала на своих губах его ищущие губы. Нежные и настойчивые, они ласкали ее, приспособляясь к ее рту, прижимаясь к нему все крепче. Внезапно он сжал ее еще сильнее и властно притянул к себе. Тихий стон нарушил тишину, но Элизабет не поняла, что этот звук исторгла она сама. Она встала на цыпочки, чтобы дотянуться до него, и положила руки на его широкие плечи, прижавшись к нему так, словно искала у него защиты от этого мира, который вдруг стал таким темным и чувственным и в котором ничто уже не имело значения, кроме их тел и его губ, прижавшихся к ее рту так, словно он умирал от желания. Наконец он оторвался от ее губ, продолжая держать в своих объятиях, Элизабет прижалась щекой к его хрустящей белой рубашке, чувствуя, как он проводит губами по ее волосам.

— Это оказалось еще большей ошибкой, чем я предполагал, — сказал он и потом добавил как бы про себя: — Господи, помоги нам обоим.

Как ни странно, но именно это последнее замечание привело Элизабет в чувство, и она по-настоящему испугалась. Тот факт, что именно он считал, что они зашли слишком далеко и нуждались в некоей божественной помощи, подействовал на нее, как ушат холодной воды. Она высвободилась из его рук и стала расправлять складки платья. Достаточно успокоившись, чтобы посмотреть на него, она закинула голову и с выражением неподдельного ужаса проговорила:

— Этого не должно было произойти. Тем не менее если мы поврозь вернемся в дом и сумеем влиться в компанию других гостей, возможно, никто и не подумает, что мы были вместе. До свидания, мистер Торнтон.

— Спокойной ночи, мисс Кэмерон.

Элизабет слишком торопилась уйти, чтобы обратить внимание на его подчеркнутое «спокойной ночи» в ответ на ее «до свидания». Она также не заметила и того, что он то ли по ошибке, то ли намеренно назвал ее не леди, а мисс Кэмерон.

Она решила не идти через главный вход, а войти в дом через одну из боковых дверей, выходивших на балкон, и, взявшись за ручку, с облегчением вздохнула: дверь была не заперта. Элизабет проскользнула в комнату, похожую на небольшую гостиную. На другом ее конце также была дверь, которая выходила в пустыннй коридор. После уютной ночной тишины дом казался наполненным настоящей какофонией смеха, голосов и музыки, больно ударявшей по ее нервам. На цыпочках она прошла через гостиную.

На этот раз удача, казалось, улыбнулась ей: в холле никого не было.

Элизабет решила быстренько забежать в спальню и привести себя в порядок. Она успела пробежать по лестнице целый пролет, когда с нижней площадки лестницы послышался голос Пенелопы:

— Послушайте, кто-нибудь видел Элизабет? Вот-вот подадут ужин, и лорд Ховард хотел сопровождать ее.

На Элизабет вдруг снизошло вдохновение. Она быстро пригладила волосы, оправила платье и мысленно помолилась Богу, чтобы лицо не выдавало, что она только что имела тайное свидание под покровом ночи.

— По-моему, последний раз ее видели в саду, — услышала она недобрый голос Валери. — И мистер Торнтон куда-то запропастился...

Она умолкла на полуслове, ошарашено глядя на неторопливо спускавшуюся Элизабет, взлетевшую по этой лестнице всего несколько мгновений назад.

— О Боже, — Элизабет с простодушным видом улыбнулась Пенелопе и Валери, — не знаю, почему эта жара так действует на меня. Думала, мне станет лучше в саду, но и там слишком душно, и я решила ненадолго прилечь.

Втроем девушки прошли через бальную залу, потом через игорную комнату, где несколько человек играли в бильярд. У Элизабет зачастил пульс, когда за ближайшим к двери столом она увидела Яна Торнтон с кием в руке. Он поднял глаза и увидел девушек, две из которых смотрели прямо на него. Он холодно кивнул всем троим и ударил кием по шару. Элизабет услышала, как разлетелись по столу шары, падая в лузы, после чего раздался восхищенный смех герцога Хаммондского.

— Как же он красив — какой-то удивительной, темной и пугающей красотой, — шепотом высказалась Джорджина. — И есть

В нем что-то такое... ну... опасное, — добавила она, слегка задрожав от удовольствия.

— Да, действительно, — согласилась Валери, — но правда и то, что ты говорила о нем раньше — у него нет ни прошлого, ни воспитания, ни связей.

Элизабет слышала, о чем они говорят, но не придавала этому значения. Ее чудесное везение в последние несколько минут убедило ее в том, что Бог все-таки есть на свете и время от времени вспоминает о ней. Поэтому в эти минуты она мысленно возносила ему молитву, сопровождая ее обещанием, что больше никогда, никогда в жизни не поставит себя в такое компрометирующее положение. Одновременно с тем, как она сказала про себя «аминь», до нее дошло, что все это время она продолжала считать шары, закатившиеся в лузы после удара Яна, и насчитала их целых четыре.

Четыре! Когда она играла с Робертом, наилучшим его результатом было три шара за один раз, а он считался серьезным игроком.

Чувство радостной легкости не покидало Элизабет до самого ужина, за которым она сидела рядом с лордом Ховардом. Каким-то странным образом это чувство начало ослабевать, когда она за стоком приняла участие в общей беседе. Несмотря на оживленный разговор, ей приходилось напрягать всю свою волю, чтобы не дать Взгляду блуждать по роскошно убранной зале, выискивая, за каким же из столиков, покрытых голубыми льняными скатертями, сидит Ян. К ней подошел слуга и предложил омара, она взглянула на него и кивнула. Элизабет воспользовалась его присутствием, чтобы провести будто бы рассеянным взглядом по комнате. Ее глаза скользили по морю голов, украшенных драгоценностями и замысловатыми прическами и кивающих, как разноцветные поплавки. Поднимались и сталкивались бокалы, мелькали руки, и наконец она увидела его — он сидел за главным столом между герцогом Хаммондским и Черайз — прекрасной сестрой Валери. Герцог беседовал с какой-то великолепной блондинкой, про которую говорили, что она его новая любовница, а Ян внимательно слушал артистичный рассказ Черайз. Ленивая улыбка блуждала по его загорелому лицу и он, казалось, не замечал, что Черайз с видом собственницы положила руку ему на рукав. Он засмеялся какой-то ее фразе, и Элизабет отвела взгляд от этой пары, чувствуя Тупую боль в груди. Они так хорошо смотрелись вместе — элегантные, темноволосые и потрясающе красивые. Без сомнения, у них много общего, с досадой отметила Элизабет и яростно принялась за омара.

Лорд Ховард наклонился к ней и пошутил:

— Он и так уже мертвый.

Элизабет непонимающе взглянула на него, и он кивнул на омара, которого она пилила ножом.

— Он и так уже мертв, не стоит убивать его дважды, — повторил он.

С тяжелым вздохом Элизабет отодвинула омара и постаралась взять себя в руки и получить хоть какое-то удовольствие от этого вечера. Как ее и предупреждал лорд Ховард, мужчины, которые к этому моменту были уже осведомлены об инциденте в карточной комнате, не говоря уж о тех, кто был непосредственным свидетелем сцены, заметно к ней охладели, и Элизабет пришлось употребить все свое женское очарование, чтобы вернуться на прежние позиции. Второй раз в жизни она пускала в ход свои чары — первый раз она попыталась сделать это в саду с Яном Торнтоном и была немало удивлена своим легким успехом. И на этот раз мужчины за ее столиком постепенно оттаяли и начали обращаться к ней, а потом и

добиваться ее внимания, В течение этого долгого часа, потребовавшего от девушки немалой выдержки, у нее несколько раз появлялось ощущение, будто Ян наблюдает за ней, и под конец, устав от неопределенности, она посмотрела туда, где он должен был сидеть. Его прищуренный взгляд был направлен в ее сторону, но она не смогла разобрать, что выражал этот взгляд — недовольство ее отчаянным флиртом или просто некоторое замешательство.

— Могу я надеяться, что вы позволите мне сопровождать вас на завтрашней прогулке вместо моего кузена? — спросил ее лорд Ховард, когда бесконечный ужин наконец подошел к концу и гости начали подниматься со своих мест.

Для Элизабет наступил решающий момент — момент, когда она должна была решить, пойдет она завтра на встречу с Яном или нет. В действительности ни о каком выборе не могло быть и речи, и она прекрасно понимала это. С наигранной радостью она ослепительно улыбнулась и ответила:

— Конечно. Благодарю вас.

— Отъезд намечается на половину одиннадцатого. Насколько Я понял, программа будет обычной — поход по магазинам, затем ленч в какой-нибудь местной гостинице и верховая прогулка по окрестностям с осмотром достопримечательностей.

Элизабет мысленно вздохнула — такой ужасно скучной показалась ей эта перспектива.

— По-моему, программа чудесная! — воскликнула она с таким жаром, что лорд Ховард недоуменно взглянул на нее.

— Вы хорошо себя чувствуете? — обеспокоено спросил он, заметив ее пылающие щеки и слишком ярко блескующие глаза.

— Как никогда, — ответила Элизабет, мечтая о покое и тишине своей спальни. — А сейчас, если позволите, я пойду отдохну — у меня что-то разболелась голова.

С этими словами она удалилась, оставив озадаченного лорда Ховарда. И только когда она стала подниматься по лестнице, до нее дошел смысл сказанных ею слов. Она встала как вкопанная, затем покачала головой и медленно продолжила путь. В конце концов не так уж и важно, что подумает о ней кузен ее жениха, решила Элизабет, чувствуя себя слишком несчастной, чтобы задуматься о том, как странны подобные мысли для новоиспеченной невесты.

— Пожалуйста, разбуди меня в восемь, Берта, — сказала она горничной, помогавшей ей раздеться. Берта не ответила и молча бросила ее

платье и прочие предметы туалета на стол, не обращая внимания, что все попадало на пол. Это был верный признак того, что ее легкоранимая горничная чем-то расстроена. — Что-то случилось? — спросила Элизабет, расчесывая волосы.

— Вся прислуга только и болтает, что о вашей выходке в игровой комнате, и эта ваша дуэнья потом обвинит во всем меня, — расстроено ответила Берта. — Скажет, что стоило ей единственный раз оставить вас под моим присмотром, как вы тут же устроили Бог знает что!

— Я сама ей все объясню, — устало пообещала Элизабет.

— И что же вы ей объясните? Что там такое произошло? — закричала Берта, заламывая руки. Она уже представляла себе, что ей придется выслушать от этой невыносимой мисс Трокмортон-Джонс.

Элизабет неохотно поведала ей всю историю, и, пока она говорила, лицо Берты понемногу смягчалось. Она откинула с кровати розовое парчовое покрывало и помогла Элизабет лечь.

— Так что, сама теперь видишь, — зевая, закончила Элизабет, — не могла же я промолчать. Иначе они бы поверили, что он действительно передергивал, тем более что он им неровня.

Темное небо за окном прочертила молния, осветив всю комнату, затем прогремел гром, и оконные стекла слегка задрожали. Элизабет закрыла глаза и помолилась, чтобы плохая погода не сорвала поход в деревню, потому что перспектива провести целый день в одном доме с Яном Торнтоном, не имея возможности ни взглянуть на него, ни поговорить с ним, была слишком тяжким испытанием. «Я почти заболела им», — подумала она и провалилась в сон.

Ей снился яростный шторм, чьи-то сильные руки протянулись к ней, чтобы спасти, и потащили из воды, а затем снова бросили в волнующееся море...

Глава 6

Бледный солнечный свет затопил комнату, и Элизабет неохотно перекатилась на спину. Она принадлежала к тому типу людей, которые, сколько бы ни спали, при пробуждении долго не могут прийти в себя и с удивлением осматриваются вокруг, пытаясь понять, где же они находятся. Роберт всегда вскакивал с постели бодрым и полным сил, тогда как Элизабет с трудом приподнималась на подушках и оставалась в таком положении не менее полчаса, бесцельно оглядывая комнату и заставляя себя окончательно проснуться. Но тот же Роберт к десяти часам вечера уже вовсю зевал, а Элизабет не испытывала ни малейшей усталости и была готова играть в карты, бильярд или читать всю ночь напролет. По этой причине ей идеально подходил распорядок дня во время лондонского сезона, когда утренний сон затягивался до полудня, а светский вечер — до утра. Однако предыдущая ночь явилась редким исключением, Элизабет попыталась открыть глаза, и ей показалось, что голова ее налита свинцовой тяжестью. На прикроватном столике стоял поднос с привычным для нее завтраком: маленький чайничек с горячим шоколадом и тоненький ломтик поджаренного хлеба с маслом. Вздыхнув, Элизабет заставила себя исполнить весь ритуал вставания. Упершись руками в кровать, она подтянулась на подушках, потом приказала рукам дотянуться до подноса и взять чайник с горячим, придающим сил шоколадом.

В это утро она мучилась, как никогда: мешала тупая боль в голове и смутное ощущение, что случилась какая-то неприятность.

Все еще пребывая в промежуточном состоянии между бодрствованием и сном, Элизабет сняла с чайника вышитую салфетку и наполнила шоколадом тонкую фарфоровую чашку. И только тут она вспомнила: сегодня этот темноволосый загорелый мужчина будет ждать ее в домике лесника. Он будет ждать ровно час, а потом уйдет — потому что Элизабет там не появится. Но она не может прийти туда. Просто не может!

Неверными руками она взяла чашку с блюдца и поднесла ко рту. Из-за ободка чашки она увидела ворвавшуюся в комнату встревоженную Берту. Увидев сидящую в постели Элизабет, она облегченно заулыбалась.

— О-о, ну слава Богу. Я уж боялась, что вы заболели.

— Почему? — спросила Элизабет и снова поднесла чашку к губам.

— Да потому что я не могла разбудить... Сделав глоток, Элизабет с удивлением обнаружила, что шоколад совершенно ледяной.

— Сколько времени? — медленно спросила она, начиная подозревать неладное.

— Уже почти одиннадцать.

— Одиннадцать! Ведь я же сказала тебе разбудить меня в восемь! Как ты могла так меня подвести?

Девушка начала лихорадочно искать выход из создавшегося положения. Если быстро одеться, может быть, еще удастся догнать остальных. Или...

— Я пыталась вас разбудить, — воскликнула Берта, обиженная резким тоном Элизабет, — но вы не хотели просыпаться.

— Я всегда не хочу просыпаться, Берта, ты знаешь это!

— Но сегодня вы вели себя хуже, чем обычно. Вы говорили, что у вас болит голова.

— Я всегда говорю что-нибудь подобное. Когда я сплю, то не отвечаю за свои слова. Я могу сказать тебе что угодно, лишь бы выторговать еще несколько минут. Я всегда так себя веду, и тем не менее ты как-то умудряешься меня разбудить!

— Но вы говорили, — продолжала оправдываться Берта, нервно теребя свой фартук, — что, поскольку ночью лил дождь, Прогулку в деревню наверняка отменят, поэтому нет никакого смысла вставать в такую рань.

— Ради Бога, Берта! — закричала Элизабет, откидывая простыни и вскакивая с кровати с такой энергией, какой еще ни разу не проявляла после столь короткого периода бодрствования.

— Как-то раз я сказала тебе, что умираю от дифтерии, только бы ты оставила меня в покое, и это ничуть на тебя не подействовало!

— В тот раз, — сказала Берта, позвонив, чтобы принесли горячую воду для мытья, — вы не были так бледны, и лоб у вас не был таким горячим. И в тот раз вы не свалились в кровать, словно вас ноги не держат, в половине первого ночи, когда бал был еще в самом разгаре!

Раскаиваясь в своей резкости, Элизабет села на кровать и извинилась.

— Ты не виновата, что я сплю, как медведь во время зимней спячки. К тому же, если они действительно не поехали в деревню, не важно, что я проспала.

Она попыталась было приспособиться к мысли, что ей придется провести весь день в одном доме с человеком, от взгляда которого, брошенного вскользь через комнату, полную людей, у нее начинало колотиться сердце, как вдруг услышала голос Берты:

— Да нет, они поехали в деревню. Дождя-то, собственно, и не было —

так, один шум.

На мгновение закрыв глаза, Элизабет издала глубокий вздох. Уже одиннадцать, и это значит, что Ян начал свое бесполезное ожидание в домике лесника.

— Очень хорошо, тогда я тоже поеду в деревню и перехвачу их где-нибудь по дороге. Теперь уже нет смысла торопиться, — сухо вато бросила она, увидев, как Берта со всех ног кинулась к двери, чтобы Принять у вошедшей горничной ведра с горячей водой.

Была уже половина двенадцатого, когда Элизабет в нарядном платье персикового цвета спустилась вниз. Волосы были убраны под шляпку с загнутым над правым ухом пером, руки до запястий закрывали перчатки для верховой езды. Из игровой комнаты до нее донеслись мужские голоса, свидетельствовавшие о том, что не все гости предпочли прогулку в деревню. Элизабет умерила шаг, размышляя, не заглянуть ли ей в комнату, чтобы посмотреть, вернулся Ян Торнтон или его еще нет. Но она быстро пришла к убеждению, что он наверняка уже здесь, и, не желая видеть его, быстро пошла в противоположном направлении и вышла из дома через парадную дверь.

Ей пришлось немного задержаться в конюшне и подождать, пока конюхи оседлают лошадь. Вопреки здравому смыслу, сердце ее глухо отбивало убегающие минуты и терзалось от мысли, что Ян в это время одиноко сидит в домике лесника и ждет женщину, которая не придет.

— Вы, наверное, тоже хотели бы взять с собой грума, миледи? — спросил старший конюх. — А у нас ни одного и нет — все отправились вместе с этими, которые поехали на целый день в деревню. Правда, через час, а то и меньше, кто-нибудь вернется, так что, если хотите, можете подождать. А коли не хотите, так на дороге и так безопасно, ничего дурного с вами не случится. Ее светлость тоже всегда ездит в деревню одна.

Сейчас Элизабет больше всего на свете хотелось мчаться во весь опор по сельской дороге, и она вовсе не нуждалась в чьем-либо сопровождении.

— Я поеду одна. — Элизабет дружелюбно улыбнулась, вспомнив своего конюха в Хэвенхёрсте. — Мы проезжали через деревню, когда добирались сюда — она милях в пяти отсюда по главной дороге, верно?

— Точно, миледи.

Огненная вспышка молнии пронзила бледное небо, и Элизабет вскинула на него обеспокоенный взгляд. Она все равно не останется здесь, как бы ни была неприятна перспектива быть застигнутой грозой под открытым небом.

— Не думаю, что дождь соберется до вечера, — сказал конюх, заметив

ее колебания. — В это время года у нас тут все время бывают зарницы. Да вот хотя бы сегодня ночью — всю ночь сверкало, и хоть бы одна капля упала.

В большем ободрении Элизабет не нуждалась.

Первые тяжелые капли дождя упали на землю, когда она была примерно в миле от дома.

— Чудесно, — сказала Элизабет, натянув поводья и внимательно изучая небо. Затем вонзила пятки в бока лошади и послала ее вскачь в сторону деревни. Несколько минут спустя Элизабет заметила, что ветер, который до сих пор только тихо вздыхал, перебирая листву, начал со стонами гнуть ветки, и в воздухе стремительно холодало. Редкие капли дождя перешли в ливень. К тому времени, как Элизабет увидела ответвляющуюся от главной дороги тропинку, ведущую в лес, ее одежда уже наполовину промокла. Чтобы хоть как-то укрыться от дождя, она свернула с дороги на тропинку.

По крайней мере деревья могут послужить ей зонтиком, пусть и довольно дырявым.

Наверху сверкали и вспарывали небо молнии, чередуясь с оглушающими раскатами грома, и Элизабет начала понимать, что вопреки предсказанию конюха назревает и вот-вот разразится настоящая летняя буря. Ее маленькая лошадка тоже почувствовала это и вздрагивала от вспышек и громовых раскатов. Однако несмотря на испуг, она покорно слушалась свою хозяйку.

— Ты просто сокровище, — благодарно сказала Элизабет, поглаживая ее атласную холку. Теперь все ее мысли занимал дом, который должен был находиться в конце тропинки. Девушка в нерешительности кусала губы, прикидывая, сколько сейчас может быть времени. В любом случае не меньше часа, так что Яна Торнтон там давно уже нет.

После еще нескольких секунд размышления Элизабет пришла к заключению, что напрасно воображает, будто Ян Торнтон придает такое уж большое значение ее особе. Прошлой ночью она могла видеть, с какой легкостью он переключил свое внимание на Черайз всего через час после того, как целовал ее в саду. Наверняка с его стороны это было всего лишь минутное развлечение. И нечего разыгрывать мелодраму, представляя, как он, несчастный, Ходит из угла в угол, с тоской поглядывая на дверь. В конце концов он игрок и, возможно, опытный соблазнитель. Конечно же, он ушел в двенадцать и теперь ищет в доме более податливый предмет обожания, а в том, что его поиски будут успешными, она не сомневалась.

Но если по какой-то невероятной случайности он все еще там, она увидит на улице его лошадь и тогда просто повернется и поедет назад в поместье.

Через, несколько минут в конце тропинки она увидела дом. В глухой чаще леса он казался гостеприимной обителью. Элизабет напряженно всматривалась, пытаясь разглядеть между деревьями лошадь Яна. Сердце ее забило тяжелыми толчками от тревоги и неизвестности, когда она увидела крыльцо маленького, крытого соломой домика, но вскоре поняла, что нет никаких причин для беспокойства. Здесь было совершенно пусто. «Вот оно — наглядное свидетельство глубины его внезапного чувства ко мне», — подумала Элизабет, не желая признаться даже самой себе, как ей больно от этой нелепой мысли.

Элизабет спешила и отвела лошадь на задний двор. Там обнаружился навес, и она привязала лошадь под ним.

— А ты когда-нибудь замечала, как непостоянны мужчины? — спросила у нее Элизабет. — И как глупы бывают женщины? — добавила она, чувствуя, что огорчена гораздо сильнее, чем следовало бы. Она понимала, что в ее чувствах нет никакой логики — ведь она даже не хотела идти сюда и не хотела, чтобы он ждал ее здесь, и вот теперь чуть не плачет оттого, что он не пришел!

Сердито дернув за ленты, она развязала бант и стащила с головы шляпку. Затем шагнула к двери, открыла ее и в ужасе застыла!

В противоположном конце комнаты спиной к ней стоял Ян Торнтон. Опустив свою темноволосую голову, он смотрел на весело потрескивающий в камине огонь. Руки в карманах, одна нога поставлена на каминную решетку. На нем была тонкая батистовая рубашка, под которой заиграли мышцы, когда он вытащил руку из кармана и запустил ее в волосы. Элизабет молча стояла и любовалась на прекрасные пропорции его широких плеч, тонкой талии и длинных стройных ног.

Что-то в задумчивой позе Яна, а также то, что он ждал ее уже больше двух часов, пошатнуло убеждение Элизабет в том, что для него было не так уж важно, придет она или нет. Эта мысль мелькнула еще прежде, чем она взглянула на стол. У нее перевернулось сердце, когда она увидела, скольких хлопот ему стоило устроить этот ленч: грубые доски стола были покрыты льняной кремовой скатертью, на которой стояло два прибора из синего с золотом китайского фарфора, очевидно, позаимствованного в доме Черайз. В центре стола стояли подсвечник с зажженной свечой, широкая тарелка с нарезанным сыром и холодным мясом и наполовину пустая бутылка вина завершали натюрморт.

За всю свою жизнь Элизабет ни разу не видела мужчину, который умел

бы организовать ленч и сервировать стол. Женщины это делали. Женщины и прислуга. Но не такие красивые мужчины, от взгляда на которых сердце колотилось как бешеное. Ей казалось, что она стоит здесь не какие-то секунды, а уже несколько минут, когда спина его внезапно напряглась, словно он почувствовал ее присутствие. Ян обернулся, и на лице его появилась кривая усмешка:

— А вы не очень-то пунктуальны.

— Я не собиралась сюда приходить, — честно призналась Элизабет, стараясь восстановить душевное равновесие и не поддаваться притяжению его голоса и глаз. — Меня застал дождь по дороге в деревню.

— Вы промокли.

— Я знаю.

— Идите к огню.

Видя, что она продолжает стоять, опасливо глядя на него, он убрал ногу с каминной решетки и подошел к ней. Элизабет словно приросла к полу, все предупреждения Люсинды о свидании с мужчиной наедине разом пронеслись у нее в голове.

— Чего вы хотите? — почти беззвучно спросила она, чувствуя себя чуть ли не карлицей рядом с его высокой фигурой.

— Снять с вас накидку.

— Нет, я предпочитаю, чтобы она оставалась на мне.

— Снимайте, — спокойно повторил он, — она насквозь мокрая.

— Держитесь от меня подальше! — выкрикнула она и, вцепившись в накидку, стала отступать к двери.

— Элизабет, — заговорил Торнтон ровным, успокаивающим голосом, — я дал вам слово, что если вы придете сюда, то будете в полной безопасности.

Она на мгновение закрыла глаза и кивнула.

— Я знаю. Но я также знаю, что не должна быть здесь. Мне необходимо уйти отсюда. Необходимо. Действительно, необходимо? — Открыв глаза, она вопросительно посмотрела ему в лицо — соблазняемая просила совета у своего соблазнителя.

— Учитывая обстоятельства, не думаю, что вам стоит спрашивать об этом меня.

— Я останусь, — решила Элизабет после секундного размышления и увидела, как он сразу внутренне расслабился. Она расстегнула накидку и отдала ему вместе со шляпкой, Ян отнес их к камину и, развесил на крючках на стене.

— Встаньте у огня, — приказал он, подходя к столу и наполняя вином

бокалы. Она послушно приблизилась к камину.

У нее намокли не прикрытые шляпкой волосы надо лбом, и, вытащив гребни, придерживавшие их по бокам, Элизабет энергично тряхнула головой. Не подозревая, как обольстительно при этом выглядит, она подняла руки и начала приподнимать волосы, перебирая их пальцами.

Через какое-то время она посмотрела на Яна и увидела, что он стоит совершенно неподвижно и смотрит на нее. Что-то в выражении его лица заставило ее уронить руки, и чары были разрушены. Но тепло, разлившееся по ее телу от его откровенного обнимающего взгляда, осталось, и снова осознание страшного риска, с которым было связано ее пребывание здесь, заставило девушку внутренне сжаться. Она совершенно не знала этого человека, они познакомились всего несколько часов назад, но он смотрит на нее так, как могут смотреть люди только очень... близкие. И имеющие на тебя право. Он вручил ей бокал и кивнул на старенький диван, занимавший почти всю комнату.

— Если вы уже достаточно согрелись, можете присесть. Диван чистый.

Должно быть, когда-то обивка дивана была зеленой с белым, но со временем стала совершенно серого цвета. Элизабет не сомневалась, что этот диван был сплавлен сюда из господского дома за ненадобностью.

Усевшись настолько далеко от Яна, насколько позволял диван, Элизабет скрестила ноги под юбкой. Он обещал, что она будет «в безопасности», что оставляло, как она теперь поняла, большой простор для интерпретации.

— Если я останусь, — с трудом выговорила она, — думаю, нам надо условиться о соблюдении всех правил.

— Каких, например?

— Ну, для начала вы должны перестать обращаться ко мне по имени.

— Принимая во внимание, что мы целовались в саду вчера вечером, я буду чувствовать себя глупо, называя вас «мисс Кэмерон».

Сейчас было самое время сообщить ему, что она леди Кэмерон, но упоминание о том незабываемом (и абсолютно запретном) происшествии слишком сильно подействовало на нее, чтобы она побеспокоилась о такой малости.

— Что бы ни случилось вчера вечером, это не должно повлиять на наше поведение сегодня. Наоборот, сегодня... сегодня мы должны вести себя вдвойне осмотрительнее, чтобы... чтобы загладить то, что произошло вчера! — огорченно закончила она.

— Так вот как это делается? — спросил он, и глаза его начали весело

поблескивать. — Простите, но я не представлял, что вы сверяете каждый свой шаг с условностями света.

Конечно, такому человеку — не связанному никакой ответственностью игроку — условности и правила светского этикета должны казаться ужасно утомительными, но Элизабет понимала, что сейчас для нее крайне важно убедить его принять ее точку зрения.

— О, но это действительно так, — подтвердила она, — у нас, Кэмеронов, вообще очень обостренное отношение ко всякого рода условностям и тонкостям светского этикета. Как вы уже поняли прошлой ночью, я, например, предпочитаю смерть бесчестью. Мы также верим в Бога, Отечество и короля и... и в право собственности. Последнее для нас имеет особый приоритет.

— Понятно, — сказал Ян, и губы его чуть-чуть задрожали, удерживая улыбку. — Только скажите мне, — вкрадчиво спросил он, — как такая церемонная особа могла вчера вечером скрестить шпаги с целой толпой мужчин ради того, чтобы защитить репутацию совершенно незнакомого ей человека?

— Ах, это... — сказала Элизабет. — Ну, это... ну, назовем это моим обостренным чувством справедливости. А кроме того, — добавила она, чувствуя, как гнев вновь просыпается в ней при воспоминании о вчерашней сцене в карточной комнате, — меня ужасно разозлило, что они не стали отговаривать Эверли от дуэли только потому, что вы не принадлежите к их социальному слою.

— Вы говорите о социальном равенстве? — на лице его играла ленивая дразнящая улыбка. — Как странно слышать подобное суждение от такой ярой поборницы условностей, как вы.

Элизабет поняла, что попалась.

— Просто я до смерти боюсь находиться здесь с вами, — дрожащим голосом призналась она.

— Я знаю. Но вы можете бояться кого угодно, только не меня. От того, каким тоном были сказаны эти слова, у Элизабет задрожали колени и вновь участилось сердцебиение. Чтобы скрыть волнение, она отпила значительное количество вина из бокала и мысленно взмолилась, чтобы это успокоило ее разошедшиеся нервы. Видя, в каком она состоянии, он деликатно переменял тему.

— Какие еще мысли посетили вас относительно того, как несправедливо обошлись с Галилео Галилеем? Она сокрушенно покачала головой.

— Я знаю, что мне не стоило затевать таких разговоров, тем более с

мужчиной.

— А мне это показалось приятным разнообразием по сравнению с обычными банальностями.

— Правда? — она посмотрела на него со смесью недоверия и надежды, не осознавая, как ловко Торнтон отвлек ее от мрачных сожалений и перевел разговор на более легкий предмет.

— Правда.

— Как жаль, что в свете никто так не думает. Он сочувственно усмехнулся.

— И давно вам приходится скрывать тот факт, что в вашей голове появляются мысли, чуждые светскому обществу?

— Четыре недели, — засмеялась Элизабет. — Вы и представить себе не можете, как ужасно произносить какие-то штампы, когда хочется расспросить людей о том, что они знают и видели. Но это невозможно, особенно с мужчинами, — они все равно ничего не расскажут, даже если их спросишь.

— И что же они в таких случаях говорят?

— Они говорят, что ответ на этот вопрос недоступен женскому пониманию или что он может задеть мои нежные чувства.

— И какие же вопросы вы пробовали задавать? Она опять засмеялась.

— Ну, я, например, спросила у сэра Элстона Грили — он только что вернулся из продолжительного путешествия — довелось ли ему побывать в наших колониях. Он сказал, что был там. Тогда я попросила его рассказать мне, как выглядят местные дикари и какой образ жизни они ведут. Тут он начал мяться, кашлять и сказал, что «дикари» — это не та тема, которую следует обсуждать с женщиной, и что, если он станет рассказывать мне о них, я непременно упаду в обморок.

— Внешний вид и обычаи местных жителей зависят от того, к какому племени они принадлежат, — Ян попытался ответить за мистера Грили. — Некоторые из них действительно дикие — конечно, по нашим понятиям, а некоторые племена очень мирные — по любым меркам...

Два часа пролетели незаметно. Элизабет расспрашивала его о местах, в которых он побывал, и увлеченно слушала его рассказы, ни разу за все время он не отказался удовлетворить ее интерес и не посмеялся над ее замечаниями. Он разговаривал с ней, как с равной, и, казалось, получал от этой беседы не меньшее удовольствие, чем она. Они поели и снова пересели на диван. Она знала, что прошли уже все сроки, когда ей нужно было уйти, но никак не могла собраться с духом и распрощаться с ним.

— Я часто думаю, — призналась она после того, как он рассказал ей о

женщинах Индии, которые на людях должны скрывать свое лицо и волосы, — как это несправедливо, что я родилась женщиной и у меня никогда не будет таких приключений, я не смогу увидеть все эти места. Даже если бы я и отправилась в путешествие, то все равно смогла бы посетить только цивилизованные места.

— Да, между полами существует неравенство — женщины действительно лишены многого из того, что доступно мужчинам.

— Однако и те, и другие обязаны исполнять свой долг, — сказала Элизабет с забавной серьезностью, — и говорят, это должно приносить чувство глубокого удовлетворения.

— А в чем вы видите свой... э-э-э... долг? — поддержал он игру, улыбнувшись своей ленивой белозубой улыбкой.

— Ну, здесь все просто. Долг женщины состоит в том, чтобы быть женой, во всех отношениях достойной своего мужа. В то время как обязанности мужчины состоят в том, чтобы делать, что он пожелает и когда пожелает, и быть готовым защитить свою родину в случае, если возникнет такая необходимость. Вероятность такого случая чрезвычайно мала. Мужчины, — поведала она Яну, — заслуживают почести, жертвуя собой на поле битвы, а мы — принося себя в жертву на алтаре супружества.

Он громко расхохотался, и Элизабет улыбнулась ему, необычайно довольная, что может говорить с ним совершенно свободно.

— И если бы кто-нибудь всерьез задумался об этом, то пришел, бы к выводу, что наша жертва куда значительней и благородней.

— Как это? — все еще смеясь, спросил Торнтон.

— Это же совершенно очевидно — битвы длятся всего несколько дней или недель, самое большее, месяцев. В то время как супружество длится всю жизнь! Что наводит еще на одну мысль, которая часто меня занимает, — весело продолжила Элизабет.

— И что же это? — поинтересовался он, не сводя с нее восхищенных глаз.

— Почему нас, несмотря на такое выдающееся мужество, называют слабым полом? — Их смеющиеся глаза задержались друг на друге, и Элизабет вдруг осознала, какими дикими ему должны казаться ее рассуждения. — Вообще-то я редко так странно разговариваю, — сникнув, сказала она. — Вы, наверное, думаете, что я ужасно плохо воспитана.

— Я думаю, что вы великолепны.

Искренняя сердечность, прозвучавшая в его проникновенном голосе, вызвала у нее резкий глубокий вздох. Элизабет открыла рот, собираясь сказать что-нибудь легкомысленное, чтобы восстановить легкую

товарищескую атмосферу, витавшую в комнате всего минуту назад, но вместо этого смогла лишь издать еще один долгий прерывистый вздох.

— И думаю, вы знаете об этом, — тихо добавил Торнтон. Все это нисколько не походило на глупые комплименты с претензией на остроумие, которые она привыкла слышать от своих поклонников, и его слова испугали ее не меньше, чем чувственный взгляд золотистых глаз. Прижавшись спиной к подлокотнику дивана, она пыталась внушить себе, что нельзя так бурно реагировать на обычную салонную лесть.

— Я думаю, — сказала она с легким смешком, застрявшим у нее в горле, — что вы находите великолепными всех женщин, которые оказываются с вами наедине.

— У вас есть основания так думать? Элизабет пожала плечами.

— Ну, например, вчера вечером.

Он непонимающе нахмурил брови, словно она говорила на непонятном языке.

— Я имею в виду леди Черайз Дюмонт, — напомнила она, — нашу хозяйку — ту самую очаровательную брюнетку, с которой вы провели весь вчерашний ужин. Вы так жадно внимали каждому ее слову.

Его лоб разгладился, и на губах появилась ухмылка.

— Ревнуете?

Элизабет приподняла свой аккуратный маленький подбородок и покачала головой.

— Не больше, чем вы меня к лорду Ховарду. Она почувствовала относительное удовлетворение, увидев, как испарилась его снисходительная улыбка.

— Тот тип, который не в состоянии разговаривать, не дотрагиваясь при этом до вашей руки? — спросил он опасно мягким голосом. — Это и есть лорд Ховард? Кстати сказать, любовь моя, большую часть ужина я раздумывал, что лучше — съездить ему по правому уху или по левому.

Элизабет разразилась неудержимым звонким смехом.

— Но ничего подобного вы не сделали, — выговорила она. — И кстати, после того, как вы отказались от дуэли с лордом Эверли, который назвал вас карточным шулером, я ни за что не поверю, что вы можете обидеть бедного лорда Ховарда только за то, что он дотронулся до моей руки.

— В самом деле? — все тем же бархатным голосом спросил Ян. — Должен сказать, что для меня это совершенно разные вещи.

Уже в который раз Элизабет поймала себя на том, что не понимает его. Ей вдруг снова стало страшно: всякий раз, как Ян Торнтон переставал

разыгрывать из себя галантного кавалера, он превращался в опасного загадочного незнакомца. Она откинула волосы со лба и выглянула в окно. — Уже, должно быть, четвертый час. Мне нужно идти.

Она поднялась на ноги и расправила юбки. — Благодарю вас за приятно проведенный день. Сама не знаю, почему я осталась. Мне не следовало бы этого говорить, но я не жалею, что не ушла...

Она забыла, что хотела сказать дальше, увидев, что он тоже встает. Отчетливо тревожное чувство снова сдавило ей горло.

— Неужели? — медленно спросил он.

— Неужели что?

— Неужели вы не знаете, почему вы все еще здесь, со мной?

— Я даже не знаю, кто вы такой! — воскликнула Элизабет, — Я знаю, где вы побывали, но не знаю ни вашей семьи, ни ваших друзей. Я знаю, что вы по — крупному играете в карты, и не одобряю этого...

— Я также играю по крупному, когда отправляю через океан свои грузы на кораблях, — это не оправдывает меня в ваших глазах?

— И еще я знаю, — отчаянно сказала она, глядя в его потемневшие от страсти глаза, — я совершенно точно знаю, что мне ужасно не по себе, когда вы так на меня смотрите!

— Элизабет, — нежно сказал Ян, и в его голосе прозвучала абсолютная убежденность, — вы здесь потому, что мы оба уже наполовину влюблены друг в друга.

— Чт-т-т-ooo? — ахнула она.

— А если вам необходимо знать, кто я такой, то ответить на это очень просто. — Торнтон погладил ее бледную щеку и положил руку ей на затылок. — Я тот человек, за которого вы выйдете замуж, — спокойно объяснил он.

— О Боже!

— Сейчас уже слишком поздно молиться.

— Вы... вы, должно быть, сошли с ума, — дрожащим голосом сказала Элизабет.

— Вы в точности угадали мои мысли, — прошептал он и прижался губами к ее лбу, придерживая за руки, чтобы предотвратить попытку сопротивления. — Вы не входили в мои планы, мисс Кэмерон.

— О, пожалуйста, — беспомощно взмолилась Элизабет, — не делайте этого со мной. Я ничего в этом не понимаю, не знаю, чего вы хотите.

— Я хочу вас. — Он взял ее за подбородок и приподнял его, заставив поглядеть ему прямо в глаза. — А вы хотите меня.

Элизабет задрожала всем телом, когда увидела, что он наклоняет к ней

голову и его губы приближаются к ее губам. Отчаянно ища способ предотвратить казавшийся уже неизбежным поцелуй, она попыталась образумить его цитатой из нравоучительных лекций Люсинды.

— Самое большее, что может испытывать благородная английская девушка, это привязанность. Благородные английские девушки никогда не влюбляются.

Его теплые губы были уже совсем близко.

— Я шотландец, — хрипло пробормотал Ян. — С нами это случается, — и закрыл ей рот поцелуем.

— Шотландец! — воскликнула она, когда он оторвался от ее губ.

— Я сказал шотландец, а не убийца, — засмеялся он ее испуганному возгласу.

«Шотландец, да еще и картежник до мозга костей! Хэвенхёрст пойдет с молотка, слуг придется распустить, и весь мир отвернется от меня».

— Я не могу, не могу выйти за вас замуж.

— Нет, Элизабет, — прошептал он, прокладывая горячими губами тропинку к ее уху, — можете.

Он положил руку ей на шею и нежно поглаживал ее, продолжая покрывать поцелуями шею и плечи. Почувствовав ее напряжение, он умоляюще, так, словно она причиняла ему боль своим молчаливым сопротивлением, прошептал:

— Не бойтесь меня, я перестану, как только вы скажете. Захваченная в плен его сильных рук, обманутая его нежными заверениями и ласками, Элизабет приникла к нему, постепенно ускользая из мира реальности в темную бездну страсти, куда он сознательно увлекал их обоих.

Он снова стал продвигаться к ее рту, и она безвольно повернула голову, откровенно ища его губ, вызвав у него полусмех, полустон. Почувствовав сладкую податливость ее губ, он впился в них жарким, требовательным поцелуем.

Вдруг он взял ее на руки и опустил к себе на колено, потом прислонил к спинке дивана и, склонившись над ней, снова жадно. приник к ее рту. Волна примитивной страсти прокатилась по ее телу, она закинула руки ему на плечи и, поддавшись яростному натиску, раскрыла губы, не осознавая, что, утоляя его голод, все больше распаляет его желание.

Когда вечность спустя он наконец оторвался от ее рта, Элизабет была почти без чувств. Медленно возвращаясь на землю из чувственного рая, она подняла тяжелые веки и взглянула на Яна. Слегка склонившись над ней, он вытянулся рядом на диване и тоже смотрел на нее, в глубине его золотистых глаз тлела опасная, но неодолимо влекущая страсть. Он нежно

отвел прядь волос с ее щеки и попытался улыбнуться. Не подозревая, каких усилий стоит Торнтону сдерживать свое желание, Элизабет опустила взгляд на его великолепно очерченный рот, вызвав у него тяжелый прерывистый вздох.

— Не смотрите так, — предупредил он охрипшим от волнения голосом, — если только не хотите, чтобы я снова поцеловал вас.

Элизабет была еще слишком неопытна и не научилась скрывать своих чувств, поэтому, когда он заглянул в ее огромные зеленые глаза, в затуманившихся бездонных глубинах ясно отразилось, как сильно ей хочется, чтобы он это сделал. Против такого искушения Ян не мог устоять.

— Обнимите меня за шею, — нежно прошептал он. Она выполнила его просьбу, и их дыхание снова смешалось, и губы слились в поцелуе. На этот раз инстинкт заменил ей опыт, и она крепче притянула его за шею и сама раскрыла навстречу губы, стремясь вновь испытать то дикое, невыразимо сладкое ощущение, которое прожигало все ее существо от его поцелуев.

— Не делайте этого, Элизабет, — выдохнул Торнтон, резко отпрянув от нее.

Она только крепче обхватила его за шею и приникла к нему. И тут же его горячие губы снова прижались к ее рту, заставив Элизабет выгнуться дугой в его руках. Она слышала, как под ребрами у него колотится сердце, и когда он, уже не сдерживая своей страсти, стал целовать ее в каком-то диком, непонятном ей ритме, кровь зашумела у нее в ушах. Мужская рука властно скользнула ей на грудь, и она испуганно рванулась из его объятий.

— Нет, подождите, — прошептал он, оторвавшись от ее губ, — Господи, подождите. Не сейчас...

Она застыла, потрясенная болью, прозвучавшей в этих словах, и посмотрела ему в лицо. Он чувствовал на себе ее взгляд, но не мог оторвать глаз от выреза ее платья. Однако рука его замерла на ее груди, и растерявшаяся Элизабет наконец поняла, что он остался верен своему обещанию все прекратить, как только она об этом попросит. Не в силах ни остановить, ни поощрить его, Элизабет молча смотрела на его загорелую руку, темневшую на светлой ткани платья, потом нерешительно заглянула ему в глаза. Увидев полыхавшее в них пламя, она еле слышно застонала и расслабилась, уже не пытаясь вырваться из его рук. Большого поощрения ему и не требовалось. Ян снова стал гладить и легонько сжимать ей грудь, не отрывая взгляда от ее глаз, наблюдая, как страх сменяется в них сладкой истомой. До сих пор грудь значила для Элизабет не больше, чем ноги: ноги предназначались для ходьбы, а грудь — для того, чтобы заполнять лиф

платья. Она и предположить не могла, что ее грудь может дарить такие чудесные ощущения и, зацелованная до бесчувствия, снова безвольно легла на диван, позволив его пальцам расстегнуть лиф ее платья. Он спустил с ее плеч рубашку и обнажил грудь. Она инстинктивно попыталась прикрыться, но Ян стремительно опустил голову и страстными поцелуями стал покрывать ее пальцы. Элизабет испуганно отдернула руку, и тогда он прижался лицом к ее груди, нежно поглаживая соски и играя с ними губами. Какое-то первобытное чувственное наслаждение пронзило все ее существо, и она застонала, вцепившись пальцами в его мягкие темные волосы, но в голове у нее застучала мысль, что надо немедленно сказать ему, чтобы он перестал.

Торнтон на секунду приподнял голову и, сжав рукой вторую грудь, обхватил губами розовый бутон соска. Тело Элизабет снова напряглось и выгнулось дугой от его будоражащих прикосновений, и она сильней притянула к себе его голову. Внезапно он приподнялся и, не отрывая взгляда от ее призывно вздымающейся груди, хрипло сказал:

— Элизабет, мы должны остановиться.

Сумасшедший вихрь налетевших на нее чувств начал замедляться и внезапно стих. Страсть уступила место страху, а потом и мучительному стыду, как только она осознала, что лежит в объятиях мужчины, платье ее расстегнуто, и тело с готовностью представлено его обозрению. На секунду прикрыв глаза, Элизабет загнала вглубь подступившие слезы и, скинув с себя его руку, приняла вертикальное положение.

— Дайте мне встать, пожалуйста, — прошептала она, испытывая отвращение к самой себе. Она вздрогнула, когда Ян начал застегивать на ней платье, но поскольку для этого он вынужден был отпустить ее, Элизабет немедленно воспользовалась этим и вскочила на ноги.

Отвернувшись, трясущимися руками она застегнула платье и сорвала накидку с крючка над камином. Торнтон двигался так бесшумно, что, только почувствовав у себя на плечах его твердые руки, Элизабет поняла, что он уже встал с дивана.

— Не бойтесь того, что произошло между нами. Я смогу обеспечить вас...

Смятение и злость на себя, терзавшие ее душу, вырвались наружу потоком глухих рыданий, и в результате всю свою ярость она обрушила на него. Взмахнув юбки, Элизабет резко повернулась к нему и оттолкнула протянутые к ней руки.

— Обеспечить! — зазвеневшим голосом воскликнула она. — Что вы можете мне обеспечить? Жалкую лачугу, в которой я должна буду жить, в

то время как вы станете разыгрывать из себя английского джентльмена и спускать в карты все, что только можно...

— Если дела пойдут так, как я надеюсь, — заговорил Ян, с трудом сохраняя спокойный тон, — то через год, самое большее — два я стану одним из самых богатых людей Англии. Если же нет, я все равно буду неплохо обеспечен.

Элизабет схватила шляпку и в страхе отступила от него, отчасти боясь своей собственной слабости.

— Это сумасшествие. Полное сумасшествие. Она отвернулась и направилась к двери.

— Я знаю, — тихо сказал он. Она взялась за ручку и распахнула дверь, но, услышав позади себя его голос, задержалась на пороге.

— Завтра утром я уезжаю, и если вы передумаете, то до среды меня можно застаť в городском особняке Хаммонда, что на Аппер-Брук-стрит. А после я отправлюсь в Индию и вернусь уже только зимой.

— Н-н-надеюсь, это будет безопасное плавание. — У Элизабет были слишком взвинчены нервы, чтобы удивиться тому, как больно ей стало от мысли, что Ян Торнтон исчезнет из ее жизни.

— Если вы вовремя измените свое решение, — поддразнил он ее, — я возьму вас с собой.

Элизабет пришла в ужас от убежденности, с которой он произнес эти слова. Они все еще звучали у нее в ушах, когда она продиралась сквозь мокрый кустарник в густом тумане. Как все переменилось за эти несколько часов: она больше не чувствовала себя той разумной, уверенной в себе женщиной, которой пришла сюда, — теперь это была до смерти напуганная, запутавшаяся в своих чувствах девочка, придавленная тяжким грузом обязательств и условностей, которые гласили, что ее безумное влечение к Яну Торнтону было чем-то постыдным и непростительным.

Вернувшись в поместье, Элизабет с ужасом поняла, что уже совсем поздно и все, кто ездил на прогулку, давно вернулись. Она немедленно приняла решение послать Роберту записку с просьбой забрать ее сегодня же вечером, не дожидаясь утра.

Берте было приказано собирать вещи, ужин Элизабет попросила подать в комнату. Весь остаток дня она старательно избегала подходить к окну, из которого открывался вид в сад. Раза два она все-таки выглянула и оба раза видела там Яна. В первый раз он стоял на террасе с сигарой в зубах, потом пошел через сад по тропинке, и было в его удаляющейся фигуре что-то такое неприкаянное, что у нее болезненно сжалось сердце. В следующий раз она увидела его в окружении незнакомых ей женщин,

видимо, приехавших только сегодня. Женщин было пятеро, и все они, судя по поведению, находили его неотразимым. Элизабет сказала себе, что ей это безразлично, это просто не может ее волновать. У нее есть обязательства по отношению к Хэвенхёрсту и Роберту, и это должно быть для нее на первом месте. Что бы там ни думал Ян, она не может связать свое будущее с никчемным картежником, даже если он самый красивый мужчина, которого рождала Шотландия, и самый нежный...

Элизабет закрыла глаза, пытаясь отгородиться от этих мыслей. Какая невероятная глупость приходит ей в голову. Она ведет себя неразумно и очень рискованно, потому что Валери и другие, кажется, уже заподозрили, где и с кем она была сегодня днем. Обхватив себя руками за плечи, Элизабет вздрогнула, вспомнив, как искусно и тонко ее вывели на чистую воду, не успела она войти в дом.

— Господи, да ты вся промокла, — увидев ее, воскликнула Валери, изображая сочувствие. — На конюшне нам сказали, что ты уехала на весь день. Только не говори, что все это время мокла под дождем!

— Нет, я... я наткнулась на домик в лесу и переждала там, пока прекратится дождь. — В тот момент это объяснение казалось ей совершенно безопасным, поскольку она не видела, чтобы около коттеджа была привязана лошадь Яна. Однако если кто-нибудь проезжал мимо, то не заметить ее лошадь он не мог.

— Ив котором часу это случилось?

— Где-то около часа.

— А не встречался ли тебе мистер Торнтон, пока ты гуляла? — со злорадной улыбкой громко спросила Валери, и все, кто был в гостиной, сразу замолчали, повернув головы в их сторону. — Лесник сказал, что видел, как к дому подъехал высокий темноволосый мужчина на гнедом жеребце и вошел внутрь. Он решил, что это один из гостей, и не стал обнаруживать своего присутствия.

— Я... я не видела его, — сказала Элизабет. — Там был... был сильный туман. Надеюсь, с ним не случилось никакого несчастья.

— Мы в этом. не уверены. Его до сих пор нет. Черайз очень беспокоится, хотя... — сделала паузу Валери, пристально наблюдая за лицом Элизабет, — я уверила ее, что волноваться не стоит. Горничная из буфетной сказала, что приготовила ему с собой ленч на двоих.

Отступив в сторону, чтобы пропустить проходившую пару, Элизабет сообщила Валери о своем решении уехать сегодня вечером и, не дав ей возможности спросить о причине такого поспешного отъезда, сказала, что ей нужно сменить мокрую одежду, и ушла.

С одного взгляда на бледное лицо Элизабет Берта поняла, что случилось нечто ужасное, а когда Элизабет велела немедленно отправить Роберту записку, чтобы он сегодня же вечером забрал их домой, убедилась в этом окончательно. К тому времени, как была отправлена записка, Берте удалось вытянуть из Элизабет большую часть истории, после чего весь остаток дня и вечер Элизабет пришлось успокаивать свою горничную.

Глава 7

— Вам ни на йоту не станет лучше, если вы вытопчете тропинку на ковре, — сказала ей Берта. — Нам еще придется выйти на ковер, когда мисс Трокмортон — Джонс узнает о том, что произошло.

— Она ничего не узнает, — сказала Элизабет, но в голосе ее прозвучал скорее вызов, чем убежденность. Она снова упала в кресло, нервно теребя юбку своего ярко-зеленого дорожного костюма. Ее шляпка с перчатками лежали на кровати, рядом с которой стояли уложенные чемоданы. Элизабет и Берта ждали Роберта. Несмотря на напряженное ожидание, обе подпрыгнули от неожиданности, когда раздался стук в дверь. Однако за дверью оказался лакей с запиской для Элизабет.

Она развернула ее непослушными пальцами, молясь, чтобы там не было написано, что посыльный не смог разыскать Роберта в Лондоне. «Приходите в оранжерею — мне необходимо с вами поговорить». В полном недоумении Элизабет смотрела на корявые, поспешно нацарапанные слова, которые с трудом можно было разобрать. Лакей уже начал спускаться по лестнице, когда Элизабет окликнула его,

— Кто дал вам эту записку?

— Мисс Валери, миледи.

Вслед за испытанным облегчением, что это не от Яна, ей сжало сердце ужасное подозрение: вдруг Валери каким-то образом разузнала, чем она занималась сегодня днем.

— Валери хочет, чтобы я прямо сейчас встретилась с ней в оранжерее, — объяснила она Берте.

Кровь отхлынула от лица несчастной горничной.

— Она знает о том, что между вами было? Поэтому она хочет встретиться с вами? Конечно, это не мое дело, но мне не нравится эта девица. У нее нехороший взгляд.

Элизабет еще ни разу в жизни не сталкивалась с интригами и не подозревала, что кто-то из знакомых может ее обмануть, хотя и чувствовала, что на всем, происходящем здесь, есть отпечаток зла. Никак не отреагировав на замечание Берты относительно своей подруги, Элизабет взглянула на часы. Было около шести.

— Роберт может появиться здесь самое раннее через час. А пока я пойду узнаю, что понадобилось от меня Валери.

Она подошла к окну и раздвинула шторы. На террасе и в саду

прогуливались гости. Больше всего на свете Элизабет боялась, что Ян увидит, как она пошла в оранжерею, и последует за ней. Вероятность такой встречи была чрезвычайно мала, но даже самую незначительную возможность этого было желательно исключить. Она вздохнула с облегчением, когда увидела на террасе его высокую фигуру. Хорошо освещенный большим фонарем, Торнтон стоял в окружении трех женщин и напропалую флиртовал. За спиной у него переминался с ноги на ногу лакей, терпеливо ожидая, когда он заметит его присутствие. Элизабет увидела, как Ян наконец обернулся, и лакей передал ему какой-то предмет, наверное, бокал шампанского, решила Элизабет.

Еще раз взглянув на него, Элизабет с сожалением отвернулась от окна. «Ян сейчас находится на задней террасе, — подумала она, — значит, я выйду через боковую дверь». Она вышла из дома и направилась к оранжерее, стараясь держаться подальше от света фонарей.

На пороге оранжереи Элизабет в нерешительности остановилась.

— Валери? — оглядываясь вокруг, тихо позвала она. Сквозь стеклянную крышу сюда пробивался лишь тусклый лунный свет. Не дождавшись ответа, Элизабет вошла в помещение и стала осматриваться. Почти все пространство оранжереи заполняли горшки с цветами — правильными рядами они стояли на столах и скамеечках. Наиболее чувствительные растения стояли на специальных подставках под столом, чтобы их не сожгли прямые солнечные лучи, бившие в стекло в дневное время. Пытаясь успокоиться, Элизабет пошла вдоль рядов, рассматривая цветы. Она отметила, что эта оранжерея больше, чем у нее в Хэвенхёрсте, и часть ее используется в качестве солярия. Здесь росли большие деревья в кадках и стояли скамьи с наброшенными на них разноцветными покрывалами.

Элизабет продолжала двигаться по проходу и не заметила, как на пороге оранжереи возникла чья-то тень и бесшумно двинулась в ее сторону. Сцепив руки за спиной, она нагнулась понюхать гардению.

— Элизабет? — услышала она за спиной удивленный голос Яна. Девушка круто повернулась, сердце ее застучало как сумасшедшее, руки потянулись к горлу, и колени предательски затряслись.

— В чем дело? — спросил он.

— Вы... вы испугали меня. Я не ожидала встретить вас здесь, — добавила она.

— Да что вы? — в его голосе звучала издевка. — А кого же вы ожидали увидеть после той записки — принца Уэльского?

Записки! Первой мыслью, мелькнувшей у нее в голове, когда она

поняла, что записка была от него, а не от Валери, была мысль, что для человека, столь четко и грамотно излагающего свои мысли, пишет он почти как полный невежда. Элизабет обратила внимание, что он, кажется, чем-то рассержен. Ян недолго томил ее в неизвестности относительно причины своего недовольства.

— Может быть, вы объясните мне, как это за целый день, что мы провели вместе, вы так и не вспомнили и не сообщили мне, что вы не просто мисс, а леди Элизабет?

У нее мелькнула сумасшедшая мысль, как бы он отнесся к тому, что она не просто старшая дочь какого-нибудь мелкого дворянина или рыцаря, а графиня Хэвенхёрстская.

— Начинайте, любовь моя. Я вас слушаю. Элизабет молча отступила на шаг назад.

— Исходя из того, что вы не хотите разговаривать, — зарычал Торнтон, беря ее за плечи, — я, кажется, понимаю, чего вы от меня хотели.

— Нет! — быстро вскрикнула она, отступая еще дальше. — Давайте лучше поговорим.

Он шагнул вперед, она отступила еще.

— В самом деле, есть столько интересных вещей, о которых можно поговорить.

— Да? — спросил он, надвигаясь на нее.

— Конечно! — воскликнула она, продолжая отступать. Ухватившись за первое, что пришло ей в голову, Элизабет указала на столик с гиацинтами. — Смотрите, какие красивые гиацинты!

— Красивые, — не глядя, согласился он.

Увидев, что он протянул руку, чтобы поймать ее, Элизабет отскочила так быстро, что его пальцы только скользнули по тонкой материи платья. Он начал наступать на нее шаг за шагом — вокруг столика с анютиными глазками, вокруг столика с лилиями, а она, отступая, тараторила как сумасшедшая:

— Гиацинты относятся к роду Нуаэт Аиэ. Цветы, которые мы видим на этом столике, ошибочно называют Датскими гиацинтами, в то время, как Датские гиацинты относятся к роду *Nyasinthus orientalis*...

— Элизабет, — неожиданно ласковым голосом оборвал он поток ее слов, — меня не интересуют цветы. — Ян снова потянулся к ней, и, не найдя другого способа избежать его объятий, она схватила горшок с гиацинтами и вложила в его протянутые руки.

— Существует легенда относительно происхождения гиацинтов, возможно, она заинтересует вас больше, — отчаянно продолжила она, и на

лице его проступило совершенно неопишное выражение веселого недоумения и восхищения. — Легенда гласит, что гиацинт был назван так по имени прекрасного спартанского юноши Гиацинта, которому покровительствовали Аполлон и Зефир — бог западного ветра. Однажды, обучая Гиацинта метанию диска, Зефир нечаянно убил его. Говорят, что там, где на землю упала капля крови Гиацинта, вырос цветок, на каждом лепестке которого была по-гречески написана фраза, выражающая скорбь. — Голос Элизабет задрожал, когда она увидела, что Ян ставит горшок на место. — В дд — действительности в легенде имелся в виду ирис или живокость, а не современный гиацинт, однако по таинственному стечению обстоятельств именно он получил это имя.

— Я очарован. — Его загадочные, непостижимые глаза встретились с ее взглядом.

Она поняла, что эти слова относятся к ней, а не к ее рассказу, и, хотя мысленно приказала себе держаться от него на расстоянии, ноги отказывались ей повиноваться.

— Совершенно очарован, — тихо проговорил Ян, и в каком-то замедленном темпе она наблюдала, как он протягивает к ней руки, обнимает за плечи и привлекает к себе.

— Прошлой ночью вы были готовы биться с целой армией мужчин за то, что они заклеили меня карточным шулером, а сегодня почему-то испуганы. Любимая, вы боитесь меня? Или чего-то еще?

Его глубокий низкий баритон, и особенно ласка, прозвучавшая в его голосе, произвели на нее такое же возбуждающее действие, как и прикосновения его губ.

— Я боюсь тех чувств, которые вы во мне пробуждаете, — слабым голосом призналась Элизабет. — Я понимаю, что это всего лишь... э-э... маленькое приключение...

— Обманщица, — сказал Торнтон и коснулся ее губ коротким дразнящим поцелуем. У нее снова пошла кругом голова, но как только он поднял голову, она разразилась быстрой сбивчивой речью.

— Благодарю вас, — не понимая, что говорит, забормотала она, — гиацинты не единственные цветы, которые имеют свою историю. Возьмем, к примеру, лилии, которые также относятся к роду...

Медленная обольстительная ухмылка на его лице буквально загипнотизировала ее, и, к своему ужасу, Элизабет осознала, что не может оторвать взгляда от его губ. Она не смогла унять дрожь нетерпения, когда он опустил голову, чтобы поцеловать ее. Разум кричал ей, что она сумасшедшая, но сердце оправдывало ее, говоря, что это прощание, после

которого они расстанутся навсегда. Мысль о предстоящей разлуке заставила ее забыть о стыде, и она приподнялась и сама поцеловала его. То, с какой страстностью Элизабет прижалась к нему, одной рукой обняла его за шею, а другую положила ему на грудь, могло у любого мужчины создать впечатление, что либо она до беспамятства влюблена в него, либо весьма искушена в любовных делах. Элизабет — совсем юная, неопытная и наивная — действовала по наитию, не подозревая о том, что всем своим поведением убеждает его в первом предположении.

Однако Элизабет не настолько утратила самообладание, как можно было судить по ее действиям, чтобы забыть о приезде Роберта. К несчастью, она и представить себе не могла, что Роберт может пойти сюда раньше, чем получит ее записку.

— Пожалуйста, послушайте меня, — отчаянно прошептала Элизабет. — Сегодня приедет мой брат и заберет меня домой.

— Я поговорю с ним. Возможно, у твоего отца будут возражения, даже если он поймет, что я в состоянии обеспечить твое будущее...

— Мое будущее! — Она пришла в ужас, представив, какое будущее может ждать ее с этим картежником. Он пустит ее по миру, как и отец. Элизабет подумала о пустых комнатах Хэвенхёрста, о слугах, которые полагались на нее, и о своих предках, которые рассчитывали на нее не меньше. Сейчас она должна сказать ему что-нибудь — что угодно, только бы заставить его замолчать, прежде чем она окончательно утратит контроль над собой и уступит этой безумной предательской слабости, которую он насылал на нее своим взглядом. Она откинула голову и, запинаясь, произнесла, стараясь придать своему голосу как можно больше холодности и удивления: — И что же вы можете мне предложить, сэр? Можете вы предложить рубин величиной с ладонь, как обещал мне виконт Мондвэйл? Или, как лорд Сэйбери, соболя, чтобы моим плечам не было холодно, и ковры из норки, чтобы моим ногам было мягко ступать?

— Так вот что вам нужно.

— Конечно, — с неестественной веселостью подтвердила она, и из груди ее вырвался полусмех-полувсхлип. — А разве не этого хотят все женщины и обещают все мужчины?

Его лицо превратилось в неподвижную маску, но глаза пронзали насквозь, будто ища ответа, словно он не мог поверить, что драгоценности могут значить для нее больше, чем чувства.

— О, пожалуйста, отпустите меня, — вдруг всхлипнула Элизабет, упершись руками ему в грудь.

Они были настолько увлечены разговором, что не заметили мужчину,

быстро направлявшегося к ним по проходу.

— Ты, несчастный подонок! — прогремел голос Роберта. — Ты слышишь, что она сказала! Убери свои грязные руки от моей сестры!

Руки Яна снова обвились вокруг нее, словно желая уберечь, но Элизабет вырвалась и в слезах подбежала к Роберту.

— Роберт, послушай. Это совсем не то, что ты думаешь! Роберт взял ее за плечи и посмотрел в лицо.

— Это мистер Ян Торнтон, — начала объяснять она, — и...

— И как бы это ни выглядело со стороны, — поразительно спокойным голосом заговорил Ян, — у меня самые честные намерения в отношении мисс Кэмерон.

— Ах ты, сукин сын! — взорвался Роберт, пылая яростью и презрением. — Чтобы я отдал свою сестру — графиню Кэмерон — за такого, как ты! Можешь не представляться, я и так все о тебе знаю. А что до твоих намерений или, я бы сказал, ухищрений, то я все равно не позволил бы ей выйти замуж за такого мерзавца, даже если бы она не была помолвлена.

При этих словах взгляд Яна метнулся к Элизабет. Ее вспыхнувшее лицо подтвердило, что это правда, и она чуть не вскрикнула — таким циничным и жестким стал его взгляд.

— Вы скомпрометировали мою сестру, свинья, внебрачное отродье, и вы ответите за это!

Ян перевел взгляд на Роберта, и его лицо снова стало бесстрастным.

— Я требую удовлетворения, дуэли! — взбешенный его спокойствием, выкрикнул Роберт.

— Конечно, — чуть ли не любезно ответил Ян и, кивнув на прощание, повернулся, чтобы уйти.

— Нет, — страшно закричала Элизабет, уцепившись за руку Роберта. Уже второй раз за последние двадцать четыре часа она пыталась предотвратить пролитие драгоценной крови Яна Торнтона. — Я не допущу этого, Роберт, ты слышишь? В этом не только его...

— Тебя это не касается, Элизабет! — отрезал Роберт, слишком раздосадованный, чтобы прислушаться к ее словам. Он скинул с себя ее руку. — Берта уже сидит в моем экипаже. Обойди вокруг дома с дальней стороны и жди меня там. А нам, — произнес он с едким сарказмом, — еще есть что обсудить.

— Ты не можешь... — снова начала Элизабет, но убийственно ледяной голос Яна Торнтона заставил ее замолчать.

— Убирайтесь отсюда! — процедил он сквозь зубы. Громовой голос

Роберта не произвел на нее никакого впечатления, но негромкий презрительный приказ Яна вызвал у нее неудержимую дрожь. С тяжелым сердцем она посмотрела в его неумолимое лицо, затем перевела взгляд на Роберта. Элизабет не была уверена, способно ли ее присутствие предотвратить беду или, наоборот, только ухудшает дело, но она все-таки попыталась еще раз воззвать к Роберту:

— Пожалуйста, пообещай мне, что не станешь ничего предпринимать до завтра. Прежде чем ты примешь какое-либо решение, нам необходимо поговорить.

Элизабет видела, каких колоссальных усилий стоит ему сдержаться и ответить согласием на ее просьбу.

— Отлично, — отрывисто бросил Роберт. — Я последую за тобой через минуту. А теперь иди, пока вся эта толпа, которая наблюдает за нами через стекло, не ввалилась сюда, чтобы слышать нас так же хорошо, как и видит.

Элизабет почувствовала себя по-настоящему больной, когда вышла из оранжереи и увидела, какое множество людей здесь собралось. Лица тех, что постарше, выражали удивление, а на лицах более молодых читалось ледяное презрение.

Немного погодя появился Роберт и влез в экипаж. Теперь он был настроен более покладисто.

— Вопрос решен, — коротко объявил он и, сколько она ни молила, ничего больше не сказал.

Элизабет бессильно откинулась на подушки сиденья и замолчала. Теперь было слышно только, как Берта шмыгает носом и горестно причитает, воображая, какие обвинения обрушит на ее голову Люсинда Трокмортон-Джонс.

— Ты не мог получить мою записку раньше двух часов назад, — вдруг прошептала Элизабет. — Как ты сумел так быстро добраться?

— Я не получал никакой записки, — сухо обронил Роберт. — Просто сегодня Люсинда почувствовала себя несколько лучше и вышла из своего заточения. Когда я сказал ей, куда ты отправилась на уик-энд, она поведала мне некоторые неприятно поразившие меня вещи относительно порядков, которые завела у себя на загородных приемах твоя подружка Черайз. Я выехал из дома три часа назад, чтобы забрать тебя отсюда как можно скорее, но, к сожалению, опоздал.

— Все не так плохо, как ты думаешь, — неуверенно начала Элизабет.

— Мы обсудим это завтра! — резко оборвал ее Роберт, и у нее затеплилась надежда, что по крайней мере до завтра он ничего не

предпримет. — Элизабет, как ты могла быть такой дурой?

Для того, чтобы понять, какой это отъявленный негодяй, не требуется особого опыта! Он не годится для... — Роберт умолк и сделал глубокий вздох, пытаясь сдержать обуревавшую его ярость. Переждав с минуту, он заговорил несколько спокойнее: — Как бы там ни было, но урон твоей репутации уже нанесен. И в первую очередь это моя вина — ты еще слишком молода и неопытна, чтобы отпускать тебя куда бы то ни было без присмотра Люсинды. Нам остается только молиться, чтобы твой нареченный проявил такое же понимание.

Элизабет вдруг сообразила, что уже второй раз за вечер Роберт упоминает о ее свадьбе, как о деле решенном.

— Поскольку ты еще не дал виконту Мондвэйлу своего согласия и о нашей помолвке не было объявлено публично, я не понимаю, как мои действия могут повлиять на него, — сказала она не столько с уверенностью, сколько с надеждой. — Если вокруг этого и возникнет некоторый шум, виконт может просто отложить на некоторое время объявление о помолвке, но я не думаю, Роберт, чтобы он придал этому эпизоду такое значение.

— Сегодня мы подписали брачный контракт. — Роберт оскалил зубы в мрачной усмешке. — У нас с Мондвэйлом не возникло никаких разногласий по поводу твоего обеспечения — оно будет очень щедрым, если хочешь знать. Счастливый и гордый жених прямо от меня помчался давать объявление в газету, и я могу его понять. Так что завтра оно появится в «Лондонской газете».

При этом волнующем известии у Берты вырвалось рыдание, и она снова начала шмыгать носом и громко сморкаться. Элизабет зажмурилась, смаргивая набегающие слезы. В эту минуту ее терзали куда более серьезные проблемы, чем ее молодого красивого жениха.

В эту ночь Элизабет долго лежала без сна, мучаясь воспоминаниями об уик — энде и холодея от мысли, что ей не удастся отговорить Роберта от дуэли, место и время которой, как она сильно подозревала, были уже определены. Глядя в потолок, она попеременно опасалась то за Роберта, то за Яна. По словам лорда Ховарда, выходило, что Ян — отчаянный дуэлянт, несмотря на то, что он отказался стреляться с лордом Эверли. Возможно, слухи о меткости Яна были всего лишь слухами. Роберт тоже был неплохим стрелком, и Элизабет покрылась холодным потом, представив, как Ян — такой гордый и одинокий — лежит с пулей в груди, выпущенной из пистолета Роберта. Нет! Она твердила себе, что ведет себя, как истеричка. Вероятность того, что один из них будет убит, была слишком

мала.

Дуэли запрещены, и в данном случае кодекс чести требует, чтобы Ян предложил (что он, несомненно, и сделал, оставшись наедине с Робертом в оранжерее), а Роберт принял его предложение — выстрелить в воздух. Тем самым Ян как бы признает свою вину, а Роберт получит удовлетворение, не прибегая к кровопролитию. Вот как обычно происходят дуэли в наше время, убеждала себя Элизабет.

Обычно, напомним, она себе, но у Роберта такой взрывной характер, и он был так взбешен сегодня вечером, что, когда его гнев сменился холодным убийственным молчанием, это напугало Элизабет еще больше.

Незадолго до рассвета она забылась чутким, призрачным сном, но через несколько минут проснулась, услышав в холле чьи-то шаги. Наверное, слуги, подумала она, выглянув в окно. На чернильном ночном небе появились бледные серые лучи, предвещающие рассвет. Она уже была готова снова погрузиться в сон, как вдруг скрипнула, открываясь, парадная дверь и с шумом захлопнулась.

Рассвет — время дуэлей. «Ведь он обещал сначала поговорить со мной», — чуть не закричала Элизабет. В первый раз в жизни у нее не возникло проблем со вставанием. Страх поднял ее из постели, заставил натянуть домашнее платье и опрометью сбежать по ступенькам в холл. Она распахнула парадную дверь как раз в ту секунду, когда экипаж Роберта заворачивал за угол.

— О Боже! — вслух простонала Элизабет и, чувствуя себя слишком несчастной, чтобы сидеть в одиночестве и гадать, что теперь будет, пошла будить единственного человека, которого здравый смысл не покидал ни при каких обстоятельствах. Люсинда дождалась их вчера ночью и уже знала большую часть истории, за исключением интерлюдии в домике лесника.

— Люсинда, — прошептала она, и седовласая женщина мгновенно открыла ясные, не замутненные сном глаза светло-орехового цвета. — Роберт только что ушел из дома. Я уверена, что он пошел стреляться с мистером Торнтоном.

Мисс Люсинда Трокмортон-Джонс, бывшая до Элизабет безупречной дуэньей дочерей трех герцогов, одиннадцати графов и шести виконтов, села в постели и прищуренным взглядом уставилась на юную леди, подмочившую ее блестящую репутацию опекуниши.

— Ну, поскольку еще даже не рассвело, я думаю, этот вывод напрашивается сам собой, — сказала она.

— Господи, что же мне делать?

— Для начала я предлагаю перестать заламывать руки на манер

простолюдинки, а потом пойти на кухню и приготовить чай.

— Я не хочу чая.

— А мне не помешает подкрепиться, раз уж нам предстоит дожидаться твоего брата — ведь ты за этим пришла, если я правильно понимаю?

— О, Люси, — произнесла Элизабет, глядя на старую деву с любовью и благодарностью, — что бы я без тебя делала?

— Ты бы постоянно попадала в какие-нибудь неприятности, что мы сейчас и наблюдаем. — Несчастное лицо Элизабет немного смягчило ее, и она вылезла из постели. — По традиции Торнтон должен просто явиться на место дуэли, что само по себе служит достаточным удовлетворением для твоего брата, после чего Роберт должен выстрелить в воздух. Ничего другого просто не может произойти.

Это был первый случай на памяти Элизабет, когда Люсинда ошиблась.

Одновременно с тем, как часы пробили восемь утра, вернулся Роберт с лордом Ховардом. Проходя через гостиную, Роберт заметил на кушетке Элизабет и Люсинду с шитьем в руках, остановился и подошел к ним.

— Что вы здесь делаете в такое время? — глухо спросил он Элизабет.

— Ждем тебя, — ответила Элизабет, поднимаясь. Присутствие лорда Ховарда сперва привело ее в некоторое замешательство, но потом она вспомнила, что на дуэли должны присутствовать секунданты.

— Так ты стрелялся с ним, Роберт?

— Да!

Голос Элизабет понизился до сдавленного шепота.

— Он ранен?

Роберт подошел к небольшому столику и налил себе виски.

— Роберт, — воскликнула она, хватая его за руки. — Что случилось?

— Я попал ему в руку, — в сердцах крикнул Роберт. — Я целился в его черное сердце, но промахнулся! Вот что случилось. — Страхнув с себя ее руки, он осушил бокал и наполнил его опять.

Чувствуя, что он чего-то недоговаривает, Элизабет вопросительно заглянула ему в лицо.

— Это все?

— Нет, это не все! — взорвался Роберт. — После того, как я ранил его, этот мерзавец поднял пистолет и так долго не стрелял, что я весь вспотел. Наконец он соизволил нажать на курок и отстрелил кончик шнурка на моем распроклятом ботинке!

— Чч-что? — пробормотала Элизабет, не понимая, что так разозлило Роберта. — Но ведь ты же не можешь злиться из-за того, что он промахнулся?

— Черт возьми, ты что, ничего не понимаешь? Торнтон не промахнулся! Он хотел оскорбить меня. Он стоял там, истекая кровью, и целился мне в сердце, а в последнюю секунду изменил свое намерение и отстрелил шнурок на моем ботинке. Он хотел показать мне, что мог бы убить меня, если бы захотел, и все это видели! Это смертельное оскорбление! Черт бы побрал его низкую душу!

— Мало того, что ты отказался стрелять в воздух, — заговорил вдруг лорд Ховард, взбешенный не меньше Роберта, — так ты еще и выстрелил раньше, чем был дан сигнал. Ты поставил в неудобное положение и себя, и меня. И кроме того, если слух об этой дуэли распространится, нас могут арестовать. Торнтон дал тебе достаточное удовлетворение, явившись сегодня утром и отказавшись поднять пистолет. Он признал свою вину. Чего ты еще от него хотел? — И словно вид Роберта был больше невыносим для него, лорд Ховард с негодованием отвернулся и стремительно пошел к двери. Через минуту Элизабет опомнилась и побежала за ним в холл, отчаянно пытаясь придумать какое-нибудь оправдание поведению Роберта.

— Вы, должно быть, промерзли и устали, — начала она, пытаясь потянуть время, — может быть, вы останетесь хотя бы на чай? Лорд Ховард, не останавливаясь, покачал головой.

— Единственное, чего я хочу, это вернуться в свой экипаж.

— Тогда я провожу вас. — Элизабет дошла вместе с ним до дверей, и в какое — то мгновение ей показалось, что он собирается уйти, даже не сказав ей «до свидания». Остановившись у открытой двери, он помедлил секунду и повернулся к ней.

— До свидания, леди Элизабет, — произнес он с каким-то сожалением в голосе и вышел.

Элизабет едва обратила внимание на его тон и даже на самый его отъезд. Ей вдруг пришло в голову, что где-то в эту самую минуту хирург пытается достать пулю из плеча Яна. Облокотившись на дверь, она сглотнула, пытаясь сдержать тошноту, подступившую к горлу от мысли, какую боль она ему причинила. Прошлой ночью она была слишком взволнована предстоящей дуэлью, чтобы задуматься, что должен был почувствовать Ян, когда Роберт сказал о помолвке. Сейчас это наконец стало доходить до нее, и ей сделалось физически нехорошо. Ян говорил, что хочет жениться на ней, он целовал ее и держал в своих объятиях с такой нежной страстью и говорил, что любит ее. И в ответ на все это Роберт набросился на него, презрительно заявив, что он не стоит ее и что она уже помолвлена с другим. А сегодня утром стрелял в него за то, что он

посмел сделать ей предложение.

Прислонившись головой к двери, Элизабет издала стон, в котором выразилось все ее страдание и раскаяние. Возможно, у Яна не было титула и никакого права называть себя джентльменом, но интуитивно Элизабет чувствовала, что у него тоже есть своя гордость. Эта гордость была отчеканена в его бронзовых чертах, в том, как он вел себя, в каждом его движении — а они с Робертом растерзали ее в клочья. Вчера ночью в оранжерее они выставили его дураком, а сегодня принудили к дуэли.

Если бы в эту минуту Элизабет знала, где найти Яна, она бы не побоялась его гнева и пошла к нему. Она рассказала бы ему все насчет Хэвенхёрста и своих обязательств, объяснила бы, что причина ее отказа не в нем самом или в каких-то его недостатках, а в том, что обстоятельства не позволяют ей даже помыслить о браке с ним.

Отделившись наконец от двери, Элизабет медленно прошла через холл в гостиную, где сидел Роберт, обхватив голову руками.

— Но это еще не конец, — процедил он сквозь зубы. — Когда-нибудь я убью его за это!

— Нет, ты не сделаешь этого! — в ужасе остановила его Элизабет. — Бобби послушай, ты ничего не понял насчет меня и Яна Торнтон. Он не сделал мне ничего плохого, правда. Понимаешь, — сдавленным голосом продолжила она, — он думал... ну... что любит меня. Он хотел жениться на мне...

Громкий издевательский смех Роберта разнесся по комнатам.

— Это он тебе так сказал? — фыркнул он, покраснев от ярости. Тот факт, что сестра не проявляет семейной солидарности, приводил его в бешенство. — Ну-ка, ну-ка, дай посмотреть на тебя, маленькая идиотка! Выражаясь ясно и его же собственными словами, все, чего он хотел от тебя, — это поваляться немного на простынях!

Элизабет почувствовала, как кровь отлила у нее от лица. Она медленно покачала головой.

— Нет, ты ошибаешься. Помнишь, когда ты нашел нас тогда, он сказал тебе, что у него честные намерения?

— Он чертовски быстро передумал, когда я сказал ему, что у тебя нет ни пенни. — Роберт откинулся на спинку дивана и смотрел на нее со смесью жалости и презрения.

У Элизабет подогнулись колени, и она упала на диван рядом с братом, раздавленная осознанием того, какой груз проблем она обрушила на свою семью. Сколько бед она навлекла на себя и брата своей глупостью и доверчивостью!

— Прости меня, — прошептала она, — прости. Ты рисковал из-за меня жизнью, а я даже не поблагодарила тебя за то, что ты столько сделал ради меня. — Не умея выразить свою признательность в словах, Элизабет просто обняла его за плечи. — В конце концов все обернется в нашу пользу — сколько раз уже так бывало, — пообещала она ему, не испытывая ни малейшей уверенности в своих словах.

— Только не на этот раз, — в его глазах застыло отчаяние. — Мы погибли, Элизабет.

— Я не верю, что все так плохо, как ты говоришь. Может быть, ничего из этого и не выплывет наружу, — продолжила она, понимая всю тщетность такой надежды. — И потом, лорд Мондвэйл любит меня и наверняка поверит нашим объяснениям.

— Между прочим, — подала наконец голос Люсинда, — учтите: Элизабет должна выезжать в свет, как и прежде, словно ничего не случилось. Если она станет прятаться в доме, это даст еще больше пищи для сплетен, — с обычной для нее сухой практичностью заметила Люсинда.

— Все это не имеет значения, говорят вам! — закричал Роберт. — Мы погибли!

Он оказался прав. В тот же день, когда Элизабет храбро пошла на бал со своим женихом, который до сих пор пребывал в счастливом неведении относительно ее поведения в минувший уик-энд, сенсационная весть о скандале распространилась по зале со скоростью пожара. Рассказ об эпизоде в оранжерее сопровождался клеветническим утверждением, что она сама послала Торнтону записку с предложением встретиться. Но с особенным удовольствием судачили о том, что Элизабет провела с Яном Торнтоном весь день в уединенном лесном доме.

— Этот негодяй сам же и распространяет эти басни, — взбесился Роберт, когда на следующий день сплетни достигли его ушей. — Он хочет обелить себя, рассказывая, будто ты сама прислала ему записку с приглашением встретиться в оранжерее, и утверждая, что весь уик-энд ты просто преследовала его. Единственное, чем я могу тебя утешить, это то, что ты не первая, кто потерял из — за него голову. Только в этом году его имя, помимо Черайз Дюмонт, связывалось с именами стольких светских дам... Однако всем им хватило ума не выдать себя так явно, как ты. Ты — единственная, кто позволил себе подобную неосторожность, и твои молодость и неопытность служат малым тому извинением.

Элизабет уже не чувствовала в себе сил спорить и возражать. Теперь, когда она не была во власти магнетического притяжения Яна Торнтон, до

нее наконец стало доходить, что все его действия полностью подпадали под определение бездушного, беспринципного соблазнителя. Всего через несколько часов знакомства он заявил, что уже наполовину влюблен в нее и хочет жениться — типичная приманка для доверчивых душ. Она прочитала достаточно романов, в которых охотники за приданым и распутные соблазнители тоже уверяли свои жертвы, что любят их до безумия, в то время как действительной их целью было приданое или очередная победа. А она, как последняя дура, вбила себе в голову, что он несчастная жертва предубеждения и социального неравенства.

Слишком поздно она поняла, что так называемые «предрассудки», из-за которых общество отвергло его, как раз и существовали для того, чтобы уберечь таких, как она, от неосторожных поступков.

Но Элизабет недолго предавалась жалости к себе. Друзья виконта Мондвэйла, узнав из газет о помолвке, сочли своим долгом раскрыть счастливому жениху глаза на истинный облик женщины, которой он предложил свою руку.

На следующее утро виконт явился в особняк на Риппл-стрит и отказался от своего предложения. Роберта в этот момент не было дома, поэтому Элизабет пришлось выслушать все лично. Когда она вошла в гостиную, ей хватило одного взгляда на его застывшую негнущуюся фигуру и плотно сжатый неулыбающийся рот, чтобы понять, зачем он пришел, и пол начал уходить у нее из-под ног.

— Надеюсь, мы сумеем обойтись без неприятного для нас обоих объяснения, — сухо, без вступления начал Мондвэйл.

Не в состоянии говорить из-за душивших ее слез стыда и горя, Элизабет только молча кивнула головой. Он развернулся и пошел к двери, но, поравнявшись с ней, вдруг бросился к девушке и схватил ее за плечи.

— Почему, Элизабет? — Его красивое лицо выражало одновременно злость и разочарование. — Скажите мне почему. Будьте честны хотя бы в этом.

— Почему? — повторила она, подавляя в себе нелепое желание кинуться ему на грудь и умолять о прощении.

— Я еще мог бы поверить в то, что вы случайно наткнулись на него в каком — то лесном домике, спасаясь от дождя, как меня уверяет в этом кузен лорд Ховард. Но почему вы послали ему записку с просьбой встретиться с вами в оранжерее?

— Я не делала этого! — закричала Элизабет, и только упрямая гордость удержала ее от того, чтобы упасть с рыданиями к его ногам.

— Вы лжете, — он с сожалением уронил руки. — Валери видела эту

записку, когда он выбросил ее, отправляясь на встречу с вами.

— Она ошибается! — Элизабет собралась объяснить ему все, но он уже вышел из комнаты.

В тот момент ей казалось, что большего унижения уже не может быть, однако вскоре она поняла, что ошибалась. Расторжение помолвки было расценено как доказательство ее вины, и с этого дня на Риппл-стрит перестали присылать приглашения и приходить с визитами. По настоянию Люсинды, Элизабет наконец собралась с духом и пошла на бал, куда была приглашена лордом и леди Хинтон еще до скандала. Она пробыла там пятнадцать минут и ушла, поскольку все, за исключением хозяев, у которых не было другого выхода, откровенно игнорировали ее присутствие.

В глазах света Элизабет была бесстыдной, распутной женщиной, слишком опытной и испорченной, чтобы допустить к ней юных девушек с незамазанной репутацией и доверчивых юношей, — такой женщине не место в благовоспитанном обществе. Она нарушила действующий моральный кодекс, связавшись с человеком, который вообще не имел репутации и положения в обществе. Она не только нарушила устои, она швырнула их им в лицо.

Через неделю после дуэли исчез Роберт — не предупредив и даже не оставив записки. Элизабет опасалась за его жизнь, отказываясь поверить, что он бросил ее из-за того, что она натворила. Однако на тот момент это было единственным возможным объяснением, и мысль, что она явилась причиной несчастья брата, доводила ее до отчаяния. Но вскоре открылась истинная причина исчезновения Роберта. Пока Элизабет сидела дома, молясь о возвращении брата, весть о его исчезновении распространилась по городу. И вскоре у их дверей начали собираться кредиторы с требованием уплаты долгов — и не только по счетам, накопившимся за время ее дебюта, но и карточных долгов Роберта, и даже долгов их отца. Страх, что Роберт стал жертвой какой-то грязной игры, уступил теперь место гораздо более вероятному предположению, что он бежал от долгов.

Через три недели после уик-энда у Черайз Дюмонт, ярким солнечным днем Элизабет и Люсинда закрыли дверь своего городского дома в последний раз и сели в экипаж. Их путь лежал через парк, и те же люди, которые прежде восхищались ею и искали ее общества, теперь холодно поворачивались к ней спиной. Сквозь пелену жгучих слез Элизабет увидела во встречном экипаже красивого молодого человека с хорошенькой спутницей. Элизабет узнала в этой паре виконта Мондвэйла и Валери, и взгляд, брошенный ею на Элизабет, по-видимому, должен был выражать жалость. Но Элизабет прочитала в нем плохо скрытый триумф.

Элизабет вернулась в Хэвенхёрст и распродала все, что было ценного, чтобы расплатиться с карточными долгами отца и Роберта и оплатить счета, по которым они задолжали во время ее дебюта в Лондоне. После чего занялась устройством собственной жизни. Со всей решительностью и мужеством она посвятила всю себя сохранению Хэвенхёрста и жизнеобеспечению своих восемнадцати слуг, оставшихся с нею, единственно за крышу над головой, скромное пропитание и новую ливрею раз в год.

Постепенно к ней вернулась способность улыбаться, и воспоминания о пережитом унижении были уже не такими острыми. Она научилась не оглядываться назад, перебирая свои ошибки, так как вспоминать о них и особенно о последствиях, которые они повлекли за собой, было слишком мучительно. В конце концов ей только семнадцать лет, и она сама себе хозяйка. И у нее был дом, в котором она выросла и в котором заключался смысл ее жизни. В доме возобновился старый уклад жизни — Элизабет снова играла в шахматы с Бентнером, занималась с Эроном и изливала неистраченную любовь на свою довольно странную семью и Хэвенхёрст, не боясь, что ей не ответят взаимностью. Почти все ее время было занято делами, и девушка была рада, что ей некогда подумать о Яне Торнтоне и событиях, которые привели ее к добровольной ссылке. Теперь же стараниями дяди ей придется не только вспомнить о нем, но и встретиться с ним. Без финансовой поддержки дяди, хотя и скромной, она не смогла бы вот уже два года сохранять за собой Хэвенхёрст. Чтобы содержать Хэвенхёрст в порядке и привлечь арендаторов, необходимо было провести ирригационные работы. И пока она не может отказаться от поддержки дяди.

Элизабет со вздохом открыла глаза, оглядела пустую комнату и встала на ноги. «Я сталкивалась и не с такими трудностями, — сказала она себе. — Любую проблему можно решить — нужно только как следует подумать. К тому же Алекс теперь на моей стороне. Вместе мы сумеем придумать, как обойти дядю Джулиуса».

Будем считать это вызовом с его стороны, воинственно подумала она, отправляясь на поиски Алекса. В девятнадцать лет она еще не утратила вкуса к жизни, а жизнь в Хэвенхёрсте была довольно рутинной. В конце концов две-три волнующие поездки внесут некоторое разнообразие в ее жизнь. К тому времени, как Элизабет разыскала Алекса в саду, она уже почти радовалась предстоящим событиям.

Глава 8

Александру ни на секунду не обмануло безмятежное выражение лица Элизабет и искусственная улыбка — с первого взгляда она поняла, что хороших новостей ждать не приходится. Бентнер, развлекавший Алекс показом достижений Элизабет в области цветоводства, пришел к тому же выводу. Они обменялись с Алекс тревожными взглядами.

— Что случилось? — Алекс в волнении поднялась со скамейки.

— Даже не знаю, как тебе сказать, — удрученно вздохнула Элизабет, усаживая Алекс обратно и садясь рядом с ней. Бентнер старался держаться поблизости, притворяясь, что обрывает засохшие розы с кустов, готовый в любую минуту дать совет или прийти на помощь. Чем больше Элизабет думала над тем, как преподнести новость Алекс, тем более эксцентричным — и даже комичным — казалось ей предложение дяди.

— Видишь ли, — объяснила она, — мой дядя расстарался и нашел мне женихов.

— Что ты говоришь? — спросила Алекс, пытаясь разгадать, отчего у подруги такое растерянное и удивленное выражение лица.

— Да. Надо сказать, его желание сбить меня с рук настолько велико, что он решился на меры, которые иначе как экстравагантными я назвать не могу.

— Что ты имеешь в виду?

Элизабет с трудом сдержала неожиданный приступ истерического смеха.

— Он разослал письма моим бывшим поклонникам, спрашивая, интересуется ли их по-прежнему моя особа...

— О Боже, — выдохнула Алекс.

— И если да, то он готов отправить меня к ним на несколько денечков под опекой Люсинды, с тем чтобы они могли решить, подхожу ли я им.

— О Боже, — уже громче повторила Алекс.

— Он разослал пятнадцать писем. Двенадцать человек ответили отказом, — продолжила Элизабет, и Алекс сочувственно покачала головой, — но трое выразили согласие с его планом, и теперь я должна отправиться к ним с визитами. А поскольку Люсинда сейчас в Девоне, то к первым двум кандидатам я поеду с Аертой, которую буду выдавать за свою тетю. Правда, в Шотландию, к третьему искателю моей руки, — Элизабет фыркнула, употребив это слово по отношению к Яну Торнтону, — я поеду все-таки с

Люсиндой. Надеюсь, что к этому времени она вернется.

— Да, но к первым двум — с Бертой! Да она же боится собственной тени!

Испуганная новым приступом накатившего на нее веселья, Элизабет постаралась взять себя в руки.

— Да Бог с ней, с Бертой. Это самая незначительная из моих проблем. Но я не против того, чтобы ты продолжала взывать к Господу, Алекс, потому что спасти нас может только чудо.

— И кто же эти кандидаты? — спросила Алекс. Увидев, какой странной улыбкой озарилось лицо Элизабет, она еще больше встревожилась.

— Двух я вообще не помню. Забавно, не правда ли? — продолжила Элизабет с веселым удивлением. — Двое взрослых мужчин познакомились с девушкой, которая произвела на них настолько сильное впечатление, что они поспешили к ее брату просить ее руки, а она, эта девушка, совершенно не помнит их, за исключением одного имени, да и то смутно.

— Ну, это как раз неудивительно, — возразила Алекс. — Ты очень красива, и такое случается часто. Когда в свете появляется юная дебютантка, мужчины быстренько оценивают ее, причем часто довольно поверхностно, и решают для себя, хотят ли они эту девушку себе в жены. И если хотят, то делают ей предложение. Я не думаю, что это разумно с их стороны, так же, как считаю неправильным выдавать девушку за человека, которого она совсем не знает, и рассчитывать при этом, что она будет чувствовать к нему какую-то привязанность после свадьбы. Однако в свете это называется цивилизованным способом устраивать браки.

— В действительности это как раз самый варварский способ, — с жаром сказала Элизабет, пытаясь отвлечься от своих личных несчастий, переключившись на обсуждение более общих проблем.

— Так кто же они, Элизабет? Возможно, я знаю кого-нибудь из них и помогу тебе вспомнить. Элизабет вздохнула.

— Первый — сэр Фрэнсис Белховен...

— Ты шутишь! — в ужасе оборвала ее Алекс, бросив испуганный взгляд на Бентнера. Элизабет чуть приподняла тонкие брови в ожидании дальнейшей информации. — Боже, это ужасный, развратный старик, — возмутилась Алекс. — У меня просто не хватает благопристойных выражений, чтобы описать его. Он тучен и лыс, а его распушенность и глупость просто вошли в поговорку. К тому же он фантастически жадный, просто невероятный скряга!

— Ну, по крайней мере в этом мы сходимся, — попыталась пошутить

Элизабет, не отрывая взгляда от Бентнера, который так увлекся, что обрывал совершенно здоровый куст.

— Бентнер, — мягко сказала она, тронутая тем, как близко к сердцу принимает он ее несчастья, — засохшие бутоны можно отличить по цвету.

— А кто второй? — снова вернула ее к предмету обсуждения Алекс, тревога которой все возрастала.

— Лорд Джон Марчмэн. — Видя, что Алекс это имя не знакомо, она добавила: — Граф Кэнфордский.

Подсказка сработала, и Алекс медленно кивнула головой.

— Я не знакома с ним, но кое-что слышала.

— Ну, тогда не томи меня в неизвестности, — сказала Элизабет, которой все происходящее с каждой минутой казалось все более абсурдным и нереальным. — Что тебе известно о нем?

— Да так, ничего конкретного я сейчас не вспомню... хотя, подожди — точно! Говорят, что он, — она бросила расстроенный взгляд на подругу, — помешан на спорте и редко появляется в Лондоне. Говорят, у него все стены в доме увешаны чучелами животных и рыб, которых ему удалось поймать. Теперь я вспоминаю чью-то шутку: он якобы потому до сих пор не женился, что еще ни разу не оторвался от охоты на достаточно долгий срок, чтобы подыскать себе жену. Этот и подавно тебе не подходит, — безнадежно закончила Алекс, уставившись пустым взглядом на носок своей крохотной красной туфельки.

— Да какая разница, подходит он мне или нет, если я все равно не собираюсь выходить за него замуж, — конечно, если только мне удастся этого избежать. Если бы мне удалось продержаться еще хотя бы два года, когда ко мне перейдет траст моей бабушки... С этими деньгами я смогла бы содержать Хэвенхёрст и одна. Но до тех пор мне не свести концы с концами без помощи дяди, а он грозит прекратить ее чуть ли не каждую неделю. Если я хотя бы не сделаю вид, что готова последовать его безумному плану, не сомневаюсь, что он так и сделает. — Элизабет, — осторожно предложила Алекс, — если бы ты позволила, я могла бы помочь тебе. Мой муж...

— Не надо, пожалуйста, — остановила ее Элизабет. — Ты же знаешь, что я не могу взять у тебя деньги. Помимо всего прочего, я просто никогда не смогу вернуть их. С помощью траста я сумею содержать Хэвенхёрст — но и только. Сейчас для меня самая главная проблема — найти способ выбраться из паутины, которую сплел для меня дядя.

— Чего я никак не могу понять, так это, как твой дядя может считать подходящей партией людей, которые совершенно тебе не подходят! То есть

абсолютно!

— Это мы с тобой знаем, что они мне не подходят, — криво усмехаясь, сказала Элизабет и вырвала травинку, проросшую сквозь доски скамьи, — а эти джентльмены, так называемые кандидаты в мужья, не понимают этого — вот в чем проблема. — При этих словах в голове у нее зародилась мысль, которая начала быстро оформляться, она застыла, и только пальцы продолжали теревить травинку. Алекс сделала глубокий вдох, собираясь заговорить, и вдруг тоже замерла как статуя, в наступившей тишине они молча смотрели друг на друга, пораженные одной и той же мыслью.

— Алекс, — выпалила наконец Элизабет, — единственное, что мне нужно сделать, это...

— Элизабет, — прошептала Алекс, — это не так уж плохо, как может показаться. Единственное, что тебе нужно сделать, это... Две давние подруги сидели в розовом саду, радостно глядя друг на друга, а время вокруг них быстро покатилося вспять, и они уже снова были девочками, которые лежали без сна в темноте и делились своими мечтами и проблемами, изобретая способы их решения, каждый раз предваряя их фразой: «Если бы только...»

— Если бы только, — сказала Элизабет, и улыбка осветила ее лицо, вызвав ответную улыбку у Алекс, — если бы только мне удалось убедить их, что мы не подходим друг другу...

— Что будет совсем нетрудно, — с энтузиазмом воскликнула Алекс, — потому что вы и в самом деле не подходите!

Обрадованная тем, что у нее теперь есть план и она может повлиять на ситуацию, которая несколько минут назад казалась безысходной, Элизабет вскочила на ноги и облегченно рассмеялась.

— Бедный сэр Фрэнсис, его ждет пренеприятнейший сюрприз, когда он обнаружит, какая я... — она помедлила, обдумывая, что вернее всего его оттолкнет, — какая страшная ханжа может стать его женой!

— И когда он узнает, какая ты сумасшедшая транжирка, — подхватила Алекс.

— Точно! — согласилась Элизабет, закружившись от восторга. Солнечные блики заплясали на ее золотых волосах и вспыхнули в зеленых глазах, когда она взглянула на своих друзей. — Уж я постараюсь убедить его в этом. Так, а как мы поступим с графом Кэнфордским?

— Какая жалость, — сказала Алекс, изображая глубочайшую печаль, — ты не сможешь показать ему, что такое настоящая рыбалка!

— Рыбалка?! — Элизабет передернула плечами. — Боже, да я при одной мысли об этих скользких тварях падаю в обморок!

— Если не считать той рыбины, которую вы поймали вчера, — улыбнулся Бентнер, который сам же и научил ее обращаться с удочкой.

— Элизабет улыбнулась и попросила его разыскать Берту.

— Может быть, ты скажешь Берте, что ей предстоит побыть какое-то время моей тетей? Мне бы хотелось, чтобы к тому времени, как мы вернемся в дом, она уже прекратила истерику и была в состоянии спокойно разговаривать.

Бентнер с готовностью отправился выполнять поручение. При ярком солнечном свете потертые места его костюма особенно сильно бросались в глаза, и Элизабет в который раз пожалела, что не в состоянии обновить гардероб своих слуг.

— Ну, осталось только придумать, как охладить пыл третьего кандидата, — весело сказала Алекс. — Кто он и что мы о нем знаем? Я с ним знакома?

Именно этой минуты Элизабет и боялась.

— Ты никогда не слышала о нем до своего возвращения из свадебного путешествия.

— Да? — почувствовав недоброе, притихла Алекс. Элизабет набрала в грудь побольше воздуха, нервно потерла руки о синие юбки своего платья и медленно заговорила:

— Наверное, я все-таки должна рассказать тебе, что случилось полтора года назад, — о Яне Торнтоне.

— Нет никакой необходимости, если тебе неприятен этот разговор. Сейчас нам нужно подумать о третьем кандидате...

— Дело в том, что Ян Торнтон как раз и есть третий кандидат.

— Боже милосердный! — в ужасе ахнула Алекс. — Но почему? То есть я хочу сказать...

— Я не знаю, почему, — смутившись, сердито ответила Элизабет. — Но факт остается фактом — он принял предложение дяди. Не знаю, либо это какое-то страшное недоразумение, либо он решил таким образом поразвлечься. И в том, и в другом я не вижу смысла....

— Поразвлекся! Да он и так уже погубил тебя. Если он еще и находит в этом что-то забавное, он, должно быть, просто чудовище.

— Когда я видела его в последний раз, он не видел в этом ничего забавного, поверь мне. — Снова опустившись на скамью, она пересказала Алекс всю историю, стараясь придерживаться только голых фактов и не поддаваться эмоциям.

Глава 9

— Приехали, Берта, — сказала Элизабет, — когда дорожная карета встала у ворот громадного особняка сэра Фрэнсиса Белховена. Весь последний час Берта сидела зажмурившись, но по частому и прерывистому вздыманию ее груди Элизабет догадывалась, что она не спит. Берта до смерти боялась играть роль тетушки Элизабет. Последние несколько дней Элизабет только и делала, что успокаивала и уговаривала ее, но Берта ни за что не хотела ехать. И сейчас, когда отступить было уже поздно, она все еще молилась о чудесном избавлении.

— Тетя Берта! — громко обратилась к ней Элизабет, увидев, как распахнулась парадная дверь огромного, без определенного архитектурного стиля, дома. Дворецкий отступил в сторону, и вперед вышел лакей. — Тетя Берта!

Плотно сжатые веки горничной наконец открылись, и Элизабет с мольбой заглянула в расширившиеся от испуга карие глаза.

— Пожалуйста, не подводи меня, Берта. Я очень рассчитываю на тебя. Ты должна вести себя как моя тетя, а не как робкий мышонок. Они уже почти подошли.

Берта кивнула, судорожно сглотнув, и выпрямилась на сиденье.

Стараясь успокоиться, она стала расправлять свои черные бомбазиновые юбки.

— Ну, как я выгляжу? — быстро шепнула Элизабет.

— Ужасно, — ответила Берта, взглянув на строгое черное льняное платье с глухим воротом. Элизабет очень тщательно подбирала туалеты для этого визита, уделив особое внимание платью, в котором впервые предстанет перед будущим мужем. Вдобавок к монашескому платью она отчесала от лица волосы и заколола их на затылке в пучок а-ля Люсинда, прикрыв их короткой вуалеткой. На шее у нее висело единственное «украшение», которое она была намерена носить все время своего пребывания здесь, большой уродливый железный крест, позаимствованный из семейной часовни.

— Кошмарно, миледи, — искренне ужаснувшись, сказала Берта. Со времени исчезновения Роберта она стала называть Элизабет «миледи», отказываясь обращаться к ней с прежней фамильярностью.

— Отлично, — сказала Элизабет и ободряюще улыбнулась. — Ты тоже хороша.

Лакей открыл дверцу и помог им выйти из кареты. Первой вышла Элизабет, за ней — «тетя». Пропустив Берту вперед, Элизабет повернулась к Эрону, возвышавшемуся на козлах. Дядя разрешил ей взять с собой шестерых слуг, которых она подбирала с особой тщательностью.

— Так не забудь, — напомнила она Эрону, — рассказывай обо мне направо и налево, всем, кто только согласится тебя слушать. Ты знаешь, что говорить.

— Ха, — ответил он с дьявольской ухмылкой, — мы всем расскажем, как вы замучили нас своей правильностью — до того чопорная и строгая, что самого черта сделаете праведником.

Элизабет кивнула и неохотно двинулась к дому. Судьба сама вела ее, и ей ничего другого не оставалось, как постараться пройти это испытание с честью. С высоко поднятой головой и трясущимися коленями она пошла вперед и догнала Берту. Дворецкий застыл в дверях, изучая Элизабет с откровенным интересом. Как ни трудно было в это поверить, но у нее создалось впечатление, что он пытается рассмотреть ее грудь под бесформенным черным платьем. Когда они приблизились, он отступил и впустил их в дом.

— У милорда сейчас гости, он скоро выйдет к вам, — сказал дворецкий. — А пока Курбис покажет вам ваши комнаты. — Глаза его обратились на Берту, и в них вспыхнуло одобрение при виде ее пышных форм. Он повернулся к старшему лакею и кивнул ему.

Элизабет стала подниматься по высокой лестнице, с любопытством оглядывая мрачный холл и темно-красный ковер на ступенях. По краям он был пушистым и толстым и когда-то, видимо, стоил дорого, но середина его уже совершенно протерлась и буквально кричала, чтобы его отправили на отдых. На стенах висели позолоченные канделябры со вставленными в них свечами, но свечи не были зажжены, отчего на лестнице и верхней площадке было совершенно темно. Такая же тьма царила в спальне, куда проводил их лакей.

— Вход в спальню леди Берты вон через ту дверь, — раздался во тьме голос лакея. Элизабет прищурилась, ничего не видя. Наконец ей удалось разглядеть, что он подошел к чему-то, что, по-видимому, было стеной. Дверные петли тихонько скрипнули, из чего она сделала вывод, что он открыл дверь.

— Господи, да здесь темно как в склепе, — сказала Элизабет, различая во мраке только смутные тени. — Будьте добры, зажгите свечи, — попросила она. — Ведь здесь есть свечи, я надеюсь? — Да, миледи, есть, вот здесь, рядом с кроватью. — Его тень снова мелькнула перед ней, и она

сфокусировала взгляд на каком-то большом темном предмете, который по своим размерам вполне мог быть кроватью.

— Тогда зажгите их, пожалуйста, — снова попросила она. — Я... я ничего не вижу.

— Его светлость не любит, когда в спальнях зажигают по несколько свечей сразу. Он говорит, что это разбазаривание воска. Элизабет поморгала в темноте, не зная, плакать ей или смеяться.

— О-о, — вконец сбита с толку, произнесла она наконец. Лакей зажег маленькую свечку в дальнем конце комнаты и ушел, прикрыв за собою дверь.

— Миледи? — прошептала Берта, пытаясь найти хозяйку в этом непроглядном мраке. — Где вы, миледи?

— Я здесь, — отозвалась Элизабет, двигаясь с вытянутыми вперед руками, ощупывая встречающиеся на пути препятствия. На ощупь она добралась до внешней стены, где, по ее мнению, должно было находиться окно, занавешенное тяжелыми шторами.

— Где? — испуганным шепотом спросила Берта, и Элизабет услышала, как стучат ее зубы.

— Здесь, слева от тебя.

Берта пошла на голос и испуганно охнула при виде жутковатой призрачной фигуры с вытянутыми руками.

— Поднимите руку, чтобы я знала, что это вы, — попросила она. Элизабет, зная пугливую натуру своей горничной, немедленно подчинилась и подняла руку. Это успокоило Берту, однако Элизабет тут же споткнулась об узкую ребристую стойку с мраморным бюстом и вместе с ней стала падать.

— Боже милостивый! — вскрикнула Элизабет, хватаясь за стойку, чтобы удержать ее. — Берта! Ну сколько можно стоять? Сейчас не время пугаться темноты. Помогите мне, пожалуйста. Я на что-то налетела, кажется, это бюст на подставке, и не могу отпустить его, пока не увижу, как его правильно поставить. Здесь есть шторы, прямо рядом со мной. Иди на мой голос и открой их. Как только ты это сделаешь, здесь станет так же светло, как на улице.

— Иду, миледи, — храбро ответила Берта, и Элизабет облегченно вздохнула. — Я нашла их, — раздался тихий возглас несколько минут спустя. — Ой, а какие тяжелые, прямо не сдвинешь. — Берта потянула за одну штору, потом с удвоенной силой дернула вторую и повернулась, чтобы разглядеть комнату.

— Ну наконец-то светло! — вздохнула Элизабет. Яркий дневной свет

ударил ей прямо в лицо, мгновенно ослепив. — Так намного лучше, — сказала она, часто моргая. Она уже собралась поставить на место бюст, как громкий крик Берты остановил ее.

— Силы святые, спасите нас!

Бережно прижав к груди хрупкий бюст, Элизабет резко повернулась. Глазам ее предстала самая поразительная комната, какую она когда-либо видела. Во — первых, присутствовали только красный и золотой цвета. Во-вторых, ее поразили шесть огромных золотых купидонов, нависавших над гигантской кроватью. Одной рукой купидоны сжимали концы пурпурного полога, в другой держали лук со стрелами. Изголовье кровати было также украшено купидонами. Глаза Элизабет расширились — сначала от удивления, потом от подступившего смеха.

— Берта, — фыркнула она, — ты только посмотри, куда мы попали!

Зачарованная этим золотым кошмаром, Элизабет сделала медленный поворот вокруг себя. Над камином висела картина в позолоченной раме, изображающая женщину, единственным одеянием которой был лоскут красного шелка, обмотанный вокруг бедер. Элизабет быстро отвела взгляд от ее шокирующей наготы и снова наткнулась на целую армию купидонов — упитанные позолоченные мальчишки заполнили каминную полку и прикроватные столики, столпились кучкой на канделябре у кровати, в одном из двенадцати рожков которого сиротливо горела свеча, зажженная лакеем, и в изобилии облепили громадное зеркало.

— Это... это... — бормотала Берта, глаза которой стали величиной с блюдца, — у меня просто нет слов, — сдалась она наконец, но Элизабет уже оправилась от первичного шока и пришла ей на помощь.

— Что-то невообразимое, да? — подсказала она. — Не-невероятное? — Элизабет больше не могла сдерживаться, и плечи ее затряслись от хохота.

Берта издала странный сдавленный звук и тоже зашлась от смеха. В этом бурном веселье сказалось напряжение, в котором они находились все последние дни, и женщины с радостью позволили себе немного расслабиться. Они сгибались пополам, и слезы текли у них по щекам. Берта собралась утереть лицо фартуком, но, не обнаружив его, вспомнила свое новое важное положение и, достав из рукава носовой платок, аккуратно промокнула уголки глаз. Элизабет все еще прижимала к груди мраморный бюст и досмеялась до того, что у нее заболел живот. Обе они так увлеклись, что не замечали вошедшего в спальню хозяина дома до тех пор, пока не услышали его радостный голос:

— Леди Элизабет, леди Берта!

Берта испуганно ойкнула и быстро утерла нос платком. Элизабет взглянула на облаченного в атлас мужчину, который и сам напоминал так любимых им купидонов, и грубая реальность ее положения вновь предстала перед ней со всей ясностью. Его появление как холодный душ мгновенно отрезвило ее, и смех замер у нее на устах. Она вперила глаза в пол, прокручивая в уме свой план и пытаясь внушить себе уверенность в реальность его выполнения. План должен сработать, потому что, если у нее ничего не получится, этот стареющий любитель купидонов может стать ее мужем.

— Мои дорогие, дорогие леди, — заворковал сэр Фрэнсис, стремительно двигаясь им навстречу, — ах, какой приятный долгожданный сюрприз! — Этикет требовал, чтобы он сперва поздоровался с более старшей леди, и потому он повернулся к Берте. Сэр Фрэнсис взял потную руку Берты и прижался к ней губами. — Позвольте представиться. Сэр Фрэнсис Белховен.

Леди Берта присела, глядя на него расширившимися от страха глазами и продолжая прижимать к лицу платок. К его несказанному удивлению, она ничего не ответила — не сказала, как ей приятно с ним познакомиться, не справилась о здоровье. Вместо этого она снова присела. И еще раз.

— В этом нет нужды, — сказал он, скрывая растерянность за чрезмерной веселостью, — я всего лишь рыцарь, не герцог и даже не граф.

Леди Берта присела еще раз, и Элизабет резко ткнула ее локтем в бок.

— Как жизнь? — наконец разомкнула уста полнотелая «леди». Элизабет предприняла слабую попытку оправдать поведение Берты.

— Моя тетя немножко... э-э-э... застенчива с незнакомыми, — произнесла она еле слышно.

При звуках тихого музыкального голоса Элизабет Кэмерон кровь снова заиграла в жилах сэра Фрэнсиса. Он нетерпеливо повернулся к своей будущей невесте и тут заметил, что это его бюст она прижимает к своей груди так бережно и с такой любовью. Он не мог сдержать удовольствия при виде этой картины.

— Я знал, что именно так все между нами и будет — без притворства и девичьей стыдливости, — с сияющим лицом объявил он, не замечая настороженного взгляда Элизабет, и взял из ее рук бюст. — Но, любовь моя, к чему ласкать холодный камень, в то время как перед вами я сам, так сказать, во плоти.

Элизабет онемела от подобного предложения и молча наблюдала, как он поставил бюст на место и выжидательно повернулся к ней, словно надеясь — а он действительно надеялся, — что она сейчас подойдет к нему

и прижмет его лысеющую голову к своей груди. Ее ум отказывался работать в такой ситуации.

— Я... я хотела попросить вас об услуге, сэр Фрэнсис, — вдруг выпалила она.

— Все, что угодно, моя дорогая, — осипшим голосом проворковал он.

— Я бы хотела отдохнуть перед ужином. Он отступил с разочарованным видом, но потом вспомнил о приличиях и нехотя кивнул.

— Мы здесь ужинаем в половине девятого.

И тут сэр Фрэнсис впервые как следует разглядел ее. Воспоминания о прелестном лице и еще более прелестном теле Элизабет Камерон были так сильны, что до сих пор он видел перед собой только ту, прежнюю леди Элизабет. Теперь же он наконец заметил темное некрасивое платье и строгую прическу, скрывающую пышность волос. Взгляд его упал на висевший на ее шее железный крест, и он в ужасе отпрянул.

— О-о... и еще, моя дорогая, у меня сегодня будет несколько гостей, — он выразительно посмотрел на ее платье, — думаю, вам следует это знать, поскольку вы наверняка захотите одеться соответствующим образом.

Элизабет снесла это оскорбление, пребывая все в том же полупарализованном состоянии, в которое впала при его появлении. Только когда дверь за ним захлопнулась, она нашла наконец в себе силы пошевелиться.

— Берта, — сказала она, падая на стул, — ну что ты расприседалась! Так он догадается, что ты горничная, еще раньше, чем начнется ужин! И мы никогда не выпутаемся.

— Ну, знаете ли! — возмущенно воскликнула обиженная Берта. — Я по крайней мере не прижимала к груди его голову!

— Ну ладно, будем надеяться, в следующий раз у нас получится лучше, — Элизабет бросила извиняющийся взгляд через плечо, и надежда в ее голосе сменилась решимостью. — Мы просто обязаны постараться. Завтра нас уже не должно здесь быть. Самое позднее — послезавтра.

— Дворецкий паялся на мою грудь, — пожаловалась Берта. — Я видела!

Элизабет безрадостно усмехнулась.

— А лакей паялся на мою. В этом доме ни одна женщина не может чувствовать себя в безопасности. Ну ничего. Может быть, нам сейчас и страшновато, но это нормальный страх актера перед выступлением. Мы ведь с тобой новички, сегодня наше первое выступление. И мы сыграем свою роль на «отлично». Вот увидишь. Чего бы мне это ни стоило, я справлюсь.

Когда Элизабет наконец появилась в столовой, ее ждали уже два часа. Как минимум.

— Силы небесные, как вы задержались, дорогая! — приветствовал ее сэр Фрэнсис, отодвигая свой стул и кидаясь к дверям, где остановилась Элизабет, собираясь с силами перед выходом на сцену. — Проходите, познакомьтесь с моими гостями, — сказал он, разочарованно отмечая ее убогое одеяние и строгую прическу. — Мы последовали совету, содержащемуся в вашей записке, и начали ужин без вас. Что вас так задержало?

— Молитва, — коротко ответила Элизабет, заставив себя смотреть ему прямо в глаза.

Сэр Фрэнсис сумел сдержать удивление и представил ее гостям — двум джентльменам, походившим на него как братья-близнецы, и двум женщинам лет тридцати пяти в шокирующе декольтированных платьях. Элизабет впервые видела, чтобы женщины так обнажались на людях. Чувствуя на себе насмешливые взгляды этих дам, Элизабет взяла кусочек холодного мяса, чтобы немного приглушить голод.

— Должна сказать, такого необычного ансамбля, как на вас, я еще не видела, — заметила одна из дам, которую представили как Элоизу. — Что, в ваших местах принято одеваться так... просто?

Элизабет откусила небольшой кусочек.

— Не совсем. Я не одобряю красивых нарядов. — Она с невинным видом повернулась к сэру Фрэнсису. — И потом, платья так дороги. Я считаю, что это неразумная трата денег.

Сэр Фрэнсис почувствовал вдруг желание согласиться, тем более что надеялся большую часть времени видеть ее раздетой.

— Очень здравая мысль! — горячо поддержал он Элизабет, неодобрительно глядя на двух других дам. — Нет никакого смысла тратить деньги на платья. Вообще нет смысла тратить деньги.

— В точности мои мысли, — кивая, подхватила Элизабет. — Каждый выгаданный шиллинг я предпочитаю отдать на благотворительность.

— Отдать? — тихо зарычал он, приподнимаясь со стула.

Потом заставил себя сесть на место и еще раз обдумать решение жениться на этой женщине. Конечно, она красива — черты ее лица окончательно сформировались за эти полтора года, и даже черная вуаль и стянутые на затылке волосы не могли умалить сияния ее зеленых глаз с длинными загнутыми ресницами. Под глазами у нее появились темные круги, которых он не заметил днем. Но какой она стала серьезной и строгой! Правда, приданое у нее хорошее, а ее тело под этой бесформенной

черной хламидой... жаль, что совсем не видно форм. Может быть, и оно тоже изменилось за прошедшее время, и не в лучшую сторону.

— Я надеялся, дорогая, — сказал сэр Фрэнсис, накрывая ее руку своей и нежно сжимая, — что вы не оставите без внимания мой намек и наденете что-нибудь другое сегодня вечером.

— Но это все, что я привезла с собой, — с невинным видом ответила Элизабет.

— Это все? — изумился он. — Н-но я сам видел, как мой лакей поднял к вам наверх несколько чемоданов.

— Это багаж моей тети, из этих чемоданов только один мой, — быстро среагировала она и, предвидя, каким будет следующий вопрос, стала лихорадочно придумывать ответ на него.

— В самом деле? — Он продолжал смотреть на ее платье с величайшим неудовольствием, после чего задал именно тот вопрос, которого она ждала: — А что же, позвольте спросить, находится в вашем чемодане, если не платья?

На Элизабет снизошло вдохновение, и она улыбнулась сияющей улыбкой.

— Нечто очень ценное. Я бы назвала это даже бесценным.

Все глаза за столом обратились в ее сторону, с любопытством ожидая продолжения.

— Ну же, не заставляйте нас гадать, дорогая, — попросил сэр Фрэнсис. — Что там?

— Мощи святого Якоба.

Леди Элоиза и леди Мортанд в унисон застонали, сэр Уильям захлебнулся вином, а сэр Фрэнсис в ужасе ловил ртом воздух. Однако это был еще не конец. Основной удар Элизабет приберегла к концу ужина. Когда все начали подниматься со своих мест, она заставила их сесть обратно и произнести благодарственную молитву Господу. Воздев руки к небу, Элизабет с безыскусным изяществом произнесла небольшую обличительную тираду о плотских грехах и невоздержанности, но затем вдруг решила развить эту тему и грозным голосом стала призывать силы небесные предать всех идущих путем греха страшным адским мучениям, живописуя их с ужасающими подробностями, почерпнутыми ею из мифологии, поверхностного просматривания религиозных книг и ее собственного буйного воображения. В конце представления она потупила глаза и уже совершенно искренне помолилась про себя, чтобы этот спектакль помог ей избежать несчастного замужества. Если даже такая великолепная сцена не произвела нужного эффекта, подумала Элизабет, то

вряд ли она сможет сделать что-то большее — сегодня вечером она выложилась целиком.

Но этого оказалось достаточно. После ужина сэр Фрэнсис проводил ее до спальни и одновременно с пожеланием доброй ночи высказал предположение, что они вряд ли подойдут друг другу. Скорее, совсем не подойдут.

Элизабет и Берта отбыли на рассвете, за час до того, как встали слуги сэра Фрэнсиса. Завернувшись в теплый халат, сэр Фрэнсис наблюдал из окна спальни, как кучер подсаживает Элизабет в карету. Он уже хотел отвернуться, как вдруг порыв ветра взметнул юбки Элизабет, явив взору сэра Фрэнсиса длинную, безупречной формы ногу. Карета стала разворачиваться, и в ее открытом окне он увидел, как Элизабет со смехом вытащила из волос шпильки и потрянула головой. Ветер взметнул золотые пряди, не дав сэру Фрэнсису как следует рассмотреть ее лицо, через несколько секунд карета скрылась из виду. Сэр Фрэнсис остался стоять у окна, задумчиво кусая губы.

Глава 10

Загородное поместье лорда Джона Марчмэна, графа Кэнфордского, настолько поразило Элизабет своей вольной естественной красотой, не изуродованной никакими планировками и «улучшениями», что она на какое-то время забыла о цели своего визита и бездумно любовалась окрестностями из окна кареты. Дом в размашистом стиле эпохи Тюдоров, наполовину деревянный поражал воображение, но еще больше Элизабет была очарована окружающими его землями. Через раскинувшийся перед домом парк пробегал быстрый ручей, в котором полоскали свои ветви плакучие ивы, дальше начинались заросли цветущей одичавшей сирени, бледные кисти которой переплетались с голубым водосбором и дикими лилиями.

Еще прежде чем карета окончательно остановилась у порога, парадная дверь дома распахнулась, и на крыльцо вышел высокий плотный мужчина.

— Похоже, здесь нас ожидают с большим нетерпением, чем на предыдущей стоянке, — решительным тоном сказала Элизабет и натянула перчатки, приготовившись храбро встретить следующее препятствие на пути к своему счастью и независимости и устранить его.

Дверь кареты открылась с такой силой, будто ее хотели сорвать с петель, и мужественного вида человек заглянул внутрь.

— Леди Элизабет! — расплылся в улыбке лорд Марчмэн. Элизабет засомневалась, следует ли отнести его яркий румянец на свой счет или на счет обильной выпивки. — Какой долгожданный Сюрприз! — и затем, видимо, осознав нелепость этого слова, поспешно поправился. — Долгожданное удовольствие, конечно же! А сюрприз — это ваш ранний приезд.

Элизабет безжалостно подавила в себе желание вывести его из замешательства, а вместе с ним и мысль, что он, возможно, не так уж неприемлем в качестве мужа.

— Надеюсь, мы не причинили вам этим слишком много неудобств, — сказала она.

— Нет, не слишком. То есть, — опять поправился он, глядя в ее огромные глаза и чувствуя, что утопает в них, — совсем никаких неудобств.

Элизабет улыбнулась.

— Тетя Берта, — представила она свою спутницу и позволила

радушному хозяину проводить их в дом, слыша за собой удовлетворенный шепот Берты: «По — моему, он волнуется не меньше меня».

Внутреннее убранство дома было неинтересным и после улицы казалось довольно мрачным. Проходя по комнатам, Элизабет отметила, что почти вся мебель обтянута кожей, когда-то, должно быть, имевшей бордовый и коричневый цвет. Лорд Марчмэн, с надеждой приглядывавшийся к ней, проследил за ее взглядом и вдруг тоже увидел свой дом как будто со стороны. Он попытался объяснить ей необычность меблировки, но сделал это довольно неуклюже.

— Этому дому требуется женская рука. Я ведь старый холостяк, знаете ли, как и мой отец.

— Ну и ну! — воскликнула Берта, пораженная столь явным признанием, что он является незаконнорожденным ребенком.

— Нет, я не хотел сказать, что мой отец никогда не был женат, — заторопился внести ясность лорд Марчмэн. — Просто я хотел сказать... — он начал нервно тереть свой шейный платок, словно тот душил его, — ... моя мать умерла, когда я был еще совсем маленьким, и с тех пор отец уже больше не женился. Мы жили с ним здесь вдвоем.

На стыке двух залов и лестницы лорд Марчмэн остановился и повернулся к Берте и Элизабет:

— Может быть, вы хотите перекусить? Или предпочитаете сначала отдохнуть?

Элизабет хотелось отдохнуть, к тому же она собиралась как можно меньше времени проводить в обществе этого человека.

— Сначала мы отдохнем, если не возражаете.

— Ну в таком случае, — он сделал приглашающий жест в сторону лестницы, — идемте.

Берта сочла это приглашение свидетельством того, что он ничуть не лучше сэра Фрэнсиса, и пришла в страшное негодование.

— А теперь извольте выслушать меня, милорд! Я сама укладываю ее в постель вот уже двадцать с лишним лет и не нуждаюсь в помощи вам подобных! — После этого великолепного выпада Берта вдруг вспомнила о своем действительном положении и испортила весь эффект дурацким приседанием и почтительным шепотом:

— Если не возражаете, милорд.

— Возражаю? Да нет, я... — до Джона Марчмэна наконец дошло, что она имеет в виду, и он покраснел до корней волос. — Я только хотел показать вам, как... — начал он, потом откинул голову и на мгновение закрыл глаза, проклиная свой язык, — как найти дорогу в ваши комнаты, —

закончил он наконец с глубоким вздохом облегчения.

Элизабет в душе была тронута его сердечным приемом и неловкостью, и будь ее положение не столь угрожающим, непременно отступила бы от своего плана и постаралась его успокоить.

С трудом открыв глаза, Элизабет перекатилась на спину. Солнечные лучи затопили всю комнату, и слабая улыбка тронула кончики ее губ, когда она сладко потянулась и вспомнила вчерашний вечер. За ужином лорд Марчмэн был все таким же внимательным и неловким, как и по приезде, и так же сильно старался понравиться.

В комнату вломилась Берта, умудрявшаяся смахивать на горничную даже в элегантном терракотовом платье.

— Этот человек не может сказать и двух слов, чтобы не забыть их значения, — с типичным высокомерием прислуги высказалась она. Очевидно, она решила, что раз уж ей позволили общаться с господами, то обязаны предоставить в ее распоряжение только самых лучших.

— Мне кажется, он боится нас, — ответила Элизабет, выбираясь из постели. — Сколько сейчас времени? Он хотел, чтобы я в семь часов пошла с ним на рыбалку.

— Половина десятого, — ответила Берта, открывая шкаф и поворачиваясь к Элизабет, чтобы узнать, какое платье она сегодня наденет. — Он все это время ждал вас и ушел всего несколько минут назад. Захватил с собой две удочки: сказал, что вы можете присоединиться к нему, когда встанете.

— Ну тогда, я думаю, лучше надеть розовое муслиновое, — постановила Элизабет с лукавой улыбкой.

Граф Марчмэн с трудом поверил своим глазам, когда увидел направляющуюся к нему Элизабет. В пене розовых кружев, с кружевным розовым зонтиком и в нежно — розовой шляпке она неторопливо шла по берегу. Подивившись прихотливости женского ума, он снова переключился на дедушку-форель, которого пытался поймать вот уже пять лет. Как только он не исхитрялся, чтобы заманить или раздражить старую мудрую рыбину, каких только насадок не перепробовал! Сейчас он видел, как гигантская рыбина плавает вокруг его крючка и не притрагивается к нему, словно зная, что это ловушка. И вдруг рыба схватила приманку, дернув так, что Джон чуть не выпустил удочку из рук. Рыба выскочила из воды, выгнувшись дугой и натянув леску, и в этот момент раздался страшный крик его невесты:

— Змея!

Раздосадованный Джон повернул в ее сторону голову и увидел, что она смотрит на него так, словно ей явился сам Люцифер, и диким голосом вопит:

— Змея! Змея! Змея-а-а-а-а!!!

От этого вопля Джон зазевался и ослабил леску. Рыба не замедлила этим воспользоваться и, как и надеялась Элизабет, соскочила с крючка.

— Я видела змею, — тяжело дыша, солгала она и на всякий случай отступила от него на безопасное расстояние, так как Джон протянул к ней руки, как будто хотел поймать, а может быть, даже задушить ее, засмеявшись про себя, подумала Элизабет. Она посмотрела в воду, надеясь увидеть эту великолепную форель, которую он чуть не поймал. Как же ей хотелось самой схватить удочку и тоже попытать удачи!

Раздраженный голос лорда Марчмэна заставил ее снова обратить на него внимание:

— Ну как, вы будете ловить или вы так испугались, что предпочитаете просто сидеть и смотреть, как это делаю я? Элизабет в ужасе всплеснула руками:

— Господи, сэр, да я не умею ловить рыбу!

— Сидеть вы умеете? — спросил он, и Элизабет показалось, что в голосе его прозвучало нечто похожее на сарказм. Элизабет опустила ресницы.

— Конечно, я умею сидеть, — гордо заявила она, делая вид, что не замечает насмешки. — Сидение — вполне подходящее занятие для женщины, но рыбалка, на мой взгляд, не женское дело. Однако мне доставит превеликое наслаждение наблюдать за вами.

В последующие два часа она сидела рядом с ним на большом валуне и жаловалась, как жестко на нем сидеть, как ярко светит солнце, и какой сырой воздух, а когда поводы для жалоб истощились, начала терзать его слух самой глупой и бессмысленной болтовней, на какую была способна, бросая в воду камни и распугивая рыбу на несколько миль вокруг.

Когда же, несмотря на все ее усилия, лорду Марчмэну все же удалось подцепить одну, она спрыгнула с камня и в ужасе отбежала на несколько шагов.

— Вы... вы делаете ей больно! — закричала она, когда он стал вытаскивать у нее изо рта крючок.

— Больно? Кому, рыбе? — не веря своим ушам, переспросил он.

— Да!

— Чушь какая! — сказал он, посмотрев на нее, как на сумасшедшую, и выбросил рыбу на берег.

— Она не сможет здесь дышать, говорят вам! — взвыла Элизабет, не отрывая жалостливого взгляда от бьющейся рыбы.

— А ей и не нужно дышать, — усмехнулся Джон. — Мы съедим ее за ленчем.

— Уж я-то точно не приму в этом участия! — Элизабет смотрела на него, как на хладнокровного убийцу.

— Леди Кэмерон, — довольно резко спросил он, — должен ли я поверить, что вы никогда в жизни не ели рыбу?

— Ну, ела, конечно.

— И откуда, по-вашему, берется та рыба, которую вы едите?

— Ну, она берется из красивой корзинки, куда ее кладут, завернув в чистую бумагу, — ответила Элизабет, опасаясь, что перебарщивает.

— Но надеюсь, вы не думаете, что она родилась в этой чистой бумаге? — ответил он, восхитив ее своим терпением и тем, что наконец заговорил с ней тем тоном, которого она заслуживала. Ей было нелегко скрывать свою растущую симпатию к этому человеку, который отнюдь не был ни дураком, ни мямлей, как ей показалось сначала.

— Так где же, по-вашему, находилась рыба прежде, чем попала в этот ваш сверток? — повторил он. — Откуда она вообще берется на рынке?

Элизабет еще раз сочувственно посмотрела на рыбу, потом надменно вскинула голову и окатила его ледяным презрением.

— Полагаю, ее ловят сетями или еще каким-нибудь способом, но я совершенно уверена, что не таким образом, как это делаете вы.

— Каким образом я ее ловлю? — грозно спросил он.

— Таким! Вы шпионите за ней в ее маленьком речном домике, заманиваете ее, — цепляете на крючок эту несчастную мушку, а потом, когда ловушка срабатывает, вы отрываете бедную рыбку от семьи и бросаете ее на берег умирать. Это негуманно! — закончила она и возмущенно тряхнула юбками.

Лорд Марчмэн слушал ее, недоверчиво хмурия брови, потом покачал головой, будто пытаясь что-то прояснить для себя. Через несколько минут он предложил вернуться в дом.

По дороге Элизабет заставила его нести корзинку с другой стороны от себя, но видя, что его это не особенно затруднило, потребовала, чтобы он нес ее на вытянутой руке — таким образом корзинка будет еще больше удалена от ее персоны.

Ее несколько не удивило, когда лорд Марчмэн извинился и не появлялся в гостиной до самого ужина. Не удивило ее и то, что за ужином он был задумчивым и невеселым. Однако ее не смутило его молчание, и с

самым серьезным видом она рассуждала о разнице между английской и французской модой и о том, что перчатки нужно делать только из самой лучшей лайки. Когда эти темы были исчерпаны, Элизабет порадовала его подробным описанием всех платьев, какие повидала на своем веку. К концу ужина она даже немного охрипла, но добилась весьма обнадеживающих результатов — вид у лорда Марчмэна был весьма озадаченный и сердитый.

— По-моему, он призадумался, стоит ли делать вам предложение, миледи, — сказала Берта, когда они остались наедине.

— А по-моему, он весь ужин раздумывал, как бы убить меня завтра за обедом, — смеясь, ответила Элизабет. Больше она ничего не успела сказать, потому что вошел дворецкий и объявил, что лорд Марчмэн желает переговорить с леди Кэмерон у себя в кабинете.

Элизабет приготовилась к еще одной битве умов — или безумия, мысленно улыбнулась она — и проследовала за дворецким через темный холл в просторный кабинет. Граф ждал ее за письменным столом, расположившись в большом кожаном кресле.

— Вы хотели меня видеть, — начала Элизабет, входя в кабинет, но зацепилась волосами за какой-то предмет, висевший на стене. Она повернула голову, ожидая увидеть какой-нибудь портрет, но оказалась нос к носу с огромной головой медведя. На этот раз из ее груди вырвался непритворный вскрик, хотя больше от неожиданности, чем от страха.

— Он совершенно мертв, — усталым голосом сказал граф, глядя, как она, прижав руку ко рту, пятится от его самого дорогого трофея.

Элизабет оправилась на удивление быстро и, оглядев стену, увешанную охотничьими трофеями, повернулась к графу.

— Вы можете убрать руку ото рта, — напомнил он. Она закусил губу, чтобы не рассмеяться, и кинула на него еще один испепеляющий взгляд. С каким бы удовольствием Элизабет послушала, как он выслеживал этого медведя или где ему удалось встретить такого огромного кабана, но вместо этого она произнесла тихим, загробным голосом:

— Прошу вас, милорд, скажите, что не от вашей руки погибли же эти несчастные создания.

— Боюсь, что от моей. А если точнее, то от моего ружья. Садитесь, пожалуйста. — Кивком головы он указал ей на мягкое кресло-качалку напротив своего стола, и Элизабет устроилась в нем с максимальным комфортом.

— Будьте добры, скажите мне, — сказал лорд Марчмэн, и взгляд его смягчился, когда он посмотрел на ее прелестное, приподнятое вверх лицо, — в случае если мы поженимся, как вы мыслите себе нашу совместную

жизнь?

От этого неожиданно прямого вопроса Элизабет несколько растерялась и одновременно прониклась к лорду Марчмэну уважением. Сделав глубокий вздох, она постаралась детально описать тот образ жизни, который, на ее взгляд, должен был вызывать у него максимальное отвращение.

— Ну, мы, конечно, будем жить в Лондоне, — начала она, подавшись вперед, будто от радостного возбуждения, — я так люблю город со всеми его развлечениями.

При упоминании Лондона он недовольно сдвинул брови.

— И какого же рода развлечения вы так любите?

— Какие развлечения? Ну, балы, рауты, оперу. Я обожаю устраивать балы и ходить на них. Я не пропускаю ни одного. Как-то раз, во время моего первого сезона, я сумела побывать на пятнадцати балах за один день! А еще я очень люблю азартные игры, — призналась она, намекая, что приданое вряд ли окупит ее траты. — Правда, я обычно проигрываю, поэтому мне вечно приходится занимать деньги.

— Понятно, — сказал он. — Есть что-нибудь еще? Элизабет запнулась, лихорадочно соображая, что бы еще придумать, но его пристальный изучающий взгляд не давал ей сосредоточиться.

— А что еще в жизни имеет значение, кроме балов, игры и интересного общества? — наконец ответила она с лукавой улыбкой.

Лицо его стало еще более задумчивым. Элизабет решила, что он собирается с духом, чтобы взять назад свое предложение, и притихла, боясь неосторожным словом спугнуть его. Как только лорд начал говорить, она сразу поняла, что не ошиблась, поскольку речь его опять стала сбивчивой, что происходило всякий раз, как он заговаривал о чем-нибудь важном.

— Леди... э-э... — рассеянно начал он, проводя пальцами по столу.

— Кэмерон, — с готовностью подсказала Элизабет.

— Да, Кэмерон, — согласился он и вновь замолчал, собираясь с мыслями. — Леди Кэмерон, — снова начал Марчмэн, — я простой землевладелец и не имею желания жить в Лондоне, выставляя себя напоказ. Я бываю в городе крайне редко. Вижу, вам грустно это слышать.

Элизабет печально кивнула.

— Я также сильно опасаясь, — продолжал он, и шея его побагровела, — что мы вряд ли подходим друг другу, леди... э-э... — лорд замолчал, ужасаясь своей грубости.

— Кэмерон, — снова подсказала Элизабет, от души желая, чтобы он поскорее закончил свою мысль.

— Да, конечно. Кэмерон. Я знал это. Так вот что я пытаюсь сказать... а — а...

— Что мы не подходим?.. — подтолкнула его Элизабет.

— Совершенно верно! — Последняя фраза дала лорду Марчмэну возможность представить дело так, будто Элизабет сама высказала эту мысль, и он радостно закивал. — Я счастлив слышать, что вы согласны со мной.

— Конечно, я сожалею об этом, — по доброте душевной добавила Элизабет, чувствуя, что должна его как-то утешить за те душевные терзания, которым подвергла его у ручья. — Дядя тоже будет очень разочарован. — Ее так и подмывало вскочить на ноги и всунуть ему в руку перо. — Может быть, вы прямо сейчас и напишете ему о своем решении?

— О нашем решении, — галантно поправил он,

— Да, но... дядя будет так огорчен, что я бы не хотела, чтобы он винил в этом меня.

Достаточно и того, что напишет о ней сэр Фрэнсис. Дядя Джулиус отнюдь не дурак, и, если и граф выставит причиной отказа ее недостатки, он может догадаться, что она намеренно отпугивает поклонников, чтобы нарушить его планы. И тогда уж он наверняка откажется содержать Хэвенхёрст.

— Понимаю, — сказал лорд Марчмэн, продолжая смотреть на нее все тем же задумчивым взглядом, от которого ей было не по себе. Наконец он взял перо и начал писать записку. Элизабет, замерев, следила за его рукой.

— Ну а теперь, когда это неприятное дело закончено, могу я задать вам один вопрос? — спросил он, отодвигая письмо в сторону.

Элизабет радостно кивнула.

— Зачем вы приезжали сюда, то есть зачем вы согласились пересмотреть мое предложение?

Ее встревожил и напугал этот вопрос. У Элизабет вдруг зародилось какое-то смутное, расплывчатое воспоминание, что она когда-то говорила с ним на балу, но этого было недостаточно, чтобы придумать какой-нибудь правдоподобный ответ. А сказать ему, что она согласилась на это только потому, что не может обойтись без финансовой помощи дяди, было совершенно немыслимо — граф не заслужил такого унижения.

Он подождал некоторое время и, видя ее замешательство, сделал попытку помочь:

— Может быть, в ту нашу встречу полтора года назад я сказал что-то такое, что ввело вас в заблуждение и дало вам повод думать, что я люблю городскую жизнь?

— Мне трудно сказать, — честно призналась Элизабет.

— Леди Кэмерон, вы хотя бы помните нашу встречу?

— О да, конечно, — ответила Элизабет, с запозданием вспоминая, что на балу у леди Маркхэм ей представляли кого-то, очень похожего на него. Точно! — Мы встречались на балу у леди Маркхэм.

Он безотрывно смотрел ей в лицо.

— Мы познакомились в парке.

— В парке? — в полном замешательстве повторила Элизабет.

— Вы остановились и стали восхищаться цветами, и в этот момент молодой человек, сопровождавший вас, представил нас друг другу.

— Да, да, конечно, — сказала Элизабет, отводя взгляд.

— Может быть, вам интересно будет узнать, о чем мы разговаривали в тот день и на следующий, когда вы пошли гулять со мной в парк?

В ней боролись смущение и любопытство, и любопытство одержало верх,

— Да, мне хотелось бы знать.

— Мы говорили о рыбалке.

— О-о-о рр-рыбалке? Он кивнул.

— Через несколько минут после того как нас представили друг другу, я упомянул, что оказался в Лондоне лишь проездом, а не для того чтобы провести здесь сезон, как это предположили вы. Я сказал, что собираюсь порыбачить в Шотландии и уезжаю из Лондона на следующее утро.

При этих словах дурное предчувствие сдавило ей грудь, и память ее начала проясняться.

— Мы тогда очень приятно побеседовали с вами, — продолжал лорд Марчмэн. — Вы рассказывали о какой-то особенно осторожной форели, которую вам в конце концов удалось поймать, — щеки Элизабет запылали как горячие уголья, когда она услышала продолжение, — и мы с вами совсем позабыли о времени, рассказывая друг другу рыбацкие байки.

Он спокойно и терпеливо ждал ответа, и когда молчать дальше было уже невозможно, она наконец выговорила:

— А что было... потом?

— Совсем немного. На следующий день я не поехал в Шотландию, а зашел к вам. Вы отправили восвояси не меньше дюжины молодых болванов, которые пришли, чтобы отвезти вас на какой-то прием, и предпочли отправиться со мной в парк.

Элизабет не могла себя заставить посмотреть ему в глаза.

— Хотите знать, о чем мы говорили на этот раз?

— Нет, не думаю. Он усмехнулся.

— Вы пожаловались, что устали от этой светской круговерти, и признались, что мечтаете снова оказаться на природе. По этой причине вы и приняли мое предложение пойти в парк. Думаю, мы оба чудесно провели тот день.

Элизабет все-таки подняла глаза и, встретившись с его грустно-насмешливым взглядом, с почти утвердительной интонацией спросила:

— И мы снова говорили о рыбалке?

— Нет. О том, как лучше охотиться на кабана. Она отвернула голову к окну.

— Вы поведали мне волнующую историю о том, как ваш отец когда-то давно подстрелил дикого кабана, и как вы без разрешения наблюдали за этой охотой с дерева, и как именно под этим деревом завалился кабан. Насколько я помню, — беззлобно закончил он, — вы сказали, что своим радостным криком выдали себя охотниками заработали строгий выговор от отца.

В глазах его заплясали смешинки, и внезапно они оба рассмеялись.

— И ваш смех я тоже запомнил, — сказал он, улыбаясь, — я еще подумал тогда, что никогда раньше не слышал таких чудесных звуков. — Осознав, что сделал ей комплимент, он покраснел, подергал себя за шейный платок и отвел глаза,

Заметив его смущение, Элизабет подождала, пока граф придет в себя и снова посмотрит на нее.

— Теперь я тоже вспомнила вас, — сказала она и, видя, что он с сожалением снова отворачивает голову, пристальным взглядом заставила его посмотреть себе в лицо. — Правда, — тихо сказала она. — Я вспомнила всего минуту назад.

Он обрадованно откинулся в кресле и уже более свободно посмотрел ей в глаза.

— Так почему же вы решили пересмотреть мое предложение, если я не произвел на вас ни малейшего впечатления?

Он был таким милым, таким хорошим, и Элизабет почувствовала, что не смеет солгать ему. Более того, ее мнение относительно ума лорда Марчмэна стремительно менялось в лучшую сторону. Теперь, когда возможность романтического увлечения была начисто отмечена, он начал проявлять опасную проницательность.

— Вы можете быть со мной полностью откровенны, — успокоил он Элизабет, словно прочитав ее мысли. — И примите во внимание, что я не такой уж простак, как вам, должно быть, показалось. Просто я... редко общаюсь с женщинами и не умею за ними ухаживать. Но, может быть, мы

могли бы быть друзьями, раз уж мне не суждено стать вашим мужем, — сказал он, почти не выдав своего сожаления.

Элизабет уже поняла, что граф не оставит ее в покое, пока она не расскажет ему все, как есть, но интуитивно чувствовала, что смеяться над ней он не станет.

— Решение принял мой дядя, — сказала она со смущенной улыбкой, стараясь изложить дело так, чтобы оно было как можно менее унижительным для лорда Марчмэна. — У него нет собственных детей, и он очень решительно настроен выдать меня замуж. Он узнал имена джентльменов, которые когда-то делали мне предложение, и... как бы это сказать... — Элизабет беспомощно замолчала. Объяснить ему это оказалось не так просто, как она надеялась.

— И выбрал меня? — предположил граф. Элизабет кивнула.

— Странно. Я точно помню, как все говорили, что вы получили множество предложений в тот сезон, когда я познакомился с вами. И тем не менее ваш дядя выбрал меня. Надо сказать, я польщен. Но и немало удивлен таким оборотом дела. Принимая во внимание значительную разницу в возрасте, не говоря уж об интересах, я бы предположил, что он выберет более молодого человека. Прошу прощения за любопытство, но что все-таки толкнуло его на это? — спросил граф, не сводя с нее пристального взгляда.

Элизабет чуть не выпрыгнула из кресла от досады, когда он задал следующий вопрос:

— И кого еще он выбрал в кандидаты?

Закусив губу, она отвернулась, не подумав о том, что по ее потрясенному лицу лорд Марчмэн без труда догадается, что как бы ни смутил ее вопрос, ответ на него пугает ее еще больше.

— Кто бы ни был этот человек, он, должно быть, устраивает вас еще меньше, если судить по вашему лицу, — сказал граф, наблюдая за ней. — Может быть, мне попытаться угадать? Или сказать вам прямо, что час назад я случайно услышал, как ваша тетя и ваш кучер смеялись над тем, как все здорово получилось с сэром Фрэнсисом Белховеном? Другой кандидат — Белховен? — мягко спросил он.

Элизабет побледнела.

— Проклятие! — вырвалось у графа. — Как только вашему дяде могло прийти в голову предложить такое невинное дитя, как вы, этому старому...

— Он уже отказался от этой мысли, — заверила его Элизабет, тронутая тем, что, будучи почти не знаком с ней, граф так сильно о ней беспокоится.

— Вы уверены?

— Думаю, что да.

После секундного колебания он кивнул и откинулся в кресле.

На лице его появилась улыбка.

— Можно спросить, как вам это удалось?

— Честно говоря, я предпочла бы, чтобы вы не спрашивали об этом.

Он снова кивнул и заулыбался еще шире, в его голубых глазах заискрились огоньки.

— Интересно, сильно я ошибусь, если предположу, что с ним вы использовали ту же тактику?

— Я... я не уверена, что поняла ваш вопрос, — осторожно ответила Элизабет, — его улыбка была такой заразительной, что она начала покусывать губы, чтобы удержаться от ответной улыбки.

— Ну что ж, полагаю, что либо ваш интерес к рыбалке два года назад был искренним, либо вы просто хотели сделать мне приятное и дать возможность поговорить о том, что мне интересно. Если верно первое, то ваш вчерашний испуг был не таким уж... как бы это сказать... сильным, как вы хотели меня в том убедить, верно? — Он засмеялся. — А не хотите ли вы попытаться поймать ту форель, которую я упустил из-за вас сегодня утром? То-то она сейчас надо мной насмехается.

Элизабет рассмеялась, чувствуя себя так, словно они с ним действительно давние друзья. Вот было бы замечательно, скинув туфли, посидеть, у ручья и показать ему, как она умеет обращаться со снастями. Но, с другой стороны, ей не хотелось причинять ему неудобства своим пребыванием в доме, к тому же с риском того, что он передумает.

— Все уже решено, — медленно сказала Элизабет, — и поэтому лучше, если завтра мы с тетей будем уже на пути к последнему пункту нашего путешествия.

Следующий день выдался ясным и теплым, на деревьях распевали птицы, и солнце весело светило с лазурного неба. Но к несчастью, это был один из тех дней, когда решения, принятые накануне, уже не кажутся так легко выполнимыми, и когда лорд Марчмэн усадил их с Бертой в карету, Элизабет все еще мучилась над дилеммой. Перспектива встретиться с Яном Торнтоном без Люсинды абсолютно не привлекала ее. В борьбе с этим человеком ей могла помочь только Люсинда — Люсинда, которая не пасовала никогда и ни перед кем, Люсинда, которая в любой ситуации могла дать ей дельный совет. Самым простым решением в этой ситуации казалось остановиться в гостинице, где они должны были встретиться с Люсиндой. Но беда в том, что дядя Джулиус и здесь проявил свою

рачительность, загнав ее в рамки строгого бюджета и выделив совсем небольшую сумму на экстренные расходы. Сев в карету, Элизабет сказала себе, что это и есть экстренный случай, и решила потратить деньги. А об объяснениях можно будет подумать позже. Эрон все еще ждал распоряжений, куда ехать,

— В Кэррингтон, Эрон, — сказала она. — Мы остановимся в гостинице и будем ждать там Люсинду.

Она повернулась к лорду Марчмэну и признательно улыбнулась ему, протягивая руку из окна кареты.

— Спасибо вам, — тихо, но от всей души поблагодарила она, — спасибо вам за все, милорд, и за то, что вы такой, какой вы есть.

Он начал заливаться краской от неожиданного комплимента, но в это время карета тронулась, лошади вышли на дорогу и резво побежали вперед. Лорд Марчмэн проводил их взглядом, потом повернулся и медленно пошел в дом, к себе в кабинет. Сев за стол, он посмотрел на письмо, написанное ее дяде, и машинально забарабанил пальцами по столу, вспоминая, что ответила ему Элизабет, когда он спросил, уверена ли она, что Белховен откажется от нее. «Думаю, что да», — сказала она. И тогда Джон принял решение.

Чувствуя себя нелепым Дон-Кихотом, готовым прийти на выручку даме, которая к нему не расположена, он взял чистый лист бумаги и написал новое письмо ее дяде. Как всегда, когда нужно было проявить светскую дипломатичность, лорд Марчмэн оказался не на высоте. Его записка была верхом лаконичности и гласила:

«В случае если Белховен попросит ее у вас, посоветуйтесь, пожалуйста, со мной. Пожалуй, я захочу ее первым».

Глава 11

Ян Торнтон стоял в центре большого шотландского коттеджа, где он родился и провел все свое детство. Теперь он использовал его как охотничий домик, но для сердца его он значил гораздо больше: это было место, где он мог обрести спокойствие и чувство реальности, куда мог убежать от сумасшедшего ритма городской жизни.

Глубоко засунув руки в карманы, он оглядывался вокруг себя, глядя на этот дом уже с точки зрения взрослого человека.

— Каждый раз, когда я сюда возвращаюсь, он кажется мне меньше, чем в прошлый раз, — сказал Ян румяному, средних лет мужчине, который ввалился в дверь с тяжелым мешком провизии на спине.

— Все вещи кажутся больше, когда ты маленький, — ответил Джейк, бесцеремонно скидывая мешок на пыльный комод. — Теперь, кажется, все. Осталось только принести мое барахло. — Он вытащил из-за пояса пистолет и положил его на стол. — Пойду отпущу лошадей.

Ян рассеянно кивнул, все еще думая о доме. Болезненная тоска по прошлому сжала ему сердце, когда он вспомнил о детских годах, проведенных здесь. Ему показалось, что он слышит низкий голос отца и ответный смех матери. Справа от него находился очаг, на котором мать готовила еду до тех пор, пока они не купили плиту. У очага стояли два стула из мореного дуба с высокими спинками, в которых его родители проводили долгие уютные вечера, сидя у огня и разговаривая вполголоса, чтобы не потревожить спавших наверху детей — Яна и его младшую сестренку. Напротив очага стоял диван, обитый крепкой шотландкой в желто — коричневую клетку.

Все здесь оставалось таким, как в детстве. Повернувшись, он посмотрел на пыльный стол и с улыбкой стал стирать пыль, отыскивая знакомые царапины. Через несколько секунд проявились четыре неровные буквы: I.G.B.T. — его инициалы, которые он вырезал на столе, когда ему было три года. Мать чуть было не устроила ему хорошую взбучку за то, что он испортил стол, но вдруг поняла, что он выучил эти буквы самостоятельно, без чьей-либо помощи.

На следующий день с ним начали заниматься, и, когда довольно обширные познания его матери были исчерпаны, его обучением занялся отец. Он обучил сына физике, геометрии и всему, чему учили его самого в Итоне и Кембриджском университете. Когда Яну исполнилось

четырнадцать лет, в доме появился Джейк Уайли, который стал у них чем-то вроде «прислуги на все», от него-то Ян и получил свои первые уроки по мореходству и судостроению и услышал о загадочных странах на другом конце света. Позже он и сам отправился в плавание вместе с Джейком, чтобы увидеть все своими глазами и применить полученные знания на практике.

Через три года они вернулись. Ян с радостным волнением готовился к встрече с семьей, а через несколько дней узнал, что все они погибли во время пожара в гостинице, куда приехали, чтобы встретить его сразу по возвращении. Даже сейчас Ян остро чувствовал горечь утраты родителей. Ему сильно не хватало отца — гордого человека, который отказался от наследства и титула, чтобы жениться на сестре бедного шотландского викария. Этим поступком он лишил себя герцогства... и ни разу не пожалел, что послал его к черту. Во всяком случае, так он говорил. Сейчас, столько лет спустя, находиться здесь было уже не так мучительно, и Ян откинул голову и закрыл глаза, отдавшись сладкой боли воспоминаний. Он видел, как отец смеется и жмет ему руку, отправляя его в первое большое путешествие с Джейком, «Будь осторожен, — говорил он, — и помни: где бы ты ни был, мы всегда будем рядом с тобой».

И Ян отправился в плавание — безденежный сын разжалованного английского лорда. Все, что у него было с собой, — это маленький мешочек с золотом, который отец подарил ему на шестнадцатилетие. Теперь, четырнадцать лет спустя, у него был собственный флот, который ходил под его флагом и перевозил его грузы, собственные рудники, в которых добывали олово и серебро, огромные склады и магазины, забитые дорогими товарами. Но первым его приобретением стала земля. Большой кусок бесплодной на вид земли, который он выиграл в карты у колониста, поклявшегося, что там есть золото. И оно действительно там оказалось. Это золото позволило ему купить другие рудники, множество кораблей и роскошных домов по всей Индии и Италии.

Ян предпринял серию рискованных капиталовложений, которые с лихвой окупились. Когда-то в обществе его называли игроком, теперь считали чем-то вроде мифического золотого короля. Стоило Яну купить какие-нибудь акции, как они тут же взлетали в цене. Стоило ему ступить ногой в бальную залу, как дворецкий громко выкрикивал его имя. Те же люди, которые когда-то считали его парией, теперь добивались его расположения и считали за особое одолжение получить у него деловой совет. Отцы мечтали выдать за него своих дочерей. Богатство дало ему роскошь и признание общества, хотя и не принесло особой радости.

Больше всего на свете Ян любил риск — ему нравилось просчитывать, какое дело может выгореть, потом делать ставку и ждать результата. Однако вместе с успехом к нему пришла известность, его постоянно посещали какие-то люди, и невозможность побыть одному утомляла его.

А теперь его дед еще больше усилил эту ненужную известность. Видимо, смерть отца Яна вызвала у старого герцога запоздалые сожаления о разрыве с сыном, и все последние двенадцать лет он периодически писал Яну письма. Сначала он предлагал внуку приехать к нему в Стэнхоуп с визитом. Ян проигнорировал эти письма, и тогда дед стал задабривать его обещаниями сделать своим законным наследником. Эти письма также остались без ответа, и, поскольку вот уже два года писем от герцога не было, Ян подумал, что его оставили в покое. И вдруг четыре месяца назад ему снова доставили письмо с герцогским гербом Стэнхоупа, и на этот раз оно его просто взбесило.

Старик в повелительном тоне сообщал, что дает Яну четыре месяца на раздумье, в течение которых он должен появиться в Стэнхоупе и обсудить с ним условия передачи ему шести владений — владений, которые должны были составить наследство отца Яна и которых он был лишен. В случае если Ян не явится к нему в эти четыре месяца, герцог обойдется без него и публично назовет его своим наследником.

И тогда Ян отправил первое в своей жизни письмо деду. В письме содержался короткий и окончательный ответ, который служил верным подтверждением того, что Ян умеет помнить обиды так же хорошо, как и его дед, которому понадобилось двадцать лет, чтобы простить своего сына. Письмо Яна было следующим:

«Только попробуйте — увидите, каким дураком вы себя выставите. Я также публично откажусь от всякого родства с вами и сгною ваши владения и титул».

К настоящему моменту четыре месяца истекли, и герцог больше не предпринимал никаких попыток связаться с внуком, однако в Лондоне по-прежнему ходили слухи, что Стэнхоуп вот-вот назовет своего наследника. Говорили также, что наследником этим будет его родной внук — Ян Торнтон. К Яну сплошным потоком пошли приглашения на рауты и балы от людей, прежде считавших его присутствие в своем доме нежелательным, такое явное лицемерие одновременно и забавляло, и отталкивало его.

— Этот вороной, которого мы взяли с собой, самое вздорное животное, которое я когда-либо встречал, — проворчал Джейк, появляясь на пороге и потирая укушенную руку.

Ян оторвал взгляд от своих инициалов на столе и повернулся к

Джейку, не пытаясь скрыть изумления.

— Он что — укусил тебя?

— Да, черт возьми, укусил! — в ярости ответил Джейк. — Он примеривался сделать это с того самого момента, как мы отпустили экипаж в Хэйборне и нагрузили на него поклажу.

— Я предупреждал тебя, что он кусает все, что находится в пределах его досягаемости. Когда седлаешь, старайся держать руки подальше от его морды.

— Он хотел укусить не руку, а мой зад! Разинул пасть и стал наклонять голову, только я краем глаза наблюдал за ним и успел вовремя отскочить. Он промахнулся и укусил меня за руку. — Джейк еще больше надулся, заметив, что его рассказ забавляет Яна. — Не понимаю, зачем ты его кормишь столько лет. Он не достоин стоять в одной конюшне с другими лошадьми — те просто умницы, все до одной, а этот — ужас какой-то.

— Попробуй так нагрузить какую-нибудь из этих лошадок, и ты увидишь, почему я его кормлю. Он может перевозить на себе почти столько же, сколько выючный мул, ни одна из этих красавиц на такое не способна.

Ян еще раз оглядел комнату и нахмурился, заметив, сколько пыли и грязи накопилось за прошедшие месяцы.

— Он очень медлительный выючный мул, — сказал Джейк. — Злобное, упрямое животное, и к тому же медлительное, — упрямо повторил Джейк, который всегда оставлял последнее слово за собой. Он оглядел комнату и тоже нахмурился при виде лежавшего повсюду толстого слоя пыли. — Помнится, ты говорил, что отдал распоряжение нанять каких-нибудь женщин в деревне, чтобы они нам готовили и убрались к нашему приезду. А здесь полный беспорядок.

— Не понимаю, в чем дело. Я лично надиктовал Петерсу письмо к сторожу с просьбой доставить сюда запас продовольствия и нанять двух женщин для уборки и готовки. Еду он вроде бы доставил, и в сарае я видел кур. А вот что касается прислуги... должно быть, никто из женщин не захотел оставаться здесь.

— Надеюсь, он нашел хороших, — сказал Джейк. — Ты сказал ему, чтобы он искал хороших?

Ян помедлил, изучая паутину, затянувшую потолок, потом с удивлением посмотрел на Джейка.

— Ты хочешь, чтобы я сказал семидесятилетнему и почти слепому сторожу, чтобы он, прежде чем нанимать девушек на работу, убедился, что они хорошие?

— Все равно можно было сказать, хуже ему от этого не стало бы, —

пробурчал Джейк себе под нос.

— Деревня всего в двенадцати милях отсюда. Если тебе так уж приспичит, можешь сам спуститься туда и выбрать любую, какая тебе понравится. Конечно, обратный путь может оказаться для тебя смертельным, — пошутил Ян, так как извилистая тропинка на утес шла почти вертикально.

— Я и не думаю о женщинах, — вдруг отказался от своих намерений Джейк, и его сухое загорелое лицо расплылось в широкой улыбке. — Я приехал сюда расслабиться, половить рыбу — этого достаточно для любого мужчины. Все будет, как в старые добрые времена, Ян, — тишина и покой, и ничего больше. Никаких тебе вечно подслушивающих слуг, ландо и колясок, мамаш с дочками, которые, последнее время просто повалили к тебе в дом. И вот что, мальчик, хоть я и не собирался упрекать тебя за то, как ты жил весь последний год, но то, что мне не нравится больше половины твоих слуг, я должен сказать. Это из-за них я так редко тебя навещаю. Твой дворецкий в Монтмэйне так высоко задирает нос, что даже странно, как он умудряется получать из воздуха кислород, а этот ваш французский шеф-повар постоянно выкидывает меня из своей кухни. Он так говорит — моя кухня, и... — Старый моряк вдруг резко замолчал, и лицо его из сердитого стало испуганным. — Слушай, Ян, — обеспокоено спросил он, — а ты случайно не научился готовить за то время, что мы не виделись?

— Нет, а ты?

— Черт возьми, нет! — ответил Джейк, в ужасе оттого, что ему придется есть собственную стряпню.

— Люсинда, — уже третий раз за этот час сказала Элизабет, — я не могу тебе передать, до чего я жалею об этом.

Пять дней назад Люсинда прибыла в гостиницу у шотландской границы, где ее ждала Элизабет, чтобы вместе с ней отправиться в дом Яна Торнтон. Этим утром у их наемной кареты сломалась ось, и теперь они ехали на телеге с сеном, куда их любезно пустил местный фермер. Их баулы и сундуки с вещами то и дело опасно накренились, угрожая съехать с телеги, когда она подсакивала на очередном ухабе или попадала колесом в рытвину, заваливаясь на один бок. Элизабет с Люсиндой пришли к выводу, что эти ямы и ухабы в Шотландии, очевидно, называются дорогой. Перспектива подъехать к дому Яна Торнтон на телеге с сеном привела Элизабет в такой ужас, что она предпочла сосредоточиться на своей вине, только бы не думать о предстоящей встрече с человеком, разрушившим ее

жизнь.

— Я уже сказала тебе, Элизабет, что это не твоя вина, и тебе нет нужды извиняться за то, что в этой вересковой глуши нет дорог и нормальных транспортных средств.

— Да, но если бы не я, тебе не пришлось бы сейчас трястись на этой телеге.

Люсинда раздраженно вздохнула, уперлась ладонью в борт телеги, так как их вдруг особенно сильно тряхнуло, и села прямо.

— Я тоже не снимаю с себя вины, — сказала она, — ведь это я назвала имя мистера Торнтоня твоему дяде. Ты просто нервничаешь из-за того, что должна встретиться с ним, и нет абсолютно никаких причин... — телега жутко подскочила, и они вцепились в борта телеги, чтобы не свалиться, — нет никаких причин продолжать извиняться. Тебе лучше подготовиться к встрече и разным «приятным» неожиданностям.

— Да, ты права, конечно.

— Конечно, — решительно согласилась Люсинда, — я вообще всегда права, как ты знаешь. Почти всегда, — поправились она, очевидно, вспомнив, как оконфузилась, выдав Джулиусу Кэмерону имя Яна Торнтоня как претендента на руку Элизабет. Встретившись с Элизабет в гостинице, она объяснила ей, как это вышло. Джулиус Кэмерон стал выпрашивать у нее, пользовалась ли Элизабет успехом у мужчин и что именно повредило ее репутации. В полной уверенности, что он уже слышал мерзкие сплетни о связи Элизабет с Яном Торнтоном, Люсинда попыталась представить это дело в более благоприятном свете, назвав его одним из претендентов на руку Элизабет.

— Я бы скорее предпочла встретиться с дьяволом, чем с этим человеком, — сказала Элизабет, непроизвольно вздрагивая.

— Надо думать, — заметила Люсинда, одной рукой держась за свой зонтик, а другой за телегу.

Чем меньше времени оставалось до встречи, тем больше сердилась и робела Элизабет. В первые четыре дня путешествия ее напряжение значительно ослабело благодаря великолепным шотландским видам. Она любовалась покатыми холмами и глубокими долинами, поросшими боярышником и колокольчиками. Но сейчас, когда час встречи с Яном неумолимо приближался, даже горные склоны, расцвеченные весенними цветами, и ярко-голубые озера у их подножий не могли унять ее растущего волнения.

— И кроме того, я совсем не уверена, что он хочет меня видеть.

— Скоро мы это узнаем.

На горе, возвышающейся над извилистой тропкой с гордым названием «дорога», стоял пастух, удивленно глядя на старую телегу, с трудом прокладывающую себе путь.

— Глянь-ка туда, Уилл, — сказал он своему спутнику, — видишь, вон там?

Второй мужчина, который был его братом, тоже посмотрел вниз. На лице его отразилось изумление, а губы расплылись в беззубой улыбке при виде комичной сценки на дороге, на телеге Сэна Мак-Лэша сидели две леди — на них были шляпки, перчатки и все такое. Обе выглядели скованными, неловкими, какими-то негнузданными — прямые, как палки, спины и такие же прямые ноги, вытянутые вперед.

— Ну и потеха, — засмеялся Уилл. Он сорвал с головы шапку и стал размахивать ею, насмешливо приветствуя забавных леди. — Я слышал в деревне, что вроде бы Ян Торнтон собирался приехать домой. Держу пари, что он уже прибыл, и эти красотки направляются к нему, чтобы согреть его постель и удовлетворить другие нужды.

Пребывая в счастливом неведении относительно того, какие мысли на их счет зародились в головах этих двух случайных зрителей на холме, мисс Трокмортон — Джонс яростно и без малейшего успеха пыталась отчистить свою черную юбку от пыли.

— Никогда в жизни со мной так не обращались, — возмущенно прошипела Люсинда, когда телега сделала еще один резкий толчок и она завалилась на бок, ударив плечом Элизабет. — Можешь не сомневаться, уж я выскажу мистеру Яну Торнтону все, что о нем думаю. Как можно пригласить двух порядочных женщин в это Богом забытое место и даже не предупредить, что дорожная карета слишком широка для этих дорог!

Элизабет открыла рот, чтобы сказать ей что-нибудь утешительное, но тут телега снова жутко накренилась, и она была вынуждена вцепиться в деревянный борт.

— Из того немногого, что я о нем знаю, Люси, — сказала она наконец, когда телега пошла ровнее, — ему будет абсолютно безразлично, какие трудности нам пришлось претерпеть. Он груб и невнимателен — и это еще его хорошие стороны...

— Н-н-но-оо! Н-нноо! Стоять! — вдруг закричал фермер, натягивая вожжи, и телега с ужасающим скрипом остановилась. — Ну, вон там на холме и живет Торнтон, — сказал он, указывая наверх.

Люсинда подняла голову и с чувством тихого бешенства посмотрела на большой, невзрачный коттедж, проглядывающий сквозь деревья. Она надменно повернулась к бестолковому фермеру.

— Вы ошибаетесь, дорогой мой, — веско сказала Люсинда. — Ни один уважающий себя джентльмен не станет жить в таком захолустье. Будьте так любезны развернуть это ветхое устройство в обратную сторону и отвезти нас в деревню, где нам, может быть, дадут более точные координаты. Здесь произошло очевидное недоразумение.

В ответ на это и лошадь, и ее хозяин дружно повернули головы и посмотрели на нее с одинаковым выражением раздражения и неприязни. Лошадь тактично промолчала, но фермер, который на протяжении двенадцати миль выслушивал жалобы Люсинды и проклятия в адрес его прекрасной телеги, уже порядком устал от этой особы.

— Послушайте, миледи, — начал он, но Люсинда не дала ему продолжить.

— Не нужно называть меня миледи. Вы можете обращаться ко мне просто — мисс Трокмортон-Джонс.

— Ладно. Ну, в общем, кто бы вы там ни были, говорю вам, что это — коттедж Торнтона.

— Вы же не собираетесь оставить нас здесь! — сказала она, видя, как в этом усталом человеке вдруг снова проснулась энергия — должно быть, от радости, что он скоро избавится от надоевших пассажиров. Люсинда спрыгнула на землю, увидев, что он начал сбрасывать их вещи на обочину того, что называлось дорогой.

— А если его нет дома? — воскликнула она, наблюдая, как сжавившаяся над стариком Элизабет помогает стаскивать с телеги сундук.

— Ну, тогда мы опять спустимся на дорогу и подождем, пока здесь проедет следующий фермер. Возможно, он окажется так добр, что согласится отвезти нас обратно, — сказала Элизабет, сильно сомневаясь в такой возможности.

— Я бы не стал на это рассчитывать, — сказал фермер, когда Элизабет достала и положила в его ладонь монетку. — Большое вам спасибо, миледи, премного благодарен, — сказал он, дотрагиваясь до своей шапочки и удостоив юную леди даже некоторой улыбки, — уж больно красивым было ее лицо в ореоле светящихся золотых волос.

— Почему вы не стали бы рассчитывать на это? — потребовала ответа Люсинда.

— Да потому, — сказал фермер, забираясь на телегу, — что здесь вряд ли кто — нибудь проедет в течение ближайших двух недель, а может, и больше. Не сегодня завтра начнутся дожди. А когда идет дождь, на телеге здесь не проехать. Да вы не бойтесь так, — добавил он, сжавившись над побледневшей молодой мисс, — я вижу, из трубы идет дым, так что кто-

нибудь там да есть.

Щелкнув потертым кнутом, он тронулся с места, и с минуту Элизабет и Люсинда стояли, не двигаясь, пока свежее облако пыли не осело на дорогу. Наконец Элизабет заставила себя внутренне встряхнуться и взяла инициативу в свои руки.

— Люси, если ты возьмешься за один конец этого сундука, я могу взяться за другой, и тогда мы сумеем донести его до дома.

— Ты не сделаешь этого! — возмущенно воскликнула Люсинда. — Мы все оставим здесь, и пусть Торнтон посылает за вещами своих слуг.

— Можно сделать и так, но подъем здесь очень крутой и скользкий, а сундук совсем легкий, поэтому нет смысла заставлять кого-то лишней раз спускаться за ним. Пожалуйста, Люси, я слишком устала, чтобы спорить.

Люсинда бросила быстрый взгляд на бледное лицо Элизабет, отражавшее все ее дурные предчувствия, и проглотила готовое слететь с языка возражение.

— Ты совершенно права, — бодро сказала она. Элизабет оказалась совсем не права. Подъем был действительно достаточно крут, а вот сундук, казавшийся поначалу таким легким, с каждым шагом будто прибавлял в весе по целому фунту. За несколько ярдов до дома женщины остановились передохнуть, после чего Элизабет решительно ухватила за свой конец сундука.

— Ты иди к дверям, Люси, — сказала она задыхающимся голосом, опасаясь, что пожилая женщина надорвется, если еще хоть немного протащит этот сундук. — Здесь я его просто поволоку.

Мисс Трокмортон-Джонс посмотрела на свою покрытую пылью несчастную воспитанницу, и в груди ее вспыхнула ненависть ко всем, кто довел ее до такой жизни. С видом боевого генерала она сердито подтянула перчатки и, подойдя к двери, подняла свой зонт. Воспользовавшись его ручкой, как дубинкой, она сильно заколотила в дверь. За ее спиной Элизабет волокла сундук. — А ты не думаешь, что дома никого нет? — тяжело дыша, спросила она, протаскивая сундук последние несколько футов. — Ну, если они здесь, то, должно быть, оглохли! — сказала Люсинда. Она снова взяла зонт и стала наносить ритмичные удары по двери, наполняя грохотом весь дом. — Открывайте, вам говорят! — закричала она, замахнувшись в очередной раз, как вдруг дверь распахнулась, и перед ними возник мужчина, который тут же получил удар зонтиком по голове.

— Господи, помилуй! — крикнул Джейк, хватаясь за голову и ошалело глядя на невзрачную женщину в криво нахлобученной чертой шляпке на жестких седых волосах. Вид у нее был, как у безумной, а взгляд такой,

будто она хотела испепелить его. — Лучше бы попросили у Господа уши, — съязвила эта ужасная женщина, втаскивая в дом за рукав девушку. — Нас здесь ждут, — сообщила она Джейку. Пораженный Джейк бросил еще один взгляд на грязных, запыленных особ и ошибочно заключил, что это те самые женщины из деревни, которые будут здесь убирать и готовить им с Яном еду. Его отношение к женщинам резко изменилось, и он широко улыбнулся. Мгновенно забыв и простив шишку на своей голове, Джейк отступил в комнату.

— Прошу вас, прошу вас, — гостеприимно сказал он, обводя широким жестом пыльную неубранную комнату. — С чего вы начнете?

— С горячей ванны, — сказала Люсинда, — а потом можно подать чай и чего —нибудь поесть.

Краем глаза Элизабет заметила высокого мужчину, вышедшего из соседней комнаты, и у нее задрожали колени.

— Да я не знаю, хочу ли я сейчас купаться, — сказал Джейк.

— Да не для вас ванна, болван, а для леди Кэмерон. Элизабет могла бы поклясться, что Ян Торнтон застыл на месте от удивления. Он сделал движение в ее сторону, словно пытаясь заглянуть ей под шляпку, но Элизабет трусливо опустила голову.

— Вы хотите ванну? — повторил Джейк, тупо глядя на Люсинду.

— Я тоже, но леди Кэмерон должна выкупаться первой. Хватит стоять столбом, — прекратила она расспросы, снова угрожающе нацелившись зонтиком ему в грудь. — Пошлите слуг на дорогу, чтобы они немедленно принесли наши вещи. — Конец зонтика выразительно указал на дверь, затем снова уткнулся в грудь Джейка. — Но прежде чем вы сделаете это, сообщите о нашем приезде своему хозяину.

— Его хозяин уже в курсе, — раздался голос от противоположной двери.

Элизабет сжалась от этого язвительного тона, и все ее фантазии относительно того, что он в раскаянии падет к ее ногам, как только она войдет, испарились, стоило ей взглянуть в его лицо: неприступное и твердое, как гранитная скала. Он не поспешил к ним навстречу, а остался стоять на месте, облокотившись плечом о дверной косяк, скрестив на груди руки и наблюдая за ними прищуренным взглядом. До этого момента Элизабет казалось, что она отчетливо помнит, как он выглядит, но теперь она поняла, что ошибалась. Замшевая куртка плотно обхватывала широкие мускулистые плечи, гораздо более широкие, чем она помнила, а его густые волосы были почти черными.

Лицо по-прежнему поражало своей надменной красотой и затаенно(|

чувственностью. Все та же четкая линия рта и те же пронзительные глаза, но сейчас эти золотистые глаза смотрели на нее с цинизмом, которого раньше в них не было, а может быть, тогда она была слишком молода и наивна, чтобы заметить его. Все в нем теперь говорило о жестокости и силе, и Элизабет окончательно оробела, не найдя ни малейшего подтверждения тому, что этот угрюмый мужчина с чужим лицом действительно целовал ее когда-то с такой обольстительной нежностью.

— Ну что, вы уже насмотрелись на меня, графиня? — услышала она вдруг его голос и еще не успела оправиться от этого грубого приветствия, как следующие слова Яна окончательно лишили ее дара речи. — Вы необыкновенная женщина, леди Кэмерон, у вас, должно быть, нюх, как у гончей, коли вы сумели выследить меня даже здесь. А теперь, после того, как вам это удалось, вот вам дверь.

Воспользуйтесь ею.

Минутный шок, испытанный Элизабет, уступил место внезапной вспышке гнева.

— Простите? — холодно осведомилась она.

— Вы слышали меня.

— Я была приглашена сюда.

— Ну разумеется, — усмехнулся Ян, вдруг озаренный догадкой, что письмо ее дяди не было чьей-то проделкой и что Джулиус Кэмерон, видимо, принял отсутствие ответа за согласие, а это уже само по себе было нелепо и отвратительно. За последние несколько месяцев, с того времени, как стало известно о его богатстве и возможном родстве с герцогом Стэнхоупом, Ян уже привык, что его преследуют люди, которые раньше отказывались с ним знаться. Он считал их надоедливymi и утомительными, но к Элизабет он почувствовал настоящее отвращение.

Ян Торнтон смотрел на нее в оскорбительном молчании, не в состоянии поверить, что прелестная порывистая девушка, которую он помнил, превратилась в эту холодную, надменную и самоуверенную женщину. Даже в пыльной одежде и с испачканным землей лицом Элизабет Кэмерон была все так же потрясающе красива, но она настолько изменилась — во всяком случае, внешне, — что он едва узнавал ее. Не изменилось только одно — она была все такой же интриганкой и лгуньей.

Ян отделился от двери и прошел вперед.

— Хватит загадывать мне шарады, мисс Кэмерон. Никто вас сюда не приглашал, и вы чертовски хорошо это знаете.

Почти ничего не видя от гнева и унижения, Элизабет схватила свой ридикюль и нашла в нем письмо, которое получил ее дядя от Яна. Подойдя

к нему твердым, решительным шагом, она швырнула письмо ему в грудь. Он машинально поймал его, однако читать не стал.

— Объясните мне это, — потребовала она и отступила в ожидании ответа.

— Готов поспорить, еще одна записка, — саркастически протянул он с подчеркнутой медлительностью, вспоминая, каким дураком она его выставила тогда в оранжерее.

Элизабет остановилась у стола, в твердом намерении стоять так до тех пор, пока не получит объяснений, — но не потому, что его объяснение, каким бы оно ни было, могло заставить ее остаться. Когда стало ясно, что он не собирается читать письмо, она в ярости повернулась к Джейку, который испытывал горькое разочарование, видя, что Ян отсылает женщин, которых наверняка можно было бы уговорить готовить им пищу.

— Заставьте его прочитать его вслух! — приказала она подпрыгнувшему от неожиданности Джейку.

— Слушай, Ян, — сказал Джейк, думая о своем пустом животе и о том, какая безрадостная жизнь его ожидает в случае, если эти женщины уйдут, — ну почему бы тебе не прочитать письмо, раз уж леди так просит?

Видя, что Ян проигнорировал и это обращение, Элизабет потеряла над собой контроль. Не думая, что делает, она нагнулась над столом и схватила лежащий на нем пистолет, взвела курок и навела пистолет на широкую грудь Яна Торнтона.

— Читайте письмо!

Джейк, все еще думая о том, чего бы поесть, поднял руки вверх, будто пистолет был наведен на него.

— Ян, это могло быть какое-то недоразумение, знаешь, и, по-моему, нехорошо вести себя так грубо с этими женщинами. Ну почему бы тебе не прочитать его, а потом мы все сядем и хорошенько, — он многозначительно наклонил голову в сторону мешка с провизией, — поужинаем.

— Я не собираюсь читать его, — отрезал Ян. — В прошлый раз, когда я прочитал записку от леди Кэмерон и встретился с ней в оранжерее, за все свои хлопоты я получил пулю в руку.

— У вас хватает наглости заявлять, что это я пригласила вас в оранжерею? — в бешенстве выкрикнула Элизабет. С усталым вздохом Ян произнес:

— Вы, похоже, собрались разыграть здесь челтенхэмскую трагедию, так давайте наконец разберемся и покончим с этой историей, прежде чем вы уедете.

— Так вы отрицаете, что посылали мне записку? — спросила она.

— Конечно, отрицаю!

— В таком случае что же вы делали в оранжерее? — выпалила она.

— Я пришел, потому что получил от вас ту безграмотную записку, — скучающим оскорбительным тоном ответил он. — Можно вам посоветовать впредь уделять меньше внимания сценическому искусству, а потратить его хотя бы на улучшение почерка? — его взгляд упал на пистолет. — Положите пистолет, пока не поранились.

Дрожащей рукой Элизабет подняла пистолет еще выше.

— Вы оскорбляете и унижаете меня всякий раз, как мы с вами встречаемся. Если бы здесь был мой брат, он бы вызвал вас на дуэль! Но поскольку его здесь нет, — продолжила она, совсем потеряв голову, — я сама потребую от вас извинений. Если бы я была мужчиной, то имела бы полное право вызвать вас. И пусть я женщина, все равно никто не смеет отказать мне в этом праве. — Вы смешны. — Возможно, — тихо сказала Элизабет, — но, несмотря на это, я неплохо стреляю и буду для вас куда более серьезным противником, чем мой брат. Итак, вы выйдете на улицу или... или мне прикончить вас здесь? — пригрозила она, не думая в эту минуту, сколь пуста и бессмысленна ее угроза. Эрон научил ее обращаться с оружием в целях самообороны, и хотя Элизабет без промаха была по мишеням, в живое существо она еще никогда не стреляла.

— Я не сделаю такой глупости. Элизабет подняла пистолет еще выше.

— В таком случае я требую немедленных извинений.

— И за что же я должен извиняться? — с тихой яростью в голосе спросил Ян.

— Во-первых, за то, что с помощью записки заманили меня в оранжерею.

— Я не писал никакой записки. Я получил ее от вас.

— У вас, по-видимому, большие трудности с сортировкой писем, которые вы получаете и отправляете. Во-вторых, вы должны извиниться за то, что пытались соблазнить меня в Англии и погубили мою репутацию...

— Ян! — закричал Джейк, как громом пораженный. — Одно дело — сказать леди, что у нее плохой почерк, но испортить ее репутацию — это совсем другое. Так можно погубить всю ее жизнь!

Ян бросил на него ироничный взгляд.

— Спасибо, Джейк, за пламенное нравоучение. Может быть, теперь поможешь ей спустить курок?

Неожиданно Элизабет стало смешно. Она вдруг осознала всю нелепость этой сцены: она стоит, направив пистолет на человека в его

собственном доме, а Люсинда придерживает зонтиком другого человека, который всячески пытается разрядить обстановку, на самом деле только еще больше накаляя ее. Потом она осознала всю тщетность своих усилий, и вся ее веселость мгновенно пропала. В который уже раз этот невозможный человек делает из нее полную дуру, и от этой мысли глаза девушки засверкали, ярость вновь вспыхнула в ее душе. Элизабет повернула голову и с холодной злостью посмотрела на Торнтон.

Несмотря на то, что Ян держался с видимым безразличием, он ни на секунду не переставал наблюдать за ней и, инстинктивно почувствовав внезапно вспыхнувшую в ней ярость, приготовился к отпору. Кивнув на пистолет, он заговорил, и на этот раз в его спокойном ровном голосе не было насмешки.

— Я думаю, вам следует кое о чем подумать, прежде чем пустить в ход это оружие.

Элизабет, конечно, не собиралась стрелять, однако внимательно выслушала его советы, высказанные все тем же доброжелательным тоном.

— Ну, во-первых, вам нужно действовать очень быстро и очень спокойно, если вы намерены пристрелить меня. Вы также должны успеть перезарядить пистолет, прежде чем Джейк отнимет его у вас. Во-вторых, я думаю, будет справедливо предупредить вас о том, что здесь будет море крови. Я вовсе не жалуясь, как вы понимаете, но вы уже никогда не сможете надеть это очаровательное платье. Ну и потом вас, конечно, повесят, — продолжил он, как бы размышляя вслух, — однако я думаю, это будет уже не так страшно по сравнению с тем скандалом, который вам придется пережить до этого.

Слишком недовольная и своим, и его поведением, чтобы отреагировать на последнее замечание, Элизабет вздернула подбородок и заставила себя с достоинством произнести:

— С меня довольно, мистер Торнтон. Я полагала, ничто уже не сможет сравниться с вашим свинским поведением в прошлый раз, однако вы доказали обратное. К несчастью, я не так дурно воспитана, как вы, и мне не чужды угрызения совести. Поэтому, боюсь, что не смогу застрелить безоружного человека. Люсинда, мы уходим, — сказала она, потом оглянулась на своего примолкшего врага, который уже сделал шаг вперед, предупреждающе покачала головой и с исключительной любезностью добавила: — Нет, пожалуйста, не трудитесь провожать нас, сэр, в этом нет необходимости. И кроме того, мне бы хотелось запомнить вас таким — растерянным и бессильным.

Как ни странно, но в этот трудный момент своей жизни Элизабет

испытывала почти радость, потому что наконец защищала свое достоинство, а не принимала малодушно свою долю.

Люсинда уже вышла на крыльцо. Элизабет подумала, что бы такое сказать Яну, чтобы он, отыскав пистолет, который она собиралась выбросить, не вздумал направить его на нее. В конце концов она решила просто напомнить ему его же собственный совет и, отступая спиной к двери, сказала:

— Я знаю, вам очень неприятно, что мы покидаем вас таким образом, — ее голос и рука при этих словах предательски дрогнули, — но прежде чем вы решитесь преследовать нас, умоляю вас последовать своему же совету и подумать, стоит ли быть повешенным только за удовольствие убить меня.

Развернувшись, Элизабет хотела выбежать из дома, как вдруг что-то сбilo ее с ног, ударило по руке, и пистолет отлетел в сторону. В ту же секунду рука ее оказалась заломленной назад.

— Нет, — услышала она у себя над ухом его ужасный голос, — я думаю, это стоит того.

В тот момент, когда Элизабет уже решила, что рука ее сейчас оторвется, она получила хороший тычок в спину и вылетела на двор. Дверь за ней со стуком захлопнулась.

— Ну и ну! Никогда в жизни со мной не случилось ничего подобного! — сказала Люсинда, глядя на закрытую дверь. Грудь ее высоко вздымалась от возмущения.

— И со мной тоже, — сказала Элизабет, отряхивая грязь с подола. — Мы сможем поговорить об этом сумасшедшем, когда спустимся по тропинке и нас не будет видно из дома, — сказала она, решив удалиться как можно более достойно. — Поэтому не будешь ли ты так добра взяться за тот конец сундука?

С недобрым блеском в глазах Люсинда повиновалась, и они пошли вниз по тропинке, целиком сосредоточившись на том, чтобы держать спины как можно прямее.

В это время Джейк, глубоко засунув руки в карманы, наблюдал из окна дома за удаляющимися женщинами со смешанным выражением изумления и злости на лице.

— Черт знает что, — выдохнул он наконец, кинув взгляд на Яна, который хмуро разглядывал записку. — Эти женщины добрались до тебя и в Шотландии! Но, я думаю, это прекратится, как только ты объявишь о своей помолвке. — Он рассеянно поскреб свою буйную рыжеволосую голову и снова повернулся к окну и посмотрел на тропинку. Женщины уже

скрылись из виду, и Джейк отошел от окна. Не в силах сдержать невольного восхищения, он прибавил: — Должен тебе сказать, эта блондинка — мужественная девушка, надо отдать ей должное. Она так хладнокровно стояла тут и поучала тебя твоими же словами, да еще назвала свиньей. Я не знаю мужчины, который осмелился бы на это!

— Она на все осмелится, — сказал Ян, вспоминая ту юную искусительницу, какой она была два года назад. В то время, как другие девушки ее возраста только краснели и жеманились, Элизабет Кэмерон сама пригласила его на танец при первой же встрече. В тот же вечер она выступила против целой толпы мужчин в карточной комнате, а на следующий день рискнула своей репутацией, встретившись с ним в лесном домике, — и все это называлось у нее «небольшим загородным приключением». С тех пор она, должно быть, не раз ввязывалась в подобные истории, иначе с чего бы ее дяде рассылать письма совершенно незнакомым людям с предложением жениться на ней. Это было единственное объяснение, которое находил Ян действиям Джулиуса Камерона, поразившим его своей беспрецедентностью и полным отсутствием такта и вкуса. Другое объяснение, которое пришло ему в голову, заключалось в том, что ее родные отчаянно нуждались в деньгах и с этой целью искали для Элизабет богатого мужа. В этом отношении Ян им вполне подходил. Когда он встретил Элизабет на том загородном приеме, она была в роскошном дорогом платье, и, кроме того, на приеме вообще присутствовала исключительно светская элита. И обрывки слухов, которые ему довелось услышать уже после того фатального уикэнда, свидетельствовали о том, что она возвращается в самых высших кругах общества.

— Интересно, куда они пойдут, — сказал Джейк, слегка нахмурясь. — В лесу водятся волки, и вообще полно всякого зверья.

— Ни один приличный волк не станет связываться с ее дуэньей, которая машет зонтиком, как помелом, — ответил Ян, но ему стало немного не по себе при мысли, что женщинам придется ночевать под открытым небом.

— А-а! — засмеялся Джейк. — Так вот кто она такая? А я подумал, что они обе собираются обхаживать тебя. Лично я побоялся бы закрыть глаза, если бы рядом со мной в постели лежала эта ведьма.

Ян не слушал его. Он машинально развернул письмо, догадываясь, что Элизабет не может быть настолько глупа, чтобы написать ее собственным корявым детским почерком. Первой его мыслью, когда он увидел ровные красивые строчки, было, что она кого-то попросила написать это письмо...

но потом слова показались ему смутно знакомыми, потому что он сам произносил их когда-то:

«Ваше предложение достойно рассмотрения. Первого числа следующего месяца я уезжаю в Шотландию, и отложить путешествие не имею возможности. Однако считаю, что встреча между нами должна состояться в любом случае. Буду ждать вас в своем шотландском коттедже. Карта с указаниями, как добраться до коттеджа, прилагается. Сердечно ваш. Ян».

— Ну, попадись мне этот идиот! — прорычал Ян.

— Это ты о ком?

— О Петерсе!

— О Петерсе? — удивился Джейк. — Это твой секретарь? Тот, которого ты уволил за то, что он перепутал все письма?

— Надо было убить его! Эта записка была предназначена для Дикинсона Вэрли. А он послал ее Камерону.

В полной растерянности Ян запустил пальцы в волосы. Как бы сильно ему ни хотелось навсегда избавиться от Элизабет и даже от самой мысли, что она существует на свете, он не мог допустить, чтобы женщины провели ночь в коляске или в чем там они сюда добрались, тем более что оказались они здесь исключительно по его вине. Он с виноватой улыбкой кивнул Джейку.

— Пойди приведи их.

— Я? Почему я?

— Потому что, — с горечью сказал Ян, переходя в кабинет и убирая пистолет в стол, — сейчас начнется дождь, это во-первых. А во-вторых, если ты не приведешь их, тебе придется самому готовить ужин.

— Если я должен идти за этой женщиной, мне надо сначала чего-нибудь выпить. Они с сундуком, так что далеко не уйдут.

— Пешком? — удивился Ян.

— Ну а как, ты думаешь, они добрались сюда?

— О-о, я был слишком зол, чтобы подумать об этом.

В конце тропинки Элизабет опустила свой конец сундука на землю и без сил упала на него рядом с Люсиндой. В груди у нее клочкотал нервный смех, вызванный усталостью, страхом, поражением и последними остатками того триумфа, который она испытала, поставив на место этого человека, погубившего ее жизнь. Единственное, чем она могла объяснить сегодняшнее поведение Яна Торнтона, это тем, что он совершенно ненормальный.

Покачивая головой, Элизабет заставила себя не думать о нем. В

настоящий момент у нее было столько других проблем, что она не знала, с какой из них начать. Девушка искоса глянула на свою оцепеневшую дуэньку, и губы ее тронула улыбка, вызванная воспоминанием о поведении Люсинды в коттедже. С одной стороны,

Люсинда напрочь отвергала всякие проявления чувств, а с другой — продемонстрировала самый бешеный темперамент, какой Элизабет когда-либо приходилось наблюдать. Видимо, собственные вспышки гнева Люсинда не считала проявлением чувств. Без тени колебания или сожаления Люсинда могла словесно разорвать неугодного ей человека на мелкие кусочки, потом бросить их на землю и растоптать каблуками своих крепких туфель.

Однако попробуй сейчас Элизабет выказать хоть малейший страх перед их тяжелым положением, как Люсинда тотчас вытянется в струнку и выскажет ей свое неодобрение в самых нелицеприятных выражениях.

Элизабет с беспокойством поглядела на небо, по которому неслись черные тучи, предвещавшие бурю, но когда она заговорила, ее голос звучал до нелепости безмятежно.

— Кажется, собирается дождь, Люсинда, — заметила она, когда холодные капли дождя застучали по листьям деревьев над их головами.

— Похоже, что так, — тем же тоном ответила Люсинда. Она ловко раскрыла зонт и подняла его над ними обеими.

— Как хорошо, что у тебя есть с собой зонт.

— Я никогда с ним не расстаюсь.

— Не думаю, что мы сильно промокнем от небольшого дождя.

— Да, вряд ли.

Элизабет оглядела окружавшие их острые шотландские скалы. Тонем, каким обычно задают риторические вопросы, она поинтересовалась:

— Как ты думаешь, здесь водятся волки? — Полагаю, что сейчас они представляют для нас большую угрозу, чем этот дождь, — ответила Люсинда.

Солнце склонялось к горизонту, и весенний воздух без его горячей поддержки начал быстро остывать, Элизабет не сомневалась, что до наступления темноты они уже совершенно замерзнут.

— Немного прохладно.

— Что есть, то есть.

— В сундуке должна быть теплая одежда.

— Ну, если так, то холод нам не страшен. Своевольное чувство юмора Элизабет выбрало именно этот неподходящий момент, чтобы проявить себя.

— Да, мы быстро согреемся и к тому времени, как нас окружают волки, будем как раз тепленькими.

— Очень может быть.

От накопившейся усталости, волнения и голода в сочетании с непробиваемым спокойствием Люсинды, после того, как она штурмом взяла коттедж, Элизабет начала смотреть на создавшуюся ситуацию с опасным легкомыслием.

— Но если волки поймут, насколько мы сами голодны, они постараются убратся от нас подальше.

— Меня ободряет такая возможность.

— Мы разожжем костер, — сказала Элизабет, и губы ее начали подрагивать. — Это заставит их держаться в отдалении.

Люсинда ничего не ответила, занятая собственным" мыслями, и Элизабет в неожиданном приливе счастья вдруг призналась:

— А знаешь, Люсинда? Я не жалею ни о чем случившемся сегодня.

Люсинда сдвинула седые брови и подозрительно покосилась на Элизабет.

— Я понимаю, что это может показаться невероятным, но ты только вообрази себе, как чудесно было держать его под дулом пистолета, пусть даже несколько минут? Ты находишь это... странным? — спросила Элизабет, заметив, что Люсинда смотрит прямо перед собой, застыв в сердитом задумчивом молчании.

— Что я нахожу странным, — ответила Люсинда ледяным тоном, выражающим суровое осуждение и удивление, — так это то, что ты сумела вызвать у этого мужчины такую сильную неприязнь.

— Да он просто ненормальный.

— Мне он показался рассерженным и огорченным.

— Чем?

— Это интересный вопрос.

Элизабет вздохнула. Когда Люсинда бралась разгадать какую-нибудь загадку, она не успокаивалась, пока не добивалась своего. Она не могла относиться с сочувствием к чьим-либо поступкам, если не понимала их. Элизабет решила отвлечься от мыслей о Яне Торнтоне и подумать над тем, что их ждет в ближайшие несколько часов. Ее дядя категорически отказался оплачивать карету и кучера, пока они будут здесь жить. В соответствии с его указаниями они отправили Эрона обратно в Англию, как только достигли шотландской границы и наняли коляску в Уэйкли-Инн. Через две недели Эрой должен был приехать за ними. Конечно, они могут вернуться в Уэйкли-Инн и дожидаться Эрона там, но у Элизабет было

слишком мало денег, чтобы заплатить за гостиницу.

Может быть, ей удастся нанять коляску в гостинице, а расплатиться, когда их довезут до Хэвенхёрста, но цена может оказаться такой большой, что у нее и там не наберется достаточно денег, как бы блестяще она ни торговалась.

Но самое худшее, что ждало ее впереди, — это объяснение с дядей Джулиусом. Он будет вне себя, если она вернется на две недели раньше положенного времени, конечно, в том случае, если ей вообще удастся вернуться. И что он ей скажет?

Однако сейчас надо решить, что им делать, двум беззащитным женщинам, оказавшимся в дебрях Шотландии холодной дождливой ночью.

На гравийной дорожке слышались шаркающие шаги, и обе женщины, загнав робкую надежду поглубже, выпрямились и изобразили на лицах полное безразличие.

— Ну, ну, ну, — расцвел при виде их Джейк, — хорошо, что я успел вас перехватить и... — он потерял мысль при виде женщин, гордо восседающих на сундуке под черным зонтом. — А-а... а где ваши лошади?

— У нас нет лошадей, — сообщила ему Люсинда таким тоном, словно эти животные своим присутствием могли нарушить их тет-а-тет.

— Нет? А как же вы добирались сюда?

— Мы приехали в это Богом забытое место в наемном экипаже.

— Понятно. — Джейк погрузился в растерянное молчание, и Элизабет решила сказать ему что-нибудь приятное, чтобы вывести из этого состояния, но Люсинда уже потеряла терпение,

— Вы, по-видимому, пришли, чтобы попросить нас вернуться?

— Ах, да. Да, вы правы.

— Ну так давайте. Мы не собираемся ждать вашего приглашения всю ночь.

Такая откровенная ложь из уст Люсинды потрясла Элизабет. Видя, что Джейк не знает, как приступить к этому деликатному делу, Люсинда встала и помогла ему:

— Полагаю, мистер Торнтон чрезвычайно сожалеет о своем непростительном поведении, которому нет решительно никаких оправданий?

— Ну, да, думаю, что так. В некотором роде.

— И несомненно, собирается сказать нам об этом лично, когда мы вернемся?

Джейк заколебался, взвешивая свою уверенность в том, что Ян не намерен говорить ничего подобного, и несомненность того, что если он не

приведет этих женщин обратно, ему придется готовить еду самому и лечь спать с больной совестью.

— Почему бы не предоставить ему возможность принести извинения самому? — уклончиво ответил он.

Люсинда вышла на тропинку, ведущую наверх к дому, и по-хозяйски кивнула Джейку:

— Понесете наши вещи. Идем, Элизабет.

Пока они шли к коттеджу, Элизабет разрывалась между желанием выслушать извинения Яна и желанием убежать. В камине уже горел огонь, и она испытала огромное облегчение, увидев, что негостеприимного хозяина в комнате нет.

Однако он появился буквально через несколько секунд, на этот раз уже без куртки, с охапкой дров, которую бросил у камина.

Выпрямившись, он повернулся к Элизабет, которая наблюдала за ним с деланно безразличным выражением лица.

— Кажется, вышла ошибка, — коротко сказал он.

— Значит ли это, что вы вспомнили о своем приглашении?

— Оно было отправлено вам по ошибке. Я приглашал сюда совсем другого человека. Но к несчастью, письмо попало к вашему дяде.

До этого момента Элизабет казалось, что в большей степени унижить ее уже невозможно. Лишенная даже слабой защиты праведного негодования, она оказалась перед фактом, что явилась сюда непрошеной гостьей и в результате оказалась в дураках не один раз, а дважды.

— Как вы сюда добрались? Я что-то не слышал топота лошадиных копыт.

— Большую часть пути мы проехали в наемном экипаже, — уклончиво ответила Элизабет, ухватившись за ранее высказанную версию Люсинды, — но он сразу уехал, как только доставил нас сюда. — Она увидела, как недовольно сузились глаза Торнтон, когда он понял, что теперь от них не отвяжаться, если только он не решится потратить несколько дней на то, чтобы отвезти их обратно в гостиницу.

Испугавшись, что слезы, подступившие к глазам, вот-вот прольются, Элизабет запрокинула голову и отвернулась, притворяясь, что разглядывает потолок, лестницу, стены, что угодно, лишь бы не смотреть на него. Сквозь пелену слез она вдруг впервые заметила, что в этом месте, похоже, не убирались, как минимум, год.

Люсинда, тоже осмотревшая помещение, пришла к такому же выводу.

Джейк, предчувствуя, что старая леди сейчас выскажет что-нибудь оскорбительное в адрес жилища Яна, нарушил паузу, демонстрируя

преувеличенную радость.

— Так-так-так, — весело заговорил он, потирая руки и подходя к огню. — Ну, теперь, когда все утряслось, может быть, представимся, как полагается? А потом займемся ужином. — Он вопросительно посмотрел на Торнтон, ожидая, что тот возьмет представление на себя, но Ян, вместо того чтобы сделать это, как полагается, просто кивнул головой в сторону красивой блондинки и сказал:

— Элизабет Кэмерон — Джейк Уайли.

— Как поживаете, мистер Уайли? — спросила Элизабет.

— Зовите меня Джейком, — бодрым голосом сказал он, потом выжидательно повернулся к страшной дуэнь: — А вы?

Испугавшись, что Люсинда сейчас набросится на Яна за его галантное обращение, Элизабет поспешно сказала:

— Это моя компаньонка, мисс Люсинда Трокмортон-Джонс.

— Боже милостивый! Целых два имени. Ну, я думаю, можно не соблюдать формальности, раз уж нам придется провести тут вместе несколько дней! Зовите меня просто Джейком. А как мне вас называть?

— Вы можете называть меня мисс Трокмортон-Джонс, — сообщила ему Люсинда, глядя на кончик своего птичьего носа.

— Э-э... очень хорошо, — ответил Джейк, бросив тревожный взгляд на Яна, который, казалось, с удовольствием наблюдал за его тщетными попытками создать атмосферу непринужденности. Расстроенный Джейк запустил пальцы в свою густую шевелюру и попытался изобразить на лице улыбку. Неуверенным жестом он обвел неприбранную комнату. — Ну, а теперь, когда мы познакомились, надо бы сделать уб... а-а... уб... да, раз уж у нас тут такая замечательная компания, нужно...

— Снять со стола стулья? — помогла ему Люсинда. — И подмести пол?

— Люсинда! — в отчаянии прошептала Элизабет. — Они же не знали, что мы приедем.

— Ни один уважающий себя человек не останется в таком месте даже на одну ночь, — отрезала Люсинда, и Элизабет со смешанным чувством тревоги и восхищения увидела, как эта доблестная женщина развернулась и атаковала их негостеприимного хозяина. — Ошибка это была или нет, но ответственность за наше пребывание здесь лежит на вас! И я жду, что вы вызовете своих слуг, которых вы куда-то попрятали, и велите им немедленно постелить нам чистое белье. Я также вправе надеяться, что к утру здесь будет чистота и порядок! Из вашего поведения явствует, что вы не джентльмен, но мы — леди и ждем, чтобы с нами обращались

соответственно.

Краем глаза Элизабет наблюдала за Яном Торнтоном, который совершенно равнодушно выслушал эту отповедь, однако она заметила, как у него на шее нервно запульсировала жилка.

Но Люсинде не было никакого дела до его реакции и, подхватив свои юбки, она повернулась к лестнице, а потом к Джейку:

— Вы можете показать нам наши спальни. Мы хотим отдохнуть.

— Отдохнуть! — закричал Джейк как громом пораженный. — Но... но как быть с ужином?

— Вы можете подать его нам наверх.

Видя, что Джейк пребывает в полном недоумении, Элизабет решила простым и вежливым языком изложить смысл сказанного ее компаньонкой.

— Мисс Трокмортон-Джонс хочет сказать, что мы слишком устали, чтобы составить вам приятную компанию за столом, и поэтому предпочли бы поужинать у себя в комнатах.

— Вы поужинаете, — ужасным голосом, от которого у Элизабет кровь застыла в жилах, сказал Ян Торнтон, — вы поужинаете тем, что приготовите себе сами, мадам. И если вам нужно чистое белье, вам придется сходить за ним в кабинет. А если вам нужны чистые комнаты, приберитесь в них. Я ясно выразился?

— Предельно! — возмущенно начала Элизабет, но Люсинда перебила ее голосом, дрожащим от гнева:

— Вы что, сэ-э-эр, предлагаете нам выполнять работу прислуги? Опыт общения со светским обществом, и особенно с Элизабет, породил у Яна сильнейшее презрение ко всем амбициозным, мелочным, во всем потакающим себе молодым женщинам, весь смысл жизни которых составляли наряды и драгоценности, которые они стремились приобрести с минимальными затратами усилий и денег.

— Я предлагаю вам в первый раз в вашей глупой, бессмысленной жизни позаботиться о себе самостоятельно. За это я, в свою очередь, дам вам пищу и крышу над головой до тех пор, пока не смогу доставить вас в деревню. Если же эта задача кажется вам Невыполнимой, мое первое предложение остается в силе: вот дверь, воспользуйтесь ею.

Элизабет уже знала, что этого человека бессмысленно призывать к благоразумию, и потому решила не вдаваться в дальнейшие объяснения.

— Люсинда, — сказала она с усталой покорностью в голосе, — не растравляй себя попытками втолковать мистеру Торнтону, что это по его ошибке мы сейчас терпим неудобства. Ты только впустую потратишь время. Будь на его месте настоящий прирожденный джентльмен, он бы

сразу извинился вместо того, чтобы произносить пламенные обвинительные речи. Но мистер Торнтон не джентльмен, как я уже тебе говорила, и ему доставляет удовольствие унижать людей. Поэтому нужно просто смириться с тем фактом, что он будет унижать нас все время, пока мы будем здесь находиться.

Элизабет окинула Яна пренебрежительным взглядом и холодно бросила:

— Спокойной ночи, мистер Торнтон. — Затем повернулась к Джейку, и голос ее немного потеплел, — Спокойной ночи, мистер Уайли.

Когда обе женщины удалились в свои спальни, Джейк уныло подошел к столу и порылся в мешке с провизией. Достав оттуда хлеб и сыр, он прислушался к шагам наверху, которые переместились из кабинета в спальню. Было слышно, как они ходят по комнатам, готовясь ко сну. Покончив с едой и выпив два стакана мадеры, Джейк посмотрел на Яна.

— Тебе нужно что-нибудь съесть, — сказал он.

— Я не голоден, — коротко ответил Ян, отрешенно глядя в темноту за окном. Джейк только пожал плечами.

Наверху уже с полчаса не было слышно никакого движения, и Джейк чувствовал себя виноватым, что женщины легли спать голодными. Поколебавшись, он сказал:

— Может, отнести им чего-нибудь наверх?

— Нет, — сказал Ян. — Если они хотят есть, то прекрасно могут спуститься сюда и накормить себя сами.

— Мы не очень-то гостеприимны, Ян.

— Негостеприимны? — повторил Торнтон, бросив саркастический взгляд через плечо. — Может быть, ты не понял, что они заняли наши спальни? А это означает, что нам с тобой придется спать на диване.

— Диван слишком короткий. Я лучше пойду спать в сарай. Меня это несколько не смущает. Я люблю запах сена. Твой сторож привел туда корову и принес несколько кур, как ты просил в письме, так что у нас будут молоко и свежие яйца. По-моему, единственное, о чем он не позаботился, так это чтобы кто-нибудь здесь убрался.

Видя, что Ян не отвечает и продолжает хмуро смотреть в окно, Джейк неуверенно сказал:

— Может быть, ты расскажешь мне, как здесь оказались эти женщины? И объяснишь, кто они такие?

Ян издал долгий сердитый вздох, откинул назад голову и помассировал себе шею.

— Я встретил Элизабет полтора года назад на одном из светских

приемов. Она только-только появилась в обществе, но уже успела обручиться с каким-то несчастным дворянином. Но, видимо, этого ей показалось мало, и она решила испытать свои чары на мне.

— Испытать на тебе свои чары? Ты же говоришь, она была обручена.

Нетерпеливо вздохнув, Ян объяснил:

— Дебютантки — женщины особой породы, ты с такими не сталкивался. Два раза в год мамыши привозят их в Лондон и выставляют в течение сезона на балах, как лошадей на аукционе. В конце концов их продают в жены тому, кто предложит большую цену. Почти так же высоко, как и деньги, ценится титул.

— Какое варварство! — возмущенно воскликнул Джейк. Ян иронично посмотрел на него.

— Не стоит их жалеть. Их это вполне устраивает. В браке их привлекают платья, драгоценности и возможность иметь тайные связи с теми, кто им нравится, после того, как они произведут ни свет законного наследника. Им чужды понятия верности, честности и вообще все человеческое.

Джейк удивленно поднял брови.

— Что-то я раньше не замечал, чтобы ты так плохо относился к женскому полу, — сказал он, вспомнив о женщинах, с которыми Ян был близок за последние два года, среди них были и титулованные особы. Кстати, о дебютантках, — осторожно продолжил Джейк, видя, что Ян не отвечает, — как насчет той, что наверху? Это из принципа ты так зол на нее или у тебя к ней какие-то особенные чувства?

Ян подошел к столу и налил себе виски. Залпом проглотив его, он пожал плечами и сказал:

— Мисс Кэмерон более изобретательна и смела, чем ее пресные подружки. Кстати, она первая познакомилась со мной.

— Могу себе представить, как ты расстроился, — пошутил Джейк, — когда девушка с лицом, как мечта, попыталась соблазнить тебя и испытать на тебе свои женские чары. Кстати, они сработали?

Стукнув по столу стаканом, Ян коротко ответил:

— Сработали.

Выбросив Элизабет из головы, он открыл шкатулку из оленьей кожи, достал оттуда кое-какие бумаги, которые собирался просмотреть, и сел у огня.

Джейк попытался сдержать свое любопытство, но через несколько минут не выдержал:

— А что было потом?

Углубившийся в чтение документов Ян, не поднимая головы, рассеянно ответил:

— Я просил ее выйти за меня замуж, она прислала мне записку с приглашением встретиться в оранжерее, я пошел туда, там на нас набросился ее брат и сообщил мне, что она графиня и уже помолвлена.

Ян потянулся за пером, лежавшим на маленьком столике рядом с его стулом, и стал делать пометки на полях контракта.

— И? — снова спросил Джейк.

— Что и?

— Что было потом, после того, как на тебя набросился ее брат?

— Его взбесило, что человек, не принадлежащий к высшему обществу, собрался жениться на его сестре, и за это он вызвал меня на дуэль, — ответил Ян и сделал еще одну пометку в контракте.

— А зачем она приехала сюда? — спросил Джейк, подивившись про себя неисповедимости путей Господних.

— Да Бог ее знает, — недовольно пробормотал Ян. — Судя по ее поведению, я могу только предположить, что она ввязалась в какую-то очень нехорошую историю, и теперь ее репутация не подлежит восстановлению.

— А какое это имеет отношение к тебе?

Ян испустил глубокий вздох и так взглянул на Джейка, что тому стало ясно, что терпение его на исходе.

— Я предполагаю, что ее родственники вспомнили, как я был увлечен ею два года назад, и предложили ей снова меня окрутить.

— А как ты думаешь, это как-нибудь связано с желанием старого герцога сделать тебя, родного внука, своим наследником? — Джейк ждал ответа, но Ян углубился в чтение документов и не ответил. Сделав вывод, что рассчитывать на дальнейшие признания бесполезно, Джейк взял свечу, подхватил одеяла и отправился ночевать в сарай. В дверях он задержался, вдруг осененный новой мыслью.

— А ведь она сказала, что не посылала тебе никакой записки о встрече в оранжерее.

— Она лгунья и к тому же великолепная актриса, — ледяным тоном ответил Ян, не отрывая взгляда от бумаг. — Завтра я подумаю, как поскорее избавиться от нее.

Что-то в лице Яна заставило Джейка спросить:

— К чему такая спешка? Ты боишься снова поддаться ее чарам?

— Едва ли.

— Тогда ты, должно быть, сделан из камня, — поддразнил Джейк. —

Эта девушка так красива, что соблазнит любого мужчину, который пробудет с ней хотя бы час, не исключая и меня, а ты знаешь, что я не очень-то бегаю за юбками. — о таком случае остерегайся оставаться с ней наедине, — мягко ответил Ян.

— Да я, честно говоря, не имел бы ничего против, — засмеялся Джейк, покидая комнату.

Тем временем Элизабет в своей спальне, которая находилась в самом дальнем конце коридора, за кухней, устало стянула с себя одежду, забралась в постель и мгновенно провалилась в глубокий сон.

В спальне, расположенной над комнатой, где разговаривали мужчины, Люсинда Трокмортон-Джонс готовилась ко сну более тщательно. То, что она протряслась весь день на телеге с сеном, потом была выставлена из грязного коттеджа под дождь, где ей пришлось опасаться нападения хищных зверей, и под конец грубо отправлена спать без маковой росинки во рту, Люсинда не считала достаточным основанием для жалости к себе и не собиралась нарушать обычного распорядка отхода ко сну. Стянув с себя черное бомбазиновое платье, она вынула шпильки из волос, затем ровно сто раз медленно провела по ним гребнем, затем аккуратно заплела их в косы и спрятала под белый ночной чепчик.

Однако два обстоятельства настолько вывели Люсинду из душевного равновесия, что, забравшись в постель и укрывшись колючим одеялом, заснуть она не смогла. Во-первых, в этой убогой спальне не было таза с кувшином, вследствие чего она лишилась привычных водных процедур перед сном. А во-вторых, кровать, на которую она уложила свое костлявое тело, была страшно жесткой и вся в буграх.

Поэтому к тому Времени, как мужчины внизу начали разговаривать, Люсинда все еще не спала, и их голоса доносились до нее тихо, но довольно отчетливо. И так уж вышло, что она невольно подслушала их разговор. Вообще-то Люсинда Трокмортон-Джонс подслушивала все пятьдесят шесть лет, что жила на свете, но это не мешало ей сурово осуждать других людей, которые занимались тем же самым. Об этом знали все слуги в домах, где она жила. Если она заставляла его или ее за подслушиванием у дверей или подглядыванием в замочную скважину, то тут же безжалостно выдавала преступника хозяину, независимо от того, какую должность занимал провинившийся.

Однако в данном случае Люсинда не считала, что опустилась до подслушивания. Она просто слышала.

Люсинда внимательно прислушивалась к каждому слову Яна,

мысленно взвешивая их правдивость. Несмотря на муки, причиняемые неудобным жестким ложем, она лежала совершенно спокойно. Глаза ее были закрыты, мягкие белые руки скрещены на плоской груди. Она не вертелась и не копалась в одеялах, не вздыхала и не таращилась в потолок, как делал бы любой другой на ее месте. Она лежала так тихо, что если бы кто-нибудь заглянул в комнату и увидел ее неподвижную фигуру, освещенную слабым лунным светом, он удивился бы, не обнаружив в руках у нее распятия и зажженной свечи в ногах.

Однако это впечатление было обманчивым и несколько не отражало активной деятельности ее мозга, который энергично размышлял над полученной информацией. Люсинда проявила поистине научный подход к этому делу и после тщательного анализа всего услышанного стала прикидывать, что можно предпринять при сложившихся обстоятельствах. Она знала, что Ян Торнтон мог и солгать Джейку Уайли, что был влюблен в Элизабет и даже хотел на ней жениться. Он мог сказать это лишь ради того, чтобы представить себя в более выгодном свете. Роберт Кэмерон считал Торнтонна бессовестным охотником за приданым, беспринципным соблазнителем и говорил, будто тот сам признался ему, что обольщал Элизабет просто из спортивного интереса. Однако в данном конкретном случае Люсинда была склонна думать, что Роберт тоже солгал, желая оправдать свое постыдное поведение на дуэли. И кроме того, хотя Роберт и проявлял братскую заботу по отношению к Элизабет, его исчезновение из Англии доказывало, что он трус.

Более часа Люсинда пролежала без сна, сортируя факты по степени их правдивости. Единственный факт, который она безоговорочно приняла на веру, это прямое родство Яна Торнтонна с герцогом Стэнхоупом. В отличие от других людей, с менее развитой интуицией, она ни на секунду не усомнилась в том, что это правда. Как говорят некоторые умные люди, мошенник может выдать себя за джентльмена другому джентльмену где-нибудь в клубе. Но ему не стоит показываться в доме у джентльмена, потому что любой дворецкий с первого взгляда распознает в нем мошенника.

Такой же способностью обладают и опытные дуэньи, в обязанности которых входит ограждение их воспитанниц от мошенников и самозванцев. Но кроме интуиции, Люсинда располагала также и некоторыми сведениями. Дело в том, что в начале своей карьеры она служила компаньонкой у племянницы герцога Стэнхоупа, и потому ей было достаточно одного взгляда, чтобы заметить поразительное сходство Яна Торнтонна с герцогом. Сопоставив его возраст и то, что она слышала о

разрыве маркиза Кенсингтонского с семьей из-за женитьбы на простой шотландской девушке, Люсинда за тридцать секунд утвердилась во мнении, что Ян Торнтон и есть внук старого герцога. Единственное, чего она не знала, так это является ли он законным внуком, поскольку не располагала сведениями о времени его зачатия — до или после заключения брака между родителями. Но раз, по слухам, Стэнхоуп собирается сделать Яна Торнтона своим наследником, то, видимо, вопрос об отцовстве является бесспорным.

Располагая всеми этими данными, Люсинда стала размышлять, выгадает ли что — либо Элизабет, выйдя замуж за будущего пэра, человека, который в один прекрасный день будет носить титул герцога — самый высокий дворянский титул в королевстве. Поскольку выгоды этого брака были очевидны, Люсинда ответила себе на этот вопрос положительно.

Следующий вопрос, который она себе задала, представлял несколько большую трудность. Дело в том, что при теперешнем положении вещей она была единственной, кто желал этого брака. Кроме того, против нее работало время. Если только она не ошибается, а Люсинда никогда не ошибалась в подобных вопросах, то Ян Торнтон вскоре будет самым завидным женихом в Европе. Люсинда, хотя и жила затворницей в Хэвенхёрсте, связи с остальным миром не теряла. Она регулярно переписывалась с двумя другими дуэньями, которые жили за границей. И в своих письмах они частенько упоминали имя Торнтона в связи с различными светскими мероприятиями. И популярность молодого человека, которая начала стремительно расти с тех пор, как стало известно о его богатстве, возрастет стократ, когда он получит титул своего отца и будет называться маркизом Кенсингтонским. Титул принадлежал ему по праву, и, принимая во внимание те горести, которые он причинил ее воспитаннице, Люсинда считала, что Торнтон просто обязан подарить Элизабет корону и обручальное кольцо, не откладывая это дело в долгий ящик.

Когда Люсинда пришла к этому выводу, ей осталось решить только одну проблему, которая являла собой что-то вроде нравственной дилеммы. После того, как она всю свою жизнь посвятила удерживанию молодых людей противоположного пола от возможного сближения, ей предстояло совершить нечто совершенно противоположное, а именно — свести Яна Торнтона и Элизабет Кэмерон и оставить их наедине. Ей вспомнилась последняя фраза Джейка Уайли: «Эта девушка так красива, что соблазнит любого мужчину, который пробудет с ней хотя бы час». А насколько Люсинде было известно, Ян Торнтон уже поддался однажды чарам

Элизабет. И пусть Элизабет уже не такая юная, как тогда, она стала еще красивее, следовательно, шансы ее только возросли. Более того, Элизабет стала умнее и вряд ли позволит ему зайти слишком далеко, когда они останутся наедине на несколько часов. В этом Люсинда была уверена. Сомнение вызывали только две вещи: действительно ли Ян Торнтон стал невосприимчив к обаянию Элизабет, как он утверждает, и каким образом ей удастся оставить их наедине. В конце концов Люсинда решила возложить решение этих проблем в не менее умелые, чем ее собственные, руки Творца и погрузилась в глубокий сон.

Глава 12

Джейк приоткрыл один глаз и тут же сощурился от яркого света, бившего через высокое окно прямо в глаза. Утратив ориентацию, он перекатился на другую сторону незнакомой бугристой кровати и оказался лицом к лицу с огромным черным животным, которое прядало ушами и скалило зубы, пытаясь просунуть морду между перекладинами стойла и укусить его.

— Ах ты, чертов людоед! Люциферово отродье! — закричал Джейк и врезал ногой по перекладине в отместку за попытку укусить себя. — О, черт! — его босая нога больно ударилась о деревянную перекладину.

Он сел и провел руками по густым рыжим волосам. На лице его появилась гримаса, когда он увидел прилипшее к рукам сено. Болела нога, и болела голова от выпитой вчера бутылки.

Поднявшись на ноги, Джейк натянул ботинки и, ежась от утреннего холода и сырости, почистил щеткой свою шерстяную куртку. Пятнадцать лет назад, когда он нанялся на работу на эту маленькую ферму, он спал в этом сарае каждую ночь. Теперь же, когда Ян удачно вложил его деньги, которые он накопил в совместных с ним плаваниях, Джейк научился ценить комфорт и страшно тосковал по уюту перовых матрасов и атласных покрывал.

— Из дворца в коровник, — пробурчал Джейк, выходя из стойла, в котором провел ночь. Когда он шел мимо стойла Атиллы, тот с силой выбросил вперед копыто, намереваясь попасть в Джейка, но промахнулся, и копыто прошло на волосок от его ноги.

— Это тебе будет стоять первого завтрака, — пообещал Джейк и, испытывая настоящее удовольствие, стал насыпать корм другим лошадям на виду у Атиллы. — Ты испортил мне настроение, — жизнерадостно сообщил он, глядя, как черный конь сердито встает на дыбы и завистливо косится на чужие кормушки. — Когда оно у меня улучшится, я, может быть, накормлю тебя, — Джейк замолчал, заметив, что чудесная гнедая лошадка Яна стоит, как-то странно согнув правое колено и не доставая правым копытом до земли. — Эй, Майка, — ласково заговорил он, похлопав ее по атласному боку, — давай поглядим, что там у тебя с копытом.

Хорошо вышколенная лошадь, которая не проиграла ни одних скачек и получила звание чемпиона на скачках в Хистоне, не оказала никакого

сопротивления, когда Джейк поднял ее копыто и озабоченно склонился над ним.

— Камень забился, — сказал Джейк лошади, которая наострила уши и внимательно наблюдала за его действиями умными карими глазами. Джейк искал взглядом, чем бы подцепить камень, и остановил свой выбор на старой деревянной рейке. — Думаю, она подойдет, — пробормотал он, поднимая копыто и ставя его к себе на колено. Он подцепил камень и облокотился на перекладины соседнего стойла для большего упора. — Вот так. — Вытащив камень, он издал довольное восклицание и сразу же дикий вскрик боли, так как огромные зубы вцепились в его тело пониже талии. — Ах ты, паршивый мешок с костями, — заорал Джейк, отскакивая назад, а потом набрасываясь на перекладины стойла в отчаянной попытке Достать проклятое животное. Но Атилла, прекрасно понимая, что его ждет возмездие, уже отошел в дальний угол стойла и оттуда удовлетворенно поглядывал на Джейка. — Ну ничего, я до тебя еще доберусь, — пообещал он и потряс для доходчивости кулаком.

Потирая укушенный зад, Джейк обернулся к Майке и осторожно прислонился к стене сарая. Он еще раз проверил копыто, чтобы убедиться, что оно чистое, но когда он дотронулся до места, где был камень, гнедая болезненно дернулась.

— Намяло? — сочувственно сказал Джейк. — Ничего удивительного, камень был большой и острый. Но ведь ты вчера никак не показала, что тебе больно, — продолжил он, восхищаясь ее терпением и покладистостью. Потом перевел суровый осуждающий взгляд на Атиллу и повысил голос, чтобы тому было лучше слышно. — Конечно, ты ведь у нас настоящая аристократка, чудесное терпеливое животное — не то что этот несчастный мул, который не достоин даже в одной конюшне с тобой стоять!

Если Атиллу и волновало его мнение, то он постарался этого не выдать, чем окончательно взбесил Джейка. В таком скандальном настроении он и ворвался в коттедж.

Ян сидел за столом, обняв руками чашку с кофе.

— Доброе утро, — как обычно, приветствовал он Джейка, будто не замечая его грозно нахмуренного лица.

— Может, для тебя оно и доброе, только о себе я этого сказать не могу. Ночь, можно сказать, провел на улице и спал бок о бок со скотиной, которая только и думает, как бы сожрать меня. Он уже успел с утра цапнуть меня.

Джейк взял оловянный чайник и стал наливать себе кофе в большую глиняную кружку.

— А твоя лошадь, между прочим, хромает! — злорадно сообщил он Яну, который с улыбкой глядел на него. Усмешка Яна тут же испарилась.

— Что!?

— Ей забился камень в копыто, и она теперь припадает на левую переднюю.

Ян вскочил и, отшвырнув в сторону стул, выскочил из коттеджа.

— Мог бы и не ходить. Так, небольшой синячок, — сказал после его ухода Джейк, наконец успокаиваясь.

Заканчивая умыться, Элизабет услышала внизу мужские голоса. Завернувшись в тонкое полотенце, она подошла к сундукам, которые их нелюбезный хозяин все — таки поднял сегодня утром наверх и оставил за дверью рядом с двумя большими кувшинами воды. Затащив сундуки в спальню, Элизабет подумала, что все ее платья слишком нарядны и легкомысленны для этого скромного коттеджа.

Наконец она выбрала наименее вызывающее — белое батистовое платье с завышенной талией. По подолу шла широкая кайма из вышитых розочек и зеленых листочков, такая же вышивка была на высоких, до локтя, манжетах пышных рукавов. Поверх платья лежала длинная лента с такими же розочками и листочками, и Элизабет взяла ленту в руки, раздумывая, куда ее приспособить, и стоит ли вообще ее надевать.

Она отложила ленту и с трудом влезла в платье. Потом потратила несколько минут на то, чтобы застегнуть длинный ряд мелких пуговиц на спине. Справившись с этой нелегкой задачей, она повернулась к зеркалу над рукомойником и вгляделась в свое отражение. Вырез платья, раньше казавшийся довольно скромным, теперь сильно открывал ее располневшую грудь.

— Прекрасно, — вслух сказала Элизабет, с недовольной гримасой глядя на вырез. Она попыталась подтянуть его вверх, но как только отпустила руки, он опять опустился, и Элизабет смирилась. — Ладно, в этом сезоне носили декольте еще ниже, — оправдалась она перед зеркалом и взяла с кровати ленту. Когда она в последний раз надевала это платье в Лондоне, Берта соорудила ей какую-то затейливую прическу, пропустив эту ленту сквозь локоны. Но в Хэвенхёрсте она отвыкла от элегантных причесок и носила волосы распущенными или завязывала их лентой в простой хвост.

Пожав плечами, Элизабет взяла гребень, сделала пробор и перевязала волосы вышитой лентой, выпустив по одному локону вдоль щек, чтобы вид был не таким строгим.

Потом отступила на шаг от зеркала и снова всмотрелась в свое отражение. Яркие зеленые глаза и атласная кожа не произвели на нее никакого впечатления, она искала в своем лице какие-нибудь явные недостатки и, не видя в своей внешности никаких изменений, утратила к ней всякий интерес. Элизабет села на кровать и снова припомнила события вчерашнего вечера. Больше всего ее волновал вопрос относительно незначительный, а именно: заявление Яна, что это он получил от нее записку с предложением встретиться в оранжерее. Конечно, вполне возможно, что он солгал, постеснявшись мистера Уайли. Но, насколько она знала Яна Торнтон, он был слишком груб и безразличен к чужому мнению, чтобы приукрашивать свои поступки перед кем бы то ни было. Закрыв глаза, она попыталась в точности припомнить, что он сказал, придя той ночью в оранжерею. Что-то вроде: «А кого вы ожидали увидеть после той записки — принца Уэльского?»

Тогда она подумала, что он говорит о своей записке. Но вчера он сказал, что не посылал, а наоборот, сам получил записку. И высмеял ее за плохой почерк, о котором ее учителя говорили, что это «образцовый почерк, который мог бы сделать честь оксфордскому ученому мужу!» И как Ян Торнтон мог знать, какой у нее почерк, если в самом деле не получал от нее записку? Может, он и в самом деле сумасшедший, но Элизабет так не думала. Да и вообще, когда дело касалось Яна Торнтон, она была не в состоянии разобраться, где правда, а где ложь. И неудивительно! Даже сейчас, когда она стала старше и мудрее, ей было трудно сосредоточиться под насмешливым взглядом его золотистых глаз. По-видимому, он все еще сердит на нее за то, что Роберт нарушил правила и стрелял в него. «Наверное, в этом причина его отношения ко мне», — решила она и переключилась на другую, более серьезную проблему: как им с Люсиндой пробыть здесь положенное время, не подвергая себя унижительному объяснению с Яном. Нужно было найти способ остаться здесь на неделю и постараться прожить это время в относительной гармонии с хозяином. Чтобы пройти через это испытание, ей нужно научиться просто не замечать его отрицательного отношения к себе и принимать все как есть, не оглядываясь назад и не заглядывая вперед. Так неделя пролетит незаметно, и они с Люсиндой смогут уехать. Элизабет поклялась, что больше ни при каких обстоятельствах она не позволит ему вывести себя из равновесия, как это было вчера.

С этой минуты, решительно сказала себе Элизабет, все будет по-другому. Она будет сдержанна, вежлива и абсолютно непробиваема, каким бы грубым и невыносимым ни было бы его поведение. Она уже не та

ранимая молоденькая девушка, которую он с легкостью мог обольстить, обидеть или рассердить в зависимости от своего настроения. Она докажет ему это и одновременно продемонстрирует, как ведут себя по-настоящему воспитанные люди.

С этим твердым намерением Элизабет встала и направилась в комнату Люсинды.

Та была уже полностью готова к выходу — на черном платье не осталось и следа вчерашней пыли, седые волосы собраны в аккуратный пучок. Она сидела у окна на деревянном стуле, опереться на спинку которого ее спине не позволяла гордость. Лицо ее выражало глубокую задумчивость.

— Доброе утро, — сказала Элизабет, тихонько прикрыв за собой дверь.

— Хм-м? А-а, доброе утро, Элизабет.

— Я хотела сказать тебе, — быстро начала Элизабет, — как сильно я сожалею о том, что затащила тебя сюда и обрекла на такое унижение. Поведению мистера Торшона нет оправданий, оно совершенно непростительно.

— Полагаю, он был... просто удивлен нашим неожиданным прибытием.

— Удивлен? — переспросила Элизабет, пораженно глядя на нее. — Да он вел себя как безумный! Я знаю, что ты думаешь, — ты, наверное, удивляешься, как я вообще могла иметь с ним дело раньше, — начала она объяснять, — и, честно говоря, я сама этого не понимаю.

— О-о, ну я-то не вижу в этом никакой загадки, — сказала Люсинда. — Он чрезвычайно красив.

Элизабет была бы менее шокирована, если бы Люсинда назвала Торнтон «душкой».

— Красив! — воскликнула девушка, потом тряхнула головой в надежде, что она прояснится. — Ну, в таком случае должна тебе сказать, что ты необыкновенно добра и терпима к этому человеку.

Люсинда встала и окинула Элизабет одобрительным взглядом.

— Я бы не стала характеризовать свое отношение к нему как доброе, — задумчиво ответила она. — Скорее его можно назвать практичным. Лиф тебе, по — моему, немного тесноват, но от этого ты смотришься еще привлекательнее. Ну что, спустимся вниз и позавтракаем?

Глава 13

— Доброе утро, — приветствовал Люсинду и Элизабет сияющий Джейк, когда они сошли вниз.

— Доброе утро, мистер Уайли, — сказала Элизабет с милой улыбкой. Потом, не придумав ничего лучшего для поддержания разговора, спросила: — Пахнет чем-то замечательным. Что это?

— Кофе, — грубовато ответил Ян, скользнув по ней взглядом. Собранные в хвост волосы делали ее особенно хорошенькой и очень юной.

— Садитесь, садитесь! — радостно пригласил их Джейк. За ночь кто-то протер мебель от пыли, но он все-таки достал носовой платок и провел им по стулу Элизабет, прежде чем дать ей сесть.

— Спасибо, — девушка благодарно улыбнулась, — но стул и так достаточно чистый. — Она с опаской взглянула на неулыбчивого человека напротив и приветливо поздоровалась: — Доброе утро.

В ответ он приподнял одну бровь, словно спрашивая, чем обязан такой перемене.

— Полагаю, вы хорошо поспали?

— Очень хорошо, — ответила Элизабет.

— Как насчет кофе? — сказал Джейк и, схватив с плиты чайник, налил в кружку остатки кофе. Вернувшись с ней к столу, он в нерешительности остановился, очевидно, не зная, кому из женщин полагается подать кофе первой.

— Кофе, — глухим голосом проинформировала его Люсинда, когда он сделал шаг в ее сторону, — дикарский напиток, не для цивилизованных людей. Я предпочитаю чай.

— А я выпью кофе, — поспешно сказала Элизабет. Джейк послал девушке благодарную улыбку и поставил перед ней кружку с кофе. Затем вернулся к плите. Элизабет, боясь встретиться взглядом с Яном, как зачарованная, смотрела на спину Джейка Уайли.

Джейк стоял у плиты, нервно потирая ладони, и, не зная, с чего начать, переводил неуверенный взгляд с ветчины на яйца и затем на глубокую сковороду с длинной ручкой, которая уже начинала дымиться.

— Ну ладно, попробуем вот так, — пробормотал он и, вытянув руки вперед, издал страшный хруст костяшками пальцев. Затем схватил нож и начал яростно пилить ветчину.

Элизабет заинтересованно смотрела, как Джейк закидывает на

сковороду огромные куски ветчины. Он забил сковороду до самого верха, и через несколько минут по комнате распространился чудесный запах. В предвкушении вкусного завтрака у Элизабет потекли слюнки. Джейк взял пару яиц, разбил их о край плиты и выпустил в сковороду, полную сырой ветчины. За ними последовало еще шесть яиц, после чего он повернул голову в их сторону.

— Как вы думаете, леди Элизабет, может быть, следовало подольше жарить ветчину, прежде чем разбивать яйца?

— Я... я точно не знаю, — призналась Элизабет, намеренно не замечая удовлетворенной гримасы на загорелом лице Яна.

— Может быть, взглянете и скажете, что вы думаете на этот счет? — спросил Джейк, уже нарезаая ломтями хлеб.

Если она откажется дать свой непрофессиональный совет, ей придется сидеть под насмешливым взглядом Яна. Из двух зол Элизабет выбрала меньшее. Она встала, подошла к мистеру Уайли и заглянула через его плечо.

— Ну, как вам кажется?

В неаппетитном растопленном жире плавали огромные яичные желтки.

— Чудесно.

Джейк удовлетворенно хмыкнул и взял несколько ломтей хлеба, очевидно, собираясь отправить их туда же.

— Как вы думаете? — спросил он, занеся руки над сковородой. — Закинуть их туда?

— Нет! — с неожиданной силой воскликнула Элизабет. — Я совершенно уверена, что хлеб следует подавать... ну... как это...

— Отдельно, — забавляясь, протянул Ян. Элизабет машинально повернулась на голос и увидела, что он развернул свой стул и наблюдает за ними.

— Ну, не совсем отдельно, — поправилась Элизабет, чувствуя, что лучше дать еще один совет, чем показать, насколько она невежественна в вопросах кулинарии. — Мы можем подать его... с маслом!

— Конечно, как я не подумал, — с застенчивой улыбкой сказал Джейк. — Может быть, вы последите за сковородкой, а я пока сбегаю в погреб и принесу масло.

— Конечно, послежу, — успокоила его Элизабет, всем своим видом давая понять, что не замечает, как Ян пронизывающим взглядом сверлит дырки в ее спине. Поскольку за эти несколько минут в сковороде не должно было произойти ничего особенно важного, Элизабет подумала, что сейчас

самое время попытаться уговорить Яна Торнтон позволить им с Люсиндой остаться в коттедже на оговоренные семь дней.

Она сцепила руки за спиной и стала с беззаботным видом расхаживать по комнате, разглядывая паутину на потолке. Вдруг на нее снизошло вдохновение. Может быть, это будет несколько унижительно, но в то же время все можно представить даже как одолжение с ее стороны. Элизабет помедлила с минуту, чтобы настроиться и придать своему лицу нужное выражение, затем резко остановилась перед Яном.

— Мистер Торнтон! — громко начала она и встретилась с его взглядом, который только что закончил прогулку по ее точеной фигурке и поднялся к лицу. Зная, что ничего другого от него ждать не приходится, Элизабет решительно продолжила: — Мне кажется, в этом доме давно уже никто не жил.

— Какое меткое наблюдение! Похвально, леди Кэмерон, — лениво усмехнулся Ян, наблюдая за игрой выражений на ее лице. Он никак не мог понять, что она здесь делает и почему вдруг решила снискать его расположение. Вчера вечером, объясняя ее поведение

Джейку, он полагал, что правильно толкует мотивы ее поступков, но сейчас, глядя на нее, едва мог поверить в это сам. Но Ян тут же напомнил себе, что Элизабет Кэмерон всегда отнимала у него способность мыслить трезво.

— Дома всегда зарастают грязью, когда за ними никто не следит, — добавила она, глядя на него ясным взглядом.

— Еще одно очень верное наблюдение. У вас потрясающе острый ум.

— Ну почему с вами так трудно разговаривать? — воскликнула Элизабет.

— Простите, — насмешливо извинился Ян. — Продолжайте. Так вы говорили...

— Я подумала, что раз уж мы с Люсиндой оказались привязаны к этому месту и помочь нам может только время, возможно, дому не помешает женская рука.

— Великолепная мысль! — бурно поддержал ее Джейк, только что вернувшийся из похода за маслом. Он с надеждой повернулся к Люсинде, но та наградила его таким взглядом, который мог бы обратить в прах скалу.

— Этому дому не помешает целая армия слуг с совками и марлевыми повязками на лицах, — безапелляционно заявила жестокая дуэнья.

— Тебе не придется помогать мне, Люсинда, — объяснила ошеломленная Элизабет. — Я даже и не думала взваливать это на тебя. Но я могла бы! Я... — она не успела договорить, потому что Ян Торнтон

вскочил на ноги и далеко не галантно схватил ее за локоть.

— Леди Кэмерон, — сказал он. — Я думаю, что нам с вами нужно кое-что обсудить, и лучше всего это сделать наедине. Не возражаете?

Он указал ей на открытую дверь и затем практически выволок ее из дома. На улице он протащил Элизабет еще несколько шагов и только после этого отпустил ее руку.

— Ну, теперь давайте послушаем, — сказал он.

— Что послушаем? — испуганно спросила Элизабет.

— Ваши объяснения — правду, если вы вообще способны ее говорить. Вчера вечером вы наставили на меня пистолет, а сегодня утром вас уже разбирает желание привести в порядок мой дом. Я хочу знать причину.

— Ну... что касается пистолета... вы были слишком несговорчивы!

— Я и сейчас такой же, — коротко возразил Торнтон, игнорируя удивленно поднятые брови Элизабет. — Я не изменился. И отнюдь не проявлял сегодня утром добрую волю и желание помириться.

Элизабет отвернулась и стала смотреть на тропинку, пытаясь найти какое —нибудь объяснение, не выдав при этом, в каком унижительном положении она оказалась по милости своего дяди.

— В ответ я слышу только оглушительное молчание, леди Кэмерон, и это меня удивляет. Помнится, в прошлый раз, когда мы с вами виделись, вы говорили без умолку, пытаясь выдать мне как можно больше информации, которой обладали. — Элизабет поняла, что он имеет в виду ее монолог о гиацинтах.

— Видите ли, я просто не знаю, с чего начать, — призналась Элизабет.

— Начнем с самых вопиющих фактов. Что вы здесь делаете?

— Мне не совсем удобно это объяснять, — ответила она. Упоминание о гиацинтах настолько вывело ее из равновесия, что она забыла его вопрос и без всякой связи сказала: — Дело в том, что сейчас моим опекуном является дядя. У него нет детей, и поэтому все, что он имеет, перейдет к моему ребенку. Но для того, чтобы у меня родился ребенок, мне нужно сначала выйти замуж, и поэтому он хочет утрясти это дело как можно скорее и с наименьшими затратами де... времени, — быстро поправилась она. — Он очень нетерпеливый человек и думает, что я слишком... засиделась. Дядя не понимает, что нельзя просто найти несколько человек и заставить кого-то — меня в данном случае, — выбрать из них себе мужа.

— А можно вас спросить: какого черта ему взбрело в голову, что у меня есть желание на вас жениться?

Элизабет захотелось провалиться сквозь землю.

— Я думаю, — медленно сказала она, тщательно подбирая слова,

чтобы сохранить хоть какие-то остатки достоинства, — наверное, это из-за дуэли. Он слышал о ней и неверно истолковал ее значение. Я пыталась разубедить его и объяснить, что это просто небольшое приключение, которым это, несомненно, и было, — но дядя и слышать ничего не хотел. Он довольно упрям и... стар, — тихо добавила она. — И поэтому, когда от вас пришло письмо с приглашением, он заставил меня ехать.

— Могу понять, что вам стыдно, что вы зря проехали, но это еще не трагедия. Так что возвращайтесь себе спокойно домой.

Она низко опустила голову, разглядывая пруттик, который выковыряла из земли мыском туфельки.

— Честно говоря, я надеялась, что, если это не доставит вам слишком больших неудобств, вы позволите нам с Люсиндой остаться здесь на оговоренное в приглашении время.

— Об этом не может быть и речи, — коротко отрезал Торнтон, и сердце Элизабет упало. — А кроме того, если мне не изменяет память, к тому моменту, как мы познакомились, вы были уже помолвлены — уж наверняка с кем-нибудь не ниже герцога.

Пристыженная, рассерженная и испуганная, Элизабет тем не менее нашла в себе силы гордо вздернуть подбородок и встретить его изучающий взгляд.

— Он... мы решили, что не подходим друг другу.

— Не сомневаюсь, что без него вам гораздо лучше, — засмеялся он. — Мужья могут быть ужасно несговорчивыми, когда дело касается так называемых «небольших приключений» вкупе с тайными встречами в уединенных коттеджах и темных оранжереях.

Элизабет стиснула кулаки, и глаза ее запылали зеленым огнем.

— Я не приглашала вас встретиться со мной в оранжерее, и вы прекрасно знаете это!

— Хорошо, давайте доиграем этот отвратительный фарс до конца, — устало согласился Ян. — Если вы не посылали мне записку, то, может быть, скажете, что вы там делали?

— Я же говорю вам, что сама получила записку. Я считала, что ее написала Валери, моя подруга, и пошла в оранжерею узнать, зачем ей понадобилось видеть меня. Я не посылаю вам записку о встрече, я сама получила ее. Господи Боже! — воскликнула она, чуть не топнув ногой от негодования, видя, что он продолжает смотреть на нее с явным недоверием. — Да я пришла в ужас, увидев вас той ночью!

Перед глазами Яна вдруг живо предстала картина — сказочно прекрасная девушка сует ему в руки цветочные горшки, чтобы удержать от

поцелуя... и потом, несколько секунд спустя, тает в его объятиях.

— Ну, теперь вы верите мне?

Как Ян ни пытался, он не мог с полной уверенностью ни обвинить, ни оправдать ее. Интуиция подсказывала ему, что Элизабет не говорит всей правды, о чем-то умалчивает. К тому же было что-то очень странное и совершенно не соответствующее ее характеру в том, как она стремилась остаться здесь. Но с другой стороны, ему не раз приходилось видеть отчаявшихся людей, и что-то говорило ему, что именно в этом состоянии сейчас находится Элизабет Кэмерон.

— Верю или не верю, это не имеет значения, — начал он и внезапно умолк. Из открытого окна потянуло дымом, и они одновременно почувствовали его запах. — Какого чер... — Ян быстрыми шагами направился к дому, Элизабет поспешила за ним.

Он открыл дверь как раз в тот момент, когда из глубины коттеджа появился Джейк.

— Вот, принес молока, — радостно сообщил он и тут же замолчал, учуяв запах гари. Его взгляд оторвался от Яна и Элизабет, влетевших в коттедж, и упал на Люсинду, которая как ни в чем не бывало продолжала сидеть на своем месте и, совершенно не обращая внимания на запах подгоревшей яичницы с ветчиной, обмахивалась черным шелковым веером.

— Я взяла на себя смелость снять эту посудину с плиты, — объявила она им. — Однако это не спасло ее содержимое, которое, на мой взгляд, и не стоило спасать.

— А вы не могли снять ее до того, как все сгорело? — взорвался Джейк.

— Я не умею готовить, сэр.

— А обоняние у вас есть? — поинтересовался Ян.

— Ян, это бесполезно. Видно, придется мне ехать в деревню и нанимать каких —нибудь девиц, чтобы они приходили сюда готовить и убираться, а не то мы помрем тут с голоду.

— В точности мои мысли! — вдруг сказала Люсинда, привставая с места. — Я пойду с вами.

— Что-о-о? — ахнула Элизабет.

— Что? Почему? — эхом отозвался Джейк и упрямо набычился, всем своим видом давая понять, что не собирается никуда с ней идти.

— Потому что выбирать прислугу умеют только женщины. Как далеко отсюда деревня?

Не будь Элизабет так потрясена, она непременно засмеялась бы над

выражением лица Джейка Уайли.

— Мы могли бы вернуться сегодня к вечеру, если предположить, что в деревне найдутся желающие здесь работать. Но я...

— В таком случае нам лучше поторопиться. — Люсинда окинула Яна задумчивым оценивающим взглядом, потом повернулась к своей подопечной: — Элизабет, будь так добра, позволь нам с мистером Торнтоном перекинуться парой слов наедине.

Во взгляде Люсинды было ясно написано: «Положись на меня и не спорь», поэтому Элизабет не оставалось ничего другого, как повиноваться и выйти из дома. Оказавшись на улице, она в полном смятении уставилась на деревья, не понимая, каким образом Люсинда собирается решить их проблемы.

В коттедже Ян выжидательно смотрел на седовласую гарпию, сверлившую его своим убийственным взглядом.

— Мистер Торнтон, — сказала она наконец, — я пришла к решению, что вы джентльмен.

Люсинда сделала это заявление с таким видом, словно она королева, дарующая рыцарское звание жалкому недостойному рабу. Величие ее позы восхитило Яна, однако смысл сказанного его несколько покоробил. Он присел на стол и стал ждать продолжения, пытаясь разгадать, какую игру затеяла эта женщина, оставляя Элизабет на его попечение.

— Скажите же мне скорее, — с холодной иронией попросил он, — чем я сумел заслужить такое доброе мнение о себе?

— Ничем абсолютно, — не колеблясь, ответила она. — Это решение я приняла, основываясь на собственной интуиции и на том факте, что вы джентльмен по рождению.

— И что же навело вас на подобную мысль? — скучающим тоном поинтересовался Ян.

— Я далеко не дура, мистер Торнтон. А кроме того, я знакома с вашим дедом — герцогом Стэнхоупом. Я служила в доме его племянницы, когда ваш отец порвал с ним. Весть о его самовольной женитьбе произвела тогда настоящий фурор. Другие, менее осведомленные люди, могут сомневаться в вашем происхождении, но у меня таких сомнений нет. Ваше родство очевидно: ваше лицо, голос, рост и даже манера держаться — все говорит о том, что вы его внук.

Ян уже привык к тому, что многие как бы ненароком пытаются взглянуть в черты его лица или задают какие-нибудь наводящие вопросы, он знал, что за его спиной шепчутся и строят предположения, но впервые ему сказали прямо в лицо, кто он такой на самом деле.

— Ну что ж, если вы так говорите, должно быть, так оно и есть, — сказал Торнтон, всем своим видом давая понять, что она заблуждается.

— Узнаю снисходительный тон вашего деда, — Люсинда не сумела сдержать радостной нотки в голосе. — Однако это не имеет отношения к делу.

— А могу я узнать, что имеет отношение к делу? — раздраженно поторопил он ее.

— Конечно, можете. — Люсинда лихорадочно искала способ воскресить его бывшее увлечение Элизабет и уколоть его совесть. — Дело в том, что мне прекрасно известно обо всем, что произошло между вами и Элизабет полтора года назад. Однако я не считаю, что всему виной было ваше поведение или недостаточная сила воли. Думаю, это произошло от недостатка рассудительности. — Он приподнял брови, но промолчал. Расценив его молчание как поощрение к дальнейшему объяснению, она продолжила: — И рассудительности не хватило вам обоим.

— Неужели? — медленно протянул он.

— Конечно, — Люсинда стерла пыль со спинки стула, отряхнула руки и состроила неодобрительную гримасу. — Что еще, кроме недостатка рассудительности, могло толкнуть семнадцатилетнюю девушку выступить на защиту отъявленного игрока, не побоявшись навлечь на себя всеобщее порицание?

— В самом деле, что? — с возрастающим раздражением спросил Ян.

Люсинда старательно отряхивала руки, избегая его взгляда.

— Кто может знать это лучше вас двоих? Но я не сомневаюсь, что то же самое чувство толкнуло ее остаться в доме лесника, вместо того чтобы удалиться в ту же секунду, как она обнаружила ваше присутствие. — Довольная тем, как ей удалось выгородить Элизабет, Люсинда снова взяла осуждающий тон, который был для нее более естествен и звучал убедительнее. — Как бы там ни было, это все дела прошедших дней. Элизабет дорого заплатила за свое безрассудство, и это правильно, как справедливо и то, что именно из-за этого она сейчас оказалась в таком ужасном положении.

Люсинда улыбнулась про себя, увидев, что он опустил взгляд в пол, и посчитала это признаком раскаяния или хотя бы признания своей вины. Однако его последующие слова мгновенно лишили ее этой надежды.

— Мадам, я не могу потратить весь день на бесполезные разговоры. Если вы хотите мне что-то сказать, говорите, и покончим с этим наконец!

— Очень хорошо, — сказала Люсинда, стиснув зубы, чтобы не сказать чего —нибудь лишнего. — Дело в том, что моим долгом и высокой

обязанностью является следить за физическим и душевным здоровьем леди Кэмерон и всячески опекать ее. В настоящий момент, учитывая состояние вашего жилища, первое кажется мне более уязвимым, тем более что при сложившихся отношениях у вас вряд ли появится желание выйти за рамки допустимого. Скорее, нужно следить, чтобы вы не убили друг друга. Тем не менее я считаю своим долгом обеспечить этот дом необходимой прислугой. И хочу, чтобы вы дали слово джентльмена не оскорблять Элизабет в мое отсутствие ни физически, ни морально. Она и так уже достаточно натерпелась от своего дяди. И я никому не позволю сделать ее жизнь еще ужаснее, чем она уже есть.

— Простите, а что вы подразумеваете под «ужасной жизнью»? — неожиданно для себя спросил Ян.

— Я не вольна обсуждать с вами ее проблемы, — сказала Люсинда, сдерживая радость в голосе, — но прошу вас вести себя, как подобает джентльмену. Вы даете мне слово?

Поскольку Ян не собирался притрагиваться к ней даже пальцем, так же как и вообще тратить на нее свое время, он решительно кивнул,

— Она будет в полной безопасности от меня.

— Именно это я и надеялась услышать, — бессовестно солгала Люсинда.

Через несколько минут Элизабет увидела, как Ян и Люсинда вышли из коттеджа, но понять по их лицам, о чем они говорили, было невозможно.

Вообще единственным человеком здесь, не скрывающим своих чувств, был Джейк Уайли, который в эту минуту появился на дворе, ведя в поводу двух лошадей. Элизабет показалось подозрительным, что Джейк, который ушел седлать лошадей мрачный, как туча, теперь светился нескрываемой радостью. С театральным поклоном он широким жестом указал на черного коня со старым седлом на спине, беспокойно поведившего боками. — Это для вас, мэм, — сказал он Люсинде, ухмыляясь. — Его зовут Атилла.

Люсинда пренебрежительно оглядела коня, затем переложила зонтик в правую руку и натянула перчатки.

— Ничего получше у вас нет?

— Нет, мэм. Лошадь Яна захворала.

— Что ж, прекрасно, — сказала Люсинда, решительно двинувшись вперед. Но как только она оказалась в пределах досягаемости, конь внезапно оскалился и лязгнул зубами. Люсинда, не замедляя шага, хорошенько ударила его между ушами своим зонтиком.

— Спокойно! — скомандовала она и, не обращая внимания на ворчание испуганного животного, обошла вокруг него. — Ты сам виноват,

— сказала она коню. Джейк придержал Атиллу за морду, а Ян любезно посадил Люсинду в седло. Но как только Джейк передал ей вожжи, Атилла начал метаться из стороны в сторону и в раздражении крутиться на месте.

— Я не терплю своенравных животных, — предупредила Люсинда коня самым строгим тоном, но видя, что тот не собирается подчиняться и продолжает свои угрожающие прыжки, она вдруг резко натянула вожжи, одновременно с силой ткнув его в бок зонтиком. Атилла жалобно заржал и вдруг оживленной рысью послушно направился к дороге.

— Вот как с ним надо обращаться! — сказал Джейк, глядя им вслед и переводя взгляд на Яна. — Это животное не понимает слова «лояльность». — И, не дожидаясь ответа, Джейк вскочил в седло и пустился вдогонку.

К этому времени Элизабет уже полностью утратила способность понимать, что вокруг нее происходит. Она искоса глянула на стоявшего рядом с ней Яна. Этот непредсказуемый человек смотрел вслед Люсинде, засунув руки в карманы, с сигаретой в белых зубах, и широко ухмылялся. Элизабет решила, что эта ухмылка относится к неожиданной способности Люсинды справляться с упрямыми лошадьми, и сказала:

— Кажется, дядя Люсинды занимается разведением лошадей.

С видимой неохотой Ян оторвал восхищенный взгляд от прямой спины Люсинды и перевел его на Элизабет.

— Поразительная женщина, — покачав головой, сказал он. — Интересно, бывают ситуации, когда она оказывается не на высоте?

— Мне, во всяком случае, о них неизвестно, — засмеявшись, ответила Элизабет и сразу же почувствовала себя неловко, так как улыбка внезапно исчезла с его лица, и оно опять стало сухим и отчужденным.

Она глубоко вздохнула и, сцепив за спиной трясущиеся руки, решила сделать попытку примирения.

— Мистер Торнтон, — тихо начала Элизабет, — неужели между нами обязательно должна быть вражда? Я понимаю, что мой приезд сюда... причиняет вам неудобства, но ведь это ваша вина... ваша ошибка, — осмотрительно поправилась она, — явилась тому причиной. И вы не можете не видеть, что мы терпим от этого не меньше неудобств, чем вы. — Ободренная тем, что он не возражает, она уже более смело продолжила: — Поэтому, мне кажется, будет лучше всего, если мы попытаемся пережить это время с наименьшим ущербом друг для друга.

— Я думаю будет лучше всего, если я извинюсь за то, что причинил вам «неудобства», а вы уедете отсюда сразу же, как только я сумею найти для вас экипаж.

— Но я не могу уехать! — воскликнула Элизабет.

— Почему, черт возьми?

— Потому что... ну... мой дядя, он очень суровый человек и не любит, когда нарушают его инструкции. Предполагается, что я пробуду здесь полную неделю.

— Я напишу ему письмо и все объясню.

— Нет! — вырвалось у Элизабет. Она представила себе реакцию дяди, если ее третий раз подряд выдворят раньше срока. Он не так глуп, чтобы ничего не заподозрить. — Он обвинит в этом меня, понимаете?

Несмотря на намерение Яна не вдаваться в ее проблемы, его несколько обеспокоили очевидный страх Элизабет перед дядей и характеристика «суровый». Учитывая ее поведение полтора года назад, он не сомневался, что Элизабет Камерон сделала достаточно, чтобы заслужить хорошую трепку от своего несчастного опекуна. Но если даже и так, ему все равно не хотелось, чтобы ее нежной кожи коснулся ремень. То, что случилось между ними, было глупостью с его стороны, но это было давно. Теперь он уже почти женат на красивой, чувственной женщине, которая устраивает его во всех отношениях. Почему он должен обращаться с Элизабет так, словно у него остались к ней какие-то чувства, пусть даже и злость?

Элизабет почувствовала его колебания и решила закрепить свое преимущество.

— Ведь между нами не произошло ничего такого, что могло бы помешать нормальным отношениям в настоящем. Я хочу сказать, что если вдуматься, то это ведь было не более чем небольшое загородное приключение, не так ли?

— Конечно.

— И никто из нас при этом не пострадал, верно?

— Верно.

— Значит, у нас нет причин относиться друг к другу плохо, правда? — она лукаво улыбнулась ему. — Боже милостивый, да если бы каждый флирт заканчивался враждой, в свете все давно перестали бы даже разговаривать друг с другом!

Элизабет сумела поставить его в такое положение, что ему оставалось либо согласиться с ней, либо признать, что она значила для него больше, чем «небольшое приключение», и Ян понял это. Он понимал, что эта девушка обвела его вокруг пальца, однако его позабавило, как ловко она построила логическую цепочку, чтобы вынудить его согласиться с ней.

— Флирт обычно не заканчивается дуэлью, — мягко напомнил он ей.

— Я знаю, и я ужасно сожалею, что мой брат стрелял в вас.

Ян просто не смог устоять перед умоляющим взглядом ее огромных зеленых глаз.

— Забудьте, — сказал он с усталым вздохом, готовый согласиться на все, о чем она попросит. — Оставайтесь на семь дней. Подавив желание закружиться от радости, Элизабет с улыбкой заглянула ему в глаза.

— Тогда, может быть, заключим перемирие на этот срок?

— С одним условием.

— С каким?

Его брови насмешливо приподнялись.

— Если вы сумеете приготовить приличный завтрак.

— Давайте вернемся в дом и посмотрим, что у нас есть. Войдя в дом, Элизабет долго смотрела на яйца, хлеб, сыр и плиту.

— Сейчас что-нибудь соорудим, — пообещала она с улыбкой, которая выдавала ее неуверенность.

— Вы уверены, что справитесь с этой задачей? — спросил Ян. Элизабет ответила такой ослепительной улыбкой, что он почти поверил, что она умеет готовить.

— Я справлюсь, вот увидите, — храбро сказала она, повязывая вокруг талии широкое полотенце.

Она так задорно посмотрела на него, что он отвернулся, чтобы не улыбнуться ей в ответ. Девушка была решительно настроена добиться успеха, и он не собирался лишать ее этой веры.

— Не сомневаюсь, — сказал Ян и вышел, оставив ее у плиты одну.

Прошел час. Элизабет, с выступившими на лбу каплями пота, схватила кастрюлю, обожгла руку, потом догадалась обернуть вокруг ручки полотенце и таким образом снять кастрюлю с плиты. Затем разложила на большом деревянном блюде ветчину и стала размышлять, что делать с плоским темным куском длиной в десять дюймов. Она точно помнила, что положила на противень четыре кусочка печенья. Наконец она решила не ломать печенье на неровные куски и, аккуратно положив его в центр блюда с ветчиной, отнесла к столу, где уже сидел Ян в ожидании завтрака. Вернувшись к плите, она попыталась отодрать от дна сковороды яичницу, но та никак не поддавалась, поэтому Элизабет поставила ее на стол прямо в сковороде.

— Я... я подумала, может быть, вы сами положите себе, сколько захочется, — церемонно сказала она, пытаясь не выдать своего ужаса перед тем, что она приготовила.

— Конечно, — Ян с готовностью поддержал ее светский тон. — Что у нас здесь? — осведомился он, взглянув на сковороду. Не поднимая глаз,

Элизабет села напротив него.

— Яичница, — ответила она и устроила целый спектакль из разворачивания салфетки и расстилания ее на коленях. — Боюсь, что глазунья не получилась.

— Ничего страшного.

Когда он взял лопатку, Элизабет изобразила на своем лице ясную оптимистичную улыбку и стала наблюдать, как он сначала попытался поддеть яичницу, но видя, что это бесполезно, начал просто соскабливать ее со дна сковороды.

— Она немного пригорела, — зачем-то сказала Элизабет, хотя это было и так ясно.

— Да нет, она просто намертво присохла, — поправил он ее, но по крайней мере в его голосе не было злости. Наконец ему удалось отодрать один кусок, и он положил его к ней на тарелку. Еще несколько минут, и он сумел наскрести кое-что и себе.

Памятуя договор о перемирии, они принялись за еду с соблюдением всех церемоний и формальностей. Ян протянул Элизабет блюдо с ветчиной и комком печенья. — Благодарю, — сказала она, взяв себе два черных ломтика ветчины. Ян положил себе три ломтика ветчины и с интересом стал изучать плоский коричневый предмет, расположенный в центре блюда.

— Ветчину я узнал, — сказал он, — но как называется это? — спросил он, указывая на коричневый объект. — Это выглядит совсем экзотично.

— Это печенье, — объяснила Элизабет.

— А-а, — протянул Ян. — Это у него такая форма?

— Это печенье называется сковородочным, — быстро придумала Элизабет.

— О-о, название весьма подходящее, — согласился он.. — Оно действительно по форме напоминает сковороду.

Они замолчали и уставились в свои тарелки, пытаясь определить, есть ли там что-нибудь съедобное, потом синхронно подцепили ломтики ветчины и впились в них зубами. В комнате раздался хруст, какой издают деревья, ломаясь пополам. Старательно избегая смотреть друг на друга и продолжая хрустеть, они съели всю ветчину со своих тарелок. Покончив с ней, Элизабет набралась смелости и взяла в рот кусочек яичницы.

По вкусу яичница напоминала соленую оберточную бумагу, но Элизабет мужественно проглотила ее. Ее желудок сжался от унижения, и комок слез подступил к ее горлу. Она ждала, что вот-вот раздастся какой-нибудь уничтожающий комментарий по поводу ее стряпни, и чем дольше он вежливо жевал, тем больше ей хотелось, чтобы он проявил свое

неудовольствие. Не доев яичницу, Элизабет отложила вилку и перешла к печению. После нескольких неудачных попыток разломить его руками, она взяла нож и попыталась его распилить. Наконец ей удалось отпилить небольшой кусочек. Она положила его в рот и попробовала надкусить, но зубы бессильно заскользили по поверхности, не в состоянии разгрызть твердый обломок. Она увидела, что Ян смотрит на нее через стол, и поняла, что сейчас заплачет.

— Может быть, выпьете кофе? — тонким голосом спросила она.

— Да, благодарю вас.

Обрадовавшись, что может отойти от стола и взять себя в руки, Элизабет поднялась и подошла к плите. С полными слез глазами она налила в кружку свежесваренный кофе.

Несчастный вид Элизабет вызвал у Яна смех и желание утешить ее, но поскольку процесс жевания требовал определенных усилий, он не мог сделать ни того, ни другого. Проглотив последний кусок яичницы, он наконец проговорил:

— Завтрак был очень... э-э... сытным. Подумав, что Ян, возможно, нашел завтрак не таким уж плохим, Элизабет подняла к нему побледневшее от огорчения лицо.

— Я очень мало готовила в своей жизни, — призналась она тихим, сдавленным голосом. Он сделал большой глоток кофе и затем с расширившимися от ужаса глазами начал его... жевать.

Элизабет вскочила, расправила плечи и хрипло произнесла:

— После завтрака я обычно прогуливаюсь. Простите. Продолжая жевать кофе, Ян дождался, пока она выбежит из дома, и затем с благодарностью выплюнул на тарелку кофейные зерна.

Глава 14

Завтрак, приготовленный Элизабет, избавил Яна от голода и даже больше: теперь сама мысль о еде вызывала у него содрогание. Покончив с едой, он отправился в сарай смотреть ногу Майки. На полдороге он заметил сидевшую на пригорке Элизабет. Она сидела, обхватив руками колени и положив на них голову, а вокруг нее цвели колокольчики. Ослепленный блеском ее золотых волос, Ян все же не мог не заметить, что поза девушки выражает глубокое уныние. Сначала он хотел уйти и оставить ее грустить в одиночестве, но потом, тяжело вздохнув, направился к ней.

Подойдя ближе, Ян увидел, что ее плечи содрогаются от рыданий, и удивленно нахмурился. Поскольку притворяться, что завтрак был хорош, явно не имело смысла, он шутливо сказал:

— Я аплодирую вашей гениальности: просто застрелить меня было бы слишком гуманно.

При звуке его голоса Элизабет испуганно вскинулась и отвернула свое заплаканное лицо.

— Вам что-нибудь нужно?

— Десерт, — усмехнулся он, наклоняясь вперед и пытаясь заглянуть ей в лицо. Ему показалось, что ее губы тронула слабая улыбка, и он добавил: — Я подумал, что можно взбить немного сливок и положить их на печенье. Потом мы можем взять все, что осталось, смешать с недоеденной яичницей и использовать как дранку для крыши.

Элизабет рассмеялась сквозь слезы и прерывисто вздохнула. Все еще не глядя на него, она сказала:

— Меня удивляет, что вы так терпимо к этому отнеслись.

— Не вижу смысла оплакивать подгоревшую ветчину.

— Я плакала не из-за нее, — сказала она, чувствуя себя ужасно глупо. Перед ней возник белоснежный носовой платок, девушка с благодарностью взяла его и вытерла мокрое лицо.

— Тогда из-за чего вы плакали?

Элизабет подняла голову и, сжимая в руках платок, посмотрела на простирающиеся перед нею холмы, заросшие боярышником и колокольчиками.

— Я плакала из-за собственной несостоятельности и неспособности управлять своей жизнью, — призналась она.

Слово «несостоятельность» навело Яна на мысль, что для легкомысленной искательницы приключений у нее слишком изысканный лексикон. Она перевела на него взгляд, и он не смог оторваться от ее глаз цвета мокрой листвы. Слезы, сверкающие на длинных загнутых ресницах, волосы, завязанные в детский хвост и пышная грудь, не уместающаяся в тесном лифе платья, являли собой сочетание обольстительной невинности. Ян отвел глаза от ее груди и сказал:

— Я пойду нарублю дров, чтобы было чем растопить вечером камин. А потом отправлюсь на рыбалку — может быть, удастся поймать что-нибудь на ужин. Полагаю, вы сумеете занять себя в мое отсутствие.

Удивленная его неожиданно сухим тоном, Элизабет кивнула и встала на ноги, не замечая, что он даже не подал ей руки. Уже отойдя на некоторое расстояние, он вдруг обернулся и добавил:

— И не вздумайте заниматься уборкой. К вечеру вернется Джейк и приведет специально нанятых для этого людей.

После его ухода Элизабет вошла в дом и поискала, чем бы заняться, чтобы отвлечься от грустных мыслей и встряхнуться. Для начала она решила убрать остатки завтрака и помыть посуду. Оттирая сковороду, она услышала во дворе ритмичный стук топора. Откинув прядь волос со лба, Элизабет выглянула в окно и, покраснев, отпрянула назад. Ян Торнтон, обнаженный до пояса, рубил дрова. Элизабет ни разу в жизни не видела даже обнаженной мужской руки, не говоря уж о торсе, и теперь вид полуобнаженного мужчины одновременно привлекал и отталкивал ее. Она отвела замороженный взгляд от окна, борясь с искушением смотреть дальше. Ее удивило, что он так ловко обращается с топором. До сих пор ей казалось, что вся жизнь Яна Торнтонна состоит из игры и посещения светских приемов. Но как ни странно, он одинаково естественно смотрелся во фраке на балу у Черайз и здесь, с топором в руках, на фоне дикой природы Шотландии. Во всем его облике чувствовались природная жизненная сила и неуязвимость, которые как нельзя лучше соответствовали духу этой непокорной страны.

Элизабет вдруг вспомнилось, с какой непринужденной грацией он танцевал с ней. Очевидно, Ян обладал великолепной приспособляемостью к любой обстановке, в которую попадал. Ей не хотелось им восхищаться, но она чувствовала, что снова теряет способность судить о нем трезво. Впервые за прошедшую неделю Элизабет позволила себе восстановить в памяти то, что произошло между нею и Яном Торнтоном, — не сами события, а их причины. До сих пор единственное, что помогало ей выносить бесчестье, обрушившееся на ее голову, было категоричное

обвинение во всем случившемся Яна Торнтон, как это сделал Роберт.

Теперь, столкнувшись с ним один на один и став старше и мудрее, Элизабет уже не считала его вину бесспорной. Даже его неприязненное отношение к ней не могло служить достаточным основанием для того, чтобы полностью возложить на него вину.

Медленно перебивая посуду, она вспоминала, какой глупой и неосторожной была тогда, как в порыве своего увлечения забыла про все приличия.

Стараясь быть объективной, Элизабет заново пересмотрела свои действия. И его тоже. Первой ее ошибкой тогда было безумное желание защитить его... и побыть хоть немного под его защитой. Во-вторых, в то время как семнадцатилетней девушке полагалось страшиться даже мысли остаться наедине с мужчиной, она всего лишь боялась поддаться тем не объяснимым никакой логикой чувствам, которые Ян Торнтон пробуждал в ней своим голосом, взглядом, прикосновениями.

В то время как ей следовало бояться его, она, видите ли, боялась себя, боялась, что забудет ради него о Роберте и Хэвенхёрсте. «И я сделала бы это», — с горечью подумала Элизабет. Если бы она провела с ним еще один день, хотя бы несколько часов, то поступила бы всем, что ей дорого, и вышла бы за него замуж. Она и тогда это поняла, потому и послала за Робертом.

Нет, поправила себя Элизабет, ей никогда не грозила опасность стать женой Яна Торнтон. Хотя он и сказал ей тогда, что хочет на ней жениться, в действительности он не собирался этого делать, в чем и признался Роберту.

И как раз в тот момент, когда в ней снова начала закипать злость, Элизабет вдруг вспомнила нечто, что произвело на нее неожиданно успокаивающее действие: впервые за эти два года она вспомнила предупреждение Люсинды перед ее дебютом. Люсинда придавала особое значение умению девушки всегда и во всем дать понять мужчине, что ожидает от него поведения джентльмена. Очевидно, она полагала, что, хотя мужчины, с которыми будет встречаться Элизабет, условно считаются джентльменами, при случае они могут вести себя не по-джентельменски.

Допуская, что Люсинда была права, Элизабет начала задумываться, а не виновата ли она сама в том, что случилось в тот уик-энд. В конце концов с самой первой их встречи она никак не производила впечатление гордой недоступной леди, которая ожидает уважительного к себе отношения. Более того, она обратилась к нему с просьбой пригласить ее на танец. И, может быть, любой другой джентльмен при подобных обстоятельствах вел

бы себя точно так же, как Ян? Возможно, Ян посчитал, что она уже опытная женщина, и решил немного развлечься. Теперь, с высоты своего возраста, Элизабет увидела, что Ян Торнтон вел себя ничуть не хуже любого из светских волокит. Она видела, как замужние женщины флиртуют на балах и даже была невольной свидетельницей украдкой сорванных поцелуев, но самым большим наказанием, которое за это получал мужчина, был легкий шлепок веером и шутливое предупреждение, чтобы он не делал этого впредь. Элизабет улыбнулась. За свое вольное поведение Ян получил не легкое похлопывание веером по руке, а пулю из пистолета. Улыбка ее была вызвана не злорадным удовлетворением, а просто осознанием иронии самой ситуации. До нее вдруг дошло, что, если бы их не увидели тогда в оранжерее, этот уик-энд остался бы в ее памяти только как легкое увлечение. Яном Торнтоном. Воспоминание о нем немного помучило бы ее, но и только. Теперь Элизабет уже стало казаться, что все ее беды были следствием ее собственной наивности.

Как ни странно, но ей почему-то стало легче от этих мыслей, она словно сбросила с себя тяжкий груз, который носила два года, и теперь ощущала необычайную легкость, почти невесомость.

Элизабет снова взялась за полотенце, но остановилась, подумав, не ищет ли она оправданий для него. «Но с чего бы мне делать это?» — спросила она себя, медленно вытирая глиняные тарелки. Ответ заключался в том, что, избавившись от враждебности к Яну Торнтону, она, возможно, легче справится со своими собственными проблемами. Объяснение казалось настолько разумным и вероятным, что Элизабет посчитала его правильным.

Расставив посуду по местам, она выплеснула воду из кастрюли на улицу и стала бродить около дома, размышляя, чем бы себя занять. Потом поднялась в свою комнату, достала письменные принадлежности и спустилась с ними вниз. Устроившись за кухонным столом, она начала письмо Александре, но через несколько минут оставила его, чувствуя, что больше не может оставаться в доме. На улице было так чудесно, Ян, должно быть, ушел на рыбалку — стук топора уже давно прекратился. Отложив перо, Элизабет вышла из дома, наведальась в сарай посмотреть больную лошадь и наконец решила прополоть небольшой садик позади дома. Садик был в запущенном состоянии, сорняки совсем задушили немногочисленные цветы. Она вернулась в коттедж, разыскала пару мужских перчаток и полотенце, чтобы подложить его под колени.

Решительно и безжалостно Элизабет вырывала сорняки, не пускаявшие к свету храбрые маленькие анютины глазки. К тому времени, как солнце

начало клониться к закату, она уже выполола большую часть сорняков и, накопав на холме колокольчиков, пересадила их в сад, расположив ровными красивыми рядами.

Время от времени Элизабет останавливалась передохнуть и смотрела вниз, в долину, где сквозь деревья была видна тонкая голубая лента воды. Иногда она видела там небольшое движение — это Ян забрасывал удочку. Все остальное время он просто стоял, слегка расставив ноги, и смотрел на высившиеся на севере скалы.

Элизабет не знала, сколько прошло времени. Она сидела на корточках и любовалась колокольчиками, которые пересадила. Рядом с ней лежала кучка компоста, который она сделала, перемешав прошлогодние листья с остатками кофейных зерен.

— Ну вот, — сказала она цветам, подбадривая их, — теперь у вас есть и воздух, и еда. Не пройдет и дня, как вы у меня будете совсем хорошенькие и счастливые.

— Вы разговариваете с цветами? — спросил у нее за спиной Ян. Элизабет обернулась и смущенно засмеялась.

— Они любят, когда с ними разговаривают. — Зная, что это звучит несколько необычно, она добавила: — Видите ли, наш садовник говорил, что каждому живому существу необходима любовь, и цветы не исключение. — Она опять повернулась к клумбе и разбросала вокруг цветов компост. Затем встала и отряхнула руки. Утренние размышления настолько ослабили ее враждебность к Торнтону, что теперь она могла смотреть на него совершенно спокойно. Однако Элизабет понимала, что ему может показаться странным, что его гостя занимается черной работой и копается в земле. — Надеюсь, вы не против, — сказала она, кивая на клумбу. — Эти сорняки так задушили цветы, что им совсем нечем было дышать. Они просто кричали, чтобы им дали немного пространства и света.

На лице Яна появилось непередаваемое выражение.

— Вы это слышали?

— Нет, конечно, — засмеялась Элизабет. — Я взяла на себя смелость приготовить им кое-какую еду — она называется компостом. В этом году он им не очень поможет, но на следующий год они будут чувствовать себя намного лучше...

Девушка умолкла, заметив вдруг, с каким сочувствием он стал смотреть на цветы, после того, как она произнесла слово «еда». — Можете не смотреть на них так, словно они сейчас поникнут прямо у вас на глазах, — успокоила она его. — В отличие от нас им эта еда не повредит. Должна

признаться, что садовник из меня куда лучший, чем повар.

Ян отвел глаза от клумбы и посмотрел на нее с каким-то странным задумчивым выражением.

— Пожалуй, я пойду в дом и приведу себя в порядок, — сказала Элизабет и быстро направилась к коттеджу. Если бы она оглянулась, то увидела бы, что Ян Торнтон повернулся на сто восемьдесят градусов и смотрит ей вслед.

Элизабет налила в кувшин воды, которая подогревалась на плите, и поднялась к себе. Ей пришлось спускаться за водой четыре раза, чтобы как следует промыть волосы. После вчерашнего путешествия и сегодняшней работы в саду ей казалось, что она не мылась уже целую вечность.

Вымыв голову, Элизабет надела простое персиковое платье с короткими пышными рукавами и узким пояском под грудью. Сев на кровать, она стала расчесывать мокрые волосы, чтобы они поскорее высохли, сожалея, что все ее наряды так не вяжутся с этим простым шотландским домом. Когда волосы высохли, она встала перед зеркалом и зачесала их кверху, собрав в небрежный узел, который рассыпался бы при малейшем дуновении ветерка. Пожав плечами, Элизабет опять распустила волосы, решив ничего с ними не делать. Весь день у нее было какое-то приподнятое настроение, и она чувствовала, что таким оно теперь будет все время.

Ян с пледом в руках выходил из дверей дома, когда Элизабет сошла вниз.

— Поскольку они еще не вернулись, — сказал он, — я подумал, что надо приготовить что-нибудь поесть. У нас еще остались сыр и хлеб.

Элизабет заметила, что он переоделся в чистую белую рубашку и светло — бежевые брюки, а выходя за ним на улицу, увидела, что его темные волосы еще не высохли после купания.

Ян расстелил плед на траве, и она присела на край, оглядываясь по сторонам.

— Как вы думаете, сколько сейчас времени? — спросила Элизабет, когда он сел рядом с ней.

— Где-нибудь около четырех.

— А разве им еще не пора вернуться?

— Возможно, оказалось не так просто найти женщин, которые захотели бы бросить свои собственные дома и заняться нашим.

Элизабет кивнула и отдалась созерцанию великолепного вида, открывавшегося перед ними. Коттедж располагался на ровном плато, и в

том месте, где кончался задний двор, плато резко сбегало вниз, к долине, где между деревьями бежал быстрый ручей. С трех сторон долина была окружена скалами, уступами поднимавшимися вверх. Скалы были, как ковром, устланы мелкими дикими цветами. Элизабет долго сидела молча, очарованная этой дикой первозданной красотой, чувствуя, как в душе ее воцаряются покой и умиротворение. Вдруг ей пришла в голову мысль, которая заставила ее озабоченно посмотреть на Яна.

— Вы что-нибудь поймали?

— Несколько рыбешек. Я их уже почистил.

— Да, но вы сможете их приготовить? — с надеждой поинтересовалась она.

Он не удержался от улыбки.

— Да.

— Господи, как вы меня обрадовали,

Вытянув одну ногу, Ян облокотился о колено и с неподдельным любопытством взглянул на нее.

— Скажите, а с каких это пор наряду с прочими светскими премудростями дебютанток начали обучать садоводству?

— Я уже давно не дебютантка, — ответила Элизабет. Видя, что он ждет более пространного объяснения, тихо добавила: — Я слышала, что мой дедушка с материнской стороны был страстным садоводом, и, наверное, от него я унаследовала такую любовь к цветам и растениям. Наши сады в Хэвенхёрсте — дело его рук. А я их еще больше расширила и добавила некоторые новые сорта астений.

При упоминании о Хэвенхерсте лицо ее смягчилось, а зеленые глаза засияли каким-то чудесным волшебным светом. Яну захотелось услышать побольше о предмете, который, очевидно, имел для нее такое большое значение.

— А что из себя представляет этот Хэвенхёрст?

— Это мой дом, — сказала она с тихой улыбкой. — Он принадлежит нашей семье уже семь столетий. Сначала это был замок, построенный неким графом. Замок был так прекрасен, что многим хотелось отнять его и четырнадцать раз его осаждали и пытались взять штурмом, но попытки эти ни разу не увенчались успехом. Однако несколько веков спустя замок был разрушен до основания его новым владельцем, который хотел построить особняк в греческом стиле. Затем последующие шесть графов производили в нем улучшения на свой вкус, расширяли и модернизировали его. Иногда мне становится даже страшно, когда я думаю, что на мне лежит ответственность за его сохранность, — призналась Элизабет.

— Мне кажется, ответственность за это лежит на вашем дяде или брате, но только не на вас.

— Нет, Хэвенхёрст — мой.

— Как он может быть вашим? — спросил Торнтон, заинтригованный тем, что она говорит об этом месте как о чем-то самом дорогом в своей жизни.

— По документам Хэвенхёрст должен переходить к старшему сыну. Если нет сына, он переходит к дочери, а от нее — к ее детям.

Мой дядя не может унаследовать его, так как он младший сын. Наверное, поэтому он никогда не заботился о Хэвенхёрсте и так скупо выдает средства на его содержание.

— Но у вас есть брат.

— Роберт приходится мне сводным братом по матери, — сказала Элизабет, настолько убаюканная притихшей природой, что заговорила с ним совсем свободно. — Моя мать овдовела, когда ей был всего двадцать один год. Роберт был еще совсем маленьким. Вскоре она вышла за моего отца. Он усыновил Роберта, но прав на наследство он, конечно, не получил. По правилам наследования наследник может продать собственность целиком, но не может передать никому из родственников право владения ею. Это было сделано для того, чтобы предотвратить вражду между членами семьи и ее ветвями, а также уберечь наследника от обманщиков и охотников за чужой собственностью. Нечто подобное случилось с моей прапрабабушкой в пятнадцатом веке, и тогда по ее настоянию был добавлен этот пункт. Ее дочь влюбилась в юношу из Уэльса, который оказался изрядным негодяем, — с улыбкой продолжила Элизабет. — Ему был нужен Хэвенхёрст, а не девушка, и, чтобы он не смог заполучить его, родители добавили в завещание последнее уточнение.

— Какое же? — спросил Ян, которому ее рассказ показался весьма занимательным.

— Оно гласит, что, если наследницей является женщина, — она не может выйти замуж без согласия своего опекуна. Теоретически это было сделано, чтобы оградить женщин семьи от посягательств явных негодяев. Видите ли, не всякая женщина умеет удержать свою собственность при себе.

Но Ян видел только, что прекрасная девушка, которая когда-то с такой нежной страстью отвечала на его поцелуи, теперь не менее страстно говорит о своей привязанности не к мужчине, а к какой-то груде камней. Два года назад, узнав, что она графиня, он пришел в ярость. А то, что она была еще и помолвлена, окончательно оттолкнуло его от нее. Ян решил, что

Элизабет — презренная маленькая кокетка, которая, не успев обручиться с каким-то щеголем, в жилах которого течет не кровь, а бледная водица, сразу начала оглядываться по сторонам в поисках кого-нибудь погорячее, чтобы согреть свою постель. Но сейчас ему стало не по себе от того, что она так и не вышла за своего щеголя. Он уже собрался спросить, почему она этого не сделала, но Элизабет заговорила первой.

— Шотландия оказалась совсем не такой, какой я ее себе представляла.

— И какой же она оказалась?

— Более дикой, примитивной. Я знала, что у некоторых джентльменов есть здесь охотничьи домики, но я думала, что в них существуют какие-то удобства, прислуга. А каким был ваш дом?

— Диким и примитивным, — ответил Ян. Элизабет подняла на него удивленный взгляд, но он не ответил на него, а стал собирать остатки еды с одеяла. Потом легко вскочил на ноги и добавил с иронией: — Собственно, в нем вы сейчас и находитесь.

— Где? — она машинально поднялась вслед за ним.

— В моем доме.

Они молча смотрели друг на друга, и Элизабет почувствовала, как жаркий румянец начинает заливать ее щеки. Она смотрела, как ветер перебирает его темные волосы, на его суровое красивое лицо, отмеченное печатью гордости и чувства собственного достоинства, ощущала грубую природную силу, исходящую от его стройного гибкого тела, и думала, что он и сам так же опасен и суров, как мрачные скалы его родины. Она открыла рот, собираясь извиниться, но вместо этого вдруг высказала вслух свои мысли:

— Вы подходите друг другу, — тихо сказала она. Элизабет застыла, глядя в его бесстрастное лицо. Ее золотые волосы тоже трепал ветер, и на фоне его высокой крепкой фигуры она казалась совсем маленькой и хрупкой. Свет и тьма, хрупкость и сила, упрямая гордость и железная решимость — как отличались они друг от друга! Когда-то эти различия свели их вместе, теперь они их разъединяли. Они стали старше, мудрее и были твердо уверены в том, что достаточно сильны, чтобы противостоять этому притяжению, которое постоянно возникало между ними и которое с новой силой потянуло их друг к другу сейчас, на этом заросшем травой утесе.

— Зато он не подходит вам, — так же тихо ответил он.

Его слова разорвали невидимые нити, протянувшиеся между ними.

— Да, — не обидевшись, ответила Элизабет, сознавая, каким

тепличным цветком она должна ему казаться со своими непрактичными платьями и тряпичными туфельками.

Элизабет наклонилась и стала сворачивать плед. Ян пошел в дом и начал готовить ружья к завтрашней охоте. Она посмотрела, как он снимает ружья, развешанные над камином, потом на свое незаконченное письмо Александре. Ей все равно не удастся отправить его раньше, чем она вернется домой, так что нет особых причин торопиться: Но, подумав, что заняться ей больше нечем, она села к столу и снова взялась за письмо.

Она дописала письмо до середины, когда на улице раздался выстрел, и девушка испуганно вскочила из-за стола. Не представляя, во что он мог стрелять совсем рядом с домом, Элизабет подошла к двери, выглянула на улицу и увидела Яна, перезаряжающего пистолет. Он поднял его, куда-то прицелился и выстрелил. Затем снова зарядил и опять выстрелил. Наконец любопытство выманило ее на улицу, и она сделала несколько шагов по направлению к Торнтону, чтобы посмотреть, что же он там такое подстрелил.

Боковым зрением Ян уловил светлое пятно ее платья и обернулся.

— Попали? — спросила она, слегка смущенная тем, что он поймал ее за подсматриванием.

— Да.

Поскольку Яну было известно, что Элизабет выросла в деревне и, судя по всему, умеет стрелять, правила вежливости требовали от него устроить ей небольшое развлечение.

— Не хотите попробовать сами?

— Это зависит от размера мишени, — ответила она, но сама уже чуть ли не бегом припустилась к нему, довольная, что может заняться чем-нибудь еще, кроме писания писем. Элизабет всегда считала, хотя и не хотела признаться в этом даже самой себе, что, когда у Яна хорошее настроение, находиться в компании с ним необыкновенно приятно.

— Кто научил вас стрелять? — спросил он, когда она встала рядом с ним.

— Наш кучер.

— Ну уж лучше кучер, чем ваш братец, — усмехнулся Ян, передавая ей заряженный пистолет. — Цель — вон та ветка почти без листьев.

Элизабет немного покорило его саркастическое замечание о дуэли с Робертом.

— Мне очень жаль, что все так вышло, — сказала она и на секунду переключила внимание на маленькую ветку.

Прислонившись плечом к дереву, Ян с интересом наблюдал, как она

обеими руками подняла тяжелый пистолет и, кусая губы, прицелилась.

— Ваш брат оказался очень плохим стрелком, — заметил он.

Элизабет выстрелила и попала в черенок листка.

— А я — нет, — с довольной улыбкой сказала она и, поскольку дуэль была уже делом прошлым, лукаво добавила: — И должна вам сказать, что если бы на его месте была я...

Он удивленно приподнял брови.

— Надеюсь, вы дождались бы сигнала стрелять?

— — Ну разумеется, — ответила Элизабет, но улыбка уже слетела с ее губ.

Глядя на Элизабет, Ян почему-то поверил, что она дождалась бы сигнала. Несмотря на все, что он знал о леди Кэмерон, находясь рядом с ней, он видел только пылкую, мужественную девушку. Она отдала ему пистолет, и он передал ей другой, уже заряженный.

— Ну что ж, выстрел был не так уж плох, — сказал Торнтон, оставив без продолжения разговор о дуэли. — Однако целью является ветка, а не листья. Кончик ветки, — уточнил он.

— По ветке вы, должно быть, и сами промазали, — сказала она, поднимая пистолет и тщательно прицеливаясь, — раз она до сих пор на месте.

— Верно, но, когда я начинал стрелять, она была длиннее. Элизабет мгновенно забыла о цели и, не веря своим ушам, уставилась на него.

— Вы хотите сказать, что отстреливали ее по кусочку?

— Совершенно верно.

Она снова прицелилась и отстрелила еще один лист.

— Неплохо, — похвалил он.

Она была прекрасным стрелком, и, когда он вручал ей заряженный пистолет, его улыбка говорила о том, что он признает это.

Элизабет покачала головой.

— Нет, я бы хотела посмотреть, как это делаете вы.

— Вы мне не верите?

— Ну, скажем, я просто немного скептически настроена.

Взяв пистолет, Ян быстро поднял его и, не прицеливаясь, выстрелил. Двухдюймовый кусочек ветки отвалился и упал на землю. На Элизабет это произвело такое сильное впечатление, что она засмеялась и захлопала в ладоши.

— А знаете, — воскликнула она с восхищенной улыбкой, — до этого момента я не верила, что вы в самом деле целились в шнурок на ботинке Роберта!

Ян улыбнулся и передал ей пистолет.

— Вообще-то меня страшно подмывало выбрать целью более уязвимое место.

— Я не верю, что вы говорите это серьезно, — сказала она, принимая пистолет и поворачиваясь к ветке.

— Отчего вы так в этом уверены?

— Вы сами говорили, что не считаете возможным убивать людей только за то, что они в чем-то не согласны с вами. — Она подняла пистолет, прицелилась, выстрелила и вообще не попала в цель. — У меня очень хорошая память.

Ян подобрал второй пистолет.

— Мне странно это слышать, — медленно проговорил он, поворачиваясь к цели, — особенно после того, как вы забыли о собственной помолвке. Кстати, а кто был тот пижон, с которым вы были обручены? — безразличным тоном спросил он. Потом прицелился, выстрелил и попал точно в цель.

Элизабет в это время перезаряжала пистолет и потому немного задержалась с ответом. Его вопрос, заданный невзначай, только подтвердил ее мысль, что флирт не воспринимается в свете серьезно, и люди, которые ранее состояли в связи, потом могут спокойно вспоминать о ней и даже поддразнивать друг друга. Пока Ян заряжал остальные пистолеты, Элизабет стояла и думала, насколько же приятнее говорить об этом в легком шутливом тоне, чем лежать по ночам без сна, изнывая от тоски и горечи. Какой же она была глупой. И как же глупо она будет выглядеть сейчас, если не сможет говорить об этом легко и спокойно. Есть даже что-то забавное в том, чтобы говорить на эту тему, перемежая вопросы и ответы грохотом выстрелов.

— Виконт Мондвэйл был кем угодно, только не пижоном, — наконец ответила она, улыбаясь.

Он был явно удивлен, однако голосом этого не выдал.

— Это был Мондвэйл?

— М-м-м. — Элизабет отстрелила кончик ветки и засмеялась от удовольствия. — Я попала! Три — один, в вашу пользу.

— Шесть — один, — поправил он.

— Все равно — я попала, так что берегитесь!

Он передал ей пистолет, и она опять прицелилась.

— Почему вы так и не вышли за него?

Элизабет на мгновение напряженно застыла, потом постаралась расслабиться и ответить в том же легком тоне:

— Виконту Мондвэйлу показалось немного странным, что его невеста проводит свободное время, уединяясь с Яном Торнтоном в коттеджах и оранжереях.

— И сколько претендентов в этом сезоне? — поинтересовался он, протирая пистолет.

Она знала, что он имеет в виду претендентов на ее руку, и гордость не позволила ей ответить, что в этом сезоне у нее нет ни одного претендента, так же, как и в прошлом, и в позапрошлом.

— Ну... — протянула она, стараясь не выдать выражением лица своего отношения к пожилому любителю херувимов. Полагая, что Ян вряд ли бывает в высших кругах, она решила, что он не должен его знать.

— Ну, например, сэр Фрэнсис Белховен.

На этот раз он задержался с выстрелом и долго прицеливался. — Белховен — старик. — Ян выстрелил, и ветка стала короче еще на один дюйм.

Когда Торнтон взглянул на нее, Элизабет показалось, что взгляд его стал более прохладным, словно его мнение о ней изменилось к худшему. Она сказала себе, что это ей только показалось, и решила не отходить от установившегося между ними шуточного тона. Подошла ее очередь стрелять, и она подняла пистолет.

— Кто еще?

Радуюсь, что он не сможет придраться к возрасту ее спортсмена-отшельника, Элизабет несколько вызывающе и свысока улыбнулась ему.

— Лорд Джон Марчмэн, — сказала она и выстрелила.

Смех Яна потонул в грохоте выстрела.

— Марчмэн! — воскликнул он, когда она сердито взглянула на него и ткнула ему в грудь пистолет. — Вы, должно быть, шутите!

— Вы испортили мне выстрел, — строго сказала она.

— Попробуйте еще раз, — сказал он, глядя на нее насмешливо, недоверчиво и удивленно.

— Нет, я не могу стрелять, когда вы смеетесь. Я буду вам очень признательна, если вы прекратите этот дурацкий смех. Лорд Марчмэн очень хороший человек.

— Я это знаю и сам, — сказал Ян, помрачнев. — И вам чертовски повезло, что вы так любите стрельбу, поскольку он спит с ружьем и удочкой под подушкой. Выйдя за него, вы проведете всю оставшуюся жизнь, таскаясь по лесам и рекам.

— А я люблю рыбалку, — заявила Элизабет, с трудом владея собой. — Что касается сэра Френсиса, то, возможно, он и старше меня, но зато

старые мужья бывают более добры и терпимы к своим женам, чем молодые.

— О-о, полагаю, вашему мужу нужно быть либо очень терпимым, либо чертовски хорошим стрелком, — грубовато бросил Ян, снова переключая внимание на цель.

Элизабет рассердила его внезапная атака на нее именно тогда, когда она решила не принимать всерьез того, что было между ними в прошлом.

— Ну, знаете, я бы не назвала вас очень последовательным! Ян нахмурился, чувствуя, что их краткое перемирие подходит к концу.

— Как, черт возьми, это понимать?

Элизабет сдержалась и посмотрела на него так, как и полагалось смотреть настоящей аристократке, — пренебрежительно и надменно.

— Это надо понимать так, — спокойно и холодно пояснила она, — что у вас нет морального права вести себя таким образом, словно я причинила вам какое-то зло, раз уж вы называете случившееся между нами случайным развлечением. Это ваши собственные слова, и не пытайтесь отрицать этого!

Торнтон перезарядил пистолет и только после этого заговорил. В отличие от потемневшего лица голос его звучал совершенно бесстрастно.

— Очевидно, память мне изменяет. Кому я это говорил?

— Во-первых, моему брату, — отчеканила Элизабет, возмущенная его притворством.

— Ах, да, досточтимому Роберту, — с ударением на слове «досточтимый» ответил он. Он снова выстрелил, но пуля пролетела далеко от цели.

— Вы не попали даже в дерево, — удивленно констатировала Элизабет. — Мне казалось, вы собирались почистить оружие, — добавила она, видя, что Ян методично убирает пистолеты в кожаные чехлы.

Когда он поднял голову и посмотрел на нее, ей показалось, что он уже забыл о ее присутствии.

— Я решил сделать это завтра.

Ян вернулся в дом, машинально развесил пистолеты над камином, потом в задумчивости подошел к столу, открыл бутылку мадеры и налил немного в стакан. Он говорил себе, что ему безразлично, какое чувство она испытала, услышав от брата эту ложь. Во-первых, тогда она уже была помолвлена, а во-вторых, как она сама призналась, для нее их отношения были просто легким флиртом. Возможно, ее гордости был нанесен удар (кстати, вполне заслуженный), но и только. К тому же, подумал Ян, я уже почти обручен с красивой женщиной, которая слишком хороша, чтобы он продолжал думать об Элизабет Камерон.

«Виконту Мондвэйлу показалось немного странным, что его невеста проводит свободное время, уединяясь с Яном Торнтоном в коттеджах и оранжереях», — вспомнил он слова Элизабет.

Ян почувствовал смутное чувство вины из-за того, что ее бросил жених. Он бессознательно налил себе еще мадеры, подумав, что надо бы предложить и Элизабет. Рядом с бутылкой лежало начатое письмо. «Моя дорогая Алекс...», — начиналось оно. Но Торнтон поразил не сам текст письма, а почерк, которым оно было написано. Четкий, ясный и красивый. Такой почерк бывает у церковнослужителей. Это были не те корявые детские каракули, которые ему долго пришлось расшифровывать, пока он наконец понял, что она будет ждать его в оранжерее. Качая головой, он снова взял письмо, и почувствовал угрызения совести. Ян вспомнил, как наступал на нее в той проклятой оранжерее, и чувство горького раскаяния буквально оглушило его.

Он залпом осушил бокал, словно вино могло смыть его недовольство собой, и медленно вышел из дома. Элизабет стояла на краю плато, в нескольких ярдах от того места, где они стреляли. По деревьям пробежал ветерок и взметнул ее волосы, окружив лицо сияющим ореолом. Ян остановился в нескольких шагах от девушки, не отрывая от нее глаз, но перед мысленным взором его проплывали видения той, какой он знал ее когда-то: вот она, точно прекрасная юная богиня, спускается по лестнице — такая далекая и недоступная в своем царственно простом синем платье, вот, словно разгневанный ангел, встает на его защиту в карточной комнате, а вот обольстительная искустельница стоит у камина и приподнимает мокрые волосы, чтобы они поскорее просохла, и под конец — испуганная девушка, которая сует ему в руки цветочный горшок, удерживая от поцелуя.

Он глубоко вздохнул и засунул руки в карманы, с трудом сдерживаясь, чтобы не подойти и не обнять ее.

— Здесь великолепный вид, — сказала она, поворачиваясь к нему.

Ян сделал еще один долгий вдох и отрывисто спросил:

— Я бы хотел, чтобы вы еще раз рассказали мне, что случилось той ночью. Как вы оказались в оранжерее? Элизабет подавила раздраженный вздох.

— Вы знаете, как я там оказалась. Вы послали мне записку. Я подумала, что она от Валери — сестры Черайз — и пошла в оранжерею.

— Элизабет, я не посылал вам записки, я сам получил ее. Элизабет пожала плечами и прислонилась к дереву.

— Я не понимаю, к чему нам обсуждать все это снова. Вы не верите мне, а я не верю вам.

Она ожидала услышать в ответ какой-нибудь оскорбительный выпад, но вместо этого Ян сказал:

— Я верю вам. Я видел на столе в коттедже ваше письмо. У вас замечательно красивый почерк.

От его серьезного тона и неожиданного комплимента Элизабет растерялась.

— Спасибо, — зачем-то сказала она.

— Каким почерком была написана полученная вами записка?

— — Ужасным. Кстати, вы сделали ошибку в слове «оранжерея». Его губы дрогнули в невеселой улыбке.

— Уверяю вас, я знаю, как пишется это слово. И, может быть, у меня не такой красивый почерк, как у вас, но каракулями его тоже не назовешь. Если вы мне не верите, я буду счастлив доказать вам это, как только мы вернемся в дом.

Элизабет видела, что он не лжет, и ею постепенно начало овладевать предчувствие какого-то ужасного предательства. Его последние слова окончательно укрепили ее подозрения.

— Мы оба получили записки, которых никто из нас не писал. Значит, кому-то было нужно, чтобы мы встретились там и чтобы все об этом узнали.

— Нет, люди не могут быть так жестоки! — воскликнула Элизабет, качая головой. Ее сердце отказывалось верить тому, что разуму казалось очевидным.

— Как видите, могут.

— Нет, не говорите так, — закричала она, не в силах вынести еще одно предательство. — Я все равно не поверю! Это, должно быть, какая-то ошибка, — упорно твердила Элизабет, но сцены из прошлого представляли перед ее мысленным взором: Валери настаивает, чтобы именно Элизабет уговорила Яна Торнтон пригласить ее на танец.... Валери спрашивает, где Элизабет укрылась от дождя... лакей передает ей записку и говорит, что она от Валери. Валери, которая была ее подругой. Валери с хорошеньким личиком и глазами, которые преследовали ее повсюду...

Боль осознания этого предательства была такой сильной, что Элизабет обхватила себя руками и закачалась, чувствуя, что разрывается на части.

— Это была Валери, — еле выговорила она. — Я спросила тогда у лакея, кто дал ему эту записку, и он сказал, что Валери. Столь низкое злодеяние не укладывалось у нее в голове.

— Позже я решила, что вы доверились ей и попросили передать мне эту записку.

— Я бы никогда не сделал ничего подобного, — резко ответил

Торнтон. — Я знал, что вы придете в ужас, если о наших отношениях кто —нибудь узнает.

Даже Ян не смог отнестись к поступку Валери со своей обычной невозмутимостью. Элизабет закрыла глаза и вспомнила Валери, катающуюся в парке с виконтом Мондвэйлом. Ее жизнь была разбита — и все из-за того, что та, которую она считала своей подругой, возжелала ее жениха. Слезы защипали ей глаза.

— Это была интрига. Она разрушила мою жизнь, — надломленным голосом сказала Элизабет.

— Но почему? — спросил Ян. — Почему она так поступила с вами?

— Я думаю, она хотела заполучить Мондвэйла и... — Элизабет почувствовала, что расплачется, если скажет еще хоть слово, и, покачав головой, сделала попытку уйти, чтобы выплакаться где-нибудь в одиночестве.

Чувствуя, что не может дать Элизабет уйти, даже не попытавшись утешить, Ян схватил ее за плечи и притянул к своей груди, не обращая внимания на слабое сопротивление.

— Не надо, пожалуйста, — прошептал он ей в волосы. — Не уходите. Она не стоит ваших слез.

Оказавшись в его объятиях, Элизабет испытала потрясение не меньшее, чем от своего несчастья, и все это вместе парализовало ее волю. Опустив голову, она стояла, не шевелясь, из ее глаз текли слезы, тело вздрагивало от сдерживаемых рыданий.

Ян еще крепче обхватил ее руками, как будто тем самым мог взять на себя ее боль. Но когда и это не оказало успокоительного Действия, он в совершенном отчаянии попытался ее рассмешить.

— Если бы она знала, какой вы хороший стрелок, она ни за что не осмелилась бы на это, — прошептал он и поднес руку к ее щеке, стирая слезы. — И потом, вы всегда можете вызвать ее на дуэль. — Узенькие плечи Элизабет вздрагивали уже не так сильно, и Ян попытался закрепить успех. — А еще лучше, если вместо вас стреляться с ней будет Роберт. Он, может быть, и не так хорошо стреляет, зато гораздо быстрее...

У нее вырвался смех сквозь слезы, и Ян продолжил:

— Но с другой стороны, если вы будете стрелять сами, вам будет нелегко сделать выбор...

Он замолчал, и Элизабет прерывисто вздохнула.

— Какой выбор? — прошептала она ему в грудь.

— Куда стрелять, — засмеялся он, поглаживая ее по спине. — Роберт

носил ботинки со шнурками, поэтому я выбрал своей целью шнурок. Ну, а вы, полагаю, могли бы отстрелить бант с ее платья.

Элизабет наконец подняла голову и рассмеялась.

Не осознавая, что делает, Ян осторожно провел пальцем по ее нижней губе, но вдруг спохватившись, убрал руку.

Элизабет заметила, как неожиданно посуровело его лицо. Она сделала глубокий прерывистый вздох, чувствуя, что еще немного и он поцеловал бы ее, но в последний момент почему-то передумал. После всего, что она выяснила за последние несколько минут, Элизабет уже не знала, кто ей друг, а кто враг, она понимала только, что чувствует себя в безопасности рядом с Яном Торнтоном, но его лицо вдруг снова стало отчужденным, и он попытался разомкнуть руки. Не зная, что сказать и не уверенная в том, чего же она действительно хочет, Элизабет заглянула ему в глаза и дрожащим голосом прошептала одно-единственное слово, выразив в нем все свое смятение и мольбу понять ее...

— Пожалуйста...

Ян вопросительно приподнял брови.

— Я... — начала она, смутившись под его понимающим взглядом.

— Да?

— Я не знаю, как это сказать... — призналась Элизабет. Она была уверена только в одном: ей хочется еще хоть несколько минут побыть в его объятиях.

— Элизабет, если вы хотите, чтобы я вас поцеловал, вам достаточно прижаться своими губами к моим.

— Что?!

— Вы слышали меня.

— Вы самый...

Он с ласковым упреком покачал головой.

— Только избавьте меня от этих девических протестов. Если вам, как и мне, захотелось вдруг проверить, действительно ли тогда нам было так хорошо вместе, как кажется в ретроспективе, скажите об этом прямо. — Ян сам поразился своему нахальству, но, поскольку предложение было уже сделано, он не видел особого вреда в том, чтобы обменяться несколькими поцелуями, если ей так этого хочется.

Упоминание о том, что «им тогда было хорошо вместе», приглушило ее гнев, усилив беспомощность. Элизабет смотрела на него как зачарованная, чувствуя, как его руки обхватили ее немного крепче. Ее взгляд бессознательно переместился на его красиво очерченные губы, которые слегка раздвинулись в легкой вызывающей улыбке. Она

чувствовала, что он дюйм за дюймом притягивает ее все ближе и ближе.

— Вы боитесь? — спросил Ян хрипловатым голосом, который околдовал ее когда — то и который точно так же действовал на нее сейчас. Его руки легли на изгиб ее талии. — Ну, решайтесь, — прошептал он, и, охваченная тоской и желанием, Элизабет не выразила протеста, когда он склонил к ней голову. Она вздрогнула от прикосновения его мягких теплых губ. Оцепенев, она ждала той опустошающей страсти, с которой он целовал ее когда-то, не понимая, что его страсть была в значительной мере вызвана ее ответной реакцией. Замерев от напряжения, она ждала, когда на нее снова нахлынет оглушающая волна наслаждения... ей так хотелось вновь испытать это чувство... хотя бы один раз... хотя бы на мгновение, как вдруг поняла, что он целует ее, едва дотрагиваясь своими губами ее губ, слегка поглаживая их... он дразнил ее!

Элизабет оттолкнула его, и он разочарованно посмотрел ей в лицо.

— Да, это не совсем то, что я помнил, — насмешливо протянул он.

— И я тоже, — ответила она, не понимая, что он имеет в виду недостаток участия с ее стороны.

— Может, попробуем еще раз? — предложил Ян, еще не утратив желания насладиться несколькими минутами разделенной страсти, тем более что чувствовал себя в состоянии контролировать ситуацию.

Спокойный интерес, прозвучавший в его голосе, вызвал у нее опасение, что для него это только игра, своего рода соревнование.

— Это что — соревнование? — спросила она, шокированная его цинизмом.

— А вам хочется, чтобы это было соревнование? Элизабет отрицательно покачала головой. Ее воспоминания о бурной страсти и нежности были такой же иллюзией, как и все остальное. Чувствуя пустоту в душе, она взглянула на него и с грустью сказала:

— Не думаю.

— Отчего так?

— Вы играете в какую-то игру, правил которой я не знаю, — устало ответила она.

— Правила остались те же. Это та же самая игра, в которую мы уже играли, я целую вас, а вы, — он сделал многозначительную паузу, — целуете меня.

Откровенное напоминание о том, что в прошлый раз она сама целовала его, страшно смутило Элизабет и одновременно вызвало желание дать ему пощечину, но он одной рукой придержал ее руки, а другой начал нежно поглаживать шею.

— Покажите мне, как вы запомнили это, — дразнил он, приблизив к ней свои губы. Наконец, не выдержав, Ян сам припал к ее губам и, несмотря на насмешливый тон, поцелуй его был нежным и требовательным. Элизабет качнулась к нему и наконец ответила на поцелуй, ее рука скользнула вверх и замерла у него на груди, она почувствовала, как его руки сжали ее талию, потом он раздвинул ей губы, ее сердце забилося сильными гулкими толчками, и она радостно приняла это вторжение.

Кровь зашумела у Яна в голове, он говорил себе, что должен немедленно отпустить ее, и даже попытался сделать это, но Элизабет бессознательно притянула к себе его голову, пытаясь хотя бы еще немного продлить те невыразимо прекрасные ощущения, которые будил в ней его поцелуй. Наконец Ян заставил себя оторваться от этих колдовских губ и резко поднял голову.

— Ч-ч-черт! — прошептал он, но руки помимо его воли еще крепче обвились вокруг ее тела.

Сердце Элизабет билось как маленькая пойманная птичка, она посмотрела в его глаза, полыхавшие тайным огнем, и он притянул к себе ее голову, их губы слились в поцелуе. С яростной настойчивостью он раздвинул ей губы, и Элизабет вдруг прильнула к нему, переполненная какими-то незнакомыми чувственными желаниями, обняв его руками за шею, она откровенно ответила на его поцелуй. Она не стала протестовать, когда его язык начал ласкать ее рот. Ее податливость вызвала у Яна новый взрыв неудержимого желания, он изо всех сил притянул ее к себе, чего-то дико и настойчиво требуя.

Она сделала незаметное движение, приспособляясь к нему и неосознанно распаляя его желание.

Его руки машинально скользнули к ее груди, но вдруг осознав, что он делает, Ян отдернул руки и, оторвавшись от ее рта, поднял голову и посмотрел пустым взглядом куда-то над ее головой, не зная, целовать ли ее дальше или попытаться обратить все в шутку. Еще ни одна женщина не возбуждала в нем такого желания всего после нескольких поцелуев.

— Это было так, как я помнила, — прошептала Элизабет, потрясенная силой охватившего ее чувства.

Это было даже лучше, чем помнил он. На этот раз страсть была сильнее, неистовей... И она не поняла этого только благодаря тому, что он сумел устоять перед искушением и не поцеловал ее еще раз. Он только что отверг эту мысль как безумную, и вдруг они услышали позади себя мужской голос:

— Боже правый! Что здесь происходит?

Элизабет рванулась в безумной панике и увидела бегущего к ним седого мужчину средних лет. Ян успокаивающе положил ей руку на талию, и она осталась стоять, окаменев от шока.

— Я слышал стрельбу... — человек прислонился к дереву, держась одной рукой за сердце, грудь его тяжело вздымалась. — Я слышал ее все время, пока поднимался из долины, и подумал...

Он замолчал, глядя на пунцовую, со спутанными волосами Элизабет. Потом его взгляд переместился на руку Яна, лежащую на ее талии.

— И что ты подумал? — спросил Ян. Для человека, застигнутого в столь пикантной ситуации, и не кем-нибудь, а шотландским викарием, его голос звучал поразительно спокойно.

Викарий наконец оценил ситуацию, и лицо его стало жестким. Он отделился от дерева и направился к ним, стряхивая с рукава прилипшие кусочки коры.

— Я подумал, — с иронией сказал он, — что вы тут убиваете друг друга. Мисс Трокмортон-Джонс, — продолжил он уже более мягко, останавливаясь перед Элизабет, — считала это вполне вероятным, когда откомандировала меня сюда.

— Люсинда? — ахнула Элизабет, все еще не придя в себя. — Вас послала сюда Люсинда?

— Совершенно верно, — сказал викарий, опуская укоризненный взгляд на руку Яна, покоившуюся на ее талии. Элизабет наконец с ужасом осознала, что все еще стоит в этом полуобъятии и, оттолкнув руку Яна, поспешно отступила в сторону. Она приготовилась выслушать грозную обвинительную тираду относительно своего греховного поведения, но викарий только хмурил седые кустистые брови и продолжал вопросительно смотреть на Яна. Чем дольше они молчали, тем невыносимей становилось это молчание и, чувствуя, что не в силах больше его выносить, Элизабет умоляюще посмотрела на Яна. Но к ее величайшему удивлению, вместо стыда лицо Торнтонна выражало только веселость и некоторое сожаление, что им помешали.

— Ну? — спросил наконец викарий, глядя на Яна. — Что ты можешь мне сказать?

— Добрый день, — весело произнес Ян. — Я не ожидал встретиться с тобой раньше завтрашнего дня, дядя.

— Я это вижу, — с нескрываемой иронией ответил викарий.

— Дядя! — вырвалось у Элизабет. Не веря своим ушам, она подняла взгляд на Яна. Словно прочитав ее мысли, викарий посмотрел на Элизабет

— в его карих глазах тоже искрился смех.

— Забавно, не правда ли, моя дорогая? Это лишний раз убеждает меня в том, что Господь не лишен чувства юмора.

Истерический смешок вырвался из груди Элизабет. Ян тоже начал понемногу утрачивать свою невозмутимость, по мере того как его дядя ударился в перечисление всех горестей, которые принесло ему это родство:

— Вы и представить себе не можете, какая пытка утешать плачущих девушек, которые безуспешно расставляют свои сети в надежде поймать его, — сказал он Элизабет. — Но это не идет ни в какое сравнение с тем случаем, когда он выставил на бега свою лошадь, и один из моих прихожан решил, что именно я буду принимать ставки!

Смех Элизабет отозвался в горах музыкальным эхом, и викарий, не обращая внимания на недовольный взгляд Яна, безжалостно продолжил:

— У меня уже мозоли на коленях — столько часов, недель, месяцев я молился за спасение его бессмертной души...

— Дункан, когда ты закончишь перечисление моих грехов, перебил его Ян, — я представлю тебя моей гостье.

Викария ничуть не возмутил легкомысленный тон Яна, наоборот, он казался очень довольным.

— Конечно, Ян, при любых обстоятельствах нужно соблюдать Приличия.

В эту минуту Элизабет поняла, что вместо гневной тирады, которую она ожидала услышать, викарий высказал свое мнение относительно их поведения в мягкой, но достаточно ясной форме. Ей только показалось странным, что все упреки он адресовал только Яну. Но даже не зная причины такой снисходительности, она была благодарна ему за то, что он избавил ее от дальнейшего унижения.

Ян, очевидно, тоже это понял, он пожал дяде руку и суховато бросил:

— А ты неплохо выглядишь, Дункан, несмотря на мозоли на коленях. И хочу тебя заверить, — добавил он, — что твои проповеди всегда производят на меня неизгладимое впечатление, независимо от того, сижу я или стою.

— Это оттого, что у тебя прослеживается прискорбная тенденция засыпать на их середине, — с легким укором сказал викарий, отвечая на рукопожатие Яна.

Ян повернулся к Элизабет.

— Позволь представить тебе леди Элизабет Камерой мою гостью.

Элизабет подумала, что быть представленной таким образом еще хуже, чем быть застигнутой в его объятиях, и отрицательно замотала головой.

— Это не совсем так. Я здесь... а-а...

От волнения мысли ее разбегались, и викарий снова пришел ей на помощь.

— Вы здесь вынужденная гостья, — подсказал он. Улыбаясь, он взял ее руки в свои. — Я прекрасно понимаю ваше положение, поскольку имел удовольствие познакомиться с мисс Трокмортон-Джонс. Она же и направила меня сюда, как я вам уже говорил. Я обещал ей пробывать здесь до завтра или до послезавтра — в общем, до ее возвращения.

— До завтра или до послезавтра? Но они собирались вернуться сегодня.

— Дело в том, что произошел несчастный случай — совсем незначительный, — поторопился успокоить ее викарий. — Джейк говорит, что ей попалась очень строптивая лошадь, которая все время норовит лягнуть ее.

— Люсинда сильно пострадала? — спросила Элизабет, готовая в ту же минуту помчаться к ней на помощь.

— Лошадь лягнула мистера Уайли, — объяснил викарий, — поэтому пострадали только его гордость и... нижняя часть тела. Однако мисс Трокмортон-Джонс, справедливо полагая, что некоторые дисциплинарные меры могут призвать лошадь к порядку, воспользовалась единственным средством воздействия, которое было в ее распоряжении, поскольку зонтик в этот момент лежал на земле. Она тоже лягнула лошадь, в результате чего эта достойнейшая леди сильно повредила себе лодыжку. Ей дали лауданум, и мой конюший занялся ее лечением. Через день, самое большее два, она уже встанет на ноги.

Повернувшись к Яну, викарий сказал:

— Ян, я прекрасно понимаю, что ты не ожидал моего появления. Однако если твоя месть не будет заключаться в том, что ты лишишь меня своей прекрасной мадеры, я готов остаться здесь и после возвращения мисс Трокмортон-Джонс.

— Я пойду и принесу стаканы, — сказала Элизабет, понимая, что следует оставить их одних. Направляясь к дому, она слышала, как Ян сказал:

— Если ты надеялся хорошо поесть, то выбрал не то место. Мисс Кэмерон уже пыталась сегодня утром принести себя в жертву на алтарь домашнего хозяйства, в результате чего мы чудом избежали смерти. Ужин за мной, но нет никакой гарантии, что он будет лучше завтрака.

— Я попробую помочь вам, — добродушно отозвался викарий. Когда Элизабет ушла в дом, Ян тихо спросил:

— Как сильно пострадала та женщина?

— Трудно сказать. Она была настолько вне себя от ярости, что почти не чувствовала боли. А может быть, это все из-за лауданума.

— Что все?

Викарий помолчал немного, наблюдая за птичкой, шныряющей в листве над их головами, потом сказал:

— Она находилась в очень странном состоянии. Страшно рассерженная и возмущенная. С другой стороны, она боялась, что ты опять начнешь «нежничать» с мисс Кэмерон. Когда я прибыл сюда, мне стало ясно, что она имела в виду. Однако у нее были и другие опасения: она боялась, что молодая леди попытается пристрелить тебя, как уже было однажды. Вот почему я так испугался, когда услышал выстрелы, и помчался сюда со всех ног.

— Мы стреляли по мишени.

Викарий кивнул, потом пристально посмотрел на Торнтон.

— Тебя что-то беспокоит? — спросил Ян, заметив его хмурый взгляд.

Викарий поколебался, затем слегка покачал головой, будто не соглашаясь с чем-то.

— Мисс Трокмортон-Джонс сказала мне кое-что еще, но я отказываюсь в это верить.

— Наверное, сказалось действие лауданума, — пожал плечами, ответил Ян, не выразив желания узнать, что же такое она сказала.

— Возможно, — ответил викарий, нахмутив брови. — Но я не принимал лауданума, и тем не менее мне кажется, что ты собирался объявить о своей помолвке с одной молодой женщиной по имени Кристина Тэйлор.

— Да, это так.

Лицо викария еще более посуровело.

— В таком случае, какие извинения ты можешь найти тому, что я увидел здесь несколько минут назад?

— Это было помешательство, — коротко ответил Ян. Они вошли в дом: викарий — молчаливый и задумчивый, Ян — мрачный, как туча. Неожиданный приезд Дункана его не беспокоил, его волновало безумное влечение к Элизабет, которое он испытал, целуя ее. Кем бы ни была она в действительности, в его объятиях она становилась обольстительным ангелом. Слезы, которые Элизабет проливала сегодня, были вызваны предательством подруги. Но два года назад она сама без малейших угрызений совести изменила Мондвэйлу, а сейчас спокойно говорит о браке с Аелховеном или Джоном Марчмэном. При этом уже через час она

страстно прижимается к нему и с жаром отвечает на его поцелуи. Злость Яна сменилась отвращением. Ей действительно следует выйти за Белховена, мрачно усмехнувшись, подумал он. Старый развратник — это то, что ей нужно, получится идеальная пара, если не считать разницы в возрасте. А Марчмэн заслуживает лучшего, чем ее выдавшее виды неразборчивое тело. Она превратит его жизнь в ад.

Несмотря на ангельское личико, Элизабет Кэмерон осталась тем же, чем и была: бессердечной кокеткой, в которой было больше плотской страсти, чем настоящего чувства.

В чернильном небе мерцали звезды. Со стаканом виски в руке Ян стоял у небольшого костерка и следил, как жарится рыба. Ночная тишина и виски успокоили его. Сейчас, глядя на маленький веселый костер, он сожалел уже только о том, что приезд Элизабет лишил его мира и покоя, в которых он так нуждался. Весь год он работал в страшном напряжении и, отправляясь в этот дом, надеялся успокоиться и отдохнуть, как это бывало всегда, когда он возвращался сюда.

Еще подростком он знал, что когда-нибудь покинет родительский дом и пойдет по жизни своей дорогой. Но добившись всего, о чем мечтал, Ян все время возвращался сюда, словно именно здесь надеялся обрести то, чего ему не хватало, нечто неуловимое, иллюзорное, но, как ему казалось, способное дать успокоение его неприкаянной душе. Теперь он вел жизнь, соответствующую его богатству и власти, и во многом эта жизнь устраивала его. Он уже слишком много повидал и слишком сильно изменился сам, чтобы сделать это место своим постоянным домом. Он смирился с этим, когда принял решение жениться на Кристине. Она ни за что не согласится жить здесь, но зато в его роскошных особняках будет смотреться прекрасно.

Кристина Тэйлор была красивой, страстной и утонченной. Они идеально подходили друг другу, иначе он просто не сделал бы ей предложение. Прежде чем решиться на это, он обдумал все так же тщательно, как обдумывал свои финансовые операции, — опираясь исключительно на здравый смысл и никогда не подводившее его деловое чутьё. Фактически за все последние годы он поступил необдуманно только один раз — когда безумно увлекся Элизабет и сделал ей предложение.

— Как нехорошо было с вашей стороны заставлять меня готовить, когда вы сами прекрасно справляетесь с этим, — с улыбкой сказала Элизабет, переминая оставшуюся после ужина посуду.

— Это не совсем так, — мягко ответил Ян. Он налил себе и Дункану

бренди и пересел ближе к камину. — Я умею готовить только рыбу и только одним способом. — Он открыл крышку небольшого ящичка, стоявшего на столе, и достал оттуда тонкую сигару. Эти сигары ему сделали на заказ в Лондоне. Он взглянул на Элизабет и на всякий случай спросил: — Не возражаете?

Элизабет посмотрела на сигару, улыбнулась и покачала головой. Ей вдруг вспомнилось, как она встретила Яна два года назад в саду. Он вот так же собирался раскурить сигару, когда увидел ее. Ей так ясно вспомнилась эта сцена, что она даже увидела, как оранжево-золотое пламя спички осветило его чеканные черты, когда он сложил руки лодочкой, закрывая огонь от ветра. При этом воспоминании слабая улыбка озарила ее лицо, и она перевела взгляд с незажженной сигары на лицо Яна, мысленно спрашивая, помнит ли и он этот момент.

Их взгляды встретились, он посмотрел на свою сигару, потом снова на нее, и в глазах его отразился вежливый вопрос. Она поняла, что он не помнит.

— Нет, я несколько не возражаю, — ответила Элизабет, пряча разочарование за улыбкой.

Викарий, наблюдавший этот обмен взглядами и предшествующую ему светлую улыбку на лице Элизабет, подумал, что все это чрезвычайно загадочно, так же как и непонятное поведение Яна за ужином. Дункан еще ни разу не видел, чтобы Ян так вел себя с женщиной.

Дункан уже привык к тому, что все женщины находят Яна неотразимым и что он никогда не отказывается от того, что ему с такой готовностью предлагают. Он смеялся над их капризами и относился к ним со спокойной снисходительностью. И даже после того как он утрачивал к женщине интерес, он продолжал относиться к ней с неизменным восхищением и галантностью — будь то деревенская девчонка или дочь графа.

Поэтому неудивительно, что Дункану показалось странным и даже подозрительным, что Ян практически не замечает девушку, хотя два часа назад он держал Элизабет Кэмерон в своих объятиях так, словно в ней заключалось счастье всей его жизни. Он был вежлив и предупредителен к своей госте, но как женщину — не замечал.

Дункан стал наблюдать за Яном, ожидая, что тот бросит на нее взгляд хотя бы украдкой, но его племянник взял книгу и стал читать ее с таким видом, словно и вовсе забыл о существовании Элизабет Кэмерон.

— Насколько я понимаю, в этом году у тебя дела идут хорошо? — спросил викарий, чтобы как-то завязать разговор. Ян оторвался от книги и с

улыбкой ответил:

- Не так хорошо, как я рассчитывал, но достаточно прилично.
- Твои рискованные предприятия еще не принесли свои плоды?
- Не все.

Элизабет замерла на мгновение, затем с прежней старательностью стала вытирать тарелки. Два года назад Ян говорил, что, если дела у него пойдут хорошо, он будет достаточно богат, чтобы обеспечить ее. Очевидно, его надежды не оправдались, вот почему он и поселился в этом коттедже. Ее сердце преисполнилось сострадания — он строил такие грандиозные планы, и ничего не вышло. Но с другой стороны, не так уж и плохо жить в окружении этой дикой горной природы с ее первозданной красотой, в таком уютном доме, окна которого выходят на долину.

Конечно, этот коттедж не идет ни в какое сравнение с Хэвенхёрстом, но в нем тоже есть свое очарование. К тому же на его содержание не требуется такой уймы денег и столько слуг, как для Хэвенхёрста, и это тоже говорит в его пользу. Это она служила Хэвенхёрсту, а не он ей. И с этой точки зрения хорошенький маленький домик с соломенной крышей и просторными комнатами был просто замечательным. Он не требовал от тех, кому он давал кров и тепло, бессонных ночей в думах о том, во сколько обойдется починка одиннадцати дымоходов и заделка щелей в стенах.

Ян просто не знает, как ему повезло, иначе не стал бы проводить столько времени в клубах, пытаясь нажить состояние игрой. Он жил бы здесь, в этом суровом и прекрасном крае, который находился в такой гармонии с ним самим. Она настолько увлеклась этими размышлениями, что уже почти жалела, что не может здесь жить.

Покончив с посудой, Элизабет решила подняться к себе. Из разговора за ужином она поняла, что дядя с племянником давно не виделись, и решила дать им возможность обсудить свои дела наедине.

Она повесила полотенце на крючок, сняла импровизированный фартук и пожелала мужчинам спокойной ночи. Викарий улыбнулся и пожелал ей приятных сновидений. Ян едва взглянул на девушку и рассеянно бросил:

- Спокойной ночи.

После того как Элизабет поднялась к себе, Дункан какое-то время сидел, наблюдая за склоненным над книгой племянником и вспоминая, как давал ему уроки, когда тот был мальчиком. Как и отец Яна, Дункан имел университетское образование, но к тринадцати годам племянник уже «проглотил» все его университетские книги и требовал, чтобы его учили дальше. Его тяга к знаниям не имела границ, а ум был настолько блестящим, что его отец и дядя испытывали невольный благоговейный

трепет. Ян умел мгновенно производить сложнейшие математические расчеты в уме, и пока Дункан думал, как подступиться к решению задачи, Ян уже выдавал ответ.

Эта способность сильно помогала ему в игре: с поразительной точностью он мог рассчитать, каковы его шансы на взятку или на какой сектор укажет стрелка рулетки, Дункан считал это бездарным растрчиванием гениальности, дарованной ему Господом. От знатных британских предков Ян унаследовал спокойную холодную надменность, а от шотландцев — горячий гордый нрав и упрямство. В результате получился человек, который решал все сам и уж если принимал решение, то никто и ничто не могло заставить его от него отказаться. Да и зачем ему было отказываться, мрачно подумал викарий, не зная, как подступиться к предмету, который собирался обсудить с племянником. В большинстве вопросов суждение Яна оказывалось верным, и Дункан полагался на его мнение, как ни на чье другое.

Только в одном вопросе, на взгляд Дункана, ясность мысли ему изменяла — когда дело касалось его английской родни. Одно упоминание о герцоге Стэнхоупском приводило племянника в ярость, и Дункан долго колебался, прежде чем решиться в очередной раз обсудить с ним этот предмет. Несмотря на все уважение и глубокую привязанность, которые Ян питал к Дункану, викарий знал, что, если кто-то сильно заденет его самолюбие или станет лезть к нему в душу, Ян может навсегда порвать с этим человеком.

Дункан нахмурился, вспомнив, как девятнадцатилетний Ян вернулся из своего первого путешествия. Родителям Яна вместе с его младшей сестренкой так не терпелось поскорее увидеть его, что они решили сделать ему сюрприз и поехали в Херлок встречать корабль.

За две ночи до того, как корабль Яна вошел в порт, маленькая гостиница, в которой остановилось счастливое семейство, сгорела до основания, и все трое погибли в огне. По дороге домой Ян проехал мимо обугленных развалин, не подозревая, что здесь покоится прах его родителей.

Он приехал в дом, где его ждал Дункан, чтобы сообщить ему ужасную весть.

— А где все? — спросил Ян, бросив на пол свое снаряжение, и быстро обошел дом, заглядывая в пустые комнаты. Его Лабрадор был единственным, кто встретил его дома, — с сумасшедшим лаем он ворвался в коттедж и замер у ног Яна. Тень — это имя он получил не за темный цвет шерстив а за свою безграничную преданность хозяину, которого

боготворил с щенячьего возраста.

— Я тоже скучал по тебе, малыш, — сказал Ян, ласково потрепав пса.
— У меня есть для тебя подарок.

Собака терлась головой о его ноги, прижимаясь к его боку, и не отрывала от лица хозяина своих умных внимательных глаз. Дункана всегда поражало это почти сверхъестественное понимание между человеком и боготворившей его собакой.

— Ян, — с болью в голосе сказал викарий, и, уловив в одном 8том слове страдание, Ян оглянулся, и рука, гладившая собаку, замерла. Потом он медленно выпрямился, и собака повернулась вместе с ним и встала рядом, глядя на Дункана с тем же напряженным вниманием, что и ее хозяин.

Со всей мягкостью, на какую был способен, Дункан рассказал Яну о гибели его семьи и, хотя ему не раз приходилось утешать убитых горем людей, никогда раньше он не видел такого сдержанного проявления скорби, какое продемонстрировал Ян. На этот раз викарий чувствовал себя бессильным. Ян не плакал и не бранился, он весь словно окаменел, спасаясь от невыносимой боли, которая могла испепелить его. В тот вечер, когда Дункан уходил, Ян стоял у окна и смотрел в темноту, его собака была рядом с ним.

— Возьми ее с собой и отдай кому-нибудь в деревне, — сказал Ян тоном окончательным, как смерть.

Дункан, не зная, как реагировать на это, в растерянности остановился в дверях.

— Кого взять с собой?

— Собаку.

— Но ты же сказал, что останешься здесь по крайней мере на полгода, чтобы привести все в порядок.

— Возьми ее с собой, — отрезал Ян. Дункан наконец понял, что делает Ян, и испугался за него.

— Ян, ради Бога, Тень обожает тебя. И кроме того, с ней тебе будет не так одиноко.

— Отдай ее Маккарти в Кэлгари, — отрывисто сказал Ян, и Дункан забрал с собой упирающегося Лабрадора. Им пришлось надеть на него ошейник, чтобы увести из дома.

На следующей неделе Тень прибежала с другого конца графства домой. Дункан в это время был там и с комом в горле наблюдал, как Ян решительно отказался признать ничего не понимающего Лабрадора. На следующий день Ян пошел вместе с Дунканом в Кэлгари и

собственноручно передал собаку новому хозяину. Когда Ян вышел во двор и сел на лошадь. Тень бросилась бежать за ним, но он развернулся и резко прикрикнул на нее.

И Тень осталась, потому что не могла послушаться приказа своего хозяина. Когда через несколько часов ушел и Дункан, собака все еще сидела во дворе, не отрывая взгляда от поворота дороги. Свесив голову набок, она ждала, потому что не могла поверить, что Ян действительно бросил ее навсегда.

Но Ян так никогда и не вернулся за ней. Тогда Дункан впервые понял, что при желании Ян мог задавить в себе любые чувства. Он бесповоротно решил избавиться от всего, что было ему дорого, чтобы больше никогда уже не испытать боль утраты. Он сложил в сундуки все портреты родителей и сестры и все принадлежавшие им вещи и убрал на чердак, так что теперь единственным, что могло напомнить ему о них, был дом. И воспоминания.

Вскоре пришло письмо от его деда, герцога Стэнхоупского. Через двадцать лет после того, как он отрекся от своего сына за то, что тот женился на матери Яна, герцог предложил внуку все, чего он был лишен. Его письмо пришло через три дня после пожара. Ян прочитал его и выбросил в корзину, так же он поступал со всеми письмами, следовавшими за этим. Так продолжалось одиннадцать лет, в течение которых Ян оставался таким же неприступным, как его родные скалы, и таким же безжалостным, как топкие торфяные болота, заросшие вереском, среди которых он рос.

Это был самый непреклонный человек, которого знал Дункан. Еще мальчиком он приводил родителей в замешательство своей спокойной уверенностью, блестящим умом и своенравным упорством. Его отец однажды пошутил: "Ян позволяет нам с матерью воспитывать его только потому, что любит нас, а не потому, что считает нас умнее. Он знает, что умом превосходит нас, но не говорит этого вслух, чтобы не задеть нашего самолюбия."

Зная, как Ян бесповоротно отрекается от тех, кто обидел его, Дункан почти не надеялся, что ему удастся изменить отношение Яна к деду, тем более что в данном случае он даже не мог воззвать к его чувствам. Герцог Стэнхоупский значил для Яна куда меньше, чем его Лабрадор.

Погрузившись в эти размышления, Дункан мрачно смотрел на огонь, не замечая, что Ян отложил книгу в сторону и наблюдает за ним. Наконец Ян нарушил тишину:

— Поскольку я приготовил рыбу не хуже, чем обычно, полагай, у тебя

есть какие-то другие причины для такого свирепого вида.

Дункан кивнул и с сильным предчувствием, что ни к чему хорошему это не приведет, встал, подошел к камину и приступил к делу.

— Ян, я получил письмо от твоего деда, — начал викарий и увидел, как располагающая улыбка исчезает и лицо Яна превращается в каменную маску. — Он просит меня походатайствовать за него и уговорить тебя встретиться с ним.

— Ты зря теряешь время, — стальным голосом ответил Ян.

— Но ведь он твоя семья, — тихо произнес Дункан.

— Вся моя семья в этой комнате, — горько отозвался Ян. — И никакой другой я не признаю.

— Ты его единственный наследник, — безнадежно продолжал викарий.

— Это его проблема.

— Он умирает, Ян.

— Я не верю этому.

— А я верю ему. И знаешь, Ян, если бы твоя мать была жива, она умоляла бы тебя помириться с ним. Она всю жизнь мучилась от мысли, что из-за нее твой отец лишился семьи и наследства. Я думаю, тебе не надо напоминать, что твоя мать была моей единственной сестрой. Я любил ее, и если я смог простить этого человека за ту боль, которую он причинил ей, то, наверное, и ты мог бы это сделать.

— Прощать — твоя профессия, — с сарказмом ответил Ян. — У меня же другой принцип: око за око.

— Говорю тебе, он умирает.

— А я говорю тебе, что мне плевать на это! — четко выговаривая каждое слово, отрубил Ян.

— Даже если титул не нужен тебе самому, прими его хотя бы ради своего отца. Этот титул принадлежал ему по праву, так же как будет принадлежать твоему сыну. Это последняя возможность одуматься, Ян. Твой дед дал мне еще две недели на то, чтобы уговорить тебя. По истечении этого времени он назовет другого наследника. Ты приехал сюда на две недели позже, чем собирался, и, может быть, сейчас уже поздно....

— Поздно было еще одиннадцать лет назад, — с ледяным спокойствием ответил Ян. Вдруг лицо его смягчилось, и он стал запихивать бумаги в ящик. Потом посмотрел на Дункана и с ясной спокойной улыбкой сказал:

— Твой стакан пуст, викарий. Выпьешь еще? Дункан вздохнул и покачал головой. Все вышло так, как он и ожидал: Ян мысленно захлопнул

дверь перед своим дедом, и ничто уже не могло изменить его решения. Дункан знал по опыту, что, когда Ян становится таким мягким и приветливым, до него уже не достучаться. Подумав, что их первый вечер с племянником все равно безнадежно испорчен, Дункан решил заодно обсудить и другой щекотливый предмет.

— Ян, насчет Элизабет Кэмерон. Ее дуэнья сообщила мне некоторые вещи...

Опасно ласковая улыбка снова возникла на лице Яна.

— Можешь не продолжать, Дункан. С этим покончено.

— С разговором или...

— Со всем.

— Но мне вовсе так не кажется! — воскликнул Дункан, выведенный из терпения раздражающим спокойствием Яна. — То, что я видел...

— Ты видел конец.

Дункан заметил, что он произнес это с той же окончательностью и веселой невозмутимостью, с которыми говорил о герцоге. Все выглядело так, словно он решил эти вопросы как нельзя более благоприятно для себя, и никто и ничто не сможет заставить его пересмотреть свое к ним отношение. Судя по его реакции, Ян отнес Элизабет к той же категории лиц, что и герцога Стэнхоупского. Вконец расстроенный, Дункан схватил со стола бутылку бренди и плеснул себе в стакан.

— Есть кое-что, о чем я тебе никогда не говорил, — со злостью проговорил он.

— И что же это?

— Я ненавижу, когда ты начинаешь выставлять серьезные вещи в незначительном и забавном свете. Я бы предпочел увидеть тебя в ярости! По крайней мере тогда я хоть знал бы, что могу достучаться до тебя! — в отчаянии воскликнул Дункан.

В ответ на это Ян взял со стола книгу и снова начал читать.

Глава 15

— Ян, может быть, сходишь в сарай и посмотришь, что так задержало Элизабет? — спросил викарий, ловко переворачивая жарившуюся на сковороде ветчину. — Я послал ее туда за яйцами пятнадцать минут назад.

Ян бросил у камина охапку дров, отряхнул руки и пошел искать потерявшуюся гостью. Сцена, которую он застал в сарае, заставила его застыть в немом удивлении. Уперев руки в бока, Элизабет сердито смотрела на сидящих на насесте кур, которые хлопали крыльями и яростно кудахтали.

— Я не виновата в этом! — восклицала она. — Я вообще не люблю яйца. И даже запаха курятины не выношу. — Она начала красться на цыпочках к насесту, и голос ее звучал умоляюще. — Если вы только разрешите мне взять четыре штуки, обещаю вам, что сама не съем ни одного. Послушай, — добавила она, протягивая руку к кудахтающей курице, — я побеспокою тебя только на одну секунду. Я только просуну туда руку и... а-ай! — закричала Элизабет и замахала рукой, которую больно клюнула курица.

— Вам не требуется получать у нее разрешение, — сказал Ян, приближаясь к ней. Элизабет в ужасе обернулась. — Нужно просто показать ей, кто здесь хозяин. Вы должны решительно подойти — вот так...

И без всяких церемоний он вытащил из-под курицы два яйца, причем курица даже не сделала попытки клюнуть его, то же самое он проделал с двумя другими курами.

— Вы что, первый раз в курятнике? — спросил Торнтон, беспристрастно отметив про себя, как она прелестна с этими спутанными волосами и пылающим от гнева лицом.

— Да, — коротко ответила Элизабет, — здесь очень плохо пахнет. Он засмеялся.

— Ну тогда все ясно. Они чувствуют ваше к ним отношение — животные и птицы всегда это чувствуют.

Она быстро взглянула на него и сразу ощутила какую-то необъяснимую перемену — он улыбался ей, даже шутил, но его глаза ничего не выражали. До сих пор она видела в них иногда страсть, иногда злость, иногда холод — но это было проявлением чувств. Сейчас же в этих глазах не было ничего.

Элизабет не знала в точности, какого отношения к себе ей хочется, но она была совершенно уверена, что не желает, чтобы на нее смотрели, как на забавную незнакомку.

— Слава небесам! — сказал викарий, когда они вошли в дом. — Если вы не хотите, чтобы ветчина подгорела, посидите пока за столом и не отвлекайте меня, пока я не закончу.

— Мы с Элизабет предпочитаем подгоревшую ветчину, — пошутил Ян.

Элизабет слабо улыбнулась в ответ, но тревога ее возросла еще больше.

— Как вы относитесь к картам? — спросил ее викарий, когда они заканчивали завтрак.

— Я знаю некоторые карточные игры, — ответила девушка.

— В таком случае, когда вернутся мисс Трокмортон-Джонс и Джейк, мы могли бы как-нибудь вечером сыграть в вист. Ты присоединишься к нам, Ян?

Ян, который в этот момент, стоя у плиты, наливал себе кофе, оглянулся и со смехом сказал:

— Ни в коем случае. — И объяснил Элизабет: — Он мухлюет. Абсурдность предположения, что викарий может мухлевать, вызвала у Элизабет смех, который музыкальным звоном разнесся по комнатам.

— Я уверена, что викарий не может делать ничего подобного.

— Боюсь, что Ян прав, моя дорогая, — признался Дункан, простодушно улыбаясь, — но я всегда играю честно, когда у меня есть партнеры. А мухлевать я себе позволяю только в том случае, когда играю с кем-нибудь воображаемым, например, с Наполеоном на острове Святой Елены.

— Ах, вот оно что! — сказала Элизабет, с улыбкой глядя на Яна, усаживающегося за стол со своей кружкой. — Такое и со мной бывает!

— Так вы играете в вист? Она кивнула.

— Эрон научил меня, когда мне было всего двенадцать лет, но до сих пор он каждый раз обыгрывает меня.

— Эрон? — улыбаясь, спросил викарий.

— Это наш кучер, — объяснила Элизабет, радуясь возможности поговорить о своей «семье» в Хэвенхёрсте. — Но в шахматы я играю лучше, этому меня научил Бентнер.

— А это кто же?

— Наш дворецкий.

— Понятно, — сказал викарий, но что-то заставило его продолжить:

— А как насчет домино?

— О, тут специалист миссис Бодли, наша экономка. Мы довольно часто играли с ней, но она всегда выигрывала, потому что относится к игре очень серьезно и даже разработала свою систему. А у меня как-то не вызывают энтузиазма эти плоские прямоугольнички с точками. Шахматные фигуры, на мой взгляд, намного интереснее. Вот где действительно серьезная игра.

Ян наконец решил присоединиться к беседе. Выразительно посмотрев на дядю, он с явной иронией объяснил ему:

— На случай, если ты не догадался, Дункан, леди Камерон — очень богатая молодая женщина. — Этой фразой он охарактеризовал Элизабет как избалованную барышню, привыкшую к тому, что любое ее желание всегда с готовностью исполняет целая армия слуг.

Элизабет напряженно выпрямилась, неуверенная, намеренно он нанес ей оскорбление или же это вышло у него случайно, а викарий сурово посмотрел на Яна, видимо, тоже не одобряя если и не смысл фразы, то, во всяком случае, тон, которым она была сказана.

Ян невозможно встретил его взгляд, но в душе разозлился на себя за несдержанность. Вчера вечером он дал себе слово не испытывать к Элизабет никаких чувств, и это решение было окончательным. Из чего следовало, что ее моральный облик и образ жизни не должны иметь для него никакого значения. И тем не менее сейчас он нарочно обидел девушку, хотя она ничем этого не заслужила, если не считать того, что сидит тут, такая возмутительно хорошенькая в этом светло-желтом платье и с таким же желтым бантом в волосах. Ян был настолько недоволен собой, что даже упустил нить разговора.

— А в какие игры вы играли со своими братьями и сестрами? продолжал расспрашивать Дункан.

— У меня был только один брат, но и тот почти все время проводил вне дома. Он учился в Лондоне.

— Но, наверное, по соседству жили другие дети, — предположил викарий.

Элизабет сделала глоток чая и покачала головой.

— Вокруг жили арендаторы, которые снимали у нас коттеджи, но у них не было детей моего возраста. Видите ли, у нас в Хэвенхёрсте плохо с водой, а отец не хотел тратиться на ирригационные работы. Поэтому большинство наших арендаторов переехали на более плодородные земли.

— Тогда с кем же вы проводили время?

— В основном со слугами, — ответила Элизабет. — И мы очень

дружили.

— А сейчас? — спросил он. — Чем вы занимаетесь там? Викарий так ловко разговорил ее, что девушка отвечала, не задумываясь и не заботясь о том, какие выводы он может сделать из ее слов.

— Да я почти все время занята — нужно следить за домом.

— Вы говорите так, словно получаете от этого большое удовольствие, — с улыбкой заметил Дункан.

— Это и в самом деле доставляет мне удовольствие. И знаете, что мне нравится больше всего? — доверительно спросила она.

— Понятия не имею.

— Больше всего я люблю торговаться, когда закупаю продукты и прочие необходимые вещи. Это ужасно забавно, и Бентнер говорит, что в этом деле я просто гений.

— Торговаться? — переспросил пораженный Дункан.

— Я рассматриваю это как проявление здравого смысла и как возможность помочь другим людям проявить здравый смысл, — непосредственно объяснила Элизабет, оседлав своего конька. — Ну, например, если бы деревенский пекарь испек только одну булочку, он потратил бы на это... ну, скажем, час. Причем половина этого времени ушла бы на доставание всех необходимых ингредиентов, отмеривание исходных продуктов в нужных пропорциях и раскладывание всего снова по местам.

Внимательно слушавший викарий согласно кивнул, и Элизабет продолжила:

— Однако если бы он собрался испечь двенадцать булочек, ему не понадобилось бы на это времени в двенадцать раз больше, ведь так? — поскольку доставать все необходимое ему пришлось бы только один раз.

— Да, это не заняло бы столько времени.

— О чем я и говорю! — радостно сказала Элизабет. — Так почему же я должна за двенадцать булок платить в двенадцать раз больше, если он не потратил на них в двенадцать раз больше времени? Из этого следует, что если один человек производит какие-либо предметы в большом количестве, а другой человек закупает их в большом количестве, то за каждый предмет отдельно он платит меньше, чем если бы покупал этот предмет в единственном экземпляре. Во всяком случае, так должно быть, если продавец обладает здравым смыслом, — закончила она.

— Занятая теория. Честно говоря, я никогда-не думал об этом с такой точки зрения, — признался викарий.

— Наш деревенский пекарь, к сожалению, тоже, — засмеялась

Элизабет. — Но, думаю, скоро он к этому придет. По крайней мере он уже перестал при моем появлении прятать мешки с мукой. Запоздало испугавшись, что такой проницательный человек, как викарий, может догадаться о ее затруднительных обстоятельствах, она быстро добавила: — И дело не в цене, абсолютно. Здесь дело принципа, понимаете?

— Конечно, — мягко ответил Дункан. — Наверное, вы очень любите свой дом. Вы каждый раз улыбаетесь, когда говорите о нем.

— Да, люблю, — Элизабет не смогла удержаться, чтобы снова не улыбнуться им обоим — и викарию, и Яну. — Это чудесное место, и куда бы вы ни взглянули — везде красота. Там очень красивая холмистая местность, а у нас еще парк и довольно интересный сад.

Ян взял свою чашку с блюдцем и встал из-за стола.

— Насколько я понимаю, у вас большой дом? — осведомился викарий.

— В нем сорок одна комната, — начала она, но Ян перебил ее.

— Готов спорить, что все они убраны персидскими коврами и драгоценными камнями величиной с вашу ладонь, — сказал он, ставя свою чашку в таз для грязной посуды. Затем отвернулся к окну, сердито глядя на свое отражение в темном стекле.

— Конечно, — ответила Элизабет с наигранной веселостью, упрямо глядя в застывшую спину Яна. — На стенах висят картины Рубенса и Гейнсборо, а дымоходы проектировал Адаме. Ковры в самом деле были персидские. — «Когда-то это было правдой, — сказала она кольнувшей ее совести. — Пока мне не пришлось все распродать, чтобы расплатиться с кредиторами».

Ян неожиданно обернулся с каким-то странным выражением на красивом лице и, встретившись с ее грозным взглядом, неожиданно отступил.

— Простите меня, Элизабет, — глухо проговорил он. — Мое замечание было неуместным.

И на этой удивительной фразе он закончил разговор и вышел, сказав, что отправляется на охоту.

Элизабет отвела недоумевающий взгляд от закрывшейся за ним двери, но викарий еще несколько секунд продолжал смотреть на дверь. Потом перевел взгляд на Элизабет, и задумчивая улыбка медленно озарила его лицо и зажгла веселые огоньки в карих глазах.

— Что-то не так? — спросила она. Его улыбка стала еще шире, и он откинулся в кресле, продолжая смотреть на нее задумчивым ласковым взглядом.

— Определенно, — удовлетворенно заметил он. — И я очень этому

рад.

Элизабет подумала, уж не является ли сумасшествие их наследственным заболеванием, и только хорошее воспитание удержало ее от того, чтобы высказать это замечание вслух. Вместо этого она встала и пошла мыть посуду.

Перебив посуду, она занялась уборкой нижнего этажа и полировкой мебели, невзирая на отчаянные протесты викария. На это занятие она потратила почти весь день, прервавшись только на время обеда. Работа подняла ей настроение, и, закончив ее, Элизабет встала посреди комнаты, любуясь на плоды своих трудов.

— Вы сотворили настоящее чудо, — сказал ей викарий. — Но теперь, когда вы закончили, я просто настаиваю, чтобы вы отдохнули.

Элизабет была бы счастлива принять ванну, но, поскольку при нынешних обстоятельствах это было невозможно, она согласилась с его предложением и вышла на улицу. День был ясный, над головой Ярко-синее небо. Элизабет с наслаждением вдыхала бальзамический воздух, напоенный ароматами трав. Она с тоской посмотрела вниз, на быстрый ручей. Как только Ян вернется домой, она пойдет туда и искупается. До сих пор Элизабет мылась только в уединении своей спальни. Надо дождаться возвращения Яна, иначе есть риск, что он наткнется на нее, когда она будет купаться.

Элизабет побродила по двору, любуясь окружающим видом, но без Яна все ей казалось каким-то скучным. В его присутствии обострились все чувства, сам воздух казался наэлектризованным. Сегодня уборка его дома — дело, за которое она взялась отчасти от скуки, отчасти из благодарности — неожиданно обернулась для нее чем-то интимным и даже приятным.

Стоя на краю обрыва, девушка обхватила себя руками и, глядя вдаль, стала вспоминать его суровое красивое лицо и янтарные глаза, нежность, звучавшую в низком глубоком голосе, когда он обнимал ее вчера. Она подумала, как бы это было, если бы она была за ним замужем и жила в этом маленьком уютном доме, среди великолепной живописной природы. Элизабет попыталась представить, какую женщину Ян мог бы назвать своей женой и привести в этот дом. Она вообразила себе их вместе, сидящих в креслах у камина, — они о чем-то разговаривали и мечтали.

Очнувшись от грез, она заставила себя встряхнуться. Она ведет себя как сумасшедшая! Ведь именно себя она сейчас вообразила сидящей рядом с ним у камина. Отогнав эти мысли, Элизабет попыталась занять свой ум чем-нибудь другим. Бесцельно оглядевшись, она подняла голову и вдруг... увидела это! На огромном старом дереве был устроен большой шалаш.

Густые ветви и плотная листва древнего дерева почти скрыли его от посторонних взглядов. Заинтересовавшись, она подозвала викария, который прогуливался неподалеку.

— Это шалаш, — объяснила она ему на случай, если он не понял, что это такое. — Как вы думаете, ничего, если я залезу туда и посмотрю? Наверное, вид оттуда открывается изумительный.

Викарий с сомнением посмотрел на ступеньки, ведущие наверх, которые представляли собой не что иное, как старые доски, привязанные к дереву.

— Я думаю, это может быть небезопасно,

— О-о, об этом не беспокойтесь, — бойко сказала Элизабет. — Элберт всегда говорил, что я лазаю как обезьяна.

— Кто такой Элберт?

— Это один из наших грумов, — объяснила она. — Он вместе с двумя плотниками построил мне дома такой же шалаш.

Викарий посмотрел в сияющее лицо Элизабет и не смог отказать ей в таком маленьком удовольствии.

— Ну что ж, думаю, ничего страшного в этом нет, если вы обещаете, что будете осторожны.

— О, конечно, я обещаю.

Элизабет сбросила туфли и несколько минут кружила, поднимаясь по дереву, а потом исчезла в вышине — там, где уже не было ступенек. Дункан был поражен, когда понял, что она взобралась на дерево без помощи старых досок. Он стал кричать, чтобы она была поосторожнее, но вскоре понял, что в этом нет необходимости — Элизабет уже достигла середины дерева и направлялась к шалашу.

Элизабет уже добралась до той ветки, где находился пол шалаша, и заглянула внутрь. Он оказался достаточно высоким, чтобы она могла стоять в нем, не сгибаясь, видимо, Ян был очень высоким даже подростком. Она с интересом оглядела старый столик, стул и большой деревянный ящик. Больше в шалаше ничего не было. Отряхнув руки, девушка выглянула в окно шалаша, и у нее перехватило дыхание от открывшейся перед ней красоты — холмы и долины в полном цвету, вишня, боярышник, колокольчики... Она отвела от окна восхищенный взгляд и снова осмотрела небольшое помещение. Взгляд ее снова упал на выкрашенный белой краской ящик, и она присела и смахнула с него пыль. Через всю крышку проходила надпись: «Частная собственность Яна Торнтон. Не открывать — опасно для жизни!» Но, видимо, мальчик посчитал словесное предупреждение недостаточным и потому ниже нарисовал череп с костями.

Элизабет смотрела на ящик и вспоминала свой собственный шалаш, где она от одиночества устраивала чаепития со своими куклами. У нее тоже был свой «сундук с сокровищами» — правда, ей не было нужды рисовать на нем череп с костями. С задумчивой тихой улыбкой она попыталась вспомнить, какие же сокровища хранила в своем огромном сундуке с блестящими медными петлями и замками. Ожерелье, вспомнила она, подаренное ей в шесть лет отцом, миниатюрный кукольный фарфоровый сервиз, который ей подарили родители в семь лет, ленты — тоже для кукол.

Она смотрела на старый ящик и думала, что этот взрослый сильный мужчина когда-то тоже был ребенком и так же, как она, имел свои тайные сокровища и придумывал себе игры.

Заглушив угрызения совести, Элизабет положила руку на замок. Наверное, ящик пуст, сказала она себе, поэтому нельзя считать это настоящим подглядыванием...

Девушка подняла крышку ящика и в недоумении уставилась на его содержимое. Сверху лежало ярко-зеленое перо, должно быть, попугая, подумала она, под ним — три одинаковых серых камушка, по какой-то причине имевшие для маленького Яна особенную важность, так как они были тщательно отполированы и оглажены. Рядом с камушками лежала большая морская раковина с нежно-розовой внутренностью. Вспомнив, как родители тоже однажды принесли ей раковину, Элизабет подняла ее и приложила к уху, слушая монотонный шум моря, потом осторожно отложила ее и достала набор цветных карандашей. Под ними обнаружился небольшой альбом для набросков. Элизабет взяла его в руки и открыла. Глаза ее восхищенно расширились, когда она увидела мастерски выполненный набросок красивой молодой девушки на фоне моря, с длинными, развевающимися на ветру волосами. Девушка сидела на песке, подвернув под себя ноги, и разглядывала большую раковину, точь — "точь такую же, какую только что рассматривала Элизабет. На следующем рисунке была изображена та же девушка, которая немного искоса смотрела на художника и улыбалась ему так, словно они оба знали какой-то секрет. Художнику удалось изумительно точно поймать позу, выражение лица и настроение девушки. Все детали были тщательно выписаны, Элизабет даже смогла разглядеть медальон на ее шее.

Кроме этих двух, были еще и другие рисунки — не только девушки, но также мужчины и женщины, которые, видимо, были родителями Яна, встречались изображения кораблей и даже собаки. Охотничий Лабрадор, с первого взгляда узнала Элизабет, и снова заулыбалась. Собака выставила вперед уши, склонила набок голову, весь вид ее выражал ожидание зова

хозяина.

Элизабет была настолько потрясена мастерством художника и глубиной чувств, выраженных в рисунках, что долго стояла, пытаясь привыкнуть к этому новому, незнакомым ей образом Яна. Наконец она очнулась от задумчивости и решила рассмотреть единственный оставшийся в ящике предмет — маленький кожаный мешочек. Несмотря на то, что викарий разрешил ей осмотреть шалаш, девушка чувствовала, что не имеет права без спроса вторгаться в личную жизнь Яна и что ей не следует развязывать этот мешочек. Но соблазн узнать что-то новое об этом загадочном человеке был слишком велик, и она не смогла устоять. Распустив тесемки, Элизабет перевернула мешочек вверх дном, и ей на руку упало тяжелое кольцо. Не веря своим глазам, Элизабет поднесла его к свету: в центре массивного золотого перстня сверкал огромный четырехугольный изумруд, внутрь которого был заключен замысловатый золотой крест с изображением льва, стоящего на задних лапах. Она не была знатоком драгоценностей, но и без этого было ясно, что перстень был изумительной работы, изумруд — настоящим и стоил кучу денег. Она вгляделась в крест, пытаясь восстановить в памяти изображения геральдических крестов, которые изучала перед лондонским дебютом, и хотя он казался ей смутно знакомым, она так и не смогла определить его принадлежность. Решив, что крест мог быть и не гербом, а просто декоративной деталью, Элизабет бросила перстень обратно в мешочек и крепко затянула тесемки. Очевидно, в детстве Ян придавал этому перстню не больше значения, чем своим серым камушкам и раковине, но она не сомневалась, что если бы он увидел его сейчас, то осознал бы его ценность и положил бы в более надежное место. Девушка поморщилась, представив, как он разозлится, когда узнает, что она рылась в его вещах. Но даже зная о предстоящем выговоре, она не могла не сказать ему о своей находке. Альбом с набросками она тоже решила захватить с собой. Эти рисунки достойны того, чтобы заключить их в рамки и держать на виду, а не на улице, где они могут испортиться от сырости.

Закрыв ящик, Элизабет снова поставила его у стены, где он находился, и еще раз улыбнулась при виде черепа с костями. Ее сердце смягчилось от мысли о мальчике, который спрятал свои мечты в «сундук с сокровищами». И тот факт, что мальчик вырос в холодного и недоступного мужчину, никак не мог повлиять на вспыхнувшую в ее сердце нежность. Сняв с головы тонкий газовый шарф, Элизабет обвязала его вокруг талии, потом засунула за него альбом с набросками и надела перстень на палец, за неимением места, куда его можно было бы спрятать на то время, пока она будет

спускаться вниз.

Ян, возвращавшийся с западной стороны дома, издалека видел, как Элизабет покрутилась вокруг дерева, а потом исчезла. Оставив дичь в сарае, он направился к дому, но потом изменил направление и пошел к дереву.

Положив руки на бедра, он встал под деревом, задумчиво посмотрел на заросший мхом склон холма, спускавшийся к ручью, и нахмурился, не представляя, как ей удалось здесь спуститься. Однако очень скоро сомнения Яна были развеяны, когда над его головой раздался сильный хруст веток. Он посмотрел наверх, но сначала ничего не увидел. Когда же разглядел, то принял увиденное за обман зрения. Из ветвей высунулась длинная стройная обнаженная нога, ища под собой опору, затем к ней присоединилась другая нога, и обе они повисли в воздухе.

Ян хотел было поддержать ее за бедра, к которым были присоединены эти ноги и которые, очевидно, находились где-то выше в листве, но затем передумал, решив, что она и сама неплохо справляется.

— Какого черта вы здесь делаете? — недовольно спросил он.

— Спускаюсь вниз, конечно, — раздался из листвы голос Элизабет. Наконец правой ногой она нашла прочную ветку, потом, как видел Ян, готовый в любую минуту подхватить ее, передвинулась на руках немного в сторону, чтобы поместить на ветке и левую ногу.

Улыбнувшись ее ловкости и бесстрашию, Ян уже хотел уйти и предоставить ей спуститься самой, как вдруг подгнивший сук обломился, и Элизабет с криком «Помогите!» полетела вниз, где была подхвачена сильными руками Яна.

Стоя в его объятиях, она чувствовала спиной его твердое горячее тело. Страшно смущенная и своим неловким падением, и тем, что рылась в его вещах, и теми ощущениями, которые испытывала, прижимаясь к его телу, Элизабет прерывисто вздохнула и попыталась повернуться к Яну лицом.

— Я рылась в ваших вещах, — призналась она, поднимая на него свои зеленые глаза. — Надеюсь, вы не очень рассердитесь.

— А почему я должен сердиться?

— Я видела ваши рисунки. — Сердце Элизабет все еще было переполнено какой — то щемящей нежностью к нему, и она восхищенно сказала: — Они замечательные, просто чудесные! Вам не следовало становиться игроком. Вы должны были стать художником! — Она увидела, как сузились его глаза, и, страстно желая убедить его в своей искренности, вытащила из-за пояса альбом и, сев на траву, раскрыла его. — Вы только взгляните! — воскликнула она, взглядом приглашая сестру рядом.

После секундного колебания Ян присел рядом с ней на корточки, глядя не на рисунок, а на ее улыбающееся лицо.

— Вы не смотрите, — мягко упрекнула она и снова взглянула на рисунок с изображением девушки. — Я просто не могу поверить, что у вас такой талант! Вы так точно сумели все передать. Я почти чувствую ветер, который разметал ее волосы, и этот смех в глазах...

Он наконец оторвал взгляд от ее лица и перевел его на рисунок.

Элизабет с ужасом увидела, как при взгляде на портрет его загорелое лицо исказилось от боли.

Каким-то чутьем она поняла, что эта девушка умерла.

— Кто она? — тихо спросила Элизабет.

Ян быстро пришел в себя и уже с совершенно невозмутимым лицом повернулся к ней:

— Это моя сестра.

Ян замолчал, и на мгновение Элизабет показалось, что больше он ничего не скажет. Когда он снова заговорил, его голос звучал странно, прерывисто, словно Ян испытывал его способность говорить об этом.

— Она погибла при пожаре. Ей было тогда одиннадцать лет.

— Простите, — прошептала Элизабет, вложив в свой взгляд все тепло и сочувствие, которые испытывала к нему. — Мне действительно очень жаль, — сказала она, думая о красивой девочке со смеющимися глазами, которая выглядела на рисунке старше своих лет. Отведя глаза от его лица, она попыталась поднять его настроение и перевернула страницу. Этот рисунок буквально искрился радостью и весельем. На большом валуне сидел мужчина и обнимал за плечи молодую женщину. Он смеялся, глядя в ее приподнятое к нему лицо, а она положила руку ему на плечо, и оба они, казалось, излучали любовь, распространяя ее на все, что их окружало.

— А кто эти люди? — улыбаясь, спросила Элизабет.

— Мои родители, — ответил Ян, и снова в его голосе прозвучало нечто такое, что заставило Элизабет резко поднять голову.

— Все тот же пожар, — спокойно добавил он.

Элизабет отвернула лицо в сторону, чувствуя, как слезы сдавили ей горло.

— Это случилось много лет назад, — сказал он и медленно перевернул страницу. Прямо на него глядел черный Лабрадор. На этот раз голос Яна смягчился. — Если я всегда мог подстрелить дичь, то он всегда мог ее найти.

Восстановив душевное равновесие, Элизабет взглянула на рисунок.

— У вас удивительная способность передавать в рисунках самую суть.

Вы знаете об этом?

Он недоверчиво и удивленно приподнял брови, потом перевернул еще несколько страниц, пока не нашел набросок четырехмачтового парусника.

— Я собирался когда-нибудь построить его, — сказал он. — Это мой собственный дизайн.

— Правда? — в восторге спросила она.

— Правда, — подтвердил Ян, улыбаясь ей в ответ. Их лица были всего в нескольких дюймах друг от друга, их губы улыбались друг другу, и взгляд Яна упал на губы Элизабет. Она почувствовала, как сердце ее сразу забилося тяжелыми толчками, увидела, как он слегка наклонил к ней голову и знала, знала, что он собирается ее поцеловать, рука ее потянулась, чтобы обнять его за шею, но Ян вдруг резко поднял голову и одним движением вскочил на ноги. Лицо его снова стало непроницаемым. Потрясенная до глубины души, Элизабет осторожно закрыла альбом и тоже встала.

— Скоро стемнеет, — сказала Элизабет, пытаясь скрыть смущение. — Я хотела бы искупаться в ручье, пока не похолодало. О, подождите, — добавила она, стаскивая с пальца перстень. — Я нашла его в том же ящике, что и альбом, — она положила перстень в его протянутую ладонь.

— Его подарил мне отец, когда я был еще мальчишкой, — сказал Ян равнодушно. Его длинные пальцы сжались в кулак и переправили перстень в карман.

— Я думаю, он очень дорого стоит, — сказала Элизабет, воображая, какие преобразования он мог бы сделать в своих владениях, если бы решил продать перстень.

— Он ничего не стоит, — строго заглянув ей в глаза, ответил Ян.

Глава 16

Ужин превратился для Элизабет в настоящую пытку. Ян как ни в чем не бывало беседовал с дядей, а она молчала, не зная, как теперь себя с ним вести. Каждый раз, когда янтарные глаза Яна обращались на нее, сердце ее начинало гулко стучать. Когда же он не смотрел на нее, она не могла оторвать глаз от его губ, вспоминая, как вчера вечером они прикасались к ее губам. Когда он подносил ко рту бокал с вином, она смотрела на его длинные сильные пальцы и вспоминала, с какой нежностью они проводили по ее щекам и гладили ее волосы.

Два года назад она поддалась его чарам, на этот раз она будет умнее. Теперь она знает, какой он безжалостный соблазнитель и чего от него можно ожидать. Вчера ей показалось, что Ян испытывает к ней нечто большее, чем страсть, что ему важно не просто обнимать ее, а чтобы она вообще находилась рядом с ним.

Пустые надежды, резко одернула себя Элизабет. Опытные соблазнители всегда создают у своих жертв впечатление, что испытывают к ним какие-то особые чувства. Они целуют женщину с настойчивой страстью, а как только их пыл остынет, мгновенно забывают о ней. Она слышала, что эти обманщики всегда поначалу преследуют женщину, а потом, когда она им надоедает, безжалостно бросают, не чувствуя за собой никаких обязательств, — в точности так, как поступил с ней Ян. Элизабет страшно хотелось, чтобы ее кто-нибудь утешил и разубедил в том, что она безразлична Яну, но вечер все тянулся, а Ян по — прежнему не обращал на нее внимания. Наконец ужин закончился. Элизабет встала и хотела предложить убрать со стола, как вдруг заметила, что взгляд Яна скользнул по ее лицу и остановился на губах. Заметив, что она перехватила его взгляд, он резко отвернулся, и она начала собирать посуду.

— Я помогу, — вызвался викарий. — Это будет только справедливо, поскольку вы с Яном готовили ужин.

— Нет, я и слышать об этом не хочу, — решительно отказалась Элизабет и, в четвертый раз в жизни повязав вокруг талии полотенце, начала мыть посуду. Мужчины остались сидеть за столом, разговаривая о людях, которых она не знала. И хотя оба они забыли о ее присутствии, она чувствовала себя до странности счастливой и умиротворенной, прислушиваясь к их беседе.

Покончив с мытьем посуды, Элизабет повесила полотенце на крючок,

взяла стул и села поближе к огню у небольшого столика. Оттуда она могла беспрепятственно наблюдать за Яном. Поскольку других дел у нее не было, она решила закончить письмо к Алекс и, взяв перо, сосредоточилась на описании Шотландии и коттеджа. Однако письмо подвигалось медленно, так как все ее мысли были заняты Яном. Элизабет казалось несколько странным, что Ян живет в таком уединенном месте. Ведь хотя бы часть времени он должен проводить в Лондоне, посещая светские рауты и балы, прогуливаясь по аллеям парков в своем черном вечернем костюме и заставляя трепетать женские сердца. Улыбнувшись про себя, Элизабет подумала, что такие люди, как Ян Торнтон, оказывают обществу большую услугу — они дают ему возможность любоваться, восхищаться собой и, может быть, даже опасаться. Если бы не было таких мужчин, как Ян, женщинам не о чем было бы мечтать. И сожалеть, резонно заметила она себе.

Ян, до сей поры ни разу не взглянувший в ее сторону, вдруг обратился к ней, и Элизабет подпрыгнула от неожиданности.

— Сегодня чудесный вечер, Элизабет. Не хотите прогуляться? А письмо можно дописать и потом.

— Прогуляться? — тупо повторила девушка, потрясенная открытием, что все это время он прекрасно осознавал ее присутствие в комнате. — Но там темно, — сказала она, вопросительно глядя в его бесстрастное лицо. Ян поднялся и подошел к ее стулу. Он стоял, возвышаясь над ней, и Элизабет засомневалась, действительно ли ему хочется с ней прогуляться. Она бросила нерешительный взгляд на викария, который поддержал предложение племянника.

— Прогулка — это замечательно, — сказал Дункан, вставая. — Способствует хорошему сну. Элизабет улыбнулась ему и согласилась.

— Я только возьму шаль. Может быть, вам тоже что-нибудь захватить, сэр? — спросила она викария,

— Нет, нет, для меня не нужно, — поморщился Дункан. — Я не люблю вечерних прогулок. — С опозданием спохватившись, что пренебрегает своими опекунскими обязанностями, он быстро добавил: — К тому же у меня слабое зрение. — Опровергая свои же слова, викарий взял книгу и, удобно откинувшись в кресле, стал читать ее при тусклом свете свечей.

Ночной воздух был прохладным, и Элизабет плотнее закуталась в шерстяную шаль. Ян молчал, и так, в молчании, они медленно обошли дом.

— Сегодня полнолуние, — сказала она через несколько минут,

взглянув на огромный желтый диск луны. Ян промолчал, и она стала думать, чем бы еще привлечь его внимание, как вдруг, совершенно неожиданно для себя, высказала вслух свои мысли: — До сих пор не могу поверить, что я действительно в Шотландии.

— Я тоже.

Они зашли за холм и пошли по тропинке вниз. Видимо, Ян знал эту дорогу наизусть, так как прекрасно ориентировался в темноте. Свет из окон коттеджа становился все слабее и наконец исчез совсем.

Они еще несколько минут молча шли по тропинке и неожиданно оказались на открытом месте — впереди и внизу простиралась долина, позади — пологий спуск холма, слева и справа были небольшие полянки, а над головой — черное покрывало неба с вышитыми на нем бриллиантовыми звездами. Ян остановился и, засунув руки в карманы, посмотрел вниз, на долину. Не имея представления, о чем он сейчас думает, Элизабет прошла несколько шагов влево и тоже остановилась. Здесь казалось холоднее, и она зябко запахнулась в шаль, незаметно следя взглядом за Яном. В лунном свете его профиль казался пугающе резким. Через несколько минут Элизабет нарушила молчание:

— Думаю, нам пора возвращаться. В ответ Ян откинул назад голову и закрыл глаза, ей показалось, что в нем происходит какая-то внутренняя борьба.

— Почему? — спросил он наконец.

— Потому что больше некуда идти.

— Мы вышли не для того, чтобы гулять, — ровным голосом сказал он.

— Нет? — чувство безопасности быстро оставляло ее.

— Вы сами прекрасно это знаете.

— Тогда... тогда зачем мы вышли?

— Потому что нам хотелось побыть вдвоем, без свидетелей. В ужасе оттого, что он каким-то образом угадал ее мысли за ужином, Элизабет с трудом проговорила,

— А почему вы думаете, что мне хочется побыть с вами наедине?

Ян повернул голову в ее сторону, и она встретила с его неумолимым взглядом.

— Идите ко мне, я покажу вам почему.

При мысли о том, что он ей предложил, все ее тело затрясло от желания и страха, но каким-то чудом ей все-таки удалось сохранить самообладание. Одно дело мечтать, чтобы он поцеловал ее в доме, когда поблизости находится викарий, и совсем другое — здесь, где уже ничье присутствие не могло его удержать. Здесь это было куда опаснее и

страшнее. Тем не менее она не винила Яна за это предложение, так как сама дала ему повод считать, что его ласки ей небезразличны. Отчаянно сопротивляясь физическому притяжению, которое влекло ее к нему, она издала долгий прерывистый вздох и попыталась объяснить.

— Мистер Торнтон...

— Меня зовут Ян, — перебил он ее. — Учитывая наше длительное знакомство, не говоря уже о том, что между нами было, обращение «мистер» мне кажется довольно нелепым.

Пропустив это замечание мимо ушей, Элизабет постаралась сохранить невозмутимость.

— Когда-то во всем, что произошло тогда в Англии, я обвиняла только вас. Но теперь я смотрю на вещи иначе. Теперь я понимаю, что в тот вечер, когда попросила вас пригласить меня на танец, вела себя глупо, даже бесстыдно. — Элизабет в нерешительности замолчала. Если она расскажет ему, что поступила так ради подруг, которые поспорили на него, это послужит ей частичным оправданием, но, с другой стороны, Ян может расценить это как оскорбление, а ей хотелось с ним помириться, а никак не ссориться. Поэтому с некоторой задержкой она продолжила: — И потом, каждый раз, оказываясь с вами наедине, я вела себя, как женщина, не знающая стыда. А потому я не могу винить вас за то, что вы обо мне так и подумали.

— А я так подумал, Элизабет? — ироничным голосом спросил Торнтон.

Услышав в темноте свое имя, произнесенное его глубоким низким голосом, она с внезапной ясностью, почти физически, ощутила расстояние, которое их сейчас разделяло.

— А ч-что еще вы могли подумать?

Засунув руки в карманы, Ян повернулся к ней всем телом.

— Я подумал, — усмехнулся он, — что вы не только красивы, но еще и упоительно невинны. Если бы тогда в саду мне показалось, что вы отдаете себе отчет в своих действиях, обращаясь с таким предложением к мужчине моих лет и с моей репутацией, я непременно принял бы ваше предложение, но после этого мы вряд ли бы стали тратить время на танцы. Скорее всего мы нашли бы занятие поинтереснее.

— Я вам не верю, — ответила шокированная Элизабет.

— Чему вы не верите? Тому, что мне хотелось утащить вас в кусты и заставить млеть в моих объятиях? Или тому, что у меня хватило сил удержаться от искушения?

Элизабет изо всех сил боролась с охватившей ее предательской

слабостью.

— В таком случае почему у вас не хватило на это сил в доме лесника? Ведь вы знали, что я не ожидала застать вас там.

— А почему остались вы, — в тон ей ответил Ян, — когда увидели, что я все еще там?

Элизабет взволнованно откинула со лба прядь волос.

— Я понимала, что мне нужно уйти, — призналась она. — Не знаю, почему я этого не сделала.

— Вы не сделали этого по той же причине, что и я, — мы хотели друг друга.

— Этого нельзя было делать! Это было опасно и... глупо!

— Глупо или нет, — с усмешкой констатировал Ян, — но я хотел вас. И хочу сейчас.

Взглянув на него, Элизабет сделала ошибку, потому что его янтарные глаза мгновенно парализовали ее волю и снова потянули к себе. Она опустила руки, и шаль соскользнула с ее плеч, но Элизабет даже не заметила этого.

— Мы оба ничего не выиграем, если и дальше будем притворяться, будто то, что произошло между нами в Англии, забыто, — грубовато сказал Ян. — А то, что произошло вчера, только подтвердило это, если не подтвердило нечто большее. Мы никогда не забывали друг друга. Все это время я помнил о вас, и черт меня возьми, если я ошибаюсь, но и вы помнили обо мне.

Элизабет чувствовала, что если сейчас станет отрицать это, Ян, возмущенный ее ложью, немедленно уйдет. Разум говорил ей, что надо солгать, но она все-таки не сделала этого. Его признание слишком много значило для нее.

— Хорошо, — дрожащим голосом сказала Элизабет, — вы правы. Я никогда не забывала вас. Да и как я могла?! — с возмущением добавила она.

Ее обвиняющий тон вызвал у Яна улыбку, и голос его смягчился до бархатного тембра:

— Иди ко мне, Элизабет.

— Зачем? — дрожа прошептала она.

— Чтобы мы могли закончить то, что начали на том уик-энде. Элизабет в ужасе смотрела на Яна и, несмотря на неистовое желание поддаться его призыву, резко мотнула головой:

— Нет.

— Я не буду принуждать тебя, — тихо сказал Ян, — так же, как не

стану заставлять тебя делать то, чего тебе не хочется, когда ты будешь в моих объятиях. Подумай хорошенько, — предупредил он, — потому что, если сейчас ты подойдешь ко мне, то завтра утром не сможешь сказать, что сделала это против своей воли и не знала о том, что должно произойти. Вчера мы не знали этого. Теперь знаем.

Какой-то настойчивый внутренний голос уговаривал ее согласиться, говорил, что после того наказания, которое она понесла за несколько часов, проведенных с ним, она заслужила по крайней мере несколько тайных поцелуев, если их ей так хочется. Другой голос тихо напоминал ей, что нельзя нарушать установленные правила.

— Я... я не могу, — тихо проговорила Элизабет.

— Нас разделяют четыре шага и два года, в течение которых нас все время тянуло друг к другу, — сказал Ян.

— А вы не могли бы встретить меня на середине?

Эта тихая мольба едва не поколебала Яна, но он с трудом заставил себя покачать головой.

— Только не в этот раз. Я хочу тебя, но не желаю, чтобы завтра утром ты смотрела на меня, как на чудовище. Если ты хочешь меня, тебе нужно только войти в мои объятия.

— Я не знаю, чего хочу, — воскликнула Элизабет, глядя блуждающим взором на долину внизу, будто собираясь убежать от него.

— Иди сюда, — хрипло позвал он, — и ты поймешь, чего хочешь.

Не столько слова, сколько его голос наконец сломил ее. Будто влекомая неведомой силой, которая была сильнее ее воли, Элизабет пошла вперед и вошла в его протянутые руки, которые сомкнулись вокруг нее с неистовой силой.

— Не думал, что ты решишься на это, — хрипло прошептал он ей в волосы.

Элизабет подняла голову и посмотрела ему в лицо. Его обжигающий взгляд опустил к ее губам, и в ту же секунду, как он поймал ее губы жадным требовательным поцелуем, ей показалось, что все ее тело охватило пламя. Его руки впились ей в спину, истомившиеся от желания губы упивались ее сладкими нежными губами, и она с радостью утоляла его жажду. С тихим отчаянным стоном Элизабет изогнулась и обвила его шею руками, запустив пальцы в густые волнистые волосы у него на затылке. От этого стога по его телу прошла дрожь, и его губы смяли ее рот, требуя открыться ему навстречу и ответить с такой же сокрушающей страстью, и когда она ответила ему — сначала робко, потом постепенно смелея, — он задохнулся от наслаждения и сжал ее груди. Она испуганно дернулась в его

руках, он хрипло засмеялся ее невинной реакции, в голове у него зашумело, и его вдруг захлестнула волна такого сумасшедшего желания, что он готов был упасть на колени, увлекая ее за собой. Только инстинктивное чувство самосохранения заставило его отнять руки от ее тяжело вздымавшейся груди, но рот уже снова искал ее губы и целовал их — но уже не так исступленно, а тише, нежнее, успокаивая ее... успокаивая себя... а потом все началось сначала.

Целую вечность спустя он поднял голову. В ушах шумело, сердце колотилось как бешеное, дыхание было прерывистым и тяжелым.

Дрожа от пережитого взрыва страсти, Элизабет оставалась в его объятиях, прижимаясь щекой к его груди.

До сих пор Яну удавалось убедить себя, что его воспоминания о вспыхнувшей между ними страсти тогда, в Англии, были иллюзией. Но то, что они оба чувствовали сегодня, превосходило всякое воображение. Это превосходило все, что он до сих пор испытал. Он смотрел в темноту над ее головой, стараясь не замечать, что Элизабет едва держится на ногах от охватившей ее истомы.

Элизабет слышала, как биение его сердца становится тише, дыхание ровнее, и постепенно до нее начали доходить звуки окружающей их природы — шелест ветра в высокой траве, шепот листвы на деревьях, тихий свист летучих мышей. Ян гладил ее по спине, но она никак не могла прийти в себя после обрушившегося на нее шквала чувств, и слезы удивления и испуга выступили у нее на глазах.

— Почему? — шепотом спросила Элизабет, не понимая, что же с ней происходит. — Почему?

Тот же самый вопрос задавал себе Ян. Откуда берется этот взрыв страсти каждый раз, когда он дотрагивается до нее? Почему именно эта английская девушка сводит его с ума?

— Не знаю, — ответил он, и собственный голос показался ему незнакомым. — Иногда это просто случается. — Не с тем, с кем надо, и не в том месте, добавил он про себя. Тогда, в Англии, он был настолько ослеплен, что дважды за два дня сделал ей предложение. Он до сих пор помнил ее ответ слово в слово. Через несколько секунд после того, как она таяла в его объятиях и целовала его с отчаянной страстью — в точности, как сейчас, — он сказал:

«Я поговорю с ним. Возможно, у твоего отца будут возражения, даже если он поймет, что я в состоянии обеспечить твоё будущее...»

Элизабет отклонилась назад в его руках и презрительно улыбнулась.

«И что же вы можете мне предложить, сэр? Можете вы предложить

мне рубин величиной с ладонь, как обещал виконт Мондвэйл? Или, как лорд Сэйбери, — соболя, чтобы моим плечам не было холодно?»

«Так вот что вам нужно», — сказал он, не в силах поверить, что она может быть такой меркантильной.

«Конечно, — ответила она. — А разве это не то, чего хотят все женщины и что обещают все мужчины?»

«Следует отдать ей должное, — подумал Ян, — она была хотя бы честна со мной и не скрывала своих истинных желаний». Оглядываясь назад, он восхищался этой девушкой — пусть не ее системой ценностей, но во всяком случае — ее смелостью.

Ян опустил голову и увидел, что Элизабет смотрит на него своими обманчиво невинными зелеными глазами.

— Не беспокойтесь, — легким, безразличным тоном сказал он и, взяв ее за руку, повел к дому. — Я не собираюсь делать вам традиционного предложения, которое следовало за каждым из наших свиданий. О браке не может быть и речи. К тому же, помимо всего прочего, в этом сезоне я не заработал дорогих мехов и крупных рубинов.

Несмотря на его шутливый тон, Элизабет почувствовала себя ужасно. В его устах ее же собственные слова звучали отвратительно. Нужно отдать ему должное, подумала она, он не придал им большого значения. Очевидно, главное правило флирта — ничего не принимать всерьез.

— Кому из искателей вашей руки вы отдаете предпочтение в настоящее время? — все тем же легкомысленным тоном спросил Ян уже на подходе к дому. — Наверное, кроме Марчмэна и Белховена, есть еще кто-нибудь.

Элизабет попыталась переключиться на столь же легкомысленный тон, но ей это давалось не так легко, как ему, и голос выдавал ее смятение.

— По мнению моего дяди, предпочтение следует оказывать обладателю самого высокого титула, с которым могут поспорить только очень большие деньги.

— Ну конечно, — сухо сказал он. — В таком случае счастливым, должно быть, окажется Марчмэн.

Сердце Элизабет болезненно сжалось от этого демонстративного равнодушия, и она обиженно вздернула подбородок.

— Вообще-то я не стремлюсь замуж, — заявила она таким же безразличным тоном, как и он. — Не знаю, как долго мне удастся оттягивать замужество, но если дядя и вынудит меня, я, пожалуй, предпочту человека значительно старше себя.

— А еще лучше слепого, — усмехнулся Ян, — который не будет

видеть ваших романов на стороне.

— Я имела в виду, — сурово нахмурившись, сказала она, что мне нужна свобода. Независимость. А молодой муж вряд согласится мне ее предоставить.

— Независимость — это максимум того, что сможет дать вам старый муж, — со смехом заметил Ян.

— Мне этого достаточно. Я безумно устала от того, что мужчины постоянно отталкивают меня. Единственное, чего я хочу, — это заботиться о Хэвенхёрсте и быть самой себе хозяйкой.

— Выходите за старика, — посоветовал Ян, — и вы станете последней из рода Камеронов.

Она недоуменно взглянула на него.

— Он же не сможет дать вам детей.

— Ах, это, — Элизабет несколько растерялась. — Над этой проблемой я еще не думала.

— Когда вы займетесь ею, дайте мне знать, — с убийственным сарказмом ответил Ян, который уже не видел в Элизабет ничего волнующего и восхитительного. — На таком открытии можно сделать целое состояние.

Элизабет сделала вид, что не расслышала последнего замечания. Решение выйти за старика пришло ей в голову только сейчас, после неожиданной перемены, произошедшей с Яном. Он был нежен с ней, а потом вдруг стал вести себя так, словно она была для него лишь минутным развлечением, теперь же и вовсе не скрывал своего презрения. Все это было слишком непонятно, обидно и больно. У нее был очень небогатый опыт общения с противоположным полом, но и этого оказалось достаточно, чтобы убедиться, что мужчины совершенно непредсказуемая и ненадежная половина рода человеческого, начиная с ее отца и брата и кончая Мондвэйлом, который собирался жениться на ней и раздумал, и Яном Торнтоном, который не собирался жениться вообще. Единственным надежным мужчиной, которого она знала, был ее дядя. Он по крайней мере был холоден и бессердечен всегда — независимо от настроения и времени года.

Страстно желая поскорее оказаться в уединении собственной спальни, Элизабет, как только они подошли к крыльцу, холодно пожелала Яну спокойной ночи, вошла в дом и почти бегом поднялась к себе, не заметив викария, сидящего в большом кресле-качалке. Естественно, что у викария такое поведение девушки вызвало удивление и тревогу.

— Надеюсь, вы хорошо погуляли, Ян? — сказал он, когда дверь

наверху захлопнулась.

Ян, который наливал в кружку остатки холодного кофе, на мгновение застыл, потом оглянулся через плечо. С первого взгляда ему стало ясно, что Дункан прекрасно понял, что племянника погнало на улицу отнюдь не желание подышать свежим воздухом.

— А ты как думаешь? — недовольно спросил Ян.

— Я думаю, что ты постоянно и незаслуженно обижаешь Элизабет и что это не похоже на твою обычную обходительность с женщинами.

— Элизабет Кэмерон — сама необычная женщина.

— Совершенно согласен, — улыбнулся викарий. Он закрыл книгу и отложил ее в сторону. — Еще я думаю, что ты ей очень нравишься и что она нравится тебе. Это слишком очевидно, чтобы ты мог это отрицать.

— Ну что ж, человеку с такой проницательностью должно быть совершенно ясно, что мы абсолютно не подходим друг другу, — решительно сказал Ян. — В любом случае нет смысла это обсуждать, поскольку я женюсь на другой женщине.

Дункан открыл рот, чтобы ответить, но, заметив холодный, предупреждающий взгляд Яна, передумал и пошел спать.

Глава 17

На рассвете Ян ушел на охоту, и Дункан решил воспользоваться его отсутствием, чтобы выудить у Элизабет какие-нибудь сведения о том, что его беспокоило. За завтраком он несколько раз заводил разговор об их первой встрече а Яном в Англии, о том, как она живет сейчас, и пытался задавать прочие наводящие вопросы. Она отвечала неохотно и явно хотела ввести его в заблуждение, создать впечатление, что ведет весьма фривольный образ жизни. Устав от расспросов, она попыталась переключить его внимание на художественные таланты Яна.

В надежде вызвать Элизабет на откровенность Дункан рассказал ей о том, как Ян переживал гибель своей семьи и как удалил от себя любимую собаку. Но хотя девушка была потрясена его рассказом, рассказывать о себе она стремилась не более чем прежде.

Элизабет прекрасно понимала, чего добивается викарий, и не могла дождаться конца завтрака, чтобы уйти от его испытующих вопросов и взглядов. Несмотря на доброту викария и его шотландскую открытость, она сильно подозревала, что за ними скрываются настойчивость и острый, пронизательный ум и что, если Дункан решит докопаться до правды, его будет не так-то легко сбить с толку. Быстро перебив посуду, Элизабет ускользнула в сад и пошла к цветнику. Но не прошло и нескольких минут, как рядом с ней снова возник викарий. Однако на этот раз вид у него был встревоженный.

— Там приехал ваш кучер, — сказал он. — Говорит, что привез вам срочное письмо от дяди.

Страх сдавил ей сердце и, вскочив на ноги, она побежала к дому, где ее ждал Эрон.

— Эрон? Что случилось? Как ты сумел добраться сюда? В ответ на первый вопрос он вручил ей скатанное в трубочку письмо. В ответ на второй угрюмо сказал:

— Вашему дяде так загорелось доставить вас домой, что он велел мне ехать, не считаясь с расходами, только бы вы вернулись как можно скорее. Я привел сюда пару лошадей, для вас и мисс Трокмортон-Джонс, а внизу на дороге ждет коляска, которая отвезет вас в гостиницу. Там вы пересядете в нашу карету и уже напрямик отправитесь домой.

Элизабет рассеянно кивнула, развернула письмо, прочитала его и в ужасе упала на стул.

«Элизабет, — писал дядя, — возвращайся домой немедленно. Белховен сделал тебе предложение. Нет смысла терять время в Шотландии, так как я все равно предпочту Торнтону Белховена». Очевидно, догадываясь, что она попытается потянуть время, он добавлял: «Если ты вернешься в течение недели, то сможешь принять участие в обсуждении условий брачного контракта. В противном случае я все решу сам, на что, как твой опекун, имею полное право».

Элизабет скомкала письмо и, чувствуя глухие удары своего сердца, с отчаянием смотрела на зажатое в кулаке письмо. Через открытую дверь она услышала какой-то шум во дворе, подняла голову и увидела Люсинду и Джейка Уайли. Элизабет подбежала к Люсинде, стараясь держаться подальше от огромного черного коня, который уже предупреждающе прижал уши.

— Люси! — с облегчением приветствовала она свою компаньонку, которая спокойно ждала, когда Джейк Уайли поможет ей спешиться. — Люси! Случилось нечто ужасное.

— Минутку, Элизабет, — ответила невозмутимая Люсинда. — Что бы там ни было, это может подождать до тех пор, пока мы войдем в дом и удобно устроимся. Надо тебе сказать, у меня такое чувство, будто я родилась на этом коне. Ты и представить себе не можешь, чего нам стоило найти подходящих слуг...

Элизабет почти не слушала ее. Терзаясь от своей беспомощности, она подождала, пока Люсинда спустится с коня, войдет в дом и усядется на диван.

— Ну теперь, — сказала Люсинда, щелчком сбив соринку с юбки, — рассказывай. Что случилось?

Не замечая присутствия викария, который стоял у камина, удивленно и встревожено наблюдая за этой сценой, Элизабет вручила Люсинде письмо.

— Прочти. У меня такое впечатление, что он уже принял его предложение.

Прочитав письмо, Люсинда побледнела, затем на ее впалых щеках появилось два ярких пятна.

— Он согласился выдать тебя за дьявола, — процедила она сквозь зубы, — потому что у него есть деньги и титул. Хотя, должна признать, меня это не удивляет.

— Я была уверена, что сумела оттолкнуть от себя Белховена, — чуть не плакала Элизабет, яростно терзая подол своего голубого платья. — Я сделала все, Люси, — все, что могла, и даже больше. — Волнение снова подняло ее на ноги. — Если мы поторопимся, то успеем вернуться до

подписания контракта, и, может быть, мне удастся найти способ отговорить дядю Джулиуса.

Люсинда не вскочила с дивана, как это сделала Элизабет, и не побежала по лестнице в свою комнату, хлопнув в бессильной ярости дверью. Прямая, как палка, она встала, медленно повернулась к викарию и сухо спросила:

— Где он?

— Ян? — растерянно спросил викарий, обеспокоенный мертвенной бледностью ее лица. — Он на охоте.

Не имея под рукой истинного виновника, Люсинда обрушила все свое негодование на ни в чем не повинного викария. По окончании гневной тирады она схватила скомканное письмо и бросила его в холодный камин, сказав напоследок голосом, дрожащим от сдерживаемой ярости:

— Когда вернется этот отпрыск Люцифера, скажите ему, чтобы с этого дня он ходил в панцире, потому что не дай Бог ему встретиться на моей дороге! — И с этими словами она промаршировала по лестнице вверх.

Уже вечерело, когда Ян вернулся с охоты. Дом казался неестественно тихим. Когда он вошел, Дункан сидел у камина и смотр на него с каким-то странным сердито-вопросительным выражением на лице. Ян невольно оглядел комнату, ожидая увидеть блестящие золотые волосы и приветливое лицо Элизабет. Не обнаружив ее, он повесил ружье над камином и небрежным тоном спросил:

— А где все?

— Если ты имеешь в виду Джейка, — сказал викарий, рассерженный тем, что Ян намеренно не спрашивает об Элизабет, — то он ушел в сарай, прихватив с собой бутылку эля, и сказал, что будет пить до тех пор, пока эль не смоет из его памяти последние два дня.

— Так они вернулись?

— Джейк вернулся, — поправил его викарий. Ян подошел к столу и налил себе мадеры. — Служанки придут завтра утром. А Элизабет и мисс Трокмортон-Джонс, как видишь, здесь нет.

Ян решил, что они ушли прогуляться, и глянул на дверь.

— Куда же они отправились в такое время?

— В Англию.

Рука Яна застыла, не донеся бокал до рта.

— Почему? — резко спросил он.

— Потому что мисс Кэмерон сделали предложение, и ее дядя принял его.

Со злорадным удовлетворением викарий смотрел, как Ян опрокинул содержимое бокала в рот, словно хотел смыть горечь этого известия. Однако когда он заговорил, в голосе его звучал холодный сарказм:

— И кто же счастливчик?

— Насколько я понял, сэр Фрэнсис Белховен. Лицо Яна исказилось от отвращения.

— Похоже, ты не являешься его почитателем?

Ян пожал плечами.

— А Белховен старый развратный тип, и по имеющимся у меня сведениям, его сексуальные пристрастия, мягко говоря, причудливы.

Кроме того, он втрое старше ее.

— Что ж, очень жаль, — сказал викарий, без особого успеха изображая безразличие. Он откинулся в кресле и поставил ноги на специальную скамеечку. — Потому что этому прекрасному невинному ребенку ничего другого не остается, как выйти за этого старого... развратника. Если она не сделает этого, дядя откажет ей в материальной поддержке и она потеряет свой дом. Ее дядя считает этот брак выгодным, поскольку Белховен обладает такими достоинствами, как титул и богатство. Насколько я понял, других достоинств у него нет. И этой чудесной девушке придется выйти за старика — у нее просто нет выхода.

— Абсурд, — сердито сказал Ян, осушив еще один бокал мaderas. — Насколько я знаю, два года назад Элизабет Кэмерон имела бешеный успех в свете. Все только и говорили о том, что она получила больше дюжины предложений. Если ее опекуну нужны только деньги и титул, кроме Белховена, есть куча других претендентов.

На этот раз в голосе Дункана прозвучал нескрываемый сарказм:

— Это было до того, как она встретилась с тобой. После этой встречи все только и говорили, что она уже... как бы это выразиться... девушка, бывшая в употреблении.

— Как это, черт возьми, понимать?

— Это я хотел бы услышать от тебя, — ядовито сказал викарий. — Пока я знаю лишь версию мисс Трокмортон-Джонс. Когда я услышал ее в первый раз, мисс находилась под действием лауданума. Сегодня она пребывала в состоянии самой необузданной ярости, которую я когда-либо видел. И хотя я, возможно, знаю не все, суть истории мне известна, и если хотя бы половина из того, что я слышал, — правда, то у тебя, очевидно, нет ни совести, ни сердца! Лично мое просто кровоточит от сознания, что пришлось вынести

Элизабет два года назад. И когда я думаю о том, как снисходительно

она к тебе отнеслась...

— Что эта женщина тебе наговорила? — перебил его Ян, подходя к окну.

Его безразличный тон окончательно взбесил викария, он вскочил на ноги, подошел к Яну и сердито уставился на него.

— Она сказала, что ты безвозвратно погубил репутацию Элизабет Камерон. И еще она сказала, что ты уговорил эту невинную девушку, которая всю жизнь прожила в своем доме в деревне и всего несколько недель провела в обществе, встретиться с тобой в домике лесника, а потом — в оранжерее. И что в оранжерее вас видела целая толпа людей, которые не замедлили распространить слух о вашей связи по всему городу. Она сказала, что эти слухи дошли до жениха Элизабет, и он расторг помолвку. После его поступка общество окончательно укрепило в мысли, что Элизабет совершенно испорченная девушка, и исключило ее из своего круга. Еще она сказала, что через несколько дней брат Элизабет покинул Англию, бежав от кредиторов. Если бы Элизабет вышла замуж, они сумели бы расплатиться со всеми долгами. Но репутация Элизабет была погублена, и брат исчез навсегда. — Викарий с мрачным удовлетворением заметил, как на шее Яна нервно забилась жилка. — Еще она сказала, что Элизабет приехала в Лондон только для того, чтобы выйти замуж и расплатиться с долгами, а ты лишил ее этого последнего шанса. Именно поэтому это дитя вынуждено теперь связать свою жизнь с человеком, которого ты назвал старым развратным типом, к тому же втрое старше нее! — Довольный тем, что его ядовитые стрелы достигают цели, Дункан нанес последний удар: — В результате твоей выходки эта прекрасная храбрая девушка была опозорена и два года прожила в полной изоляции, отторгнутая обществом. В ее доме, о котором она рассказывала с такой любовью, остались одни голые стены, после того, как она расплатилась с кредиторами. Тебя можно поздравить, Ян. Ты сделал из невинной девушки прокаженную! Нищую! И все это только за то, что она имела несчастье влюбиться в тебя. После всего, что я узнал, остается только удивляться, что она вообще в тебе нашла!

Лицо Яна окаменело, однако он не предпринял попытки оправдаться. Вцепившись в оконную раму, он молча вглядывался в темноту. Обвинения дяди тяжелыми ударами молота отдавались у него в голове, но он знал еще и то, чего не знал Дункан: как был жесток с Элизабет в последние дни.

Он видел ее такой, какой она была тогда в Англии, храброй и нежной, и слышал ее слова: «Вы сказали моему брату, что для вас это было лишь незначительным приключением». Видел, как она прицеливается в мишень,

пока он насмехается над возможными претендентами на ее руку. Видел, как она стоит на коленях в траве и разглядывает его рисунки. «Мне так жаль», — прошептала она с глазами, полными слез. И то, как она плакала, осознав предательство подруги, он тоже вспомнил.

С горьким раскаянием Ян вспомнил ее доверчивость и нежность вчерашним вечером. Своей невинной пылкостью она чуть не свела его с ума и в ответ получила холодные, жестокие слова:

«Я не собираюсь делать вам традиционного предложения, которое следовало после каждого нашего свидания. О браке не может быть и речи. К тому же в этом месяце я не заработал на дорогие меха и крупные рубины».

Ян вспомнил и другие свои слова: «А с чего ваш дядя решил, будто я захочу жениться на вас?», «Леди Кэмерон — очень богатая молодая женщина, Дункан», «Готов спорить, что все ваши комнаты убраны персидскими коврами и драгоценными камнями величиной с вашу ладонь».

А она была слишком горда, чтобы сказать ему правду. Как же он был теперь зол на себя за свою глупость и слепоту! Он должен был догадаться — в ту же минуту, когда она рассказывала, как ловко умеет торговаться с лавочниками — он должен был догадаться, черт возьми! Все время, что они были знакомы, он был слеп. Нет, со злостью поправил себя Ян, — тогда, в Англии, он интуитивно чувствовал, какая она нежная и гордая, храбрая и невинная и... необыкновенная. Он чертовски хорошо знал, что она вовсе не меркантильная сердцеедка, однако обращался с ней именно так, а потом и сам поверил в это. И все это время она терпела его безобразное обращение! При этом еще пыталась оправдать его, мучаясь тем, что вела себя в Англии как «женщина, не знающая стыда»! Господи, до чего же она была добра и снисходительна к нему, если смогла простить его за все это!

Повисло напряженное молчание, Дункан не шевелился, наблюдая за племянником.

— Тебе сказала об этом ее компаньонка или это твое собственное мнение? — хриплым от волнения голосом спросил вдруг Ян.

— О чем?

Тяжело переведя дыхание, Ян повторил вопрос:

— Ее компаньонка сказала, что два года назад Элизабет была влюблена в меня, или это твое собственное мнение?

Видимо, ответ на этот вопрос был очень важен для Яна, и Дункан едва удержался от улыбки. Однако в настоящую минуту викарию больше всего на свете хотелось, во-первых, женить Яна на Элизабет, чтобы возместить причиненное ей зло, а во-вторых, помирить его с дедом. Для того, чтобы

сделать первое, Яну придется выполнить второе, так как дядя Элизабет ясно дал понять, что на первом месте для него стоит титул. И Дункану так сильно хотелось, чтобы исполнились оба эти желания, что он солгал бы, если бы угрызения совести вовремя не удержали его.

— Мисс Трокмортон-Джонс высказывала такое мнение, когда была под действием лауданума. Видя отношение к тебе Элизабет, я пришел к такому же выводу.

Еще одну невыносимо долгую минуту он пребывал в неизвестности и, зная, о чем сейчас думает Ян, поспешил опередить его. Но чтобы тот не начал возражать, решил опираться только на твердую логику.

— Тебе не остается ничего другого, как избавить девушку от этого отвратительного брака.

Приняв молчание Яна как разрешение продолжать, Дункан заговорил увереннее:

— Чтобы сделать это, ты должен убедить дядю Элизабет не отдавать ее за этого человека. От мисс Трокмортон-Джонс и из прочитанной мною записки я узнал, что дядя Элизабет отдаст предпочтение обладателю самого высокого титула. Среди знати это общепринятое правило, поэтому можешь не питать напрасных надежд, что тебе удастся убедить его в неразумности такого подхода. — Заметив, как побелело лицо Яна, Дункан понял, что достиг своей цели, и пошел ва-банк. — Получить титул в твоих силах, Ян. Я знаю, как сильна твоя ненависть к деду, но сейчас это уже не имеет значения. Либо ты позволишь Элизабет выйти за этого презренного Белховена, либо ты помиришься с герцогом Стэнхоупским. Тут или-или, третьего не дано, и ты знаешь об этом.

Способность трезво мыслить изменяла Яну каждый раз, когда речь заходила о том примирении с герцогом. Дункан молча наблюдал за ним, понимая, какая борьба сейчас происходит в его душе, и со страхом ждал ее результатов. Ян упрямо нагнул свою темноволосую голову и сжал кулаки.

— Проклятый сукин сын! — наконец вырвалось у него сквозь стиснутые зубы. — Через одиннадцать лет он все-таки добился своего. И все из-за того, что я не смог заставить себя не распускать руки и не дотрагиваться до нее.

Дункана наконец отпустило напряжение, и он с трудом сдержал свою радость.

— В жизни бывают вещи и похуже, чем женитьба на прекрасной молодой женщине, которая еще к тому же обладает настолько хорошим вкусом, что полюбила тебя, — утешил он Яна.

Ян хотел было улыбнуться. Однако это желание тут же прошло, как

только реальность обрушилась на него во всей своей сложности и безысходности.

— Что бы она ни чувствовала ко мне, все это осталось в прошлом. Теперь ей нужна только независимость. Викарий удивленно вскинул на него глаза.

— Независимость? Действительно? Какое странное желание для женщины. Но я уверен, что ты сумеешь избавить ее от этих фантазий.

— Не рассчитывай на это.

— Людям свойственно переоценивать значение независимости.

Дай ей эту независимость, и она возненавидит ее, — посоветовал он племяннику.

Но Ян едва слушал его: ярость от сознания того, что ему придется капитулировать перед дедом, поднялась в нем с новой силой.

— Будь он проклят! — проговорил Торнтон сквозь зубы. -

Гори он в аду вместе со своим титулом.

Улыбка исчезла с лица Дункана, и он резко сказал:

— Возможно, именно страх сгореть в аду, чего ты так пламенно ему пожелал, и заставил его прилагать столь отчаянные усилия сделать тебя своим наследником. Однако подумай, герцог начал попытки примирения больше десяти лет назад — задолго до того, как сдало его сердце.

— Он опоздал на десять лет! — не унимался Ян. — Мой отец был законным наследником, а этот старый негодяй и не подумал простить его, пока он не умер.

— Я прекрасно знаю об этом. Но сейчас нет смысла это обсуждать. Ты проиграл эту битву и должен принять поражение с достоинством, соответствующим твоему высокому происхождению — так, как это сделал бы твой отец. Это твое законное право — называться герцогом Стэнхоупским. И ничто не может этого изменить. Больше того, я просто уверен, что твоей отец простил бы герцога, будь у него такая возможность, как сейчас у тебя. В бессильной ярости Ян привалился к стене.

— Я не мой отец, — упрямо проговорил он.

Испугавшись, что Ян засомневался, викарий вновь пошел в наступление:

— Сейчас некогда терять время на разговоры. Я не исключаю вероятности того, что ты опоздал и твой дед уже назвал другого наследника.

— У меня также есть неплохой шанс быть посланным ко всем чертям после того письма, что я написал ему в последний раз.

— Если ты будешь медлить, то приедешь к Элизабет уже после их с

Белховеном свадьбы.

Ян еще какое-то время колебался, потом коротко кивнул и, засунув руки в карманы, нехотя пошел к лестнице.

— Ян? — позвал его Дункан.

Тот остановился и повернулся к викарию.

— Ну что еще? — недовольно спросил он.

— Напиши мне, как добраться до дома Элизабет. Надеюсь, ты сохранил за мной право совершения церемонии бракосочетания?

Племянник кивнул.

— Ты поступаешь правильно, — тихо сказал викарий, думая уже о другом. Он боялся, что Ян будет держаться отчужденно, когда приедет к герцогу, тем самым оттолкнет его, и тот не станет объявлять его своим наследником.

— Независимо от того, каким окажется ваш брак, ты должен жениться на Элизабет. Ты внес хаос в ее жизнь.

— Кстати, значительно больший, чем тебе кажется, — заметил Ян.

— Ради Бога, что это значит?

— Именно из-за меня ее опекуном стал дядя, — с тяжелым вздохом ответил Ян. — Ее брат сбежал не от долгов и не из-за скандала, как думает Элизабет.

— Из-за тебя? Но как это могло случиться?

— Он вызвал меня на дуэль и, когда ему не удалось убить меня законным способом, пытался сделать это еще дважды, подстерегая меня на дороге, причем оба раза был чертовски близок к осуществлению своей цели. Тогда я похитил его и отправил на своей «Арианне» в Индию, чтобы немного охладить его пыл.

Викарий побледнел и буквально упал на диван.

— Как ты мог пойти на такое?

— У меня оставалось только два варианта — либо позволить ему проделать мне дырку в спине, либо сдать его властям. Мне вовсе не хотелось, чтобы его повесили за слишком сильное желание отомстить за свою сестру, я просто хотел, чтобы он убрался с моей дороги.

— Но два года!

— Он вернулся бы раньше, чем через год, но «Арианна» попала в сильный шторм и была вынуждена зайти в Сан-Делора на ремонт. Роберт спрыгнул с корабля и исчез. Я думал, он давно вернулся в Англию. Я и понятия не имел, — закончил Ян, поднимаясь по лестнице, — что он до сих пор не вернулся, пока мне не сказал об этом ты.

— Боже правый! — воскликнул викарий. — Я не смогу осудить

Элизабет, если она возненавидит тебя за это.

— Я не предоставлю ей такой возможности, — безапелляционно заявил Ян, давая понять, чтобы дядя не вмешивался в это дело. — Я найму сыщика, чтобы тот выследил его, и, выяснив, что с ним произошло и где он сейчас находится, все ей расскажу.

Чувство здравого смысла боролось в Дункане с честностью, и на этот раз честность отступила.

— Возможно, так будет лучше, — нехотя согласился он, понимая, как трудно будет Элизабет простить Яну такой поступок. — Все это было бы куда легче исправить, — со вздохом добавил он, — если бы ты раньше узнал о том, что произошло с Элизабет. У тебя такие знакомства в высшем обществе, как же так вышло, что ты ничего не знал?

— Во-первых, после того уик-энда меня не было а Англии почти год. А во — вторых, — с презрительной усмешкой добавил Ян, — по правилам так называемого «хорошего тона» такие вещи никогда не обсуждаются с человеком, которого они лично касаются. Эти люди обсуждают подобные ситуации с кем угодно, желательно непосредственно у тебя за спиной, ни никогда прямо не скажут об этом тебе.

Викарий наконец не выдержал и заулыбался.

— Если отставить сплетни в сторону, ты находишь свет на удивление гордой, деспотичной и самоуверенной частью общества, верно?

— В основном да, — коротко ответил Ян, наконец преодолев лестницу. Когда дверь за ним закрылась, викарий остался один в пустой комнате.

— Ян, — сказал он, и его плечи затряслись от смеха, — тебе очень подойдет этот титул, все необходимые для него качества у тебя есть.

Однако через минуту лицо его стало серьезным, и он поднял благодарный взгляд к потолку.

— Благодарю тебя, — сказал он, адресуя свою благодарность небесам. — Тебе понадобилось довольно много времени, чтобы ответить на мою первую просьбу, зато ту, что касалась Элизабет, ты выполнил с быстротой, о которой можно только мечтать.

Глава 18

Через четыре дня, в полночь, Ян подъехал к гостинице «Белый жеребец». Предоставив конюху заняться своей лошадей, он вошел в гостиницу, быстро миновав общую комнату, где крестьяне пили ель и обменивались новостями. Владелец гостиницы — полный мужчина в засаленном фартуке, — оценив сшитый у дорогого портного черный френч и сизо-голубые бриджи, а также твердое лицо и крепкую фигуру мистера Торнтон, принял мудрое решение не брать с него денег вперед, зная по опыту, что господ это часто задевает. И уже через минуту поздравил себя с этим, так как мистер Торнтон, заказав в номер еду, выказал интерес к великолепному поместью герцога Стэнхоупского.

— Далеко от вас Стэнхоуп-парк?

— Час езды верхом, сэр.

Ян задумался, не зная, пойти ли ему туда завтра без предупреждения или предварительно уведомить о своем визите.

— Мне нужно будет отправить туда записку завтра утром, — сказал он после некоторых колебаний.

— Я пошлю с ней своего мальчишку. В какое время ее нужно доставить в Стэнхоуп-парк?

Ян снова заколебался, но понял, что это неизбежно.

— В десять часов.

На следующее утро Ян сидел в небольшой гостиной своего номера за давно остывшим завтраком и поглядывал на часы. Прошло уже три часа с тех пор, как ушел посыльный, значит, уже как минимум час назад он должен был вернуться с ответом, если таковой вообще будет. Он положил часы на стол и подошел к камину, нервно похлопывая по ноге перчатками для верховой езды. Ян терялся в догадках: может быть, герцог живет сейчас не здесь, а в Лондоне, а если здесь, то примет ли он его, или, может быть, он уже назвал нового наследника и теперь откажется встретиться с ним в отместку за десять лет бесплодных попыток примирения. С каждой истекшей минутой Ян все больше склонялся к последнему.

Через какое-то время в дверях появился хозяин гостиницы,

— Мой мальчишка еще не вернулся, хотя давно уж пора бы. Если он не появится через час, мне придется взять с вас двойную плату, мистер Торнтон.

Ян глянул через плечо, испытывая сильное желание свернуть ему шею.

— Велите оседлать мою лошадь и вывести ее во двор, — коротко приказал он, сам не зная, для чего ему это нужно. Ян готов был согласиться на публичную порку, только бы вернуть назад письмо, которое послал тогда деду. Из-за этого дурацкого письма теперь его вышвырнут, как назойливого просителя, а это было непереносимо.

Хозяин гостиницы подозрительно прищурился, разглядывая его спину. Обычно он брал деньги вперед, когда видел, что гость путешествует без экипажа и камердинера. В данном случае он изменил своему правилу, так как речь этого джентльмена выдавала его знатное происхождение, а костюм был сшит на заказ у дорогого портного, что он научился определять с одного взгляда. Однако теперь, когда из Стэнхоуп-парка даже не потрудились прислать ответ на его записку, он пересмотрел свое мнение о госте и был твердо намерен не дать ему улизнуть, не заплатив по счету.

Ян наконец заметил, что хозяин до сих пор не ушел.

— Да в чем дело? — резко спросил он.

— Ваш счет, сэр. Я бы хотел, чтобы вы заплатили сейчас. Его алчные глаза расширились от удивления, когда гость извлек из кармана толстую пачку банкнот, вытащил одну и сунул ему в руку.

Ян подождал еще полчаса, после чего наконец принял как факт, что ответа не будет. В бешенстве оттого, что впустую потратил время, он вышел из гостиной, намереваясь поехать в Лондон и купить согласие дяди Элизабет на брак. На ходу застегивая перчатки, он прошел через общую комнату вниз, не замечая внезапно наступившей тишины: крестьяне, которые пили эль за поцарапанными столами, раскрыли рты и с любопытством смотрели то на Яна, то на дверь. Владелец гостиницы, который несколько минут назад считал постояльца способным украсть у него оловянную кружку, теперь стоял в нескольких шагах от открытой двери, глядя на Яна с отвисшей челюстью.

— Милорд! — выговорил он наконец и, не находя больше слов, молча указал на дверь.

Ян застегнул последнюю пуговицу на перчатке и поднял глаза на хозяина, склонившегося в почтительном поклоне, потом посмотрел на дверь и увидел там двух лакеев и кучера в зеленых с золотом ливреях, застывших в напряженном молчании.

Не обращая внимания на крестьян, кучер шагнул вперед, низко поклонился Яну и откашлялся. Громким монотонным голосом он проговорил устное послание герцога, которое не оставляло сомнений и его реакции на неожиданный визит Яна: «Его Высочество герцог

Стэнхоупский уполномочил меня передать его горячую радость по поводу прибытия маркиза Кенсингтонского... и сообщить его светлости, что его с нетерпением ожидают в Стэнхоуп-парке».

Отдав кучеру распоряжение адресоваться к мистеру Торнтону как к маркизу Кенсингтонскому, герцог тем самым публично оповестил Яна и всех присутствующих, что этот титул отныне и впредь будет принадлежать ему. Ян не ожидал такого жеста, означавшего для него две вещи: первое — дед не держал на него зла за то, что он неизменно отклонял все его предложения, и второе — старик достаточно хитер и понял, что на этот раз победа от него не ускользнет.

Нахмурившись, Ян коротко кивнул кучеру и прошагал мимо разинувших рты крестьян, которые почтительно приподнимали свои головные уборы перед человеком, только что публично провозглашенным наследником герцога. Выйдя во двор, Ян увидел еще одно доказательство того, что он желанный гость в доме деда: вместо обычного экипажа герцог прислал за ним закрытую карету, запряженную четверкой прекрасных лошадей в серебряной сбруе.

Хотя Яну было приятно узнать, что его считают желанным и дорогим гостем, он не собирался растаять от всех этих знаков внимания. Он приехал сюда не для того, чтобы восстановить родственную связь с дедом, а чтобы принять титул, который по праву принадлежал его отцу. И кроме этого, ему больше ничего не нужно от старого герцога.

Несмотря на свой суровый настрой, Ян тем не менее испытал какое-то странное ощущение нереальности происходящего, когда карета въехала в ворота и покатила по подъездной дороге к особняку, который его отец до двадцати трех лет называл своим домом. Это место неожиданно для него самого вызвало у Яна нечто похожее на ностальгию, и одновременно в нем опять вспыхнуло враждебное чувство к тирану, который лишил своего сына наследства и дома, где тот родился и вырос. Критическим взглядом Ян оглядывал ухоженный парк и необъятных размеров каменный дом с множеством дымоходов на крыше. Любому другому человеку Стэнхоуп — парк показался бы величественным и значительным, но для Яна это было выдавшее виды здание без определенного архитектурного стиля и с устаревшими коммуникациями. Глядя на него, Ян подумал, что самый дешевый из его домов гораздо красивее, чем этот вычурный особняк.

Карета остановилась у парадного крыльца. Когда Ян вышел, входная дверь была уже открыта и рядом с ней стоял очень старый худой дворецкий, по традиции одетый в черное. Отец редко рассказывал Яну о своем отце, так же как о самом поместье и землях, но зато частенько

говорил о дорогих ему людях из прислуги. Поднимаясь по ступенькам крыльца, Ян взглянул на дворецкого и по описанию узнал в нем Ормли. Если судить по рассказам отца, это должен быть тот самый Ормли, который застал его однажды на сеновале с графином лучшего французского бренди, которое имелось в поместье. Отцу тогда было всего десять лет. Ормли взял на себя вину за пропажу ценного напитка, сказав, что он сам выпил бренди, а графин забыл поставить на место, будучи сильно пьян.

В настоящий момент Ормли с нежностью смотрел на Яна, и его выцветшие голубые глаза были полны слез.

— Добрый день, милорд, — официальным тоном приветствовал его старый дворецкий, но у Яна создалось впечатление, что тот едва удерживается, чтобы не заключить его в объятия. — И... могу ли я вам сказать... — голос его охрип от волнения, и он закашлялся, — могу ли я сказать, как это очень, очень хорошо, что вы наконец здесь... — у Ормли снова сорвался голос, он покраснел, и Ян на время забыл о своей обиде на деда.

— Добрый день, Ормли, — ответил он и улыбнулся, увидев, какой радостью озарилось морщинистое лицо дворецкого, когда он понял, что Ян слышал о нем от отца. Испугавшись, что старый слуга сейчас снова согнется в поклоне, Ян быстро протянул ему руку. — Надеюсь, вы уже перестали злоупотреблять французским бренди?

Выцветшие старческие глаза засверкали, как бриллианты, при этом явном доказательстве того, что отец Яна рассказывал о нем сыну.

— Добро пожаловать, милорд. Наконец-то вы дома, — осипшим голосом сказал Ормли, отвечая на рукопожатие Яна.

— Я пробуду здесь всего несколько часов, — ответил Ян и увидел, что глаза преданного слуги снова повлажнели от огорчения. Однако он справился с собой и повел Яна по просторному обитому дубом холлу. На каждом шагу им попадались лакеи и горничные, которые делали вид, что протирают зеркала, мебель и окна. Они бросали на Яна долгие любопытные взгляды и обменивались друг с другом одобрительными улыбками. Ян был настолько поглощен предстоящей встречей с дедом, что не обращал внимания на их повышенный интерес, однако краем глаза заметил, что некоторые из старых слуг украдкой вытирают глаза и носы платками.

Ормли подошел к двойным дверям в конце длинного коридора, и Ян приготовился к встрече с дедом, напустив на себя полное безразличие. Даже мальчиком он не позволял себе поддаваться слабости и думать о нем как о родственнике. Однако изредка пытался представить себе, как он

выглядит, и воображение рисовало ему человека, похожего на отца, — среднего роста, со светло-каштановыми волосами и мягкими ореховыми глазами. Ормли театральным жестом распахнул дверь гостиной, Ян прошел вперед и подошел к стулу, где, опершись на трость, сидел пожилой человек, который с видимым трудом поднялся ему навстречу. Когда герцог выпрямился и встал перед ним в полный рост, Ян обомлел: мало того, что его рост составлял те же шесть футов и два дюйма, что и у Яна, его лицо, как с неудовольствием отметил про себя Ян, было точной копией, разве что с поправкой на возраст, его собственного лица. Теперь Ян еще больше сожалел, что совсем не похож на своего отца. Смотреть на себя постаревшего, с седыми волосами, откровенно говоря, было жутковато.

Герцог тоже пристально разглядывал его и, очевидно, пришел к такому же заключению, хотя его реакция была диаметрально противоположной: он улыбнулся, заметив, что Ян потрясен столь разительным сходством.

— Ты не знал? — спросил герцог сильным низким баритоном, и Яну показалось, что он слышит свой собственный голос.

— Нет, не знал, — коротко ответил Ян.

— Значит, у меня есть преимущество, — сказал он, опираясь на трость и вглядываясь в лицо Яна, как вглядывался перед этим Ормли. — Как видишь, я знал.

Ян остался безучастен к затуманившемуся взгляду янтарных глаз деда.

— Я буду краток и буду говорить только по существу, — начал он, но герцог остановил его, подняв свою длинную аристократическую ладонь.

— Пожалуйста, Ян, — охрипшим голосом сказал он, кивая на стул напротив своего. — Я ждал этого момента дольше, чем ты можешь себе представить. Прошу тебя, не лишай старика удовольствия принять своего законного внука как полагается.

— Я приехал сюда не для того, чтобы положить конец семейной вражде, — сухо ответил Ян. — Будь моя воля, ноги бы моей здесь не было!

Герцога задел его тон, однако он ничем этого не выдал.

— Полагаю, ты пришел взять то, что принадлежит тебе по праву, — мягко обратился он к Яну, но его неожиданно прервал властный женский голос, раздавшийся с дивана. Ян резко обернулся и увидел двух престарелых леди, чьи маленькие хрупкие тела были почти не видны за большими диванными подушками.

— В самом деле, Стэнхоуп, — проговорила одна из них на удивление сильным для ее возраста голосом, — как ты можешь рассчитывать, что мальчик будет вести себя цивилизованно, если сам забыл о хороших манерах? Ты даже не предложил ему выпить, не говоря уж о том, что забыл

сказать о нашем присутствии. — Легкая улыбка тронула ее губы, когда она перевела взгляд на застывшего от неожиданности Яна. — Я твоя двоюродная бабушка Гортензия, — сообщила она ему, царственно наклоняя голову. — Нас познакомили в Лондоне несколько лет назад, но ты, я вижу, не запомнил меня.

Встретившись со своими двоюродными бабушками случайно и больше ни разу не видев их, Ян не испытывал к ним ни привязанности, ни неприязни. Он вежливо поклонился Гортензии, а она кивком головы указала ему на вторую седую леди, которая, видимо, дремала, так как голова ее была опущена на грудь.

— А эта особа моя сестра Чэрити, твоя вторая двоюродная бабушка, которая, как всегда, дремлет. Сам понимаешь, возраст сказывается.

Маленькая седая головка приподнялась, голубые глаза открылись и обиженно воззрились на Гортензию.

— Я всего на четыре года старше тебя. Гортензия, и с твоей сторены очень нехорошо каждый раз напоминать мне об этом, — с упреком воскликнула она, потом увидела Яна, и блаженная улыбка расплылась по ее лицу. — Ян, мальчик мой дорогой, меня-то ты помнишь?

— Конечно, мадам, — галантно начал Ян, но Чэрити перебила его.

— Вот видишь. Гортензия, — сказала она, победоносно глядя на сестру, — меня он помнит, и это потому, что я не состарилась так, как ты, хотя и старше тебя. Правда? — с надеждой спросила старушка, поворачиваясь к Яну.

— Послушайся моего совета — никому не задавай подобных вопросов, — сухо сказал герцог. — Леди, — он сурово посмотрел на сестер, — нам с Яном нужно кое — что обсудить. Я обещал вам, что вы увидите его, как только он приедет. Я выполнил свое обещание и теперь настаиваю, чтобы вы позволили нам заняться делами. Мы присоединимся к вам за чаем.

Ян промолчал, решив не расстраивать их сообщением, что не пробудет здесь до чая. Гортензия встала и протянула ему руку для поцелуя. Ян поцеловал ее руку и уже приготовился поцеловать руку второй леди, как Чэрити подставила ему щеку, и Яну ничего не оставалось, как подчиниться необходимости.

Когда женщины удалились, вместе с ними ушли и вынужденные любезность и мягкость Яна. Мужчины молча стояли и смотрели друг на друга — совершенно чужие люди, у которых не было ничего общего, кроме разительного внешнего сходства и крови, текущей в их жилах. Герцог застыл в гордой аристократической позе, но глаза его излучали тепло, Ян с

холодным решительным лицом нетерпеливо похлопывал перчатками по ноге. Герцог не выдержал этой молчаливой дуэли взглядов и сдался.

— Думаю, по такому случаю надо выпить шампанского, сказал он, протягивая руку к сонетке, чтобы вызвать слугу. Резкий циничный ответ Яна остановил его руку.

— По такому случаю нужно пить напитки покрепче. — На на то, что Ян не только не видит повода для праздника, но и находит эту ситуацию неприятной, не остался не замеченным герцогом. Однако он непринужденно улыбнулся и дернул за сонетку.

— Шотландское виски, я угадал? — сказал он. Ян слегка удивился осведомленности старика о том, что он предпочитает шотландское виски всем остальным напиткам, однако он по-настоящему изумился, когда в то же мгновение в кабинет вошел Ормли, неся на серебряном подносе графин с виски и бутылку шампанского. Либо дворецкий был ясновидящим, либо у него были крылья, в противном случае это могло означать только одно поднос был приготовлен еще до прибытия Яна.

Дворецкий улыбнулся Яну и так же быстро исчез, как и появился, закрыв за собой дверь.

— Как ты думаешь, мы можем присесть или будем соревноваться, кого перестоит?

— Мне бы хотелось покончить с этим как можно быстрее, ледяным тоном ответил Ян.

Вопреки ожиданиям Яна Эдвард Эйвери Торнтон не оскорбился, он смотрел на своего внука, и сердце его переполнялось гордостью за этого сильного энергичного человека, который носил его имя. Больше десяти лет он с презрением отказывался от самого высокого титула Англии, и если любого другого человека это могло бы привести в ярость, Эдвард видел в гордом упрямстве и высокомерии внука лишь проявление натуры истинного Торнтон. Правда, в настоящий момент его упрямство шло вразрез с желаниями герцога, и потому Эдвард приготовился вынести что угодно, лишь бы добиться того, чего желал больше всего на свете, — примирения" со своим внуком. Он хотел если не любви, то хотя бы уважения и маленького, совсем незначительного уголка в его сердце. И прощения. Это было для него самым важным. Герцогу было необходимо, чтобы Ян простил ему самую большую ошибку его жизни и то, что он слишком долго не хотел признавать ее. И ради этого Эдвард был готов вынести от Яна все что угодно, за исключением его немедленного отъезда. Если он не может получить от внука ничего другого — ни привязанности, ни уважения, ни прощения, — он хотел хотя бы просто побыть с ним какое-

то время. Немного — день или два, или даже несколько часов, которые остались бы ему на память, несколько воспоминаний, которые он мог бы лелеять в своем сердце в оставшиеся до кончины дни.

— Возможно, мне удастся подготовить бумаги через неделю, — уклончиво сказал герцог в надежде потянуть время.

Ян поставил бокал с виски на стол и холодным ясным голосом произнес:

— Сегодня.

— Возникнет уйма юридических проволочек. Ян, который чуть ли не ежедневно сталкивался с юридическими проволочками, с вызовом посмотрел деду в глаза:

— Сегодня. Эдвард заколебался, потом вздохнул и кивнул.

— Думаю, мой юрист может заняться этим прямо сейчас, пока мы здесь разговариваем. Это очень сложное дело и требует больших затрат времени, так что в любом случае на это уйдет несколько дней.

Нужно еще решить вопрос с твоими владениями...

— Мне не нужны никакие владения. И деньги тоже, если они есть. Я возьму только этот проклятый титул.

— Но...

— Все, что требуется от вашего юриста, — это составить четкий и ясный документ, в котором будет написано, что вы объявляете меня своим наследником. На это уйдет не больше четверти часа. Я собираюсь в Бриншир, оттуда — в Лондон. Я уеду, как только документ будет подписан.

— Ян, — начал Эдвард, но, взглянув на лицо внука, понял, что упрашивать бесполезно, и замолчал. Гордость и непреклонная воля, решительность и сила, которые свидетельствовали о том, что это его внук, одновременно делали его недостижимым для него. Слишком поздно. Удивленный тем, что Ян отказывается от богатства и согласен взять только титул, старик тяжело поднялся и вышел в коридор сказать юристу, чтобы тот занялся составлением документов, включив в них все владения и доходные предприятия Торнтонов. В конце концов он тоже Торнтон, и у него тоже есть гордость.

Пусть через час Ян уедет, но он уедет обладателем всех богатств владений, которые принадлежат ему по праву рождения. Когда герцог вернулся, Ян стоял у окна.

— Все готово, — сказал Эдвард, опускаясь на стул. При этих словах Ян немного расслабился — наконец все закончилось. кивнул, налил себе еще виски и сел напротив деда.

После нескольких минут, в течение которых было слышно то ко

тиканье часов, герцог нарушил молчание:

— Насколько я понимаю, тебя следует поздравить. Ян вздрогнул. О помолвке с Кристиной, которую он собирался расторгнуть, еще не было объявлено.

— Кристина Тэйлор — прекрасная молодая женщина. Я знал ее деда и дядю и, конечно, отца — графа Мельбурнского. Она будет тебе отличной женой, Ян.

— Поскольку двоеженство является в этой стране преступлением, я считаю это маловероятным.

Герцог был неприятно удивлен тем, что получил неверную информацию, и, отпив еще один глоток шампанского, спросил:

— В таком случае могу я спросить, кто же эта счастливая молодая женщина?

Ян открыл было рот, чтобы послать его к черту, но тот жест, каким дед медленно поставил бокал на стол, почему-то встревожил его. Он молча наблюдал, как старик начал подниматься.

— Я отвык от спиртного, — извиняясь, сказал герцог. — Наверное, мне надо немного отдохнуть. Если не трудно, позвони, пожалуйста... Ормсли, — севшим голосом попросил он. — Он знает, что делать.

Ян позвонил. Буквально через секунду в гостиную вошел Ормсли и, подхватив герцога, повел его по лестнице. Немедленно послали за доктором. Через полчаса доктор взбежал по лестнице, на ходу расстегивая сумку с инструментами, и Ян остался в гостиной ждать, отгоняя от себя мрачные мысли о том, что приехал как раз вовремя, чтобы присутствовать при кончине своего деда.

Однако доктор, спустившийся через некоторое время вниз, рассеял его тревогу.

— Я много раз предупреждал герцога, чтобы он не пил спиртного, — возмущенно сказал он. — Спиртное губительно для его сердца. Сейчас он отдыхает. Часа через два вы сможете повидать его.

Яну хотелось быть безразличным. Он говорил себе, что этот старик, так похожий на него самого, ничего для него не значит, и тем не менее вдруг услышал свой голос, который спрашивал:

— Сколько ему еще осталось? Доктор развел руками.

— Кто знает? Неделя, месяц, год, может быть, больше. У него Слабое сердце, но сильный дух, и сейчас он сильнее, чем когда-либо, — заметил доктор, надевая светлый плащ, который подал ему Ормсли.

— Что вы хотите сказать этим «сильнее, чем когда-либо»? Врач недоуменно улыбнулся.

— То есть как это что? Я хочу сказать, что ваш приезд очень много значит для него, милорд. Он произвел на герцога поразительный эффект, я бы даже сказал — чудодейственный. Обычно он ворчит на меня, когда плохо себя чувствует, а сегодня едва не сжал меня в объятиях, крича, что к нему приехали вы. Если честно, мне было приказано «пойти взглянуть на вас», — признался доктор, — хотя, конечно, это нужно было сделать незаметно. — Засмеявшись, он добавил: — Он сказал, что вы красивы, как дьявол.

Ян постарался заглушить в себе все эмоции и никак не прореагировал на эти слова.

— Всего доброго, милорд, — попрощался доктор. — Леди, — он повернулся к сестрам герцога, которые беспокойно выглядывали в коридор, и приподнял шляпу.

— Пойду погляжу на него, — объявила после ухода доктора Гортензия и, повернувшись к сестре, сурово предупредила: — Смотри, не надоедай Яну своей болтовней. И не вмешивайся, — скрипучим голосом добавила она, поднимаясь по лестнице.

В течение следующего часа Ян мерил шагами комнату, а Чэрити с величайшим интересом наблюдала за ним. Единственным, чего ему сейчас не хватало, было время, и именно время он сейчас терял. При таких темпах к моменту его возвращения в Лондон Элизабет успеет родить своего первенца. А ведь до того, как он сможет появиться перед ее дядей, ему еще нужно встретиться с отцом Кристины и сообщить ему о расторжении помолвки.

— Ведь ты не уедешь сегодня, правда, мой дорогой мальчик? — неожиданно спросила Чэрити.

Сдержав вздох раздражения, Ян покачал головой.

— Боюсь, мне придется уехать, мэм.

— Его сердце будет разбито.

— Он выживет, — жестко ответил Ян, подавив желание сказать ей, что сомневается в том, что там есть чему разбиваться.

После этих слов старая леди уставилась на него так пристально, что Ян не мог понять, то ли она задумалась о чем-то своем, то ли пытается угадать его мысли. Задумалась, наконец решил он, когда она встала и сказала, что он обязательно должен посмотреть рисунок с воробьями, который сделал его отец еще мальчиком.

— Как-нибудь в другой раз, — отказался Ян.

— Я думаю, это нужно сделать именно сейчас, — она по-птичьи склонила головку набок.

Мысленно проклиная ее, Ян снова начал отказываться, но потом вдруг подумал, что это поможет ему убить время, и согласился. Она провела его по длинному коридору в комнату, которая показалась

Яну личным кабинетом его деда. Войдя туда, Чэрити задумчиво приложила палец к губам.

— Где же этот рисунок? Ах, да, вспомнила, — радостно сказала она. Просеменив к письменному столу, она провела по дну ящика, будто ища скрытый замок. — Тебе он понравится, я уверена. Где же этот замок? — бормотала она, прикидываясь рассеянной, забывчивой старушкой. — Ах, вот же он! — воскликнула Чэрити и выдвинула ящик. — Он, должно быть, здесь, — сказала она, указывая на открытый ящик. — Поройся в бумагах и найдешь.

Ян отказался рыться в чужом столе, но Чэрити не страдала особой щепетильностью. Засунув руки в ящик по локоть, она вытянула толстую пачку бумаг и бросила на стол.

— Так, а какой же из них я искала? — разбирая их, приговаривала она. — У меня уже не те глаза, что были раньше. Ян, милый, ты не видишь здесь птичку?

Ян оторвал от часов раздраженный взгляд, чтобы взглянуть на разложенные листки, и остолбенел. Прямо на него со множества рисунков смотрел он сам. Вот он стоит за штурвалом своего первого корабля, который положил начало его флоту, вот он идет мимо сельской деревушки в Шотландии с молоденькой деревенской девушкой, которая подняла к нему смеющееся лицо, вот он шестилетний — очень серьезный, сидит верхом на своем маленьком пони, вот он семи-, восьми-, девяти — и десятилетний... Помимо рисунков, здесь были дюжины подробнейших отчетов о жизни Яна — начиная с общих описаний и кончая конкретными событиями с точным указанием мест и дат.

— Ну что, нашел птичку, дорогой? — невинно поинтересовалась Чэрити, пристально изучая не бумаги, разложенные на столе, а самого Яна, у которого начала пульсировать жилка на шее.

— Нет.

— Тогда она, должно быть, в классной! Конечно, — радостно прощепетала старая леди, — она наверняка там. Как это на меня похоже, сказала бы Гортензия, — сделать такую глупую ошибку.

Ян оторвал взгляд от этих наглядных доказательств того, что дед пристально следил за его жизнью почти с самого рождения, во всяком случае, с того момента, как он начал выходить за пределы дома на своих собственных маленьких ногах, и посмотрел ей в лицо.

— Гортензия не слишком проницательна, — улыбнулся он. — На мой взгляд, у вас хитрости побольше, чем у лисы.

Чэрити лукаво улыбнулась и приложила палец к губам.

— Только не говорите этого ей, ладно? Гортензии доставляет такое удовольствие думать, что она умнее меня.

— Каким образом он добывал все эти сведения? — вопросом остановил ее Ян, потому что она уже собралась уйти и оставить его здесь одного.

— Многие из этих рисунков сделала одна женщина, которая жила в деревне неподалеку от вас. А когда ты куда-нибудь уезжал, он специально нанимал художника, который должен был ехать туда же и делать зарисовки. Побудь пока здесь — здесь тихо и хорошо, а мне нужно кое-куда сходить.

Ян знал, что она уходит, чтобы он мог рассмотреть все это без свидетелей. Какое-то мгновение он сомневался, нужно ли ему здесь оставаться, потом медленно опустился на стул и начал просматривать отчеты о самом себе. Все они были написаны неким мистером Эдгаром Норвичем, и по мере того, как Ян просматривал толстую пачку писем, его злость на деда за столь беспардонное вторжение в его личную жизнь начала проходить, и он с увлечением погрузился в летопись своей жизни. Почти каждое письмо начиналось с извинений, из которых явствовало, что герцог постоянно упрекал его за недостаточно подробные отчеты.

Верхнее письмо начиналось так,

«Прошу Вашу светлость простить мне мое непреднамеренное упущение. Я забыл упомянуть, что мистер Торнтон любит иногда выкурить сигару, причем предпочитает сигары с обрезанными кончиками...»

Следующее письмо начиналось так:

«Я не предполагал. Ваша светлость, что Вы захотите узнать, с какой скоростью бежала его лошадь на скачках. Мне казалось достаточным сообщить, что она выиграла забег».

Письма были затертыми, с загнутыми концами, из чего Ян сделал вывод, что их перечитывали неоднократно. Кроме того, из некоторых комментариев на полях он заключил, что герцог гордился его успехами:

«Вам будет приятно узнать. Ваша светлость, что из Яна получился отличный выжлятник, как Вы и предполагали...»

«Я, как и многие другие, совершенно согласен с Вами, что мистер Торнтон — настоящий математический гений...»

«Уверяю Вас, Ваша светлость, что Ваша тревога по поводу этой дуэли совершенно напрасна. Это было всего лишь поверхностное ранение в руку, и ничего больше».

Ян выбирал письма наобум, не замечая, как в баррикаде, которую он воздвиг между собой и дедом, появляется брешь.

«Ваша светлость, — в необычно раздраженном тоне писал Эдгар Норвич, когда Яну было одиннадцать, — ваше предложение пригласить доктора, который сумел бы тайно осмотреть Яна на предмет его больного горла, совершенно невыполнимо. Даже если бы мне удалось найти такого, который согласился бы прикинуться заблудившимся путником, я не представляю, каким образом он мог бы ухитриться заглянуть мальчику в горло, не возбудив при этом подозрений!»

Минуты переходили в часы, и Яна все сильнее охватывало смятение. Перед ним проходила вся его жизнь, с ее достижениями и прегрешениями. Ему регулярно попадались упоминания о его карточных выигрышах и проигрышах, описания и рисунки всех его кораблей, подробные отчеты о его финансовых операциях.

Ян медленно открыл ящик, запихнул бумаги обратно, вышел из кабинета и пошел в гостиную, где его и нашел Ормсли, чтобы сказать, что герцог желает его видеть.

Когда Ян вошел к деду, тот, облаченный в домашний халат, сидел в кресле у камина. Вид у него был на удивление бодрый.

— Вы выглядите... — Ян заколебался, недовольный охватившим его чувством облегчения оттого, что дед так хорошо выглядит, — поправившимся, — коротко закончил он.

— Я уже давно не сочувствовал себя так хорошо, — заявил герцог. Ян не знал, чем вызвано это заявление — то ли его самочувствие действительно улучшилось, то ли это было проявлением силы духа, которой так восхищался врач. — Бумаги готовы, я уже подписал их. Я... взял на себя смелость приказать подать сюда обед... в надежде, что ты не откажешься разделить со мной трапезу перед отъездом. Ведь тебе все равно придется где-нибудь поесть.

Ян нерешительно кивнул и увидел, как обрадовало герцога его согласие.

— Отлично! — С сияющим лицом он вручил Яну бумаги и перо.

С тайным удовлетворением он смотрел, как Ян, не глядя, подписывает документы, тем самым принимая не только титул, но и сопутствующее ему состояние. — Теперь мы можем продолжить разговор, который нам пришлось прервать внизу, в гостиной. О чем мы там говорили? — спросил он внука, принимая от него обратно бумаги.

Мыслями Ян все еще пребывал в кабинете — за письменным столом, заваленным его портретами и письмами, в которых содержалась история

его жизни, и потому рассеянно посмотрел на старика.

— Ах, да, — вспомнил герцог, — мы обсуждали твою будущую жизнь. Так кто же эта счастливая молодая леди?

Закинув ногу на ногу, Ян откинулся в кресле и, немного помолчав, небрежным тоном спросил:

— А вы разве не знаете? — он с деланным удивлением приподнял одну бровь. — Мне об этом известно уже пять дней. Или письмо от мистера Норвича опять запаздывает?

Дед сразу как-то сжался в своем кресле, будто разом состарился.

— Чэрити, — тихо сказал он. Тяжело вздохнув, он поднял на Яна умоляющий взгляд, сумев, однако, при этом не утратить достоинства: — Ты сердишься?

— Не знаю.

Герцог кивнул. — Знаешь ли ты, как трудно иногда бывает сказать: «Прости»?

— И не говорите, — отрывисто бросил Ян.

Дед издал долгий вздох и снова кивнул, смиряясь с ответом Яна.

— Хорошо, тогда можем мы просто поговорить? Хотя бы немного?

— О чем бы вы хотели поговорить?

— О твоей будущей жене, например, — с теплотой в голосе ответил дед. — Кто она?

— Элизабет Камерон.

— Элизабет Камерон? — изумленно переспросил герцог. — Мне казалось, ты покончил с этой историей еще два года назад. Ян подавил угрюмый смешок.

— Я немедленно пошлю ей свои поздравления, — заявил герцог.

— Они будут преждевременны, — коротко бросил Ян. Но не прошло и часа, как, разомлевший от бренди и усталости, убаюканный тонкими ненавязчивыми расспросами деда, он нехотя поведал деду, как обстоят дела, и с удивлением обнаружил, что ему не надо рассказывать о тех слухах, которые связаны с именем Элизабет, и о ее репутации в свете. Как и сказала Люсинда Трокмортон-Джонс, это было известно всем, даже его деду.

— Поверь мне, Ян, — предупредил его герцог, — если ты думаешь, что в обществе забудут о ее проступке, простят и примут ее только потому, что она твоя жена, ты сильно ошибаешься. Они «не заметят» твоего участия в этой некрасивой истории, как, собственно, они уже и сделали, потому что ты мужчина, и мужчина богатый, не говоря уж о том, что теперь ты маркиз Кенсингтонский. Конечно, они будут терпеть Элизабет, если ты

сделаешь ее маркизой, у них просто не будет выбора, но они не откажутся от малейшей возможности уколоть ее, и как можно больнее. Чтобы заставить общество снова принять ее как равную, потребуется некая демонстрация силы со стороны высокопоставленных особ, пользующихся особым влиянием. В противном случае она останется парией.

Что касается самого Яна, то он совершенно спокойно и без колебаний послал бы это общество ко всем чертям, но беда в том, что именно туда общество и отправило Элизабет, а ему хотелось залечить ее раненую гордость. Пока Ян думал, как ему поступить, дед вдруг решительно заявил:

— Я поеду в Лондон, чтобы находиться рядом, когда будет объявлено о твоей помолвке.

— Нет, — резко ответил Ян и плотно сжал челюсти. Одно дело — отказаться от ненависти к этому человеку и совсем другое — позволить ему влезть в его жизнь или принимать от него помощь.

— Я понимаю, почему ты отказываешься от моей помощи, — спокойно ответил дед. — Но я предложил ее не только потому, что это доставит мне удовольствие. Есть и другие веские причины: во-первых, моя поддержка и горячее желание назвать Элизабет своей внучкой сразу же невероятно возвысят ее в глазах света. Практически я чуть ли не единственный человек, который может склонить мнение света в ее пользу. А во-вторых, — продолжил герцог, ухватившись за эту возможность, посланную ему Богом, — до тех пор, пока нас с тобой не увидят вместе хотя бы один раз, в обществе по-прежнему будут сомневаться в твоих правах на наследство и титул. Другими словами, ты можешь называть себя моим наследником, но до тех пор, пока в обществе не увидят, что я сам признаю тебя таковым, эти люди так до конца и не поверят в это, что бы ты там ни говорил и что бы ни писали газеты. Таким образом, если ты хочешь, чтобы к маркизе Кенсингтонской относились с должным уважением, то для начала должен добиться своего собственного признания маркизом Кенсингтонским. Это неразделимо. И действовать нужно не торопясь, — подчеркнул он, — постепенно, шаг за шагом. Если мы будем поступать именно так, никто не посмеет поднять против нас голос, а впоследствии им придется принять и леди Элизабет.

Ян не знал, что ответить, сотни мыслей роились у него в голове и сотни чувств терзали его сердце.

— Мне надо подумать, — сказал он.

— Понимаю, — тихо отозвался герцог. — На тот случай, если ты решишь прибегнуть к моей поддержке, я завтра утром поеду в

Лондон и буду жить в своем городском доме.

Ян поднялся, собираясь уходить, и герцог тоже встал с кресла. Старик неловко протянул внуку руку и, колебавшись, Ян протянул свою. Рукопожатие деда оказалось неожиданно крепким.

— Ян, — с отчаянием в голосе вдруг сказал он, — если бы я мог вернуться на тридцать два года назад, я бы поступил иначе.

Клянусь тебе.

— Не сомневаюсь, — отчужденно произнес Ян.

— Как ты думаешь, — прерывающимся голосом продолжил старик, — ты сможешь когда-нибудь простить меня?

— Не знаю, — честно признался Ян. Дед кивнул и отпустил его руку.

— Я буду в Лондоне через неделю. А когда ты планируешь быть там?

— Пока трудно сказать. Это зависит от того, сколько времени уйдет на переговоры с отцом Кристины и дядей Элизабет. Потом нужно будет объяснить все самой Элизабет. Учитывая все это, к пятнадцатому я надеюсь успеть.

Глава 19

Элизабет медленно встала, пальцы ее нервно сжались в кулаки, и она взволнованно посмотрела на Александру Таунсенд, прогуливающуюся по своей великолепной просторной гостиной, отделанной в зеленовато-кремовых тонах.

— Алекс, это безумие! — сердито воскликнула Элизабет. — Дядя дал мне отсрочку до двадцать четвертого, а сегодня уже пятнадцатое! Как ты можешь звать меня сегодня на бал, когда моя жизнь, можно сказать, уже кончена! За все это время мы так ничего и не придумали!

— У тебя есть выход, — уговаривала ее Алекс. — Во всяком случае, с тех пор, как ты приехала, мне приходит в голову только одна идея.

Элизабет перестала закатывать глаза к потолку и резко тряхнула головой, решительно давая понять, что Алекс совсем изменил здравый смысл. Элизабет мчалась в Англию как сумасшедшая, надеясь отговорить дядю, но он встретил ее радостным сообщением:

— Я получил встречное предложение от лорда Марчмэна. У него выше титул и больше состояние, поэтому весьма вероятно, что мне не придется давать за тобой слишком много денег. В общем, я написал ему и попросил окончательно определиться до двадцать четвертого.

Элизабет взяла себя в руки и постаралась использовать хорошее настроение дяди, чтобы уговорить его отпустить ее до этого времени и Лондон. И дядя, зная, что скоро ему наконец удастся сбыть ее с рук, оказался на редкость покладистым и согласился.

— Очень хорошо. Сегодня десятое, ты можешь пробыть там до двадцать четвертого. Если Марчмэн сделает официальное предложение, я дам тебе знать.

— Я... я, наверное, захочу посоветоваться с Александрой Таунсенд насчет приготовлений к свадьбе, — стала на ходу придумывать Элизабет, надеясь, что подруга сумеет найти способ избавиться и от второго жениха. — Она весь сезон будет в Лондоне, и я могла бы пожить у нее.

— Если ты возьмешь с собой своих слуг, то можешь пожить и в моем доме, — великодушно предложил дядя. — Да, пожалуй, будет неплохо, если ты поживешь пока в Лондоне. И Белховен всегда сможет навестить тебя, если ему захочется с тобой повидаться. Кстати, пока будешь в Лондоне, можешь заодно заказать себе свадебное платье. Разумеется, не чересчур дорогое, — нахмурившись, добавил он. — Я не вижу смысла

устраивать пышную свадьбу в городе, когда можно прекрасно обойтись скромным венчанием в Хэвенхёрсте. Да и платье, если подумать, не нужно заказывать — ведь осталось подвенечное платье твоей матери, которое она надевала всего один раз.

Элизабет не стала напоминать ему, что ее мать венчалась при большом скоплении народа в Сент-Джеймской церкви, и на ней было роскошное, расшитое жемчугом платье со шлейфом длиной пятнадцать футов, и что венчаться в таком платье в скромной деревенской церквушке по меньшей мере нелепо. Кроме того, она все еще надеялась, что ей удастся избежать свадьбы. А если не удастся, то тем более у нее не было ни малейшего желания обсуждать свой свадебный наряд.

К настоящему моменту она прожила у Алекс уже пять дней, занимаясь исключительно тем, что придумывала и отвергала различные способы избавления от замужества. И вдруг Алекс опять начала разговоры о том, что Элизабет нужно восстановить свою репутацию в обществе, да еще решила сделать это непременно сегодня вечером. Ко всем прочим несчастьям, сэр Фрэнсис Белховен осаждал дом дяди Джулиуса на Променад-стрит, не давая Элизабет проходу.

— Элизабет, — сказала Алекс решительным голосом. — Я готова признать, что еще не проработала план во всех деталях, поскольку он родился только три часа назад — у меня просто не было на это времени, как ты понимаешь, — но если ты наконец присядешь и согласишься выпить чаю, я постараюсь объяснить тебе, в чем его смысл.

— Пойти сегодня на бал — это не выход, — сказала Элизабет, послушно опускаясь на прелестную маленькую кушетку, обтянутую зеленым шелком. Это... — это настоящий кошмар!

— Может быть, ты позволишь мне объяснить? Ты можешь сколько угодно сопротивляться, но это совершенно бессмысленно, так как я уже задействовала все имеющиеся у меня возможности и отказываться от этого поздно. Поэтому я не собираюсь выслушивать никаких возражений.

Нервным движением Элизабет откинула волосы со лба и нехотя кивнула. Александра указала глазами на чашку с чаем, которую лакей поставил перед Элизабет, и та со вздохом взяла ее и поднесла ко рту.

— Объясняй.

— Я думаю, нет смысла напоминать тебе, что в нашем распоряжении осталось всего девять дней. Девять дней, чтобы подыскать тебе более подходящего мужа.

Элизабет подавилась чаем.

— Что? Ты шутишь!

— Ничуть, — спокойно возразила Алекс, отпив глоток из своей чашки. Когда ты дебютировала, то получила пятнадцать предложений за четыре недели. Если ты тогда могла завоевывать по половинке жениха в день, я не вижу причин, по которым сейчас, за полных девять дней, ты не сможешь найти себе хотя бы одного жениха, который был бы тебе приятен. Даже учитывая тот старый скандал. Сейчас ты стала еще красивее, чем два года назад.

При упоминании о скандале Элизабет побледнела.

— Я не могу, — дрожащим голосом сказала она. — Я не могу снова появиться в свете и посмотреть людям в глаза. Не сейчас!

— Возможно, одна ты и не смогла бы этого сделать, но сегодня вечером ты не будешь одна. С тех пор, как мне пришел в голову этот план, я не сидела сложа руки. Сезон только начался, и не все еще вернулись в Лондон, но я послала записку бабушке своего мужа, чтобы она сразу же, как приедет, заехала ко мне. Она должна приехать сегодня, и сегодня же собирался вернуться из Хостонского поместья мой муж, правда, он сначала зайдет в какой-нибудь из своих клубов и появится дома только вечером. Ему я тоже отправила длинное письмо, в котором объяснила всю ситуацию и попросила присоединиться к нам на балу в половине одиннадцатого. И еще я попросила своего зятя Энтони сопровождать тебя на балу. Так что, как видишь, рядом с тобой будут как минимум четверо. Возможно, это и не так много, но ты даже не представляешь, каким громадным влиянием пользуются мой муж и его бабушка.

Александра с нежностью посмотрела на Элизабет и ободряюще добавила:

— Вдовствующая герцогиня Хостонская обладает колоссальным влиянием на общество и беззастенчиво пользуется этим. Ей доставляет необыкновенное удовольствие видеть, как люди подчиняются ее воле. Ты еще не знакома с моим мужем, — с улыбкой заметила Алекс, — но Джордан пользуется чуть ли не еще большим влиянием, чем герцогиня, и он никому не позволит сказать против тебя хоть слово. Если он будет рядом с нами, никто не посмеет даже попытаться.

— А он... он знает про меня? Ну... я хочу сказать, кто я такая?

И что обо мне говорят?

— Я вкратце рассказала ему в письме, что случилось два года назад, и написала, как много ты для меня значишь. Я бы рассказала ему раньше, но с того момента, как я приезжала к тебе в Хэвенхёрст, мы с ним еще не виделись. Он ездил по нашим поместьям и приводил в порядок дела — ведь нас не было в Англии целых полтора года.

Элизабет почувствовала слабость в ногах при мысли о том, что муж Алекс, вернувшись сегодня вечером в Лондон, сочтет ее неподходящей подругой для своей жены или скажет, что не собирается претворять в жизнь их безумные планы. Представив себе эту неприятную и унижительную ситуацию, Элизабет вдруг вспомнила, что у нее нет подходящего платья, и с радостью уцепилась за это препятствие.

— Ничего не выйдет! — облегченно выдохнула она.

— Почему?

— Мне нечего надеть!

— Ну, это ерунда. — Алекс небрежно махнула рукой. — Ты наденешь платье, которое я привезла из Франции. — Она подняла руку, чтобы предупредить протест Элизабет. — Я все равно не смогу его больше носить, — спокойно сказала она. — Я уже слишком раздалась в талии.

Элизабет бросила недоверчивый взгляд на тонкую талию подруги, а Алекс продолжила:

— На следующий год оно выйдет из моды, поэтому будет справедливо, если хотя бы ты сможешь его надеть. Я уже послала записку Бентнеру, чтобы он прислал сюда Бертю со всем необходимым, — Алекс обезоруживающе улыбнулась, — потому что на Променад-стрит я тебя сегодня уже не отпущу. У меня есть сильное подозрение, что если я сделаю это, то через пару часов ты пришлешь мне записку, что у тебя разыгралась страшная мигрень и ты лежишь в кровати, обвязав голову полотенцем.

Несмотря на страх и волнение, Элизабет не удержалась и фыркнула, потому что именно об этой возможности только что подумала.

— Я согласна на этот план, — медленно произнесла она, и ее большие зеленые глаза твердо встретились с голубыми глазами подруги, — но только в том случае, если у бабушки твоего мужа не возникнет против меня абсолютно никаких возражений.

Огромный вздох облегчения вырвался из груди Алекс.

— Предоставь это мне.

В дверях появился дворецкий и торжественно объявил:

— Только что прибыла вдовствующая герцогиня, ваша светлость. Я проводил ее в желтую гостиную, как вы приказали.

Алекс поднялась со стула и, изображая уверенность, которой в действительности не чувствовала, сказала:

— Я только перекинусь с ней парой слов. Мне бы хотелось сначала объяснить ей кое-что наедине. — На полпути к двери она остановилась и, оглянувшись, нерешительно добавила: — Мне нужно тебя кое о чем предупредить. Дело в том, что бабушка моего мужа иногда бывает

немного... резковата.

«Пара слов», которой перекинулась Алекс с герцогиней, заняла значительно меньше пяти минут, но Элизабет смотрела на часы в страшном напряжении, представляя, с каким негодованием и неохотой будет воспринята просьба Алекс. Когда дверь гостиной распахнулась, Элизабет была уже настолько взвинчена, что вскочила на ноги и застыла, чувствуя себя неуклюжей и нелепой. Об руку с Алекс в комнату торжественно вплыла самая величественная женщина, какую она когда — либо видела. Вдовствующая герцогиня Хостонская обладала царственной осанкой, высоким ростом и пронзительными ореховыми глазами. Аристократический нос и надменное выражение лица с безупречно гладкой белой кожей усиливали внушительное впечатление, которое производила эта женщина.

В устрашающем молчании она подождала, пока Алекс закончит официальное представление и Элизабет присядет в реверансе. Так же молча герцогиня подняла к своим холодным ореховым глазам лорнет и осмотрела Элизабет с головы до ног. Стоя под этим взглядом, Элизабет мысленно уже распростилась с надеждой, что эта женщина согласится оказать ей покровительство — добровольно или поддавшись уговорам Алекс.

Когда герцогиня сооблаговолила наконец заговорить, Элизабет услышала резкий завывающий голос.

— Юная леди! — безо всякого вступления начала она. — Александра только что объяснила мне, что хотела бы заручиться моей помощью, чтобы заново представить вас свету. Однако, как я сказала Александре, ей нет никакой нужды посвящать меня в детали скандала, вызванного вашими отношениями с неким мистером Торнтоном два года назад. Они мне прекрасно известны, так же, как и всему остальному обществу. — Она подождала, пока это бестактное и неуместное замечание произведет свой губительный эффект, задев гордость Элизабет, после чего спросила: — Что я хочу сейчас знать, так это можно ли ожидать от вас повторения подобной истории в случае, если я соглашусь выполнить просьбу Александры.

Элизабет почувствовала, как в ней закипает возмущение, но все-таки сумела сохранить внешнее спокойствие и не отвести взгляда, и, хотя голос ее немного дрожал, он оставался спокойным и ясным:

— Я не могу сдерживать злые языки, ваша светлость. Если бы это было в моей власти, я не стала бы предметом того скандала два года назад. Однако я хочу поставить вас в известность, что не имею ни малейшего желания

быть вновь представленной этому обществу. У меня до сих пор не зажили шрамы от последнего общения с высшим светом. — Вложив в слова «высший свет» как можно больше презрения, Элизабет закрыла рот и приготовилась к словесному четвертованию, так как вдовствующая герцогиня выслушала ее речь, грозно сдвинув свои белесые брови. Однако через секунду светло-ореховые глаза засветились чем-то вроде одобрения и обратились к Александре. Коротко кивнув ей, герцогиня сказала,

— Согласна с тобой, Александра. Она обладает достаточной выдержкой, чтобы пройти через это испытание. Забавно, не правда ли, — продолжила она, с улыбкой обращаясь к Элизабет, — что, с одной стороны, мы, так называемое светское общество, гордимся своими хорошими манерами, а с другой — большинство из нас предпочитает любым другим развлечениям перемывание друг другу косточки?

Элизабет медленно опустилась на стул, с которого вскочила несколько минут назад, а герцогиня устроилась на кушетке и задумчиво сощурила глаза.

— На балу у Виллингтонов сегодня будет настоящее столпотворение, — через минуту сказала она. — Возможно, нам это даже на руку — там соберется весь свет, а значит, потом будет меньше разговоров, так как все увидят Элизабет собственными глазами.

— Ваша светлость, — начала взволнованная Элизабет, чувствуя необходимость выразить герцогине свою признательность, — вы необычайно добры, что согласились на...

— Чепуха, — недовольно оборвала ее герцогиня. — Я редко бываю доброй. Приятной — временами... — добавила она, и Алекс опустила глаза, в которых заискрился смех, — даже любезной, когда того требуют обстоятельства, но доброй я бы себя не назвала. Добрая — вообще невыразительное слово. Как теплый чай. А теперь послушай моего совета, девочка, — она окинула взглядом бледное заострившееся лицо Элизабет. — Поднимись к себе в комнату и хорошенько отдохни. У тебя утомленный вид, и это меня тревожит. А пока ты будешь отдыхать, — она повернулась к Александре, — мы тут разработаем план действий.

На безапелляционное приказание герцогини Элизабет отреагировала так же, как реагировали на ее приказы все: после секундного замешательства и побуждения возразить она сделала то, что ей было велено.

Алекс поспешно извинилась и пошла проводить Элизабет до ее комнаты. Когда они вошли в спальню, Алекс стиснула Элизабет в дружеских объятиях.

— Прости меня за тот ужасный момент, она сказала, что хочет сама убедиться, хватит ли у тебя мужества, но я и представить себе не могла, что она сделает это таким способом. И тем не менее, радостно воскликнула Алекс, — я же говорила тебе, что ты ей ужасно понравишься, так и вышло!

Алекс удалилась, шурша розовыми юбками, а Элизабет в приступе внезапной слабости прислонилась к двери, спрашивая себя, как же герцогиня должна обращаться с людьми, которые нравятся ей только немного.

Вдовствующая герцогиня ждала Алекс в гостиной, и на лице ее было написано явное замешательство.

— Александра, — сразу же начала она, подливая себе чаю, — мне только сейчас пришло в голову, что есть одно обстоятельство, о котором ты, возможно, не знаешь...

Она умолкла, так как в дверях появился дворецкий.

— Простите, ваша светлость — обратился он к Александре, — но мистер Бентнер очень просит вас выйти к нему. Он хочет вам что-то сказать.

— Кто такой мистер Бентнер? — недовольно поинтересовалась герцогиня после того, как Александра просила немедленно проводить его в гостиную.

— Дворецкий Элизабет, — с улыбкой пояснила Александра. — Он очень милый человек и, кстати, обожает романы о разных таинственных происшествиях.

Секундой позже в гостиную смело вошел плотный седой человек в несколько заношенном черном костюме. Под резким, осуждающим взглядом герцогини он подошел к Александре и, даже не извинившись за вторжение, уселся с ней рядом.

— — В своей записке вы сообщили, что у вас есть план, как вызволить мисс Элизабет из беды, мисс Алекс, — взволнованно заговорил он. — Я сам привез сюда Бертю, поэтому и знаю об этом.

— Надежда очень слабая, Бентнер. В основном наш план состоит в том, чтобы попытаться восстановить репутацию Элизабет в обществе и заставить всех забыть о скандале с мистером Торнтоном.

— Мерзавец! — выругался Бентнер. — Когда я слышу его имя, у меня руки чешутся придушить его. — Бентнер потряс кулаком.

— То же самое чувствую и я, — кивнула головой Алекс. — Так что вот каков наш план.

Он поднялся, похлопал Александру по плечу и с добродушной фамильярностью сообщил престарелой леди, которая своей каменной

надменностью держала в страхе весь свет:

— Отличная у вас девушка, ваша светлость. Мы знаем мисс Алекс еще с тех времен, когда она была девчонкой и охотилась вместе с мисс Элизабет на лягушек в нашем пруду.

Вдовствующая герцогиня, возмущенная фамильярным обращением Бентнера с Алекс, ничего не ответила. В ледяном молчании она проводила его взглядом до дверей.

— Александра, — потрясенно сказала она, но Алекс рассмеялась и взяла ее за руку.

— Только не упрекайте меня за то, что я фамильярничаю со слугами, бабушка, умоляю вас. Я все равно не изменюсь, а вы понапрасну будете расстраиваться. Вы, кажется, хотели сказать мне что-то важное, когда появился Бентнер.

Отвлеченная этим вопросом от своего праведного гнева на зарвавшегося слугу, герцогиня строго сказала,

— Ты так беспокоилась о том, чтобы поскорее отвести меня к Элизабет и не мучить ее неизвестностью, что у меня даже не было времени обсудить с тобой некоторые факты, которые имеют прямое отношение к нашему делу и могут сильно тебя огорчить, если ты о них еще не знаешь.

— Что это за факты?

— Ты еще не читала сегодняшних газет?

— Нет, а что?

— В «Таймс» и «Лондонской газете» пишут, что Стэнхоуп собственной персоной объявился в Лондоне и официально объявил своим законным внуком и наследником Яна Торнтон. В принципе слухи о том, что он его внук, ходили давно, но лишь немногие знали это наверняка.

— Я ничего не знала, — растерянно сказала Алекс, думая о том, как это несправедливо, что беспринципный обманщик молодых девушек, причинивший столько горя Элизабет, получил огромное состояние и будет жить припеваючи, в то время как ее подруге уготована самая жалкая участь.

— Я вообще впервые услышала его имя шесть недель назад, когда мы вернулись из путешествия и кто-то из знакомых рассказал мне о скандале.

— Ничего удивительного. До последнего года его имя редко упоминалось в светских гостиных. Вы с Джорданом уехали в свадебное путешествие до скандала, поэтому ты не могла слышать о нем даже в связи с этим происшествием.

— Как такой негодяй сумел вызвать у кого-то желание сделать его своим наследником? — возмущенно спросила Алекс.

— Осмелюсь тебе заметить, что никто не «делал» его своим

наследником. Он в действительности является родным законным внуком Стэнхоупа. Несколько лет назад мне рассказал об этом по секрету твой муж. Между прочим, тебе нелишне будет узнать, что Джордан — один из немногих людей, которым Торнтон признался в этом.

Александру охватили недобрые предчувствия, она опустила голову и поставила чашку на блюдце.

— Джордан? — обеспокоено переспросила она. — Почему этот негодяй разоткровенничался именно с Джорданом?

— Ты прекрасно знаешь, Александра, — резко заметила герцогиня, — что твой муж далеко не всегда вел такую праведную жизнь, как сейчас. Во времена своей сумасшедшей юности они с Торнтоном вместе шатались по разным злачным местам — играли, пили и занимались прочими вещами, которыми занимаются испорченные молодые люди. Как раз этого я и опасалась — тебе ничего не известно про их дружбу.

Алекс, чуть не плача, закрыла глаза.

— Я так рассчитывала на Джордана. Я думала, он поможет нам восстановить доброе имя Элизабет в свете. Я написала ему письмо, в котором рассказала, как ужасно обошелся с ней один бессовестный негодяй, но не упомянула имени. Я и представить себе не могла, что он мог слышать его имя, не говоря уж о том, чтобы знаться с таким человеком. Я была так уверена, — упавшим голосом добавила она, — что как только он познакомится с Элизабет, то сделает все, чтобы помочь ей.

Герцогиня дотянулась до руки Алекс и успокаивающе сжала ее.

— Мы обе знаем, что Джордан никогда не откажет тебе в поддержке — будь то его друг или враг. Однако в данном случае, моя дорогая, он может и не выказать столь безусловного сочувствия, когда узнает, кто тот бессовестный негодяй. Вот об этом-то я и хотела тебя предупредить.

— Элизабет не должна ничего знать, — с жаром сказала Алекс. — Если она узнает, ей будет не просто общаться с Джорданом, и я не смогу винить ее за это. Нет в жизни справедливости! — добавила она, бросив взгляд на раскрытый номер «Таймс» на журнальном столике. — Если бы она была, то этот совратитель невинных душ не стал бы маркизом, в то время как Элизабет не смеет показаться на людях. Надеюсь, он получил только титул? Старый герцог, учитывая его поведение, не должен давать ему ни шиллинга, ни клочка земли. Мне было бы легче, если бы он оставался простым бедным шотландцем или игроком до мозга костей.

Герцогиня безжалостно фыркнула.

— Не надейся, моя дорогая. И если он заставил Элизабет так думать о себе, то он ее просто одурачил.

— Я больше не хочу ничего слышать, — протестующе замахала руками Алекс. Помолчав, она сердито вздохнула. — Нет, я все-таки должна знать. Пожалуйста, расскажите мне.

— Ну, рассказывать особенно нечего, — сказала герцогиня, надевая перчатки. — Вскоре после скандала Торнтон исчез с горизонта. Затем, примерно через год или чуть меньше, некто, чье имя долгое время держалось в секрете, купил великолепное поместье в Тилшире, чудесное место, ты знаешь его, назвал его Монтмэйн, реконструировал — говорят, там работала целая армия плотников — и провел современные коммуникации. Затем проходит несколько месяцев и «неизвестный покупатель» приобретает роскошный особняк на Брук-стрит, сразу же начинает переделывать его на современный манер, как и Монтмэйн. Общество было заинтриговано, все гадали, кто же владелец, а несколько месяцев назад к дому номер одиннадцать на Брук-стрит подъехал Ян Торнтон и хозяином вошел в этот дом. Два года назад все считали, что, кроме игры, он больше ни на что не способен, и в большинстве уважаемых домов он был персоной нон-грата. Но сегодня, с грустью должна тебе сообщить, он богаче царя Креза и желанный гость в любой гостиной, в которой соизволит появиться. К счастью, он это делает не так часто. — Герцогиня поднялась, собираясь уходить, и напоследок нанесла Алекс последний удар. — Думаю, тебе можно сказать и еще кое-что, поскольку сегодня вечером ты и сама это поймешь.

— Что вы имеете в виду? — испуганно спросила Алекс, в тревоге вставая с места.

— Шансы Элизабет на успех на сегодняшнем балу значительно уменьшились в связи с заявлением Стэнхоупа.

— Почему?

— Причина очень проста: теперь, когда Торнтон приплюсовал к своему богатству еще и титул, свет пересмотрит свое отношение к тому давнему скандалу и будет считать его всего лишь «джентльменским спортом». Однако это не смоет пятна с ее репутации. Ты понимаешь, о чем я говорю? — Алекс кивнула. — И еще, — добавила она устрашающим тоном.

— Боюсь, что я не выдержу этого. Что?

— У меня, — провозгласила ее светлость, — нехорошее предчувствие относительно этого бала!

То же самое в эту минуту можно было сказать об Алекс.

— Тони согласился сопровождать Элизабет, и Салли тоже, наверное, там будет, — неуверенно сказала она, имея в виду своего зятя и его жену,

которые в настоящий момент жили в деревне. — Но мне хотелось бы, чтобы рядом с ней был кто-нибудь из холостых мужчин, кто-нибудь, на кого все смотрят снизу вверх, а еще лучше — бояться. Родди Карстерс подошел бы идеально. Я отправила ему записку с просьбой посетить меня при первой возможности, но он вернется только завтра, самое раннее — сегодня вечером. Только бы мне удалось уговорить его. Все до смерти бояться его едких выпадов.

— Меня они тоже до смерти бояться, — с гордостью напомнила герцогиня.

— Да, я знаю, — тускло улыбнулась Алекс. — Никто не осмелится выступить против Элизабет прямо у вас на глазах, но Родди может запугать их до такой степени, что заставит по-настоящему принять ее.

— Возможно. А может быть, и нет. Где и когда мы соберемся сегодня вечером, чтобы отправиться на это злополучное мероприятие? Алекс молитвенно посмотрела на небеса, потом мужественно улыбнулась. — Мы отправляемся отсюда в десять тридцать. Я попросила Джордана присоединиться к нам в холле у Виллингтонов с тем, чтобы в бальный зал мы вошли все вместе.

Глава 20

В половине девятого вечера того же дня Ян стоял на крыльце городского дома дяди Элизабет и с трудом подавлял зверское желание убить ее дворецкого, который, казалось, испытывал столь же сильное желание нанести телесные повреждения Яну.

— Я спрашиваю вас еще раз в том случае, если вы не поняли меня с первого раза, — Ян говорил угрожающе ласковым голосом, от которого обычные люди начинали бледнеть. — Где ваша хозяйка?

Бентнер оставался все таким же румяным, разве что стал на тон светлее.

— Ее нет дома! — в который раз повторил он. Он не собирался сообщать местонахождение Элизабет, которая впервые после полутора лет изоляции отправилась на бал в надежде восстановить свое доброе имя, тем более он не собирался сообщать этого человеку, который запятнал это имя и у которого хватило наглости заявиться к ней в дом.

— Я понял, что ее нет, но разве вы не знаете, где она?

— Я этого не говорил.

— Так где же она?

— Мое дело — знать, а ваше — догадываться. За последние несколько дней Яну пришлось проделать множество неприятных вещей, включая разъезды по всей Англии, объяснение с возмущенным отцом Кристины и разговор с дядей Элизабет, который своей алчностью довел его почти до бешенства. Ян великодушно отказался от приданого, как только об этом зашел разговор. Однако торгашество, как у торговца верблюдами, сидело у ее дяди в крови, и он моментально почувствовал, что Яну необходимо получить его подпись на брачном контракте и что ради этого он пойдет на многое. Поэтому Джулиус Кэмерон решился на неслыханный поступок, который в некотором роде удивил даже его самого, и вынудил Яна выкупить свою будущую жену за сто пятьдесят тысяч фунтов стерлингов.

Покинув этого отвратительного человека, Ян поскакал в Монтмэйн, где пробыл ровно столько времени, сколько потребовалось, чтобы запрячь лошадей в карету и разбудить камердинера. Оттуда он отправился в Лондон, в своем городском особняке выкупался, сменил одежду и отправился по адресу, данному ему Джулиусом

Камероном. И вот теперь, после всего этого, ему пришлось столкнуться не просто с отсутствием Элизабет, а еще и с самым наглым

дворецким, какого он имел несчастье встречать. Кипя от злости, Ян молча развернулся и сбежал по ступенькам. Дверь захлопнулась за ним с вызывающим грохотом. Он обернулся и утешил себя тем, что завтра этот тип будет уволен.

Забравшись в карету, он дал кучеру указание ехать обратно на Брук-стрит. Его собственный дворецкий открыл ему дверь с должной почтительностью, и Ян проследовал мимо него, мрачный как туча. Поднявшись до середины лестницы, он вдруг подумал, что вечер пройдет быстрее, если он проведет его где-нибудь вне дома и отвлечется от тревожных мыслей о том, как встретит его предложение Элизабет.

Через двадцать пять минут он вышел из дома, одетый специально для «фараона» и велел кучеру ехать в «Блэкмор». Все еще хмурясь, он вошел в слабо освещенный холл элитного мужского клуба, где играли по-крупному и в котором он состоял уже много лет.

— Добрый вечер, милорд, — приветствовал его старший лакей. Ян ограничился коротким кивком, поморщившись про себя этому подобострастному «милорд».

Гостиная была обставлена элегантно и с той простотой, которая отличает настоящий хороший вкус. Это место пользовалось популярностью среди представителей сливок общества, которые предпочитали просто игру пересказыванию последних сплетен, чем грешили зачастую посетители «Уайтса», а также среди менее родовитых людей, но со средствами, влекомых в «Блэкмор» большими деньгами. Задержавшись в дверях гостиной, Ян уже собрался перейти в комнату для игры в «фараон», как слева его окликнул веселый голос:

— Для человека, который только что унаследовал небольшую империю, у тебя слишком мрачное лицо, Ян. Не сообразовали ли выпить со мной и перекинуться в картишки, милорд?

С ироничной улыбкой Ян развернулся, чтобы ответить на приветствие одного из немногих уважаемых им аристократов, которого он считал своим другом.

— Разумеется, ваша светлость.

Джордан Таунсенд рассмеялся.

— Эти церемонии несколько утомляют, ты не находишь?

— Более чем.

Смеясь, друзья пожали друг другу руки и сели. Джордан тоже всего несколько минут назад вошел в клуб, поэтому им пришлось подождать, пока появится свободный столик. Вскоре администратор усадил их, и мужчины с удовольствием вместе выпили, вкратце пересказав друг другу,

что с ними произошло за те полтора года, что они не виделись. Потом они приступили к более серьезному и приятному занятию — игре, лишь изредка обмениваясь отдельными замечаниями. Обычно игра захватывала Яна, но сегодня он был слишком занят другими мыслями, к тому же каждый проходящий мимо их столика считал своим долгом остановиться и сказать хотя бы несколько слов.

— Видимо, секрет популярности состоит в том, чтобы как можно реже появляться в городе, — пошутил Джордан, выдвигая фишки в центр стола.

Ян рассеянно кивнул. У него не выходила из головы Элизабет, которая целых два года прожила в полной зависимости от своего невыносимого дяди. Этот человек торговал собственной плотью и кровью — и Ян стал покупателем. Конечно, это не так, но у него было нехорошее предчувствие, что Элизабет расценит его поступок именно таким образом, поскольку все было сделано без ее ведома и согласия. В Шотландии она навела на него пистолет. Если в Лондоне она выстрелит из него, он не посмеет винить ее за это. В какой-то момент у Яна возникла мысль сначала несколько дней поухаживать за ней, а потом уж сообщить, что они помолвлены. Одновременно он задался вопросом, до какой степени отвратительной покажется ей мысль стать его женой. Белховен, может быть, и отталкивающий тип, но Ян многократно и смертельно обижал ее.

— Я далек от того, чтобы критиковать твою стратегию, дружище, — услышал он голос Джордана и стряхнул с себя оцепенение, — но ты только что поставил на кон тысячу фунтов, имея на руках карты, которые иначе чем пустышкой я бы не назвал.

Ян посмотрел на свои карты и почувствовал, как краска смущения заливает его лицо.

— Я просто задумался, — объяснил он.

— Чем бы это ни было, это уж точно не карты. В противном случае я буду вынужден с горечью констатировать, что ты утратил свое знаменитое чутье.

— Не исключено, — все так же рассеянно ответил Ян, вытянув под столом скрещенные ноги.

— Ну что, еще одну партию?

— Боюсь, что не могу себе этого позволить, — устало пошутил Ян.

Оглянувшись через плечо, Джордан кивнул лакею, чтобы тот принес им что —нибудь выпить, и отодвинул колоду в сторону. Откинувшись на стуле, он тоже вытянул ноги и посмотрел на друга. Сейчас эти двое являли собой образец мужского товарищества в его праздном варианте.

— Ну, давай еще по одной и я уйду, — сказал Джордан, бросив взгляд

на каминные часы. — Обещал Александре быть сегодня с ней на балу и оказать протекцию ее подруге.

Яна забавляло, что каждый раз, когда Джордан упоминает о своей жене, его лицо смягчается и весь он начинает светиться.

— Не хочешь к нам присоединиться?

Ян покачал головой и взял бокал с подноса, принесенного лакеем.

— Там будет дьявольская скука.

— На этот раз скучно не будет наверняка. Моя жена взяла на себя роль защитницы своей подруги и собирается выступить против целого света, чтобы восстановить ее положение в нем. Судя по тому, что она мне писала, это будет настоящий подвиг.

— Отчего так? — спросил Ян больше из вежливости, чем из настоящего интереса.

Джордан вздохнул и откинул назад голову, не испытывая ни малейшего восторга от перспективы после нескольких недель напряженной работы идти на бал и выгораживать там некую оступившуюся девицу, которую он и в глаза-то никогда не видел.

— Два года назад эта девушка попала в лапы какому-то бессовестному типу, и был страшный скандал. Думая о себе и Элизабет, Ян проговорил:

— Видимо, это не такое уж редкое явление.

— Кажется, это случай исключительный, во всяком случае, так я понял из письма Алекс.

— Почему?

— Во-первых, все говорит за то, что сегодня вечером как минимум половина света от нее отвернется, а другая половина будет ей покровительствовать. Алекс для укрепления своих позиций привлекла тяжелую артиллерию — мою бабушку, а также Тони и меня, что уж, конечно, послабее. Все это сделано для того, чтобы подбодрить девушку, и тем не менее я ей не завидую, Я был бы счастлив ошибиться, но, кажется мне, злые языки сегодня растерзают ее на мелкие кусочки. Не знаю уж, кто был этот негодяй, — закончил Джордан, осушив свой бокал и вставая со стула, — но она чертовски сильно пострадала по его милости. Эта девушка, о которой, между прочим, говорят, что она невероятно красива, почти два года была вычеркнута из светской жизни.

Ян застыл, и только его быстрый взгляд метнулся к лицу Джордана, собравшегося уходить.

— Как зовут эту девушку? — резко спросил он.

— Элизабет Кэмерон.

— О Боже! — вырвалось у Яна. Он вскочил и сорвал со спинки стула смокинг. — Где они?

— У Виллингтонов. А что?

— Да то, — в сердцах ответил Ян, никак не попадая в рукава смокинга, — что этот негодяй — я. — Он наконец надел смокинг и расправил кружева на рубашке.

На лице герцога Хостонского появилось неопишное выражение, и он молча натянул свой смокинг.

— Так это ты человек, которого Александра описала мне как «невыносимого грубияна и низкого соблазнителя невинных девушек»?

— Да, да, все это и еще хуже, — нетерпеливо ответил Ян, хватая его за руку и быстро шагая к дверям. — Значит, так: ты сейчас едешь к Виллингтонам. Я сначала заеду в одно место, а потом тоже приеду туда. И, ради Бога, не говори ничего Элизабет.

Ян прыгнул в карету, крикнул кучеру адрес и откинулся на спинку сиденья, считая про себя минуты и умоляя Господа, чтобы с ней обошлись не так плохо, как он предполагал. И ни на одну секунду ему не пришло в голову, что Джордан Таунсенд понятия не имеет, какие, собственно, мотивы двигают «совратителем», вдруг захотевшим встретиться со своей «жертвой» на балу у Виллингтонов.

Карета остановилась у дома герцога Стэнхоупского, Ян ворвался в холл и, едва не сбив с ног бедного Ормли, который открыл ему дверь, помчался наверх к деду. Через несколько минут он сбежал по ступенькам, прошел в библиотеку, упал в кресло и устался на часы. Он слышал, как наверху началась суматоха, — старый герцог призвал к себе камердинера, дворецкого и лакея. В отличие от Яна герцог был на вершине блаженства.

— Ормли, я нужен Яну! — ликующе сообщил он дворецкому, расстегивая камзол и надевая манишку. — Он пришел сюда и прямо так и сказал.

Ормли радостно кивнул.

— Конечно, ваша светлость.

— Я чувствую себя на двадцать лет моложе.

— Это великий день. — Куда, черт возьми, подевался этот Андерсон? Мне нужно побриться. И мне нужен вечерний фрак — черный, я думаю, и к нему — брильянтовая булавка и брильянтовые запонки. Господи, перестань ты совать мне эту трость. — Вам нельзя перетруждаться, ваша светлость. Герцог встал и прошелся по комнате. — Ормли, — сказал он, — если ты думаешь, что я собираюсь опираться на эту дурацкую трость в величайшую ночь своей жизни, то ты просто не в своем уме. Я войду туда под руку со

своим внуком, и без всякой посторонней помощи. Ну где этот чертов Андерсон?

— Мы опаздываем, Александра, — сказала вдовствующая Герцогиня, стоя в гостиной Алекс и от нечего делать разглядывая великолепную статуэтку четырнадцатого века на столике атласного дерева. — И надо тебе сказать, теперь, когда все уже готово, у меня появились еще худшие опасения, чем раньше. А моя интуиция меня никогда не подводит.

Александра закусила губу, стараясь подавить растущее волнение.

— Виллингтоны живут прямо за углом от нас, — сказала она, предпочитая ответить на первую реплику, чтобы не обсуждать более грустный предмет. — Как только мы будем готовы, то окажемся у них через несколько минут. Кроме того, я хочу, чтобы все уже собрались к тому времени, когда появится Элизабет. И я все еще не потеряла надежды, что Родди ответит на мою записку.

Словно в ответ на ее слова в дверях гостиной появился дворецкий.

— Родерик Карстерс, ваша светлость, — сообщил он Алекс.

— Слава Богу! — воскликнула она.

— Я проводил его в голубую гостиную. Алекс мысленно скрестила пальцы на счастье.

— Вот и я, моя прелесть, — приветствовал ее Родди со своей обычной усмешкой, отвечивая глубокий ироничный поклон, — явился по твоему срочному вызову и... прошу заметить, прежде, чем появиться у Виллингтонов, в точности, как было приказано.

Родди был стройным мужчиной атлетического сложения, ростом пять футов десять дюймов, с уже редющими каштановыми волосами и светло-голубыми глазами. Несмотря на довольно обычную внешность, его всегда можно было выделить в толпе благодаря самым элегантным костюмам, а также шейному платку, который он умудрялся завязывать так, что его замысловатые складки никогда не повисали. Этой его способности завидовали все без исключения мужчины, однако Родди своими секретами не делился. Но самой замечательной его чертой был острый насмешливый ум, который не щадил никого и не признавал никаких границ.

— Ты уже слышала о Кенсингтоне?

— О ком? — рассеянно спросила Алекс, думая, как бы ей уговорить его сделать то, что ей нужно.

— О новом маркизе Кенсингтонском, когда-то известном как мистер Ян Торнтон, персона нон грата. Забавно, не правда ли, посмотреть, что сделают с ним богатство и титул? — смеясь, спросил он, внимательно следя за напряженным лицом Алекс. — Два года назад его бы не пустили

дальше парадной двери, полгода назад прошел слух, что он разбогател, и мы начали приглашать его на приемы. Сегодня его объявили наследником герцогства, и отныне мы будем охотиться за приглашениями на его приемы. И если посмотреть на вещи с этой точки зрения, — усмехнулся Родди, — то мы довольно неприятная и непостоянная компания. Алекс невольно рассмеялась.

— Ох, Родди, — сказала она, запечатлевая поцелуй на его щеке, — ты всегда заставляешь меня смеяться, даже когда я нахожусь в ужасных обстоятельствах, — как, сейчас, например. И ты мог бы мне очень помочь — если бы захотел.

Родди приподнял надменно изогнутые брови в ожидании продолжения, глядя на Александру подозрительным и одновременно заинтригованным взглядом.

— Ты же знаешь, я всегда твой покорный слуга, — дурашливо ответил он, снова отвешивая ей поклон.

Несмотря на это заявление, Алекс отнюдь не была уверена в этом. В то время как других мужчин боялись из-за горячего нрава или умения владеть оружием, Родди Карстера боялись из-за его убийственных реплик и острого языка. И если первые не могли принести с собой на бал шпагу или пистолет, то Родди ничто не мешало воспользоваться своим оружием. Даже добропорядочные матроны опасались поссориться с ним. Алекс было отлично известно, как сильно он может навредить и как сильно — помочь, потому что на собственном опыте испытала и то, и другое. Когда она появилась в Лондоне в свой первый сезон, Родди превратил ее жизнь в настоящий ад. Позже он вдруг сделал резкий поворот на сто восемьдесят градусов и сам же заставил свет принять и полюбить ее. Он сделал это не по дружбе и не из чувства вины, а просто потому, что ему показалось забавным попробовать свои силы в восстановлении чьей-то репутации вместо того, чтобы погубить ее.

— Ты мог бы оказать большую помощь одной молодой женщине, имя которой я открою тебе через несколько минут, — осторожно начала Алекс. — Ты мог бы помочь ей так же, как когда-то помог мне.

— Одного раза вполне достаточно, — пошутил Родди. — Мне до сих пор стыдно смотреть людям в глаза, когда я вспоминаю о своем беспрецедентном поступке.

— Она невероятно красива, — сказала Алекс. И В глазах Родди вспыхнул некоторый проблеск интереса, но не больше. В отличие от других мужчин, поклонявшихся женской красоте, Родди получал удовольствие, отыскивая в этой красоте недостатки. Ему нравилось ставить женщин в

затруднительное положение и наблюдать, как они из него выпутываются. Но если на него Находила блажь проявить великодушие, он проявлял редкую лояльность к недостаткам своих друзей.

— Два года назад она стала жертвой низких сплетен и была вынуждена покинуть Лондон. Это моя давняя и очень любимая подруга.

Алекс с надеждой всматривалась в бесстрастные черты Родди и никак не могла понять, согласен он помочь ей или нет.

— Сегодня вечером мы все — вдовствующая герцогиня. Тони и Джордан — собираемся встать на ее сторону на балу у Виллингтонов. Но если бы и ты согласился уделить ей хотя бы немного внимания, а еще лучше — стать ее кавалером на этот вечер, это было бы неоценимой поддержкой, и я стала бы твоей вечной должницей.

— Алекс, если бы ты была женой кого-нибудь другого, а не Джордана, я бы поинтересовался, каким образом ты собираешься выразить свою благодарность, но поскольку у меня пока нет желания проститься с этим бранным миром, я, пожалуй, воздержусь от подобного вопроса и вместо этого попрошу у тебя только твою очаровательную улыбку.

— Родди, я говорю серьезно, мне очень нужна твоя помощь, и я буду всю жизнь благодарна тебе за это.

— Я начинаю дрожать от нетерпения, моя прелесть. Кто бы она ни была, дела ее, должно быть, действительно плохи, раз тебе требуется моя помощь.

— Она очень красивая и храбрая и понравится тебе необычайно.

— Я даже смущен оказанной мне честью встать на ее защиту. Кто... — его взгляд скользнул к двери и застыл там, а обычно бесстрастное выражение лица уступило место благоговейному восхищению. — О, мой Бог, — прошептал он.

В дверях, словно сказочное видение, стояла молодая женщина в переливающимся серебристо-голубом платье с глубоким квадратным вырезом, открывающим восхищенному взгляду роскошную нежную грудь, и перехваченным по диагонали лифом, подчеркивающим тонкую талию и округлые бедра. Блестящие золотые волосы были скоты на затылке сапфировой булавкой и в художественном беспорядке спадали на ее плечи и спину, их мягкие волны вспыхивали золотыми искрами в мерцающем свете свечей. Из-под ровных разлетающихся бровей и длинных темных ресниц, как драгоценные камни, сияли зеленые глаза — не нефритовые и не изумрудные, а нечто среднее между этими оттенками.

После первых минут потрясения Родди стал с пристрастием истинного знатока выискивать в ней какие-нибудь недостатки, но, пристально

вглядываясь в каждую черту, находил только совершенство — и в нежно очерченных скулах, и в стройной белой шее, и в мягком изгибе губ.

Видение в дверях слегка пошевелилось.

— Простите, — тихим музыкальным голосом сказала девушка Александре с улыбкой, от которой растаял бы лед, — я не думала, что у тебя кто-то есть.

И, грациозно взмахнув серебристо-голубым подолом платья, она развернулась и исчезла, оставив ошоломленного Родди изумленно смотреть в дверной проем. Александра воспарила от надежды. Первый раз в жизни Родди проявил искренний интерес к женскому лицу и фигуре. Его слова вдохновили ее еще больше.

— Мой Бог, — благоговейно прошептал он, — она настоящая?

— Самая что ни на есть настоящая, — радостно заверила его Александра, — и очень нуждается в твоей помощи. Только она не должна знать, что я попросила тебя об этом. Ведь ты поможешь нам, правда?

Оторвав взгляд от двери, Родди потряс головой, чтобы стряхнуть наваждение.

— Помочь ей? — сухо спросил он. — Да я готов предложить ей свою драгоценную руку! Но сначала мне нужно узнать ее имя, хотя что-то в ней кажется мне чертовски знакомым.

— Так ты поможешь?

— Разве я уже не сказал? Как зовут это сказочное существо?

— Элизабет Камерон. Она дебютировала в позапрош... — Алекс замолкла на полуслове, увидев, как улыбка Родди вдруг стала сардонической и жестокой.

— Ах, это маленькая Элизабет Кэмерон, — пропел он как бы про себя. — Конечно, как же я сразу не догадался. Имя этой крошки было на слуху у всего города, после того как ты уехала в свадебное путешествие. Но должен тебе сказать, она изменилась. Кто бы мог подумать, — продолжал он уже вполне нормальным голосом, — что в качестве компенсации за изгнание судьба наградит ее еще большей привлекательностью.

— Родди, — сказала Алекс, чувствуя, что его настроение резко переменялось. — Ты уже согласился.

— Тебе нужна не помощь, Алекс, — развел он руками. —

Тебе нужно чудо.

— Но...

— Прости. Я передумал.

— Это из-за того старого скандала?

— В некотором роде.

Голубые глаза Александры запылали опасным огнем.

— Кому, как не тебе, Родди, знать, как рождаются слухи! :

Кому, как не тебе знать, что в большинстве случаев они не имеют под собой никакой почвы, хотя бы уже потому, что ты сам частенько сочиняешь их и вносишь свой вклад в их распространение!

— Я и не сказал, что верю тому, что о ней говорят, — холодно протянул Родди. — Мне вообще трудно поверить, что мужская рука, включая и руку Торнтон, касалась когда-либо этой фарфоровой кожи. Тем не менее, — остановил он порывавшуюся что-то сказать Алекс, — общество не столь снисходительно, как я, или в данном случае — не столь великодушно. Сегодня вечером на нее будут смотреть в упор, как на пустое место, и ни влияние Таунсендов, ни мое собственное не смогут этого предотвратить. И хотя мне страшно пасть в твоих глазах еще ниже, чем я уже, судя по твоему взгляду, пал, я все-таки скажу тебе малоприятную правду, моя дорогая Алекс, — с сардонической усмешкой добавил он. — Если сегодня на балу у Виллингтонов какой-нибудь холостяк будет настолько неосторожен, что проявит интерес к этой девушке, он станет всеобщим посмешищем, а я не хочу, чтобы надо мной смеялись. Я не настолько смел и именно потому всегда смеюсь над другими. Более того, — Родди потянулся за шляпой, давая понять, что заканчивает разговор, — в глазах общества Элизабет Кэмерон — подержанный товар. Любого холостяка, который приблизится к ней, сочтут либо дураком, либо развратником, в любом случае его постигнет та же участь, что и ее.

В дверях Родди обернулся, уже как всегда улыбающийся и невозмутимый.

— Все, что я могу сделать, это заявить сегодня, что лично я не верю в то, что Элизабет Кэмерон была с мистером Торнтоном в лесном коттедже или в оранжерее, или вообще где бы то ни было. Возможно, это несколько приостановит бурю, но она все-таки разразится.

Глава 21

Не прошло и часа, как в переполненной шумной бальной зале, освещенной сотнями канделябров, Александра с болью призналась себе, что все предсказания Родди сбываются в точности. Впервые на ее памяти они с Джорданом не были окружены толпой друзей и знакомых и даже просителей, которые добивались какой — нибудь услуги от Джордана или его расположения. Сегодня все избегали их общества. Ошибочно полагая, что Джордан и Александра оказывают протекцию Элизабет Кэмерон по незнанию, друзья Таунсендов, стараясь скрыть неловкость, притворялись, что не замечают их присутствия, а тем более того, что они пришли сюда с девушкой, чья репутация была безвозвратно погублена, пока их не было в Англии. Однако старательно не замечая Джордана и Александру, они, как и все присутствующие на балу, не упускали случая бросить беглый взгляд на Элизабет, когда были уверены, что это не заметят те, чью дружбу она каким-то непонятным образом сумела завоевать. Стоя у стены и глядя на кружащиеся пары, Александра время от времени перехватывала эти любопытные взгляды и, кипя от негодования, была готова расплакаться. Когда она поворачивала голову к Элизабет, которая мужественно отвечала ей ослепительной улыбкой, ее горло сжималось от чувства вины и жалости. Музыка и смех создавали такой шум, что Алекс пришлось наклониться, чтобы услышать, что говорит ей Элизабет:

— Если не возражаешь, — сдавленным голосом, который никак не вязался с ее улыбкой, проговорила Элизабет, — я... я думаю, мне надо сходить в дамскую комнату и поправить прическу. Ее прическа и платье были в полном порядке, и им обоим это было известно,

— Я пойду с тобой. Элизабет покачала головой.

— Алекс, если ты не против... мне бы хотелось несколько минут побыть одной. Здесь так шумно.

Элизабет пошла вдоль стены через зал, высоко держа голову и будто не замечая, как люди избегают ее взгляда, и не слыша, как они перешептываются и пересмеиваются за ее спиной.

Тони, Джордан, герцогиня и Александра наблюдали, как она прошла под обстрелом взглядов шести сотен людей и начала грациозно подниматься по лестнице. Джордан заговорил первым и постарался не выдать обуревавшей его ярости из опасения, что Александра не выдержит и слезы, стоявшие в ее глазах, прольются на разгоряченные щеки. Положив

руку ей на талию, он улыбнулся, глядя в сияющие от слез глаза, и быстро заговорил, так как стоило Элизабет отойти от них, как знакомые двинулись в их сторону.

— Если это может тебя как-нибудь утешить, дорогая, то вот тебе мое мнение: я считаю Элизабет Кэмерон самой замечательной и мужественной женщиной из всех, кого знаю. Кроме тебя.

— Спасибо, — Александра попыталась улыбнуться, но взгляд ее был все еще прикован к Элизабет, которая в этот момент заворачивала за поворот лестницы.

— Они еще пожалеют об этом! — страшным голосом провозгласила герцогиня и в доказательство демонстративно повернулась спиной к двум своим хорошим приятельницам. Единственными, кто присоединился в этот вечер к Таунсендам, были несколько знакомых герцогини такого же преклонного возраста, как и она, и вследствие этого не осведомленные о том, что Элизабет Кэмерон бесстыдна, смешна и нелепа.

Проглотив подступавшие к горлу слезы, Александра взглянула на мужа.

— По крайней мере нельзя сказать, что у Элизабет не нашлось ни одного поклонника, — попыталась пошутить она. — Белховен почти не отходил от нее.

— Это оттого, — неосмотрительно ответил Джордан, — что он и сам в черном списке, поэтому никто и не поделился с ним сплетнями об Элизабет — пока, — поправился он, заметив, как к Белховену направилась парочка престарелых фатов. Подойдя к нему, они потянули его за рукав, покивали в сторону, куда ушла

Элизабет, и наперебой стали что-то рассказывать.

Следующие полчаса Элизабет провела относительно неплохо, стоя в одиночестве в маленькой темной гостиной и собираясь с мыслями. Именно здесь она и услышала новость, которая в любой другой вечер привела бы ее в состояние шока: Ян был объявлен законным наследником герцога Стэнхоупского. Сейчас же это известие не вызвало у нее никаких эмоций.

Поглощенная своим несчастьем, она была неспособна испытывать еще какие-нибудь чувства. Правда, в ее памяти возник голос Валери, подглядывающей за Яном через изгородь: «Некоторые говорят, что он незаконнорожденный внук герцога Стэнхоупского». Но воспоминание промелькнуло, оставив ее равнодушной. Наконец, когда оставаться здесь дольше было уже невозможно, Элизабет прошла через балкон и спустилась по лестнице в залу. Пробираясь сквозь толпу к Таунсендам, она старалась не замечать насмешливых взглядов, от которых на коже не оставались

ожоги, а на сердце — шрамы. Несмотря на легкую передышку, ей стоило таких усилий сохранить выдержку, что голова загудела от напряжения, музыка, которая раньше манила танцевать и ласкала слух, теперь казалась ей шумной и раздражающей, громкие голоса и взрывы смеха ударяли по ее обнаженным нервам, как раскаты грома во время грозы, дворецкий, объявляющий на верху лестницы имя каждого вновь прибывшего, казалось, зачитывал список людей, с презрением отвернувшись от нее. Это еще один голос, который присоединится к общему хору ее хулителей и еще одна пара ушей, которая услышит о ее сегодняшнем унижении и еще одна пара холодных глаз, которая засвидетельствует это унижение.

Теперь они вспомнят, с каким высокомерием ее брат отвергал женихов два года назад, с удовольствием отметят, что из четырнадцати искателей ее руки остался только один Белховен, и будут смеяться над ней. И Элизабет даже не могла винить их за это. Унижение и стыд настолько придавили ее, что, натываясь взглядом на редкие лица, выражающие сочувствие, она читала в них скрытую угрозу.

Приблизившись к Таунсендам, она увидела, что сэр Фрэнсис, вырядившийся в нелепые розовые бриджи и желтый атласный камзол, увлечен беседой с Алекс и герцогиней Хостонской. Элизабет оглянулась, ища, куда бы спрятаться, и вдруг ее взгляд выхватил из толпы группу людей, которых она надеялась больше никогда не встретить. Не дальше чем в двадцати шагах стоял виконт Мондвэйл и пристально смотрел на нее. Его окружали молодые люди и девушки, которых она когда-то считала своими подругами. Элизабет скользнула по нему невидящим взглядом и изменила направление, но, подойдя к Алекс и ее мужу, удивленно ахнула, столкнувшись с ним лицом к лицу. Чуть не наступив ему на ногу, Элизабет была вынуждена остановиться.

Мондвэйл казался очень красивым, очень сердечным и немного смущенным.

— Элизабет, — тихо проговорил он, — вы стали еще прекраснее. Уж от него-то она в последнюю очередь могла ожидать жалости. Или сочувствия и потому не знала сейчас, благодарить его или сердиться, так как именно его отказ жениться на ней окончательно подорвал ее репутацию.

— Благодарю вас, милорд, — равнодушно пропела она.

— Я хотел сказать, — начал он, глядя в ее бесстрастное лицо, — что мне очень жаль.

И это сработало! Гордость заставила Элизабет вскинуть подбородок еще на дюйм выше.

— О чем вы, милорд?

Он сглотнул от волнения, стоя к ней так близко, что они соприкасались рукавами.

— О роли, которую я сыграл в том, что случилось с вами.

— И какого ответа вы ожидаете на это признание? — спросила она, в самом деле не зная, что сказать,

— Думаю, что на вашем месте, — мрачно усмехнулся он, — я залепил бы мне пощечину за это запоздалое извинение.

— Мне нравится ваше предложение, — с царственным наклоном головы ответила Элизабет, в которой вдруг проснулось ее всегдашнее чувство юмора.

Как ни странно, но после этих слов он посмотрел на нее с еще большим восхищением. Когда Элизабет поняла, что виконт не собирается покидать их группу, ей ничего не оставалось, как повернуться и представить его Таунсендам, но оказалось, что они уже знакомы. Пока он обменивался любезностями с Джорданом, Элизабет с ужасом обнаружила, что Валери, очевидно, задетая уходом Мондвэйла, решительно двинулась в ее сторону. Вместе с ней единым фронтом наступали Пенелопа, Джорджина и все остальные, окружая запаниковавшую Элизабет плотным кольцом. Она повернулась к Алекс, которая уже не знала, как прервать затянувшийся монолог сэра Фрэнсиса и избавиться от его дерзких взглядов, собираясь сказать ей, что хочет уйти. Но не так-то просто было заставить сэра Фрэнсиса замолчать. К тому моменту, как он закончил свой рассказ, Валери уже подходила к ним, и прятаться было поздно. Стараясь вложить в свои слова как можно больше яда, Валери бросила на бледное лицо Элизабет уничтожающий взгляд и проговорила:

— Ох, да ведь это Элизабет Кэмерон. Вот уж не думала, что могу встретить ее в таком месте.

— Не сомневаюсь, — коротко ответила Элизабет, чувствуя, что мужество вот — вот оставит ее.

— Да уж, действительно, — засмеялась Джорджина издевательским смехом.

Элизабет начала задыхаться, и комната поплыла у нее перед глазами. Весь этот вечер группа людей вокруг Таунсендов была как бы изолированным островом, сейчас же все взгляды устремились на падшую женщину, имевшую наглость явиться сюда. Оркестр играл вальс все быстрее и громче, лестница опустела, так как гости спустились в зал, чтобы лучше видеть ее. И в этой внезапно наступившей паузе был слышен только оглушительный голос дворецкого, монотонно и с расстановкой

провозглашавшего: «Граф и графиня Марсанта!.. Граф Нор-рис!.. Лорд Вильсон!.. Леди Миллисент Монтгомери!..»

Валери и Джорджина злорадно вглядывались в побледневшее лицо Элизабет и что-то говорили, но их слова ускользали от нее, заглушенные шумом в ушах и ритмичными выкриками дворецкого:

«Сэр Вильям Фицхаф!.. Лорд и леди Эндерли!..»

Отвернувшись от Джорджины и Валери, которые что-то с ненавистью шипели ей в лицо, задыхающаяся Элизабет вполголоса позвала подругу:

— Алекс, кажется, мне нехорошо!

Но Алекс не слышала ее за голосом сэра Фрэнсиса, который изводил ее очередным анекдотом.

«Барон и баронесса Литтлфилд!.. Сэр Генри Хардин!..» Элизабет в отчаянии повернулась к герцогине, чувствуя, что сейчас упадет в обморок или закричит, если не сможет выбраться отсюда немедленно. Ей уже было все равно, что о ней подумают Валери, Джорджина и все остальные, для кого ее появление на этом балу явилось приятной неожиданностью, дав свежую тему для разговоров.

— Мне нужно уйти, — сказала она.

«Граф Титчелл!.. Граф и графиня Ринделл!..»

Герцогиня подняла руку, чтобы прервать свою собеседницу, и наклонилась к Элизабет:

— Что ты сказала, Элизабет?

«Его высочество герцог Стэнхоупский!.. Маркиз Кенсингтонский!..»

— Я сказала... — начала Элизабет, но в этот момент взгляд герцогини обратился к лестничному пролету, где стоял дворецкий, и щеки ее побледнели.

— Я хочу уйти! — вскрикнула Элизабет, но в зале вдруг воцарилась необычная тишина, и ее голос прозвучал неестественно громко.

Оставив без внимания реплику Элизабет, герцогиня, как и все в зале, продолжала смотреть на лестницу.

— Сегодня только этого не хватало! — мрачно процедила она сквозь зубы.

— Пп-простите?.. — не поняла Элизабет.

— У тебя что... обморок? — резко сказала герцогиня, оторвав глаза от лестницы и пронзая Элизабет сердитым взглядом.

— Вообще-то я никогда не падала в обморок, но сейчас мне действительно нехорошо. — Она услышала, как за ее спиной прыснули от смеха Джорджина и Валери.

— Даже и не думай уходить до тех пор, пока я тебе не разрешу, —

строго предупредила герцогиня, бросая выразительный взгляд на лорда Энтони Таунсенда — приятного молодого человека, который согласился быть в этот вечер ее кавалером. Быстро оценив значение взгляда герцогини, молодой человек в мгновение ока оказался рядом с Элизабет и подхватил ее под локоть. Большинство присутствующих незаметно передвинулись поближе к лестнице, те же, кто остался на месте, повернули удивленные лица к Элизабет. Но она в этот вечер уже столько раз была в центре внимания, что сейчас осталась равнодушной к тому, что на нее уставились сотни глаз. Девушка чувствовала, что в зале повисло какое-то напряжение, всеобщее волнение нарастало, и она невзначай бросила взгляд туда, где, судя по всему, находилась причина этого волнения. То, что она увидела, заставило ее колени задрожать, крик застрял у нее в горле. На секунду ей показалось, что у нее двоится в глазах, и она заморгала, но видение не исчезло. Плечом к плечу по лестнице спускались двое мужчин — одного роста, в одинаковых черных смокингах, с одинаковым выражением легкого удивления на поразительно похожих лицах. И одним из них был Ян Торнтон.

— Элизабет! — шепнул ей Тони. — Идемте со мной. Мы будем танцевать.

— Танцевать?

— Танцевать, — кивнул он, чуть ли не силой вытаскивая ее на середину залы. Закружившись в объятиях Тони, она почувствовала, как ее шок растворяется в блаженном ощущении нереальности происходящего. Голова ее стала пустой и легкой, отказываясь думать о том, что теперь, с появлением Яна, разговоры об их скандальной связи вспыхнут с новой силой. Музыка и шум больше не оглушали ее она вообще перестала их слышать. Презрительные взгляды больше не ранили ее, она уперлась взглядом в плечо Тони и видела только темно-голубой бархат его рукава. И даже когда танец закончился и он с сожалением повел ее на место, где все еще стояли Валери, Джорджина и виконт Мондвэйл, Элизабет по-прежнему ничего не чувствовала... ничего.

— Ну как вы? — с беспокойством спросил Тони. — Отлично, — ответила она с благодарной улыбкой. — У вас есть с собой нюхательные соли?

— Я никогда не падаю в обморок. — Первая приятная новость за вечер. Ваши подруги еще не ушли и ждут развития событий.

— Такой счастливой возможности они не упустят.

— Как вы думаете, что он теперь будет делать? Элизабет подняла глаза и бестрепетно взглянула на Яна. Он все так же стоял рядом с седым

человеком, так похожим на него самого, и кивал направо и налево, видимо, отвечая на поздравления.

— Ничего.

— Ничего?

— А что он может сделать?

— Вы думаете, он тоже сделает вид, что вы не знакомы?

— Никогда нельзя знать заранее, как он поступит. А вы думаете, это имеет значение?

В этот момент Ян тоже поднял глаза и увидел ее, и ему действительно захотелось отвернуться — только не от нее, а от этой толпы, наседавшей на него с поздравлениями, — и поскорее пробраться к ней. Но пока он не мог себе этого позволить. Как ни больно ему было смотреть на прекрасное лицо Элизабет, побледневшее от потрясения, они должны были встретиться как бы случайно, насколько это было возможно при сложившихся обстоятельствах. С умопомрачительной настойчивостью его продолжали донимать приветствиями — мужчины жали ему руку, дамы приседали, а те, кто не рвался засвидетельствовать ему свое почтение, с возмущением заметил он, шептались и поглядывали в сторону Элизабет.

Ян выждал еще пять минут и кивком головы подал сигнал деду, после которого они дружно двинулись вперед, оставив без внимания еще как минимум три дюжины людей, ожидающих своей очереди быть представленными маркизу Кенсингтонскому. Медленно прокладывая себе путь через толпу, Ян рассеянно кивал знакомым, избегая вопросов и долгих остановок, но время от времени все-таки был вынужден останавливаться и жать руки, чтобы не создалось впечатления, что он направляется прямо к Элизабет. Дед, который был ознакомлен с планом в карете, великолепно справлялся со своей частью задачи.

— Стэнхоуп! — раздался вдруг чей-то голос. — Познакомьте нас с внуком.

Нелепость ситуации все больше действовала ему на нервы. Половина этих людей уже была знакома с ним как с Яном Торнтоном, и всеобщее притворство, что они до сих пор не знали его, выводило,

Яна из себя. Однако ради соблюдения приличий он терпел.

— Как поживаете, Вильсон? — Ян в который уже раз остановился. — Сюзанн, — улыбнулся он жене Вильсона, краем глаза наблюдая за Элизабет. Все это время она стояла, не шелохнувшись, словно совсем утратила способность двигаться. Кто-то вложил ей в руку бокал с шампанским, и теперь она держала его, улыбаясь Джордану Таунсенду, который пытался развлечь ее своими шутками. Даже с такого расстояния

Ян видел, как безжизненна ее улыбка, и сердце его сжалось от жалости.

— Спасибо, непременно, — услышал он свой голос и понял, что принял чье-то приглашение в гости, и тут наконец решил сделать то, ради чего все это терпел. Он повернулся в сторону Элизабет, и дед мгновенно закончил беседу со своим закадычным другом. Через минуту они уже двигались в направлении Элизабет под громкий шепот, который к настоящему моменту достиг невиданной силы.

Александра бросила на подругу обеспокоенный взгляд, затем посмотрела на Джордана.

— Пожалуйста, пригласи Элизабет танцевать! — умоляюще произнесла она. — Ради Бога, уведи ее отсюда. Это чудовище надвигается прямо на нас.

Джордан нерешительно взглянул на Яна и, встретившись с его выразительным взглядом, повернулся к жене и покачал головой.

— Все будет хорошо, любовь моя, — пообещал он, стараясь не выдать голосом своих сомнений, и шагнул вперед, чтобы пожать Яну руку, словно они и не сидели с ним за карточным столом всего пару часов назад.

— Позволь представить тебя моей жене. Джордан повернулся к красивой темноволосой женщине, которая буквально заморозила Яна ледяным взглядом своих прекрасных голубых глаз.

— Очень приятно, — пробормотал Ян, прикасаясь к ее руке губами, и почувствовал, как эта рука непроизвольно дернулась, словно ей хотелось избежать прикосновения.

Герцогиня, когда ей представили Яна, на его «Очень приятно» ответила легким кивком головы, который мог заметить только человек, наделенный очень богатым воображением, и со свойственной ей прямоотой отрезала:

— А мне неприятно.

Ян стоически выдержал отпор этих двух замечательных женщин, а также представление его всем остальным. Девушка по имени Джорджина присела в реверансе, глядя на него призывным взглядом. Другая, которую звали Валери, тоже сделала реверанс и тут же испуганно отшатнулась от Яна, который, любезно кивнув, пронзил ее таким взглядом, что ей стало нехорошо. Следующим был Мондвэйл, и первый всплеск ревности, который испытал Ян при виде его красивого лица, исчез, как только он увидел повисшую на его руке с видом собственницы Валери. «Думаю, Валери сделала это потому, что хотела заполучить Мондвэйла», — вспомнились ему слова Элизабет.

Элизабет наблюдала за представлением с интересом, но без особых

эмоций — до тех пор, пока Ян наконец не оказался перед ней. В ту же секунду, как она заглянула в его золотистые глаза, у нее начали предательски дрожать колени.

— Леди Элизабет Кэмерон, — церемонно представил ее Джордан.

Медленная ленивая улыбка начала расползаться по лицу Яна, и Элизабет приказала себе собраться и ответить ему что-нибудь в насмешливом тоне, как вдруг услышала его низкий бархатный голос, исполненный восхищения, и увидела дразнящие искорки в глазах.

— Леди Кэмерон, — он повысил голос, чтобы его услышало как можно больше людей, — я вижу, ваша красота по-прежнему затмевает всех женщин. Позвольте представить вам моего деда: герцог Стэнхоупский — леди Элизабет Кэмерон.

Элизабет знала, что все это ей снится. Он не представил своего деда никому, кроме нее, эта честь была оказана ей умышленно и была замечена всеми.

Когда он двинулся дальше, Элизабет облегченно выдохнула.

— Ну, что ж, — нехотя одобрила Яна герцогиня, глядя ему вслед. — Надо сказать, он проделал это весьма умело. — Смотрите-ка, — процедила она через несколько минут, — он пригласил Эвелин Мейкпис на танец. Если она не откажет ему, это будет означать, что свет его признал.

Элизабет сдержала истерический смешок. Как будто Яна может взволновать чей — то отказ! Ее беспорядочные мысли были прерваны приглашением на танец. С элегантным поклоном и теплой ласковой улыбкой герцог Стэнхоупский предложил ей руку.

— Не окажете ли мне честь, леди Кэмерон? — спросил он, беспечно игнорируя свою обязанность пригласить сперва более старшую даму.

Элизабет хотела отказать, но не была уверена, что помнит, как это делается, к тому же во взгляде старого герцога было что-то почти умоляющее, и она нерешительно и неохотно положила руку на его протянутую ладонь.

Проходя вместе с ним через толпу, Элизабет старалась ни о чем не думать и так преуспела в этом, что не сразу заметила не совсем уверенную походку своего кавалера. Заставив себя очнуться от блаженного забытья, она озабоченно взглянула на его красивое, несмотря на возраст, лицо, и он улыбнулся.

— Старая травма — сбросила лошадь, — объяснил он, догадавшись о причине ее тревоги. — Но я не поставлю вас в неловкое положение, если вы этого опасаетесь, я вполне в состоянии танцевать. — С этими словами он обвил рукой ее талию и с легким изяществом повел девушку в танце.

Когда они оказались скрыты от остальных гостей другими танцующими парами, лицо герцога посерьезнело.

— Ян поручил мне кое-что передать вам, — тихо сказал он.

В который уже раз Элизабет подумала. Что Яну ничего не стоит вывести ее из душевного равновесия, однако этой ночью она была твердо намерена не допустить этого. Она подняла на герцога взгляд, выражавший лишь светскую любезность, но без малейшего интереса к его сообщению.

— Я должен сказать, чтобы вы не волновались. Вам просто нужно пробыть здесь еще не менее часа и положиться во всем на него.

Элизабет тут же утратила контроль над своим лицом, глаза ее расширились от удивления, а хрупкие плечи затряслись от истерического смеха, выдавшего ее полное моральное истощение.

— Положиться на него? — наконец выговорила она. Каждый раз появление Яна

Торнтона заставляло ее ощущать себя теннисным мячиком, который летит туда, куда посылает его ракетка, и это ощущение уже порядком ей надоело. Она с улыбкой покачала головой, давая понять герцогу, что его просьба совершенно абсурдна.

У тех, кто танцевал в непосредственной близости от этой пары, сложилось впечатление, что Элизабет Кэмерон, как ни странно, находится в приятельских отношениях с герцогом Стэнхоупским. Таким образом, выходило, что уже не одна, а целых две влиятельнейших фамилии оказывают покровительство этой особе.

Ян, который, еще не ступив ногой в эту залу, знал, каким образомотреагирует на этот ход общество, стоял посреди толпы и делал все возможное, чтобы направить их умы в нужном ему направлении. Будучи не в силах разубедить их в том, что между ним и Элизабет существовали какие-то отношения, он решил придать им иное толкование. С необычайной сердечностью, которую дотоле ни разу не выказывал в свете, он принимал поздравления, время от времени обращая восхищенный взгляд в ее сторону. Его нескрываемый интерес к этой женщине в сочетании с ленивой дружелюбной улыбкой определенно располагал к расспросам со стороны тех, кто окружил новоявленного наследника. Поэтому некоторые, осмелев от его неожиданной мягкости, рискнули сделать несколько осторожных шутливых замечаний относительно Элизабет в надежде получить новую пищу для сплетен об их связи. Лорд Ньюсэм, богатенький франт, чуть ли не с первой минуты пристроившийся у локтя Яна, зашел так далеко, что, перехватив его очередной взгляд на Элизабет, тоном, каким мужчины обыкновенно делятся друг с другом

своими победами, заметил:

— Ничего не скажешь — хороша! Помнится, два года назад поговаривали, что она встречалась с вами в лесном коттедже.

Ян ухмыльнулся и, не сводя глаз с Элизабет, поднес к губам бокал.

— Правда? — с насмешливым удивлением спросил он, возвысив голос, чтобы их услышало как можно больше любопытных ушей.

— Ну, так говорят.

— Я остался доволен нашей встречей?

— Простите?

— Я спросил, хорошо ли мы с ней провели время?

— Почему вы спрашиваете? Вы же сами там были. Зная, что прямое отрицание факта никогда не убедит их, Ян промолчал, и вопрос повис в воздухе без ответа.

— Так вы что же, не были там?

— Нет. — И с выражением сожаления Ян доверительно добавил: — Хотя и добивался этой встречи.

— Да ладно вам, Кенсингтон, — раздался чей-то небрежный возглас. — Нет смысла прикрывать ее теперь. Вас видели с ней в оранжерее.

Вместо того чтобы врезать ему по физиономии, Ян холодно приподнял бровь и повернулся к говорившему.

— Как я уже сказал, встреча не состоялась, но не потому, что я не пытался остаться с ней наедине.

Мужчины смотрели на него с недоверием, которое перешло в разочарование, тут же сменившееся радостью, так как новоявленный маркиз вдруг попросил их совета.

— Интересно, — заметил Ян, как бы размышляя вслух, — посмотрит ли она с большей благосклонностью на маркиза, чем просто на мистера.

— Господи, о чем тут думать? — саркастически засмеялся один из них. — Да шанс получить корону бросит в ваши объятия любую женщину, какую вы захотите.

— Корону? — слегка нахмурившись, переспросил Ян. — Так, по-вашему, эта женщина согласится не меньше чем на брак?

И человек, который минуту назад и не думал ни о чем подобном, только кивнул, не понимая, каким образом его заставили согласиться с этим согласиться.

Ян отошел, оставив у них впечатление, что леди Кэмерон в свое время дала от ворот поворот маркизу Кенсингтонскому, что было еще пикантнее, чем если бы он соблазнил ее.

С детской непосредственностью обсудив это в своем кругу, шестеро

мужчин разошлись по зале, делясь почерпнутыми сведениями с каждым, кто соглашался их выслушать. И каждый был счастлив стать их собеседником. Не прошло и получаса, как вся зала гудела, обсуждая эту новость, а некоторые мужчины уже начали по — иному смотреть на Элизабет Кэмерон. Двое обратились к старому герцогу с просьбой представить их ей, и уже вскоре Ян видел, как один из них вводит ее в круг танцующих с полного одобрения деда. Сделав со своей стороны все, что мог, чтобы изменить отношение общества к тому старому скандалу, Ян приступил к ритуалу, который был необходим, чтобы исключить всякие подозрения на их счет, когда он пригласит на танец Элизабет. Он пригласил на танец с десятков женщин различных возрастов, но одинаково безупречной репутации. Затем Ян поймал взгляд

Джордана Таунсенда и незаметно указал головой на балконную дверь. Это было сигналом, о котором Джордан был заранее предупрежден дедом.

Элизабет ничего этого не замечала, находясь в какой-то прострации. К их группе подошли несколько мужчин, которые вдруг «заметили» ее и теперь развлекали приятной беседой, но их внимание не согревало ей душу, она радовалась только тому, что Таунсенды не стали из-за нее отверженными. Ей не хотелось здесь больше оставаться, но когда она спросила Джордана, можно ли ей уехать, он почему-то посмотрел на герцога Стэнхоупского, а потом покачал головой и ответил:

«Еще не время». И вот она стояла, кивая и вежливо улыбаясь на комплименты.

Когда ее приглашали танцевать, она шла, но не ради удовольствия, а лишь потому, что так было нужно.

Не зная, что, пока она танцевала, герцог передал Джордану инструкции Яна,

Элизабет не встревожилась, когда Джордан, кивнув головой в ответ на сигнал Яна, внезапно обратился к Энтони Таунсенду:

— Я думаю, нашим дамам доставит удовольствие прогуляться по балкону и подышать свежим воздухом.

Алекс бросила на него быстрый вопросительный взгляд и оперлась на предложенную ей руку мужа, Элизабет взяла под руку лорда Энтони, и вместе с герцогом Стэнхоупским они не спеша двинулись через залу. Глядя на них, можно было подумать, что Элизабет сопровождает караул — так ясно на их лицах читалась решимость оградить девушку от любого, кто посмеет ее обидеть.

Широкий балкон, который шел по периметру всего дома, был окружен высокой каменной балюстрадой, и несколько пар стояли там,

облокотившись на нее, вдыхая сырой ночной воздух и глядя на темное безлунное небо. Выйдя на балкон, Джордан повел их не к балюстраде, как ожидала Элизабет, а направо, в дальний конец балкона, где завернул за угол. Здесь он остановился, и Элизабет вздохнула свободнее. Она была благодарна Джордану за то, что он увел их от пристальных взглядов толпы. Она оставила Тони и подошла к балюстраде. Джордан Таунсенд сделал то же самое, но занял место на самом повороте балкона и, облокотившись о балюстраду, загородил собой проход в эту сторону всякому, кто мог помешать их уединению. Краем глаза Элизабет увидела, что он ласково улыбается Александре и что-то говорит ей. Элизабет отвернулась и стала смотреть в темноту, подставляя лицо прохладному ветерку.

Сзади нее — там, где стоял Тони, задвигались какие-то тени, потом чья-то рука мягко коснулась ее локтя, и глубокий хрипловатый голос сказал:

— Потанцуйте со мной, Элизабет. От неожиданности она застыла. Глядя прямо перед собой и не поворачивая головы, она ответила очень спокойно и очень вежливо:

— Не могли бы вы оказать мне услугу?

— Я выполню все, о чем вы попросите.

— Уходите. И не подходите больше ко мне.

— Я готов выполнить все, — с улыбкой сказал Ян, — кроме этого.

Она почувствовала, как он придвинулся ближе, и нервная дрожь снова начала колотить ее ослабевшее тело, пробуждая чувства от блаженной летаргии. Его пальцы ласкали ее руку, он еще ниже наклонил голову:

— Потанцуйте со мной.

Два года назад, в саду, когда он произнес те же самые слова, Элизабет позволила обнять себя. Сегодня, несмотря на то, что она уже не была отверженной, ее репутация висела на волоске, и потому она отрицательно покачала головой.

— Не думаю, что это будет разумно с моей стороны.

— Мы с вами всегда поступали неразумно. Зачем же нарушать традицию?

Элизабет опять покачала головой, по-прежнему не поворачиваясь к нему, но он сжал ее локоть и заставил повернуться.

— Я настаиваю.

Она нехотя подняла на него глаза.

— Почему?

— Да потому, — ответил Ян, нежно улыбаясь и глядя ей в глаза, — что ради возможности пригласить вас, не возбудив при этом нежелательных

подозрений, я протанцевал несметное количество танцев с женщинами, которые мне совершенно не нравятся, но зато могут похвастаться отменной репутацией в свете.

Элизабет насторожилась.

— Что вы хотите этим сказать?

— Я знаю, что произошло с вами после того уик-энда, когда мы познакомились, — мягко сказал Ян. — Ваша Люсинда выложила все это Дункану.

Только не сердитесь на нее — она поступила правильно, за исключением того, что рассказала об этом Дункану, а не мне.

Ян Торнтон, который говорил с ней сейчас, казался таким же надежным и близким, как и два года назад, когда она встретила его.

— Пойдемте со мной, — попросил он, потянув ее за локоть, — я постараюсь исправить то, что натворил.

Элизабет позволила ему протащить себя несколько шагов, потом заколебалась и снова остановилась.

— Это ошибка. Нас увидят вместе и подумают, что мы начали все сначала...

— Не подумают, — пообещал Ян. — Я сказал, что имел на вас виды два года назад, но будучи всего лишь безродным шотландцем, не вызвал у вас интереса.

Поскольку титул для них — святое, они одобрили ваш здравый смысл. Теперь же, когда титул у меня появился, вполне естественно, что мне хочется еще раз попытаться счастья там, где в первый раз я потерпел неудачу, — хотя бы для того, чтобы потешить свою задетую мужскую гордость.

Он отвел от ее щеки выбившуюся из прически прядь волос и сказал:

— К сожалению, я не мог сказать, что между нами вообще ничего не было — уж слишком компрометирующими были обстоятельства, при которых нас видели. И поскольку никто никогда не поверил бы, что действительно ничего не было, мне оставалось только заставить их думать, будто я вас преследовал, а вы меня избегали. Она вздрогнула от его прикосновения, но не оттолкнула его руки.

— Вы не понимаете. Со мной не произошло ничего такого, чего бы я не заслужила. Я знала, что нарушаю правила, оставаясь с вами в лесном домике. Вы не принуждали меня остаться. Я сама перешла границы и...

— Элизабет, — прервал ее Ян голосом, в котором звучало раскаяние, — если вы не можете сделать для меня ничего другого, перестаньте хотя бы оправдывать мое поведение. Я не могу этого слышать. Я оказывал на вас гораздо большее давление, чем вы можете понять.

Изнывая от желания поцеловать ее, Ян был вынужден довольствоваться лишь счастьем смотреть на нее.

— Мне кажется, вы недооцениваете мой дар стратега, — продолжал убеждать он. — Всего один танец, и вы увидите, с какой легкостью можно манипулировать человеческими умами.

Элизабет наконец безразлично кивнула и позволила ему увести себя с балкона.

Однако его уверенность была на секунду поколеблена, когда, войдя в залу, он заметил мгновенное похолодание обратившихся на них взглядов. Однако вскоре, когда Ян уже кружил ее в танце, он вдруг понял причину этого внезапного похолодания.

— Элизабет, — тихим умоляющим голосом произнес он, глядя на ее склоненную голову, — ну что за вид барашка, которого ведут на заклание? Поднимите голову, вздерните носик и дайте мне отставку или флиртуйте — но только не будьте такой робкой, иначе это будет расценено как признание вины!

Элизабет, которая танцевала с ним так же, как и со всеми предыдущими партнерами, уставившись безразличным взглядом в плечо, — подняла голову и посмотрела на Яна непонимающим взглядом.

— Что?

У него перевернулось сердце, когда в ее прекрасных зеленых глазах отразился ужас загнанного зверька. Ему стало ясно, что сейчас никакой логикой и убеждением не удастся заставить ее встряхнуться, и он воспользовался способом, который так хорошо сработал в Шотландии, когда она перестала плакать и засмеялась.

Быстро оглядев присутствующих, Ян сказал:

— Белховен сегодня просто бесподобен — о, эти атласные розовые панталоны!

Надо будет спросить у него имя портного, я закажу себе такие же.

Элизабет посмотрела на него так, словно опасалась за состояние его рассудка, но потом до ее сознания дошло, чего он от нее добивается. Когда она представила высокую мужественную фигуру Яна в комичных розовых панталонах, на губах ее появилась слабая улыбка.

— Я тоже весь вечер восхищаюсь этими панталонами, — ответила Элизабет. -

Может быть, вам заказать еще и желтую атласную накидку, чтобы они по-настоящему заиграли?

Он улыбнулся.

— Я думал о терракетовой.

— Необычное сочетание, — заметила она, — но оно, несомненно, сделает вас предметом всеобщей зависти.

Ян испытывал гордость за эту маленькую женщину, которая нашла в себе силы продолжить борьбу. Боясь, что не выдержит и начнет говорить о том, о чем собирался сказать завтра и наедине, он стал оглядываться вокруг в поисках новой темы для разговора. Его взгляд упал на Валери.

— Я правильно догадался, что Валери, которую мне представили, — та самая

Валери, что была автором записок, приведших нас в оранжерею?

Он понял, что сделал ошибку, заговорив об этом, потому что глаза Элизабет затуманились, и она со вздохом посмотрела в том направлении, куда был направлен его взгляд.

— Да.

— Хотите, я попрошу Виллингтона очистить залу, чтобы освободить вам необходимые двадцать шагов? Само собой, я буду вашим секундантом.

У Элизабет вырвался прерывистый вздох, и улыбка изогнула ее губы.

— У нее есть банты на платье? Ян посмотрел и покачал головой.

— Боюсь, что нет. — А серьги?

Он снова взглянул и нахмурился.

— По-моему, это родинка.

Улыбка зажглась наконец и в ее глазах.

— Конечно, это не очень крупная цель, но полагаю...

— Позвольте мне, — мрачно произнес он, и она засмеялась. Последние звуки вальса стихли и, провожая Элизабет к ее месту, Ян заметил, что к вернувшимся в зал Таунсендам направляется Мондвэйл.

— Вы стали маркизом, — сказала Элизабет. — И где же вы теперь будете жить: в Англии или в Шотландии?

— Кроме титула, я ничего не принял, — рассеянно ответил Ян, наблюдая за

Мондвэйлом. — Завтра у вас дома я все объясню. Похоже, как только мы подойдем к

Таунсендам, вас пригласит Мондвэйл, так что слушайте меня внимательно: позже я приглашу вас еще раз. Вы мне откажете, хорошо?

Она удивленно взглянула на него, но согласно кивнула.

— Будут еще какие-нибудь указания? — спросила Элизабет, когда до их друзей оставалось всего несколько шагов.

— Их очень много, но с ними придется подождать до завтра.

Заинтригованная, Элизабет переключила внимание на виконта Мондвэйла.

Алекс со своего места наблюдала за Яном и Элизабет, но была далека от восторга при виде этой пары. Пока они танцевали, она высказала мужу все, что думала о Яне Торнтоне, который сначала погубил репутацию Элизабет, а теперь пытается уверить ее, будто имел самые честные намерения. Джордан же, вместо того, чтобы признать Торнтон абсолютно беспринципным человеком, упорно стоял на том, что утром Ян все уладит, и в конце концов уговорил жену и бабушку ничего не говорить Элизабет до тех пор, пока Яну не будет предоставлена возможность поговорить с ней самому. И глядя на эту пару, Алекс от всей души надеялась, что Торнтон не причинит нового горя ее дорогой подруге.

К концу этого вечера большинство гостей Виллингтонов пришло к нескольким заключениям: во-первых, Ян Торнтон в самом деле является родным внуком герцога

Стэнхоупского (причем каждый говорил, что знал об этом всегда), во-вторых, вполне вероятно, что Элизабет Кэмерон действительно могла отвергнуть его два года назад (причем каждый утверждал, что всегда так считал), и в-третьих, ее отказ танцевать с ним второй раз означал, что она предпочитает ему своего бывшего жениха виконта Мондвэйла (но в это верилось с большим трудом).

Глава 22

Бентнер вошел в небольшую светлую столовую и поставил на стол поднос с булочками, накрытый салфеткой. За столом сидели Алекс и Элизабет и вспоминали вчерашний бал. Люсинда, которая редко присоединялась к завтраку, сидела у окна и вышивала наволочку для диванной подушки, прислушиваясь к их беседе.

Эта столовая, как и все остальные помещения в просторном доме на Променад — стрит, была отделана в любимой цветовой гамме Джулиуса Кэмерона, которую он называл «немаркой» — то есть в серо-коричневых тонах. Однако в это утро комнату оживляло яркое пятно в центре — стол был покрыт светло-желтой льняной скатертью, на Алекс было утреннее платье цвета розовеющего неба перед грозой,

Элизабет была в мятно-зеленом.

В любой другой день Бентнер воспринял бы эту радостную картину с сияющей улыбкой, но сегодня, ставя на стол масло и джем, он обдумывал, как ему передать неприятные новости и признаться в своих грехах. Наконец сняв с булочек салфетку, он решился.

— Вчера вечером к вам приходил гость, — сказал он Элизабет, — а я захлопнул дверь у него перед носом.

— Да, и кто это был?

— Некий мистер Ян Торнтон.

Представив себе эту сцену, Элизабет пришла в ужас и одновременно была готова расхохотаться, но она даже не успела ничего сказать, как Бентнер с яростью заявил:

— Как я жалел об этом потом! Нужно было пригласить его в дом, предложить ему выпить и подсыпать слабительного, так чтобы потом месяц животом маялся!

— Бентнер, — вскричала Алекс, — ты настоящее сокровище!

— Не поощряй в нем такие фантазии, — смеясь, остановила ее Элизабет. — Бентнер до такой степени начитался детективных романов, что временами путает происходящие там события с реальной жизнью. Ведь он уже проделывал этот трюк в прошлом году с дядей Джулиусом.

— Да, после этого он не приезжал целых полгода, — гордо сообщил Бентнер.

— А когда приехал, — сурово нахмурившись, напомнила Элизабет, — то наотрез отказался садиться за стол в моем доме.

— Зато теперь он никогда у нас не задерживается, — парировал неустрашимый Бентнер. Как и всегда, когда речь шла о будущем его дорогой хозяйки, он держался поблизости, встречая со своими замечаниями. Поскольку Элизабет всегда очень дорожила его мнением и советами, он не видел ничего странного в том, что дворецкий сидит за одним столом с хозяйкой и обсуждает ее проблемы, — ведь он знал ее гостью чуть не с пеленок.

— В первую очередь мы должны отвязаться от этого кошмарного Белховена, — сказала Александра, возвращаясь к предмету разговора. — Он вчера весь вечер топтался возле тебя и смотрел зверем на всякого, кто к тебе приближался. — Ее передернуло. — А как он строил тебе глазки!? Это просто отвратительно. Даже хуже — мне становится страшно, когда он так смотрит на тебя.

Бентнер внимательно выслушал это, и его старческие выцветшие глаза подернулись дымкой задумчивости — ему припомнился эпизод из одного романа.

— Конечно, это исключительная мера, но в крайнем случае к ней можно прибегнуть, — сказал он.

Две пары глаз с любопытством обратились на него, и он продолжил:

— Я читал об этом в «Негодяе». Эрон заманит его в нашу карету и отвезет в корабельные доки, а там мы продадим его вербовщикам. Элизабет с улыбкой покачала головой.

— Не думаю, что он позволит Эрону себя увезти.

— А я сомневаюсь, — добавила Алекс, встретившись со смеющимся взглядом с

Элизабет, — что вербовщики согласятся купить его. Разве что дела их будут совсем плохи.

— Ну, тогда можно обратиться к черной магии, — продолжал рассуждать Бентнер. — В «Смертельной схватке» говорится об одном вероотступнике, который насылал на людей чары. Нам понадобятся крысиные хвосты и, если не ошибаюсь, языки...

— Нет, — решительно отказалась Элизабет. — ...ящериц, — не менее решительно закончил Бентнер. — Исключается, — твердо сказала хозяйка. — И еще свежая земля из-под жабы. Правда, здесь могут возникнуть некоторые трудности, так как в книге не говорится, как отличить свежую от...

— Бентнер, — смеясь, воскликнула Элизабет. — Ты добьешься, что мы упадем в обморок, если немедленно не прекратишь. Когда Бентнер ушел, чтобы лучше продумать детали, Элизабет посмотрела на Алекс.

— Крысиные хвосты и языки ящериц, — снова фыркнув, сказала она. — Неудивительно, что Бентнер спит всю ночь при зажженной свече.

— Ему, наверное, страшно сомкнуть глаза после такого чтения, — сказала Алекс и снова вернулась мыслями к вчерашнему балу. — Но в одном я точно была права — тебя нужно было вывести в свет. Это оказалось намного труднее, чем я предполагала, но дальше будет легче. Я почти уверена, что в ближайшую неделю тебе начнут делать предложения, и тогда нам останется только решить, кого из претендентов стоит поощрить. Я подумала, — мягко продолжила она, — что, если тебе все еще нравится Мондвэйл... Элизабет энергично замотала головой.

— Мне никто не нравится, Алекс. Правда.

В комнату вошел лакей, а следом за ним — вдовствующая герцогиня, которая приехала за Алекс, чтобы пройтись с ней по магазинам. Она отпихнула лакея с дороги, не дав ему даже объявить о своем прибытии.

— Что ты такое говоришь, Элизабет? — строго спросила она, недовольная тем, что все ее вчерашние усилия могут пойти насмарку.

Элизабет вздрогнула при звуках этого властного голоса. В своем серебристо — сером наряде герцогиня олицетворяла богатство, уверенность и аристократизм.

Элизабет по-прежнему считала ее самой внушительной женщиной из всех, кого она встречала, но так же, как и Алекс, сумела разглядеть за внешней суровостью мягкое, отзывчивое сердце.

— Элизабет хотела сказать, — объяснила Алекс, наблюдая, как герцогиня усаживается за столом и расправляет складки платья, — что пробыла в обществе всего один день. По-моему, это естественно, что после первого неудачного опыта общения с Мондвэйлом и мистером Торнтоном ей уже страшно ошибиться в своих привязанностях.

— Ты сама ошибаешься, Александра, — веско заявила герцогиня, впившись глазами в лицо Элизабет. — Насколько я поняла Элизабет, она не собирается выходить замуж ни теперь, ни потом, если только ее не вынудят к этому обстоятельства.

Элизабет перестала улыбаться, однако лгать она не собиралась.

— Вы правы, — тихо признала она, намазывая булочку маслом.

— И очень глупо, моя дорогая. Вы должны выйти замуж и выйдете.

— Бабушка совершенно права, — сказала Алекс. — Оставаясь незамужней, ты будешь постоянно попадать в неприятные истории. Поверь мне, я знаю!

— Вне всякого сомнения! — подтвердила герцогиня и вспомнила, зачем приехала. — И потому я решила, что тебе следует рассмотреть

кандидатуру Кенсингтона.

— Кого? — переспросила Элизабет, но тут же вспомнила, что это новое имя Яна. — Ну нет, благодарю покорно, — сухо ответила она. — Я очень рада, что мои дела пошли так удачно и благодарна ему за помощь, но не более того. — Элизабет почувствовала легкий укол в сердце, когда вспомнила, каким красивым Ян был на бале и как нежно смотрел на нее. С тех пор, как они познакомились, он приносил ей только горе. Он был непредсказуемым и властным. К тому же, увидев Алекс рядом с мужем и почувствовав ту особую близость, которая существовала между ними, она начала сомневаться, что в выборе мужа следует руководствоваться исключительно меркантильными соображениями. Опыт родителей ей ничего не подсказывал — она помнила только, что это была красивая, веселая пара, которая, словно перелетные птицы, залетала иногда в Хэвенхёрст, а большую часть времени проводила в круговерти светских развлечений.

— Ты благодарна ему? — медленно сказала герцогиня. — Я бы употребила другое слово. К тому же его поведение нельзя назвать безукоризненным. Он ни в коем случае не должен был тебя приглашать.

— Если бы он ее не пригласил, это выглядело бы еще более странно, — нехотя возразила Алекс. — Но, честно говоря, я страшно рада, что он больше не интересуется Элизабет. Герцогиня недоуменно нахмурилась.

— Почему?

— Я не могу простить ему, что он причинил ей столько горя, — и, вспомнив, что он ввел Элизабет в заблуждение, сказав, будто его домом является скромный шотландский коттедж, добавила, повернувшись за поддержкой к Люсинде: — И не доверяю ему.

Люсинда, которой было известно о вчерашнем поведении Яна на балу от самой

Элизабет, оторвалась от своей работы.

— Относительно мистера Торнтона, — уклончиво ответила она, — я пока воздержусь высказывать свое суждение.

— Я не предлагаю тебе пасть в его объятия, как только он сделает тебе предложение, — сердито сказала герцогиня, задетая упорством Элизабет. — Его поведение, за исключением вчерашнего бала, ниже всякой критики. — Она внезапно умолкла, так как в дверях появился Бентнер. Лицо его горело от волнения и тревоги.

— Приехал ваш дядя, мисс Элизабет.

— Какого черта ты объявляешь о моем прибытии, — врываясь в столовую, отчитал его Джулиус. — Это мой дом.

Элизабет встала, намереваясь перейти с ним в другую комнату, чтобы выслушать без свидетелей то, что он имел ей сообщить, но дядя Джулиус замер в дверях, слегка смутившись при виде гостей.

— Ты уже видела Торнтона? — спросил он племянницу.

— Да, а что?

— Ну, должен сказать, что горжусь тобой, раз ты так спокойно это восприняла. Я боялся, что ты подымешь шум из-за того, что тебя не поставили в известность. Здесь замешаны большие деньги, и я не намерен их терять из-за твоей увствительности.

— Не понимаю, о чем вы говорите?

— Наверное, нам лучше уйти, — сказала Александра, поднимаясь с места.

— В этом нет никакой необходимости, — заверил ее дядя Джулиус, нервно теребя узел шейного платка. Вид у него был необычайно взволнованный. — Я весьма охотно объявлю об этом не только тебе, но и всем твоим друзьям. Ведь это твои друзья, насколько я понимаю?

У Элизабет появилось нехорошее предчувствие, что он удерживает ее гостей во избежание «сцены», под которой подразумевался любой вид сопротивления.

— Может быть, нам перейти в парадную гостиную? — предложил дядя тоном, каким обычно отдают приказания. — Там больше места.

У герцогини заledenело лицо от такой фамильярности и отсутствия такта, но, взглянув на встревоженное, побледневшее лицо Элизабет, она сухо кивнула.

— В таком деле не следует торопиться, — говорил Джулиус, ведя маленькую компанию по коридору. Он блаженствовал не только из-за денег, он трепетал от восторга еще и потому, что в деле с таким известным ловкачом, как Торнтон, он,

Джулиус, одержал полную победу,

— Полагаю, нас следует представить друг другу, — сказал он Элизабет, вводя гостей в большую гостиную.

Элизабет машинально представила его герцогине, гадая, что же за неведомая угроза нависла над ее головой. И когда дядя сказал: «Прежде, чем мы обсудим это дело, я хотел бы выпить чаю», ее тревога переросла в настоящий страх, поскольку с тех пор, как Бентнер подсыпал ему в питье слабительное, дядя ни разу не сел за стол в ее доме. Она поняла, что он тянет время, обдумывая, как лучше изложить дело, из чего она сделала вывод о его чрезвычайной важности.

Ян ехал в своем экипаже через парк, направляясь к Элизабет, и, занятый своими мыслями, не замечал, что встречные знакомые дамы машут ему руками и посылают очаровательные улыбки. Он думал, как объяснит Элизабет свое решение жениться на ней. Ни при каких обстоятельствах нельзя допустить, чтобы она подумала, будто он женится на ней из жалости или из чувства вины, — Элизабет Кэмерон была не только красива, но и невероятно горда, и гордость заставит ее воспротивиться помолвке. Два года назад эта девушка пленила весь Лондон и заслуживает того, чтобы за ней ухаживали просто потому, что она прелестна.

Конечно, ей захочется немножко помучить его, и она будет притворяться, что он ей не нужен, но об этом Ян не беспокоился. Их тянет друг к другу с самой первой встречи в саду у Черайз, и каждая новая встреча только Подтверждала это. Но его привлекало в ней не только физическое совершенство. Элизабет была самой необыкновенной девушкой, которую он когда-либо встречал: в ней гармонично сочетались робость и мужество, застенчивость и страсть, снисходительность и гордость. Она была царственно прекрасной в бальной зале, сильной и ловкой — с оружием в руках, страстной и нежной — в его объятиях. Она могла быть такой разной, но каждый раз это была — она.

И он любил ее. Если бы у него хватило мужества быть честным с самим собой, он давно бы признался, что полюбил Элизабет с той самой минуты, когда она выступила против целой толпы рассерженных мужчин в карточной комнате — юная золотоволосая принцесса, которая с высоты своего маленького роста взирала на злобные, презрительные лица, окружавшие ее со всех сторон.

И она тоже его полюбила — это единственное объяснение тому, что произошло между ними в тот уик-энд, когда они познакомились, и ее поведению в его доме в Шотландии. Конечно, разница между ними заключалась в том, что Ян превосходил ее годами и жизненным опытом. Она была молодой, романтической девушкой, считавшей, что самое сильное чувство, которое могут испытывать друг к другу два человека, — это «длительная привязанность».

Она не знала, просто не могла знать, что в ту первую встречу в освещенном фонарями саду им был послан особый, редкий дар — любовь. Слабая улыбка тронула губы Яна, когда он вспомнил, какой она тогда была, — неумело флиртуя с ним, она все время нервно терла ладони о юбку. Это воспоминание было одним из самых трогательных в его памяти.

Ян улыбнулся, думая о собственной непоследовательности. В любой жизненной ситуации ему удавалось сохранять холодную ясную голову, но

когда дело касалось

Элизабет, он становился либо слеп и упрям, либо, как сейчас, совершенно терял голову. Сегодня утром, выйдя из дома, он направился в самый известный лондонский ювелирный магазин и сделал там такие покупки, что мистер Финес Уэзерборн, хозяин магазина, проводив Яна до дверей, так и остался стоять там, не в силах поверить в свою удачу. Сейчас, когда Ян шел к Элизабет, в кармане у него лежало обручальное кольцо, но он не собирался надевать его ей на палец до тех пор, пока она не признается, что любит его или хотя бы не скажет, что хочет выйти за него замуж. Его родители любили друг друга открыто и не прятали своих чувств. И он хотел, чтобы у них с Элизабет было так же, — хотя, с усмешкой подумал он, это довольно странное желание, ведь от Кристины он не желал и не ждал ничего подобного.

Реакция Элизабет на то, что они уже помолвлены и что ему пришлось заплатить за это большие деньги, его не беспокоила. Ян не видел нужды в том, чтобы сообщать ей о первом, и уж тем более надеялся, что она никогда не узнает о втором. Этот пункт был оговорен с ее дядей отдельно, и Ян был уверен, что

Элизабет до сей поры ничего не знает.

Все дома на Променад-стрит были белого цвета, с резными чугунными воротами. И хотя они не были столь великолепны, как дома на Брук-стрит, тем не менее это была тоже красивая улица, по которой любили прогуливаться нарядно одетые дамы и щеголеватые молодые люди.

Когда кучер натянул вожжи у ворот дома Кэмеронов, Ян увидел, что здесь уже ожидают своих хозяев два экипажа с гербами, но не заметил за ними скромную наемную лошадь. Поднимаясь по ступенькам крыльца, Ян приготовился к неминуемой встрече с нахальным дворецким Элизабет, как вдруг его окликнул по имени голос Дункана. Ян удивленно обернулся.

— Я приехал сегодня утром, — объяснил Дункан, проводив осуждающим взглядом двух профланировавших мимо денди в зауженных сюртуках с осиной талией и кружевных рубашках, изобилующих различными знаками внимания со стороны женщин и кармашками для часов. — Твой дворецкий сказал мне, что ты должен быть здесь. И я подумал... в общем, мне захотелось узнать, как у тебя дела.

— А поскольку мой дворецкий не смог ничего сказать по этому поводу, — полушутливо-полусердито заключил Ян, — ты решил заглянуть к Элизабет и узнать все из первых рук.

— Что-то вроде этого, — спокойно сказал викарий. — Я думаю, Элизабет считает меня своим другом, и потому планировал заглянуть к ней

в любом случае.

Если бы мне не удалось тебя там застать, я по крайней мере смог бы замолвить за тебя словечко.

— Только одно? — смеясь, поинтересовался Ян.

— Учитывая твоё обращение с ней, мне было нелегко решиться даже на одно.

— Кстати, какие отношения сложились у тебя с дедом?

— Неплохие, — ответил Ян, продолжая думать о встрече с Элизабет. — Он сейчас в Лондоне.

— И?

— И, — не скрывая иронии, ответил Ян, — теперь ты можешь называть меня милордом.

— Собственно, я приехал сюда, чтобы назвать тебя женихом, — сурово сказал викарий.

На загорелом лице Яна отразилось легкое недовольство.

— Ты можешь перестать на меня давить? Я живу на этом свете уже тридцать лет, Дункан, и до сих пор неплохо решал свои проблемы без посторонней помощи.

— Надеюсь, и на этот раз обойтись своим умом.

— Хорошо, ты прав, извини. Мне уйти?

— Нет, — покачал головой Ян. Он заметил, что при Дункане Элизабет старается сдерживать свои эмоции, и решил, что на этот раз дядя появился очень вовремя.

— Кстати, раз уж ты здесь, — добавил он, когда они дошли до верхней ступеньки, — может быть, ты и сообщишь дворецкому о нашем прибытии? Меня он может не впустить.

Дункан взялся за дверной молоток и бросил на Яна лукавый взгляд.

— Вот видишь, даже не можешь прорваться в дом, а собирался обойтись без меня!

Ян промолчал, оставив этот укол без ответа. Через секунду дверь отворилась, и дворецкий приветливо посмотрел на Дункана, который назвал свое имя, потом перевел взгляд на Яна. Дункан решил, что грезит, когда увидел, что прямо ему в лицо летит тяжелая дубовая дверь. За секунду до того, как она встала на место, Ян протиснулся в узкую щель и ударил дверь плечом, при этом дворецкий отлетел в холл, срикошетив о стену.

— Скажи своей хозяйке, что я здесь, или я сам скажу ей об этом, — прорычал Ян.

Взъерошенный и взбешенный дворецкий смирил взглядом высокую

плечистую фигуру Яна, затем повернулся и медленно пошел вперед, туда, откуда доносились приглушенные голоса.

Дункан удивленно приподнял одну бровь и саркастически заметил:

— Как мудро, что ты решил сперва снискать расположение слуг Элизабет.

Реакция в гостиной на сообщение Бентнера, что «здесь Торнтон, он силой ворвался в дом», оказалась различной. Вдовствующая герцогиня была в восторге, Джулиус испытал одновременно облегчение и тревогу, Александра насторожилась, а Элизабет, которая не могла дождаться, когда же дядя объявит ей, зачем явился, не знала, что и думать. И только Люсинда не выказала ни малейших признаков волнения, однако отложила шитье в сторону и выжидательно посмотрела на дверь.

— Проводи его сюда, Бентнер. — В наступившем молчании голос Джулиуса Камерона прозвучал неестественно громко.

Элизабет слегка удивилась, увидев рядом с Яном Дункана, но когда Ян, не глядя ни на кого, направился прямо к ней, пристально глядя ей в глаза, внезапно заволновалась.

— Надеюсь, вы уже оправились после вчерашнего испытания на балу? — ласково спросил он, поднося к губам ее руку.

Элизабет подумала, что он выглядит невероятно красивым в этой терракотовой визитке, плотно облегавшей широкие плечи, песочных брюках, обтягивавших длинные стройные ноги и кремовой шелковой рубашке, которая еще сильнее оттеняла его загорелое лицо и шею.

— Благодарю вас, вполне, — ответила она, стараясь не замечать поднимающееся по руке тепло от его поцелуя. Он еще на секунду задержал ее руку в своей, потом с сожалением отпустил, предоставив ей заняться процедурой представления гостей.

Несмотря на снедавшую ее тревогу, Элизабет рассмеялась про себя, когда представила обществу Дункана. Все присутствующие на минуту утратили дар речи — так же, как в свое время и она, — узнав, что ближайшим родственником этого дьявола Яна Торнтона является священнослужитель. Дядя Джулиус разинул рот,

Алекс широко раскрыла глаза, герцогиня протянула Дункану руку и недоверчиво посмотрела на Яна.

— Правильно ли я поняла, Кенсингтон, — громко спросила она Яна, — вы связаны родственными узами с духовным лицом?

Ян слегка приподнял брови и вместо ответа склонил голову в ироничном поклоне, но Дункан, который отчаянно стремился представить племянника в выгодном свете, сделал неудачную попытку обратить все в

шутку и с милой улыбкой сказал:

— Почему-то эта новость всегда вызывает одну и ту же реакцию.

— По-моему, не надо долго думать, чтобы догадаться о причине, — сухо обронила герцогиня.

Ян уже открыл рот, чтобы дать этой старой карге достойный ответ, но уперся взглядом в Джулиуса Кэмерона. Его присутствие почему-то тревожило Яна, но через минуту он пришел просто в бешенство, когда этот человек вышел на середину комнаты и торжественным голосом объявил,

— Ну вот теперь, когда все собрались, я могу наконец сказать. Бентнер, шампанского! Элизабет, мои поздравления. Надеюсь, ты выкажешь себя примерной женой и непустишь на ветер те деньги, которые еще остались у этого человека.

В оглушительном молчании никто не шелохнулся, за исключением Элизабет, у которой комната поплыла перед глазами.

— Что? — наконец выдохнула она.

— Ты помолвлена.

С быстротой огня гнев начал распространяться у нее по жилам и мгновенно охватил все ее существо.

— В самом деле? — опасно спокойным голосом спросила она, думая, что дядя имеет в виду Белховена или Марчмэна. — И с кем же?

Словно во сне, она увидела, что дядя Джулиус поворачивается к Яну, который смотрит на него убийственным взглядом.

— Со мной, — резко бросил Ян, не отрывая колючего льдистого взгляда от

Джулиуса Камерона.

— Решение окончательное, — предупреждающим тоном произнес дядя и, полагая, что Элизабет будет приятно узнать, какую денежную ценность она представляет, добавил: — За эту честь он заплатил целое состояние. А мне не пришлось выложить ни шиллинга.

Элизабет, которая понятия не имела, что эти двое уже встречались раньше, повернула к Яну пылающее лицо. — О чем он говорит? — сдавленным шепотом проговорила она. — Он говорит, — натянутым голосом ответил Ян, все еще не веря, что его романтические планы сметены идиотской выходкой Джулиуса, — что мы помолвлены. Все бумаги уже подписаны.

— Да вы... вы... невыносимый, зарвавшийся... — от подступивших слез у нее прервался голос, и она на несколько секунд замолчала. — Вы даже не удосужились спросить меня?

С трудом оторвав взгляд от Джулиуса, Ян повернулся к Элизабет, и

сердце его сжалось от ее горестного взгляда.

— Почему бы нам не перейти куда-нибудь в другое место, где мы могли бы обсудить все это наедине? — мягко спросил он, приближаясь к ней и дотрагиваясь до ее локтя.

Словно ужаленная, Элизабет резко отдернула руку.

— Зачем же? — дрожа от негодования, воскликнула она. — -К чему считаться с моими чувствами? Вы всегда выставляли меня на посмешище, с самой первой минуты нашего знакомства. Так стоит ли нарушать традицию?

— Элизабет, — попытался остановить ее Дункан, — Ян просто хотел, чтобы восторжествовала справедливость. Когда он узнал, какие печальные последствия повлекло за собой...

— Заткнись, Дункан! — прорычал Ян, но было уже поздно, глаза Элизабет расширились от ужаса, что ее пожалели.

— И какие же такие «печальные последствия» повлекло за собой мое знакомство с вами? — спросила она. В ее чудесных огромных глазах сверкали слезы унижения и злости.

Ян схватил ее за локоть.

— Идемте или я просто унесу вас отсюда. Элизабет знала, что он не бросает слов на ветер, и потому, отдернув руку, яростно процедила:

— Как вам будет угодно.

Когда они очутились в коридоре, Ян распахнул первую попавшуюся дверь и, затащив туда Элизабет, плотно закрыл ее. Выйдя на середину комнаты, она круто развернулась к нему, уперев кулачки в бока.

— Вы чудовище! — прошипела она. — Как вы смеете меня жалеть!

Она сделала именно тот вывод, которого Ян и опасался, отреагировала именно так, как он ожидал. Да и как иначе могла воспринять жалость к себе гордая красавица, которая говорила ему, будто живет в настоящем дворце и ведет активную светскую жизнь.

— Вы ошиблись в выборе слова. Между сожалением о каких-либо действиях и жалостью к человеку, пострадавшему от этих действий, существует большая разница, — попытался переключить ее внимание Ян.

— Не смейте играть со мной в эти игры! — дрожащим голосом вскричала она.

Ян мысленно поздравил ее с тем, что она разгадала ход его мыслей, даже в состоянии шока перехитрить Элизабет было непросто.

— Простите, — тихо произнес Ян. Он сделал несколько шагов по направлению к ней, но по мере его приближения Элизабет отступала, пока не коснулась спиной стула, тогда она остановилась, удерживая его на

расстоянии взглядом.

— В такой ситуации нужно говорить только правду, — согласился Ян и опустил руки на ее сердито вздернутые плечи. Зная, что она рассмеется ему в лицо, если он заговорит сейчас о любви, он сказал ей то, чему она могла поверить. — А правда в том, что я хочу вас. Я всегда вас хотел, и вы прекрасно знаете это.

— Я ненавижу это слово, — вскрикнула она, тщетно вырываясь из его рук.

— Вряд ли вы понимаете, что оно значит.

— Я знаю, что вы произносите его каждый раз, когда начинаете на меня давить.

— И каждый раз вы таете в моих объятиях.

— Я не выйду за вас, — сказала Элизабет, лихорадочно придумывая причину отказа. — Я вас не знаю. И не верю вам.

— Но вы тоже меня хотите, — сказал он, загадочно улыбаясь.

— Прекратите произносить это слово, черт вас возьми! Я хочу старого мужа, понятно? — внятно и громко сказала она, уже не думая о том, что говорить, лишь бы не молчать. — Я хочу, чтобы моя жизнь принадлежала только мне. Поймите же вы, наконец. А вы мчитесь сюда, в Англию, чтобы купить меня. — Эта мысль снова отозвалась болью в сердце, и глаза ее засверкали от гнева.

— Нет, — сухо возразил Ян, хотя это было бессовестной ложью, — просто деловое соглашение с вашим дядей.

Слезы, которые ей до сих пор удавалось сдерживать, наконец быстро закапали из-под длинных темных ресниц.

— Я не нищая, — обиженно всхлипнула Элизабет. — Я не н-нищая, — повторила она, захлебываясь слезами. — У меня есть... было приданое, черт бы вас побрал.

И если вы т-такой дурак, что позволили ему выманить у вас деньги, то так вам и надо!

Ян разрывался между желаниями засмеяться, поцеловать ее и убить ее бессердечного дядю.

— Как вы смеете заключать сделку, на которую я не согласна? — она подняла на него сверкающие от ярости и слез глаза. — Я ведь не какое-нибудь движимое имущество, что бы там ни думал мой д-дядя. Я бы нашла способ отвертеться от Белховена. Нашла бы, — с силой повторила она. — И нашла бы способ удержать Хэвенхёрст без помощи дяди. Вы не имели права, не имели права на эту сделку. Вы ничем не лучше Белховена!

— Вы правы, — с горечью признал Ян, умирая от желания обнять

Элизабет и взять на себя хотя бы частицу ее боли. Вдруг его осенило, как можно избавить девушку от унижения и одновременно заставить ее согласиться. Припомнив, как она гордилась своим умением торговаться, он сказал: — Вы, кажется, говорили, что и сами умеете хорошо торговаться. Так поторгуйтесь со мной, Элизабет! — ласково попросил он.

— С удовольствием, — мгновенно ответила она. — Сделка отменяется, меня не устраивают условия. Торг окончен.

Губы его слегка дрогнули, но в голосе звучало твердое намерение не сдаваться.

— Ваш дядя намерен отделаться от вас и расходов на дом, который вы так любите, и ничто не изменит его решения. Без него вы не сможете удержать

Хэвенхёрст. Он в подробностях описал мне ситуацию.

Элизабет для виду покачала головой, но в душе знала, что это правда, и осознание надвигающейся беды, которую она пыталась отвлечь столько времени, вдруг предстало перед ней со всей ужасающей ясностью.

— Замужество — единственный выход для вас.

— И вы еще смеете говорить, что мужчина поможет мне решить мои проблемы! — вскричала она. — Да именно мужчины виноваты во всех моих бедах! Мой отец проиграл все семейное состояние и оставил мне только долги, мой брат исчез, оставив мне еще большие долги, вы своими поцелуями погубили мою репутацию, мой жених отказался от меня после скандала, причиной которого явились вы, а теперь мой дядя пытается продать меня! Из всего этого я заключаю, что мужчины годятся в партнеры на танцах, но во всем остальном я не вижу в них решительно никакой пользы! — пламенно закончила она. — Если вдуматься, то все вы отвратительны, только редко кто об этом думает, потому что уж слишком безрадостны эти размышления.

— К сожалению, только мы альтернатива женскому полу, — наконец вставил

Ян. И поскольку, что бы ему ни пришлось для этого сделать, отказываться он от нее не собирался, добавил, — В данном конкретном случае ваша альтернатива — только я. Мы с вашим дядей подписали брачный контракт и скрепили его деньгами.

Тем не менее я хотел бы с вами поторговаться насчет условий.

— Зачем вам это? — презрительно спросила она. Ян услышал в ее голосе ту же враждебность, с которой уже не раз сталкивался, когда ему приходилось иметь дело с людьми, вынуждаемыми обстоятельствами (но не самим Яном) продавать ему свои ценности. И хотя они знали, что

выхода у них нет, гордость все равно заставляла их сопротивляться до последнего.

В делах Ян, конечно, не стал бы подрывать свои позиции, объясняя оппоненту, какими ценностями он обладает и какие выгоды может из этого извлечь.

Но сейчас он имел дело с женщиной, интересы которой ставил выше своих собственных.

— Я очень хочу с вами поторговаться, — мягко сказал он, — по той самой причине, по которой торгуются все, — у вас есть то, что мне нужно.

Страстно желая показать ей, что она не бессильна и обладает огромным достоянием, он добавил:

— Я безумно хочу этого, Элизабет.

— И что же это? — с опаской спросила она, и возмущение на ее лице уступило место любопытству.

— Вот что, — тихо прошептал он. Его руки крепче сжали плечи девушки и притянули ее к себе, наклонив голову, он припал к ее губам нежным, умоляющим о согласии поцелуем. И хотя она упрямо отказывалась отвечать на его поцелуй, он почувствовал, как напряжение покидает ее тело. Оторвавшись наконец от ее губ, он прошептал с тяжелым вздохом: — Безумно хочу.

Подняв голову, Ян посмотрел ей в лицо и заметил предательский румянец щек и затуманенные нежностью глаза. Он погладил ее руку, которую она забыла убрать с его груди, и тихо сказал:

— За эту привилегию, а также за многие другие, которые последуют за ней, я соглашусь на любые разумные условия, которые вы мне поставите. При этом прошу вас заметить, — с нежностью глядя в ее приподнятое лицо, сказал он, — что я не скуп и отнюдь не беден.

Элизабет сглотнула, боясь, что голос выдаст, как взволновал ее этот поцелуй.

— А какие другие привилегии должны последовать за поцелуем? — подозрительно спросила она.

Вопрос привел Яна в замешательство.

— Ну, те, которые имеют отношение к рождению детей, — сказал он, с любопытством изучая ее лицо. — Я бы хотел нескольких — разумеется, в полном сотрудничестве с вами, — с улыбкой добавил он.

— Конечно, — согласилась она, не колеблясь. — Детей я тоже люблю, и даже очень.

На этом Ян решил пока остановиться, побоявшись лишней раз испытывать судьбу. Очевидно, к интимной стороне супружества Элизабет

относилась без стыда

— вещь довольно необычная для благовоспитанной английской девушки.

— Так какими будут ваши условия? — спросил Ян и, желая утвердить ее позиции, добавил: — Едва ли я смогу их оспорить.

Элизабет заколебалась, потом медленно начала излагать свои условия:

— Я хочу, чтобы мне было разрешено заниматься Хэвенхёрстом без всякого вмешательства и критики с вашей стороны...

— Принято, — с готовностью ответил он, с трудом сдержав вздох облегчения и радости.

— Я хотела бы иметь на его содержание определенную денежную сумму, оговоренную отдельно, которая будет мне выдаваться раз в год. В свою очередь, я обещаю вернуть вам вложенные в поместье деньги с процентами, так как после проведения ирригационных работ оно станет приносить немалый доход.

— Принято, — так же легко согласился Ян.

Элизабет снова заколебалась, не зная, может ли он себе это позволить, и чувствуя себя немного неловко оттого, что не выяснила заранее его финансовое положение. Вчера вечером он сказал, что взял только титул и ничего больше.

— Я также обещаю свести все свои расходы к абсолютному минимуму. Ян оскалился в улыбке.

— Нельзя проявлять нерешительность, когда вы уже выдвинули условия и добились согласия, иначе в следующем раунде у вашего противника появится преимущество.

Элизабет подозрительно прищурилась: уж слишком быстро он соглашается, причем сразу на все.

— И еще я думаю, — уже решительнее заявила она, — что все это должно быть изложено в письменном виде, засвидетельствовано надежными свидетелями и стать составляющей частью брачного договора.

Глаза Яна расширились от удивления и, восхищенно улыбаясь, он снова согласно кивнул. Свидетели были в соседней комнате — причем больше чем достаточно. Ян решил оформить их соглашение немедленно, пока она не передумала.

— Будь вы моим партнером несколько лет назад, — пошутил он по дороге в гостиную, — Бог знает, чего бы я уже добился. — На Яна произвело большое впечатление то, как смело и откровенно она предъявила ему свои требования.

В его словах сквозило неподдельное восхищение, и Элизабет невольно

улыбнулась ему.

— Я же сама делаю все закупки для Хэвенхёрста и сама веду расходные книги.

От управляющего давно пришлось отказаться. Ну а про то, что я умею торговаться, вы уже знаете.

Улыбка исчезла с лица Яна, когда он представил себе, как одолевали ее кредиторы после исчезновения брата и какое мужество она должна была проявить, чтобы они не разобрали имение по камушку. Отчаяние научило ее торговаться.

Глава 23

Пока Ян и Элизабет отсутствовали, Дункан в гостиной предпринимал отчаянные усилия для поддержания светской беседы, но даже его длительный опыт общения с людьми, обуреваемыми сильными чувствами, на этот раз не помог, поскольку собравшихся в этой комнате обуревали совершенно различные чувства. Леди

Александра была взвинчена и напряжена, Джулиус отвечал холодно и зло, а вдовствующую герцогиню и мисс Трокмортон-Джонс по всем признакам радовало, что Яну пришлось уговаривать Элизабет.

Когда молодые люди вернулись в гостиную, Дункан прервал на полуслове свою речь о вероятности раннего снега и с благодарностью посмотрел на них. Его радость удвоилась, когда он встретился глазами с Яном и увидел, как они потеплели.

— Мы с Элизабет пришли к соглашению, — без всякого вступления объявил Ян.

На губах его играла улыбка, говорившая о том, что ситуация его забавляет. — Элизабет считает, и совершенно справедливо, на мой взгляд, что только она одна имеет право решать, выходить ей замуж или нет. И в связи с этим выдвигает некоторые... э-э... условия, которые хотела бы внести в брачный контракт.

Дункан, не будешь ли ты так любезен вписать в контракт пункты, которые она продиктует?

Дункан удивленно приподнял брови, затем быстро встал и подошел к письменному столу.

Ян повернулся к Джулиусу Камерону, и голос его стал резким:

— Вам нужна будет копия брачного контракта?

— Конечно, — покраснев от злости, ответил Джулиус. — У меня уже есть его копия, и вы не измените в нем ни слова, а я не верну вам ни шиллинга! — Он резко повернулся к Элизабет: — Он заплатил за тебя целое состояние — ты, тщеславная маленькая шлюшка...

Голос Яна прозвучал, как удар хлыста:

— Убирайтесь!

— Что? — в бешенстве выкрикнул Джулиус. — Я нахожусь в своем собственном доме. И его, в отличие от нее, вы не покупали. Не глядя на Элизабет, Ян быстро спросил ее:

— Он вам нужен?

Джулиус еще не понял, до какой степени взбешен Ян, но Элизабет видела, что терпение его на пределе, и холодок страха пробежал у нее по спине.

— Кк-к-кто?

— Дом!

Элизабет не знала, какой ответ ему нужен, но, учитывая его состояние, ей бы не хотелось ошибиться.

Неожиданно раздался голос Люсинды, в котором звучал холодный вызов.

— Да, — сказала она, и все, кроме Яна, повернули головы в ее сторону.
— Он ей нужен.

Ян принял это как ответ самой Элизабет.

— Завтра утром обратитесь к моему банкиру, — с яростью процедил он, испепеляя Джулиуса взглядом. — А теперь убирайтесь!

Джулиус наконец с запозданием понял, что его жизни угрожает совершенно реальная опасность и, нахлобучив шляпу, направился к двери.

— Это вам дорого обойдется!

Ян медленно повернулся и посмотрел на него. Увидев его свирепое лицо,

Джулиус благоразумно решил оставить дискуссию о цене дома на потом и торопливо ретировался.

— Думаю, нам всем не помешает подкрепиться, — дрожащим голосом произнесла

Элизабет после того, как за Джулиусом захлопнулась парадная дверь.

— Отличная мысль, дорогая, — отозвался викарий. Элизабет позвонила в колокольчик, и вошел Бентнер. Бросив негодующий взгляд на Яна и сочувственный на Элизабет, он удалился на кухню, чтобы распорядиться насчет напитков и закуски.

— Ну, что ж, — с удовлетворением потирая руки, сказал Дункан, — кажется, от меня требуется вписать в контракт некоторые... в-э... новые пункты.

В последующие двадцать минут Элизабет диктовала свои требования, Ян подтверждал свое согласие, Дункан записывал, а герцогиня с Люсиндой наблюдали за этим с нескрываемой радостью. Ян со своей стороны выдвинул только одно требование, да и то из чистого упрямства — ему надоело смотреть, как все наслаждаются его покорностью. Его требование заключалось в следующем: свобода

Элизабет не должна простирается настолько, чтобы спровоцировать слухи, что она наставляет ему рога.

Выражение «наставить рога» вызвало у герцогини и мисс Трокмортон-Джонс недовольную гримасу, но Элизабет согласилась с условием царственным кивком своей золотой головки и сказала Дункану:

— Хорошо. Вы можете записать это.

Ян улыбнулся, и она тоже застенчиво улыбнулась в ответ. Элизабет знала, что «наставить рога» означает быть застигнутой в спальне с мужчиной, который не является ее мужем. Эту не совсем полную информацию она почерпнула из наставлений Люсинды, которая, к несчастью, и сама в это верила.

— Что-нибудь еще? — спросил наконец Дункан, и когда Элизабет отрицательно покачала головой, заговорила вдовствующая герцогиня.

— У меня есть что сказать, хотя это и не обязательно записывать. — Она повернулась к Яну: — Если вы собирались объявить о помолвке завтра, то можете сразу выбросить это из головы.

Яна так и подмывало тоже предложить ей удалиться, хотя и не в такой резкой форме, как Джулиусу, но он понимал, что, как это ни прискорбно, она права.

— Вчера на балу вы взяли на себя труд убедить всех, что между вами двоими ничего не было, кроме легкого флирта. Однако если вы не выполните всю процедуру ухаживания за Элизабет, чего она вправе ожидать, то никто никогда вам не поверит.

— И сколько, на ваш взгляд, должно продлиться это ухаживание? — коротко спросил Ян.

— Месяц, — без колебаний ответила герцогиня. — Месяц, в течение которого вы будете приезжать к ней с визитами, сопровождать ее на различные светские мероприятия, и тому подобное.

— Две недели, — отозвался Ян, проявляя чудеса терпеливости.

— Очень хорошо, — легко уступила герцогиня, отчего у Яна создалось впечатление, что на большее она и не рассчитывала. — Этого будет достаточно, чтобы объявить о помолвке и пожениться... через два месяца!

— Через две недели, — безапелляционно отрезал Ян, беря в руки чашку, которую дворецкий только что поставил перед ним.

— Как вам угодно, — снова согласилась герцогиня. И тут произошли две вещи одновременно: Люсинда Трокмортон-Джонс издала какое-то странное фырканье, которое Ян принял за смешок, а Элизабет вырвала у него из рук чашку.

— Кажется, ее плохо помыли, — взволнованно объяснила она и передала чашку Бентнеру, строго покачав головой.

Ян потянулся к тарелке с сэндвичами.

Элизабет, следившая за лицом Бентнера, увидела на нем удовлетворенное выражение, и выхватила у Яна и сандвич.

— По-моему, туда забралось какое-то насекомое, — объяснила она.

— Я ничего не вижу, — заметил Ян, с недоумением глядя на свою нареченную.

Будучи лишенным и чая, и сандвича, он хотел было взять бокал с вином, принесенный ему дворецким, но, подумав, что Элизабет после такого нервного потрясения он будет нужнее, предложил бокал ей.

— Благодарю вас, — с легким вздохом сказала она, немного смутившись.

Неожиданно между ними просунулась рука Бентнера и забрала из ее рук бокал.

— Еще одно насекомое, — сказал он.

— Бентнер! — в изнеможении воскликнула Элизабет, но ее возглас потонул в переливах смеха Александры Таунсенд, которая повалилась на кушетку и закрыла лицо руками в приступе совершенно необъяснимого веселья.

Из всего этого Ян мог сделать только один вывод: женщины пережили слишком много волнений для одного дня.

Глава 24

Вдовствующая герцогиня придерживалась мнения, что ритуал ухода должен начаться сегодня же, на балу. Ян думал, что после двух лет вынужденного изгнания Элизабет обрадует такая перспектива, тем более что на вчерашнем балу она подстрелила самую крупную добычу сезона. Однако она наотрез отказалась идти на бал, отговорившись тем, что хочет сперва показать Яну Хэвенхёрст, после чего можно будет и поприсутствовать на каком-нибудь балу.

Герцогиня настаивала, Элизабет упиралась, и Ян с мягкой улыбкой наблюдал за их пикировкой. Хэвенхёрст находился всего в полутора часах езды от Лондона, и он не понимал, почему одно может помешать другому. Он даже сказал об этом, но

Элизабет смущенно посмотрела на Александру и покачала головой на молчаливое предложение подруги. В конце концов было решено, что Ян поедет в Хэвенхёрст завтра, а Элизабет для соблюдения приличий будут сопровождать Александра Таунсенд с мужем. Ян был страшно рад, что будет видеть рядом со своей невестой лицо своего друга, а не замороженные черты Люсинды Трокмортон-Джонс.

По пути домой он весело представлял себе реакцию Джордана, когда тот узнает, что жена назначила его в качестве дуэньи к Яну, с которым они обошли когда-то все игорные дома Лондона, включая и те, посещение которых считалось неприличным.

Он снова подумал, почему Элизабет отказалась идти на бал после двухлетнего затворничества, и его улыбка вдруг испарилась. До него дошло наконец, что явилось тому причиной, и сердце его снова болезненно сжалось. Ему настолько врезался в память образ фривольной богатенькой девицы, которую она разыграла перед ним в Шотландии, что он совсем забыл о той нищете, в которой она живет, считая каждый шиллинг.

Наклонившись вперед, он назвал кучеру адрес и через несколько минут входил в апартаменты самой дорогой и известной лишь избранному кругу модистки.

— Это невозможно, месье Торнтон, — развела она руками, когда он сказал, что ему нужно, чтобы через неделю в дом номер четырнадцать на Променад-стрит для леди Элизабет Камерон был доставлен полный гардероб, включая дюжину бальных платьев. — Для этого мне понадобится две дюжины мастериц и как минимум две недели.

— Так наймите четыре дюжины и управитесь за неделю, — любезно предложил месье Торнтон, но в голосе его звучало раздражение человека, которому пришлось столкнуться с менее развитым интеллектом. Спohватившись, он загладил свою оплошность очаровательной улыбкой и вручил ей чек, при взгляде на который ее глаза расширились от удивления. — Рано утром леди Кэмерон уезжает в деревню — таким образом, в вашем распоряжении еще весь день и весь вечер, чтобы снять с нее мерки, — продолжил он. Указав кончиком пера на кусок великолепного изумрудного шелка с золотыми нитями, он подписал еще один чек. — И пусть первое бальное платье будет из этого. Приготовьте его к двадцатому. — Он протянул ей чек. — Это покроет ваши расходы. — И зная, что указанная в чеке сумма как минимум вдвое больше необходимой, добавил: — Если же этого не хватит, пришлите мне счет.

— Да, — слегка ошалев от такого натиска, пролепетала француженка, — но я не могу отдать вам этот изумрудный шелк. Я обещала его леди Маргарет Митчэм.

Ян на секунду задумался.

— Я удивлен, что вы порекомендовали ей этот шелк, мадам. Такой цвет придаст ее лицу болезненный оттенок. Советую вам передать ей мои слова.

Ян не имел ни малейшего понятия, кто такая была леди Маргарет Митчэм, но это не имело никакого значения. После его ухода в гостиную вошла девушка и хотела унести изумрудный шелк в мастерскую.

— Нет, — остановила ее хозяйка, любуясь из окна высокой широкоплечей фигурой Яна, который в этот момент садился в экипаж. — Этот шелк пока не трогайте.

— Но его выбрала леди Митчэм.

Бросив еще один томный взгляд на отъехавшего в экипаже красавца, который знал толк в хорошей одежде, француженка задумчиво проговорила:

— Лорд Митчэм стар и слаб глазами, разве он сможет оценить платье из такой ткани?

— Но что я скажу леди Митчэм? — расстроилась девушка.

— Скажи ей, — с кривой усмешкой ответила хозяйка, — что месье Торнтон — нет, маркиз Кенсингтонский — сказал, что этот цвет придаст ее лицу болезненный оттенок.

Глава 25

Хэвенхёрст оказался красивым поместьем, но не настолько внушительным, как представлял себе Ян по горделивому описанию Элизабет. Экипаж миновал каменную арку и поехал по подъездной аллее к дому, Ян отметил, что дорогу нужно заново мостить, старые деревья, должно быть, не подрезали уже Бог знает сколько лет, а с портала обсыпалась известка. С первого взгляда на дом Ян, отлично разбиравшийся в архитектуре, определил его стиль как вольное смешение готического и тюдоровского, что, как ни странно, отнюдь не мешало ему иметь приятный для глаза вид. Но если бы этот дом увидел современный архитектор, он бы немедленно бросился к чертежной доске, чтобы привести это беспорядочное строение хоть какую-то систему.

Дверь открыл низенький лакей, который оскорбительно оглядел Яна с головы до ног, после чего задиристо выпятил подбородок. Решив не принимать близко к сердцу странное поведение слуг Элизабет, Ян с любопытством оглядел потолок и стены с яркими пятнами на обоях в тех местах, где раньше висели картины. Нигде не было видно ни персидских ковров, ни дорогих безделушек, да и вообще нигде в обозримых пределах не наблюдалось ни одного маломальски ценного предмета мебели. Теперь он убедился воочию, в какой бедности живет его невеста, и в который раз восхитился ее способности не сдаваться ни при каких обстоятельствах.

Заметив, что лакей продолжает недружелюбно сверкать на него глазами, Ян сказал:

— Ваша хозяйка ждет меня. Доложите ей.

— Я здесь, Эрон, — раздался серебристый голос Элизабет, и Ян обернулся.

Увидев ее, он тут же забыл и о лакее, и о плачевном состоянии дома, и о своих архитектурных познаниях. В простом газовом платье небесно-голубого цвета, с легкими золотистыми локонами, перевитыми узкими голубыми лентами на греческий манер, она предстала перед ним как юная богиня с ангельской улыбкой на устах.

— Ну, что вы думаете? — нетерпеливо спросила она.

— О чем? — осипшим голосом проговорил Ян, идя ей навстречу и прилагая невероятные усилия, чтобы удержаться и не дотронуться до нее.

— О Хэвенхёрсте, — с тихой гордостью сказала Элизабет. Ян думал, что дом довольно маленький и нуждается в капитальном ремонте, не

говоря уж об обстановке. Ему безумно хотелось упасть перед ней на колени и умолять о прощении за то, что он явился невольной причиной обнищания этого дома, но зная, что его извинения ничего, кроме стыда и унижения, ей не принесут, он улыбнулся и сказал ту правду, которая не могла ранить ее чувств:

— То, что я пока видел, показалось мне очень живописным.

— Хотите посмотреть остальное?

— С удовольствием, — с преувеличенной готовностью отозвался Ян и не пожалел об этом, увидев, какой радостью засветилось ее лицо. — А где Таунсенды?

— спросил он, когда они спускались по лестнице. — Я что-то не видел их экипажа.

— Они еще не приехали.

Ян подумал, что Джордан настоящий друг, который всегда сделает то, что надо, и не будет рассчитывать на благодарность.

Элизабет повела Яна в длительную экскурсию по дому, которая показалась бы скучной, если бы не ее очаровательные рассказы о его бывших владельцах. Потом она пригласила его на улицу, чтобы показать лужайки. Кивнув на дальний конец лужайки вдоль фасада дома, она сказала:

— Вон там когда-то были крепостная стена и ров с водой. Здесь располагался двор замка, обнесенный высокими крепостными стенами. В этом дворе находились служебные постройки — начиная с коровников и кончая маслобойней. Обитатели замка полностью себя обеспечивали и могли не покидать его по несколько месяцев.

А вон там, — сказала Элизабет через несколько минут, когда они зашли за дом, — третий граф Хэвенхёрстский упал с лошади и пристрелил ее за то, что она его сбросила. У него был очень вспыльчивый нрав, — добавила она с легкой улыбкой.

— Видимо, да, — усмехнулся в ответ Ян, страстно желая поцеловать эту улыбку на ее губах. Но вместо этого он посмотрел на то место, куда она указывала, и спросил: — Как же это он умудрился упасть со своей лошади и в собственном же дворе?

— Ах, это, — засмеявшись, ответила она. — Он тренировался на мишени. В средние века, — стала объяснять она Яну, который знал историю средних веков ничуть не хуже архитектуры и отлично представлял себе, на каких мишенях тренировались рыцари тех времен, — перед поединками и битвами рыцари тренировались на мишенях. Мишень представляла собой перекладину, на одном из ее концов висел прикрытый

щитом мешок с песком. Эту-то мишень рыцарь и должен был атаковать, но если его удар по щиту был неточен, перекаладина разворачивалась, и мешок с песком ударял его по спине и сбрасывал с лошади.

— Что и случилось с третьим графом, надо полагать? — догадался Ян.

— Совершенно верно.

Они подошли к огромному дереву в конце лужайки, и Элизабет спрятала за спиной руки, как девчонка, которая собирается поделиться своим маленьким секретом.

— Ну, — сказала она, — а теперь посмотрите наверх. Ян задрал голову и изумленно засмеялся. Высоко над ним находился большой шалаш невероятной конструкции.

— Ваш?

— Конечно.

Он оценил одобрительным взглядом устойчивые ступеньки, ведущие к шалашу, и искоса глянул на нее. — Кто пойдет первым?

— Вы шутите!

— Если вы вторглись в мои владения, не вижу оснований, почему бы мне не сделать то же самое.

Плотники, которые срубили ей это убежище, потрудились на славу, отметил

Ян, оказавшись в шалаше и оглядывая оттуда окрестности. Ему пришлось основательно пригнуться, но Элизабет, даже став взрослой, могла стоять здесь в полный рост.

— А что в этом маленьком сундучке? Она встала за ним, улыбаясь.

— Я как раз пыталась вспомнить это, когда забралась в ваш сундук. Сейчас поглядим. Как я и думала, — сказала она, открыв крышку. — Моя кукла и чайный сервиз.

Ян улыбнулся, но перед его глазами встала маленькая девочка, которая росла в полном довольстве, но совершенно одна, — ее семьей были куклы, а друзьями — слуги. По сравнению с ее его детство было куда более светлым.

— Мне осталось показать вам только одно место, — сказала Элизабет, когда они спустились с дерева и пошли к дому.

Ян постарался отвлечься от мыслей о ее безрадостном детстве. Они обогнули угол дома и вышли на задний двор, здесь Элизабет остановилась и грациозно обвела рукой раскинувшийся вид.

— Большая часть этого — мой скромный вклад в Хэвенхёрст, — горделиво сказала она.

Ян застыл, объятый благоговением и нежностью. Перед ними

раскинулся изумительный сад, превосходивший своей роскошью и разнообразием красок все, что до сих пор видел Ян. Предыдущие владельцы Хэвенхёрста вкладывали в него деньги и камни, но Элизабет привнесла захватывающую дух красоту.

— Когда я была девочкой, — тихо призналась она, глядя на сбегающие к реке сады и холмы за ними, — я думала, что это самое красивое место на земле. -

Смутившись от своего наивного признания, она нерешительно подняла на него глаза. — А какое самое красивое место видели вы?

Оторвав взгляд от этого фантастически красивого сада, Ян посмотрел на красоту, которая стояла перед ним.

— Самое красивое место, — хрипло проговорил он, — там, где находитесь вы.

Он увидел, как порозовели от удовольствия ее щеки, но когда она заговорила, в ее голосе звучало сожаление:

— Вам не обязательно говорить мне такие вещи, вы же знаете — я все равно сдержу свое слово.

— Знаю, — сказал Ян, с трудом удерживаясь, чтобы не осыпать ее клятвами в вечной любви, которым она все равно не поверит. — Как знаю и то, что мне, а не вам, предстоит соблюдать массу всяких условий нашей сделки, — с улыбкой добавил он.

Она искоса бросила на него смеющийся взгляд.

— Знаете, временами вы бываете на удивление снисходительны. Ведь если честно, то к концу нашего торга я называла условия только для того, чтобы посмотреть, как далеко вы готовы зайти.

Выслушав это признание, Ян выглядел весьма озадаченным.

— Да? А у меня сложилось впечатление, что каждое из этих условий имело для вас первостепенную важность и что в случае, если бы я не согласился с каким —нибудь из них, вы могли бы совсем отказаться от сделки.

Она удовлетворенно кивнула.

— Я очень надеялась, что вы именно так это воспримете. Почему вы смеетесь?

— Потому что вчера я, должно быть, был не в лучшей форме. Мало того, что я не смог разобраться в ваших чувствах, я еще и купил дом на Променад-стрит, который мне совершенно не нужен и за который, судя по всему, мне придется заплатить впятеро дороже того, чем он стоит.

— О, я так не думаю, — сказала Элизабет и сорвала с ветки листок. — В том, что касается торговли, лично я исхожу из принципа разумности. Но

мой дядя наверняка попытается вас одурачить. Когда дело касается денег, он забывает о всяких приличиях.

— Ян кивнул, вспомнив, какую сумму вытянул из него Джулиус Кэмерон за подпись на брачном контракте.

— И поэтому, — подняв невинный взгляд к лазурно-голубому небу, продолжила

Элизабет, — после вашего ухода я послала ему записку, в которой перечислила все недостатки дома и сделала точный подсчёт стоимости ремонта. Я постаралась убедить его, что и сам дом, и его внутренняя отделка находятся в очень неважном состоянии.

— И?

— В заключение я написала, что вы, возможно, купите дом за ту цену, которую он действительно стоит, но на шиллинг дороже.

— И? — повторил Ян.

— Он согласился на мою цену.

Ян разразился неудержимым смехом. Схватив девушку в объятия, он приподнял ее лицо за подбородок и с нежностью произнес:

— Элизабет, если вы передумаете выходить за меня замуж, обещайте, что больше не будете со мной торговаться. Потому что, клянусь Богом, я проиграю. -

Искушение поцеловать ее было так велико, что он чуть было не поддался ему, но в эту минуту заметил на дороге коляску Таунсендов с герцогским гербом, а это означало, что они могли быть где-то поблизости и застать их в этой пикантной ситуации. Элизабет тоже заметила коляску и быстро пошла к дому.

— Насчет платьев, — сказала Элизабет, вдруг останавливаясь и глядя на него серьезными потемневшими глазами. — Я хотела поблагодарить вас за щедрость сразу же, как вы приехали, но была так счастлива... — у нее чуть было не сорвалось с языка, что она была счастлива видеть его, и, едва не признавшись вслух в том, в чем не решалась признаться даже самой себе, Элизабет совершенно смутилась.

— Продолжайте, — хриплым голосом попросил Ян. — Вы были так счастливы видеть меня, что...

— Что забыла, — тихо проговорила она. — Вам не следовало этого делать — заказывать столько вещей, к тому же из ее магазина. У мадам Ласаль ужасно дорогие вещи — мне кто-то говорил об этом во время дебюта.

— Вас это не должно волновать, — успокоил ее Ян, глядя с нежной улыбкой на свою бережливую невесту, и, чтобы она не чувствовала себя

виноватой в его

«разорении», добавил: — По крайней мере когда тратишь деньги на платья, видишь хоть какой-то результат. Вчера вечером, например, перед тем, как заказать вам эти платья, я проиграл Джордану Таунсенду тысячу фунтов в карты.

— Вы игрок, — грустно сказала она. — Надеюсь, вы не всегда играете на такие ставки?

— Нет, — сухо ответил Ян, — когда у меня явно плохая карта, я этого не делаю.

— Знаете, — мягко сказала она, идя с ним под руку вдоль лужайки к парадному входу, — если вы и дальше будете так беспорядочно тратить деньги, вы можете кончить, как мой папа.

— А как он кончил?

— Он по уши увяз в долгах. Он тоже любил играть в карты. — Ян молчал, и

Элизабет осторожно продолжила: — Мы могли бы жить здесь. По-моему, не стоит содержать целых три дома — это слишком дорого. — Осознав, что вмешивается не в свое дело, она поспешно добавила: — Я вовсе не настаиваю и готова жить в любом месте, где вы пожелаете. В вашем шотландском доме тоже очень красиво.

Яна порадовалось, что она, видимо, до сих пор не осведомлена о размерах его богатства, и тем не менее согласилась стать его женой и даже готова жить с ним в шотландском доме или на Променад-стрит. Если это действительно так, его мечта может стать явью — он привлекает ее гораздо сильнее, чем она готова признать.

— Давайте договоримся, что мой дом вы посмотрите послезавтра, — предложил он, предвкушая ее реакцию.

— А вы... вы не могли бы немного скромнее расходовать средства? — мягко спросила Элизабет. — Я могла бы составить бюджет, у меня это очень хорошо получается...

Больше Ян уже не мог выдержать. Заглушив смех, он сделал наконец то, о чем мечтал с самой первой минуты, как увидал ее в холле: обхватив девушку за плечи, он закрыл ей рот поцелуем, вложив в него свое томление и страсть, и Элизабет ответила ему с той податливой нежностью, которая каждый раз сводила его с ума.

Когда он наконец нехотя отпустил ее, лицо Элизабет горело, а прекрасные глаза сияли, как драгоценные камни. Сплетя руки, они медленно направились к парадному входу. Ян вовсе не стремился поскорее оказаться в обществе опекунов

Элизабет и потому отвлекал ее внимание, постоянно останавливаясь и задавая вопросы о различных необычных кустарниках и цветах, даже о самых обыкновенных розах.

В это время Александра и Джордан Таунсенд смотрели из окна дома на лужайку и видели, как они неторопливо приближаются к дому.

— Если бы ты попросила меня назвать последнего человека, который способен потерять голову из-за юбки, я выбрал бы Яна Торнтон, — сказал Джордан.

Его жена изобразила крайнее удивление и искоса взглянула на мужа.

— Если бы спросили меня, то я скорее назвала бы тебя.

— Надо думать, — сказал Джордан с усмешкой. Увидев, как испарилась ее улыбка, он сразу заволновался, что это как-то связано с беременностью, и положил руку ей на талию.

— Это ребенок, дорогая?

Она расхохоталась, покачала головой и почти сразу же успокоилась.

— Как ты думаешь, можно надеяться, что он не будет ее обижать? — задумчиво спросила Алекс. — Он причинил ей столько боли, что я... я просто не могу относиться к нему хорошо, Джордан. Он, конечно, красив, против этого я ничего не могу возразить, необыкновенно красив...

— Ну уж не настолько, — остановил ее уязвленный Джордан. Александра опять засмеялась и, развернувшись, звонко чмокнула его в щеку. — Он здорово смахивает на тебя — тот же рост, вес, тип...

— Надеюсь, ты не перенесешь в связи с этим свою нелюбовь к нему на меня, — улыбнулся Джордан.

— Перестань, Джордан. Я действительно очень беспокоюсь. Он... он меня чем — то пугает. Внешне он производит впечатление вполне цивилизованного человека, но почему-то мне кажется, что под этими отполированными манерами скрывается агрессивность и даже безжалостность и что он не останавливается ни перед чем, когда чего-нибудь хочет. Я поняла это вчера, когда он пришел к Элизабет и уговорил ее выйти за него замуж.

Джордан обернулся и с нетерпеливым любопытством посмотрел на жену.

— Так, и что из того? — удивленно протянул он.

— В данный момент он хочет Элизабет, но я не могу не думать, что это всего лишь прихоть.

— Ты бы так не думала, если бы видела, как он побледнел в тот вечер, когда узнал, что она собралась выйти в свет в надежде восстановить свое доброе имя.

— Правда? Ты в этом уверен?

— Абсолютно.

— А ты уверен, что знаешь его достаточно хорошо, чтобы верно судить о его чувствах?

— Совершенно уверен.

— И насколько хорошо ты его знаешь? Джордан лукаво усмехнулся.

— Вообще-то Ян приходится мне кузеном.

— Что? Ты шутишь! Почему ты не говорил мне об этом раньше?

— Ну, во-первых, до вчерашнего вечера об этом как-то не заходила речь. Но даже если бы зашла, я вряд ли упомянул бы об этом, поскольку до сих пор Ян отказывался признавать свое родство со Стэнхоупом, и это его право. Зная о его чувствах к деду, я воспринимал как комплимент то, что он признает хотя бы мое с ним родство. А кроме того, мы с ним партнеры по трем транспортно-торговым предприятиям.

Видя, что Алекс потрясла эта новость, Джордан рассмеялся.

— Если Ян и не гений в прямом смысле слова, то, во всяком случае, очень близок к тому. Кстати, — поддразнил он, — это у нас в роду.

— Вы с ним кузены! — растерянно проговорила Александра.

— А что в этом удивительного? Если поглубже порыться в генеалогии, то станет ясно, что практически вся английская аристократия находится в той или иной степени родства. И это вполне естественно, поскольку мезальянсы у нас — большая редкость. Но мне почему-то кажется, тебя больше всего смущает, что Ян наполовину шотландец. В нем действительно присутствует шотландская кровь, которая особенно четко проявилась в том, что ты называешь безжалостностью. Он действительно делает все, что захочет, не считаясь ни с какими последствиями, и никогда ни о чем не сожалеет. Это в нем есть. Ему всегда было безразлично, кто и что о нем скажет. Джордан замолчал и выразительно показал глазами на парочку,

Которая остановилась возле какого-то куста. Ян внимательно слушал Элизабет, и.

его суровые черты смягчились от нежности.

— Но тем не менее вчера вечером ему было далеко не безразлично, что скажут люди о твоей дорогой подруге. Кстати, мне даже не хочется думать о том, что бы он сделал, если бы кто-нибудь у него на глазах осмелился открыто бросить ей оскорбление. Ты права в том, что не обольщаешься его внешним лоском и цивилизованностью. Шотландская кровь дает себя знать, хотя, как правило, он держит себя в руках.

— Не думаю, что ты избавил меня от моих сомнений, — дрожащим

голосом сказала Алекс.

— Очень жаль. Потому что Ян действительно решил посвятить себя этой девушке. Ради этого он переборол в себе многое, даже помирился с дедом и появился с ним в обществе — он сделал это только ради Элизабет.

— Да с чего ты все это взял?

— Ну, смотри, когда мы встретились в «Блэкморе», у него не было никаких планов на вечер — до того момента, как он узнал, что Элизабет пойдет на бал к

Виллингтонам. Ян сразу же помчался ей на подмогу и появился на балу вместе со старым герцогом. А это, как ты знаешь, моя дорогая, называется демонстрацией силы.

Алекс обдумывала услышанное, и Джордан усмехнулся.

— Помимо всех этих предположений, я еще просто спрашивал у него самого.

Так что ты напрасно беспокоишься, — успокоил он жену, — в любви шотландцы преданы, как никто, и ради нее Ян пожертвует даже жизнью.

— Что-то он не спешил жертвовать своей жизнью, когда погубил ее два года назад.

Джордан со вздохом выглянул в окно.

— После бала у Виллингтонов Ян вкратце рассказал мне, что тогда произошло.

Он сказал немного, он вообще очень замкнутый человек, но, читая между строк, я догадался, что он был без ума от нее, а она дала ему понять, чтобы он не надеялся больше чем на флирт..

— Разве это такое ужасное преступление? — спросила Александра, все еще полностью пребывая на стороне Элизабет. Джордан с сожалением покачал головой.

— Есть одна вещь, которой шотландцы не прощают.

— Что же это?

— Предательство, — отрубил он. — Отдавая кому-то свое сердце, они требуют такой же исключительной преданности. Если кто-то предаст их, этот человек для них умирает. И что бы потом он ни делал и ни говорил, это уже ничего не изменит. Кстати, именно поэтому вражда между кланами передается у них из поколения в поколение.

— Какое варварство, — передернула плечами Александра.

— Возможно. Но ты все-таки вспомни, что Ян также наполовину англичанин, а мы очень цивилизованные люди. — Наклонившись, Джордан поцеловал ее в шею. — За исключением постели.

К этому времени Ян исчерпал все свои уловки, чтобы задержать

Элизабет, и покорно направился к дому, но на крыльце Элизабет внезапно остановилась. Тонем, в котором звучала неуверенность, она сказала:

— Сегодня утром я наняла частного сыщика, чтобы попытаться найти брата или хотя бы узнать, что с ним случилось. Я пробовала сделать это и раньше, но поскольку всем было известно, что у меня нет денег, никто не верил моим обещаниям заплатить потом. Я подумала, что могла бы использовать на это часть средств, которые вы выделили на Хэвенхёрст.

Яну стоило немалых усилий сохранить бесстрастное выражение лица.

— И? — подтолкнул он ее.

— Герцогиня рекомендовала мне обратиться к мистеру Вордсворту, она сказала, что он очень хороший детектив. Правда, его услуги стоят ужасно дорого, но мы все-таки сумели найти компромисс.

— Хорошее всегда стоит дорого, — сказал Ян, думая о трех тысячах фунтов, которые он заплатил детективу сегодня утром с той же самой целью. — И во сколько это вам обошлось? — спросил он, собираясь прибавить эту сумму к ее содержанию.

— Сначала он хотел получить тысячу фунтов, независимо от того, найдет

Роберта или нет. Я предложила ему вдвое больше в случае, если его розыски окажутся успешными.

— А если нет?

— О, в этом случае будет справедливо, если он не получит вообще ничего. Я сумела заставить его взглянуть на дело с этой точки зрения.

Смех Яна еще отдавался в коридоре, когда они вошли в гостиную, чтобы поздороваться с Таунсендами.

Ян никогда так не наслаждался официальными обедами или обедами на двоих, как наслаждался сегодняшним обедом. Элизабет превратила гостиную и столовую в благоухающий сад, заменив отсутствующие предметы мебели букетами свежесрезанных цветов. В мягком свете свечей эти комнаты показались Яну самыми красивыми и уютными из всех, в каких он когда-либо обедал.

Только один раз за этот вечер он испытал несколько неприятных минут — это случилось, когда в столовой с подносом в руках появилась Элизабет, и он подумал, что обед готовила она сама. Но минуту спустя вошел лакей с еще одним подносом, и Ян вздохнул с облегчением.

— Это Винстон, наш лакей и повар, — сказала она Яну, угадав его опасения, потом не удержалась и лукаво добавила: — Это он научил меня готовить.

Винстон заметил, что Ян расслабился и повеселел, и мрачно сказал:

— Мисс Элизабет не умеет готовить. У нее было слишком много дел, чтобы успеть этому научиться.

Ян оставил выпад без ответа, так как видел, что Элизабет оттаяла, а он слишком дорожил этим ее состоянием. Однако когда насупленный лакей удалился, Ян посмотрел на Джордана и увидел, что тот, прищурившись, проводил его взглядом, затем взглянул на смутившуюся Элизабет.

— Они так ведут себя из любви ко мне, — объяснила она. — Они... они знают о том, что было. Но я поговорю с ними.

— Буду весьма признателен, — немного натянуто ответил Ян и повернулся к

Джордану. — Дворецкий Элизабет мечтает отправить меня на галеры.

А как у него со слухом?

— Со слухом? — спросил Ян. — Нормально.

— Ну тогда считай, что тебе повезло, — сказал Джордан, и комната огласилась звонким девичьим смехом.

— Дело в том, что дворецкий Таунсендов, Пенроуз, совершенно глухой, — объяснила Яну Элизабет.

Весь обед сопровождался взрывами веселья и шутливыми разговорами. Ян с удивлением узнал, что Александра, оказывается, так же мастерски обращается с рапирой, как Элизабет — с пистолетом. Элизабет оказалась таким занимательным собеседником, что Ян забыл о еде, которая на этот раз была на должном уровне, и просто откинулся на стуле, наблюдая за ней с тайной гордостью и удивлением. Как истинная хозяйка, она сумела разговаривать каждого, выбирая интересную для него тему, и в результате даже Джордан и Ян присоединились к веселому подшучиванию дам. Но самой очаровательной она была с Яном — именно ему посылались самые милые улыбки, его она слушала с особым вниманием, на него смотрела самыми сияющими глазами. Она еще не совсем доверилась ему, но Ян чувствовал, что ждать этого момента осталось недолго.

После обеда женщины по традиции перешли в гостиную, оставив мужчин в одиночестве наслаждаться вином и сигарами.

— Знаешь, когда я в первый раз увидела Яна, он как раз раскуривал сигару,

— призналась Элизабет Алекс, когда они уютно устроились в гостиной. Подняв на подругу глаза, она увидела ее тревожно нахмуренное лицо и тихо спросила: — Тебе он не нравится? Алекс уловила в ее голосе легкое разочарование и уклонилась от прямого ответа.

— Мне не нравится, как он поступил с тобой.

Элизабет откинула назад голову и закрыла глаза, не зная, что на это сказать. Когда-то давно Ян признался, что наполовину влюблен в нее, однако теперь, когда они помолвлены, он ни разу не заговорил об этом и даже не пытался притвориться, что это так. Она не знала, какие чувства или мотивы движут его поступками, так же, как не могла разобраться в собственных чувствах. Она знала только, что при виде его красивого лица и пронзительных янтарных глаз все ее существо как бы оживало и кровь начинала бежать по жилам быстрее. Она знала, что ему нравится ее целовать и что ей приятны его поцелуи. Помимо прочих привлекательных сторон его натуры, с первой минуты знакомства ее влекло к нему ощущение внутренней глубины, скрывающейся под маской небрежной искушенности и грубой мужской силы.

— Так трудно понять, — прошептала она, — что я должна сейчас думать и чувствовать. И хуже всего, что это уже не имеет никакого значения, — добавила она почти печально, — потому я, кажется, полюбила его. — Она открыла глаза и посмотрела на Алекс. — Это случилось, и я ничего не могу с этим поделать. Так что, видишь, — грустно улыбнулась она, — мне было бы гораздо приятнее, если бы ты тоже смогла хоть немножко его полюбить.

Алекс перегнулась через стол и взяла руки Элизабет в свои.

— Если ты любишь его, он, должно быть, лучший из мужчин. И я сделаю все возможное, чтобы разглядеть в нем хорошее! — Алекс сначала подумала, потом со страхом спросила: — Элизабет, а он тебя любит?

Элизабет покачала головой.

— Он говорит, что он меня хочет, и еще говорит, что хочет детей. Алекс подавила смущенный смех.

— Что?

— Он хочет меня и хочет детей.

Загадочная улыбка появилась на губах Александры.

— Ты не говорила мне об этом. Что ж, это меня обнадеживает, — добавила она, и щеки ее порозовели.

— Меня тоже, — призналась Элизабет, бросив на Алекс быстрый пытливый взгляд.

— Элизабет, сейчас, наверное, не время обсуждать такие вещи, хотя вряд ли для этого бывает подходящее время, — сказала Алекс, покраснев еще больше, — но

Люсинда говорила тебе, откуда берутся дети?

— Ну конечно, — уверенно ответила Элизабет.

— Это хорошо, потому что я прекрасно помню свою реакцию, когда я

узнала об эом. Это было ужасно, — засмеялась она. — Но ты всегда была более мудрой девушкой, чем я.

— Я бы этого не сказала, — ответила Элизабет, не понимая, из-за чего тут, собственно, краснеть. Когда она спросила у Люсинды, откуда берутся дети, та ответила, что они появляются, когда муж целует свою жену в постели. И что в первый раз это больно. От поцелуев Яна у нее иногда распухали губы, но это не было больно и ужасно ей нравилось.

Рассказав о своих чувствах Александре, Элизабет почувствовала такое облегчение, что готова была танцевать от радости, и Ян сразу заметил это, когда они с Джорданом присоединились к женщинам в гостиной.

Ян заметил не только это, когда они сели играть в карты, приняв жизнерадостное приглашение Элизабет, он заметил некоторое потепление со стороны обеих леди.

— Кто будет тасовать и сдавать? — спросила Элизабет. Ян кивнул, и она передала ему колоду. В немом восхищении она смотрела, как карты будто ожили в его руках, со свистом взлетая и снова укладываясь ровными рядами.

— Во что будем играть? — спросил он.

— Я бы с удовольствием поглядела, как вы умеете шельмовать, — пошутила

Элизабет.

Его руки замерли, и он сурово посмотрел на нее.

— Простите?

— Просто я имела в виду, — заторопилась она объяснить, и он снова начал тасовать карты, не отрывая от нее глаз, — что в тот вечер у Черайз кто-то упомянул о способности незаметно вытаскивать карты со дна колоды, и мне всегда было интересно знать, умеете ли вы так... если это возможно... — она умолкла, осознав, наконец, что ее предположение оскорбительно, и его жесткий прищуренный взгляд говорил, что ее слова прозвучали так, будто она верит в его способность к шулерству. — Простите меня, пожалуйста, — тихо сказала Элизабет. — Я, кажется, сказала что-то ужасное.

Ян принял ее извинение коротким кивком головы и после предложения Алекс считать каждую фишку за шиллинг опытной рукой сдал карты.

Не смея поднять глаза от стыда, Элизабет взяла свои карты.

Там было четыре короля.

Ее взгляд метнулся к Яну, но он откинулся в кресле, углубившись в свои карты.

Она выиграла три шиллинга и радовалась, насколько это было

возможно.

Ян положил перед ней колоду, но Элизабет покачала головой.

— Я не люблю сдавать. Вечно роняю карты, а Селтон говорит, что это ужасно раздражает. Вы не могли бы сдать за меня?

— Пожалуйста, — безразлично согласился Ян, и у нее упало сердце от этого ровного тона.

— А кто такой Селтон? — поинтересовался Джордан.

— Это наш грум, я часто играю с ним в карты, — несчастным голосом объяснила Элизабет, открывая свои карты.

Там было четыре туза.

Наконец она поняла, и на губах ее задрожал смех облегчения. Она подняла голову и посмотрела на жениха. Он прекрасно владел своим лицом и ничем не выдал, что происходит что-то необычное, и только когда он поднял глаза, она увидела в них веселые огоньки.

— Хотите пересдачи или будете брать еще карты? — равнодушным голосом спросил Ян.

— Да, — ответила она, подавив улыбку. — Я бы хотела еще одного туза в придачу к тем, что у меня уже есть.

— Но их может быть только четыре, — мягко возразил он с такой ласковой убедительностью, что Элизабет не выдержала и расхохоталась, бросив карты на стол. — Вы невыносимый обманщик! — восхищенно сказала она, когда наконец снова смогла говорить.

— Благодарю вас, моя дорогая, — ответил он, с нежностью глядя на нее. — Я счастлив, что ваше мнение обо мне улучшается.

Смех замер у нее в груди, и по телу прокатилась теплая волна. Обычно дженльмены не позволяют себе таких нежных признаний на людях. — "Я шотландец,

— сказал он ей когда-то. — С нами это случается". — Таунсенды после минутного замешательства, последовавшего за его словами, увлеченно о чем-то заговорили, и это было очень кстати, потому что Элизабет, не отрываясь, смотрела на Яна. И в это бесконечное мгновение, что они смотрели друг на друга, она ощутила непреодолимое желание упасть в его объятия. Ян понял это и ответил ей таким взглядом, что ей показалось, будто она превратилась в мягкий воск, из которого он может лепить все, что угодно.

— Подумать только, — мягко вывел их из забытья Джордан, — сколько возможностей ты упустил из-за своей честности, Ян.

Ян с трудом оторвал взгляд от лица Элизабет и вопросительно улыбнулся.

— Что ты имеешь в виду? — спросил он, придвигая колоду к Джордану. Элизабет положила нечестно выигранные фишки обратно.

— С твоими способностями мы могли бы обыграть пол-Лондона. А если кто —нибудь из наших жертв поймал бы нас за руку, Алекс проткнула бы его рапирой, а

Элизабет добила бы из пистолета.

Ян усмехнулся.

— Неплохая идея. А в чем будет заключаться твоя роль?

— Вытаскивать нас из Ньюгейта! — засмеялась Элизабет.

— Совершенно верно, миледи.

После отъезда Яна в гостиницу «Зеленый лист», откуда он собирался поехать к себе домой, Элизабет осталась внизу, чтобы затушить свечи и прибрать в гостиной. В это время Джордан в своей спальне посмотрел на жену, которая улыбалась слабой задумчивой улыбкой, и подавил понимающую усмешку.

— Ну, что ты теперь думаешь о маркизе Кенсингтонском? — опросил он.

Она подняла на него сияющие глаза.

— Я думаю, что в принципе он может быть твоим кузеном.

— Благодарю тебя, дорогая, — нежно сказал Джордан, — перефразируя слова

Яна. — Я счастлив, что твое мнение о нем улучшается.

Глава 26

Элизабет не могла дождаться, когда снова увидит Яна, и, кроме того, ей было любопытно посмотреть его дом. Он сказал ей, что купил Монтмэйн в прошлом году на собственные деньги, а побывав в его доме в Шотландии, она решила, что скорее всего это небольшой дешевый коттедж. Она считала лишней тратой денег содержать несколько домов, когда можно жить в Хэвенхёрсте, где есть все необходимое, но она понимала, что самолюбие Яна пострадает, если ему придется жить в ее доме.

Люсинду она оставила в гостинице, где они переночевали, и в собственном экипаже отправилась в путь. Через два часа Эррой свернул с дороги и остановился у массивных железных ворот. Элизабет нервно выглянула из окна и, увидев великолепные фигурные ворота, решила, что либо Эрон ошибся домом, либо свернул сюда, чтобы спросить дорогу. Из симпатичной маленькой сторожки вышел привратник, и Элизабет вдруг услышала, как Эрон говорит:

— Графиня Хэвенхёрстская.

Привратник кивнул и пошел открывать ворота. Массивные ворота на хорошо смазанных петлях беззвучно распахнулись, Эрон въехал во двор, и привратник закрыл за ними ворота. Теребя в руках перчатки, Элизабет смотрела из окна экипажа на ухоженный парк, через который они долго ехали по длинной извилистой дороге, но, когда парк закончился и глазам ее предстал великолепный особняк, больше и красивее которого она не видела в жизни и даже не представляла, что такие бывают, она только ахнула и еще крепче вжалась в сиденье. С трех сторон здание окружали пологие, густо поросшие деревьями холмы, у подножия которых весело звенел ручеек. У деревянного мостика бродили лошади.

Когда Элизабет посмотрела на дом, у нее захватило дух от восторга и она не смогла сдержать восхищенного восклицания при виде открывшейся перед ней красоты. Великолепное трехэтажное здание с двумя крыльями, под углом выдвигавшимися вперед, отражало своими окнами солнечный свет, слепя глаза своим блеском, от подъездной дороги к дому невысокими террасами поднималась лестница, по обеим сторонам которой через каждые четыре ступеньки стояли каменные вазы с цветущими кустарниками. На дальнем конце лужайки по гладкой поверхности озера лениво скользили лебеди, у озера располагался белый флигель с колоннадой в греческом стиле — такой большой, что в нем могла бы

уместиться четверть всего Хэвенхёрста. Обширность поместья в сочетании с продуманным расположением всех его составляющих и необыкновенной живописностью производила совершенно ошеломляющее впечатление.

Наконец экипаж подъехал к лестничной террасе, по которой навстречу им спустились четверо лакеев в пурпурно-золотых ливреях. Они помогли Элизабет выйти из экипажа и, выстроившись вокруг нее почетным караулом, проводили до парадного входа.

Тяжелая дверь распахнулась, и дворецкий с поклоном впустил ее в дом.

Элизабет вступила в огромный мраморный зал с высоченным стеклянным потолком.

Войдя, она стала оглядываться, пытаясь понять, что происходит.

— К милорду пожаловали гости. Он сейчас принимает их у себя в кабинете, — сказал дворецкий, и Элизабет оторвала зачарованный взгляд от изящной резной лестницы, которая поднималась по обеим сторонам холла. — Он просит проводить вас к нему, как только вы приедете.

Элизабет неуверенно улыбнулась и последовала за ним по длинному коридору, отделанному мрамором. Дворецкий остановился у двойных полированных дверей с медными ручками, постучал и, не дожидаясь ответа, распахнул створки. Элизабет машинально поднялась на три ступеньки и застыла. Перед ней на всю длину огромной комнаты, стены которой занимали полки с книгами, простирался толстый абиссинский ковер, в конце которого за массивным письменным столом в белой рубашке с закатанными рукавами, открывающими загорелые руки до локтей, сидел мужчина, у которого она гостила в маленьком шотландском коттедже и развлекалась стрельбой из пистолета.

Не замечая еще троих мужчин, которые встали при ее появлении, Элизабет смотрела, как Ян с присущей ему ленивой грацией поднимается из-за стола. Ощущая полную нереальность происходящего, она услышала, как он извинился перед гостями и, обогнув стол, направился к ней быстрыми широкими шагами. По мере приближения он все увеличивался в размерах и наконец полностью закрыл собой комнату, его янтарные глаза пристально всмотрелись в ее лицо, и губы дрогнули в тревожной, неуверенной улыбке.

— Элизабет? — спросил он.

Ее глаза расширились от восхищения, и она позволила ему поднести свою руку к губам, после чего тихо произнесла,

— Как бы мне хотелось вас убить.

Ян улыбнулся контрасту между ее голосом и словами.

— Я знаю.

— Вы могли бы и предупредить меня.

— Мне хотелось сделать вам сюрприз.

Он так надеялся, что она ничего не знает, и теперь имел полное тому доказательство: как он и думал, Элизабет согласилась выйти за него замуж, ничего не зная о его богатстве. Это потрясенное, недоверчивое выражение на ее лице не могло быть притворным. Ему очень хотелось убедиться в этом самому, и именно поэтому он велел дворецкому провести ее к нему немедленно. Теперь Ян имел доказательство, и вместе с ним к нему пришла уверенность, что эта женщина любит его, сколько бы она ни отрицала это перед ним или перед самой собой.

Теперь она может сколько угодно уверять его, что хотела от замужества только независимости, — он не будет из-за этого переживать. Потому что она любит его.

Элизабет наблюдала за переменой выражений на его лице. Думая, что Ян ждет от нее более пространной оценки его дома, она лукаво улыбнулась и поддела его:

— Конечно, это будет большой жертвой с моей стороны, но я как-нибудь сумею приспособиться к трудностям проживания в таком доме. Сколько здесь комнат?

Его брови насмешливо приподнялись.

— Сто восемьдесят две.

— Небольшое местечко. Ну что ж, полагаю, в таком доме нам остается думать только о развлечениях.

Ян подумал, что с развлечениями у них будет все в порядке. Он быстро закончил деловую беседу и, почти нарушая приличия, выпроводил гостей. Когда за ними закрылись двери, он бросился разыскивать Элизабет.

— Она в саду, милорд, — сообщил дворецкий. Ян вышел через балконные двери и сбежал по ступенькам в сад. Элизабет стояла на дорожке и срывала с розового куста засохший бутон.

— Сейчас будет немножко больно, — говорила она кусту, — но это для твоего же блага. Вот увидишь. — Она заметила приближающегося Яна и развела руками. -

Привычка, — с улыбкой объяснила она.

— Наверное, в этом есть какой-то смысл, — вернул ей улыбку Ян, которому в этот момент показалось, что цветы и в самом деле ожили в ее присутствии.

— Откуда вы знаете?

— Потому что до того, как вы вошли сюда, это был самый

обыкновенный сад.

— А что это теперь?

— Теперь — рай.

У Элизабет перехватило дыхание от его внезапно охрипшего голоса и вспыхнувшего в глазах желания. Он протянул к ней руку, и, не осознавая, что делает, она протянула ему свою и шагнула прямо в его объятия. Какую-то секунду, на которую она затаила дыхание, его янтарные глаза, в которых тлел огонь, изучали ее лицо — черточку за черточкой, потом его руки прижали ее крепче и он наклонил голову. Она сама прижалась к его губам, и в этом поцелуе излилась вся нерастроченная любовь, накопившаяся за годы ее одинокого детства. С бескорыстием истинной любви она предлагала ему себя, и истосковавшийся по ней

Ян упивался ее любовью, чувствуя, как она перетекает от нее к нему и вновь вливается в его жилы, и радость от этого нового чувства так переполнила его, что стала почти нестерпимой. Она была всем, о чем он только мечтал, и даже больше.

Наконец он оторвался от ее губ, продолжая одной рукой перебирать шелк ее волос, а другой — прижимать ее к своему напрягшемуся телу.

— Я люблю вас, — прошептал он, потершись головой о ее висок. — И вы меня любите. Когда я обнимаю вас, я всегда это чувствую. — Он ощутил, как она слегка напряглась и тихо всхлипнула, но ничего не смогла или не захотела ответить. Но даже то, что она не возразила ему, было хорошим знаком, и Ян продолжил: — Я чувствую это, Элизабет, но если вы и дальше будете отрицать, что любите меня, то просто доведете меня до умопомрачения. Я не могу работать. Не могу думать. Я принимаю решения и тут же их отменяю. К тому же, — решил он изменить ее настроение, переключившись на предмет, который неизменно был ей интересен, — когда у меня такое состояние, я начинаю сорить деньгами. Я не ограничусь домом на Променад-стрит и теми платьями, что заказал вам... — он заставил ее поднять голову и прочитал сомнение в зеленой глубине глаз, — ...если в самом скором времени вы не признаетесь, я промотаю все деньги, и у нас не останется ни этого дома, никакого другого. — У нее тревожно сдвинулись брови, Ян засмеялся и взял ее руку. — Когда я в таком состоянии, — сказал он, надевая ей на палец кольцо с великолепным изумрудом, — я покупаю все, что попадает на глаза. Мне стоило невероятных усилий удержаться и не закупить колец с изумрудами всех возможных оттенков.

Элизабет перевела глаза на свою руку, и они расширились при виде огромного изумруда.

— О... — воскликнула она, выпрямляясь в его руках, — оно изумительно и очень мне нравится, но я не могу позволить вам этого — нет, не могу. Ян, — она впервые назвала его по имени, и он вздрогнул от неожиданности, — я не могу вам этого позволить. Вы и так уже щедры были ко мне до экстравагантности. — Она почти с благоговением дотронулась до камня, сверкавшего на ее пальце, потом решительно покачала головой. — Мне не нужны драгоценности, правда. Вы сделали это из-за той дурацкой фразы, что я когда-то сказала вам, да? Будто мне обещали драгоценные камни величиной с ладонь? Вы поэтому купили мне это кольцо?

— Не совсем, — рассмеялся он.

— Но за один такой камень можно сделать все ирригационные работы
в

Хэвенхёрсте, да еще останется на жалованье, еду и одежду для слуг на несколько лет...

Элизабет попыталась снять кольцо.

— Нет! — он остановил ее руку. — Я... — он лихорадочно думал, что можно сделать, — я уже не смогу вернуть его. Это часть гарнитура.

— Это еще не все?!

— Боюсь, что так, дорогая, хотя я готовил этот сюрприз на вечер. К этому кольцу еще прилагаются ожерелье, браслет и серьги.

— О, понимаю, — сказала она, заставляя себя не смотреть на кольцо. — Ну тогда... если вы купили несколько предметов, полагаю, кольцо стоит не так дорого, как если бы... только не говорите мне, — сурово предупредила она, увидев, как затряслись его плечи, — что вы заплатили полную цену за каждую из этих вещей!

Смеясь, Ян прижался к ее щеке и кивнул.

— Какое счастье, — сказала Элизабет, на всякий случай скрестив пальцы, — что я согласилась стать вашей женой.

— Если бы вы не сделали этого, — засмеялся Ян, — один Бог знает, чего бы я накупил.

— И сколько бы вы заплатили за это, — фыркнула она, припав головой к его плечу, — в первый раз по собственной воле. — Вы действительно так делаете? — спросила она секунду спустя.

— Как?

— Начинаете сорить деньгами, когда у вас неприятности?

— Да, — солгал он.

— Вы должны перестать делать это.

— Я попытаюсь.

— Я могу помочь вам.

— Буду рад.

— Вы можете смело на меня положиться.

— Ничего другого я так не желаю.

Впервые Ян целовал женщину, неудержимо смеясь.

День прошел, как несколько минут, и Ян все время посматривал на часы, умоляя их остановиться. Но когда вышли все сроки и Элизабет было пора уезжать, он проводил ее до экипажа.

— Увидимся завтра в Лондоне на балу. И не волнуйтесь. Все будет отлично.

— Я знаю, — ответила она с абсолютной уверенностью.

Глава 27

Пять вечеров назад, когда Элизабет появилась на балу у Виллингтонов, она была охвачена ужасом и стыдом. Сегодня, когда дворецкий выкрикнул ее имя, она не испытала ни малейшей тревоги, грациозно прошла по балкону и начала медленно спускаться по лестнице в бальную залу. Рядом с ней шла вдовствующая герцогиня, за ними следовали Джордан и Александра. Элизабет видела, как люди поворачиваются, чтобы взглянуть на нее, но сегодня вечером ее не волновало, с каким выражением смотрят на нее шесть сотен лиц. Она чувствовала себя спокойной и беззаботной, спускаясь в залу в новом, невероятно дорогом платье из изумрудно — золотого шелка, с изумрудно-брильянтовым ожерельем на шее, подаренным Яном, и гордо несла свою красивую голову. В этот раз ее великолепные золотые волосы были уложены в маленькую корону со спадающими из-под нее локонами.

Дойдя до середины лестницы, она окинула взглядом толпу, ища единственное дорогое лицо. Ян стоял на том же месте, где и два года назад, когда она появилась на балу у Черайз, — неподалеку от лестницы, и разговаривал с окружающими его мужчинами.

Как она и ожидала, он поднял голову и дерзким восхищенным взглядом быстро окинул ее фигуру, затем посмотрел ей в лицо и, как тогда, поднял свой бокал, будто произнося, тост в ее честь.

Это было так мило, но она почувствовала легкий укол в сердце — два года назад все начиналось точно так же, но конец был ужасным. Сегодня Элизабет была намерена сделать все, чтобы изменить его, и это было единственной причиной ее появления на этом балу. То, что он говорил ей вчера вечером охрипшим от волнения голосом, бережно обнимая ее, казалось Элизабет чудом, в которое с трудом верило ее исстрадавшееся сердце. Он был таким нежным, откровенным и страстным — он всегда был таким, и она устала сохранять чопорность, холодность и устала бояться.

Яну тоже припомнилось, как она входила в бальную залу два года назад, и тоже показалось, что все повторяется — до тех пор, пока он не взглянул на нее повнимательнее. Элизабет Кэмерон, сходящая по ступенькам в нескольких ярдах от него, была уже не той девушкой в голубом, что два года назад — сейчас она была слишком прекрасна в этом изумрудно-золотом шелке, чтобы быть из плоти и крови, слишком царственна и недоступна, чтобы он посмел прикоснуться к ней. Он резко

выдохнул и только тогда осознал, что не дышал все это время. Как не дышали и четверо мужчин, стоявшие рядом с ним.

— Боже милостивый, — с трудом проговорил граф Диллард, чуть не свернувший себе шею, стараясь получше разглядеть Элизабет, — она просто не может быть настоящей.

— Я подумал то же самое, когда в первый раз увидел ее, — сказал подошедший к ним Родди Карстерс.

— Плевать, что про нее говорят, — сказал Диллард, настолько очарованный прелестным лицом Элизабет, что забыл о стоящем рядом с ним человеке, имеющем непосредственное отношение к этим разговорам, — я хочу, чтобы меня ей представили.

Он перепутал Родди с лакеем и, сунув ему в руки свой бокал, устремился к

Джордану Таунсенду, чтобы тот представил его Элизабет.

Яну стоило немалых усилий сохранить безразличное выражение лица и ответить на приветствие Родди Карстерса. Мысли Яна блуждали настолько далеко, что он не сразу вспомнил его имя.

— Как вы, Карстерс? — опомнился он наконец.

— Как и все мужчины в этом зале, потерял голову, — ответил Родди, кивая в сторону Элизабет и пристально изучая лицо Яна. Напускное безразличие не обмануло Родди, который сразу заметил недовольство в его глазах. — Честно говоря, я был настолько потрясен, что второй раз в жизни согласился прийти на выручку девице. Кстати, вашей девице, если меня не обманывает интуиция, а она меня никогда не обманывает.

Ян поднес бокал к губам, наблюдая за Диллардом, который в этот момент кланялся Элизабет.

— Вам придется объясниться точнее, — ровным голосом процедил он.

— Точнее, моя помощь заключалась вот в чем — я во всеуслышание заявил, что, на мой августейший взгляд, никто, ни один мужчина не мог бросить тень на это изумительное существо.

Включая и вас.

Яна покорило, что Родди позволяет себе говорить о его невесте в таком снисходительном тоне, но он не успел придумать язвительный ответ, так как в эту минуту к ним подошла новая группа гостей, жаждущих ему представиться. И он в который уже раз мужественно вытерпел все эти реверансы, игривые улыбки, призывные взгляды, излишне крепкие рукопожатия и низжайшие поклоны.

— И как себя чувствует холостяк, ставший за одну ночь самым завидным женихом в Англии? — спросил Родди, когда толпа наконец

отхлынула.

Ян что-то ответил ему и внезапно отошел, разбив тем самым надежды следующей группы, направлявшейся в его сторону. Джентльмен, который стоял позади Родди и весь вечер разглядывал костюм Яна цвета старого вина и восхищался его покроем, придвинулся к Родди поближе и, возвысив голос, чтобы перекрыть шум голосов, спросил:

— Слушай, Родди, что он сказал относительно самого завидного жениха?

Родди опустил бокал и с сардонической усмешкой ответил:

— Как у черта на сковороде. — Он искоса глянул на застывшего в недоумении собеседника и добавил, — Хостон уже женат и Кенсингтон тоже скоро женится, так что Клейтон Вестморленд остался единственным холостым герцогом в королевстве, а будучи свидетелем того фурора, который произвели своими романами Хостон и Кенсингтон, я не могу дожидаться, когда же на сцену выступит Вестморленд.

У Яна ушло двадцать минут, чтобы пройти десять ярдов до места, где стоял дед — буквально на каждом шагу его останавливали желающие непременно с ним поздороваться и переброситься парой слов.

Следующий час Ян провел, танцуя со всеми без разбору, и к концу этого часа пришел к выводу, что Элизабет пользуется почти таким же успехом у мужчин, каким он — у женщин. Глядя, как она смеется в ответ на комплименты, которыми ее осыпали мужчины, он подумал, что Элизабет расцветает в суете бала, тогда как его самого балы всегда приводили в уныние. Она принадлежит этому миру, вдруг понял Ян, это та обстановка, в которой она сверкает, искрится и царствует, как юная королева. Очевидно, она любит этот мир. С момента своего появления она всего один раз посмотрела на него, а он весь вечер только и делал, что пытался поймать ее взгляд. И Ян угрюмо констатировал, что оказался в положении всех остальных мужчин в этой зале: он так же издали томился по ней и жадно ловил ее взгляды.

Продолжая разыгрывать спектакль, о котором они условились, Ян подошел к группе гостей, в которой находились Таунсенды, и заговорил с Джорданом, стоявшим между женой и Элизабет, которая повернулась к нему спиной и кокетливо отвечала на комплименты обступивших ее молодых людей. Бросив на Яна понимающий взгляд, Джордан вызволил Элизабет из толпы обожателей.

— Леди Кэмерон, — сказал он, мгновенно входя в свою роль, — надеюсь, вы еще помните нашего друга лорда Торнтона, маркиза Кенсингтонского?

Сияющая улыбка, которой Элизабет одарила Яна, мало напоминала ту, на которой настаивала вдовствующая герцогиня, — «вежливую, но безразличную».

— Конечно, я вас помню, милорд, — сказала она Яну, грациозно протягивая руку для поцелуя.

— Надеюсь, этот вальс — мой, — церемонно произнес Ян, в основном для поклонников Элизабет, чьи напряженные спины выдавали живейшее внимание к их разговору. Он дождался, пока они вошли в круг танцующих и после этого заговорил свободнее:

— Вы кажетесь очень довольной сегодняшним вечером.

— Это так и есть, — ответила она и, подняв голову, увидела, как похолодел его взгляд, но теперь она лучше понимала его и догадалась, о чем он думает.

Мягкая понимающая улыбка тронула ее губы. Оркестр заиграл вальс, и Ян опустил руку ей на талию.

Над их головой горели сотни тысяч свечей в хрустальных канделябрах, но Элизабет купалась в лунном свете, серебрившем сад Черайз два года назад. Тогда, как и сейчас, Ян плавно закружил ее в вальсе. То, что началось между ними с этим вальсом, закончилось плохо, очень плохо. Танцуя с ним сегодня, она знала, что этот вальс закончится по-другому, и замирала от счастья и волнения. Она молчала, надеясь, что он скажет ей что-нибудь приятное, как в прошлый раз.

— Белховен весь вечер пожирает тебя глазами, — неожиданно произнес Ян. — Как и половина мужчин в этой зале. Это же надо — чтобы в стране, жители которой так гордятся своими хорошими манерами, мужчины выражали восхищение хорошенькой женщиной в такой примитивной форме.

«Это совсем не то откровение, которого я ждала, — улыбнувшись про себя, подумала Элизабет. — Придется мне самой улучшить ему настроение». Подняв голову, она тихо сказала:

— Ян, у вас бывало когда-нибудь так, что вы очень хотели чего-то, безумно хотели, и зная, что стоит протянуть руку и вы получите это, все-таки не смели этого сделать?

Удивленный таким серьезным вопросом и тем, что она обратилась к нему по имени, Ян постарался заглушить в себе ревность, которая снедала его весь вечер.

— Нет, — сказал он, старательно избегая резких нот в своем голосе, и, посмотрел в ее открытое ласковое лицо. — А почему вы спрашиваете? Вы чего-нибудь хотите?

Она отвела взгляд и кивнула.

— И чего же вы хотите?

— Вас.

У него перехватило дыхание, и он молча смотрел на ее золотистые волосы.

— Что вы сказали?

Она повернула к нему голову,

— Я сказала, что хочу вас, только боюсь, что... Сердце рванулось у него в груди, и пальцы непроизвольно впились ей в спину.

— Элизабет, — сказал он напряженным голосом и, окинув взглядом окружающую ее толпу, отогнал сумасшедшую мысль утащить ее на балкон, — зачем вы говорите мне такие вещи, когда мы находимся на этом проклятом балу?

Ее сверкающая улыбка стала еще шире.

— Это место показалось мне самым подходящим, — сказала она, наблюдая, как его глаза темнеют от сдерживаемой страсти.

— Потому что здесь безопаснее? — спросил Ян, решив, что она опасается его пылкой реакции.

— Нет, потому что так все начиналось два года назад. Мы были в саду, заиграл вальс, — напомнила она ему. — И вы подошли ко мне сзади и сказали:

«Потанцуйте со мной, Элизабет». И я... я согласилась, — продолжила она и умолкла, заметив какое-то новое выражение в его янтарных глазах. — Помните? — голос ее дрогнул, и она опустила голову.

Ян молчал. Элизабет подняла на него взгляд и вдруг увидела в его глазах такую тоску, уязвимость и неприкаянность, что ей стало трудно дышать и на глазах выступили слезы.

— Любите меня, Элизабет, — отчаянно прошептал он. От этих простых слов у нее пробежал мороз по коже.

— Я так и делаю, — сказала она, стараясь передать ему взглядом всю свою любовь.

Вальс кончился, и Ян с сожалением разомкнул руки. Они имелие прошли через толпу, улыбаясь встречным людям, которые не догадывались, что только что соединились две одинокие души. Когда они приблизились к Таунсендам, Ян задержал ее прикосновением руки.

— Я хотел вам кое-что сказать, — сказал он. Чтобы их остановка казалась естественной, он взял бокал с подноса, который лакей проносил мимо. — Я сказал бы вам раньше, но тогда вы стали бы сомневаться в мотивах, которые руководили мной, и не поверили бы мне.

Элизабет кивнула проходившей мимо женщине и медленно поднесла к губам бокал, слушая его тихие слова:

— Я никогда не говорил вашему брату, что не хотел на вас жениться.

Они медленно пошли к Таунсендам.

— Спасибо, — тихо сказала она, сделав глоток из бокала.

— И еще, — мрачно продолжил он.

— Что?

— Мне осточертел этот бал. Я бы отдал половину всего, что имею, лишь бы мы оказались сейчас вдвоем.

К его удивлению, она тут же согласно кивнула.

— Я тоже.

— Половину? — усомнился он, смеясь и совсем забыв о приличиях. — Действительно?

— Ну, по крайней мере четверть, — уступила она, протягивая ему руку для прощального поцелуя и берясь за юбки, чтобы присесть в реверансе.

— Не смейте приседать передо мной, — предупредил он, целуя ее руку в перчатке. — Куда бы я ни пошел, везде женщины, как корабельные паруса, падают на пол.

Плечи Элизабет затряслись от смеха и, несмотря на его запрет, она присела в глубочайшем тронном реверансе, который представлял собой чудо грации и изящества, и услышала над собой его гортанный смех.

Настроение Яна резко переменилось, и сейчас ему казалось, что это самый чудесный бал на свете. С этого момента он уже совершенно хладнокровно танцевал с престарелыми матронами, чтобы заручиться уважением света и быть достойным кавалером Элизабет. Этот светлый и радостный для него вечер был омрачен всего несколько раз, когда кто-то, не зная его имени, рассказал ему, что всего два месяца назад дядя Элизабет рассылал письма с предложением ее руки всем бывшим ухажерам.

Не выдав своего гнева и мысленно проклиная Джулиуса, Ян расплылся в изумленной улыбке и поделился с говорившим своими сведениями:

— Я знаком с ее дядей. К сожалению, бедняга немного того. Что поделаешь, такие вещи случаются даже в самых лучших семействах. — Намек на слабоумного короля Англии Джорджа был очевиден, и собеседник Яна громогласно расхохотался.

— Это правда, — подтвердил он, — как ни прискорбно, но это так. — И пошел распространять по зале слух, что дядя Джулиус Кэмерон — законченный идиот.

С Белховеном Ян управился так же быстро, но гораздо жестче и

действенное.

Дед рассказал ему, что Белховен хвастался, будто Элизабет какое-то время жила в его доме.

— Белховен, — обратился к нему Ян после получасовых поисков по залу.

Тот обернулся и удивленно воззрился на него, а его собеседники притихли и стали напряженно прислушиваться к их тихому разговору.

— Ваше присутствие на этом балу мне отвратительно, — опасно спокойным голосом произнес Ян. — Мне не нравятся ваш фрак, не нравится ваша рубашка и булавка на шейном платке. Кстати, вы и сами мне не нравитесь. Я уже достаточно вас оскорбил или мне продолжать?

Белховен разинул рот, и его одутловатое лицо покрылось смертельной бледностью.

— Вы... вы хотите вынудить меня к дуэли?

— Ни один нормальный человек не станет стреляться с такой мразью, но на этот раз я готов сделать исключение, поскольку эта мразь не умеет держать рот на замке!

— Дуэль? С вами? — пролепетал Белховен. — Но... но это нечестно. Все знают, какой вы стрелок. Это будет убийством.

Ян близко придвинулся к нему и процедил сквозь стиснутые зубы:

— Это убийство произойдет, ты, несчастный куритель опиума, если ты вдруг не вспомнишь, и очень громко, что пошутил насчет Элизабет Кэмерон.

При упоминании опиума бокал выскользнул из пальцев сэра Фрэнсиса и разбился об пол.

— Я только сейчас понял, что пошутил.

— Хорошо, — сказал Ян, подавляя желание задушить его. — А теперь начинай вспоминать по всей зале!

— Ну, после этого, Торнтон, я вряд ли рискну сказать, что он не лжет, — раздался веселый голос за спиной Яна, когда Белховен отправился выполнять приказание. Еще не до конца остыв от злости, Ян круто обернулся и столкнулся лицом к лицу с Джоном Марчмэном. — Кстати, у меня она тоже гостила, — сказал

Марчмэн. — Слава Богу, все было очень пристойно, так что не смотри на меня так, будто хочешь убить. Ее тетя Берта не отлучалась от нее ни на секунду.

— Кто? — спросил Ян, не зная, сердиться ему или удивляться.

— Тетя Берта. Маленькая пожилая женщина, очень неразговорчивая.

— Советую последовать ее примеру, — мрачно предупредил Ян. Джон

Марчмэн, который частенько бывал в Шотландии и пользовался привилегией ловить рыбу в чудесном ручье Яна, бросил на друга обиженный взгляд.

— Тебе нет нужды напоминать мне, как должен вести себя порядочный мужчина.

Чтобы спасти Элизабет от грязных рук Белховена, я был готов жениться на ней, а ты всего лишь собирался его пристрелить. По-моему, моя жертва была...

— Что я слышу? — сказал Ян, чувствуя себя так, словно пришел в театр в середине второго действия и никак не уловит смысл пьесы.

— Ее дядя отказал мне. Получил предложение получше.

— Тем самым он значительно упростил тебе жизнь, — сухо сказал Ян и пошел разыскивать лакея с подносом, чтобы чего-нибудь выпить.

В последнем случае Ян даже получил некоторое удовольствие, так как рядом с ним была Элизабет. Они только что закончили второй — и последний — дозволенный на этот вечер танец. К ним приблизился виконт Мондвэйл с повисшей у него на руке Валери, за ними, обмахиваясь веерами, следовала группа дам. Женщина, которая причинила им с Элизабет столько боли, вызывала у Яна почти такой же гнев, как и Мондвэйл, пялившийся на Элизабет, словно лебедь, погибающий от безнадежной любви.

— Мондвэйл, — грубовато позвал его Ян, чувствуя, как напряглись в его руке пальцы Элизабет, которая в этот момент смотрела на Валери, — я аплодирую вашему вкусу. Не сомневаюсь, что мисс Джемисон будет вам прекрасной женой, если у вас когда-нибудь хватит духу сделать ей предложение. Однако если вы решитесь на это, последуйте моему совету: наймите ей учителя, чтобы он научил ее орфографии и чистописанию. — Переведя презрительный взгляд на молодую женщину, застывшую с полуоткрытым ртом, он продолжил: — Слово «оранжерея» начинается с буквы "о".

Хотите, скажу по буквам, как пишется слово «низость»?

— Ян, — мягко упрекнула его Элизабет, когда они отошли, — теперь это уже не имеет значения. — Она подняла к нему голову и улыбнулась, и он вдруг почувствовал себя в полной гармонии со всем миром.

Это чувство оказалось таким стойким, что он хладнокровно выдержал еще три долгих недели, выполняя все требуемые формальности, предшествующие свадьбе, и про себя отмечая каждый день, который приближал его к тому моменту, когда его измученное тело наконец воссоединится с ее.

С любезной улыбкой Ян появлялся на приемах, где мысленно составлял деловые письма, сидел в опере и думал о красоте Элизабет, посетил одиннадцать венецианских завтраков, на которых полностью продумал оснастку своего нового судна, сопровождал Элизабет на восемнадцать балов, где старался не давать волю своей фантазии, которая рисовала ему, как все эти нахалы, которые столпились вокруг Элизабет, глаза на ее роскошные округлости, поднимаются на гильотину.

Это были самые долгие три недели в его жизни.

Это были самые короткие три недели в ее жизни.

Глава 28

Счастливая и взволнованная, Элизабет стояла перед большим зеркалом в своей спальне на Променад-стрит, а Александра сидела на кровати и ободряюще улыбалась. В комнате находились еще четыре горничные, которых прислал Ян, чтобы помочь Элизабет одеться и уложить вещи.

— Простите, миледи, — сказала еще одна девушка, появляясь в дверях, — мистер Бентнер просил передать вам, что пришел мистер Вордсворт и просит принять его немедленно, хотя ему и объяснили, что у вас сегодня свадьба.

— Я сейчас приду, — сказала Элизабет, оглядываясь в поисках чего-нибудь, в чем было бы прилично появиться перед мужчиной.

— Кто такой Вордсворт? — спросила Алекс, недовольная тем, что кто-то прервал свадебные приготовления ее подруги.

— Это детектив, которого я наняла, чтобы выяснить, что случилось с Робертом.

Вордсворт, размахивая шляпой, в сильном волнении шагал по ковру, когда в небольшую гостиную вошла Элизабет.

— Простите, что побеспокоил вас в такой день, — начал он, — но по правде говоря, в этом и заключается причина такой срочности. Я думаю, вам следует прикрыть дверь, — сказал он.

Элизабет подошла к двери и дрожащей рукой закрыла ее.

— Леди Кэмерон, — сказал он взволнованным голосом, у меня есть основания думать, что ваш будущий муж каким-то образом связан с исчезновением вашего брата.

Элизабет бессильно упала на диван.

— Это совершенно несообразное предположение, — дрожащим голосом сказала она. — Почему вы так думаете?

Детектив отвернулся от окна и повернулся к ней лицом.

— Вам известно, что за неделю до своего исчезновения ваш брат стрелялся с

Яном Торнтоном?

— Ах, это, — облегченно выдохнула Элизабет. — Да, я знаю. Но никто серьезно не пострадал.

— Напротив, Торнтон... э-э... Кенсингтон получил ранение в руку.

— Да, я знаю.

— А вам известно, что ваш брат выстрелил раньше, чем был дан

сигнал стрелять?

— Да.

— В таком случае попробуйте представить себе, как к этому должен был отнестись Кенсингтон. Своим бесчестным поведением ваш брат причинил ему боль — одно это является достаточной причиной для того, чтобы желать мщения.

— Мистер Вордсворт, — сказала Элизабет со слабой улыбкой, — если бы Ян... маркиз Кенсингтонский хотел отомстить ему, что, видимо, предполагаете вы, он мог бы сделать это на той же дуэли. Он удивительно метко стреляет. Однако он не сделал этого, потому что не считает возможным убивать человека из-за каких-то разногласий!

— Неужели, — с нескрываемым сарказмом произнес Вордсворт.

— Представьте себе, — резко ответила Элизабет. — Маркиз говорил мне об этом сам, и у меня есть основания верить ему, — добавила она, вспомнив, как он отклонил вызов Эверли, когда Ян обвинил его в жульничестве.

— А у меня есть основания полагать, — так же резко возразил Вордсворт, — что этот шотландец, за которого вы выходите замуж, — он произнес слово

«шотландец» с той же презрительной интонацией, с какой все англичане обычно отзываются о своих соседях из горной страны, — может совершенно спокойно убить человека на дуэли.

— Я не...

— Мне известно наверняка, что он убил как минимум пятерых при таких же обстоятельствах. Элизабет сглотнула.

— Я уверена, что у него... были на то причины и что... дуэль была справедливой.

— Ну, если вам хочется так думать... однако я располагаю и другими сведениями.

У Элизабет вспотели ладони. Какая-то часть ее существа хотела встать и уйти, но другая утратила способность двигаться.

— Что вы хотите этим сказать?

— Давайте вспомним, если не возражаете, что нам уже известно: Торнтон был ранен и несомненно — я бы даже сказал справедливо — гневался на вашего брата за то, что тот выстрелил раньше сигнала.

— Я знаю, что... ну хорошо, давайте примем это как вариант.

В этом есть смысл.

— А известно ли вам, миледи, что через три дня после безуспешной попытки убить Торнтон на дуэли ваш брат сделал еще одну попытку — на

этот раз на

Маблемарской дороге?

Элизабет медленно поднялась с места.

— Вы ошибаетесь! Откуда вам это известно? Почему Роберт вдруг решил... — ее голос прервался. Через три дня после дуэли виконт Мондвэйл расторг помолвку, а вместе с ней разрушил все надежды поправить их финансовые дела, и после этого

Роберт исчез.

— Я знаю это, потому что, имея информацию, которую вы мне дали, я систематически восстанавливал каждый шаг вашего брата в ту неделю, когда он исчез. Это обычная процедура, которая позволяет найти нити, которые могут привести к разгадке. Через три дня после дуэли ваш брат провел день в

Найтрибджском клубе. Там вспомнили, что он вдруг в страшном возбуждении начал поговаривать, что убьет Торнтон. Он попросил у знакомого экипаж, сказав, что собирается найти этого негодяя. Я сумел выяснить, что Торнтон в тот день был в

Лондоне и вечером отбыл в Дерлишир, из чего следует, что он должен был ехать по Маблемарской дороге. Заключив, что где-нибудь по дороге ему потребуется сменить лошадей, я начал проверять все почтовые станции, спрашивая, не помнят ли они кого-нибудь, похожего по описанию на Торнтон или вашего брата. В Блэкборе мне повезло: мальчишка-рассыльный хорошо запомнил Торнтон — тот дал ему полкроны.

Он также запомнил, и очень отчетливо, что в окне его экипажа была дырка от пули, и кучер был настолько испуган, что рассказал мальчишке, откуда она появилась. Он рассказал, что за несколько миль до их станции у Торнтон была ссора с каким-то человеком, по описанию очень похожим на вашего брата, которого

Торнтон называл Робертом Кэмероном. В пылу ссоры Роберт съехал с дороги и, целясь в Торнтон, выстрелил в окно их экипажа.

Три дня спустя ваш брат рассказывал об этом случае своим приятелям в клубе. Он заявил им, что Торнтон погубил и вас, и его и что он умрет, но заставит Торнтон заплатить за это. По показаниям одного из грумов Торнтон, в ту же ночь ваш брат подстерег Торнтон на обратной дороге в Лондон и снова стрелял в него. На этот раз он попал Торнтону в плечо. Торнтону удалось схватить его, но ваш брат вырвался и ускакал в лес. Так как Торнтон не мог преследовать его в экипаже по лесу, вашему брату удалось ускользнуть. Однако на следующий день он вышел из клуба и внезапно исчез. Вы сказали мне, что все осталось на месте. Его вещи,

бумаги, все. Вам это о чем-нибудь говорит, леди Кэмерон?

Элизабет снова сглотнула, не позволяя себе строить предположения о том, чего не знала.

— Это говорит о том, что Роберт был одержим мыслью отомстить за меня и что его методы были... ну, скажем, не совсем честными.

— Торнтон когда-нибудь говорил вам об этом? Покачивая головой, Элизабет попыталась защитить Яна:

— Мы стараемся не упоминать о Роберте, это слишком болезненная тема для нас обоих.

— Вы, кажется, не следили за ходом моих мыслей, миледи, — возмутился

Вордсворт. — Вы увильваете от совершенно очевидных выводов. Я полагаю, что

Торнтон похитил вашего брата или сделал что-нибудь похуже с целью обезопасить свою жизнь от дальнейших покушений.

— Хорошо, я спрошу у него, — выкрикнула Элизабет, стараясь сдержать охватившую ее панику.

— Не вздумайте этого делать, — сказал Вордсворт, удерживаясь от желания хорошенько встряхнуть ее. — Мы сможем обнаружить правду только в том случае, если не возбудим у Торнтон подозрений, что занимаемся этим делом. Если же выяснить ничего не удастся, тогда я попрошу вас сказать ему, что вы все знаете, и после этого мы будем следить за каждым его шагом — хотя вряд ли он себя чем —нибудь выдаст. Но это наш единственный шанс. — Сжавшись над ней, он добавил:

— Мне жаль, что вы снова можете стать предметом пересудов, но я полагал, что обязан предупредить вас, пока вы еще не стали женой этого злодея шотландца!

Он снова фыркнул при слове «шотландец», и это вдруг вывело Элизабет из себя.

— Прекратите произносить слово «шотландец» в таком оскорбительном тоне! — закричала она. — И Ян... лорд Торнтон — наполовину англичанин, — добавила она уже спокойнее.

— Все равно — наполовину варвар, — с презрением сказал Вордсворт. Он немного смягчился, взглянув на побледневшую девушку. — Вы просто не знаете, что это за люди. У меня у самого сестра замужем за шотландцем, и я не могу описать вам, в какой ад он превратил ее жизнь.

— Ян Торнтон не ваш шурин!

— Ну, разумеется, нет, — сердито бросил Вордсворт. — Он всего лишь

человек, сколотивший себе состояние на игре — притом, что его неоднократно обвиняли в мошенничестве! Двенадцать лет назад — я привожу вам общеизвестные факты — в одном из южных портов он выиграл у одного старателя золотой прииск.

Прииск неожиданно стал приносить доход, и золотоискатель, который провел в этой шахте полжизни, попытался возбудить против Торнтонна дело. Он клялся, что ваш жених выиграл прииск жульническим путем. И знаете, что сделал ваш Торнтон?

Элизабет покачала головой.

— Ваш полукровка-шотландец хладнокровно застрелил его. Вы слышите меня? Он убил его. Это знают все, и не смотрите на меня так.

Элизабет охватила дрожь, сотрясавшая все ее тело.

— Они стрелялись на дуэли, и этот варвар убил его. Слово «дуэль» подействовало на расстроенные нервы Элизабет как обезболивающее. Дуэль не была настоящим убийством... не совсем.

— Это... это была честная дуэль? Вордсворт пожал плечами.

— Говорят, что да, но доподлинно это неизвестно. Элизабет вскочила на ноги, но гневное выражение в ее глазах не могло спрятать ее собственных сомнений.

— Вы пренебрегаете слухами, когда они оправдывают его, однако когда молва говорит не в его пользу, вы полностью на нее полагаетесь и ожидаете, что я поступлю так же!

— Пожалуйста, миледи, — в отчаянии взмолился Вордсворт. — Я только пытаюсь объяснить вам, сколь безрассудно выходить за него замуж. Не делайте этого, прошу вас. Вы должны подождать.

— Это я сама решу, — сказала Элизабет, пряча за гордостью свой страх.

Он плотно сжал челюсти и в заключение сказал:

— Если вы настолько глупы, что все-таки выйдете за него, то хотя бы не говорите ему о том, что узнали сегодня от меня, и любыми способами уклоняйтесь от разговоров о Роберте Кэмероне. Если вы не последуете моему совету, — пригрозил он, — то подвергнете опасности жизнь своего брата, если он еще жив.

Элизабет так старалась держать себя в руках и не упасть в обморок, что впилась ногтями в ладони.

— Что вы говорите? — с истеричным смешком спросила она. — Вы, должно быть, сами не понимаете абсурдности своих слов. Я должна спросить Яна. Он имеет право на шанс опровергнуть эту клевету, объяснить...

При этих словах Вордсворт в ужасе схватил ее за плечи.

— Слушайте, вы! — закричал он. — Если вы сделаете это, то станете убийцей собственного брата! — Смутившись от своей несдержанности, он отпустил руки, но продолжал говорить голосом, полным настойчивой мольбы. — Подумайте хотя бы о тех фактах, что я вам рассказал, если вас не смутит предположение, которое я выскажу сейчас: ваш муж совсем недавно был объявлен наследником одного из самых высоких титулов в Европе. Теперь он собирается жениться на вас — на прекрасной женщине, графине, которая несколько недель назад была бы для него недосягаема.

А теперь задумайтесь хоть на секунду: станет ли он всем этим рисковать, позволив объявиться вашему брату, который может выдвинуть против него обвинение? Если он и не убил его до сих пор, а только отправил его на какой — нибудь из своих приисков или кораблей, то в случае, если вы станете задавать вопросы, у Торнтонна не будет другого выбора, как только избавиться от ненужного свидетеля. Вы меня слушаете, леди Камерон? Вы понимаете, что я вам говорю?

Элизабет кивнула,

— Тогда я желаю вам приятно провести день и приступаю к дальнейшим поискам.

В дверях он задержался и оглянулся на девушку, которая с побледневшим лицом и бьющимся сердцем застыла посреди комнаты.

— Ради вашего же блага, не выходите за этого человека — хотя бы до тех пор, пока мы не будем знать всю правду.

— Когда это будет? — упавшим голосом спросила она.

— Кто знает? Может быть, через месяц, а может, через год. Или никогда. -

Он помолчал, потом издал тяжелый вздох. — Если же вы все-таки поступите вопреки здравому смыслу и выйдете за него, тогда хотя бы ради вашего брата, если уж не ради вас самой, — молчите. Если он виноват и будет считать, что вы собираетесь узнать правду и, возможно, разоблачите его, ваша жизнь тоже может оказаться в опасности.

Когда он ушел, Элизабет снова упала на диван и закрыла глаза, пытаясь удержать жгучие слезы. В ее мозгу все еще продолжал звучать голос Вордсворта. А в сердце был Ян, который улыбался ей и хрипловатым умоляющим голосом говорил:

«Любите меня, Элизабет». Потом перед ее глазами всплыла сцена, когда он выгнал из дома на Променад-стрит ее дядю, — тогда от всего его облика исходило ощущение реальной угрозы. Она вспомнила его в оранжерее, когда на них набросился Роберт и сказал, что Элизабет уже

обручена. Ян тогда посмотрел на нее, и в его глазах было желание убить.

Но, с другой стороны, на той дуэли он не причинил Роберту никакого вреда.

И хотя испытывал совершенно справедливый гнев, вел себя очень хладнокровно.

Элизабет вытерла уголки глаз, в которых скопились слезы. Все ее существо разрывалось на мелкие кусочки. Она вспомнила его лицо — твердое, мужественное, которое от ленивой насмешливой улыбки становилось почти мальчишеским. Она видела его глаза — ледяные в Шотландии, сердито сверкающие... и улыбающиеся в тот день, когда он был в Хэвенхёрсте.

Но все это время в голове у нее звучал его голос, который заглушал все сомнения, его глубокий, манящий голос: «Любите меня, Элизабет».

Элизабет медленно поднялась и наконец приняла решение. Если он невиновен, а она отменит свадьбу, Ян будет выглядеть дураком, потому что она даже не скажет ему о причине своего решения, после этого он уже никогда ее не простит.

Она потеряет его навсегда. Если же, следуя своей интуиции, она выйдет за него замуж, то, возможно, так никогда и не узнает, что стало с Робертом. Или Ян будет оправдан. Или она узнает, что стала женой убийцы.

Увидев смертельно бледное лицо подруги, Александра вскочила С места и обняла ее.

— Что случилось, Элизабет? Плохие новости? Скажи мне, пожалуйста, — у тебя такой вид, будто ты сейчас упадешь в обморок.

Элизабет хотелось рассказать ей, она понимала, что нужно рассказать, но она слишком боялась, что Алекс попытается уговорить ее отменить свадьбу. Ей нелегко было принять решение, но теперь, когда она приняла его, она не была уверена в том, что сможет выдержать, если ее снова начнут уговаривать. Она решила поверить Яну, и раз так, то хотела, чтобы Алекс продолжала ему симпатизировать.

— Ничего, — еле слышно ответила она. — Хотя не совсем. Мистеру Вордсворту потребовалась более детальная информация о Роберте, а мне нелегко об этом вспоминать.

В дальнем конце церкви Александра и горничная Элизабет суетились вокруг ее шлейфа, в то время как сама невеста, раздираемая сомнениями, холодела от волнения, но продолжала убеждать себя, что это обычная предсвадебная нервозность.

Элизабет посмотрела на двери, зная, что во всем огромном соборе нет ни одного ее родственника, ни одного мужчины, который повел бы ее к алтарю. Она увидела, как в церковь вошел Джордан Таунсенд и занял свое место, за ним проследовал Ян — высокий, темноволосый, подавляющий своей осанкой и властным видом. Ей подумалось, что у нее нет никого, кто мог бы защитить ее в случае, если он нарушит условия их сделки. Ни один суд не заставит его выполнять их, если он сам этого не захочет.

— Элизабет? — услышала она мягкий голос герцога Стэнхоупского, и он подал ей руку. — Не бойся, дитя, — успокаивающе сказал он, с улыбкой заглядывая в ее огромные испуганные глаза. — Ты и не заметишь, как все уже будет позади.

Раздался пробный аккорд органа, и неожиданно Элизабет обнаружила, что уже идет по боковому приделу храма. Проходя под взглядами тысячной толпы, она думала, сколько людей сейчас смотрит на нее, вспоминает сплетни о ее связи с

Яном и высчитывает, когда у них должен появиться ребенок.

Однако на многих лицах написана непритворная благожелательность, отстранение заметила Элизабет. Сестра герцога улыбнулась ей, когда она проходила мимо, другая сестра приложила к глазам платок. Родди Карстерс игриво подмигнул ей, и она едва справилась с приступом истерического смеха, который тут же сменился ужасом и смущением. Прямо на нее смотрел Ян с каким-то необъяснимым выражением лица. Только викарий, который с Евангелием в руках ожидал, когда она приблизится, смотрел на нее добрым, понимающим взглядом.

Глава 29

Герцог Стэнхоупский настоял, чтобы на большой свадебный банкет были приглашены все светские знаменитости, дабы окончательно положить конец сомнениям вокруг Яна и Элизабет. Поэтому отпраздновать свадьбу было решено не в

Хэвенхёрсте, который не только не мог бы вместить тысячу гостей, но даже не имел необходимой мебелировки, а в Монтмэйне. Стоя у входа в бальную залу, которую армия садовников Яна превратила в гигантскую, увитую цветами беседку с углублением в конце зала, Элизабет всеми силами пыталась изгнать из своей памяти воспоминание об утреннем визите Вордсворта. Но несмотря на все ее усилия, его слова все еще окутывали ее, словно пеленой, — достаточно тонкой, однако, чтобы она могла продолжать улыбаться и делать вид, что ничего не случилось.

Элизабет боролась с волнением единственным способом, который был сейчас в ее распоряжении: как только на нее накатывали страх и уныние, она смотрела на

Яна. При взгляде на него, как она убедилась за те несколько часов, что прошли после венчания, все ее сомнения исчезали, и обвинения Вордсворта казались нелепыми — какими они, в сущности, и были. Если же Яна поблизости не было, она изображала на лице улыбку и притворялась перед всеми, да и перед самой собой, счастливой и беззаботной невестой. И чем больше она притворялась, тем больше чувствовала себя ею.

Сейчас Яна поблизости не было — он пошел принести ей шампанского и задержался поболтать с друзьями, поэтому Элизабет принялась раздаривать улыбки гостям, которые нескончаемой чередой приносили ей свои поздравления. Та холодность по отношению к ней, которую Элизабет наблюдала утром в церкви, теперь казалась ей плодом ее больного воображения, и она решила, что была несправедлива ко многим из этих людей. Да, они не одобрили ее поведения два года назад — да и как они могли? — но теперь большинство из них от чистого сердца поздравляли ее и радовались ее счастью.

То, как они старались делать вид, что не помнят ее прошлого, вызвало у Элизабет затаенную улыбку, и она снова посмотрела на цветочные гирлянды: никто, кроме нее, не осознавал поразительного сходства этой огромной залы с садом загородного дома Черайз Дюмонт и того, что

углубление в конце залы соответствует тому уголку сада, где тогда ночью они с Яном танцевали вальс.

В противоположном конце залы Элизабет заметила викария, Джейка Уайли,

Люсинду и герцога Стэнхоупского. Викарий поднял за нее бокал. Элизабет улыбнулась и кивнула. Джейк Уайли заметил их обмен взглядами и с сияющим лицом проговорил:

— Потрясающая невеста, верно?

За последние полчаса эти трое мужчин радостно поздравляли себя с той ролью, которую сыграли они лично, чтобы эта свадьба состоялась, а спиртное делало Дункана и Джейка все более и более общительными.

— Изумительная, — согласился Дункан.

— Она станет Яну отличной женой, — сказал герцог. — Мы хорошо поработали, джентльмены, — снова поздравил он всех, поднимая бокал. — За тебя, Дункан, — с поклоном сказал он, — за то, что помог Яну.

— За тебя, Эдвард, — сказал викарий герцогу, — за то, что заставил свет принять его. — И повернувшись к Джейку, добавил, — И за тебя, старина, за то, что пошел за служанками и деревню и забрал с собой старого Атиллу и мисс Трокмортон-Джонс.

Этот тост заставил их с запозданием вспомнить молчаливую дуэнью, которая с абсолютно бесстрастным лицом стояла подле них.

— И за вас, мисс Трокмортон-Джонс, — сказал Дункан с глубоким галантным поклоном, — за то, что приняли лауданум и выложили мне всю правду о том, как Ян поступил с этой девушкой два года назад. Именно это, и только это, сдвинуло, как говорится, поз с места. Но, — сказал Дункан, жестом подзывая лакея с шампанским, — я вижу, у вас нет бокала, моя дорогая, чтобы присоединиться к нашим тостам.

— Я не пью спиртного, — сообщила Люсинда Дункану. — Более того, мой дорогой, — добавила она с неопределенной гримасой, являющейся чем-то средним между улыбкой и ухмылкой, — я никогда не принимаю лауданум. — И сделав это поразительное заявление, она подхватила свои неизменно серые юбки и ушла прочь, чтобы испортить настроение кому-нибудь еще. Онемевшие мужчины молча смотрели ей вслед, затем обменялись вопросительными взглядами и наконец разразились взрывами хохота.

Элизабет приняла у Яна бокал с шампанским.

— Спасибо, — сказала она и указала ему на Дункана, герцога и Джейка, которые громко предавались веселью. — Кажется, они чудесно проводят время, — заметила она.

Ян отсутствующим взглядом посмотрел на группу смеющихся мужчин, затем на нее.

— Как ты хороша, когда улыбаешься. Он говорил тихим голосом, и в глазах его Элизабет заметила усталость. Неверно истолковав причину этого, она мягко спросила:

— Может быть, нам пойти отдохнуть?

Она сама буквально валилась с ног, но поскольку до этого ей не приходилось присутствовать на свадебных приемах, она считала, что протокол этого мероприятия такой же, как всегда: хозяин и хозяйка не могут уйти до тех пор, пока последний гость не уедет домой или не отправится спать в отведенную ему комнату. Сегодня все спальни в доме будут заняты, так как на утро был запланирован свадебный завтрак, после которого собирались устроить охоту.

— Меня совсем не тянет в сон, просто я немного устала от такого количества улыбок, — сказала она мужу, улыбнувшись и кивнув очередному гостю, который в этот момент на нее посмотрел. Повернувшись к Яну, она заботливо предложила: — У тебя был сегодня трудный день. Я уверена, все поймут, если ты уйдешь отдохнуть.

— Не сомневаюсь, — сухо ответил он, и Элизабет с удивлением заметила, как внезапно заблестели его глаза.

— А я останусь и постою за тебя, — вызвалась она. Его глаза заблестели еще сильнее.

— А тебе не кажется, что если я удалюсь один, это будет выглядеть несколько странно?

Элизабет знала, что это может показаться если не странным, то по крайней мере невежливым, но занятая пришедшей ей мыслью, она успокоила его:

— Предоставь это мне. Если кто-нибудь спросит, я извинюсь за тебя.

У него задрожали губы.

— Чистое любопытство — какое извинение ты найдешь для меня?

— Я скажу, что ты плохо себя чувствуешь. Конечно, я не буду приписывать тебе ничего серьезного, а то нас уличат во лжи, когда утром ты как ни в чем не бывало появишься за завтраком, а потом поедешь на охоту. — Она немного поколебалась, затем решительно заявила: — Я скажу, что у тебя болит голова.

Ян с трудом удерживался от смеха.

— Я очень благодарен вам, миледи, но эта ложь вынудит меня весь следующий месяц провести на дуэльной площадке, защищаясь от клеветы относительно моей... э-э... мужественности.

— Почему? У мужчины не может болеть голова?

— В свадебную ночь не может, — с шаловливой улыбкой сказал он.

— Не понимаю почему.

— Не понимаешь?

— Нет. И не понимаю, почему они до сих пор не уходят, — добавила она сердитым шепотом. — Я никогда не была на свадебных приемах, но мне кажется, им давно пора в постель.

— Элизабет, — сказал он, стараясь не засмеяться, — на свадебных приемах гости не могут уйти раньше жениха и невесты. Если ты оглянешься, то увидишь, что мои двоюродные бабушки уже клюют носом в своих креслах.

— О-о! — воскликнула она, мгновенно раскаявшись в своих словах. — Я не знала. Почему ты не сказал мне раньше?

— Потому что, — сказал он, предлагая ей руку и уводя к выходу, — мне хотелось, чтобы ты насладились каждой минутой этого бала, даже если бы для этого пришлось принести из сада подпорки для кустов и предложить их гостям, чтобы они не попадали с ног.

— Кстати, о кустах, — сказала она, бросая с балкона последний признательный взгляд на гирлянды цветов и горшки с цветущими деревьями и кустами, которые занимали добрую четверть залы, — все говорят о том, чтобы взять на вооружение твою идею превратить бальную залу в цветущий сад. Ты стал родоначальником новой моды.

— Ты бы видела свое лицо, как видел его я, когда ты вошла в залу и увидела, что я с ней сделал.

Элизабет вспомнила, как они открыли бал: когда оркестр проиграл вступление к вальсу, Ян увлек Элизабет в глубину залы — в импровизированный сад «их прошлого».

— Наверное, мы были единственной парой, — сказала она, поднимая к нему смеющееся лицо, — которая когда-либо открывала бал, танцуя вальс в углу залы.

— Ты была против?

— Ты же знаешь, что нет, — ответила она, спускаясь с ним по резной лестнице.

Он остановился у дверей спальни, открыл перед ней дверь и уже хотел заключить ее в объятия, но отстранился, увидев появившихся в коридоре, служанок, разносивших по комнатам постельное белье для гостей.

— У нас еще будет для этого время, — прошептал он. — Столько времени, сколько мы захотим.

Глава 30

Не замечая недовольного лица Берты, которая расчесывала ее тяжелые волосы, Элизабет сидела за туалетным столиком в шелковой кружевной рубашке кремового цвета, которую мадам Ласаль посоветовала ей надеть в первую свадебную ночь.

Глубокий треугольный вырез рубашки сильно обнажал ее грудь, а высокий соблазнительный разрез открывал длинную красивую ногу, но Элизабет не думала об этом. Во-первых, она знала, что будет скрыта одеялом, а во-вторых, теперь, когда впервые после утреннего визита Вордсворта она осталась наедине с собой, ей было куда труднее отмахнуться от его обвинений в адрес Яна.

Безуспешно пытаясь переключить свои мысли на что-нибудь другое, Элизабет взволнованно вскочила со стула и наконец разглядела свою ночную рубашку.

Наклонив голову, чтобы Берте было удобнее расчесывать ее волосы, она вдруг вспомнила объяснение Люсинды того, как появляются дети. Так как Ян выразил горячее желание иметь детей, не исключено, что он захочет начать сегодня же ночью, и если так, то они, видимо, будут спать в одной постели.

Она нахмурилась, раздумывая над объяснением Люсинды, теперь оно показалось ей каким-то несерьезным и мало похожим на правду. Она выросла в деревне и имела представление о том, как размножаются животные, но, с другой стороны, понимала, что для людей такой отталкивающий способ вряд ли приемлем. И все же: только от того, что супруг целует в постели? Тогда почему появляются скандальные слухи, что та или иная женщина родила ребенка не от своего мужа? Очевидно, существуют и другие способы зачатия детей, и Люсинда располагает неполной информацией.

Это привело ее к мысли об их спальнях. Ее апартаменты были смежными с его, и она не знала, в чьей спальне они будут спать, если он захочет лечь вместе с ней. Словно в ответ на ее невысказанный вопрос дверь, соединявшая ее спальню со спальней Яна, отворилась, и Берта испуганно подпрыгнула: как и большинство слуг Элизабет, она все еще побаивалась Яна и сердилась на него.

Бросив на него негодующий взгляд, она поспешно удалилась.

Элизабет же в отличие от нее смотрела на мужа с восхищением —

такой легкой, уверенной и в то же время расслабленной походки не было больше ни у кого. На нем все еще были брюки от официальной фрачной пары, но сам фрак и жилет с шейным платком он уже снял, оставшись в белой рубашке с кружевными манжетами. Порот рубашки был расстегнут, открыв сильную загорелую шею. В таком виде он смотрелся не менее элегантно и мужественно, чем в официальном костюме.

У Элизабет на мгновение мелькнуло воспоминание о Вордсворте, но она с негодованием прогнала его.

Она встала и шагнула к нему, но тут же замерла, остановленная золотистой вспышкой в его глазах, окинувших взглядом ее тело, просвечивающее сквозь тонкую ткань рубашки. Ее охватила необъяснимая дрожь, она резко повернулась к зеркалу и в смятении провела рукой по волосам. Ян подошел к ней сзади и паял за плечи.

В зеркале она видела, как он опустил голову, и почувствовала на шее теплое прикосновение его губ, отчего по ее телу прошла сладкая дрожь.

— Ты дрожишь, — сказал Ян таким ласковым голосом, какого она никогда еще не слышала.

— Я знаю, — призналась она дрожащим голосом. — Только не знаю почему.

Его губы изогнулись в улыбке.

— Не знаешь? — тихо спросил он. Элизабет покачала головой. Ей очень хотелось повернуться к нему и умолять его рассказать, что случилось с Робертом, и в то же время она боялась услышать его ответ, боялась испортить эту ночь своими подозрениями, которые наверняка совершенно беспочвенны. И не менее страшно ей было узнать, что ждет ее в этой постели....

Не в силах оторвать от него взгляд, Элизабет наблюдала в зеркале, как его рука скользнула ей на талию и потянула назад, пока она не ощутила спиной его крепкую грудь. Он снова наклонил голову и прижал ее крепче, потом стал медленно целовать ее в ухо, его рука скользнула вверх, к плечу, спустила с него рубашку и стала искать ее грудь.

Он медленно повернул ее к себе, снова поцеловал, на этот раз медленнее.

Его руки привлекли ее ближе, и, захваченная будоражащими ощущениями, которые каждый раз пробуждали в ней его поцелуи, Элизабет ответила на его поцелуй. Ее руки замкнулись у него на шее, и в то же мгновение, как она сделала это, он подхватил ее на руки и понес в свою спальню, где на возвышении стояла огромная кровать.

От страстного поцелуя у нее закружилась голова, поэтому Ян

осторожно придержал ее, когда поставил снова на ноги. Но когда его пальцы потянулись к лентам на плече, которые удерживали рубашку, она увернулась от его поцелуя и автоматически накрыла его руку своей.

— Что ты делаешь? — тревожным шепотом спросила она. Его пальцы замерли, и

Ян перевел на нее затуманенный взгляд.

Вопрос застал его врасплох, но, заглянув в зеленые глаза, Ян понял ее беспокойство.

— А как ты думаешь, что я делаю? — осторожно переспросил он. Она заколебалась, словно боясь произнести вслух такое ужасное предположение, затем тихим голосом неохотно произнесла:

— Раздеваешь меня.

— И это тебя удивляет?

— Удивляет? Конечно. А почему это не должно меня удивлять? — спросила Элизабет, все больше сомневаясь в том, что говорила ей Люсинда.

Ян тихо сказал:

— А что тебе вообще известно о том, что происходит в постели между мужем и женой?

— Ты... ты хочешь сказать, имеет ли это отношение к появлению детей? — сказала она, цитируя его слова в тот день, когда они заключили соглашение о помолвке.

При этих словах у него на губах появилась нежная удивленная улыбка.

— Ну, полагаю, пока ты можешь называть это и так.

— Я знаю только то, что говорила мне Люсинда. — Ян молчал, ожидая дальнейших объяснений, и Элизабет неохотно добавила, — Она сказала, что в постели муж целует свою жену, и что в первый раз это больно, и что от этого появляются дети.

Ян разозлился на себя. Не нужно было спрашивать ее об этом до тех пор, пока он не научит ее заниматься любовью, не испытывая при этом девического стыда. Стараясь говорить как можно мягче, он сказал:

— Ты очень умная молодая женщина, любовь моя, и совсем не похожа на эту старую деву — твою бывшую дуэнью. А теперь скажи мне честно: неужели ты веришь, что человек живет по иным законам природы, чем весь живой мир на земле?

Его пальцы снова скользнули к атласным лентам, которые придерживали рубашку, и развязали их.

Ян почувствовал, как она дрожит в его руках, и обнял ее, чтобы унять дрожь.

— Я обещаю тебе, — прошептал он, мысленно проклиная Люсинду

Трокмортон-Джонс, — что ты не найдешь ничего отвратительного в том, что произойдет между нами в этой постели. — Понимая, что пребывание в неизвестности для нее еще хуже, чем сама действительность, он наклонился и задул прикроватные свечи.

Когда он стал снимать с нее рубашку, Элизабет вздрогнула от его прикосновения, и он понял, какую бурю чувств она должна сейчас испытывать. Крепче сжав руками ее плечи, он тихо сказал,

— Если бы я хоть на секунду мог представить, что для тебя все будет сюрпризом, я бы объяснил тебе это еще несколько недель назад.

Как ни странно, но то, что Ян готов был рассказать ей правду, в то время как Люсинда и все остальные тщательно скрывали ее, вызвало у Элизабет чувство благодарности и доверия к нему. Она напряженно кивнула и подождала, пока он снимет с нее рубашку, потом нырнула в постель и зарылась в простыни, уговаривая себя не впадать в панику.

Ян не предполагал, что их первая брачная ночь начнется таким образом, и потому, раздеваясь при слабом свете единственной зажженной свечи в дальнем конце комнаты, надеялся хотя бы закончить ее так, как намеревался. Элизабет почувствовала, как кровать прогнулась под его весом, и постаралась уместить свое тело на самом краешке. Он повернулся на бок и, приподнявшись на локте, дотронулся рукой до ее щеки.

Ян молчал, и Элизабет открыла глаза, глядя прямо перед собой, пытаясь свыкнуться с мыслью, что лежит обнаженная рядом с таким же обнаженным мужчиной.

Все ее существо превратилось в один комок противоречивых чувств. Одна часть ее существа прокручивала в уме предупреждения Вордсворта, а другая твердила ей, что ее неведение относительно супружеских обязанностей не освобождает ее от выполнения условий сделки, но так или иначе, она чувствовала себя одураченной.

Лежа рядом с ней, Ян стал тихо поглаживать ее руку, прислушиваясь к ее частому дыханию.

— Теперь я понимаю, чего ты ожидал от нашей сделки и какие права я предоставила тебе этим утром. Наверное, из-за того, что я не знаю, как... ты считаешь меня самой невежественной женщиной на земле...

— Не говори так, дорогая! — сказал Ян, и Элизабет услышала мольбу в его голосе, она почувствовала ее и тогда, когда он закрыл ее рот мягким настойчивым поцелуем и не отпускал ее губ, пока не получил ответа. Только после этого он заговорил снова, с ударением произнося каждое слово: — Это не имеет никакого отношения к правам — ни к тем, которые ты предоставила мне нашим соглашением, ни к тем, которые я получил при

венчании. Если бы мы поженились в Шотландии, то произнесли бы старинную клятву. Знаешь, какие слова мы сказали бы и какие обещания дали друг другу, если бы находились там, а не здесь сегодня утром? -

Он положил ладонь ей на щеку, словно стараясь смягчить жесткость своего тона, и когда Элизабет взглянула в его суровое, но такое любимое лицо, вся ее застенчивость и страхи вдруг испарились.

— Нет, — ответила она.

— Я сказал бы тебе, — тихо и без смущения сказал он, — я и мое тело боготворим тебя.

Он произнес эти слова, как клятву, и у Элизабет вдруг защипало глаза.

Спрятав лицо в его ладони, она поцеловала ее и накрыла своей. Мучительный стон вырвался из его груди, и он припал к ее рту горячим и нежным поцелуем, раздвигая языком податливые губы. Ее руки скользнули ему на плечи, и Ян притянул ее к себе, прижав всем телом и двигая языком в том безошибочно узнаваемом ритме, который заставил Элизабет в неожиданном всплеске страсти сильнее к нему прижаться.

Он перекатил ее на спину и стал ласкать ее груди, пробуя руками их полноту и дразняще играя сосками, пока они гордо не уперлись ему в ладонь. Он оторвался от ее рта, и Элизабет забыла себя, когда он провел губами по ее шее и зарылся лицом в ее груди, а потом его губы сомкнулись вокруг ее напрягшегося соска. Она застонала, вцепилась руками ему в волосы и беспомощно изогнулась в дугу, не зная, как избавиться от этой мучительно-сладкой боли, а он продолжал гладить ее тело, опалая своими прикосновениями ее кожу и пробуждая в ней ни с чем не сравнимые ощущения.

Он поцеловал ее плоский живот, обхватил руками бедра, и его губы скользнули ниже, к волнистому треугольнику внизу живота. Элизабет слишком поздно догадалась, что он собирается сделать, и в панике попробовала оттолкнуть его. Он на мгновение застыл в нерешительности, потом быстро поцеловал ее туда и, поднявшись, снова припал к ее губам бесконечным опьяняющим поцелуем.

Элизабет подумала, что сейчас он ее возьмет, но поцелуй все продолжался, полный невысказанных обещаний и дикого желания. Перекатившись на бок, Ян перевернул ее вместе с собой и прижал к своим бедрам, давая ей почувствовать неистовость своего желания. Когда он отпустил ее губы, Элизабет тяжело дышала, вцепившись в его плечи, сердце ее билось как сумасшедшее, и снова она ждала с волнением и страхом, что сейчас он возьмет ее. Ян почувствовал ее возрастающее напряжение, но несмотря на то, что терпение его было на пределе, легонько

поцеловал ее в лоб и прошептал:

— Еще рано.

Элизабет с трудом открыла глаза, взглянула на него, и ее сердце забилося тяжелыми болезненными толчками: его лицо потемнело от страсти, но в глазах было столько же нежности, сколько и желания. Ей страстно захотелось подарить ему те же чудесные ощущения, которые испытывала сама, но она не знала, как это сделать. И она сделала то единственное, о чем знала наверняка, что это ему понравится: погладила его по щеке и, глядя прямо в глаза, прошептала:

— Я люблю тебя.

Его глаза потемнели, он ничего не сказал в ответ, а только взял ее ладонь и положил к себе на грудь. Его молчание разочаровало Элизабет, но мгновение спустя она поняла, что он сделал: он прижал ее руку к своему сердцу, чтобы она почувствовала его неистовое биение и поняла, что он сейчас так же взволнован, как и она. Она удивленно взглянула на него, и ей захотелось посмотреть на него по-настоящему: Элизабет опустила глаза к его широкой мускулистой груди, покрытой мягкими темными волосами. В бледном свете свечи его кожа блестела, как отполированная бронза, под которой чувствовались твердые, как камень, мускулы.

Элизабет подумала, что он невероятно красив. Ей захотелось дотронуться до него, и она нерешительно подняла на него глаза.

— Да, — хрипло прошептал Ян, и она поняла, что ему до смерти хочется, чтобы она его потрогала. Эта мысль наполнила ее радостью и гордостью, когда она провела руками по его плечам и груди, чувствуя, как вздрагивают его мышцы от ее легких, как перышко, прикосновений. Она подумала, какая атласная у него кожа, и дотронулась до нее губами, потом осмелела и поцеловала сосок, осторожно провела по нему языком и почувствовала, как он резко затаил дыхание, крепче обхватив ее спину. Элизабет была так поглощена удовольствием, которое получала, доставляя ему наслаждение своими слабыми томными поцелуями, что прошло несколько секунд, прежде чем она вдруг осознала, что его рука уже не водит по ее гладкому бедру, а настойчиво гладит ее между ног.

Элизабет инстинктивно свела ноги и в панике подняла на него испуганные глаза.

— Пожалуйста, дорогая, — ласково прошептал Ян, обжигая ее своим взглядом, пока его пальцы поглаживали ее, играя вьющимися волосами. — Не закрывайся от меня.

Уткнувшись лицом ему в грудь, Элизабет прерывисто вздохнула и заставила себя подчиниться. Поглаживание продолжалось, становясь все

более интимным, и она застонала — но не от боли и унижения, а от нахлынувшего на нее наслаждения.

Она крепче обхватила его руками, и его палец проскользнул глубже в ее влажное тепло.

— Я люблю тебя, — не помня себя, прошептала она ему в шею.

Повернув ее на спину, он накрыл ее рот своим. Когда ее бедра начали инстинктивно двигаться в такт движениям его руки, он убрал руку, приподнял их и вошел в нее.

— Сейчас тебе будет больно, любимая, но иначе невозможно. Если бы я мог взять на себя твою боль, я сделал бы это.

Она не отвернула лицо и не попыталась высвободиться, а улыбнулась со слезами на глазах и прошептала:

— Знаешь, как долго я ждала от тебя слова «любимая»? У него болезненно сжалось горло.

— Сколько? — хрипло спросил он.

Положив руки ему на плечи, Элизабет приготовилась к любой боли, которую ей придется испытать и приближение которой она чувствовала по его возросшему напряжению.

— Два года. Я ждала и жд...

Ее тело дернулось и из груди вырвался резкий вскрик, но боль почти тут же прошла, и он вошел в нее глубже, пока она не наполнилась вся его жаром и силой и не забылась, отдавшись прекрасным ощущениям, которые будили в ней его медленные глубокие движения. Поддавшись чистому инстинкту и силе своей любви,

Элизабет стала невольно подстраиваться под его движения, двигая бедрами ему в такт и доводя его этим почти до неистовства. Ян держался из последних сил, чтобы не дать себе расслабиться до тех пор, пока она не достигнет пика наслаждения, но это давалось ему нелегко, поскольку юная искусительница инстинктивно распаляла в нем желание, ритмично сжимаясь вокруг него своей теплой влажностью.

Элизабет вдруг почувствовала, как в ней поднимается что-то дикое и примитивное — разбегаясь по венам, пронизывая все ее тело. Голова ее откинулась на подушке, она ждала и жаждала этого нового неизведанного чувства — каким бы оно ни было. Он продолжал входить в нее снова и снова... а потом наступил взрыв, который заставил ее приподняться и закричать.

Ян откинулся и, переждав немного, стал входить в нее короткими резкими толчками в такт спазмам, сотрясающим ее тело, и в ту же секунду, как они утихли, он вошел в нее во всю длину, изливаясь в нее и не понимая,

что протяжный стон, который он слышал, был его собственным. Его тело начало содрогаться, и он обхватил ее и прижался к ее щеке, дыхание его стало частым и тяжелым, сердце билось как сумасшедшее, пока его жизнь сливалась с ее жизнью.

Когда силы вернулись к нему, он перекатился на бок, все еще не отпуская ее. Ее волосы шелковым водопадом упали ему на грудь, и он дрожащей рукой отвел их от ее лица, мысленно благословляя ее за беззаветную нежность и страсть.

Через несколько минут Элизабет пошевелилась в его руках, и он приподнял ее лицо за подбородок и заглянул в глаза.

— Говорил я тебе когда-нибудь, что ты изумительная? Она покачала головой, но потом вдруг вспомнила, что он уже называл ее однажды изумительной, и от этого воспоминания жгучие слезы защипали ей глаза.

— Ты говорил мне это, — поправилась она, проводя пальцами по его плечу, чувствуя, что не в силах перестать дотрагиваться до него. — Ты говорил мне это, когда мы были...

— В домике лесника, — закончил он за нее, тоже припоминая этот момент.

В ответ она упрекнула его, что тогда он вел себя так, словно считал изумительной и Черайз Дюмонт, и в который уже раз Ян пожалел об упущенном времени... сколько дней и ночей она могла бы быть в его объятиях, как сейчас.

— Знаешь, чем я занимался, когда ты ушла из домика лесника? — Она покачала головой, и он невесело усмехнулся: — Я провел время в мечтах о предстоящем вечере... Тогда я, конечно, не знал, что пройдет два года... — Он натянул на нее простыню, чтобы она не замерзла, и продолжил все тем же тихим ласковым голосом: — В тот день я так хотел тебя, что испытывал настоящую боль, когда смотрел, как ты застегиваешь платье. Хотя, — Ян усмехнулся, — за прошедшие четыре недели это состояние стало для меня почти привычным. Интересно, буду ли я по нему скучать.

— Что ты имеешь в виду? — спросила Элизабет, чувствуя что он совершенно серьезен, несмотря на свой легкомысленный тон

— Агонию неудовлетворенной страсти, — объяснил он, поцеловав ее в лоб, — которую я испытывал оттого, что постоянно хотел тебя.

— Хотел меня? — Элизабет вскочила так резко, что чуть не спихнула его, и безотчетно прикрылась простыней. — Так это... то, чем мы сейчас занимались, то есть, я хочу сказать...

— Шотландцы называют это «заниматься любовью», — ласково перебил ее Ян. -

В отличие от большинства англичан, которые предпочитают называть это

«выполнением супружеского долга», — с ядовитой усмешкой добавил он.

— Да, — отсутствующе подтвердила Элизабет, думая о том, что он хотел ее так сильно, что это причиняло ему физическую боль, — но неужели ты имел в виду это, когда столько раз говорил, что хочешь меня?

Его чувственные губы изогнулись в полуулыбке.

— Да.

Щеки ее порозовели, и, несмотря на старание сохранить строгость, в глазах ее зажглись смешливые огоньки.

— И в тот день, когда мы заключали сделку и ты сказал, что у меня есть нечто, чего ты очень хочешь, безумно хочешь... ты говорил об этом?

— Ну, помимо всего прочего, и об этом, конечно, — согласился

Ян, погладив ее пылающую щеку.

— Если бы я знала об этом тогда, — сказала Элизабет, улыбнувшись сожаляющей улыбкой, — я бы непременно потребовала дополнительных уступок.

Его неприятно поразила мысль, что, зная о своей власти над ним, она попыталась бы сделать условия сделки более жесткими. — И каких же уступок ты потребовала бы? — спросил он, тщательно следя, чтобы его лицо не отражало никаких эмоций. Она прислонилась щекой к его плечу и обвила руками его шею — Я бы сократила срок помолвки, время ухаживания и брачной церемонии.

Ее сердечная прямота породила в нем новый всплеск нежности гордости за эту женщину, не склонную к фальшивой стыдливости. Ян бережно обнял ее, глядя ей в глаза с радостным удовлетворением. Он понял, что она редкая и необыкновенная, в первые же минуты, как встретил ее, а через несколько часов уже знал, что она все, о чем он мечтал. Страстная и скромная, умная и чувственная, он любил в ней все эти качества, но больше всего восхищался качеством, которое открыл много позже — ее мужеством. Он так гордился отвагой, с какой она каждый раз поднималась навстречу противнику, даже когда этим противником был он сам. Если бы не это, Элизабет была бы потеряна для него уже давным-давно, потому что сделала бы то, что делают все другие женщины: она уцепилась бы за первого попавшегося мужчину, который был бы ей не противен, и переложила на него свои жизненные тяготы. Ею Элизабет не сделала этого, она попыталась самостоятельно справиться с денежными и жизненными проблемами. Эта мысль напомнила ему о ее бережливости, и

он тут же решил, что бережливость — одно из самых очаровательных и удивительных ее качеств.

— О чем ты думаешь? — спросила она.

— Я думаю, какой я умный, что с первых минут догадался, какое ты сокровище.

Элизабет засмеялась, посчитав эти слова откровенной лестью.

— И когда же ты обнаружил это?

— Наверное, тогда, когда ты посочувствовала Галилею, — задумчиво ответил

Ян.

Элизабет не ожидала, что он отметит ее ум, а не внешность.

— Правда? — с нескрываемым удовольствием спросила она. Он кивнул, с любопытством наблюдая за ее реакцией.

— А ты что думала?

Она неуверенно пожала плечами.

— Я думала, ты скажешь, что сначала заметил мое лицо. Оно всегда вызывает у людей экстраординарную реакцию, — с неудовольствием вздохнула Элизабет.

— Интересно, почему, — усмехнулся Ян, любясь лицом, которое считал невероятно красивым и которое принадлежало женщине, лежащей перед ним как непорочная золотоволосая богиня.

— Я думаю, это из-за глаз. Они у меня необычного цвета

— Теперь я это вижу, — поддразнил он ее, потом сказал более серьезным тоном, — но когда я встретил тебя в саду, меня очаровало отнюдь не твое лицо — по той простой причине, что я не мог его видеть.

— Прекрасно мог. Я же видела твое, хотя и было темно.

— Да, но я стоял под фонарем, а ты пряталась в тени. Я, конечно, мог разглядеть, что у тебя правильные черты лица, так же, как был в состоянии оценить и другие твои достоинства, с которыми тоже все в порядке, но, боюсь, что это все, что было доступно моему взору. А потом, вечером, я увидел тебя, когда ты спускалась по лестнице. Я был так поражен, что едва не выронил из рук бокал. Ее счастливый смех тихой музыкой разнесся по комнате.

— Элизабет, — сухо сказал он, — я не такой дурак, чтобы одно только красивое личико могло свести меня с ума, а тем более заставить жениться, этого недостаточно даже для того, чтобы вызвать сильное плотское влечение.

Она увидела, что он совершенно серьезен, и перестала смеяться.

— Спасибо, — тихо сказала она, — это самый лучший комплимент,

который вы могли мне сделать, милорд.

— Только не называй меня милордом, — сказал Ян все так же серьезно, — если только в самом деле не имеешь этого в виду. Мне не нравится, когда ты напоминаешь мне о моем титуле.

Элизабет прильнула щекой к его крепкой груди.

— Как вам угодно, мой господин.

Больше Ян уже не мог выдержать. Он перекатил ее на спину и жадно набросился на нее, заявляя свои права и руками, и всем телом.

— Я еще не слишком утомил тебя, дорогая? — прошептал Ян несколькими часами позже.

— Да, — ответила Элизабет, обессилено прижимаясь щекой к его плечу. — Но я слишком счастлива, чтобы сейчас уснуть.

Ян чувствовал то же самое, но считал себя обязанным предложить ей хотя бы попытаться уснуть.

— Ты пожалеешь об этом, когда утром нам надо будет выйти к завтраку, — сказал он, смеясь и придвигая ее к себе ближе.

К его удивлению, это замечание вызвало легкие морщинки на ее гладком лбу.

Она подняла к нему лицо и открыла рот, словно собираясь задать вопрос, но потом передумала и поспешно отвела взгляд.

— Что такое? — спросил он, беря ее за подбородок и поворачивая лицом к себе.

— Когда утром мы сойдем вниз, — сказала она с забавным смущением на лице,

— ...все будут знать, чем мы занимались сегодня ночью?

Она думала, что он постарается уклониться от ответа.

— Да, — вопреки ее ожиданиям, прямо ответил Ян.

Она кивнула, смиряясь с этой мыслью, и повернулась в его руках.

— Спасибо, что сказал правду.

— Я всегда буду говорить тебе правду, — тихо пообещал он, и она поверила ему.

Ей вдруг пришло в голову, что прямо сейчас, когда он только что дал обещание, она может спросить, имеет ли он отношение к исчезновению Роберта. И так же быстро, как эта мысль мелькнула у нее в мозгу, она с ужасом отвергла ее.

Она не осквернит их брачное ложе этими отвратительными беспочвенными подозрениями, которые внушил ей человек, определенно имеющий зуб на шотландцев.

Сегодня утром она приняла сознательное решение довериться ему и

выйти за него замуж, и теперь должна держать свою клятву любить и почитать его — тем более что у нее не было ни малейшего желания нарушать ее.

— Элизабет?

— М-м-м?

— Раз уж мы заговорили о правде, я хочу сделать тебе признание. Ее сердце глухо ударило по ребрам, и она напряженно застыла в его объятиях.

— Какое? — тихо и испуганно спросила она.

— Соседняя комната через дверь вовсе не является твоей спальней. Там ты можешь переодеваться и совершать утренний туалет. Видишь ли, я не одобряю английский обычай, когда жены спят отдельно от мужей. — Увидев ее обрадованное лицо, он улыбнулся. — Я счастлив видеть, — сказал он, целуя ее в лоб, — что в этом вопросе у нас нет разногласий.

Глава 31

В первые же недели после свадьбы Элизабет, к своему удовольствию, обнаружила, что может задавать Яну любые вопросы и что он ответит ей на них так подробно, как только она пожелает. Он ни разу не заговорил с нею свысока и не отмахнулся от ее вопроса на том основании, что этот предмет не должен интересовать женщину или, еще хуже, что он недоступен женскому пониманию.

Элизабет ужасно льстило, что он признавал ее ум, особенно после двух потрясающих открытий, которые она сделала.

Первое случилось через три дня после свадьбы, когда они оба решили провести вечер дома, за чтением.

После ужина Ян сходил в библиотеку и принес в гостиную свою книгу — тяжеленный том с каким-то непонятным названием. Элизабет взяла себе «Гордость и предубеждение», которую давно мечтала прочитать, зная, какой фурор произвела она в свете нестандартным подходом автора к отношениям между мужчиной и женщиной. Поцеловав ее в лоб, Ян расположился рядом с ней в кресле. Их разделял небольшой столик, он протянул руку, соединил свои пальцы с ее и открыл книгу.

Элизабет подумала, как уютно сидеть вот так, с ним рядом, соединив руки и читая книгу. И она нисколько не возражала против того, что переворачивать страницы ей приходилось одной рукой.

Вскоре она так увлеклась романом, что только через полчаса вдруг заметила, как быстро Ян переворачивает страницы. Краем глаза она стала наблюдать за ним и увидела, что, скользнув взглядом по обеим страницам листа, он тут же переворачивает его.

— Вы читаете книгу, мой господин, или только притворяетесь, чтобы мне не было скучно одной?

Он оторвал взгляд от книги, и Элизабет уловила на его загорелом лице какое — то странное нерешительное выражение. Тщательно взвешивая каждое слово, он медленно произнес:

— Видишь ли... у меня есть одна способность... я могу читать очень быстро.

— О-о, — засмеялась Элизабет, — надо же, как тебе повезло. Но что-то я никогда не слышала о такой необычной способности. По его лицу расплзлась очаровательная ленивая улыбка, и он сжал ее руку.

— Она не так необычна, как твои глаза.

Элизабет считала как раз наоборот, но, будучи не совсем уверена, решила оставить этот предмет. На следующий день она обнаружила и другие способности своего мужа, которые полностью затмили его способность к быстрому чтению. По настоянию Яна она разложила на письменном столе расходные книги Хэвенхерста, чтобы рассчитать бюджет на следующий квартал, и к ленчу у нее зарябило в глазах от длинных колонок цифр. Элизабет отнесла это на счет того, что посреди ночи Ян разбудил ее, чтобы заняться любовью. Уже в третий раз она выводила итог длинной колонки расходов и в третий раз получала другую сумму. Она была так расстроена этим обстоятельством, что не заметила, как в комнату вошел Ян, и обнаружила его присутствие только тогда, когда он наклонился над ней и положил руки ей на плечи.

— Проблемы? — спросил он, целуя ее в макушку.

— Да, — ответила она, взглядывая на часы и понимая, что через несколько минут к Яну нагрянут деловые партнеры. Объяснив ему, в чем проблема, она стала торопливо собирать бумаги, чтобы очистить его стол.

— Ты представляешь, последние сорок пять минут я занималась тем, что складывала одни и те же четыре колонки, чтобы поделить их на восемнадцать слуг, которые работали раньше, и умножить на сорок, которые будут у нас теперь, и затем получившийся итог разделить на четыре квартала. Таким образом я смогла бы получить реальную стоимость содержания нашего возросшего штата. Но я даже не смогла сосчитать эти четыре несчастные колонки — у меня каждый раз получался разный результат. Завтра придется начать все сначала, — раздраженно закончила она, — и, похоже, у меня уйдет на это целая вечность. — Засунув листки с расчетами в книгу, Элизабет хотела захлопнуть ее, но Ян остановил ее руку.

— Какие там у тебя были цифры? — спокойно спросил он, с удивлением отметив рассерженное выражение ее лица.

— Вот эти колонки слева. Но это не имеет значения, я посчитаю завтра. -

Элизабет задвинула стул, уронила два листка бумаги и наклонилась, чтобы поднять их. Они залетели под подставку для ног, и, все больше раздражаясь, она копошилась под столом, пытаясь достать их.

— Триста шестьдесят четыре фунта, — услышала она над собой голос Яна.

— Прости? — сказала она, выныривая из-под стола с проклятыми листками.

Он нацарапал цифры на клочке бумаги.

— Триста шестьдесят четыре фунта.

— Не смейся надо мной, — с усталой улыбкой проговорила она. — Да и вообще,

— она поцеловала его в щеку, с удовольствием вдыхая запах его одеколона, — мне нравится делать расчеты. Просто сегодня я немного не выспалась, потому что...

мой муж разбудил меня среди ночи.

— Элизабет, — нерешительно начал Ян, — дело в том, что и... — Он замолчал и покачал головой, но, поскольку Шипли уже стоял в дверях, чтобы объявить о приходе посетителей, Элизабет не стала уточнять, что он хотел сказать.

До следующего утра.

Чтобы не занимать его кабинет и не нарушать график его работы, Элизабет расположилась с бумагами в библиотеке. Сегодня она чувствовала себя свежей и отдохнувшей, поэтому дело продвигалось хорошо, и примерно через час она получила и дважды перепроверила цифру, которую так безуспешно искала вчера.

Убедившись, что полученный итог составляет триста шестьдесят четыре фунта, она улыбнулась и попыталась вспомнить, какую цифру назвал вчера Ян. так и не вспомнив, она порылась в бумагах и наконец между страницами книги нашла клочок бумаги, на котором была написана полученная им цифра.

Элизабет долго переводила ошарашенный взгляд со своего листка на листок Яна, который бессознательно стиснула в руке. Триста шестьдесят четыре фунта.

Она не могла определить для себя чувство, которое при этом испытала, но тело ее охватила странная дрожь. В течение нескольких секунд он подсчитал итог, на который она потратила как минимум час.

Она все еще стояла с бумагами в руках, когда в библиотеку оглянул Ян, чтобы пригласить ее покататься верхом.

— Никак не получишь правильный ответ, дорогая, — сочувственно улыбнулся он, неверно истолковав причину ее настороженного взгляда.

— Нет, я уже сосчитала, — сказала Элизабет, и в голосе ее невольно прозвучало обвинение. Она подошла и протянула ему листки, которые держала в руках. — Но мне хотелось бы знать, — продолжила она, не отрывая от него взгляда, — как это ты получил ют же самый ответ в течение нескольких секунд.

Улыбка сползла с его лица, и он засунул руки в карманы, проигнорировав ее протянутую руку с листками бумаги.

— Этот ответ мне дать сложнее, чем тот, что я написал тебе вчера на

бумажке....

— Ты действительно можешь это делать: считать такие цифры в уме? За одну секунду?

Он коротко кивнул. Элизабет продолжала с опаской смотреть на него, как на какое-то диковинное существо, и выражение его лица стало жестким. Холодным, отрывистым голосом он произнес:

— Я был бы тебе весьма признателен, если бы ты перестала смотреть на меня, как на ярмарочного уроды.

Элизабет открыла рот, изумленная его резким тоном и словами.

— Я и не смотрю.

— Нет, смотришь, — так же резко возразил он. — Именно поэтому я и не хотел тебе говорить.

Элизабет наконец поняла, как она должна выглядеть со стороны, и в раскаянии подошла к мужу.

— Я не знаю, что ты подумал, глядя на меня, но я чувствовала только удивление и благоговение.

— От тебя я хочу чего угодно, только не благоговения, — натянуто ответил Ян, и Элизабет с запозданием поняла, что как бы ни было ему безразлично отношение окружающих, ее отношение было для него очень важным. Быстро сообразив, что он, по-видимому, уже достаточно настрадался от реакции людей на свои необычные способности, Элизабет в растерянности закусил губу, не зная, что сказать. Так ничего и не придумав, она искоса бросила на него лукавый взгляд и спросила:

— Полагаю, ты считаешь почти так же быстро, как и читаешь?

— Не совсем, — коротко и сухо ответил он.

— Понятно, — легкомысленным тоном продолжала она. — В твоей библиотеке, наверное, около десяти тысяч книг. Ты их все прочитал?

— Нет.

Она задумчиво кивнула, но в глазах ее плясал восхищенный смех.

— Ну да, ведь последние несколько недель ты был очень занят, ухаживая за мной. Видимо, это и помешало тебе закончить последнюю пару тысяч. — Его лицо немного смягчилось, когда она весело спросила: — Но ты планируешь прочитать их все?

Элизабет с облегчением увидела, что он едва сдерживает улыбку.

— Я думаю приступить к этому на следующей неделе, — ответил Ян с притворной серьезностью.

— Достойное занятие, — согласилась она. — Надеюсь, ты не начнешь без меня. Мне бы хотелось посмотреть, как это будет выглядеть.

Ян наконец расхохотался, схватил жену в объятия и зарылся лицом в ее

душистые волосы, крепко прижимая к себе.

— Какими еще экстраординарными способностями вы обладаете, милорд? — прошептала она, обнимая его так же крепко, как он ее.

— У меня неплохо получается любить тебя, — прошептал он.

В последующие недели она получила доказательство этого в сотнях различных мелочей. Помимо всего прочего, Ян никогда не возражал против ее поездок в Хэвенхёрст. Для Элизабет, вся жизнь которой была связана с прошлым и будущим Хэвенхёрста, явилось неожиданностью осознание того, что ей жалко времени, которое ей приходилось проводить в Хэвенхёрсте, наблюдая за ведущимися там работами.

Чтобы тратить на это по возможности меньше времени, она начала брать домой сделанные архитектором наброски и советоваться по всем возникающим проблемам с мужем. Независимо от занятости Ян всегда находил для нее время. Они просиживали долгие часы, и Ян шаг за шагом объяснял ей, какие она получит результаты, предпочтя тот или иной вариант. Очень быстро Элизабет стало ясно, что он делает это исключительно ради нее и что это требует от него колоссального терпения, поскольку сам он мгновенно просчитывал все варианты в уме. С невероятной скоростью он передвигался от пункта А к пункту Я, не останавливаясь на промежуточных.

За исключением нескольких раз, когда она была вынуждена остаться в Хэвенхёрсте, все ночи они проводили вместе, и вскоре Элизабет поняла, что их первая брачная ночь была лишь небольшой прелюдией к его дикой, прекрасной, а временами примитивной и необузданной страсти. Иногда он был медлителен до бесконечности, заставляя ее испытывать все мыслимые чувственные удовольствия и доводя до того, что она сама умоляла его прекратить эту сладкую муку, а иногда, лишь слегка подготовив ее, с грубоватой нежностью набрасывался на ее тело.

Однажды Элизабет призналась ему, что никак не может решить, что ей больше нравится, и Ян тут же быстро взял ее, а потом много часов ласкал, чтобы ей легче было сравнить. Он научил ее не смущаться и открыто говорить о том, что ей нравится, и не бояться проявлять инициативу.

К концу лета они переехали в Лондон, хотя сезон еще не начался и в городе было еще пусто. Элизабет согласилась поехать в город, потому что думала, что так будет удобнее Яну, поскольку там жили большинство его деловых партнеров, а также потому, что там была Алекс. Ян поехал, потому что хотел, чтобы Элизабет от души насладилась новым для нее престижным положением в обществе, и потому что любил наряжать ее так, что она сверкала как бриллианты, которыми он осыпал ее. Ян знал, что для

нее он был чем-то вроде любящего благодетеля и мудрого учителя, но в последнем она ошибалась, потому что он тоже многому от нее научился. На собственном примере она научила его быть терпеливым со слугами и расслабляться, с ней он узнал, что после любви смех — одно из величайших удовольствий на свете, он даже научился проявлять терпимость к слабостям и недостаткам многих представителей светского общества.

В этом Элизабет настолько преуспела, что за считанные недели их стали считать самой приятной парой и приглашали на все благотворительные и светские мероприятия. На Брук-стрит в огромном количестве приходили приглашения, и они вместе, смеясь, придумывали причины отказа от большинства из них, так как Яну нужно было время для работы, а Элизабет могла найти себе более интересные занятия, чем посещение званных вечеров.

Яну отвертеться от приглашений было легче: все знали, что он вечно занят.

Элизабет же решила эту проблему, поддавшись уговорам наиболее влиятельных представителей светского общества, среди которых была и вдовствующая герцогиня Хостонская, и согласившись принять участие в благотворительном проекте по строительству больницы на окраине города, необходимость в которой давно назрела. К несчастью, комитет по сбору средств в пользу больницы, в который вступила Элизабет, большей частью увязал в обсуждении каких-то пустяковых проблем и очень редко принимал какое-нибудь решение. Элизабет бесконечно устала от этих бестолковых заседаний и наконец попросила Яна поприсутствовать как — нибудь на одном из них и поделиться своим опытом.

— И пожалуйста, — смеясь, предупредила она, получив его согласие, — обещаю тебе, что как бы тебе ни надоело слушать нудные пререкания по поводу каждой незначительной траты — я это обязательно будет — ты ни в коем случае не заявишь, что мог бы построить шесть больниц за то время, что они обсуждают этот пустяк.

— Ты думаешь, я мог бы? — с улыбкой спросил Ян.

— Уверена на сто процентов! — Она вздохнула. — Мне кажется, что даже собрав деньги со всей Европы, они все равно тряслись бы над каждым шиллингом, словно вытащили его из собственного ридикюля, и в результате попадут в долговую тюрьму.

— Ну, если даже тебя, с твоей страстью к экономии, они довели до такого состояния — должно быть, это та еще компания, — покачал головой Ян. Элизабет расхохоталась, но когда они приблизились к дверям гостиной,

где члены комитета пили чай из бесценного сервиза севрского фарфора, она повернулась к мужу и быстро сказала:

— И не вздумай похвалить голубую шляпку леди Уилтшир.

— А почему?

— Потому что это ее волосы.

— Да мне бы и в голову не пришло говорить про ее шляпку, — смеясь, запротестовал Ян.

— Можно подумать, я тебя не знаю! — прошептала Элизабет, пытаюсь нахмурить разлетующиеся в смехе брови. — Вдовствующая герцогиня рассказала мне, как вчера вечером ты похвалил пушистую собачку, которую держала на коленях леди Ширли.

— Леди, я следовал вашим же инструкциям и пытался быть милым с этой старой эксцентричной каргой. Почему я не должен был хвалить ее собачку?

— Да потому, что это ее новая меховая муфта, — очень редкая вещь, которой она страшно гордится. Ян и не подумал раскаиваться.

— Да на свете не бывает собак с таким паршивым мехом, Элизабет. Она всех вас обманывает, — пряча усмешку, серьезно добавил он.

Элизабет проглотила смех и умоляюще посмотрела на мужа:

— Обещай мне, что будешь с ними очень милым и очень терпеливым.

— Обещаю, — серьезно сказал Ян, но когда она взялась за ручку двери и открыла ее, близко наклонился к ее уху и прошептал: — А ты знаешь, что верблюд

— единственное животное, которое было создано не Богом, а комитетом?

Если члены комитета и удивились, когда известный своей холодностью и неприступностью маркиз Кенсингтонский вошел в гостиную с блаженной улыбкой мальчика из церковного хора, то они буквально раскрыли рты от изумления, увидев его жену, шедшую рядом с ним, закрыв руками смеющееся лицо, по которому стекали слезы.

Тревога Элизабет, что Ян намеренно или невольно оскорбит членов комитета, вскоре сменилась восхищением и изумлением. Ее муж в течение получаса сумел всех очаровать своей прелестной ленивой улыбкой и галантными комплиментами, хотя все эти полчаса они обсуждали, почем продавать шоколадки, пожертвованные Ганцером, — по пять или по шесть фунтов за коробку. Несмотря на его внешнюю любезность, Элизабет с беспокойством ждала, что сейчас он скажет, что купит эти чертовы шоколадки по десять фунтов за штуку, лишь бы они наконец оставили их в покое и перешли к следующему вопросу, в том, что именно эта фраза

вертелась у него на языке, она не сомневалась.

Однако ее беспокойство оказалось напрасным: Ян продолжал выказывать к обсуждению живейший интерес. Четыре раза комитет обращался к нему за советом, четыре раза он с улыбкой вносил дельные предложения, и четыре раза они не принимали их в расчет. Все четыре раза Ян никак не проявил своего недовольства и даже не показал, что он вообще заметил этот факт.

Дав себе слово щедро вознаградить мужа за такое ангельское терпение,

Элизабет подключилась к обсуждению и перестала следить за Яном. Через какое-то время она ненароком взглянула на него и задохнулась. Сидя напротив нее, он делал вид, что полностью поглощен обсуждаемым вопросом, а его взгляд не отрывался от ее полуобнаженной груди. По чуть приподнявшимся уголкам его губ она поняла, что он намеренно дал ей это заметить.

Очевидно, он считал, что оба они впустую тратят время, и решил немного развлечь ее, а может быть, специально хотел смутить — за то, что она подвергла его этой пытке. Элизабет приготовилась бросить на него уничтожающий взгляд, но в это время его взгляд оторвался от ее груди, медленно пропутешествовал вверх, к губам, и только после этого поднялся к ее сердито прищуренным глазам.

На строгий взгляд жены он ответил вызывающим поднятием бровей и откровенно чувственной улыбкой, после чего его взгляд начал обратное путешествие вниз.

Леди Уилтшир возвысила голос и второй раз спросила Элизабет:

— Леди Торнтон, что вы думаете по этому поводу? Взгляд Элизабет переметнулся от провокационного лица мужа к леди Уилтшир.

— Я... я согласна, — ответила она, не имея ни малейшего представления, с чем соглашается. В следующие пять минут она успешно противостояла притяжению ласкающего взгляда Яна и даже ни разу не взглянула на него, но когда комитет снова пустился в обсуждение шоколадного вопроса, украдкой посмотрела на мужа.

Он тут же перехватил ее взгляд и задержал, как загипнотизированная, она не могла оторваться от его ласкающих глаз, изнывая от сладкого томления. Ян прекрасно знал, что делает с ней его взгляд, и она злилась на себя за то, что была не в силах ему сопротивляться.

Заседание закончилось на полчаса позже намеченного срока, причем члены комитета беспрестанно напоминали друг другу, что следующее заседание состоится у леди Уилтшир. Как только за ними закрылась дверь,

Элизабет развернулась к своему закаменевшему в грехе мужу.

— Бессовестный! Как ты мог? — Она открыла рот, чтобы продолжить гневный монолог, но Ян запустил руки ей в волосы и заглушил обвинительную речь горячим поцелуем.

— Я еще не простила тебя, — сказала она часом позже, когда они лежали в постели. Глубокий бархатный смех послужил ей ответом.

— Нет?

— Абсолютно. Я еще отомщу тебе.

— Думаю, ты уже сделала это, — ответил Ян, делая вид, что не понимает, о чем она говорит.

Вскоре после этого они вернулись в Монтмэйн, чтобы провести сентябрь за городом, где было прохладнее. Для Яна жизнь с Элизабет стала сбывшейся мечтой, и даже более. Ему было так хорошо с ней, что он постоянно отгонял от себя суеверный страх, что это продлится недолго, и убеждал себя, что страх этот вызван только тем, что два года назад судьба уже отняла ее у него. Но в глубине души он знал, что причина не только в этом. Его детективы еще не нашли Роберта, и потому он жил в каждодневном страхе, что ее расследование окажется более успешным. И не мог решиться открыть ей свою вину перед ней и ее братом, зная, как трудно будет вымолить у нее прощение — и за то, что похитил ее брата, и за то, что женился на ней, утаив от нее правду.

Умом он понимал, что, посадив Роберта на борт «Арианны», он избавил молодого человека от гораздо худшей участи, которая ждала его, окажись он в руках правосудия. Но теперь, не зная, что с ним случилось, он не мог быть уверен, что Элизабет увидит его действия в таком свете. Он и сам теперь смотрел на них иначе — после того, как узнал, что родители Элизабет давно умерли и что Роберт был единственной ее надеждой.

Чувство страха, которое Ян презирал больше всего на свете, стало неизменным спутником его любви к Элизабет, и в конце концов он уже сам начал желать, чтобы все наконец обнаружилось и он смог бы признаться ей во всех грехах и внести в свою жизнь определенность: либо она простит его, либо вычеркнет из своей жизни. Он понимал, что думать так — полное безрассудство, но ничего не мог с собой поделать. Он нашел сокровище, которым дорожил больше всего на свете, он нашел Элизабет, и любовь к ней сделала его еще более уязвимым, чем гибель его семьи. Над ним постоянно висела угроза потерять ее, и Ян уже начал задаваться вопросом, как долго он сможет выдержать эту неопределенность.

Пребывая в счастливом неведении, Элизабет любила его безоговорочно и беззаветно, и чем больше она убеждалась в его любви, тем

более смелой и любящей становилась. Когда она замечала, что его лицо вдруг мрачнело по какой-то необъяснимой причине, то пыталась расшевелить его ласковым поддразниванием или поцелуями, и если это не помогало, дарила ему маленькие подарки — букет цветов из Хэвенхёрстского сада или просто розу, которую засовывала ему за ухо или оставляла на подушке.

— Может быть, мне прибегнуть к вашему же способу и закупить вам драгоценностей, чтобы заставить вас улыбнуться, милорд? — пошутила как-то она, к этому времени они были женаты уже три месяца. — Теперь я понимаю, как люди начинают сходить с ума от любви.

К ее удивлению, он схватил ее и так крепко сжал в своих объятиях, что чуть не задушил.

— Я не потерял к тебе интерес, если ты это предположила, — сказал он.

Элизабет немного отстранилась, изумленная его неожиданной горячностью, и продолжила в том же шутливом тоне:

— Ты в этом уверен?

— Совершенно.

— Ведь ты не стал бы обманывать меня, правда? — с напускной серьезностью спросила она.

— Ни за что, — серьезно ответил он, прекрасно понимая, что утаивать от нее правду — все равно что обманывать ее.

Элизабет чувствовала, что мужа что-то тревожит, и чем дальше, тем больше, но и представить себе не могла, что имеет к этому хотя бы отдаленное отношение.

Она часто вспоминала о Роберте, но со дня своей свадьбы ни разу, ни на одну секунду не позволила себе думать об обвинениях мистера Вордсворта. Помимо того, что ей это было просто неприятно, она больше не верила даже в малейшую вероятность его правоты.

— Завтра мне нужно ехать в Хэвенхёрст, — с сожалением сказала Элизабет, когда Ян наконец отпустил ее. — Каменщики уже приступили к ремонту дома и моста, и завтра начнутся ирригационные работы. Если я останусь на ночь, то потом смогу не появляться там недели две.

— Я буду скучать по тебе, — тихо сказал Ян, но в его голосе не прозвучало и тени обиды и он не сделал попытку уговорить — отложить поездку. Он соблюдал их соглашение с такой щепетильностью, что Элизабет не могла им не восхищаться.

— Но не так, как буду скучать я, — прошептала она, целуя уголки его губ.

Глава 32

Элизабет медленно шла по тропинке от служебных построек Хэвенхёрста к дому, просматривая список выполненных работ. Высокая зеленая ограда отделяла служебные постройки от дома, и потому отсюда не было видно каменщиков, которые сейчас отделяли основные помещения. Элизабет услышала позади себя шаги, но прежде чем она успела повернуться или вообще как-то среагировать, кто-то обхватил ее за талию и потащил назад, мужская рука закрыла ей рот, заглушив испуганный протестующий вскрик.

— Тише, Элизабет, это я, — произнес до боли знакомый голос. — Не кричи, хорошо?

Элизабет кивнула, и рука отпустила ее. Она повернулась и упала в объятия Роберта.

— Где ты был? — спросила она, смеясь и плача от радости. — Почему ты уехал, ничего не сказав мне? Тебя убить мало за то, что ты заставил меня так волноваться...

Он стиснул руками ее плечи, увлекая под деревья, глаза на изможденном лице умоляюще смотрели на нее.

— Сейчас не время для объяснений. Как стемнеет, приходи в беседку и, ради

Бога, никому не говори, что видела меня.

— Даже Бентнеру?

— Никому! Мне нужно уйти отсюда, пока меня не увидел кто-нибудь из прислуги. В сумерках я буду в беседке возле твоей любимой вишни.

Крадучись, он пошел по тропинке, затем огляделся по сторонам и исчез в кустах. .

У Элизабет осталось такое чувство, словно эта встреча ей пригрезилась.

Ощущение нереальности не оставляло ее весь день, пока она нервно ходила по гостиной, время от времени поглядывая на солнце, которое никак не хотело уходить с небосклона. Ей было непонятно, почему Роберт боялся встречи даже с их старым верным дворецким. Очевидно, у него какие-то неприятности, возможно, даже с властями. Если так, она попросит помощи или совета у Яна. Роберт ее брат, и она любит его, несмотря на все его недостатки, Ян должен ее понять. Возможно, когда-нибудь они смогут относиться друг к другу как родственники — хотя бы ради нее.

С наступлением сумерек Элизабет украдкой вышла из собственного дома.

Роберт сидел, прислонившись к старой вишне, и мрачно рассматривал свои дырявые разбитые ботинки. Увидев Элизабет, он быстро вскочил на ноги.

— Ты не захватила чего-нибудь поесть? Она поняла, что утром не ошиблась, предположив, что он голодает, теперь она ясно видела — брат на грани истощения.

— Да, но я смогла взять только хлеб и сыр, — объяснила она, доставая сверток из складок широкой юбки. — Я не могла вынести из дома больше, не возбуждая при этом подозрений. Роберт, — Элизабет не дала отвлечь себя такими прозаичными вещами, как еда, — где ты был, почему бросил меня одну и что...

— Я не бросал тебя, — яростно выкрикнул он. — Это твой муж похитил меня через неделю после нашей дуэли и посадил на один из своих кораблей. Я должен был умереть.

Боль пронзила все ее тело, но поверить такому она не могла.

— Не говори мне этого, — закричала она, отчаянно замотав головой. — Нет, он не мог...

Роберт лязгнул челюстями, задрал рубашку и повернулся к ней спиной.

— Вот один из сувениров, которые он мне оставил. Вопль ужаса застрял у нее в горле, и она зажала рот кулаком, пытаясь удержать крик. Ей казалось, что сейчас ее стошнит.

— О Боже, — простонала она, тяжело дыша и глядя на ужасные рубцы, которыми был покрыт почти каждый дюйм исхудавшей спины Роберта. — О Боже. Боже.

— Только не падай в обморок, — сказал Роберт, успокаивающе стиснув ее руку. — Тебе нужно быть сильной, чтобы он не смог совершить новых злодеяний.

Элизабет села на траву и уткнулась лицом в колени, беспомощно качаясь взад-вперед.

— О Боже, — бесконечно повторяла она, в глазах ее по-прежнему стояла исполосованная спина Роберта. — О Боже.

Сделав несколько долгих глубоких вдохов, Элизабет наконец заставила себя успокоиться. Все сомнения, предупреждения, догадки сразу соединились в ее мозгу, материализовавшись в конкретное доказательство — изуродованную спину

Роберта, и ледяной холод объял ее, лишив всех чувств, кроме боли. Ян

был ее возлюбленным, и она была возлюбленной Яна, и вот теперь она узнала, что лежала в объятиях мужчины, который так ужасно поступил с ее братом и все это время скрывал от нее правду.

Оперевшись рукой о дерево, Элизабет встала, с трудом держась на слабых ногах.

— Расскажи мне, — хриплым голосом попросила она.

— Рассказать, почему он это сделал? Или рассказать о тех месяцах, когда я гнил в его шахте, добывая уголь? Или рассказать о своем побеге, который закончился побоями?

Элизабет стиснула руки, они были холодными и онемевшими.

— Расскажи мне, почему, — надтреснутым голосом сказала она.

— Ты хочешь, чтобы я объяснил тебе, какими мотивами руководствуется сумасшедший? — злобно прошипел Роберт, но потом огромным усилием воли взял себя в руки. — У меня было целых два года, чтобы подумать над этим, и все-таки я не мог понять, что его к этому побудило, и только когда я узнал, что он женился на тебе, все стало ясным как день. Он пытался убить меня на Маблемарской дороге после нашей дуэли. Ты знаешь об этом?

— Я наняла детектива, чтобы найти тебя, — сказала она, кивая в знак того, что ей известно об этом, и не замечая, что Роберт стал еще бледнее. — Но они сказали, что это ты пытался убить его.

— Чушь собачья!

— Это было только предположение, — признала она. — Но зачем было Яну убивать тебя?

— Зачем? — фыркнул он, жадно отрывая куски хлеба и запихивая их в рот,

Элизабет наблюдала за ним с тяжелым сердцем. -

Во-первых, потому что я стрелял в него на дуэли. Но не только поэтому. Я расстроил его планы, когда обнаружил его в оранжерее. Он знал, что занесся слишком высоко, когда пытался соблазнить тебя, но я поставил его на место. А ты знаешь, — он резко засмеялся, — что после этого эпизода многие повернулись к нему спиной? Очень многие, я сам слышал об этом перед тем, как он упрятал меня в трюм своего корабля.

Элизабет издала долгий, прерывистый вздох.

— Что ты собираешься предпринять?

Роберт откинул назад голову и закрыл глаза, вид у него был измученный.

— Торнтон убьет меня, если узнает, что я еще жив, — с абсолютной убежденностью сказал он. — Я не вынесу еще одного поражения, Элизабет.

Почти неделю я был на грани жизни и смерти.

Всхлип жалости и ужаса замер у нее на губах, и голос ее упал до шепота.

— Ты хочешь обратиться к властям?

— Я думал об этом. Я так жажду этого, что не могу спать по ночам, но они не поверят мне на слово. Твой муж стал богатым и влиятельным человеком. — Сказав «твой муж» он бросил на нее такой обвиняющий взгляд, что Элизабет отвела глаза.

— Я... — Элизабет подняла руку, пытаясь объяснить и извиниться, но не знала, за что ей, собственно, извиняться, и глаза ее застлало слезами. — Пожалуйста, — беспомощно воскликнуло она, — я не знаю, что делать и что сказать. Пока не знаю. Сейчас я не могу ни о чем думать.

Он бросил хлеб и обвинил ее руками.

— Бедное прекрасное дитя. Сколько ночей я провел без сна думая, как ты там, и отгоняя от себя мысль, что его грязные руки могут дотронуться до тебя. У него есть шахты: это глубокие бесконечные подземные тоннели, где в скотских условиях живут люди Вот где он берет деньги на все, что покупает.

«Включая драгоценности и меха, что он подарил мне», — по думала Элизабет, и тошнота снова подступила ей к горлу. Он вздрогнула в объятиях Роберта.

— Если ты не будешь заявлять на него в полицию, то что ты собираешься делать?

— Что я сделаю? — переспросил он. — Этот вопрос касается только меня,

Элизабет. Но если он узнает, что тебе известно о его злодеяниях, ты вряд ли сможешь выжить после того, что с тобой сделают его люди.

В этот момент вопрос выживания волновал Элизабет меньше всего. Внутри она и так уже чувствовала себя мертвой.

— Нам придется уехать. Сменить имена. Начать новую жизнь.

В первый раз, принимая решение, Элизабет не подумала о Хэвенхёрсте.

— Где? — почти беззвучно спросила она.

— Я подумаю об этом. Сколько денег ты сумеешь собрать за оставшиеся несколько дней?

Слезы наконец закапали из ее зажмуренных глаз, потому что у нее больше не было выбора. Не было перспектив. Не было Яна.

— Думаю, много, — бесцветным голосом сказала она, — если мне удастся продать драгоценности.

Он запечатлел братский поцелуй на ее виске.

— Теперь ты должна в точности следовать моим инструкциям. Обещаешь?

Она кивнула и сглотнула болезненный комок в горле.

— Никто не должен знать, что ты собираешься бежать. Он помешает тебе, если узнает о твоих намерениях.

Элизабет снова кивнула. Конечно, Ян не отпустит ее просто так, не выяснив причины. После того, как она так горячо любила его, он ни за что не поверит, что причина развода в неприязни к нему.

— Попробуй продать все, что можно, но так, чтобы не вызвать подозрений.

Поезжай в Лондон: в большом городе тебя вряд ли узнают, особенно если ты изменишь внешность и назовешься другим именем. В пятницу найми карету и поезжай в Тэрстон Кроссинг, что на Бернамской дороге. Там, в почтовой конторе, я буду тебя ждать. Учти, что как только твое исчезновение обнаружится, Торнтон организует поиски, и если тебя найдут, то лучше уж тебе сразу умереть. Мы будем путешествовать как муж и жена — поскольку он будет думать, что ты сбежала одна, на супружескую пару вряд ли обратят внимание.

Элизабет слушала его и понимала все, что он говорил, но не могла пошевелиться.

— Куда мы поедем? — беззвучно спросила она.

— Я еще не решил. Может быть, в Брюссель, но это слишком близко. А может, в Америку. Но сначала мы поедем на север и остановимся в Хелмшиде. Это небольшая деревушка на побережье, очень далекая от всякой цивилизации. Газеты доходят до них редко, поэтому они вряд ли узнают о том, что тебя разыскивают.

Там мы будем дожидаться корабля, направляющегося в колонии. — Он отстранил ее от себя. — Мне пора идти. Ты поняла, что тебе надо делать?

Она кивнула.

— И еще. Я хочу, чтобы ты с ним повздорила, желательно у кого-нибудь на глазах. Это необязательно должна быть серьезная ссора, нужно только, чтобы он думал, что ты рассердилась на него, поэтому не сразу бросился на поиски. Если ты исчезнешь по неизвестной причине, он начнет разыскивать тебя немедленно.

Если же он будет считать это простым капризом, мы выиграем время. Сможешь так сделать?

— Да, — хрипло ответила Элизабет. — Думаю, что да. Но мне бы хотелось оставить ему записку, сказать ему... — слезы сдавили ей горло

при мысли, что она будет писать Яну прощальную записку. Он мог быть каким угодно чудовищем, но ее сердце не могло отказаться от любви так же быстро, как ум принял его предательство, — ...объяснить, почему я уезжаю. — Голос ее прервался, и плечи затряслись от горьких рыданий.

Роберт снова обнял ее, но голос его был холодным и твердым.

— Никаких записок! Ты понимаешь меня? Никаких записок. Позже, — пообещал он, и голос его стал шелковым, — позже, когда мы будем в безопасности, ты сможешь написать ему и все объяснить. Можешь послать этому подонку целые тома писем. Ты понимаешь, почему крайне важно, чтобы твоей отъезд выглядел обычной размолвкой между супругами?

— Да, — глухо ответила она.

— Тогда до пятницы, — попрощался он, целуя ее в щеку. — Не подведи.

— Хорошо.

Механически занимаясь обычными делами, Элизабет послала Яну с вечерней почтой записку, что останется ночевать в Хевенхёрсте — якобы для того, чтобы разобраться со счетами за ремонт. На следующий день, в среду, она уехала в Лондон, спрятав под широкой накидкой вельветовый мешочек с драгоценностями.

Здесь были все ее украшения, включая и обручальное кольцо. Строго соблюдая свое инкогнито, она попросила Эрона высадить ее на Бонд-стрит, где взяла наемный экипаж и отправилась к ближайшему ювелиру, который не мог знать ее в лицо.

Ювелир был потрясен ее предложением. Фактически он утратил дар речи.

— Это исключительно дорогие камни, миссис...

— Миссис Робертс, — подсказала Элизабет. Теперь, когда ничто уже не имело значения, ей было легко лгать и притворяться.

Однако сумма, которую он предложил ей за изумрудный гарнитур, заставила ее ненадолго выйти из забытья.

— Они стоят в двадцать раз дороже.

— Вернее, даже в тридцать, но я не располагаю клиентурой, которая может позволить себе такие безумно дорогие покупки. — Элизабет молча кивнула, в душе ее не осталось сил даже торговаться, даже сказать ему, что в ювелирном магазине на Бонд-стрит ему дадут за этот гарнитур в десять раз больше, чем он предлагает ей. — Должен вас предупредить, что я не располагаю наличными в такой сумме. Вам придется пойти в мой банк.

Через два часа Элизабет выскользнула из означенного банка с целым состоянием в виде банкнот, которыми набила ридикюль и мешочек из-под

драгоценностей.

Перед отъездом в Лондон она отправила Яну записку, что проведет ночь в доме на Променад-стрит, объяснив это желанием пройтись по магазинам и проверить работу прислуги. Это было слабым извинением, но Элизабет утратила способность мыслить рационально. Она автоматически следовала инструкциям Роберта, не отклоняясь от них и не импровизируя. Она чувствовала себя как человек, который уже умер, но тело которого продолжает жить благодаря какой-то дьявольской силе.

Сидя в одиночестве в своей спальне на Променад-стрит, она смотрела пустым взглядом в непроницаемую ночную тьму, бессознательно сжимая и разжимая пальцы.

Наверное, нужно послать прощальное письмо Алекс, подумала она. Это была ее первая мысль о будущем за последние два дня. Но она тут же пожалела об этом.

Как только она подумала, что писать Александре слишком большой риск, ее тут же начала терзать мысль о единственном оставшемся ей испытании — предстоящей встрече с Яном. Она не может избежать его больше двух дней, не возбудив никаких подозрений. Или может? — беспомощно спросила себя Элизабет. Он же в принципе позволил ей жить своей собственной жизнью, и она уже оставалась несколько раз в

Хэвенхёрсте с тех пор, как они поженились. Правда, это было не по ее прихоти, а из-за непогоды.

Небо уже посветлело, предвещая рассвет, когда Элизабет наконец уснула прямо в кресле.

На следующий день, подъезжая к Хэвенхёрсту, она была почти уверена, что увидит на подъездной аллее экипаж Яна, но все выглядело очень обыденно и мирно.

С тех пор, как Ян выделил деньги на содержание Хэвенхёрста, в доме прибавилось слуг. Грум вел в конюшню лошадь, садовники обрабатывали клумбы жидкостью от вредителей. Как обыденно и мирно, с истерическим смехом подумала она, когда

Бентнер открыл перед ней дверь.

— Где вы были, мисс? — озабоченно спросил он, с тревогой вглядываясь в ее бледное лицо. — Маркиз просил передать вам, чтобы вы приехали домой.

Ей следовало этого ожидать, но она почему-то не ожидала.

— Не понимаю, почему я должна подчиняться ему, Бентнер, — сказала она повышенным тоном, прикидываясь недовольной. — Мой муж, кажется, забыл, что перед свадьбой мы заключили с ним соглашение.

Бентнер, который все еще недолюбливал Яна за его прошлую чину перед хозяйкой, не говоря уж о том оскорблении, которое он нанес ему, когда силой ворвался в дом на Променад-стрит, и теперь не смог найти маркизу оправданий.

Вместо этого он засеменил рядом с Элизабет по коридору, бросая на нее обеспокоенные взгляды.

— Что-то вы плохо выглядите, мисс Элизабет. Сказать Уинстону, чтобы он принес вам чашечку хорошего горячего чайку с булочками?

Элизабет отрицательно покачала головой и прошла в библиотеку. Там она села за письменный стол и составила, как она надеялась, любезно-уклончивое письмо мужу, в котором сообщала, что останется в Хэвенхёрсте, чтобы как следует разобраться с бумагами. Лакей был отправлен немедленно с указанием доставить письмо не позднее, чем через семь часов. Ни при каких обстоятельствах Элизабет не хотела, чтобы Ян выехал из их дома — его дома — и приехал сюда утром или, что еще хуже, вечером.

После ухода лакея нервы ее сдали окончательно. Ей стало казаться, что маятник на старинных дедовских часах в холле раскачивается с какой-то зловещей быстротой, перед глазами вставали смутные страшные картины. Спать, говорила она — себе, нужно поспать.

Она слишком мало спала сегодня ночью, и от этого у нее разыгралось воображение.

Завтра ей придется встретиться с ним лицом к лицу, но это только на несколько часов...

Элизабет мгновенно проснулась, когда на рассвете дверь ее спальни с грохотом распахнулась, и в темную комнату вошел Ян.

— Ну что, ты начнешь первая или предоставишь это мне? — жестко спросил он, подходя к изголовью ее кровати.

— Что ты имеешь в виду? — дрожащим голосом спросила она.

— Я имею в виду, что либо ты начнешь первая и скажешь мне, какого черта мое общество вдруг стало тебе противно, или начну я и скажу тебе, что я чувствую, когда не знаю, где ты и почему не хочешь быть рядом со мной!

— Я оба раза посылала тебе записки.

— Твои проклятые записки оба раза приходили поздно ночью, и оба раза ты сообщала мне, что намереваешься провести ночь вдалеке от меня. Я хочу знать почему!

Он обращается с людьми, как с животными, напомнила она себе.

— Перестань кричать на меня, — сказала Элизабет, дрожа и подтягивая к себе одеяло, чтобы спрятаться от него.

Его брови угрожающе сошлись в одну линию.

— Элизабет? — спросил он, потянувшись к ней.

— Не прикасайся ко мне!-закричала она. В дверях спальни возник Бентнер.

— Что-нибудь не так, миледи? — спросило", храбро глядя на Яна.

— Убирайся отсюда и закрой эту чертову дверь с другой стороны! — в бешенстве заорал Ян.

— Оставь ее открытой, — нервно попросила Элизабет, и отважный дворецкий в точности выполнил ее указание.

В шесть шагов Ян достиг двери и захлопнул ее с такой силой, что треснула дверная коробка, и Элизабет затрясло от ужаса. Когда он развернулся и двинулся к ней, она попыталась убежать, но запуталась в одеяле и осталась на месте.

Ян увидел этот страх в ее глазах и остановился в нескольких дюймах от кровати. Он поднял руку, она попыталась увернуться, но его рука легла ей на щеку.

— Дорогая, что это? — спросил он. От этого голоса ей захотелось зарыдать у его ног — от этого низкого бархатного голоса и красивого с резкими чертами лица, которое она обожала. Она готова была умолять его сказать ей, что все сказанное Робертом и Вордсвортом — ложь, все — одна сплошная ложь. «От этого зависит моя жизнь, Элизабет, и твоя тоже. Не подведи», — сказал ей Роберт. Но в этот момент слабости она действительно была готова признаться Яну во всем, и пусть он потом убьет ее. Это было бы лучше, чем жить, терзаясь воспоминаниями о том, в какой лжи они жили, лучше, чем жить без него.

— Ты заболела? — спросил он, хмурясь и пристально вглядываясь в ее лицо.

Ухватившись за это объяснение, она яростно закивала.

— Да. Я не очень хорошо себя чувствую.

— И поэтому ты поехала в Лондон? Чтобы сходить к доктору? Она снова кивнула, и к ее ужасу и смутению, он начал улыбаться — той ленивой нежной улыбкой, от которой все в ней начинало трепетать.

— Ты ждешь ребенка, любовь моя? И поэтому ведешь себя так странно? -

Элизабет молчала, раздумывая, что ответить, и решила сказать «нет». Если он будет считать, что она носит его дитя, найдет ее на краю света.

— Нет! Он... доктор сказал, что это просто... просто... нервы..

— Ты слишком много работала, — сказал Ян, являя собой образец заботливого и любящего мужа. — Тебе нужно больше отдыхать.

Элизабет больше не в силах была это выносить — ни этой притворной нежности и заботы, ни воспоминаний об изрезанно рубцами спине Роберта.

— Я хочу спать, — сказала она натянутым голосом. Одна, — добавила Элизабет, и его лицо побелело. Словно она дала ему пощечину.

Всю свою сознательную жизнь Ян привык полагаться на свою интуицию почти так же, как на свой интеллект, и потому сейчас ни верил ни ей, ни собственным предположениям. Его жена не хочет его в своей постели, она шарахается от его прикосновений, две ночи подряд она провела в отдалении от него, и — что самое страшное — на бледном лице ее были написаны страх и признание вины.

— А ты знаешь, что думает мужчина, — произнес он ровным голосом, за которым не чувствовалось боли, пронзающей его сердце, — когда жена проводит ночь вдали от него и по возвращении отказывается спать с ним в одной постели?

Элизабет покачала головой.

— Он думает, — бесстрастно сказал Ян, — что его место в этой постели занял кто-то другой.

Ее бледные щеки запылали гневным румянцем.

— Ты покраснела, моя дорогая, — ужасным голосом сказал он.

— Потому что я вне себя! — ответила она, мгновенно забывая, что имеет дело с сумасшедшим.

Его лицо мгновенно смягчилось, и на нем отразились облегчение и замешательство.

— Извини, Элизабет.

— Не будешь ли ты тт-так любезен оставить меня одну! потребовала Элизабет, находясь уже на пределе своих сил. — Просто уйди и дай мне отдохнуть. Говорю тебе — я устала. И я не понимаю, какое у тебя право так расстраиваться по этому поводу! Перед свадьбой мы заключили сделку, по которой мне разрешалось жить, как мне заблагорассудится, без всякого вмешательства с твоей стороны. А этот допрос — вмешательство! — Голос ее прервался, и Ян, бросив на нее еще один задумчивый взгляд, вышел из комнаты.

Ничего не чувствуя от облегчения и боли, Элизабет снова заползла в постель и натянула одеяло до самого подбородка, но даже его мягкое тепло не смогло унять лихорадочной дрожи, сотрясающей ее тело. Через несколько минут кровать пересекла тень, и она чуть не закричала, но тут же поняла, что это Ян, который беззвучно прошел через смежную дверь между

их спальнями.

Поскольку, увидев его, она тихо ахнула, уже не было смысла прикидываться спящей. Она молча в страхе смотрела, как он приближается к ее кровати. Не говоря ни слова, он сел рядом с ней, и она увидела в его руке стакан. Поставив его на туалетный столик, он приподнял ее подушки, и ей пришлось сесть.

— Выпей это, — спокойно приказал он.

— А что это? — с подозрением спросила она.

— Бренди. Оно поможет тебе уснуть. Он смотрел, как она пьет, и когда он заговорил, Элизабет догадалась, что он улыбается.

— Поскольку мы исключили другого мужчину как причину твоего поведения, я пришел к выводу, что дело, должно быть, в Хэвенхёрсте. Я угадал?

Элизабет с радостью приняла это объяснение.

— Да, — прошептала она, энергично кивая.

Он нагнулся и, запечатлев у нее на лбу поцелуй, шутливо сказал:

— Постой, дай мне самому догадаться: ты обнаружила, что тебя обкрадывают на мельнице? — Элизабет подумала, что сейчас умрет от горя, слушая, как он ласково подшучивает над ее бережливостью. — Нет? Тогда, наверное, это булочник, который отказался уступить тебе только потому, что ты взяла две буханки вместо одной.

Слезы подступили к ее глазам, и они предательски заблестели.

— Что, так плохо? — ласково спросил Ян, заметив этот подозрительный блеск.

— Ну тогда ты, наверное, не уложились в сумму, которую я выделил на ремонт. -

Когда она промолчала в ответ на его догадку, он успокаивающе улыбнулся и сказал: — Ну, что бы это ни было, завтра мы обязательно найдем какой-нибудь выход.

Элизабет показалось, что он хочет остаться, и это настолько испугало ее, что она нарушила свое молчание и сбивчиво заговорила:

— Нет... это... из-за каменщиков. Оказалось, что их работа стоит гораздо дороже, чем я ожидала. И чтобы расплатиться с ними, мне пришлось взять деньги из моего содержания, так как те, что ты выделил на Хэвенхёрст, уже кончились.

— О, так, значит, каменщики, — засмеялся Ян. — Ты должна присматривать за тем, как они расходуют известку, а не то они доведут тебя до рабочего дома. Я поговорю с ними утром.

— Нет! — закричала она, не зная, как выпутаться из этой лжи. — Я

расстроилась, но не хочу, чтобы ты вмешивался. Я хочу все сделать сама. Я уже разобралась с ними, но страшно разнервничалась. Поэтому я и поехала к доктору.

И он... он сказал, что со мной абсолютно все в порядке. Я приеду в Монтмэйн послезавтра. И не жди меня здесь. Я знаю, как ты сейчас занят. Пожалуйста, — взмолилась она в отчаянии, — позволь мне это, я умоляю тебя!

Ян выпрямился и, ничего не понимая, покачал головой.

— Я отдал бы жизнь за одну твою улыбку, Элизабет. Тебе нет нужды умолять меня о чем бы то ни было. Но я не хочу, чтобы ты тратила деньги из своего личного содержания на Хэвенхёрст. Если ты будешь это делать, — поддразнил он, — мне придется его урезать. — И уже более серьезно добавил: — Если тебе не хватает на Хэвенхёрст, надо просто сказать мне, но личные деньги ты должна тратить исключительно на себя. Допивай свое бренди, — и когда она отставила стакан, он еще раз поцеловал ее в лоб. — Оставайся здесь столько, сколько тебе нужно. У меня есть одно дело в Девоне, которое я откладывал, потому что не хотел оставлять тебя одну. Я поеду туда и вернусь в Лондон во вторник. Может быть, тебе захочется приехать ко мне туда, а не в Монтмэйн?

Элизабет кивнула.

— Только скажи на прощание, — закончил Ян, изучая ее бледное, напряженное лицо, — ты можешь дать мне слово, что доктор не обнаружил у тебя ничего страшного?

— Да, — ответила Элизабет, — я даю тебе слово. Она молча проводила мужа взглядом, когда он шел в свою комнату. Услышав, как в замке повернулся ключ,

Элизабет перевернулась на живот и уткнулась лицом в подушку. Она плакала так долго, что, казалось, в ней уже не осталось слез, но тут же начинала плакать еще горше.

Дверь, выходящая в коридор, чуть-чуть приоткрылась, в щелку заглянула Берта, и дверь тут же захлопнулась. Повернувшись к Бентнеру, Берта горестно сказала:

— Плачет так, будто у нее разрывается сердце, но его там уже нет.

— Как бы мне хотелось пристрелить его, — с ненавистью произнес Бентнер.

Берта боязливо кивнула и плотнее запахнулась в халат.

— Он страшный человек, тут вы правы, мистер Бентнер.

Глава 33

Когда к вечеру вторника Элизабет так и не появилась на Брук-стрит, все дурные предчувствия овладели Яном с новой силой. В одиннадцать он послал в

Хэвенхёрст и в Монтмэйн людей, чтобы узнать, нет ли ее там. В половине одиннадцатого утра он был поставлен перед фактом, что в Хэвенхёрсте думали, будто пять дней назад она уехала в Монтмэйн, а в Монтмэйне считали, что все это время она пробыла в Хэвенхёрсте. Выходило, что пять дней назад Элизабет исчезла и никто не подумал забить тревогу.

В час дня Ян встретился с начальником конторы на Боу-стрит, а к четырем часам уже была сформирована команда из сотни частных детективов, которые получили задание найти Элизабет. Сказать им он мог немного. Наверняка было известно только то, что в последний раз ее видели в Хэвенхёрсте в ту ночь, когда он приезжал к ней, и то, что она не взяла с собой никаких вещей, кроме того, что было на ней надето, но никто не мог вспомнить, что именно.

Ян знал и еще кое-что, но не хотел обнародовать этого до тех пор, пока не убедится наверняка. Именно поэтом он всеми силами стремился сохранить ее исчезновение в тайне. Он знал, что его жена безумно боялась — чего-то или кого — то — в ту ночь, когда он видел ее в последний раз. Шантаж — единственное, что приходило Яну в голову, но, во-первых, шантажисты не похищают своих жертв, а во — вторых, он не мог себе представить, чем Элизабет могла привлечь шантажиста.

Если же исключить шантаж, исчезновение Элизабет становилось вовсе необъяснимым, ибо трудно представить себе преступника, который решился бы на такой безумный поступок, как похищение маркизы, зная, что в таких случаях поднимают на ноги всю английскую полицию.

Оставалась еще одна версия, но он не мог заставить себя заняться ею как следует. Он не хотел даже думать о том, что его жена могла сбежать с любовником. Прошел день, наступила ночь, и Яну все труднее было избегать этой отвратительной и мучительной мысли. Он бродил по дому, стоял в ее комнате, чтобы чувствовать себя ближе к ней, а потом начал пить. Он пил, пытаясь заглушить боль разлуки и тот безымянный ужас, который подымался внутри него и доводил почти до безумия.

На шестой день газетчики узнали об исчезновении леди Элизабет

Торнтон, и эта новость выплеснулась на первые полосы «Таймс» и «Лондонской газеты» вкупе с изрядной долей домыслов относительно шантажа, похищения с целью выкупа и прозрачных намеков на то, что маркиза Кенсингтонская могла оставить своего мужа «по причинам, известным только ей».

После этого даже объединенные усилия семейств Торнтонов и Таунсендов не могли удержать прессу от обнародования каждого слова правды, догадки или вопиющей лжи, которые им удавалось обнаружить или — чаще — придумать. Каким-то загадочным образом газетчики узнавали — и тут же печатали — каждую любую информацию, которая поступала на Боу-стрит от сыщиков Яна. Была опрошена вся прислуга Яна и Элизабет, и их показания цитировала вездесущая пресса.

Ненасытная публика упивалась все новыми и новыми подробностями частной жизни маркиза Кенсингтонского и его жены.

Фактически именно из очередной статьи в «Таймс» Ян узнал, что стал главным подозреваемым. В статье говорилось, что дворецкий из Хэвенхёрста предположительно являлся свидетелем ссоры между лордом и леди Торнтон в ту самую ночь, когда леди Торнтон видели в последний раз. Причиной ссоры, по словам дворецкого, явились яростные нападки лорда Торнтона на моральные устои леди Торнтон, касающиеся «неких вещей, о которых лучше не упоминать».

Горничная леди Торнтон, говорилось в той же статье, сошла вниз в слезах, потому что, заглянув в спальню своей госпожи, услышала, как та «плачет, будто у нее разрывается сердце». Горничная также сказала, что в комнате было темно, и потому она не могла видеть, был ли нанесен какой-либо физический ущерб ее хозяйке, «но она не может сказать и не скажет, что такое вряд ли было возможно».

Только один слуга в Хэвенхёрсте дал показания, которые не могли свидетельствовать против Яна, но они причинили ему еще большие мучения, чем все остальные намеки. Новый садовник по имени Вильям Стоуки сказал, что за четыре дня до исчезновения леди Торнтон видел, как она в сумерках вышла из дома с черного хода и направилась в сад. Стоуки последовал за ней, собираясь спросить, нужно ли мульчировать клумбы с цветами, однако не посмел приблизиться к ней, так как увидел, что она обнимает «мужчину, который не был ее мужем».

Газеты замечали по этому поводу, что неверность могла спровоцировать мужа не только на ссору, но и на то, чтобы заставить ее исчезнуть... навсегда.

Однако официальные власти медлили с обвинением, так как все еще

не могли поверить, что лорд Торнтон мог убить свою жену только из-за того, что она встречалась в саду с каким-то мужчиной. Полицейские считали это недостаточным мотивом для преступления.

Однако к концу второй недели некто, кого все это время не было в Англии, вернулся и, узнав из газет о загадочном исчезновении леди Торнтон, пришел в неописуемую ярость. Мистер Вордсворт — частный детектив, который работал по заданию леди Торнтон, выдвинул против маркиза Кенсингтонского настолько тяжкие обвинения, что в полиции решили до поры до времени держать его показания в строжайшем секрете.

Но пришел день, когда «Таймс» сообщила самую будоражащую новость за последнее время: Ян Торнтон, маркиз Кенсингтонский,

Я своим лондонском доме был подвергнут официальному допросу с целью выяснения его причастности к исчезновению жены.

Хотя формально лорд Торнтон и не был обвинен в исчезновении леди Элизабет и до конца расследования было решено не заключать его под стражу, ему было приказано оставаться в Лондоне до тех пор, пока не состоится закрытое заседание верховного суда, который решит, достаточно ли оснований для обвинения его в исчезновении жены и ее брата, о чем стало известно благодаря показаниям мистера

Вордсворта.

— Они не сделают этого, Ян, — сказал Джордан Таунсенд вечером следующего дня. Пройдя несколько раз из одного конца в другой, он повторил: — Они не сделают этого.

— Сделают, — безразличным голосом отозвался Ян. Он говорил совершенно спокойно, и в глазах не отразилось никакого волнения. Уже много дней назад Ян утратил интерес к расследованию. Элизабет пропала, и поскольку за этим не последовало требования выкупа и вообще ничего, у него больше не было оснований думать, что ее увезли силой. Ян чертовски хорошо знал, что не убивал ее и не прятал в каком-нибудь укромном месте, поэтому ему оставалось сделать только один вывод: Элизабет ушла от него по собственной воле.

Полицейские власти все еще сомневались в действительном существовании мужчины, с которым якобы встречалась леди Торнтон, поскольку у садовника оказалось очень слабое зрение, и даже сам он признался, что «это могли быть не мужские руки, а ветки деревьев, которые в сумраке качались вокруг нее». Однако

Ян не сомневался в его показаниях. Существование любовника было единственным разумным объяснением, он и сам заподозрил это, когда видел ее в последний раз.

Если бы у Элизабет были какие-то неприятности, она бы стала искать утешения в его объятиях, даже утаив причину. Но как раз он-то и пугал ее больше всего: она не хотела, чтобы он спал с ней в одной постели, она вообще не хотела, чтобы он дотрагивался до нее.

Нет, тогда он даже не думал об измене и сказал ей о своих подозрениях, не сомневаясь, что она сейчас же разубедит его и объяснит настоящую причину своего странного поведения. Она этого не сделала, и все-таки он не верил в измену.

Однако теперь Ян не просто подозревал, он был уверен, и осознание этого наполняло его такой болью, какой он не испытывал еще никогда в жизни и которая не оставляла его ни днем, ни ночью. Эта боль навалилась на него, как каменная глыба, и сделала нечувствительным.

— Говорю тебе, они не потащат тебя в суд, — повторял Джордан. — Неужели вы в самом деле думаете, что они это сделают? — попросил он, переводя взгляд с

Дункана на герцога Стэнхоупского, которые тоже были в гостинной. В ответ они подняли на Джордана затуманенные болью глаза, отрицательно качнули головами, стараясь выглядеть при этом уверенно, и снова опустили глаза на свои сцепленные руки.

По английским законам Яна должен был судить суд пэров, а поскольку он являлся британским лордом, его могла судить только палата лордов, и Джордан уцепился за этот шанс, как за спасательный круг.

— Ты не первый мужчина, от которого после ссоры сбежала слишком чувствительная жена, надеясь заставить мужа раскаяться и прибежать к ней на задних лапках, — продолжал Джордан, пытаясь представить дело так, будто

Элизабет просто обиделась и прячется где-нибудь, не догадываясь, что тем самым вредит репутации мужа и подвергает опасности его жизнь. — Они не станут собирать всю эту чертову палату лордов только ради того, чтобы судить человека, от которого сбежала жена. Черт, да половина лордов в этой палате не в состоянии уследить за своими женами. Почему же тебя должны за это судить?

Александра подняла на мужа глаза, полные горечи и упрека. Так же, как и Ян, она знала, что Элизабет никогда не выберет такой способ добиться извинений.

Но в отличие от него она не верила, что ее подруга могла сбежать с любовником.

В дверях появился дворецкий Яна и вручил Джордану запечатанный конверт.

— Как знать, — попытался пошутить Джордан, распечатывая его, — может быть, это от Элизабет? Наверное, она боится показаться тебе на глаза и просит меня заступиться за нее. Но улыбка внезапно застыла у него на губах.

— Что там? — воскликнула Алекс, увидев, как посерело его лицо. Джордан смял листок и повернулся к Яну.

— Они собирают палату лордов, — со злостью и горечью сказал он.

— По крайней мере приятно сознавать, — с холодным безразличием отозвался

Ян, вставая с кресла и направляясь к своему кабинету, — что на моей стороне будут целых два человека — мой друг и мой родственник.

Он ушел. Джордан продолжал мерить шагами комнату.

— Это нагромождение ничем не подтвержденных оскорбительных предположений.

Все это. И дуэль с ее братом — тоже. Исчезновение Роберта можно легко объяснить и другими причинами.

— Одно исчезновение действительно легко объяснить, — сказал герцог

Стэнхоупский. — Но, боюсь, что два исчезновения в одной семье будут выглядеть иначе. Если Ян не предпримет никаких шагов для того, чтобы найти какие-нибудь аргументы в свою пользу, его ни за что не оправдают.

— Все, что можно было сделать, уже сделано, — заверил его Джордан. — Наши люди прочесывают всю Англию в поисках следа Элизабет. На Боу-стрит прекратили ее искать, так как полностью исключили версию о том, что Элизабет ушла по собственной воле. Они считают, что у них достаточно доказательств виновности Яна.

Александра встала, собираясь уйти, и сдержанно проговорила:

— Если Элизабет и ушла по собственной воле, то можете быть уверены, что у нее были на то очень веские причины, а не просто чрезмерная чувствительность, как вам всем хочется верить.

После ухода Таунсендов герцог устало откинулся на спинку кресла и сказал Дункану:

— Какие у нее могли быть «веские причины»?

— Какая разница, — отозвался расстроенный Дункан. — Во всяком случае, для Яна это не имеет значения. Если ее не увезли, насильно, то она для него все равно что мертва.

— Не говорите таких вещей! — воспротивился герцог. — Ян любит ее, он прислушается к ее объяснениям.

— Я знаю его лучше вас, Эдвард, — ответил Дункан, вспоминая, как повел себя Ян после смерти родителей. — Он больше никогда не позволит ей причинить себе боль. Если она сознательно опозорила его, обманула его доверие, она для него умерла. А он уже поверил в то, что она сделала и то, и другое. Последите за его лицом — на нем не дрогнет ни один мускул при упоминании ее имени. Она уже убила его любовь к ней.

— Нельзя просто взять и выбросить кого-то из сердца. Уж я-то знаю это, поверьте.

— Ян способен на это, — возразил Дункан. — Он сделает так, чтобы больше никогда не подпустить ее к себе. — Герцог недоверчиво нахмурился. — Позвольте мне рассказать вам одну историю. Я не так давно рассказал ее Элизабет, когда она спросила меня о рисунках Яна, которые увидела в Шотландии. Эта история касается гибели его родителей и Лабрадора, который был лучшим другом Яна...

Когда Дункан закончил рассказ, оба они застыли в глубоком тягостном молчании. Часы пробили одиннадцать. Они одновременно поглядели на часы, прислушиваясь... ожидая неизбежного стука дверного молотка... страхась его. Им не пришлось долго ждать. В четверть двенадцатого прибыли двое полицейских, и

Яну Торнтону, маркизу Кенсингтонскому, было предъявлено официальное обвинение в убийстве жены и ее брата, мистера Роберта Кэмерона. Ему также сообщили, что он арестован и через четыре недели предстанет перед судом палаты лордов. В качестве уступки его высокому положению было решено до суда не помещать его в тюрьму, но расставить вокруг дома охрану. Уплатив сто тысяч фунтов, Ян получил разрешение свободно перемещаться по городу, хотя и под наблюдением полицейских.

Глава 34

Хелмшид был маленькой сонной деревушкой, которая возвышалась над ярко — голубым заливом, по которому время от времени проплывали корабли, направляющиеся в порт, они лавировали между дюжинами мелких суденышек, заполнявших всю гавань. Иногда моряки сходили на берег в надежде найти на ночь женщину или выпивку. С утренним приливом они уходили в море, дав себе слово в следующий раз не трудиться покидать корабль, когда снова кажутся здесь. В Хелмшиде не было ни женщин легкого поведения, ни публичных домов, ни питейных заведений, так привлекающих морской люд.

Эта деревня была слишком далека от цивилизации, и потому ее жители, пока не успели приобщиться к ее порокам. Все мужчины здесь были рыбаками и целые дни проводили в море, женщины чинили сети и занимались хозяйством, единственным их.. развлечением была стирка у деревенского колодца, где они могли посплетничать, пока их покрасневшие от холодной воды руки намыливали выбеленную солнцем одежду. Дети плескались в воде и играли в салки, а дворняги грелись на солнце и заливисто облаивали редких прохожих. У этих людей были сильные загорелые лица, выдубленные ветром и солнцем, и ясные светлые глаза, окруженные мелкой сеточкой морщин, оттого что им слишком часто приходилось щуриться, глядя на море. В Хелмшиде не было элегантных женщин в драгоценных украшениях, как не было и галантных щеголей, на чей локоть могла бы опереться тонкая рука в перчатке. Здесь можно было встретить только женщин, возвращающихся домой с тяжелыми корзинами мокрого белья, и грубых рыбаков, которые забирали у них корзины и, усмехаясь, взваливали их на свои мускулистые плечи.

Стоя на травянистом обрыве в центре деревни, Элизабет наблюдала за ее жизнью, прислонившись спиной к дереву. Она положила руку на грудь, пытаясь унять боль в сердце, которая за эти четыре недели стала почти привычной, и посмотрела в другом направлении. В сверкающем на солнце заливе возвышалась большая ступенчатая скала, к ее каменной груди льнули приземистые раскидистые деревья, утратившие форму от постоянной борьбы со стихией — искривленные и странно прекрасные в пестром осеннем уборе из красных и золотых листьев.

Она закрыла глаза, чтобы стереть это видение. Его красота напоминала ей Яна. Суровые мрачные утесы напоминали ей Яна... Золото осени

напоминало о нем... Изогнутые ветви деревьев расплывались, и вместо них она видела Яна...

Испустив долгий тяжелый вздох, она открыла глаза. Грубая кора дерева врезалась ей в спину и плечи, но она не пошевелилась, боль служила доказательством того, что она еще жива. Кроме боли, в ней ничего не осталось.

Пустота. Пустота и скорбь. И хриловатый голос Яна, звучавший у нее в ушах, — голос, которым он шептал ей нежные слова, когда они занимались любовью...поддразнивал ее...

Звук его голоса... и видение покрытой рубцами спины Роберта.

— Где он? — спросил Джордан у лондонского дворецкого Яна и, выслушав ответ, быстрым шагом направился в кабинет. — У меня есть новости, Ян.

Он подождал, пока Ян закончит диктовать секретарю и обратит наконец на него внимание.

— Боже, прекрати это в конце концов! — не выдержал Джордан.

— Что прекратить? — спросил Ян, откидываясь в кресле. Джордан с беспомощной злостью уставился на него, сам не зная, чем его раздражает поведение Яна. На нем была рубашка с закатанными рукавами, лицо чисто выбрито, и если не считать катастрофической потери в весе, Ян выглядел как человек, живущий спокойной размеренной жизнью.

— Я не могу видеть, что ты ведешь себя так... так, словно все нормально!

— Чего ты от меня хочешь? — услышал он в ответ. Ян встал и подошел к буфету, чтобы налить себе и Джордану виски. — Если ты думаешь, что я буду рыдать и рвать на себе волосы, то напрасно теряешь время.

— Нет, в настоящий момент я рад, что ты не поддался истерике в мужском варианте. Как я сказал, у меня есть новости, и хотя с личной точки зрения они тебя вряд ли обрадуют, это самые лучшие новости с тех пор, как была назначена дата слушания дела. Ян, — помедлив, продолжил Джордан, — наши люди, я хочу сказать, твои люди наконец напали на след Элизабет.

Выражение лица Яна не изменилось, и голос звучал холодно:

— И где же она?

— Пока мы не знаем, но уже точно известно, что ее видели в обществе мужчины на Бернамской дороге две ночи спустя после исчезновения. Они останавливались в гостинице в пятнадцати милях севернее Листера. Они... — он заколебался и торопливо договорил: — они путешествуют как муж и

жена.

Ян чуть крепче сжал в руке бокал с виски, но больше ничем не выдал своего отношения к этой новости и к тому, что за ней стояло.

— Есть и другие новости — такие же хорошие, то есть я хочу сказать, ценные для нас.

Ян осушил содержимое бокала и произнес с ледяной окончательностью:

— Не представляю, какие новости могут быть лучше этой. Таким образом, она доказала, что я не убивал ее, и одновременно дала неопровержимое основание для развода.

Согнав со своего лица выражение сочувствия, которое, он знал, всегда претило Яну, Джордан смотрел, как он подошел к письменному столу, затем решительно продолжил:

— Обвинитель может возразить, что мужчина, с которым она путешествует, был нанят тобой. Но я надеюсь, что другая новость поможет нам убедить всех, что ее отъезд не был внезапным и она готовилась к нему заранее.

Ян поднял на него глаза в вопросительном молчании, и Джордан объяснил:

— За четыре дня до исчезновения она продала свои драгоценности ювелиру на

Флетчер-стрит. Ювелир сказал, что не открылся раньше только потому, что леди Торнтон, которую он знал как миссис Роберте, казалась очень напуганной. Он сказал, что не хотел выдавать ее, думая, что у нее были достаточно веские причины сбежать от тебя.

— Он до сих пор не выдал ее не потому, что пожалел, а из-за страха, что она продала ему драгоценности, на которые не имела права, и ему придется вернуть их, — цинично заметил Ян. — Но поскольку газеты не писали о пропаже драгоценностей, он заключил, что может заявить об этом в полицию.

— Возможно. Но суть в том, что теперь тебя не смогут судить за убийство.

Не менее важно и то, что, поскольку доказано, что ее исчезновение было добровольным, судьи иначе посмотрят и на дело ее брата, которого ты — он замолчал, не желая больше произносить это слово.

Ян молча взял перо и контракт из стопки бумаг, которые лежали у него на столе.

— Наши люди ничего не знали об исчезновении драгоценностей, — продолжал

Джордан, — потому что в Хэверхёрсте думали, что они в целости и сохранности лежат в твоём доме, а твои слуги полагали, что они в Лондоне.

— С этим все ясно, — безразлично отозвался Ян. — Но самое смешное, что для обвинения это не имеет никакого веса. Они будут настаивать на том, что я нанял и женщину, которая под видом Элизабет продала драгоценности, и мужчину, который выдает себя за её любовника. А сейчас скажи мне: ты будешь участвовать в совместном предприятии, о котором мы с тобой говорили, или пока воздержишься?

— Воздержусь? — переспросил Джордан, не понимая, о чем он.

— В настоящий момент моя репутация честного человека пошатнулась. И если твои друзья предпочтут выйти из предприятия, я смогу их понять.

— Они уже вышли, — нехотя признался Джордан. — Но я остаюсь с тобой.

— Это даже хорошо, что они вышли, — сказал Ян, доставая другие контракты и вычеркивая из них фамилии. — В конечном счете нам с тобой больше достанется.

— Ян, — тихо сказал Джордан, — меня так и подмывает врезать тебе, чтобы посмотреть, отразятся ли на твоём лице хоть какие-нибудь эмоции. Я больше не могу выносить твоего безразличия к тому, что происходит. — Ян оторвался от документов и поднял на него взгляд. Джордан увидел пульсирующую жилку у него на шее — единственный признак, который выдавал его муку и ярость, и испытал огромное облегчение, а вместе с ним и неловкость. — Я сожалею о своих словах больше, чем могу тебе выразить, — извинился Джордан. — И если это может послужить хоть каким-нибудь утешением, хочу сказать тебе, что на собственном опыте знаю, каково быть обманутым мужем.

— Я не нуждаюсь в утешении, — отрезал Ян. — Мне нужно только время.

— Чтобы пережить все это, — согласился Джордан.

— Время, — холодно протянул Ян, — чтобы успеть разобраться с этими документами.

Шагая через холл к парадной двери, Джордан уже не был уверен, видел ли он на самом деле свидетельство того, что Ян еще что-то чувствует.

Элизабет стояла все у того же дерева, к которому приходила каждый день, и смотрела на море. Теперь корабль мог прийти в любое время — тот, который отвезет их на Ямайку, сказал Роберт. Он не мог дожидаться часа, когда окажется наконец за пределами Британии, и страшно нервничал. И

кто может обвинить его в этом, думала она, медленно подходя к краю обрыва, который резко уходил вниз.

Там, в нескольких сотнях футов, были только песок и камни.

Роберт снял для них комнату в доме мистера и миссис Хоган. Миссис Хоган отлично готовила, Роберт с удовольствием ел и немного поправился. Как и все, кто жил в Хелмшиде, Хоганы были добрыми работающими людьми, а их неугомонные четырехлетние сыновья-близнецы — просто чудом. Элизабет очень нравилась вся семья Хоганов, и она предпочла бы остаться здесь навсегда, спрятавшись ото всех и никому неизвестной.

В отличие от Роберта, она не хотела покидать Британские острова и не боялась быть обнаруженной. Станным образом она нашла здесь некое подобие покоя — она была достаточно близко от Яна и достаточно далеко, чтобы быть уверенной, что никакой его поступок или слово не смогут причинить ей боль.

— Это слишком высокий обрыв, миссис, — сказал мистер Хоган, подходя к ней сзади и хватая за руку своей крепкой мозолистой рукой. — Лучше уйдите отсюда, слышите?

— Я не заметила, что стою так близко к краю, — сказала Элизабет, с удивлением обнаруживая, что мыски ее туфель висят над обрывом.

— Идите домой и отдохните. Ваш муж рассказал нам, как нелегко вам пришлось, и объяснил, что вам нельзя волноваться.

Открытие, что Роберт мог поделиться с кем-то их проблемами, тем более с Хоганами, которые знали, что они ожидают корабль, отправляющийся в Америку или на Ямайку, или в какое-нибудь другое подходящее место, заставило Элизабет очнуться от болезненного отупения настолько, что она спросила:

— А что Роб... мой муж рассказал вам обо мне?

— Он объяснил, что вам нельзя ни слышать, ни видеть ничего такого, что могло бы вас взволновать.

— Что бы мне хотелось увидеть, — сказала Элизабет, поднимаясь на крыльцо их дома и вдыхая запах пекущегося хлеба, — так это газету!

— Ваш муж особенно предупреждал о газетах, — сказал мистер Хоган.

— Вряд ли я смогу найти здесь газету, — устало ответила Элизабет, отвечая рассеянной улыбкой на приветствие одного из близнецов, который подбежал к ней и обвил руками ее колени. — Хотя мне трудно поверить, что где-нибудь в Англии есть место, куда хотя бы изредка не доходит пресса.

— Да вам и не захочется читать всю эту чепуху. Вечно одно и то же —

убийства, тяжкие телесные повреждения, политика, танцы.

Когда Элизабет изолированно жила в Хэвенхёрсте, она действительно редко читала газеты, потому что они заставляли ее острее почувствовать свою отторгнутость от светской жизни. Однако сейчас ей хотелось знать, пишут ли что —нибудь об ее исчезновении и какие выводы из него делают. Она допускала, что

Хоганы могут и не уметь читать, это само по себе не было необычным, но ей казалось весьма странным, что он не может назвать никого из местных, у кого могла бы найтись хотя бы старая газета.

— Мне действительно очень нужна газета! — сказала Элизабет с большей страстностью, чем хотела, и малыш отпустил ее ноги. — Могу я вам чем-нибудь помочь, миссис Хоган? — спросила она, чтобы стереть впечатление от своего восклицания по поводу газеты. Миссис Хоган находилась на седьмом месяце беременности, но была неизменно при деле и неизменно весела.

— Нисколько, миссис Роберте. Вы лучше садитесь за стол и отдохните, как следует, а я принесу вам чашечку чайку.

— Мне нужна газета, а не чай, — пробормотала про себя Элизабет.

— Тимми! — шикнула на сына миссис Хоган. — Убери это отсюда сию же минуту, слышишь! Тимми, — предупредила она, но жизнерадостный мальчишка по обыкновению не обратил на ее грозный тон никакого внимания. Он подергал Элизабет за юбку, но его отец вдруг налетел на него, как ястреб, и вырвал из его ручонки что-то большое и легкое.

— Это для леди! — закричал малыш, забираясь к ней на колени. — Я принес это для леди!

От удивления Элизабет чуть не уронила ребенка на пол.

— Это газета! — вскричала она, метнув обвиняющий взгляд! на мистера

Хогана, потом на миссис Хоган. Супруги не привыкли лгать, и их загорелые щеки покрылись румянцем стыда. — Мистер Хоган, пожалуйста, дайте мне ее посмотреть.

— Вы очень разволновались, как и говорил ваш муж. Он сказал, что вы можете разнервничаться, если увидите газету.

— Я разнервничалась из-за того, что вы не даете мне ее посмотреть, — как можно вежливее и терпеливее сказала Элизабет.

— Она старая, — противился мистер Хоган. — Ей больше Трех недель.

Как ни странно, но эта дурацкая ссора из-за какой-то несчастной

газеты впервые за прошедшие недели пробудила у Элизабет настоящие чувства. Отказ дать ей газету неожиданно рассердил ее, однако, когда она вспомнила предшествующие этому уговоры отдохнуть и не волноваться, ей стало немного не по себе.

— Я нисколько не разволновалась, — с натянутой улыбкой сказала Элизабет, обращаясь к миссис Хоган, за которой в этом доме оставалось решающее слово. -

Мне просто хотелось почитать о модах в этом сезоне.

— В этом сезоне носят голубое, — ответила миссис Хоган, улыбаясь ей и покачиванием головы давая мужу понять, чтобы тот не давал Элизабет газету. -

Так что теперь вы знаете. Ведь правда, голубой — красивый цвет?

— Так вы умеете читать? — сказала Элизабет, с трудом удерживаясь от желания вырвать газету у мистера Хогана, хотя в случае неудачных переговоров была решительно настроена пойти даже на это.

— Мама умеет читать, — подтвердил один из близнецов, улыбаясь ей.

— Мистер и миссис Хоган, — спокойным ясным голосом сказала Элизабет, — я могу чересчур разнервничаться, если вы не дадите мне посмотреть газету. И кстати, в крайнем случае я пойду по домам, и у кого-нибудь да найду газету или найду человека" который читал ее и сможет мне рассказать, что в ней написано.

Она говорила сухим тоном, каким выговаривает мать детям, которые своими шалостями действуют ей на нервы, и на миссис Хоган это подействовало.

— Вряд ли это что-нибудь даст вам, — сказала она. — Насколько я знаю, в деревне есть только одна газета, и в этот раз моя очередь ее читать. Мистеру

Уиллису дал ее на прошлой неделе капитан проходившего судна.

— Так я могу ее взять? — настаивала Элизабет, рука ее уже потянулась, чтобы схватить газету, но она подавила этот порыв, представив себе картину — мистер Хоган держит газету в высоко поднятом кулаке, а она бежит вокруг него, пытаясь ее достать.

— В общем-то я тоже люблю читать про моду и всякое такое, поэтому мне непонятно, как это может вам повредить. Но ваш муж очень настаивал на том, что вам не следует...

— Мой муж, — со значением сказала Элизабет, — мне не указчик.

— Мне это напоминает тебя, Роза, — усмехнулся мистер Хоган. — Ты также встаешь на дыбы, когда я пытаюсь тебе указывать.

— Дай ей газету, Джон, — устав от этого спора, улыбнулась Роза.

— Полагаю, я могу унести ее в свою комнату и спокойно почитать? — сказала

Элизабет, когда ее пальцы наконец вцепились в газету. По тому, как они смотрели на нее, когда она шла в свою комнату, Элизабет поняла, что Роберт, должно быть, нечаянно дал им повод думать, что она сбежала из сумасшедшего дома. Сев на узкую жесткую кровать, Элизабет развернула газету.

МАРКИЗ КЕНСИНГТОНСКИЙ ОБВИНЯЕТСЯ В УБИЙСТВЕ СВОЕЙ ЖЕНЫ И ЕЕ БРАТА. ПАЛАТА ЛОРДОВ ЗАСЛУШИВАЕТ СВИДЕТЕЛЕЙ. ОЖИДАЕТСЯ ВЫНЕСЕНИЕ ПРИГОВОРА ПО ОБОИМ ОБВИНЕНИЯМ СРАЗУ.

Истерический крик застрял у нее в горле, она упала на колени, уставившись застывшим взглядом в газету.

— Нет, — сказала Элизабет, качая головой. — Нет! — громче повторила она. -

Нет! — Перед ее глазами мелькали слова, тысячи ужасных слов, нагромождение лжи и немыслимых инсинуаций — они стучали у нее в голове, и она перечитывала их снова и снова, пытаясь вникнуть в их смысл и обессилевая от обуревавших ее чувств. Прочитав газету три раза подряд, Элизабет наконец начала улавливать смысл написанного. Ее затрясло, как в лихорадке, дыхание стало тяжелым, как у загнанного животного, когда до нее дошло, что в случае вынесения обвинительного приговора Яну грозит повешение. В последующие пять минут она заставила себя перейти от истерической паники к логическому размышлению и начала стремительно перебирать в уме варианты своего дальнейшего поведения. Что бы ни сделал Ян с Робертом, он не убил его, и тем более не убил ее. В газете были изложены показания свидетелей, доказывающие, что Роберт дважды пытался убить Яна, но в данный момент все это не остановило внимания Элизабет. Единственное, что она сейчас понимала, слушание дела должно было начаться восемнадцатого, то есть три дня назад, Яна скорее всего повесят, и ближайший путь в Лондон лежит по воде — во всяком случае, значительная его часть.

Элизабет бросила газету, выбежала из комнаты и влетела в небольшую гостиную.

— Мистер и миссис Хоган, — начала она, стараясь не забывать, что они считают ее немного неуравновешенной, — в газете есть новости — очень печальные, — которые касаются меня. Мне нужно как можно

быстрее вернуться в Лондон.

— Ну-ну, успокойтесь, миссис, — мягко, но твердо сказал мистер Хоган. — Вы же знаете, что вам не следовало читать газету. Как и говорил ваш муж, вы совсем расстроились из-за нее.

— Моего мужа судят за убийство, — в отчаянии попыталась объяснить Элизабет.

— Ваш муж сейчас в порту — ищет корабль, который направляется в английские колонии.

— Нет, это мой брат.

— Час назад он еще был вашим мужем, — напомнил ей мистер Хоган.

— Он никогда не был моим мужем, он всегда был моим братом, — упиралась

Элизабет. — Мой муж — мой настоящий муж — обвиняется в убийстве, и слушание дела уже началось. Его обвиняют в том, что он убил меня.

— Миссис, — мягко сказал он. — Вы же живы.

— О Боже! — низким голосом сказала выведенная из себя Элизабет. Она откинула со лба волосы и стала думать, как убедить мистера Хогана отвезти ее на берег. Она повернулась к миссис Хоган, которая штопала рубашку сына, кидая на Элизабет озабоченные взгляды.

— Миссис Хоган? — Элизабет подошла к ней и взяла ее руки в свои, вынуждая посмотреть на себя, потом спокойным и очень убедительным голосом начала излагать свое дело: — Миссис Хоган, я не сумасшедшая, но у меня большая беда. Я вам сейчас все объясню. Вы, наверное, заметили, что я не очень-то счастлива?

— Да, мы заметили это, моя дорогая.

— Вы читали в газете о леди Торнтон?

— Все до последнего словечка, хотя я читаю медленно и ничего не понимаю из этой судебной белиберды.

— Миссис Хоган, я леди Торнтон. Нет, не смотрите на своего мужа, смотрите на меня. Смотрите мне в лицо. Я взволнована и напугана, но неужели я кажусь вам действительно сумасшедшей?

— Н-не... не знаю.

— Все то время, что я нахожусь здесь, я хоть раз сказала или сделала что — нибудь, что могло бы навести вас на мысль о моем безумии? Или вы просто сказали бы, что я очень несчастна и немного напугана?

— Я бы не сказала, что вы... — она заколебалась, и в эти секунды к ней пришло то понимание, которое возникает между женщинами, когда одна обращается к другой за помощью, — я не думаю, что вы

сумасшедшая.

— Спасибо, — с чувством сказала Элизабет, благодарно сжав ее руки, и продолжила: — Теперь, когда мы покончили с этим, мне нужно найти способ доказать вам, кто я такая, кто такие мы с Робертом. В газете, — Элизабет попыталась отбросить все лишнее, чтобы как можно короче изложить суть и найти какое-нибудь доказательство, удостоверяющее ее личность, — в газете говорилось, что маркиз Кенсингтонский предположительно убил свою жену, леди Элизабет Торнтон, и ее брата — Роберта Кэмерона. Вы помните? Миссис Хоган кивнула.

— Но эти имена можно встретить на каждом шагу, — возразила она.

— Нет, подождите, — волнуясь, остановила ее Элизабет. — Я сейчас придумаю другое доказательство. Подождите, я сейчас найду его. Идемте! — Она почти силой стащила бедную женщину с кресла и поволокла ее в спальню, где стояли две узкие кровати, на которых спали они с Робертом. Мистер Хоган встал в дверях, чтобы тоже посмотреть. Элизабет вытащила из-под подушки ридикюль и раскрыла его. -

Посмотрите, сколько у меня денег. Здесь гораздо больше, чем может быть у таких обыкновенных людей, как мы с Робертом — у тех, за кого вы нас принимаете, ведь так?

— Не знаю, что и сказать.

— Конечно, не знаете, — сказала Элизабет, понимая, что теряет доверие миссис Хоган. — Подождите, я знаю! — Элизабет подбежала к кровати и ткнула пальцем в газету. — Прочитайте, здесь говорится, как я была одета в день своего исчезновения.

— Мне не нужно читать, я и так помню — зеленом, зеленое платье с черной отделкой. Или, возможно, коричневая юбка и кремовый жакет...

— Или, — победоносно закончила Элизабет, открывая чемодан, в котором лежали те немногие вещи, что она захватила с собой, — серый дорожный костюм, правильно?

Миссис Хоган кивнула, и Элизабет вывалила содержимое чемодана на кровать.

По лицу женщины она поняла, что та поверила ей, и надеялась, что заставила поверить и ее мужа.

Повернувшись к мистеру Хогану, она быстро заговорила.

— Мне нужно немедленно ехать в Лондон, и на корабле это будет гораздо быстрее.

— На следующей неделе должен быть корабль, который идет в...

— Мистер Хоган, я не могу ждать. Суд начался три дня назад. В газете написано, что против моего мужа имеется достаточно доказательств, чтобы

повесить его.

— Но вы же живы! — раздраженно воскликнул мистер Хоган.

— Вот именно. Поэтому-то мне необходимо добраться туда и доказать им это.

И я не могу дожидаться, пока в гавань зайдет какой-нибудь корабль. Я дам вам все, что вы ни попросите, если вы доставите меня в Тилбери на своей лодке. Там уже хорошие дороги, и оставшуюся часть пути я смогу проехать в экипаже.

— Ну, не знаю, миссис. Я бы рад вам помочь, но сейчас начался самый лов, и... — Он увидел ее обезумевший от тревоги взгляд, беспомощно посмотрел на жену и, пожав плечами, развел руками. Миссис Хоган после некоторого колебания кивнула:

— Отвези ее, Джон.

Стиснув ее в объятиях, Элизабет растроганно сказала:

— Спасибо вам, вам обоим. Мистер Хоган, сколько вы зарабатываете за неделю отличного лова?

Он назвал цифру, и Элизабет извлекла из ридикюля несколько банкнот.

Пересчитав их, она вложила деньги ему в ладонь и свела его пальцы в кулак.

— Здесь в пять раз больше, — сказала она. Первый раз в жизни Элизабет

Кэмерон Торнтон заплатила больше, чем требовалось. — Мы должны отплыть сегодня!

— Конечно, мы могли бы отплыть сегодня, но я не думаю, что стоит отправляться на ночь глядя.

— Я не могу терять ни секунды. — Элизабет отбросила ужасное предположение, что и так уже может быть слишком поздно.

— Что здесь происходит? — раздался голос Роберта, и в дверях появился он сам, удивленно оглядывая разбросанные по кровати вещи Элизабет. Затем его взгляд остановился на газете, и глаза его сузились от злости. — Я же говорил вам... — начал он, в бешенств оборачиваясь к Хоганам.

— Роберт, нам нужно поговорить, — перебила его Элизабет. — Наедине. — Джон, — сказала миссис Хоган, — я думаю, нам нужно пойти прогуляться.

Только сейчас Элизабет вдруг подумала, что Роберт прятал от нее газету нарочно — потому что знал, что в ней написано Предположение, что он мог знать и не сказать ей об этом, казалось таким же страшным, как и то, что Ян уже, возможно, казнят за убийство.

— Почему? — с внезапно вспыхнувшим гневом начала Элизабет.

— Что почему? — резко ответил Роберт.

— Почему ты не сказал мне о том, что написано в газете?

— Не хотелось тебя расстраивать.

— Что? — закричала она, но тут же поняла, что у нее нет времени на обсуждение деталей. — Мы должны вернуться.

— Вернуться? — саркастически улыбнулся он. — Я не собираюсь возвращаться.

Ему грозит повешение за то, что он убил меня. Надеюсь, что так и случится. Этот подонок стоит того!

— Но за мое убийство его по крайней мере не повесят, — сказала она, закидывая в чемодан свои вещи.

— Боюсь, что повесят, Элизабет.

Эта внезапная мягкость тона, это полное безразличие вдруг обдали Элизабет ледяным холодом, и в душе ее начало зарождаться ужасное подозрение.

— Если бы я оставила записку, как собиралась, — начала она, — ничего бы этого не случилось. Ян показал бы записку... — Она вдруг умолкла, пораженная новой мыслью: в газете было написано, что, по показаниям свидетелей, Роберт дважды пытался убить Яна, а не наоборот. И если Роберт солгал в этом, то он мог... тогда и все остальное сказанное им — ложь. Уже знакомая боль предательства сдавила ей грудь, отнимая силы, только на этот раз ее предал Роберт, а не Ян. Ян никогда ее не предавал.

— Все это грязная ложь, верно? — с холодным спокойствием спросила Элизабет, сдерживая готовые выплеснуться чувства.

— Он разрушил мою жизнь, — прошипел Роберт, испепеляя ее гневным взглядом, словно это она была предательницей. — И не все из этого ложь. Он действительно посадил меня на свое судно, но в Сан-Делора я сбежал.

Элизабет прерывисто вздохнула.

— А твоя спина? Как это произошло?

— У меня не было денег, черт тебя возьми, — у меня не было ничего, кроме той одежды, в которой я бежал. Я продал себя в рабство, чтобы добраться до Америки, и это, — закричал он, — это свидетельство того, как мой хозяин обращался с рабами, которые воро... которые работали недостаточно быстро.

— Ты хотел сказать «воровали»?! — тоже закричала она, дрожа от ярости. — Не лги мне, хватит. А шахты, шахты, о которых ты говорил, —

черные подземные тоннели?

— Я работал в шахте несколько месяцев, — оскалился Роберт, угрожающе надвигаясь на нее.

Элизабет схватилась за ридикюль и отступила назад, но он вцепился ей в плечи и резко встряхнул.

— Я видел страшные вещи, я сам совершал немыслимые поступки — и все это произошло только потому, что я попытался вступить за твою честь, а ты тем временем, пока я варился в аду, вела себя как последняя шлюха с этим сукиным сыном!

Элизабет попыталась вывернуться, но не смогла. Внезапно ей стало страшно.

— Когда же я наконец вернулся, то узнал из газет, как чудесно жила моя маленькая сестренка, посещающая светские рауты, пока я гнил на плантациях сахарного тростника...

— Твоя маленькая сестренка, — воскликнула Элизабет, — продала все, что только можно, чтобы расплатиться с твоими долгами, черт тебя подери! И если бы ты высунул нос до того, как я распродала все, что было в Хэвенхёрсте, то тут же угодил бы в долговую тюрьму! — Ее начала охватывать паника. — Роберт, пожалуйста, — заговорила она, сглатывая слезы и вглядываясь ищущим взглядом в его безжалостное лицо. — Пожалуйста. Ты же мой брат. И частично то, что ты говоришь, — правда. Потому что я действительно в какой-то степени явилась причиной того, что случилось с тобой. Я, а не Ян. Если бы он и в самом деле был жестоким человеком, то обошелся бы с тобой гораздо хуже. Он мог бы сдать тебя властям. Большинство людей так и поступили бы на его месте, и тогда ты провел бы остаток жизни за решеткой.

Роберт еще крепче сдавил ее плечи и упрямо выдвинул вперед подбородок.

Элизабет больше не могла сдерживать слезы, как не могла ненавидеть Роберта за то, что тот хотел сделать с Яном. Она приложила руку к его впалой щеке, глядя на него глазами, полными слез.

— Роберт, — с болью в голосе проговорила она, — я люблю тебя. Думаю, и ты меня любишь. И если ты собираешься удержать меня здесь силой, боюсь, что для этого тебе придется убить меня.

Он отпихнул ее, словно прикосновение к ее коже жгло ему руки, и Элизабет опустилась на кровать, все еще сжимая в руках раскрытый ридикюль. С горечью в сердце от осознания пережитых им страданий Элизабет смотрела, как он мечется по комнате, словно загнанный, зверь. Потом выложила деньги на кровать и отсчитала себе столько, сколько было

необходимо на дорогу.

— Бобби, — тихо позвала она. Его плечи напряглись, когда он услышал свое уменьшительное имя, которым она называла его в детстве. — Подойди сюда, пожалуйста.

Элизабет видела, как он борется с собой, продолжая метаться по комнате, потом он вдруг стремительно подошел к кровати и встал перед ней.

— Здесь — целое состояние, — сказала она все тем же печальным мягким голосом. — Эти деньги — твои. Возьми их и поезжай, куда хочешь, Бобби. — Она дотронулась до его рукава и прошептала, вглядываясь в его лицо. — Все позади. Мщения больше не будет. Возьми эти деньги и садись на первый же корабль.

Он хотел что-то сказать, но она быстро замотала головой.

— Только не говори мне, куда поедешь, если ты собирался сказать именно это. Меня будут спрашивать о тебе, и если ты будешь знать, что мне неизвестно, где ты находишься, ты будешь чувствовать себя в безопасности — и от меня, и от Яна, и от английских законов.

Она видела, как он сглатывает слезы, уставившись несчастными глазами на деньги, лежащие на кровати. В голове у нее вдруг прояснилось, мысль четко заработала.

— Через полгода, — продолжила она уже быстрее, — я внесу дополнительную сумму в любой банк, который ты мне назовешь. Дай объявление в «Таймс» для Элизабет... Дункан, — быстро придумала она, — и я положу деньги на имя, которое ты укажешь в объявлении.

Он не двигался, и она крепче сжала свой ридикюль.

— Бобби, нужно решать сейчас. У нас слишком мало времени. С минуту Роберт не мог говорить, потом вздохнул, и черты его лица разгладились.

— У тебя всегда было самое нежное сердце в мире, — сказал он кротким голосом, с любовью глядя в ее прекрасное лицо. Затем, не говоря ни слова, взял чемодан, побросал туда свои вещи и сгреб с кровати деньги.

Элизабет сморгнула слезы.

— Не забудь, — охрипшим голосом прошептала она, — Элизабет Дункан.

У двери он задержался и оглянулся на нее.

— Этого достаточно. — Одно долгое мгновение брат и сестра смотрели друг на друга, зная, что видятся в последний раз, потом его губы дрогнули в горькой улыбке. — До свидания, Бесс.

Элизабет видела, как он прошел мимо окна и начал спускаться по

тропинке, ведущей к морю, и только тогда она позволила себе расслабиться. Она упала на кровать, и слезы ручьями покатались по ее бледным щекам, и слезы горечи смешивались со слезами облегчения, но плакала она только о нем — не о себе.

Потому что в ее ридикюле был пистолет.

С той минуты, как Элизабет поняла, что Роберт может не отпустить ее, она была готова направить на него пистолет.

Глава 35

Элизабет добралась из Хелмшида до Лондона за два с половиной дня, хотя обычно такой путь занимал не меньше четырех суток. Не считаясь с ценой и опасностью, она платила сумасшедшие деньги за то, чтобы ее везли ночью, спала прямо в карете и останавливалась только затем, чтобы сменить лошадей, переодеться и наспех перехватить чего-нибудь поесть. Где бы она ни останавливалась, все — от мальчишек-разносчиков до официанток — только и говорили, что о суде над Яном Торнтоном, маркизом Кенсингтонским.

Мили оставались позади, день переходил в черную ночь, за которой начинался серый рассвет, и все повторялось снова, а Элизабет прислушивалась к стуку лошадиных копыт и к стуку своего на смерть перепуганного сердца.

В десять часов утра, через шесть дней после начала суда над Яном, запыленная карета остановилась перед лондонским домом вдовствующей герцогини Хостонской, и Элизабет спрыгнула на землю, не дожидаясь, когда ей опустят ступеньки, подхватила юбки, взбежала на крыльцо и заколотила в дверь.

— Господи, что там такое, — состроила гримасу герцогиня, прекращая беспокойную ходьбу по холлу и недовольно глядя на громыхающую дверь.

Дворецкий отворил ее, и мимо него промчалась Элизабет.

— Ваша светлость! — тяжело дыша, начала она. — Я...

— Вы! — холодно произнесла герцогиня, глядя на растрепанную женщину в пропыленном платье, которая бросила мужа, причинив ему столько боли и тревог, и вот теперь явилась перед ней, похожая на пыльную швабру, как раз тогда, когда было уже слишком поздно.

— Вас не мешало бы выпороть, — сказала она.

— Я не сомневаюсь, что Ян с удовольствием займется этим лично, но только потом. А сейчас мне нужно... — Элизабет остановилась, пытаясь подавить охватившую ее панику и связно изложить свою просьбу, — мне нужно попасть в

Вестминстер. Мне нужна ваша помощь, потому что женщин не пускают в палату лордов.

— Сегодня шестой день суда, и я рада вам сообщить, что он продвигается не так хорошо, как вам бы того хотелось.

— Вы скажете мне все потом! — сказала Элизабет таким

повелительным тоном, который сделал бы честь самой герцогине. — Лучше попробуйте вспомнить какого-нибудь влиятельного человека, который помог бы мне туда попасть, кого-нибудь, с кем вы знакомы. Остальное я сделаю сама — сразу же, как только окажусь там.

С некоторым запозданием до герцогини наконец дошло, что, несмотря на непростительное поведение, Элизабет сейчас — единственная надежда Яна Торнтона.

— Фолкнер! — рявкнула герцогиня, поворачиваясь к лестнице. Наверху, на балконе, материализовалась личная горничная герцогини.

— Ваша светлость? — спросила она.

— Отведи эту молодую женщину наверх. Вычисти ее одежду и приведи в порядок прическу. — Рэмси! — кивнула она дворецкому, приказывая следовать за собой в голубую гостиную, где села за письменный стол. — Отнеси эту записку прямо в Вестминстер.

Скажи им, что это от меня и что ее необходимо немедленно передать лорду Килтону. Он должен быть на своем месте в палате лордов. — Она быстро набросала несколько строк и вручила записку дворецкому. — Я написала ему, чтобы он немедленно остановил слушание дела и что через час мы будем ждать его в моей карете у входа в Вестминстер. Он должен встретить нас там и провести в парламент.

— Сию минуту, ваша светлость, — сказал Рэмси, кланяясь, и быстро направился к выходу.

Герцогиня последовала за ним, продолжая на ходу отдавать приказания:

— В случае, если Килтон пренебрег своими обязанностями и не явился сегодня на заседание, пошли людей к нему домой, в «Уайт», и к той актриске на Блоринд — стрит, про которую он думает, что о ней никто не знает. Вы, — сказала она, задержав ледяной взгляд на Элизабет, — пойдете со мной. Вам придется многое мне объяснить, миледи, и вы сделаете это, пока Фолкнер будет заниматься вашей внешностью.

— Я не собираюсь думать о своей внешности в такое время, — вдруг взорвалась Элизабет.

Брови герцогини взлетели неимоверно высоко.

— Вы приехали убедить суд, что ваш муж невиновен?

— Ну, конечно. Я...

— Тогда не позорьте его еще больше, чем вы уже сделали! Вы выглядите так, словно вас вытащили с помойки Бедлама. Благодарите Бога, если вас саму не повесят за тот скандал, что вы учинили! — Она начала подниматься по лестнице, и Элизабет медленно пошла за ней, вполуха

слушая ее тираду.

— А теперь, если бы еще и ваш незаконнорожденный брат оказал нам честь и явился пред наши светлые очи, то вашему мужу, возможно, и не пришлось бы провести эту ночь в тюремной камере, куда он непременно попадет, по мнению Джордана, если обвинение успешно справится со своей задачей.

Элизабет остановилась.

— Не будете ли вы так любезны послушать меня одну секунду, — сердито начала она.

— Я буду слушать вас всю дорогу в Вестминстер, — саркастически отрезала герцогиня. — Осмелюсь предположить, что весь Лондон будет с нетерпением ждать утренних газет, чтобы узнать, что вы скажете в свое оправдание!

— Ради Бога! — закричала Элизабет ей в спину, лихорадочно соображая, к кому еще она может обратиться, чтобы быстрее достичь цели. Час — это целая вечность! — Я приехала не за тем, чтобы просто продемонстрировать, что я жива.

Я могу доказать, что Роберт жив и что, когда он находился во власти Яна, тот не причинял ему вреда и...

Герцогиня круто развернулась и начала спускаться вниз, с отчаянной надеждой вглядываясь в лицо Элизабет.

— Фолкнер! — снова закричала она, не оборачиваясь. — Бери все, что может понадобиться. Займись леди Торнтон в карете!

Через пятнадцать минут после того, как кучер герцогини натянул вожжи, останавливая лошадей у входа в Вестминстер, лорд Килтон, по пятам которого следовал Рэмси, подошел к ее карете.

— Что такое... — начал он.

— Помогите нам выйти, — сказала герцогиня. — Я расскажу вам все по дороге. Но сначала скажите мне, как там дела.

— Плохо. Для Кенсингтона — очень плохо. Главный обвинитель сегодня в ударе, как никогда. Ему удалось привести настолько убедительные аргументы, что даже, несмотря на слухи, что леди Торнтон жива, никому и в голову не приходит искать доказательства этого.

Он повернулся, чтобы помочь выйти из кареты Элизабет, которую до сих пор никогда не видел, и начал излагать герцогине тактику обвинения:

— В качестве объяснения слухов о том, что леди Торнтон видели в гостинице и на почтовой станции с молодым мужчиной, обвинение выдвигает версию, что

Кенсингтон нанял молодую пару, чтобы они выдавали себя за его жену

и ее предполагаемого любовника, и это звучит весьма правдоподобно, поскольку их видели до того, как ее начали искать, и до того, как ювелир явился в полицию со своим заявлением. И наконец, — закончил лорд Килтон, когда они вошли в холл со сводчатым потолком, — даже слухи, что леди Торнтон жива, обвинители сумели обернуть против него, заявив, что раз она до сих пор не обнаружила себя, значит, серьезно опасается за свою жизнь. Из чего они сделали вывод, что леди Торнтон доподлинно знает, какое безжалостное чудовище ее муж. А если так, то вполне вероятно, что он мог убить ее брата. Обвинение считает, что по делу исчезновения Роберта Камерона достаточно доказательств, чтобы отправить маркиза на виселицу.

— Ну, что касается первой части, то теперь можно не беспокоиться. Вы остановили слушание? — сказала герцогиня.

— Остановил слушание! — воскликнул Килтон. — Моя дорогая герцогиня, для того, чтобы остановить слушание, нужно быть самим Господом Богом или как минимум принцем.

— Им придется разобраться с леди Торнтон, — отрезала герцогиня.

Лорд Килтон резко обернулся, пригвоздив Элизабет взглядом, в то время как на лице его сменялись выражения сначала шока, потом облегчения и затем убийственного презрения. Он отвел от нее взгляд и повернулся к двери, возле которой застыли в карауле гвардейцы.

— Оставайтесь здесь. Я передам адвокату Кенсингтона записку, чтобы он встретился с вами здесь. Не говорите ни одной душе, кто эта женщина, и ждите Петерсона Делхэма. Подозреваю, что он захочет выпустить ее в нужный момент.

Элизабет застыла как камень, ее снова резанул его сверкнувший презрением взгляд, и она поняла его причину: в глазах всех, кто следил за процессом по газетам, Элизабет была либо мертвой, либо неверной женой, которая бросила мужа ради любовника. И поскольку она стояла перед ним во плоти, лорд Килтон, видимо, принял вторую версию. Элизабет знала, что любой мужчина по ту сторону дверей, включая и ее мужа, будет думать про нее то же самое до тех пор, пока она не докажет обратное.

Герцогиня почти ничего не говорила, пока они ехали, и больше слушала объяснения Элизабет, но Элизабет поняла, что старая леди не столько поверила ей сама, сколько хотела, чтобы ей поверили в суде. И то, что ей отказала в доверии герцогиня, поверившая ей тогда, когда не верил почти никто, уязвило Элизабет сильнее, чем презрительный взгляд лорда Килтона.

Через несколько минут лорд Килтон вернулся в холл. — Я видел, как

мою записку только что вручили Петерсону Делхэму. Посмотрим, что теперь будет.

— Вы сказали ему, что леди Торнтон здесь?

— Нет, ваша светлость, — ответил он, с трудом сохраняя терпение. — В суде своевременность часто имеет решающее значение.

Элизабет чуть не взвыла, услышав об этой новой задержке. Ян был по другую сторону дверей, и ей хотелось прорваться за них и показаться ему на глаза, хотелось так сильно, что ей пришлось приложить физическое усилие, чтобы устоять на месте. Она сказала себе, что он увидит ее через несколько минут. Всего несколько минут, и она объяснит ему, что тем мужчиной был Роберт, а никакой не любовник. И когда он поймет это, то простит ее за ту боль, что она причинила ему, — может быть, не сразу, но простит. Элизабет было все равно, что подумают о ней все эти лорды, — их осуждение она готова терпеть всю жизнь, только бы ее простил Ян.

Ей показалось, что прошла целая вечность, а не четверть часа, когда двери открылись и в коридор вышел Петерсон Делхэм — адвокат Яна.

— Для чего я вам понадобился, Килтон? Я делаю все возможное, чтобы этот суд не превратился в Варфоломеевскую ночь, а вы вытаскиваете меня посреди допроса самого опасного свидетеля, будь он трижды проклят!

Лорд Килтон бросил настороженный взгляд на группу мужчин, пересекавших холл, и что-то быстро зашептал Делхэму на ухо. Взгляд Делхэма примерз к лицу Элизабет, и одновременно с этим его пальцы, как клещи, сомкнулись на ее запястье, и он поволок ее в направлении закрытых дверей.

— Поговорим на месте, — коротко сказал он. В комнате, куда он провел Элизабет, стояли большой стол и шесть стульев с прямыми спинками. Делхэм прошел прямо к столу и плюхнулся на стул. Уперев лицо в сложенные ладони, он впился в нее острыми, как кинжалы, голубыми глазами. Потом заговорил, бросая в нее каждое слово, будто горсть льда,

— Леди Торнтон, как мило, что вы нашли время нанести нам визит! Не будет ли слишком грубо с моей стороны спросить у вас, где же вы прохлаждались последние шесть недель?

В этот момент Элизабет думала только о том, что если защитник Яна испытывает к ней такую жгучую ненависть, то что же должен чувствовать сам Ян.

— Я... я догадываюсь, что вы думаете, — начала она, стараясь говорить спокойно.

Не скрывая сарказма, он прервал ее:

— О-о, сомневаюсь в этом, мадам. Если бы вы могли это знать, то пришли бы в ужас.

— Я могу все объяснить! — взорвалась Элизабет.

— В самом деле? — издевательски протянул он. — Какая жалость, что вы не попытались это сделать шесть недель назад!

— Я здесь для того, чтобы сделать это сейчас! — вскричала Элизабет, едва владея собой.

— Ну что ж, доставьте себе такое удовольствие, — ядовито произнес он. — При сотни человек по ту сторону дверей к вашим услугам.

Элизабет охватила паника, голос ее задрожал, и она сорвалась, дав выход своей ярости.

— Послушайте, сэр, я ехала день и ночь без остановки не для того, чтобы стоять теперь перед вами, пока вы тратите время на пустые оскорбления! Я решила ехать в ту же секунду, как прочитала газету и узнала, что мой муж попал в беду.

Я приехала сюда, чтобы доказать, что я жива и невредима и что мой брат тоже жив!

Как ни странно, адвокат не выразил ни радости, ни облегчения, а только еще больше обозлился.

— Рассказывайте, мадам. Я весь внимание и с нетерпением жду, что вы скажете.

— Почему вы так ведете себя? — закричала Элизабет. — Ради Бога, ведь я на вашей стороне!

— Слава Богу, что на нашей стороне больше нет таких, как вы. Элизабет пропустила это замечание мимо ушей и бегло изложила все, что случилось с того момента, как Роберт появился в Хэвенхёрсте. Закончив, она встала, готовая идти в зал и повторить все это еще раз, но Делхэм продолжал молча смотреть на нее испепеляющим взглядом.

— И вы полагаете, что мы поверим этой сказочке? — процедил наконец он. — Ваш брат жив, но здесь его нет. Мы должны поверить на слово замужней женщине, которая бесстыдно путешествовала с другим мужчиной и выдавала себя за его супругу...

— Я была со своим братом, — возразила Элизабет.

— Так, значит, вы хотите, чтобы мы вам поверили. А почему, леди Торнтон?

Откуда вдруг такой неожиданный интерес к судьбе вашего мужа?

— Делхэм! — подала голос герцогиня. — Вы что, сдурели? Любому ясно, что она говорит правду — даже мне, а я не собиралась верить ни одному ее слову, когда она заявила ко мне в дом! Вы попусту терзаете

ее...

Не отрывая взгляда от Элизабет, мистер Делхэм коротко сказал:

— Ваша светлость, то, что делаю я, не идет ни в какое сравнение с тем, что сделает с ее рассказом обвинение. Если она не сможет выстоять здесь, у нее нет шансов убедить суд!

— Я ничего не понимаю! — в панике закричала Элизабет. — Ведь одно мое присутствие доказывает невиновность моего мужа. И у меня с собой письменное свидетельство миссис Хоган, где она подробно описывает моего брата и подтверждает, что мы были вместе. Если понадобится, она приедет сюда сама, только она не сможет добраться так же быстро, как я, потому что ждет ребенка. Ведь суд призван разобраться, виновен или нет мой муж в этих преступлениях. Я знаю правду и могу доказать, что он невиновен.

— Ошибаетесь, леди Торнтон, — с горечью ответил Делхэм. — Благодаря сенсационности этого дела и диким предположениям прессы суд палаты лордов перестал придерживаться принципов правды и справедливости. Он превратился в театр, где обвинение играет свою звездную роль перед многотысячной публикой, которой является вся Англия. Эти люди намерены дать грандиозное представление, и только в этом они сейчас заинтересованы. Хорошо, — сказал он через секунду, — давайте посмотрим, как вы с ними справитесь.

Элизабет так обрадовалась, когда он наконец встал, что даже не придавала значения его последнему замечанию насчет необъективности суда.

— Я рассказала вам все, как было, и привезла письменное свидетельство миссис Хоган относительно Роберта. Она приедет сюда сама, если в этом будет необходимость. Она может описать его и даже узнать на портретах, которые у меня есть...

— Возможно. Но возможно и другое — вы подробно описали ей брата и хорошо заплатили за это, — заметил адвокат, снова входя в роль обвинителя. — Между прочим, вы обещали ей деньги за то, что она приедет сюда?

— Да, но...

— Не стоит, — сердито оборвал он. — Это не имеет значения.

— Не имеет значения? — тупо повторила Элизабет. — Но лорд Килтон говорил, будто позиция обвинения особенно сильна, чертовски сильна именно в том, что касается моего брата.

— Как я вам только что сказал, — холодно ответил Делхэм, — в данный момент это для меня не главное. Сейчас я отведу вас туда, где вы, никем не замеченная, сможете наблюдать за ходом заседания. Когда я

вызову вас на свидетельское место, за вами придет мой помощник.

— Вы... вы скажете Яну, что я здесь? — тонким, сдавленным голосом спросила Элизабет.

— Однозначно нет. Мне нужно, чтобы он увидел вас вместе со всеми. Я хочу, чтобы все видели его реакцию на ваше появление.

Адвокат проводил их к другой двери и отступил в сторону. Элизабет поняла, что они находятся в скрытом алькове, откуда можно незаметно наблюдать за происходящим в зале. У нее участился пульс, и все ее чувства обострились, пытаясь справиться с калейдоскопом цветов, движений и звуков. Длинная зала с высоким сводчатым потолком была наполнена гулом сотен голосов. На верхних галереях и на скамьях внизу сидели лорды, нетерпеливо ожидая продолжения слушания.

Недалеко от алькова восседал лорд-канцлер в красной мантии и парике, на традиционной красной подушке.

Внизу и вокруг него расположились угрюмые люди в таких же красных мантиях и напудренных париках, в том числе восемь судей и королевских обвинителей. За другим столом сидели люди, которых Элизабет сочла помощниками адвоката Яна и мелкими клерками. У них были такие же угрюмые лица и красные мантии и парики, как и у остальных. Элизабет увидела идущего вперед по проходу Петерсона Делхэма, и стала искать глазами мужа. Ян наверняка сидит за каким-нибудь из столов... ее безумный взгляд случайно упал на него и впился в любимое лицо.

Губы беззвучно произнесли его имя, и она с трудом удержалась, чтобы не закричать ему, что она здесь. Слезы застлали ей глаза: все в нем было ей так знакомо, даже его не к месту беззаботный вид. Любой другой обвиняемый сидел бы в напряжении, внимательно прислушиваясь к каждому сказанному слову, но только не Ян, с гордостью подумала Элизабет, на секунду забыв о грозящей ему опасности. Словно желая продемонстрировать свое полное презрение к законности и значительности этого судебного разбирательства, Ян сидел, облокотившись правой рукой на полированный бортик, отгораживающий его от присутствующих в зале, и закинув ногу на ногу. Вид у него был бесстрастный, холодный и совершенно невозмутимый.

— Надеюсь, вы готовы, мистер Делхэм, — раздраженно сказал лорд-канцлер, и как только раздался его голос, в зале наступила тишина. Все замолчали и застыли в напряженном внимании, повернувшись в сторону лорд-канцлера. Все, кроме Яна, отметила Элизабет, который продолжал сидеть, развалившись на стуле, устало глядя в потолок, словно считал этот

суд пустой тратой времени, отвлекающей его от более важных дел.

— Еще раз прошу прощения за задержку, милорды, — сказал Делхэм, прошептав что-то самому молодому из своих помощников, сидящему рядом с ним. Молодой человек вскочил и быстро двинулся по периметру зала, направляясь, как поняла Элизабет, прямо к ней. Повернувшись к лорду-канцлеру, Делхэм с преувеличенной любезностью произнес:

— Милорд, если вы дадите мне еще одну небольшую отсрочку, я полагаю, мы сможем принять решение по этому делу сразу, без дальнейших дебатов и заслушивания свидетелей.

— Выражайтесь яснее, мистер Делхэм, — коротко скомандовал лорд-канцлер.

— Я хочу вызвать нового свидетеля и прошу разрешения задать ему только один вопрос. После этого милорд обвинитель может задавать ему какие угодно вопросы и столько, сколько пожелает.

Лорд-канцлер повернулся к человеку, которого Элизабет приняла за главного обвинителя, генерального атторнея.

— У вас есть какие-нибудь возражения, лорд Сазерлэнд? Лорд Сазерлэнд встал. Это был высокий человек с ястребиным носом и тонкими губами. На нем также были красная мантия и напудренный парик — неперменные атрибуты английского суда.

— Разумеется, нет, милорд, — ехидно произнес он. — Мы уже дважды ждали сегодня мистера Делхэма. Что такое еще одна задержка, если речь идет об истине и справедливости?

— Вызывайте своего свидетеля, мистер Делхэм. Но больше не потерплю никаких задержек процедуры. Надеюсь, я ясно выразился?

Элизабет подпрыгнула от неожиданности, когда в альков вошел молодой помощник адвоката и дотронулся до ее руки. Глядя только на Яна, она пошла на одеревеневших ногах вперед, сердце глухо билось о ребра, и это еще до того, как Петерсон Делхэм громким голосом, который донесся до самых верхних рядов, произнес:

— Милорды, мы вызываем на свидетельское место маркизу Кенсингтонскую!

Элизабет физически ощутила всеобщее возбуждение, охватившее залу. Все наклонились вперед, чтобы лучше видеть ее, но Элизабет ничего не замечала — она смотрела только на Яна и видела, как напряглось его тело и взгляд метнулся к ее лицу... Мгновение спустя его лицо окаменело, превратившись в маску холодной ярости, а янтарные глаза заблестели недобрым металлическим блеском.

Дрожа под этим взглядом, Элизабет прошла на свидетельское место и

повторила клятву, которую ей прочитали. Затем вперед вышел Петерсон Делхэм.

— Не назовете ли вы нам свое имя, дабы все присутствующие в этой палате могли слышать его?

Элизабет сглотнула и, оторвав взгляд от мужа, сказала как можно громче:

— Элизабет Мари Кэмерон.

Ее заявление произвело страшное смятение, головы в белых париках повернулись друг к другу, палата загудела от удивленных возгласов, и лорд — канцлер резко призвал к тишине.

— Позволит ли мне суд подтвердить это, задав обвиняемому вопрос, признает ли он в этой женщине свою жену? — спросил Делхэм, когда порядок был восстановлен.

Лорд-канцлер метнул взгляд на Яна.

— Разумеется.

— Лорд Торнтон, — спокойно спросил Делхэм, наблюдая за реакцией Яна, — является ли эта женщина вашей женой, в похищении... в убийстве которой вы обвиняетесь?

Ян стиснул челюсти и коротко кивнул.

— Прошу всех присутствующих принять во внимание, что лорд Торнтон идентифицировал свидетельницу как свою жену. У меня больше нет вопросов.

Элизабет вцепилась в деревянный край ограждения вокруг свидетельского места и расширившимися глазами смотрела на Петерсона Делхэма, не в состоянии поверить, что он не собирается задавать ей вопросы о Роберте.

— У меня несколько вопросов к свидетельнице, милорды, — сказал генеральный атторней лорд Сазерлэнд.

Элизабет с трепетом смотрела, как он проходит вперед, но, когда он заговорил, она была поражена теплотой, прозвучавшей в его голосе, потому что даже в том состоянии отупения, в котором находилась, она ясно ощущала гнев и презрение всех мужчин в этом зале — всех, кроме него.

— Леди Торнтон, — начал лорд Сазерлэнд с видом несколько смущенным, но и обрадованным, так как появилась надежда, что дело наконец прояснится. — Пожалуйста, не пугайтесь, вам абсолютно нечего бояться. Я задам вам всего несколько вопросов. Не будете ли вы так добры рассказать нам, что привело вас сюда так поздно и в состоянии такой явной тревоги? Почему вы решили обнаружить себя?

— Я... я приехала, потому что узнала, что мой муж обвиняется в

убийстве моем и моего брата, — сказала Элизабет, стараясь говорить достаточно громко, чтобы быть услышанной в самых дальних уголках залы.

— Где вы находились до настоящего времени?

— Я была в Хелмшиде с моим братом Роб...

— Вы сказали — с братом? — громко спросил один из помощников обвинителя.

Лорд Сазерлэнд испытал не меньший шок, чем все присутствующие, в зале снова поднялся шум, и лорд-канцлер был вынужден снова призвать всех к порядку. Однако замешательство обвинителя продлилось недолго. Почти тут же оправившись, он сказал:

— Вы пришли сюда, чтобы рассказать нам, что вы не только живы и невредимы, — задумчиво предположил он, — но и все это время провели со своим братом, который отсутствовал два года и на след которого не смогли выйти ни ваш детектив мистер Вордсворт, ни следственные органы верховной власти, ни даже сыщики, намятые вашим мужем?

Элизабет бросила изумленный взгляд на Яна и в ужасе отшатнулась, наткнувшись на стену ледяной ненависти, которой он отгородился от нее.

— Да, все правильно.

— И где же ваш брат? — Для большего эффекта он обвел зал рукой и оглядел его, словно надеялся увидеть здесь Роберта. — Вы привели его сюда, чтобы мы могли видеть его так же, как видим сейчас вас — живым и невредимым?

— Нет, — сказала Элизабет. — Нет, но...

— Пожалуйста, отвечайте только на мои вопросы, — предостерег ее лорд Сазерлэнд. На его лице застыло выражение растерянности, но уже через несколько секунд он справился с ней и сказал: — Леди Торнтон, полагаю, что все здесь присутствующие будут рады узнать, почему вы покинули свой роскошный безопасный дом и шесть недель назад тайно бежали от своего мужа, а теперь — в последний час, когда все должно решиться, вернулись, чтобы убедить нас, будто мы ошибались, думая, что ваша жизнь и жизнь вашего брата в опасности. Будьте любезны начать сначала.

Элизабет так обрадовалась наконец-то полученной возможности все рассказать, что очень быстро и связно пересказала свою историю так, как многократно репетировала ее в карете, пока добиралась до Лондона, не забывая предусмотрительно выпускать из нее куски, которые могли представить Роберта сумасшедшим лжецом, желающим, чтобы Яна повесили за убийства, которых тот не совершал. Осторожно, тщательно

выбирая слова, она описала Роберта таким, каким воспринимала его сама — молодым человеком, которого горести и лишения заставили искать мщения и которого ее муж спас от виселицы или в лучшем случае — от пожизненного заключения, из милосердия поместив его на свой корабль и переправив за границу, молодым человеком, который много выстрадал из-за своих непреднамеренных действий и перенес тяжелейшие испытания, ошибочно обвиняя в них Яна Торнтон.

Благодаря многократным повторениям Элизабет выучила свою речь наизусть и потому излагала свои показания спокойно, без эмоций и уложила в рекордно короткий срок. Она споткнулась только один раз, когда была вынуждена признать, что считала своего мужа виновным в нанесении брату побоев. В этот ужасный момент она с раскаянием взглянула на Яна, и изменившееся выражение его лица напугало ее еще больше, потому что теперь она прочитала на нем скуку — словно он был вынужден смотреть очень плохой спектакль с абсолютно бездарной актрисой в главной роли.

Лорд Сазерлэнд прервал оглушительную тишину, которая наступила после того, как она закончила, коротким смешком, выражающим сожаление, и вдруг его голос возвысился и обрушился на нее, как удар молота, а глаза пронзительно впились в ее лицо:

— Моя дорогая леди, у меня есть к вам еще один вопрос, и он очень похож на предыдущий: я хочу знать почему.

По какой-то необъяснимой причине Элизабет почувствовала страх, словно сердце подсказало ей, что происходит нечто ужасное, — ей не верят, и в настоящий момент обвинитель намерен убедить всех в том, что ей вообще нельзя верить.

— Почему вы пришли сюда и рассказываете нам все эти удивительные вещи, пытаясь спасти жизнь человека, от которого, по вашему собственному признанию, вы сбежали шесть недель назад?

Элизабет обратила умоляющий взор к Петерсону Делхэму, который сердито пожал плечами, давая понять, что не в состоянии ей помочь. Ошеломленная происходящим, она вдруг вспомнила его слова, сказанные в предварительной беседе, и теперь осознала их смысл: «То, что я делаю, не идет ни — в какое сравнение с тем, что сделает с ее рассказом обвинение... суд палаты лордов перестал придерживаться принципов правды и справедливости. Он превратился в театр, где обвинение играет свою звездную роль...»

— Леди Торнтон! — выкрикнул обвинитель и начал выстреливать в нее вопросами с такой быстротой, что она едва успевала улавливать их

смысл. — Скажите нам правду, леди Торнтон. Этот человек... — он обвиняющим жестом указал в сторону Яна, — нашел вас и предложил вам деньги за то, чтобы вы пришли сюда и рассказали нам эту неправдоподобную историю? Или он нашел вас и угрожал расправой в случае, если вы не придете сюда сегодня? Правда ли то, что вы не знаете местонахождение своего брата? И разве не правда, что, по вашему собственному признанию, которое вы сделали несколько минут назад, вы бежали от этого жестокого человека, опасаясь за свою жизнь? И разве не правда, что вы и теперь боитесь жесточайшей расправы с его стороны...

— Нет! — вскричала Элизабет. Она пробежала глазами по рядам и не увидела ни одного лица, на котором не было бы выражения презрения и сомнения в том, что она рассказывала.

— У меня больше нет вопросов!

— Подождите! — В этот бесконечно малый промежуток времени Элизабет вдруг подумала, что если она не может убедить их в своей правоте, то, возможно, ей удастся создать впечатление, что она слишком глупа, чтобы насочинять столько лжи. — Да, милорд, — прозвенел ее голос. — Я не могу этого отрицать — я имею в виду его жестокость.

Сазерлэнд круто развернулся, и глаза его загорелись. По палате прокатилась новая волна возбужденного шепота. — Вы признаете его жестокость?

— Да, — с чувством произнесла Элизабет.

— Моя бедная дорогая леди, не могли бы вы привести нам — всем нам несколько примеров его жестокости?

— Да, и когда я сделаю это, полагаю, всем станет ясно, каким жестоким может быть мой муж, почему я сбежала от него с Робертом — моим братом. — Элизабет лихорадочно пыталась вспомнить какую-нибудь полуправду, которая не являлась бы настоящим клятвопреступлением, и в памяти ее всплыли слова Яна той ночью, когда он приехал к ней в Хэвенхёрст.

— Да, продолжайте. — Головы на верхних галереях резко наклонились вниз, и Элизабет показалось, что над ней нависло все здание. — Когда в последний раз ваш муж был жесток с вами?

— Ну, как раз перед тем, как я уехала, он угрожал сократить мое личное содержание. Понимаете, я превысила расходы и долго не признавалась ему в этом.

— Вы боялись, что он изобьет вас?

— Нет, я боялась, что он не даст мне денег в следующем квартале! Кое-кто на галерее засмеялся, и в ту же секунду смех перешел в кашель.

Сазерлэнд потемнел лицом и нахмурился, но Элизабет рвалась высказаться:

— Мы с мужем как раз обсуждали это — я хочу сказать, мое содержание, за два дня до того, как я сбежала с Бобби.

— Он угрожал вам во время разговора? Это было в ту ночь, когда вы плакали, по свидетельству вашей горничной?

— Да, полагаю, что так!

— Почему вы плакали, леди Торнтон? Головы на галереях наклонились еще ниже.

— Я очень переживала, — ответила Элизабет. — Чтобы уехать с Бобби, мне пришлось продать прекрасные изумруды, которые подарил мне лорд Торнтон. — В приливе вдохновения она доверительно наклонилась в сторону лорда-канцлера. — Конечно, я знала, что потом он купит мне новые, но к этим я уже привыкла.... — На галерее снова послышался изумленный смех, и это послужило ободрением так нуждавшейся в нем Элизабет.

Лорд Сазерлэнд, однако, не смеялся. Он чувствовал, что его пытаются одурачить, но уверенный, как и все мужчины, в интеллектуальном превосходстве своего пола, был не в состоянии поверить, что женщина может быть достаточно умна, чтобы преуспеть в этом намерении.

— Видимо, от меня ожидают, что я поверю, будто вы бежали с человеком, которого называете своим братом, повинуюсь капризу?

— О Боже, я не знаю, чего от вас ожидают. Я знаю только, что сделала это.

— Миледи! — резко выкрикнул он. — По показаниям ювелира, которому вы продали изумруды, вы были на грани истерики. Если все это было только капризом, то почему вы находились в таком состоянии?

Элизабет уставилась на него непонимающим взглядом.

— Я любила свои изумруды.

Взрыв хохота огласил палату. Элизабет подождала, пока смех утихнет, затем снова наклонилась вперед и с гордостью призналась:

— Муж часто говорил, что изумруды идут к моим глазам. Ну разве это не мило?

Элизабет заметила, как Сазерлэнд в ярости стиснул зубы. Боясь взглянуть на Яна, она бросила быстрый взгляд на Петерсона Делхэма, и тот одобрительно кивнул ей.

— Итак! — напыщенно провозгласил Сазерлэнд. — Теперь нас хотят убедить в том, что в действительности вы не боялись своего мужа?

— Конечно, боялась. Разве я не доходчиво объяснила, каким он бывает

жестоким? — спросила Элизабет, напуская на себя вид невинной дурочки. — Естественно, когда Бобби показал мне свою спину, я подумала, что человек, который в состоянии урезать содержание своей жене, способен на все...

На этот раз смех не умолкал еще дольше, и даже после того, как все успокоились, на лицах большинства мужчин остались иронические ухмылки.

— И мы также должны поверить, что вы убежали с человеком, которого называете своим братом, и спокойноенько проживали где-то на берегу...

Элизабет энергично закивала и помогла ему:

— В Хелмшиде — в прелестнейшей деревушке на берегу моря. И я очень прият.... очень мирно проводила время до тех пор, пока мне в руки не попала газета и я не узнала, что моего мужа судят. Бобби считал, что мне не следует возвращаться, потому что все еще злился на мужа за то, что тот посадил его на свой корабль. Но я решила, что должна поехать.

— И что же послужило причиной, побудившей вас принять такое решение? — оскалился в усмешке Сазерлэнд.

— Я подумала, что лорду Торнтону вряд ли захочется быть повешенным... — новый взрыв веселья потряс палату лордов, и Элизабет пришлось выждать целую минуту, прежде чем она смогла продолжить. — Поэтому я отдала деньги Бобби, чтобы он мог жить, как ему заблагорассудится, а сама поехала в Лондон.

— Леди Торнтон, — угрожающе ласковым голосом заговорил Сазерлэнд, и Элизабет внутренне вздрогнула, — вам что-нибудь говорит слово «лжесвидетельство»?

— Я полагаю, оно означает говорить неправду в таком месте, как это.

— А вам известно, как верховный суд карает лжесвидетелей? Их приговаривают к тюремному заключению, и они проводят жизнь в темном сыром подвале. Вам хочется, чтобы это случилось с вами?

— Конечно, для меня это неприемлемо, — сказала Элизабет. — Мне ведь не позволят взять туда мои платья и украшения?

От взрыва хохота задрожали огромные канделябры, свисавшие с куполообразного потолка.

— Нет, не позволят!

— В таком случае я очень рада, что не сказала неправды. Сазерлэнд уже не был уверен в том, что его дурачат, но чувствовал, что ему не удалось представить Элизабет коварной изменницей или запуганной до смерти женой.

Рассказанная ею история эксцентричного бегства с братом, похоже, не вызвала недоверия у собравшихся лордов.

— Миледи, может быть, вы клеветеете на себя, чтобы выгородить этого человека? — с бьющимся сердцем, бешено сверкая на нее глазами, спросил обвинитель. Он указал рукой на Яна, и Элизабет перевела взгляд на место для подсудимого. Ее сковал ужас, когда она увидела, что Ян сидит с еще более скучающим и безразличным видом, совершенно отстранившись от происходящего.

— Я спросил вас, — снова загремел Сазерлэнд, — не клеветеете ли вы на себя, чтобы спасти этого человека от виселицы в следующем месяце.

Элизабет умерла бы, чтобы спасти его. Оторвав взгляд от лица Яна, которое своей отстраненностью разрывало ей сердце, она заставила себя снисходительно улыбнуться.

— В следующем месяце! Как можно говорить такие немыслимые вещи! В следующем месяце леди Нортхэм дает бал, и маркиз Кенсингтонский твердо обещал, что она может рассчитывать на наше присутствие... — громовые раскаты хохота заглушили последние слова Элизабет, — ...и я собиралась надеть свои новые меха!

Элизабет замолчала и стала ждать. Она чувствовала, что добилась успеха — и не потому, что ее игра показалась такой уж убедительной, а потому, что у большинства лордов были жены, способные думать только о новых платьях, мехах и балах, именно поэтому ее слова показались им абсолютно правдоподобными.

— У меня больше нет вопросов! — прогремел Сазерлэнд, бросая на нее последний презрительный взгляд.

И тут медленно поднялся Петерсон Делхэм, и хотя его лицо оставалось совершенно бесстрастным, Элизабет скорее почувствовала, чем увидела, что мысленно он аплодирует ей.

— Леди Торнтон, — официальным тоном обратился он к пей, — вам есть еще что сказать суду?

Элизабет поняла, что он добивается от нее чего-то еще, но расслабленная успехом, не могла понять, чего именно. И потому сказала единственное, что пришло ей в голову, но начав говорить, сразу поняла — это именно то, чего он хотел.

— Да, милорд. Я хочу сказать, что очень сожалею о том беспокойстве, которое мы с Бобби всем причинили. Я была не права, когда поверила брату и сбежала, никому ничего не сказав. И Бобби тоже был не прав, столько времени злясь на моего мужа за поступок, который в конечном итоге был проявлением милосердия с его стороны. — Она почувствовала,

что перестаралась, рассуждая слишком разумно, и потому добавила: — Если бы Кенсингтон упрятал Бобби в тюрьму, я думаю, ему бы это не понравилось так же, как и мне. Надо сказать, — призналась она, — мы с Бобби с детства привыкли к утонченной жизни.

— Леди Торнтон! — обратился к ней лорд-канцлер, когда утих новый взрыв смеха. — Вы можете покинуть свидетельское место. — Язвительный тон, каким это было сказано, заставил Элизабет поднять на него взгляд, и она чуть не оступилась, увидев его горящие бешенством глаза. Другие лорды могли считать ее безнадежно глупой курицей, но лорд-канцлер смотрел на нее так, словно с наслаждением лично задушил бы.

Сопровождаемая помощником Делхэма, Элизабет на негнущихся ногах пошла к выходу, но когда они подошли к двери, ведущей в холл, она замотала головой и умоляюще прошептала:

— Пожалуйста, позвольте мне остаться в алькове. Не заставляйте меня ждать за дверьми и мучиться от неизвестности. — Она увидела, как по длинному проходу к Делхэму направляется какой-то человек.

— Хорошо, — согласился юноша после минутного колебания, — но обещайте, что не издадите ни звука. Я думаю, до конца уже недолго.

— Вы хотите сказать, — прошептала она, следя взглядом за человеком, идущим к Петерсону Делхэму, — что моих показаний будет достаточно, чтобы они освободили моего мужа прямо сейчас?

— Нет, миледи. Тише, не волнуйтесь. Но сейчас Элизабет была не столько взволнована, сколько удивлена, потому что Ян впервые за все это время начал проявлять некоторый интерес к заседанию. Он бросил взгляд на человека, разговаривающего с Петерсоном Делхэмом, и на долю секунды Элизабет показалось, что на его безразличном лице мелькнуло выражение мрачного удовлетворения.

Проследовав за помощником адвоката в альков, она встала рядом с герцогиней, не замечая на себе ее одобрительного взгляда.

— Что происходит? — спросила она у молодого человека, видя, что тот не собирается возвращаться на свое место.

— Делхэм собирается выиграть это дело! — ответил он с улыбкой.

— Милорд канцлер. — Петерсон Делхэм кивнул человеку, с которым говорил, и возвысил голос. — С разрешения суда, который до сих пор проявлял снисхождение к моим просьбам, я хотел бы представить еще одного свидетеля, который, как мы полагаем, приведет неопровержимое доказательство того, что Роберту Кэмерону не было причинено ни прямого, ни косвенного вреда во время его нахождения на борту «Арианны». Если суд сочтет его показания убедительными, это вселит в меня уверенность,

что и все дело в целом будет разрешено в самые кратчайшие сроки.

— Лично я не испытываю такой уверенности! — подал реплику лорд Сазерлэнд.

Даже со своего места Элизабет могла видеть, как посуровело лицо лорда — канцлера, когда он повернулся, чтобы взглянуть на обвинителя.

— Позвольте нам надеяться на лучшее, — сказал лорд-канцлер лорду Сазерлэнду. — Этот суд и так уже вышел за рамки приличия, и этим мы в немалой степени, милорд, обязаны вам. — Взглянув на Петерсона Делхэма, он нетерпеливо бросил:

— Вызывайте свидетеля!

— Благодарю, милорд канцлер. Мы вызываем на свидетельское место капитана Георга Грэнсома.

Элизабет начала догадываться, что сейчас произойдет. Центральные двери открылись, и по проходу пошел высокий мускулистый мужчина. Вслед за ним вошли и столпились у входа еще несколько человек, видимо, ожидая, что их тоже могут вызвать. Все они были крепкие, загорелые, с выдубленной солеными ветрами кожей.

За четыре недели пребывания в Хелмшиде Элизабет научилась безошибочно узнавать моряков. Человек по имени Грэнсом занял свидетельское место и начал отвечать на вопросы Петерсона Делхэма. Теперь Элизабет стало ясно, что снятие с Яна обвинения в «убийстве» Роберта Кэмерона было предрешено еще до ее появления.

Капитан Грэнсом рассказал о том, как обращались с Робертом на борту «Арианны», и о том, что тот сбежал с корабля, когда они были вынуждены зайти в порт на ремонт. Он также ясно дал понять, что весь экипаж судна готов подтвердить его показания.

Элизабет вдруг стало нехорошо. Она поняла, что все ее страхи были совершенно напрасны. Если Ян был в состоянии доказать, что не причинял Роберту никакого вреда, то исчезновение Элизабет уже не выглядело столь зловещим.

Она обернулась и гневно подступила к улыбающемуся помощнику адвоката, который внимательно слушал показания капитана.

— Почему, отвечайте, вы не объявили прессе, что случилось с моим братом?

Ведь теперь очевидно, что мистеру Делхэму и моему мужу это было известно. И вы должны были знать, что капитан и его команда могут доказать его невиновность.

Молодой человек с неохотой оторвал взгляд от капитана и тихо ответил:

— Это была идея вашего мужа. Он не хотел открывать свои козыри до суда.

— Но почему?

— Потому что наш прославленный обвинитель и его помощники явно не намерены были закрывать это дело, какие бы доказательства ни приводила защита. Они полагали, что имеют достаточно доказательств, чтобы добиться обвинительного приговора, и если бы мы сказали им про «Арианну» до суда, они стали бы тянуть время, пытаясь найти опровержение показаниям капитана Грэнсома или подорвать доверие к нему самому. Кроме того, «Арианна» была в плавании, и мы не были стопроцентно уверены, что успеем вовремя связаться с ними и доставить их сюда для дачи показаний. Теперь же наш разъяренный лорд обвинитель не имеет под рукой ничего готовенького для их опровержения. И даже если ваш брат больше никогда не появится, все равно нет смысла искать дополнительные улики, поскольку если он их и найдет — а он их не найдет — вашего мужа все равно не могут судить дважды за одно и то же преступление.

Теперь Элизабет знала причину спокойствия Яна, хотя по-прежнему не понимала, почему он не смягчился по отношению к ней: ведь она объяснила, что была с Робертом, а не с любовником, и предъявила письменное свидетельство миссис Хоган.

— Весь этот спектакль был поставлен вашим мужем, — сказал помощник адвоката, восхищенно глядя на Яна, к которому сейчас обращался лорд-канцлер. -

Он сам спланировал свою защиту. У вашего мужа блестящий ум. Кстати, мистер

Делхэм просил передать вам, что вы были изумительны на свидетельском месте.

С этого момента заседание суда стало продвигаться с максимальной скоростью, какую позволяла необходимая, но бессмысленная процедура. Понимая, что не в силах опровергнуть показания всей команды «Арианны», лорд Сазерлэнд задал капитану Грэнсому несколько формальных вопросов и отпустил его. После этого обе стороны выступили с заключительным словом, и лорд-канцлер объявил голосование.

Элизабет напряженно слушала, как председатель суда выкликает имена лордов.

Один за другим они вставали, прикладывали правую руку к груди и заявляли либо

«невиновен», либо «виновен». Окончательный итог был 324 к 14 в

пользу оправдательного приговора. Проголосовавшие за обвинительный приговор, как шепнул Элизабет помощник Делхэма, были настроены против маркиза по личным мотивам, либо — что вряд ли — усомнились в показаниях Элизабет и капитана

Грэнсома.

Элизабет почти не слушала его. Сейчас ее волновало только то, что большинство проголосовало за оправдание Яна и что лорд-канцлер наконец приступил к объявлению решения суда:

— Лорд Торнтон, — обратился он к Яну, и тот медленно встал, — суд постановляет признать вас невиновным в совершении обоих преступлений, в которых вы обвинялись. Вы свободны и можете покинуть зал. — Он помолчал, словно засомневавшись в чем-то, и вдруг с непозволительным в этих стенах чувством юмора заметил: — Мне также хотелось бы неофициально посоветовать вам хорошенько подумать, прежде чем провести эту ночь под одной крышей со своей женой. Боюсь, что на вашем месте я не удержался бы и совершил то преступление, которое вменялось вам в вину.

Хотя, — добавил он под общий хохот, — думаю, что выражу общее мнение, если скажу, что вы можете рассчитывать на полное оправдание, учитывая огромное количество смягчающих обстоятельств.

От стыда Элизабет закрыла глаза, чего не могла себе позволить, когда давала показания. Она убеждала себя, что пусть уж лучше ее примут за безмозглую курицу, чем за коварную неверную жену, но когда, открыв глаза, она увидела, как

Ян удаляется от нее по проходу, ее уже не заботило ни то, ни другое.

— Идем, Элизабет, — сказала герцогиня, — мягко похлопывая ее по руке. — На выходе уже наверняка поджидают газетчики. Так что чем скорей мы уйдем отсюда, тем больше шансов ускользнуть.

Но как только они вышли на солнечный свет, Элизабет поняла, что скрыться им не удастся. Газетчики и толпа зевак преградили Яну дорогу, выкрикивая

«Женоубийца!» и «Злодей!». Вместо того чтобы обойти их, Ян крепко сжал челюсти и пошел напролом, плечами прокладывая себе дорогу. Убитая этим зрелищем,

Элизабет смотрела, как его осыпают оскорблениями.

— О Боже, — простонала она, — вы только посмотрите, что я наделала.

Как только экипаж Яна отъехал, толпа бросилась на поиски новой жертвы. Из здания начали выходить лорды.

— Это она! — закричал журналист «Лондонской газеты», который вел раздел светской жизни, и указал на Элизабет. Толпа хлынула на нее, и тут кто-то схватил ее за руку и потащил обратно в здание.

— Быстрее, леди Торнтон, — произнес незнакомый ей молодой человек, — следуйте за мной. За углом есть другой выход.

Элизабет машинально повиновалась, вцепившись в руку герцогини, и они стали пробираться через толпу лордов назад.

Когда они подошли к другому выходу, герцогиня описала молодому человеку свою карету, и он кивнул.

— Оставайтесь здесь. Никуда не выходите. Я скажу вашему кучеру, чтобы он подъехал сюда.

Через десять минут появилась карета герцогини, и они поторопились укрыться в ней. Элизабет высунулась из окна.

— Спасибо вам, — сказала она молодому человеку, ожидая, что он назовет свое имя. Он приподнял шляпу.

— Томас Тайсон из «Таймс», леди Торнтон. Нет, не волнуйтесь, — успокоил он ее, — я не собираюсь задавать вам вопросов. Приставать к женщинам не мой стиль. — Для убедительности он захлопнул дверцу кареты.

— В таком случае, — сказала Элизабет через открытое окно, силясь изобразить благодарную улыбку, — боюсь, вы не очень преуспеете в журналистском деле.

— Возможно, вы согласитесь поговорить со мной в другое время — без свидетелей?

— Возможно, — неуверенно ответила Элизабет. Кучер щелкнул кнутом, и лошади медленно тронулись с места, вливаясь в транспортный поток, который к этому времени был уже весьма оживленным.

Закрыв глаза, Элизабет откинулась на спинку сиденья. Образ Яна, преследуемого толпой и выкриками «Убийца», терзал ее воображение. С болью в голосе она шепотом спросила у герцогини:

— Как давно его преследуют толпы зевак, проклиняющих его имя?

— Больше месяца.

Элизабет издала прерывистый вздох, и в голосе ее зазвенели слезы.

— Если бы вы знали, какой он гордый... Он такой гордый... а из-за меня его обвинили в убийстве. И завтра он превратится в посмешище.

Герцогиня помолчала, потом отрывисто проговорила:

— Он сильный мужчина, и его никогда не интересовало чужое мнение — за исключением, возможно, вашего, Джордана и еще нескольких людей. К тому же осмелюсь предположить, что скорее всего вы, а не Кенсингтон,

будете выглядеть душой в завтрашних газетах.

— Вы отвезете меня домой?

— На Променад-стрит?

Слезы моментально высохли на щеках Элизабет.

— Нет, конечно, нет. К нам домой — на Брук-стрит.

— Не думаю, что вам стоит это делать, — резко сказала герцогиня. — Вы же слышали, что сказал лорд-канцлер. Элизабет колебалась только одну секунду.

— Уж лучше я предстану перед Яном сейчас, чем буду со страхом ждать этой встречи всю ночь.

Герцогиня, которая хотела, чтобы Ян немного пришел в себя после заседания суда, вдруг вспомнила, что ей необходимо навестить больную подругу. Когда они вышли от подруги, герцогиня повеяла Элизабет к следующей подруге. К тому времени, когда они наконец приехали на Брук-стрит, уже почти стемнело, и Элизабет вконец изнервничалась. Когда она вошла в дом, дворецкий окинул ее таким взглядом, словно она не стоила даже его презрения.

Ян, видимо, был уже дома, и слуги знали о ее показаниях в палате лордов.

— Где мой муж, Долтон? — спросила она у дворецкого.

— В кабинете, — сказал Долтон, отходя в сторону. Взгляд Элизабет упал на чемоданы, стоящие в холле. По лестнице спускались еще несколько слуг с чемоданами. Сердце ее дико застучало, и она почти бегом бросилась по коридору к кабинету Яна. Сделав несколько шагов, она остановилась, чтобы собраться с мыслями, прежде чем он обернется и увидит ее. С бокалом виски в руке Ян стоял у камина и смотрел на огонь. Сейчас он был в одной рубашке с закатанными рукавами, и Элизабет с раскаянием подумала, что сейчас он выглядит еще более исхудавшим, чем в парламенте. Не зная, с чего начать, она задала самый простой, но зато самый своевременный вопрос:

— Ты... ты куда-то уезжаешь?

Элизабет заметила, как при звуках ее голоса плечи его напряглись, а когда он повернулся и посмотрел на нее, она почти физически ощутила, каких усилий ему стоит держать себя в руках.

— Уезжаете вы, — спокойно ответил Ян.

Элизабет протестующе покачала головой и пошла к нему по ковру. Насколько же труднее объяснить все ему одному, чем стоять перед всеми этими лордами.

— Я бы не стал этого делать на вашем месте, — мягко предупредил

он.

— Ч-что делать? — дрожащим голосом спросила Элизабет.

— Приближаться ко мне.

Она остановилась, услышав в его голосе угрозу и отказываясь этому верить, глаза ее вопросительно вглядывались в его будто высеченные из гранита черты.

— Ян, — начала Элизабет, — протягивая к нему руку в безмолвном призыве. Он ответил ей презрительным взглядом, и она опустила руку. — Я понимаю, — начала она снова, дрожа от волнения и не зная, чем умерить его гнев, — что ты должен презирать меня за то, что я сделала.

— Вы правы.

— Но я готова на все, абсолютно на все, чтобы загладить свой поступок. И как бы это ни выглядело со стороны, я никогда не перестану любить...

Его голос прозвучал, как удар хлыста:

— Замолчите!

— Нет, ты должен выслушать меня, — сказала она, начиная говорить быстрее, движимая паникой и предчувствием, что, что бы она сейчас ни сказала и ни сделала, это не изменит его отношения к ней. — Я никогда не переставала любить тебя, даже когда...

— Я предупреждаю тебя, Элизабет, — сказал он голосом, от которого ей стало жутко, — замолчи и убирайся отсюда! Убирайся из моего дома и из моей жизни!

— Это... это из-за Роберта? Я хочу сказать, ты не веришь, что я была с Робертом?

— Мне плевать, с кем ты была.

Теперь Элизабет уже испытывала настоящий ужас, потому что видела, что ему действительно все равно, с кем она была.

— Это был Роберт, — запинаясь, сказала она. — Я могу доказать это, если ты только позволишь.

В ответ он засмеялся коротким натянутым смехом, который показался ей еще более жутким, чем его гнев.

— Элизабет, я не поверил бы тебе, даже если бы увидел вас вместе. Я достаточно ясно выразился? Ты законченная лгунья и великолепная актриса.

— Если ты считаешь так из-за тт-тех глупостей, которые я говорила в суде, то я нн-не могу поверить, будто ты не пон-ннимаешь, почему я это сделала.

Он окинул ее презрительным взглядом.

— Конечно, я знаю, почему ты это сделала! Чтобы достичь своей цели. Ради этого ты готова на все. Если бы это могло тебе помочь, ты переспала бы со змеей!

— Почему ты говоришь мне это? — вскричала она.

— Потому что в тот же день, когда твой детектив сказал тебе, что я виноват в исчезновении Роберта, ты стояла со мной в этой проклятой церкви и клялась любить меня до гроба! Ты была готова выйти замуж за человека, которого считала убийцей, ты была готова спать с убийцей.

— Ты сам не веришь в это! Я смогу доказать, я еще не знаю как, но смогу... если ты только дашь мне шанс...

— Нет.

— Ян.

— Я не хочу никаких доказательств.

— Я люблю тебя, — судорожно произнесла она.

— Я не хочу твоей любви и не хочу тебя. А теперь... — он поднял взгляд, когда Долтон постучал в дверь.

— Мистер Лэримор, милорд.

— Скажи, что я сейчас приму его, — сказал Ян, и Элизабет ахнула.

— Ты... ты собираешься заняться делами, не договорив со мной?

— Не совсем так, любовь моя. Я послал за Лэримором по другой причине.

Страх, которому не было определения, пробежал у нее по спине от тона, каким это было сказано.

— По какой... какой причине ты хочешь встретиться со своим адвокатом в такое время?

— Я начинаю бракоразводный процесс, Элизабет.

— Чч-что? — выдохнула она, и пол начал уходить у нее из-под ног. — На каком основании! Из-за моей глупости?

— Уклонение от супружеских обязанностей.

В этот момент Элизабет была готова сказать и сделать что угодно, лишь бы достучаться до него. Она не могла поверить, просто не могла представить, что тот нежный и страстный человек, который так любил ее, может с легкостью вычеркнуть ее из своей жизни — даже не выслушав, не дав возможности все объяснить. Глаза ее наполнились слезами, и она предприняла последнюю отчаянную попытку.

— Ты будешь выглядеть ужасно глупо, милый, если объявишь в суде, что я уклоняюсь от выполнения супружеского долга, потому что сразу после тебя выступлю я и заявлю, что горю желанием сдержать данную у алтаря клятву.

— Если через три минуты ты не покинешь этот дом, — ледяным тоном предупредил Ян, — я изменю основание для развода на адюльтер.

— Я не изменяла тебе.

— Может быть, и нет, но у тебя уйдет чертовски много времени на то, чтобы доказать это. У меня есть некоторый опыт в делах такого рода. А теперь, в последний раз говорю тебе — уходи из моей жизни. Все кончено. — И чтобы доказать это, Ян подошел к столу, сел и позвонил в колокольчик. — Проводи сюда Лэримора, — сказал он Долтону.

Элизабет застыла, не зная, что сделать, чтобы удержать его от поступка, который может оказаться непоправимым. Всем своим существом она чувствовала, что он любит ее. Если бы это было не так, он не испытывал бы к ней сейчас такой ненависти... Но то, что он собирается сделать... она повернулась к нему, мысленно прокручивая в голове историю с Лабрадором, рассказанную ей викарием.

Нет, она не собака и не позволит ему избавиться от себя таким образом.

Она подошла к столу и, положив на него вспотевшие ладони, стала смотреть на Яна, пока не заставила его поднять голову. Глядя ему прямо в лицо, она произнесла дрожащим голосом:

— Послушай меня внимательно, милый, потому что, даю тебе слово, я не дам тебе вычеркнуть меня из своей жизни. Ты дал мне свою любовь, и я не позволю тебе отобрать ее у меня. И чем больше ты будешь стараться, тем труднее тебе будет сделать это. Я буду преследовать тебя даже во сне, так же как твой образ мучил меня каждую ночь, когда я была вдали от тебя. Ты будешь лежать без сна в своей постели и тосковать обо мне, зная, что я тоже не сплю и тоскую о тебе. И когда ты больше не сможешь этого выносить, ты придешь ко мне. А я буду тебя ждать. Я заплачу в твоих объятиях и попрошу у тебя прощения за все, что сделала, а ты pomoжешь мне найти способ простить себя...

— Черт тебя подери! — заорал Ян, побелев от бешенства. — Что я должен сделать, чтобы ты замолчала?!

Элизабет вздрогнула от ненависти, прозвучавшей в голосе, который она так любила. Она глубоко вздохнула и попросила Господа не дать ей заплакать, пока она не закончит.

— Я очень сильно обидела тебя, любовь моя, и, наверное, буду обижать тебя еще в течение ближайших пятидесяти лет. И ты тоже будешь делать мне больно, Ян, но надеюсь, ты больше никогда не сделаешь мне так больно, как сейчас. Но если этому суждено случиться, я вытерплю, потому что иначе мне придется жить без тебя, а это уже не жизнь. Разница между

нами в том, что я это знаю, а тебе еще только предстоит это понять.

— Теперь ты закончила?

— Не совсем, — сказала Элизабет, выпрямляясь при звуках шагов в коридоре.

— Осталось только одно, — она вскинула дрожащий подбородок. — Я не твой Лабрадор! И ты не выкинешь меня из своей жизни, потому что я сама в ней не останусь.

Когда Элизабет ушла, Ян тупо оглядел пустую комнату, в которой она была еще несколько секунд назад, и попытался понять, что она хотела сказать своим последним замечанием. В кабинет вошел Лэримор, и он кивнул ему, молча приказывая садиться.

— Из вашей записки я заключил, что вы собираетесь подать на развод? — тихо спросил Лэримор, открывая папку с бумагами.

Слова Элизабет снова зазвучали в ушах у Яна, и он на мгновение заколебался, но потом вспомнил, сколько лжи было в их отношениях, начиная с той ночи, когда они встретились, и кончая той ночью, когда они виделись в последний раз. Он вспомнил свои терзания в первые недели ее исчезновения и сравнил их со своим теперешним состоянием холодного блаженного оупения. После долгого молчания Ян посмотрел на своего адвоката, который ждал его ответа, и медленно кивнул.

Глава 36

На следующий день Элизабет в своем доме на Променад-стрит не могла дожидаться, когда принесут утренние газеты. «Таймс» реабилитировала Яна заголовком на всю первую полосу:

УБИЙЦА-МАРКИЗ В ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ ОКАЗАЛСЯ НЕСЧАСТНЫМ МУЖЕМ

«Лондонская газета» иронически отмечала, что "маркиз Кенсингтонский заслуживает не только оправдания, но и медали за «выдержку и стойкость».

Далее следовало длинное изложение тех глупостей, которые Элизабет наговорила в суде.

За день до суда Ян был подозреваемым, и все его избегали после суда он завоевал симпатии и сочувствие всего города. Однако простой люд говорил, что дыма без огня не бывает и что богатый всегда откупится там, где бедного повесят. И те, кто так считал, теперь всегда будут связывать имя Яна со злодейством — в этом Элизабет не сомневалась.

Статус самой Элизабет также претерпел кардинальные изменения. Она не была больше третируемой или неверной женой, и большинство женщин, которые вели скучную, однообразную жизнь, восхищались ею, тем же, у кого не было никакой жизни, она была безразлична, и наконец, джентльмены из высшего общества, для порядка сурово покачав головой, простили ее, так как их собственные жены ничем не отличались от той Элизабет, какой она показала себя в палате лордов. Если бы не Родди Карстерс, который настоял, чтобы Элизабет появилась в свете на той же неделе, она скорее всего спряталась бы за чугунными воротами на Променад-стрит и дни и ночи ждала Яна.

Однако ничего хуже нельзя было и придумать, потому что Ян вопреки ее уверенности не собирался к ней возвращаться. От Александры и Джордана Элизабет знала, что Ян вернулся к делам, что через неделю после оправдания его видели в «Блэкморе», где он играл в карты с друзьями, что его видели в опере с приятелями, и что вообще он живет

нормальной жизнью человека, который умеет хорошо поработать, а после работы — хорошо развлечься.

Этот образ разительно отличался от человека, который был ее мужем, — бесконечная круговерть светской жизни всегда раздражала и утомляла его.

Элизабет пыталась утешить себя мыслью, что таким образом он пытается забыть о ней и заглушить тоску одиночества. Она писала ему письма, но его слуги приносили их обратно нераспечатанными.

Наконец она решила последовать его примеру и тоже окунуться в светскую жизнь. Казалось, это был единственный способ отвлечься от мучительного ожидания, но проходили дни, и ей все труднее становилось удерживать себя от желания пойти к мужу и попытаться объяснить с ним еще раз. Иногда они встречались где-нибудь на балу или в опере, и у нее каждый раз обрывалось сердце, когда он, скользнув по ней равнодушным взглядом, невозмутимо отворачивался. Его дядя предупреждал ее, что просить у Яна прощения бесполезно, но старый герцог похлопал ее по руке и наивно сказал:

«В конце концов он сам придет к тебе, моя дорогая».

В конце концов Алекс уредила Элизабет вести себя так же независимо и безразлично. В тот вечер Элизабет увидела Яна на балу у лорда и леди Франклин.

Он разговаривал с каким-то приятелем. Собравшись с духом, она начала открыто флиртовать с виконтом Шеффилдом. Вальсируя с красавцем-виконтом, она продолжала краем глаза наблюдать за реакцией Яна. Он посмотрел на нее пустым взглядом, как сквозь стекло. В тот вечер он ушел с бала под руку с леди Джейн Эдисон. Впервые после их разрыва он оказал внимание какой-то конкретной женщине. Это больно задело Элизабет, она надеялась, что он будет вести себя как мужчина, который, может быть, и не чувствует расположения к своей жене, но и к другим женщинам тоже равнодушен.

Алекс была возмущена.

— Он решил бороться с тобой твоим же оружием! — воскликнула она, когда они с Элизабет вернулись с бала. — Он не должен был так себя вести. Он должен был почувствовать ревность и прибежать к тебе! Возможно, он и ревновал, — сказала она в утешение, — и именно поэтому решил заставить ревновать и тебя.

Элизабет печально улыбнулась и отрицательно покачала головой.

— Когда-то Ян сказал мне, что всегда умел поставить себя на место противника. Он просто показал мне, что прекрасно понимает, почему я

флиртую с

Шеффилдом, и дал понять, чтобы я не беспокоилась на этот счет впредь. Он действительно хочет вычеркнуть меня, понимаешь. Не думай, что это просто желание немного помучить, прежде чем простить.

— Ты правда думаешь, что он хочет вычеркнуть тебя из своей жизни навсегда? — беспомощно спросила Александра и, сев рядом с Элизабет на диван, обняла подругу за плечи.

— Я уверена в этом.

— Тогда что ты намерена делать?

— Что придется — все, что смогу придумать. До тех пор, пока он будет видеть меня везде, куда бы ни пошел, он не сможет полностью выбросить меня из головы. И это даст мне шанс на победу.

Доказательство того, что она ошибалась, не замедлило появиться. Примерно через месяц после суда Бентнер постучал в дверь гостиной, где сидели Элизабет и

Александра.

— К вам пришел мистер Лэримор, — сообщил он, поскольку знал адвоката Яна в лицо. — Он говорит, что должен вручить вам какие-то бумаги, и обязательно лично в руки.

Элизабет побледнела.

— Он сказал, что это за бумаги?

— Он отказывался говорить, но я сказал ему, что не стану отвлекать вас, если не смогу объяснить причину такой необходимости.

— И что же это за бумаги? — без нужды повторила вопрос Элизабет, уже зная ответ на него.

Бентнер отвел глаза, и лицо его сморщилось от огорчения.

— Он сказал, что это документы, имеющие отношение к разводу. Все закружилось перед глазами Элизабет, когда она попыталась встать.

— Боюсь, что начинаю ненавидеть этого человека, — воскликнула Александра, поддерживая подругу и с трудом сохраняя самообладание. — Даже Джордан начинает злиться на него за то, что он так затянул вашу ссору.

Сейчас Элизабет не воспринимала никаких утешений, боль была так велика, что она утратила способность испытывать еще какие-либо чувства. Она отвела от себя руки Александры и посмотрела на Бентнера. Если она сейчас примет эти документы, отсрочить развод будет уже невозможно, но зато прекратится эта мучительная неизвестность. По крайней мере это облегчит на время постоянную тупую боль, от которой ей некуда было деться. У нее осталось только одно

Средство, чтобы выиграть эту тяжелейшую битву, и, собрав все свои силы, Элизабет медленно произнесла:

— Скажи мистеру Лэримору, что, пока ты обедал, я ушла из дома. Скажи ему, что справился у моей горничной, и она сказала тебе, что я собиралась сегодня поиграть в карты с... — она посмотрела на Александру, спрашивая у нее разрешения, и та энергично кивнула, — с герцогиней Хостонской. И придумай мне список занятий на весь сегодняшний и на завтрашний день — и побольше подробностей, Бентнер, чтобы мое отсутствие дома не вызвало никаких подозрений.

Другой дворецкий, который не питал бы такого пристрастия ко всякого рода тайнам, может быть, и не разгадал бы ход мыслей Элизабет, но Бентнер сразу закивал и заулыбался.

— Вы хотите заставить его разыскивать вас по всему городу пока вы собираете вещи, чтобы уехать из Лондона.

— Именно так, — благодарно улыбнулась Элизабет. — после, — добавила она уже ему в спину, — пошли записку мистера Томасу Тайсону, журналисту «Таймс».

Скажи, что готова дать ему пятиминутное интервью, если он сможет быть у меня сегодня вечером

— И куда ты поедешь? — спросила Александра.

— Я скажу тебе только в том случае, если ты поклянешься, что не скажешь Яну.

— Конечно, не скажу.

— И мужу. Он друг Яна, и я не хочу ставить его в неловкое положение. Алекс кивнула.

— Джордан поймет, что я дала слово и потому не могу ничего сказать — даже ему.

— Я поеду туда, — тихо сказала Элизабет, — где Яну никогда не придет в голову меня искать, и куда он поедет в первую очередь когда поймет, что я нужна ему и что найти меня невозможно. Я поеду в Шотландию и буду жить в его доме.

— Ты не должна этого делать, — воскликнула Алекс. — если бы он не был таким бессердечным, таким несправедливым...

— Прежде, чем ты все это скажешь, — мягко остановила ее Элизабет, — сначала попробуй представить, как бы ты себя чувствовала, если бы Джордан выставил тебя убийцей перед всем миром, а потом, когда ты уже вынесла всю горечь предательств и унижения, появился в палату лордов и представил все дело как одну большую шутку. — Алекс не отвечала, но лицо ее уже не было таким сердитым и смягчалось все больше, по мере

того как Элизабет продолжала. — Спроси себя, какое бы чувство ты испытала, если бы узнала, что с первого дня вашего брака он действительно считал тебя способной на убийство, уверяя при этом в своей преданности. И после этого вспомни, что за время наше совместной жизни Ян всеми возможными способами старался сделать меня счастливой.

— Я... — начала Алекс и опустила голову. — Когда ты так говоришь, я представляю все уже в другом свете. И все-таки я не понимаю, как ты можешь простить его, когда даже я этого не могу

— Ян научил меня самому быстрому и эффективному способу победить противника. Для этого нужно только посмотреть на все с его точки зрения. — Она грустно улыбнулась. — Знаешь, что спросил у меня вчера мальчишка-рассыльный, когда услышал мое имя? — Алекс покачала головой, и Элизабет невесело усмехнулась: — Он спросил, боюсь ли я и сейчас своего мужа. Понимаешь, многие никогда не поверят в его невиновность. То, что я сделала, ужасно, и некоторые люди никогда не перестанут считать его убийцей.

Алекс почувствовала, что сейчас расплачется, и, сделав над собой усилие, спросила:

— Если он не приедет в Шотландию до января, когда у меня должен родиться ребенок, ты приедешь к нам в Хостон? Для меня невыносима мысль, что ты можешь всю зиму прожить там одна.

— Хорошо, я приеду.

Откинувшись на спинку стула, Ян слушал Лэримора, который рассказывал о своих метаниях по городу в поисках леди Торнтон.

— После того, как я сходил по всем адресам, которые мне называл ее дворецкий, — говорил Лэримор, пребывая в высшей степени возмущения, — я вернулся на Промена-д-стрит, чтобы потребовать от дворецкого пустить меня в дом, и он...

— Захлопнул дверь перед вашим носом? — бесстрастно предположил Ян.

— Нет, милорд, он пригласил меня войти, — с горечью ответил Лэримор. — Он предложил мне обыскать весь дом, чтобы я лично убедился, что ее там нет. Ее нет в Лондоне, — закончил Лэримор, — избегая прищуренного взгляда Яна.

— Она поехала в Хэвенхёрст, — с уверенностью сказал Ян и объяснил Лэримору, как добраться до поместья.

После ухода Лэримора Ян взял контракт, который собирался изучить еще раз, чтобы принять окончательное решение, но не успел он прочитать

и двух строчек, как в кабинет вошел Джордан и швырнул ему на стол газету. Такого странного выражения лица Ян у него еще никогда не видел.

— Ты читал сегодняшнюю газету? — спросил Джордан. Ян продолжал с удивлением изучать сердитое и взволнованное лицо друга.

— Нет, а что?

— Тогда прочти. Элизабет дала интервью репортеру из «Таймс». Прочти вот это. — Он ткнул пальцем на несколько строчек в конце статьи. — Вот что Элизабет ответила Тайсону на вопрос, какие чувства она испытала, увидев тебя на суде английских пэров.

Недоумевающе нахмутив брови, Ян прочитал ответ Элизабет:

Мой муж не был судим себе равными.

Его судили всего лишь лорды британской короны.

Яну Торнтону нет равных.

Ян оторвал взгляд от газеты и запретил себе реагировать на это открытое признание в любви, но Джордан не собирался этого так оставлять.

— Поздравляю тебя, Ян, — возмущенно сказал он. — Ты подаешь прошение о разводе, а твоя жена отвечает тем, что приносит тебе публичные извинения! — Он развернулся и, не попрощавшись, вышел из кабинета. Ян остался сидеть, глядя остановившимся взглядом в газету.

Прошел месяц. Найти Элизабет так и не удалось. Ян по-прежнему пытался выбросить ее из головы и вырвать из своего сердца, но с каждым днем это давалось ему все труднее. Он все больше терял уверенность в своей правоте, которая была поколеблена уже тогда, когда он увидел Элизабет в палате лордов.

Прошло два месяца. Ян сидел у камина в гостиной и смотрел на пляшущие языки пламени. Завтра им с Джорданом предстояло встретиться с компаньонами по одному из торговых предприятий, но он никак не мог сосредоточиться на деле.

Цифры куда-то ускользали, и вместо них перед его мысленным взором всплывало лицо Элизабет... Элизабет на коленях у розового куста... Элизабет с пистолетом в руках целится в дерево.... ее смеющиеся зеленые глаза, когда она присела перед ним в глубоком реверансе... Элизабет кружится в его объятиях под музыку вальса ... «Ян, у тебя бывало когда-нибудь так, что ты очень хотел чего-то — безумно хотел, и хотя знал, что стоит тебе протянуть руку и ты получишь желаемое, ты все-таки не смел этого сделать?»

В ту ночь он сказал «нет». Сегодня он ответил бы «да». Помимо всего

прочего, Ян хотел знать, где она. Месяц назад он говорил себе, что это нужно ему для того, чтобы начать бракоразводный процесс. Но сегодня он слишком устал от этой изнурительной внутренней борьбы, чтобы продолжать лгать самому себе. Он хотел знать, где она, потому что ему это было просто нужно. Дед заявил, что не знает о ее местонахождении, викарий и Александра знали, но отказывались сказать, и он не чувствовал себя вправе давить на них.

Ян устало положил голову на спинку кресла и закрыл глаза, но спать он не мог, хотя знал, что уже три часа ночи. С некоторых пор он перестал спать по ночам, за исключением тех дней, когда напивался до полусмерти или изматывал себя тяжелой физической работой. Но даже тогда он лежал без сна и тосковал по ней, зная, что она тоже не спит и думает о нем.

Слабая улыбка тронула его губы, когда он вспомнил, какой трогательной, прекрасной и юной она казалась, когда заняла свидетельское место в палате лордов, и как логично объяснила, что же на самом деле случилось, а когда ее объяснения не были приняты, прикинулась глупенькой простушкой. Только Элизабет могла осмелиться выступить в палате лордов, и когда ей не удалось убедить их посредством логики, она изменила тактику и победила их, используя их же собственные глупость и сомнение. Если бы он не был так зол на нее в тот день и не чувствовал себя преданным, он встал бы в полный рост и заплотировал ей!

Точно такой же тактикой она воспользовалась в тот вечер, когда его обвинили в шулерстве. Когда ей не удалось отговорить Эверли от дуэли на том основании, что игра была честной, она накинулась на несчастного юношу, обвиняя его в нарушении обещания быть ее кавалером на завтрашней прогулке.

Он сам обвинил ее в том, что она выступила в палате лордов из эгоистических побуждений, опасаясь остаться без средств к существованию, но он знал, что это не так. Она думала, что пришла спасти его от петли.

Когда его ярость и боль немного улеглись, Ян заново переосмыслил ее разговор с Вордсвортом в день их свадьбы и попытался поставить себя на ее место. Он любил ее, и если бы его собственный детектив высказал тогда какие — либо предположения, порочащие Элизабет, — даже самые ужасные предположения, — он все равно не отказался бы от нее и женился.

Если она не любила его, то могла стать его женой только по одной причине: чтобы спасти Хэвенхёрст. Но чтобы поверить в это, Яну пришлось бы сначала поверить в то, что каждое ее слово, каждый поцелуй были сплошным притворством, а этого он никак не мог сделать. Он уже не

доверял своему сердцу, но на свой интеллект пока еще полагался.

А его интеллект говорил ему, что из всех женщин мира ни одна не подходила ему так идеально, как Элизабет.

Только Элизабет могла быть настолько храброй, чтобы встретиться с ним сразу после оправдания и после того, как он обидел и унизил ее, сказать ему, что их воссоединение — вопрос времени и что в этом противостоянии он наконец проиграет.

«И когда ты больше не сможешь этого выносить, — невыразимо нежным голосом сказала она, — ты придешь ко мне. А я буду тебя ждать. Я заплачу в твоих объятиях и попрошу у тебя прощения за все, что сделала, а ты поможешь мне найти способ простить себя...»

Чертовски трудно признать свое поражение, с тяжелым вздохом подумал Ян, когда ты даже не знаешь, где найти победителя.

Через пять часов Ян проснулся все в том же кресле и прищурился от света, пробивающегося сквозь портьеры. Потерев занемевшие руки и плечи, он поднялся наверх, выкупался, побрился и снова сошел вниз, чтобы забыться, уйдя с головой в работу, которая стала его единственным спасением после исчезновения Элизабет.

В середине утра, когда он уже наполовину просмотрел толстую пачку корреспонденции, вошел дворецкий и вручил ему конверт с письмом от Александры

Таунсенд. Ян вскрыл конверт, и из него выпало банковское извещение, но он сперва прочитал коротенькую записку Александры. "Это от Элизабет, — писала

Алекс. — Она продала Хэвенхёрст". Ян вскочил на ноги и дочитал: «Мне поручено передать вам, что здесь полная стоимость, включая проценты, изумрудного гарнитура, который она продала и который, по ее глубокому убеждению, является исключительно вашей собственностью».

Ян подобрал банковское извещение, к которому был приложен маленький листок бумаги. На нем Элизабет собственноручно изложила, откуда взялась указанная сумма, в которую входила не только стоимость самих изумрудов, но также проценты, набежавшие с того момента, как она продала гарнитур, и до того момента, как внесла деньги на его счет в банке.

Слезы защипали ему глаза, но плечи затряслись от беззвучного смеха - Элизабет заплатила ему на полпроцента меньше обще принятого.

Через полчаса Ян стоял в холле дома Таунсендов и просил дворецкого доложить о нем Александре. Его проводили в гостиную, где вскоре появилась

Александра.

— Мне было интересно, придете ли вы сюда после этой записки, — ядовито сказала она, сердито сверкая голубыми глазами. — Вы имеете какое-нибудь представление, что для нее значит... значил Хэверхёрст?

— Я верну его ей, — пообещал Ян с мрачной улыбкой. — Где она?

Нежность в его глазах и голосе заставила Александру раскрыть рот.

— Где она? — повторил он со спокойной настойчивостью.

— Я не могу вам сказать, — с ноткой сожаления ответила Алекс. — Вы сами знаете, что не могу. Я дала слово.

— Интересно, имеет ли смысл просить Джордана повлиять на вас, — ровным тоном предположил Ян.

— Боюсь, что нет, — ответила Александра. Она ожидала, что он все-таки попытается уговорить ее, но вместо этого его красивое лицо осветилось улыбкой.

И когда он заговорил, его голос был очень мягким.

— Знаете, вы очень похожи на Элизабет. Вы чем-то напоминаете мне ее.

Все еще не до конца поверив в столь чудесное превращение, Алекс надменно ответила:

— Надеюсь, это был комплимент, милорд.

— Во всяком случае, я считаю свое высказывание таковым, — с усмешкой ответил он.

Ян направился к выходу, но остановился при виде Джордана, который входил в комнату с понимающей улыбкой на лице.

— Если ты отслеживаешь свою жену, Ян, не советую тебе искать в моей жене сходства с ней.

Когда неожиданный гость ушел, Джордан спросил Алекс:

— Ты напишешь Элизабет, что он приходил искать ее? Алекс хотела кивнуть, потом заколебалась.

— Н-не знаю. Я только напишу, что он спрашивал, где она, — ведь это все, что он хотел.

— Он поедет к ней, как только вычислит ее местонахождение. — Возможно.

— Ты все еще не доверяешь ему, да? — спросил Джордан с удивленной улыбкой.

— После сегодняшнего визита до некоторой степени доверяю... но не настолько, чтобы доверить ему сердце Элизабет. Он ужасно обидел ее, и я не собираюсь внушать ей пустых надежд, чтобы потом ей не стало еще больнее.

Джордан притянул жену к себе.

— Она тоже обидела его, если помнишь.

— Возможно, — нехотя признала Алекс. Джордан улыбнулся ей в волосы.

— Ты была более склонна к прощению, когда я растоптал твое сердце, моя любовь, — поддразнил он.

— Это потому, что я любила тебя, — ответила Алекс, прижимаясь щекой к его груди и обвивая его руками.

— Но ты полюбишь моего кузена хоть чуть-чуть, если он загладит свою вину перед Элизабет?

— Возможно, я найду для него уголок в своем сердце, — согласилась она, — но только если он вернет ей Хэвенхёрст. — Это ему дорого обойдется, — захохотал Джордан. — Ты знаешь, кто его купил?

— Нет, а ты?

— Филипп Демаркус.

Она захихикала, уткнувшись головой ему в грудь.

— Это не тот человек, который, прокатив принца по Темзе на своей новой яхте, сказал, чтобы он заплатил за экскурсию?

— Тот самый.

— Ты думаешь, он обманул Элизабет?

— Только не нашу Элизабет, — засмеялся Джордан. — Но я не хотел бы оказаться на месте Яна, когда Демаркус поймет, что с этим местом у него связаны какие-то сентиментальные воспоминания, потому что цена будет безмерной.

В последующие две недели Яну удалось выкупить изумруды Элизабет и Хэвенхёрст, но попытки найти ее саму оказались бесплодны. Его лондонский дом превратился в тюрьму, но он все чего-то ждал и не уезжал из него, чувствуя, что Элизабет заставляет его пройти через эти терзания, чтобы преподать некий урок.

Ян переехал в Монтмэйн, где провел еще несколько недель, бесцельно слоняясь по дому. Он вытоптал дорожку на ковре гостиной беспрестанным хождением по ней и просверлил взглядом дырку в камине, часами глядя на огонь в поисках ответа. Наконец он понял, что больше не сможет этого выносить. Он не мог сосредоточиться на работе и стал делать ошибки. Хуже того — его начали преследовать кошмары, что с ней что-то случилось или что она влюбилась в кого — то, кто был лучше него. Он перемещался из комнаты в комнату, но кошмары ходили за ним по пятам.

И вот в начале декабря, холодным ясным днем, отдав дворецкому, слугам и даже повару распоряжение немедленно известить его в случае

появления любой информации об Элизабет, Ян отправился в свой шотландский дом. Это было единственное место, где он мог найти успокоение и изгнать из своей души ощущение пустоты и боли, которая с каждым днем становилась все острее, потому что ему уже не верилось, что Элизабет когда-нибудь вернется к нему. Слишком много времени прошло. Если бы та храбрая мужественная девушка, на которой он женился, действительно хотела примирения, она бы уже предприняла к этому хоть какие-то шаги. Отдаться течению и плыть по воле волн было не в характере Элизабет. И вот Ян поехал домой. Только в этот морозный декабрьский день он поехал туда не потому, что устал от перенасыщенности своей жизни, а потому, что его гнали туда невыносимая пустота и желание обрести хоть видимость покоя.

Элизабет стояла у окна и смотрела на заснеженную тропинку. Она не отходила от окна уже три дня, с тех пор, как викарий принес письмо смотрителю дома с указанием сделать необходимые приготовления к приезду Яна. Ян возвращается домой, думала она, но, по-видимому, совершенно не догадывается, что его ждет здесь она. В письме он просил прибрать в доме и заготовить побольше дров и еды, чтобы хватило месяца на два. Стоя у окна, Элизабет смотрела на залитую лунным светом тропинку, убеждая себя, что бессмысленно рассчитывать на его приезд сегодня ночью и тем более глупо наряжаться в его любимое синее платье и распускать волосы.

Высокая темная фигура появилась на повороте тропинки, и Элизабет резко сдвинула новые тяжелые портьеры, которые недавно повесила. Сердце ее начало гулко стучать от надежды и страха, потому что последний раз она видела Яна удаляющимся с бала под руку с Джейн Эдисон. Ей уже не казалось, что она поступила правильно, ожидая его здесь: в конце концов он едет сюда не для того, чтобы встретить ее, и, может быть, вовсе не захочет ее здесь видеть.

Ян отвел лошадь в сарай, обтер ее сухой тряпкой и засыпал в кормушку овес.

Подходя к дому, он заметил в окнах слабый свет, пробивающийся сквозь плотные шторы, и дым, поднимающийся из трубы. Очевидно, смотритель решил протопить дом к его приезду. Он отряхнул снег с сапог и взялся за дверную ручку.

Элизабет стояла посреди комнаты и, ломая руки, смотрела, как поворачивается дверная ручка. Дверь распахнулась, и в комнату ворвалось облако морозного воздуха, за которым возникла высокая широкоплечая

фигура.

— Генри, тебе не обязательно....

Ян застыл на месте, забыв, что дверь открыта и тепло стремительно уходит из дома. Он не сомневался, что это видение — плод его воображения, подстегнутого причудливой игрой огня в камине. Но видение не исчезало, и тогда он понял, что это реальность: перед ним стояла Элизабет, а у ее ног лежал молодой Лабрадор.

Чтобы выиграть время, Ян повернулся и тщательно прикрыл дверь, пытаясь определить, была ли на ее лице радость, когда она увидела его. За долгие бессонные ночи он отрепетировал десятки речей — от язвительных сентенции до самых нежных признаний. Теперь же, когда пришло время сказать хоть что-то, он не мог вспомнить ни одного распроклятого слова. Он совершенно не представлял, что может сказать сейчас своей жене.

Когда дольше молчать было уже невозможно, Ян выбрал для начала нейтральную тему.

— Как его зовут? — спросил он, приседая, чтобы погладить собаку.

Элизабет проглотила обиду оттого, что он совершенно проигнорировал ее саму и гладит блестящую черную голову Лабрадора.

— Я... я назвала его Тенью.

Звук ее голоса был таким нежным, что Яну захотелось немедленно схватить

Элизабет и прижать к своему сердцу. Но вместо этого он только посмотрел на нее.

То, что она назвала собаку именем его Лабрадора, показалось ему добрым знаком.

— Хорошее имя.

Элизабет закусила губу, пытаясь удержать своевольную улыбку.

— И к тому же оригинальное.

Эта улыбка поразила Яна как удар грома. Он прекратил гладить собаку и, выпрямившись, отошел к столу и сел. Элизабет мгновенно заметила перемену в его настроении и встревожилась.

— Ты... ты хорошо выглядишь, — сказала она, пытаясь догадаться, что он сейчас чувствует, и думая, что он невероятно красив.

— Просто прекрасно, — сказал он. — Что весьма замечательно для человека, который больше трех месяцев не видел дневного света и не мог заснуть без бутылки бренди.

Элизабет не сразу поняла смысл сказанного. А когда поняла, то слезы радости и облегчения покатались из ее глаз.

— Я ужасно много работал. Правда, мне редко удавалось что-нибудь

завершить, а когда удавалось, то каждый раз оказывалось, что я все сделал неправильно. Так что я очень хорошо живу — учитывая, что уже больше трех месяцев я жив лишь наполовину.

Ян заметил ее слезы и с трудом, преодолевая боль в горле, проговорил:

— Если бы ты сделала шаг вперед, дорогая, то могла бы поплакать у меня на плече. И пока бы ты плакала, я рассказал бы тебе, как жалею обо всем, что сделал... — Он больше не мог ждать и сам подошел к жене и привлек ее к себе. -

А когда я закончу, — хрипло прошептал он, когда она обняла его и разрыдалась, — ты поможешь мне найти способ простить себя.

Ее слезы терзали ему душу, и он прижал ее крепче и потерся подбородком о ее висок.

— Мне так жаль, — Ян взял ее лицо в ладони, приподнял его и заглянул в огромные, залитые слезами глаза, — чертовски жаль, — прошептал он, стирая пальцами слезы с ее мокрых щек. — Прости меня. — Он медленно наклонил голову и припал к ее губам долгим поцелуем.

Элизабет отвечала на его поцелуй, отчаянно прижимая его к себе, но не могла остановить слезы. Ян стал покрывать поцелуями мокрые щеки и гладить ее спину и плечи, не зная, как облегчить ее горе.

— Пожалуйста, дорогая, не плачь больше, — умоляюще шептал он. -

Пожалуйста, не надо. — Она прижимала его все крепче и продолжала плакать, ее слезы промочили ему рубашку и дошли до самого сердца.

— Пожалуйста, — повторял Ян, у которого заболели глаза от непролитых слез.

— Тырываешь мне сердце. — Несколько секунд спустя всхлипы стали реже, и он понял, что она пытается взять себя в руки, чтобы не причинять ему боль. Он зарылся лицом и руками в ее волосы, воображая, сколько ночей она проплакала из — за него, как сейчас, и презирая себя за эгоизм и упрямство.

Его жена была вынуждена спрятаться здесь, чтобы избежать развода. Он только сейчас понял, как она страдала. Когда она ушла из его кабинета, предупредив, что не позволит ему вычеркнуть ее из своей жизни, Ян и представить себе не мог, что ей будет так больно. Она подарила ему свою любовь, а он оттолкнул ее и после публичного пренебрежения ею подал прошение на развод.

Неудивительно, что после всего этого она уехала сюда, чтобы выплакаться и никого не видеть. Удивительно только, что она ждала здесь его. Он не мог побороть стыд и отвращение к самому себе. После долгого молчания он нерешительно прошептал:

— Пойдем со мной наверх.

Элизабет кивнула, и он подхватил ее на руки и понес наверх. Он хотел уложить ее в постель и подарить ей такую бездну наслаждения, чтобы она смогла забыть — хотя бы на сегодняшнюю ночь. — те муки, которые терзали ее столько месяцев.

В ту же секунду, как он опустил ее на кровать и начал осторожно раздевать,

Элизабет поняла, что что-то изменилось. За время разлуки она отвыкла от него, и когда он лег рядом и обнял ее, она смутилась, а потом растерялась, когда он не дал ей обнять себя, мягко придерживая за запястья, и откинул на подушки.

Зацелованная и заласканная почти до бесчувствия, Элизабет сгорала от желания тоже доставить ему удовольствие, и когда он на мгновение отпустил ее руки, потянулась к нему. Ян отпрянул от ее прикосновения.

— Не надо, — прошептал он, и она подчинилась, потому что поняла, что, не позволяя ей дотронуться до себя, он наказывает себя за причиненные ей страдания. Всю ночь Ян осыпал ее ласками, открывая ей все новые и новые глубины наслаждения. Это была ночь признания мужчины в любви к женщине — такой любви, которую не выразить никакими словами, и она знала, что не забудет этой ночи никогда.

Под утро ей наконец удалось сломить его сопротивление и подарить ему такое же наслаждение, которое дарил ей он. Потом, когда у них уже не осталось сил, они просто тихо лежали рядом, и он гладил ее спутанные волосы.

— Я люблю тебя, — сказал он, повторяя те же слова, которые она сказала ему в черный день их прощания, — я никогда не переставал любить тебя.

Она подняла к нему лицо.

— Я знаю.

— Как ты могла это знать, любимая? — с болью в голосе спросил он.

— Я слишком сильно хотела этого, а ты всегда выполнял любые мои желания. К тому же я не могла поверить, что мы больше никогда не будем заниматься любовью.

Элизабет пошевелилась, и он положил ее удобнее, не переставая перебирать ее волосы.

— Лежи тихо, любовь моя, — ласково прошептал он и, видя ее недоумение, объяснил, — Потому что сейчас в тебе зарождается наш ребенок.

Она доверчиво всматривалась в его лицо.

— Почему ты так думаешь?

— Потому что мне слишком сильно этого хочется, а ты всегда выполняла все мои желания. — Она крепче прижалась щекой к его руке и свернулась клубочком.

Она тоже хотела этого — он знал это так же точно, как то, что в эту ночь от их любви зародилась новая жизнь.

Яркий утренний свет пробивался в щель между портьерами, когда Ян наконец очнулся от глубокого сна. Он проснулся с ощущением, что все хорошо, он не знал этого ощущения уже больше трех месяцев, и именно его необычность разбудила его.

Думая, что причиной этой радостной легкости был сон, он перекатился на бок и закрыл глаза, пытаясь снова уснуть и предпочитая забытие тому ощущению пустоты, с которым в последнее время он привык просыпаться.

Но заснуть он уже не смог. Кровать почему-то казалась меньше и жестче, чем была, и, все еще думая, что он в Монтмэйне, Ян решил, что, должно быть, вчера напился до бесчувствия и заснул на диване. Теперь он часто спал на диване, избегая огромной пустой кровати, в которой они спали с Элизабет. Ян почувствовал, как на него снова накатывает тупая боль, и зная, что сон уже не вернуть, открыл глаза. Ослепнув от яркого света, он невидящим взглядом обвел комнату. Через несколько секунд он смог различить окружавшие его предметы и наконец вспомнил, где находится и с кем провел эту ночь. Вместе с осознанием этого к нему пришло ощущение такого огромного счастья, что какое-то время он просто лежал, пытаясь привыкнуть к этому новому чувству.

Однако постепенно до него начали доходить звуки и запахи, и он почувствовал аромат жареной ветчины. Его губы растянулись в радостной улыбке, когда он вспомнил, как Элизабет когда-то жарила ветчину. В тот раз ветчина здорово подгорела, но сейчас он был готов есть даже жареную бумагу, лишь бы

Элизабет сидела напротив него за столом.

В мягком теплом платье из зеленой шерсти и в желтом фартуке Элизабет стояла у плиты и наливала в кружку чай. Не замечая вошедшего Яна, она посмотрела на Тень, который с надеждой поглядывал на сковородку с остывающей ветчиной.

— Ну, что ты думаешь о своем хозяине? — спросила Элизабет Лабрадора, подливая себе в чай молока. — Разве я не говорила тебе, что он красивый? Хотя,

— с улыбкой добавила она, наклоняясь к собаке, — должна

признаться, я и сама забыла, что он так красив.

— Спасибо, — подал голос Ян, который наблюдал за ней с дивана.

Элизабет повернула голову, от резкого движения ее прическа рассыпалась, и волосы золотым водопадом упали на плечи. Она встала, с улыбкой глядя на мужа, который являл сейчас образец полностью довольного жизнью мужчины: вытянув скрещенные ноги, он откинулся на спинку дивана и закинул руки за голову, замшевая крестьянская рубаша и кофейные бриджи полностью гармонировали с его раскованной позой.

— Ты похож на шотландского султана, — фыркнула Элизабет.

— Я и чувствую себя им. — Он с улыбкой принял из ее рук кружку с кофе. — А завтрак не может немного подождать? — спросил он, не отпуская ее руку.

Элизабет кивнула.

— С час назад мне послышалось, что ты встаешь, и я занялась завтраком. Я собиралась нажарить еще ветчины, когда ты наконец спустился. А почему ты не хочешь завтракать? — спросила она, подозревая, что он боится ее стряпни.

— Потому что нам нужно кое-что обсудить.

Элизабет непроизвольно вздрогнула. Ночью она рассказала ему все без утайки, начиная с того момента, как Роберт появился в Хэвенхёрсте. Но к тому времени, когда она закончила, она была уже так утомлена своим рассказом и его ласками, что провалилась в сон, не успев выслушать его объяснения. Видимо, он хотел сделать это сейчас, а ей совсем не хотелось испортить чудо их примирения, снова возвращаясь к прошлому.

— Мы оба были неправы, — тихо сказал Ян, заметив, как омрачилось ее лицо.

— И если будем избегать говорить об этом и притворяться, что ничего не случилось, страх и недоверие навсегда останутся с нами. Они будут преследовать нас каждый раз, когда случится что-нибудь необычное или непонятное, и мы никогда не сможем доверять друг другу. Мы будем неверно истолковывать слова и поступки друг друга, старые раны начнут кровоточить, и в конце концов нам придется расстаться. Сегодня ночью ты объяснила мне свои поступки, теперь то же самое хочу сделать я.

— Откуда в тебе эта мудрость? — с улыбкой спросила Элизабет.

— Если бы я был мудрым, — сухо ответил он, — наша разлука не затянулась бы так надолго. И тем не менее, поняв, что ты нужна мне, я несколько недель провел в размышлениях, как мы сможем жить дальше, если мне все-таки удастся тебя найти. И единственный путь, который я вижу, — это открыто и честно рассказать все друг другу.

Элизабет все еще колебалась — она не забыла, с какой ненавистью Ян говорил с ней, когда она пришла к нему после своего выступления в суде. Она боялась, что, вспомнив о той боли, что она ему причинила, он снова возненавидит ее.

Ян взял ее за руку и посадил рядом с собой. Она долго расправляла юбку, разглаживая каждую складку, потом обреченно уставилась на запорошенный снегом подоконник. Ян молча наблюдал за ней, понимая, почему она нервничает.

— Дай мне твою руку, любимая. Ты можешь спрашивать меня о чем угодно, не опасаясь, что я рассержусь на тебя.

Убаюкивающие звуки его низкого голоса и тепло его руки, в которой покоилась ее ладонь, постепенно рассеяли ее страхи. Доверчиво подняв на него глаза, Элизабет спросила:

— Почему ты не сказал мне, что Роберт пытался убить тебя на дороге и что ты посадил его на свой корабль? Почему ты позволил мне думать, что он просто исчез?

Ян откинул голову на спинку дивана и на секунду закрыл глаза, потом с сожалением проговорил:

— Я был уверен, что твой брат давно вернулся в Англию. Я понятия не имел, что после его исчезновения ты осталась в Хэвенхёрсте совсем одна и что из-за меня ты стала отверженной. Я не знал, что у тебя нет родителей и нет денег. Все это я узнал от Дункана, когда ты уехала отсюда прошлой весной. Поверь мне, прошу тебя.

— Я верю, — искренне сказала Элизабет. — Люсинда набросилась на Дункана и высказала ему все, после этого ты поехал за мной в Лондон. Об этом мы уже говорили перед тем, как пожениться. Но тогда ты уже знал, что Роберт не вернулся, и все-таки ничего не сказал мне. Почему?

— А когда? — с горечью спросил Ян. — Когда я мог это сделать? Ты вспомни, как ты ко мне относилась, когда я примчался в Лондон, чтобы просить твоей руки.

Ты была почти уверена, что я сделал тебе предложение только из жалости. Если бы я тогда рассказал о своей роли в исчезновении Роберта, ты бы окончательно в этом уверилась. К тому же тогда я тебе не очень-то нравился и ты мне почти не доверяла, — напомнил он. — И если бы я признался, что похитил твоего брата, ты отказалась бы от нашей «сделки», какие бы объяснения я ни приводил. Но была еще одна причина, по которой я ничего не сказал тебе, — сознался он. — Я так хотел, чтобы ты стала моей женой, что ради этого был готов почти на все. Элизабет искоса глянула на него и обезоруживающе улыбнулась.

— А потом, почему ты не рассказал мне потом, когда уже знал, что я люблю тебя?

— Потом, — криво усмехнулся Ян. — Ты хочешь сказать, когда я заставил тебя полюбить меня? Ну, во-первых, мне не хотелось, чтобы ты изменила свое мнение обо мне в худшую сторону. А во-вторых, мы были так счастливы, что я желал только продлить это счастье как можно дольше. И наконец, я просто не знал, в чем конкретно виноват, потому что мои сыщики так и не смогли выйти на след

Роберта... да, — сказал он, заметив ее изумление, — я тоже нанял детективов, почти одновременно с тобой. Видишь ли, его длительное отсутствие могло означать только одно из двух — либо он опасается кредиторов, либо он погиб, возвращаясь на родину. Если бы выяснилось последнее, мне пришлось бы тебе признаться в своем преступлении.

— А если бы тебе так и не удалось ничего узнать, ты когда-нибудь рассказал бы мне правду о его исчезновении?

Какое-то время Ян молчал, глядя на ее руку, которую бессознательно поглаживал, потом поднял глаза и ответил:

— Да. Незадолго до того, как ты сбежала, я решил, что, если в ближайшие полгода моим людям так и не удастся ничего выяснить, я расскажу тебе то немногое, что мне известно.

— Я рада, что ты рассказал бы мне, — тихо сказала Элизабет. — Мне было бы неприятно думать, что ты мог бы обманывать меня вечно.

— К сожалению, я не могу сказать, что принял это решение исключительно по благородству своей души, — сказал Ян. — Здесь сыграл свою роль страх. Я жил в постоянном страхе, что в один прекрасный день появится Вордсворт и представит доказательства того, что я причинил Роберту непоправимый вред или, что еще хуже, стал виновником его смерти. Под конец я уже сам хотел определенности, какой бы она ни была. К тому времени любая правда была для меня лучше неизвестности. Я устал бояться, что ты бросишь меня.

Ян замолчал, ожидая, что она как-то отреагирует на это, но Элизабет молчала, и он сказал:

— Мне очень важно, чтобы ты поверила мне. Это важно не только для меня, но и для нашего будущего. Я клянусь, что сказал тебе правду.

Она подняла на него глаза.

— Я верю тебе.

— Спасибо.

— Тебе не за что меня благодарить, — попыталась пошутить она. — Просто я вышла замуж за изумительного человека, который научил меня

всегда ставить себя на место оппонента. Я уже давно это сделала и давно поняла, почему ты так долго скрывал от меня правду о Роберте. — Она продолжала уже без улыбки. — Поставив себя на твое место, я приготовилась даже к твоей реакции на мое возвращение.

Задолго до того, как я увидела тебя в палате лордов, я уже знала, что тебе будет очень трудно простить меня за то, что я предала тебя и опозорила, хотя и не представляла, что в своей жажде мщения ты зайдешь так далеко.

Ян снова увидел боль в ее глазах и, невзирая на свою убежденность в том, что они оба должны высказаться до конца, с трудом удержался, чтобы не заключить ее в объятия и заставить замолчать.

— Понимаешь, — медленно продолжила она, — я предполагала, что ты можешь отослать меня на время, пока твой гнев не уляжется, или что ты просто будешь держаться со мной отчужденно какое-то время. Но я и представить себе не могла, что ты захочешь положить конец нашему браку и откажешься от меня навсегда. Мне следовало ожидать этого, потому что Дункан рассказывал мне, как ты избавился от своей собаки. Но я была слишком уверена в твоей любви... ведь ты сказал мне об этом перед тем, как я сбежала...

— Ты чертовски хорошо знаешь, что я действительно тебя любил. И сейчас люблю. И, ради Бога, если уж ты не веришь всему, что я тебе говорил, поверь еще и этому,

Ян ожидал возражений, но Элизабет промолчала, и он понял, что, несмотря на молодость и неопытность, врожденной житейской мудрости его жене не занимать.

— Я знала, что ты любишь меня, — сказала она, помолчав. — Если бы ты не любил меня так сильно, я никогда не смогла бы причинить тебе боль и ты не расстался бы со мной, опасаясь, что я снова могу сделать тебе больно. Я поняла, что ты боишься именно этого, когда ты сказал о разводе. Я так отчаянно боролась против развода только потому, что знала, как ты любишь меня.

— Клянусь, что больше никогда не поступлю так с тобой.

— Спасибо. Не думаю, что смогу пережить это еще раз.

— А ты не могла бы просветить меня относительно того, что наговорил обо мне Дункан?

Элизабет улыбнулась ему нежной, понимающей улыбкой.

— Он рассказал мне, что ты сделал, когда вернулся из плавания домой и узнал о гибели семьи.

— И что же я сделал?

— Ты оградил себя от боли, которую могла тебе причинить потеря единственного любимого существа, которое у тебя осталось, — Лабрадора по имени Тень. Я поняла, что ты делаешь то же самое, когда заявил о разводе.

Ян погладил ее по щеке, и голос его стал хриплым от волнения:

— На твоём месте я бы себя возненавидел. Элизабет поцеловала ладонь, которая гладила ее щеку.

— А ты знаешь, — сказала она, улыбаясь сквозь слезы, — каково это: чувствовать, что тебя любят так сильно... — Она покачала головой, словно не находя слов, и продолжала голосом, полным любви: — Знаешь, что я замечала, когда мы с тобой появлялись на людях?

Ян не удержался и наконец притянул ее к себе.

— Нет, — прошептал он, — а что ты замечала?

— Я смотрела, как другие мужья обращаются со своими женами — как они смотрят на них, разговаривают. И знаешь что?

— Что?

— Я поняла, что я единственная, за исключением Алекс, жена, которую обожает собственный муж, и не стесняется признаться в этом всему миру. Но в одном я точно единственная, — смеясь, добавила она, — я совершенно уверена, что я — единственная жена, которую пытался соблазнить собственный муж на глазах у всего благотворительного комитета.

Ян крепче обвил ее руками и попытался, причем весьма успешно, соблазнить жену на диване.

За окном падал снег, в камине потрескивали поленья, взрываясь снопами искр. Удовлетворенная и счастливая, Элизабет лежала в объятиях Яна, укрытая одеялом, и ее мысли лениво переместились с завтрака, который они так и не съели, к завтраку, который им принесли бы, будь они сейчас в Монтмэйне. Со вздохом она поднялась с постели и оделась.

Когда она переворачивала ветчину, сзади подошел Ян и, положив руки ей на талию, заглянул через плечо.

— Это выглядит до ужаса съедобным, — поддразнил он. — По правде говоря, я рассчитывал на наш «традиционный» завтрак. Элизабет улыбнулась и повернулась к мужу.

— Когда мы должны возвращаться? — спросила она, почему-то думая о том, как уютно было лежать рядом с ним наверху.

— Тебе понравится, если я скажу, что через два месяца?

— Замечательно понравится, но ты уверен, что тебе не наскучит и что

ты не будешь переживать из-за работы?

— Даже если мой бизнес и пострадает, у меня достаточно денег, чтобы мы могли это себе позволить как награду за последние три месяца. Кроме того, — добавил он, ухмыльнувшись, — очевидно, я организовал все гораздо лучше, чем мне казалось, потому что будь это не так, Джордан уже сообщил бы мне об этом.

— Дункан снабдил меня чуть ли не сотней книг, — сказала Элизабет, пытаюсь придумать, чем занять время, если они останутся здесь, — но ты, наверное, их читал, а если нет, то наверняка разделаешься с ними к среде. Нет, боюсь, ты будешь скучать.

— Да, мне придется трудновато, — согласился Ян. — Быть отрезанным от мира в засыпанном снегом доме, вдвоем с тобой. Не представляю, что я буду делать без книг и без работы. — Он искоса бросил на нее хитрый взгляд.

Ее щеки вспыхнули ярким румянцем, но она серьезно спросила, внимательно наблюдая за его лицом:

— А если бы дела у тебя шли не так хорошо, как сейчас, если бы ты не нажил такого богатства, ты смог бы быть счастлив здесь со мной?

— С тобой?

— Ну да.

— Абсолютно, — ответил он так же серьезно. — Хотя, — добавил он тут же, сцепляя руки у нее за спиной и подтягивая ее к себе, — ты, может быть, не захочешь здесь оставаться, когда узнаешь, что твои изумруды лежат на прежнем месте в Монтмэйне.

Она резко вскинула голову, и глаза ее засияли от восторга.

— О-о, как я рада, Ян. Ты не представляешь, как мне было обидно, что я продала их, когда я узнала правду о Роберте.

— Тебе будет еще обиднее, — с шутливым укором поддразнил он, — когда ты узнаешь, что перевела на мое имя несколько меньше, чем они стоят на самом деле.

Те, что ювелир успел уже продать, я выкупил за сорок пять тысяч фунтов, и за пять тысяч фунтов я купил у него те, что остались.

— Бессовестный мошенник! — вскричала Элизабет. — Он заплатил мне пять тысяч за все! — Она в отчаянии покачала головой, ужасаясь неумению Яна торговаться. — Он нажил на тебе огромные деньги.

— Честно говоря, меня это не особенно беспокоит, — продолжал дразнить жену Ян, наслаждаясь ее возмущением, — потому что я планировал вычесть эти деньги из твоего содержания. С процентами, разумеется. По моим подсчетам, — сказал он, делая паузу, чтобы

подсчитать в уме цифру, — на сегодняшний день ты должна мне примерно сто пятьдесят одну тысячу сто двадцать шесть фунтов.

— С-сколько? — вскричала она, не зная, смеяться ей или сердиться.

— Видишь ли, сюда входит еще и Хэвенхёрст. Я приплюсовал и его к этой стоимости.

Слезы заволокли ее прекрасные глаза.

— Ты выкупил его у этого кошмарного мистера Демаркуса?

— Да. И он действительно «кошмарный». Им бы работать на пару с твоим дядей. У обоих врожденный инстинкт торговцев верблюдами. Я заплатил за Хэвенхёрст сто тысяч фунтов.

Она ахнула.

— Сто тысяч! О-о, Ян...

— Я люблю, когда ты произносишь мое имя. Элизабет улыбнулась, но голова ее была все еще занята великолепной сделкой, которую заключил Ян.

— Даже я не смогла бы купить дешевле! — великодушно признала она. — Ведь именно за эту сумму я его продала, и когда все бумаги были подписаны, он сказал мне, что через год рассчитывает получить за него сто пятьдесят тысяч.

— Возможно, он и получил бы их.

— Но только не от тебя! — гордо заявила она.

— Только не от меня.

— А он пытался?

— Он заломил двести, как только понял, что мне необходимо выкупить его.

— Представляю, как тонко надо было повести дело, чтобы он так сильно сбросил цену.

С трудом удерживаясь, чтобы не расхохотаться, Ян кивнул.

— Очень тонко, — согласился он, подавляя смех. — А можно поинтересоваться, почему он оказался таким сговорчивым?

— Ну, полагаю, это произошло потому, что я сумел очень наглядно показать ему, что в жизни существуют более ценные вещи, чем деньги.

— Правда? — замороженно спросила она. — И что же это?

— Его горло, например.

Эпилог

Стоя у балюстрады террасы, Ян смотрел вниз, в сад, где Элизабет с их трехлетней дочкой Каролиной стояли на коленях возле клумбы и рассматривали цветы герани. Их головы склонились так близко друг к другу, что невозможно было понять, где кончаются золотые волосы Элизабет и начинаются волосы Каролины.

Элизабет что-то сказала девочке, и та залилась счастливым смехом, от которого у Яна всегда теплело на сердце.

За его спиной, удобно расположившись за резным столиком, играли в шахматы старый герцог и Дункан. Сегодня вечером ожидались гости. В честь дня рождения

Элизабет Ян устраивал бал и пригласил на торжество больше семисот человек.

Молчаливая сосредоточенность игроков была нарушена внезапным появлением шестилетнего мальчика, удивительно похожего на Яна, и его репетитора, на лице которого было написано отчаяние, — интеллект ученика явно превосходил возможности учителя.

— Прошу прощения за наше вторжение, — извинился мистер Твинделл, — но у нас с мистером Джонатаном возник спор, который, как я сейчас понял, могли бы разрешить вы, викарий. Не будете ли вы так добры рассудить нас?

Оторвав взгляд от шахматной доски, а мысли — от победы, которую он вот-вот должен был вырвать у противника, Дункан сочувственно улыбнулся сконфуженному учителю.

— Чем могу быть полезен? — спросил он, переводя взгляд с учителя на красивого мальчика, который моментально переключил внимание на шахматную доску.

— Мы заговорили о небесах, — объяснил мистер Твинделл, — а конкретно о том, как выглядит это место, которое — что я все утро пытаюсь втолковать мистеру Джонатану — существует совершенно по иным законам, чем все здесь на земле.

При этих словах мистер Джонатан оторвал заинтересованный взгляд от шахматной доски и, заложив руки за спину, обратился к старшим с таким видом, словно слова учителя были настолько абсурдны, что ему даже неловко их повторять.

— Мистер Твинделл, — сказал он, подавляя смешок, — думает, что

улицы на небесах сделаны из золота. Но, конечно же, этого не может быть.

— Почему не может? — спросил удивленный герцог.

— Потому что тогда они будут слишком раскаляться на летнем солнце и лошади обожгут копыта, — сказал Джонатан, пораженный недогадливостью деда.

Повернувшись к Дункану, Джонатан с надеждой спросил: — Сэр, а разве вы не находите идею о металлических улицах на небесах в высшей степени невозможной?

Дункан, которому сразу вспомнились аналогичные дебаты с Яном примерно в таком же возрасте, откинулся в кресле, и на лице его отразилось предвкушение удовольствия.

— Джонатан, — сказал он, радостно улыбаясь, — спроси у своего папы. Он стоит вон там, у балюстрады.

Мальчик согласно кивнул, на секунду задержался, чтобы шепнуть что-то на ухо герцогу, и убежал к отцу.

— Почему ты не ответил на его вопрос, Дункан? — любопытствовал герцог. — Описание рая как раз по твоей части.

Дункан иронично приподнял брови и отрицательно качнул головой.

— Когда Яну было шесть лет, — сухо сказал он, — он частенько вовлекал меня в теологические беседы вроде этой. И каждый раз я проигрывал. Должен сказать, меня это крайне расстраивало. — Подняв взгляд на маленького мальчика, который терпеливо ждал, когда отец его заметит, Дункан разомлевшим от счастья голосом произнес: — Как долго я ждал этого дня... Между прочим, а что это Джонатан сказал тебе на ухо?

Герцог покраснел.

— Он... он сказал, что если я не закроюсь слоном, то через четыре хода ты съешь мою королеву.

Взрыв смеха за шахматным столиком заставил Яна обернуться, и он заметил стоящего чуть позади Джонатана. Ян с улыбкой посмотрел на сына, который был зачат в ту снежную декабрьскую ночь, когда он приехал в свой шотландский дом и нашел там Элизабет.

— Похоже, у тебя есть ко мне какой-то вопрос. — Ян посмотрел на расстроенное лицо учителя, потом снова на сына и спросил: — Полагаю, у вас с мистером Твинделлом опять возникли расхождения? По какому вопросу на этот раз?

Джонатан вспыхнул и кивнул. Он знал, что отец никогда не будет ни шокирован, ни смущен его вопросами, а, наоборот, всегда поймет его и попытается ответить.

— Мы говорили о небесах, — снова начал объяснять Джонатан и,

закатив глаза в немом удивлении бестолковостью своего учителя, закончил тихим заговорщическим голосом: — Мистер Твинделл хочет, чтобы я поверил, будто улицы там сделаны из чистого золота. Ты можешь себе представить, — со смехом сказал мальчик, — какой температуры достигнет чистое золото, когда на него будет светить июльское солнце десять часов подряд? Да никто не захочет ходить по таким улицам!

— А что тебе сказал мистер Твинделл, когда ты заметил ему это? — спросил Ян, напустив на себя серьезный вид.

— Он сказал, что, возможно, у нас там не будет ног.

— Такой рай меня тоже не устраивает, — согласился Ян. — А какими тебе кажутся небеса?

— Не знаю. А что думаешь ты?

— У меня есть мнение на этот счет, но учти, это мое личное мнение, — предупредил Ян заинтригованного мальчика. Он обнял сына за плечи и кивком указал на сад. Словно почувствовав, что за ними наблюдают, Элизабет и Каролина одновременно посмотрели на террасу и, увидев Яна с Джонатаном, заулыбались и стали махать им руками.

— По-моему, — сказал Ян, глядя на двух зеленоглазых и золотоволосых фей, которые с любовью смотрели на них, — вот такими должны быть небеса. — Он обвел рукой сад.

— Но здесь нет ангелов, — заметил Джонатан.

— Я вижу как минимум двух, — тихо ответил его отец и, посмотрев на сына, с ухмылкой поправился: — нет, пожалуй, трех.

Мальчик медленно кивнул, продолжая о чем-то напряженно думать, потом повернулся к отцу:

Значит, ты думаешь, что небеса — это место, где человеку больше всего хочется быть, так?

— Я нахожу это весьма возможным.

— Я тоже, — согласился Джонатан после минутного размышления. Он повернулся, чтобы уйти, но увидел учителя, Дункана и деда, которые выжидательно смотрели в их направлении, и с беспомощной улыбкой снова повернулся к отцу. -

Они спросят меня, что ты сказал. И если я передам мистеру Твинделлу, что ты сравнил небеса с нашим садом, он будет очень разочарован. Видишь ли, он очень рассчитывает на золотые улицы, ангелов и крылатых коней.

— Хорошо, Джонатан, — сказал Ян, погладив сына по щеке, — в таком случае скажи ему, что наш сад — это почти небеса.